

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

СБОРНИКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ КОМИТЕТОМЪ ПО УСТРОЙСТВУ СЕВАСТОПОЛЬСКАГО МУЗЕЯ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ДУБРОВИНА.



ВЫПУСКЪ III.

ПОРТРЕТЫ:

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.
Графа Остенъ-Сакена.
Адмирала Новосильскаго.
Адмирала Панфилова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСП., № 39.
1872.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ
ИСТОРІИ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ
И
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Защитники чести Россіи и славы!
Вашъ подвигъ и древнихъ героевъ затмилъ:
Отъ васъ получили *четыре* державы
Лишь груды развалинъ! да груды могилъ!
Мы любимъ отчизну! но вы намъ явились
Примѣромъ высокой, священной любви!
Одиннадцать мѣсяцевъ слишкомъ вы бились
Подъ адскимъ огнемъ, утопая въ крови!
  Нѣтъ! въ жизни народовъ все можетъ случиться!
  Вновь силу событій извѣдаетъ свѣтъ,
  Но Крымское дѣло едваль повторится,
  Хоть Русь проживетъ за три тысячи лѣтъ!!
  Такъ тостъ нашъ за тѣхъ, *кто отъ бомбъ и отъ дыма*
  Отъ вылазокъ, штурмовъ остался въ живыхъ!
  За васъ, безпардонные витязи Крыма,
  Мы пьемъ какъ за кровныхъ, безцѣнныхъ родныхъ!

(Изъ стих. П. Григорьева, сказаннаго на обѣдѣ черноморскимъ героямъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АЛФАВИТЫ.



Лит. А. Беггрова.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СТАРШІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЧИНОВНИКА

О КРЫМСКОЙ ВОЙНѢ.

Недовѣрчиво и съ чувствомъ опасенія за свое спокойствіе встрѣчали мы, мирные жители Крыма, наступленіе въ 1854 году теплыхъ весеннихъ мѣсяцевъ. Мы знали, что англо-турецкій флотъ нетерпѣливо ждетъ установленія хорошихъ, ясныхъ дней, а съ ними свободнаго открытія морскаго пути, чтобы начать непріязненныя дѣйствія противу русскихъ черноморскихъ береговъ. Опасность въ этомъ отношеніи наиболѣе грозила Крыму, окруженному съ трехъ сторонъ водами Чернаго и Азовскаго морей, представляющему, по малозащитности своей, много выгодныхъ мѣстностей для враждебныхъ нападеній. При томъ для насъ не были тайною производившіяся на противоположномъ берегу, въ Варнѣ и Константинополѣ, дѣятельныя приготовленія къ высадкѣ союзныхъ войскъ въ русскихъ предѣлахъ. Но необъяснимою загадкою представлялся вопросъ, на какой именно мѣстности непріятель предположилъ осуществить свое гигантское предпріятіе, потому что, начиная отъ форта Св. Николая, на границахъ Азіятской Турціи, до крѣпости Измаила, лежащей у устья Дуная, весь русскій берегъ усѣянъ городами, крѣпостцами, мѣстечками и большими селеніями, со множествомъ глубокихъ заливовъ и бухтъ, удобныхъ для произведенія быстрой и неожиданной высадки войскъ. Не смотря на это, апрѣль, май и первая половина іюня мѣсяца миновали благополучно, и только

въ концѣ послѣдняго начались непріятельскія рекогносцировки крымскихъ и абхазскихъ береговъ, а также и устій Дуная; слышно стало, что въ стамбульскомъ адмиралтействѣ кипѣли работы къ устройству перевозныхъ *шаландъ*, а въ Варнѣ, у французскаго главнокомандующаго, весьма часто составлялись тайныя совѣщанія. Согласно иностраннымъ газетнымъ толкамъ, наперерывъ противорѣчившимъ одинъ другому, мнѣнія нашихъ симферопольскихъ политиковъ раздѣлялись на три главные оттѣнка; одни доказывали, что непріятель выброситъ свой дессантъ между Одессою и Аккерманомъ, лежащимъ у судоходной рѣки Днѣстра, чтобы, овладѣвъ этими значительными городами, явиться въ тылу нашей дунайской арміи и поставить ее между двухъ огней; другіе, опровергая это мнѣніе, указывали на кавказское береговое укрѣпленіе Редутъ-Кале, слабо защищенное со стороны моря, объясняя, также не безъ основанія, что Редутъ-Кале служитъ ключемъ ко входу въ Грузію и Имеретію, охраняемымъ на ту пору незначительнымъ отрядомъ русскихъ войскъ. Приверженцы того и другаго мнѣнія сходились, однако, въ томъ предположеніи, что Крымскій полуостровъ далекъ отъ опасности увидѣть на своихъ берегахъ защитниковъ «падающаго исламизма». Но третьи, къ которымъ принадлежало большинство городскаго общества, безъ большой увѣренности, но довольно убѣдительно говорили, что Крыму, болѣе чѣмъ всякому другому поморскому краю, слѣдуетъ ожидать непріязненныхъ нападеній, и что не мѣшаетъ жителямъ его быть наготовѣ къ внезапному выѣзду за черту Тавриды, ссылаясь при этомъ на возможность высадки союзниковъ у Эвпаторіи или Өеодосіи, приморскихъ городахъ, изъ которыхъ послѣдній славится своею бухтою, весьма выгодною для стоянки флотовъ въ самое бурное время, а первый могъ привлечь союзниковъ своимъ беззащитнымъ положеніемъ и близостію къ Севастополю. Конечно, изъ всѣхъ этихъ разсказовъ, доказательствъ и убѣжденій невозможно было извлечь ничего положительнаго, нельзя было проникнуть въ тайныя намѣренія непріятеля, и само правительство наше оставалось отчасти въ невѣдѣніи относительно плана предстоявшаго

непріятельскаго движенія, вслѣдствіе чего готовилось встрѣтить непріятеля на всѣхъ трехъ упомянутыхъ пунктахъ. Такъ, къ августу 1854 года, между Одессою и Николаевомъ, равномѣрно у Редутъ-Кале и его окрестностяхъ, собраны были довольно значительные отряды войскъ пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи; въ Крыму же, на пространствѣ шестидесяти двухъ верстъ отъ Симферополя къ Севастополю, находилось въ это время около двадцати пяти тысячъ человѣкъ, состоявшихъ изъ полковъ и резервныхъ баталіоновъ 5 и 6-го армейскихъ корпусовъ, нѣсколькихъ артиллерійскихъ батарей, двухъ казачьихъ и двухъ гусарскихъ полковъ. Въ промежуткѣ между Феодосіею и Керчью сосредоточенъ былъ десятитысячный отрядъ изъ Московскаго пѣхотнаго полка, кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ и Донскаго казачьяго полка съ артиллеріею.

Вступленіе этихъ войскъ изъ Россіи на южную сторону Крыма началось съ апрѣля мѣсяца 1854 года. Прибытіе полковъ и батарей одних за другими ободряло самыхъ трусливыхъ жителей полуострова, обращая овладѣвшее ими уныніе въ увѣренность въ собственной безопасности и даже въ чувство пренебреженія къ силамъ и храбрости непріятеля. Въ половинѣ августа, съ приближеніемъ равноденствія, оставалось уже немного мнительныхъ людей, допускавшихъ еще мысль, что опасность не вполнѣ миновала, что союзники могутъ рѣшиться и въ такую позднюю пору — въ виду приближавшихся осеннихъ непогодъ и бурь на Черномъ морѣ—высадиться на крымскомъ берегу. Такому самонадѣянному взгляду не мало содѣйствовало привившееся къ намъ отъ морскихъ офицеровъ изъ Севастополя ложное убѣжденіе, что высадка десанта въ большомъ размѣрѣ всегда сопряжена съ неодолимыми затрудненіями и препятствіями, и потребовалось бы, для исполненія ея, нѣсколько недѣль времени, въ продолженіе которыхъ, по первому извѣстію объ этомъ, могли бы подоспѣть въ Крымъ сильныя подкрѣпленія изъ-подъ Одессы и изъ Керчи. Опираясь на эту неосновательную мысль, такъ рѣзко опровергнутую послѣдствіями, мы перестали ожидать «нашествія иноплеменныхъ», и, предаваясь своимъ ежедневнымъ за-

нятіямъ, радушно встрѣчали приходившія въ нашъ край войска. Бородинскому, Тарутинскому, Углицкому, Егерскому Его Высочества Михаила Николаевича и другимъ полкамъ назначались по маршруту дневки въ Симферополѣ, и потому, мимолетно знакомясь съ своими будущими защитниками, мы, по чувству гостепріимства, заботились о доставленіи имъ удобствъ въ помѣщеніи и постоянно приглашали всѣхъ полковыхъ офицеровъ въ существовавшій въ Симферополѣ клубъ, иначе называемый *джеміэтомъ* (1), помѣщавшійся въ домѣ дворянскаго собранія. Утомленнымъ воинамъ представлялась, такимъ образомъ, возможность пріятно провести вечеръ и отдохнуть послѣ тяжкаго похода; въ этихъ собраніяхъ чтеніе газетъ, русскихъ и иностранныхъ журналовъ, игра въ карты и ужинъ служили развлеченіемъ обществу.

Продолжительнѣе другихъ полковъ гостилъ въ Симферополѣ гусарскій гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ, съ которымъ наше общество имѣло время болѣе сблизиться. Полкъ этотъ расположенъ былъ въ русскихъ деревняхъ, прилегающихъ къ Симферополю, отчасти въ Карасубазарѣ, отстоящемъ отъ Симферополя на разстояніи сорока верстъ. Близость расположенія гусаръ способствовала къ поддержанію и укрѣпленію этихъ дружелюбныхъ отношеній. Джеміэтъ ежедневно, съ семи часовъ вечера, наполнялся гусарами, которые, съ наступленіемъ сумерекъ, на своихъ телѣжкахъ, заложенныхъ тройкою или парою лихихъ скакуновъ съ бубенчиками, пріѣзжали изъ сосѣднихъ деревень, и вскорѣ домъ дворянскаго собранія дѣлался общимъ притономъ, гдѣ время проводилось весьма нескучно. Большинство офицеровъ, образованныхъ и любезныхъ молодыхъ людей, ознакомились съ семейными домами, и нѣкоторые изъ нихъ, въ теченіе пребыванія своего въ Симферополѣ, сосватались на нашихъ дѣвицахъ: понятно, почему многимъ изъ нихъ зачастую не хотѣлось оставлять гостепріимный уголокъ и возвращаться по службѣ на квартиры въ окрестности города; для нихъ изрѣдка давались особен-

(1) Татарское слово; по-русски—мужское собраніе.

ные вечера, гулянья и маленькіе балы, за которые гусары, въ свою очередь, устроили блестящій балъ, въ домѣ дворянскаго собранія, отличавшійся вкусомъ и великолѣпіемъ. Обширная зала собранія съ большимъ умѣньемъ и искусствомъ установлена была рѣдкими цвѣтами и растеніями и, блистательно освѣщенная, ослѣпляла глаза, и безъ того подвергавшіеся опасному испытанію присутствіемъ прекрасныхъ женщинъ. Хозяева бала расточали свою любезность всѣмъ безъ изъятія: дамы наши были особенно веселы, милы и разговорчивы; оркестръ прекрасной полковой музыки игралъ и лучше, и неутомимѣе... Никто въ то время не предчувствовалъ, что въ самомъ скоромъ времени разразится надъ нашими головами громоносная буря, и что мы, по выраженію Ламартина, танцуемъ на волканѣ....

Между тѣмъ какъ городское общество предавалось веселостямъ и развлеченіямъ, беззаботно помышляя о сосѣдствѣ въ Черномъ морѣ союзнаго флота, вечеромъ 31-го августа пришло къ намъ неожиданное извѣстіе, всѣхъ поразившее, что въ виду евпаторійскаго берега, лѣвѣе къ Севастополю, показалась громадная непріятельская флотилія, и что на судахъ замѣтенъ сильный дессантъ; извѣстіе было достовѣрное, не дававшее права сомнѣваться въ намѣреніи непріятеля высадиться на крымскомъ берегу. На другой день получено было офиціальное увѣдомленіе, что соединенныя эскадры англійская, французская и турецкая, съ сильнымъ дессантнымъ войскомъ, сопровождаемыя большимъ числомъ перевозныхъ судовъ, бросили якорь у Стараго Редута, между Эвпаторіею и устьемъ рѣчки Альмы; вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ получено было другое, сообщавшее, что непріятель обстрѣливаетъ берегъ и готовится къ высадкѣ. Прибрежные жители тѣхъ мѣстъ, гдѣ появилась непріятельская армада, именно крестьяне помѣщика *Ревеліоти* изъ имѣнія его Контуганъ, колонисты колоніи Булганакъ и нѣсколько семействъ татаръ изъ приморскихъ деревень, прибѣжавшія въ Симферополь, по большей части, пѣшкомъ, разсказали намъ, что число непріятельскихъ судовъ безчисленно, болѣе тысячи одниxъ вымпеловъ, между которыми весьма много пароходовъ страшныхъ размѣровъ;

что отъ кораблей, стоящихъ весьма близко отъ берега, переброшены на берегъ мосты и лѣстницы, по которымъ сходятъ войска на берегъ удобно, покойно и безъ затрудненій, и что непріятель привезъ съ собою лагерь, пушки и лошадей для кавалеріи. Всѣ эти разсказы, на половину правдоподобные, навели на обитателей Симферополя паническій страхъ, ибо въ то же время положительно стало извѣстно, что высадка начала производиться 2-го сентября. въ 20-ти верстахъ отъ устья рѣчки Булганака, противъ татарской деревни Тузлы, между Сакскимъ и Кизильярскимъ озерами, недалеко отъ Стараго Редута. Многіе жители потеряли голову и не знали что предпринять; другіе начали поспѣшно готовиться къ немедленному выѣзду изъ Крыма; третьи храбрились еще, съ голосу гусаръ, говоря, что союзниковъ разобьютъ на первыхъ же порахъ, какъ только замѣтятъ, что войска ихъ высадилось достаточно для того, чтобы имѣть съ ними дѣло, и что собственно потому наши не мѣшаютъ имъ окончить начатую ими операцію. Между тѣмъ, по распоряженію командовавшаго войсками въ Крыму, для наблюденія за дальнѣйшими движеніями непріятеля, выставлена была у занятой имъ мѣстности казачья цѣпь, отъ деревни Сакъ, у Эвпаторіи, до Бакчисарая, охранявшая окрестныя и сосѣднія деревни отъ непріятельскаго мародерства. 3-го сентября, изъ нашего главнаго штаба пришла пріятная, всѣхъ обрадовавшая вѣсть: что духъ нашихъ войскъ въ отличномъ состояніи и полки нетерпѣливо ждутъ приказанія помѣряться силами съ непріятелемъ. Нѣкоторые смѣльчаки изъ мирныхъ гражданъ города, побуждаемые любопытствомъ поближе увидѣть грозныхъ пришельцевъ, о которыхъ разсказывались чудеса, пользуясь темнотою ночи, пробирались верхомъ къ непріятельскому стану, и, присоединившись къ казачьимъ пикетамъ, оцѣплявшимъ мѣстность, на которой высаживался непріятель, высматривали его расположеніе. 4 числа, стоявшій лагеремъ у Симферополя Углицкій егерскій полкъ, съ артиллеріею при немъ, по приказанію, привезенному фельдъегеремъ изъ Севастополя, быстро снялъ свои палатки и направился по дорогѣ на Бакчиса-

рай, а гусарскому гроссъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полку было приказано каждую минуту ждать повелѣнія выступить въ походъ и идти въ дѣло; въ тотъ же день, поздно вечеромъ, потребованы были въ Бакчисарай четыре эскадрона этого полка, которые тотчасъ, часу въ одиннадцатомъ ночи, пронеслись на рысяхъ чрезъ Симферополь. Всѣ эти движенія усилили безпокойство городскихъ жителей; самые храбрые всполошились, стали помышлять о выѣздѣ изъ Крыма и озаботились пріисканіемъ подводъ и лошадей. Со страху начали поговаривать о томъ, что союзники непремѣнно двинутся прямо на Симферополь, остававшійся безъ войска, съ четырьмя ротами гарнизоннаго батальона, и, занявъ его, отрѣжутъ отъ всякаго сообщенія съ Россіею нашу немногочисленную армію, не обезпеченную еще въ то время ни продовольствіемъ, ни теплою одеждою. Въ особенности женщины придумывали всевозможныя противу Симферополя диверсіи со стороны непріятеля, и, своими безпрерывными опасеніями, страхомъ и преувеличенными толками о неистовствахъ турокъ и англичанъ, ослабляли бодрость и мужчинъ, вовсе отъ природы не робкихъ.

Въ пяти, шести верстахъ отъ Симферополя, вправо отъ почтовой бакчисарайской дороги, лежитъ небольшое татарское селеніе Бутке, славящееся во всемъ Крыму своимъ вкуснымъ ароматнымъ медомъ. Съ вершины горы, у подошвы которой расположена эта деревня, не смотря на двадцати-пяти-верстное разстояніе, отдѣлявшее ее отъ мѣста непріятельской высадки, весьма ясно можно было различить невооруженными глазами стоявшій у эвпаторійскаго берега союзный флотъ, дымъ, выходившій изъ пароходовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ вокругъ неподвижныхъ кораблей, а въ зрительныя трубы видны были и уголъ непріятельскаго стана съ бѣлыми палатками, раскинутыми правильною линіею, и движеніе людей на берегу. Жители деревни Бутке первые привезли въ Симферополь извѣстіе о возможности, не уѣзжая далеко изъ города, видѣть непріятельскіе корабли, войска союзниковъ и отчасти производившіяся ими работы. Слухъ объ этомъ открытіи прошелъ

мгновенно по всему городу, будто электрическая искра, и скоро все населеніе, не исключая старцевъ и дѣтей, въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ, направилось къ этой горѣ. Въ самомъ дѣлѣ, поднявшись на высоту ея, мы увидѣли, при ясномъ небѣ, черпѣвшуюся вдали у морскаго берега, сплошную массу кораблей съ густымъ лѣсомъ мачтъ, синеватый дымъ отъ пароходовъ и оконечность бѣлѣвшагося непріятельскаго лагеря. Зрѣлище это всѣхъ изумило, какъ будто до того никто не довѣрялъ вѣсти о близкомъ сосѣдствѣ незваныхъ гостей, и многіе, увидя ихъ такъ близко отъ города, пришли въ неописанный ужасъ. Долго мы не могли оторвать взоровъ своихъ отъ представлявшейся въ туманной дали картины: нѣкоторые простаивали на мѣстѣ по нѣскольку часовъ, наблюдая небывалое явленіе... Послѣ того ежедневно повторялись посѣщенія этой горы, и толпы любопытныхъ съ ранняго утра покрывали ея широкую вершину, привлекаемые отчасти и тѣмъ, что мимо этой горы безпрестанно проѣзжали русскія повозки и татарскія арбы, перевозившія пожитки уходившихъ и бѣжавшихъ булганакскихъ нѣмцевъ, отъ которыхъ узнавались свѣжія подробности о дальнѣйшихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ непріятеля. Само собою разумѣется, что большая часть колонистовъ, людей не храбраго десятка, разсказывали много чудеснаго о необыкновенныхъ средствахъ, которыя употребляли въ дѣло союзники для окончательнаго спуска на берегъ войскъ и всего потребнаго для нихъ. Дворовые люди изъ имѣнія Контуганъ, попавшіеся было въ плѣнъ при неожиданномъ появленіи союзниковъ, и вскорѣ выпущенные на свободу, принесли другаго рода вѣсти: они говорили, что союзники довольно обходительны, не прибѣгаютъ къ грабежамъ и разбоямъ, и съ плѣнными обращаются милостиво; что французскіе офицеры требовали не разъ отъ помѣщичьей экономіи разной домашней живности, за которую тотчасъ платили монетою, также брали столовый и чайный сервизы, и въ полученіи ихъ выдавали господской ключницѣ росписки. При этомъ сообщено было нѣсколько анекдотовъ о мародерахъ, которые ночью, безъ вѣдома своего начальства, отправлялись на поиски и обирали ближайшія села, нахо-

дившіяся въ районѣ расположенія ихъ арміи. Дѣйствительно, въ первые дни высадки показывались кое-гдѣ эти грабители, но наши сторожевые казаки не дремали, и, 4-го числа, ночью, захватили двухъ французскихъ молодцевъ: 6-го числа разнесся слухъ, что нѣсколько французскихъ солдатъ замѣчены были наканунѣ около деревни Чистенькой, находящейся отъ Симферополя въ семи верстахъ; но нелѣпость этой выдумки была въ тотъ же день обнаружена.

Между тѣмъ союзники, безпрепятственно высадивши на берегъ всю свою армію, не обезпокоиваемые съ нашей стороны ни однимъ выстрѣломъ и разсчитывая на сочувствіе къ нимъ крымскихъ татаръ, обнародовали къ симъ послѣднимъ прокламацію, въ которой, возбуждая жителей къ возстанію, приглашали ихъ присоединиться къ туркамъ и совокупно дѣйствовать со своими единовѣрцами, обѣщая имъ, по окончаніи кампаніи, различныя вознагражденія. Немногіе изъ туземцевъ увлеклись этими предложеніями, и изъ татаръ перешли на непріятельскую сторону преимущественно тѣ, которыхъ деревни находились вблизи приморскаго берега: при первомъ занятіи союзниками береговъ, нѣсколько селеній волею-неволею очутились въ предѣлахъ захваченнаго непріятелемъ участка и должны были, по необходимости, слѣдовать внушеніямъ и приказаніямъ союзниковъ.

Уже начиная съ 4-го числа сентября, мы каждый день ожидали, что князь *Меншиковъ* дастъ сраженіе. Хотя намъ было извѣстно, что крымскій отрядъ нашъ численностію былъ несравненно слабѣе непріятельскаго, но, довѣряя мужеству и стойкости нашего солдата, горѣвшаго, по слухамъ, желаніемъ сразиться съ врагомъ, большая часть изъ насъ разсчитывала на благопріятный исходъ всей кампаніи. 5-го числа стало извѣстно, что армія наша, оставивши небольшіе резервы въ Севастополѣ, двигается къ рѣкѣ Качѣ, и что съ минуты на минуту слѣдовало ожидать битвы.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, не дожидаясь открытія военныхъ дѣйствій и опасаясь за участь Симферополя, нѣ-

сколько почтенныхъ семействъ рѣшились оставить городъ, и 5 сентября, взявши съ собою только необходимое одѣяніе и наиболѣе дорогія вещи, выѣхали изъ Симферополя по направленію на Чонгарскій мостъ, такъ какъ дорога на Перекопъ, по занятіи непріятелемъ Эвпаторіи, не считалась уже совершенно безопасною. Отъѣзжали однѣ женщины, потому что мужчины, удерживаемые службою и различными обязанностями, не имѣли права отлучиться на долгое время. Покидая свои дома, имущество, въ нихъ заключавшееся, и родныхъ, отъѣзжавшія семьи таили въ душѣ весьма слабую надежду возвратиться когда-либо въ Крымъ и мало довѣряли нашимъ убѣжденіямъ, что, съ Божіею помощію, судьба снова приведетъ ихъ въ оставляемый край. Въ домѣ нашемъ, послѣ выѣзда родныхъ, осталась, вмѣстѣ со мною, престарѣлая 75-лѣтняя бабушка, которая, по слабости силъ, не могла не только отправиться въ путь, но и перейти, безъ посторонней помощи, изъ одной комнаты въ другую. Она ни сколько не пугалась предстоявшей опасности, но, какъ истая гречанка по происхожденію, бѣжавшая еще ребенкомъ съ отцемъ своимъ съ острововъ Архипелага, питала къ туркамъ фанатическую ненависть, не ослабляющуюся и съ годами. Она сильно скорбѣла сердцемъ, что «нечестивые», какъ она называла турокъ, оскорбили русскую землю своимъ присутствіемъ въ Крыму.

День 6 сентября прошелъ довольно спокойно въ томъ смыслѣ, что не произошло въ городѣ ничего особеннаго, чрезвычайнаго; только изъ главной квартиры привезено было извѣстіе, что наши укрѣпляютъ позицію и готовятся къ битвѣ. Замѣчали мы съ Буткинской горы, что и непріятель сильно хлопоталъ въ своемъ лагерѣ, и особенная дѣятельность замѣчалась у него на берегу. Вечеромъ того дня, небольшое общество нашей молодежи, вмѣстѣ съ нѣсколькими пріѣзжими офицерами, находилось въ джеміэтѣ, гдѣ, послѣ разсужденій о будущности открывавшейся войны, мы, по обыкновенію, засѣли за зеленые столы. Часовъ въ 12 отъ картъ мы перешли къ ужину; разсказы о событіяхъ, только-что совершившихся и готовившихся въ

будущемъ, были единственнымъ предметомъ нашей бесѣды. Живо помню я пророческія слова ротмистра *Хитрово*, который, держа бокалъ шампанскаго въ рукѣ, весело замѣтилъ намъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ начинающейся войны, онъ не выйдетъ живымъ изъ нашей, полюбившейся ему, стороны. Храбрый воинъ—онъ не ошибся въ своемъ предсказаніи! 13-го октября, въ дѣлѣ подъ Балаклавою, увлеченный пылкостію характера и желая подать личный примѣръ своему эскадрону, нѣсколько пошатнувшемуся, онъ занесся въ среду англійскихъ драгунъ, раскроилъ на части двухъ непріятельскихъ кавалеристовъ и самъ былъ изрубленъ въ куски.

Едва мы поднялись изъ-за шумнаго ужина, явился къ офицерамъ нарочный отъ командира гусарскаго полка, съ приказаніемъ немедленно выступить въ походъ къ Бакчисараю. Печально мы разстались съ нашими друзьями, а *Хитрово*, откланиваясь намъ въ послѣдній разъ, шутилъ и острилъ надъ своею судьбою. Вслѣдъ за уходомъ ихъ и мы всѣ разбрелись по домамъ, съ грустью въ сердцѣ, размышляя о грядущемъ...

7-го сентября утро прошло безъ происшествій; только въ 4-мъ или 5-мъ часу пополудни были услышаны нами рѣдкіе, раздававшіеся со стороны устья Альмы пушечные выстрѣлы; мы поняли, что завязывалась если не битва, то, по крайней мѣрѣ, перестрѣлка съ передовыми отрядами: сердца наши сильно забились, грудь наполнилась какою-то неизъяснимою тревогою и какое-то темное предчувствіе печальной катастрофы невольно закралось въ нашу душу.

Вечеромъ того же дня мы уже знали, что наша армія стоитъ на высотахъ по лѣвую сторону рѣчки Альмы, а непріятель придвинулся къ правому ея берегу и расположился у деревни Бурлюкъ; что въ 4-мъ часу завязывалась незначительная перестрѣлка между нашимъ авангардомъ, производившимъ рекогносцировку, и непріятельскими аванпостами, оставшаяся безъ послѣдствій, и что на завтрашній день назначено рѣшительное сраженіе.

Волнуясь новыми, неиспытанными дотолѣ чувствами, томимые желаніемъ видѣть вблизи мѣсто расположенія

нашей и непріятельской арміи, и, если случай представится, взглянуть на самую битву, нѣкоторые изъ насъ, въ числѣ семи человѣкъ, условились на слѣдующее утро, въ семь часовъ, собраться къ общему знакомому, капитану *Крепишу*, и отъ него верхомъ отправиться въ лагерь русскихъ войскъ, отстоявшій, по нашему соображенію, въ тридцати верстахъ отъ Симферополя. День 8 сентября былъ праздничный, и мы могли свободно имъ располагать.

Принявъ это намѣреніе, мы заранѣе разсчитали, что, выѣхавши раннимъ утромъ, мы въ тотъ же день вечеромъ могли бы воротиться домой, употребивъ на оба пути, туда и обратно, семь, восемь часовъ, а остальное время—пору полуденнаго зноя — провести въ кругу знакомыхъ офицеровъ.

На слѣдующее утро никто къ семи часамъ не поспѣлъ: едва собрались къ девяти, а выѣхали въ началѣ десятаго часа. Солнце грѣло сильно, задувалъ легонькій вѣтерокъ, и на небѣ не показывалось ни одного облачка. Собравшись второпяхъ, подъ вліяніемъ ожидавшихъ насъ впереди впечатлѣній, мы не позаботились достаточно запастись съѣстными припасами, а ограничились двумя хлѣбами, бутылкою вина и кускомъ ветчины. Весело и шумно оставили городъ: лошади у насъ были сытыя, свѣжія и чуть не танцовали подъ нами. Общество наше составляли: три офицера дѣвичихъ, три чиновника и одинъ крымскій помѣщикъ; пятеро изъ насъ вооружены были охотничьими ружьями, и изъ нихъ одинъ навѣсилъ на себя турецкій ятаганъ,-много стѣснявшій его въ дорогѣ, а двое безоружные. Направленіе нашего пути лежало мимо деревни Бутке, черезъ татарское селеніе Карачъ, на деревню Бурлюкъ. Мы ѣхали по большей части хорошею рысью, но не гнали лошадей, даже на первыхъ порахъ умѣряли ихъ ретивость, имѣя въ виду, что имъ предстояло совершить 70-ти-верстный путь въ теченіе одного дня, и разсчитывая на сохраненіе себя отъ египетскаго жара, который къ полудню началъ насъ сильно утомлять. Проѣхавши около 15 верстъ, мы сдѣлали привалъ, дали лошадямъ полчаса времени отдохнуть, а сами принялись за взятую нами съ собою убогую закуску. Отъ движенія и

тряски на сѣдлѣ, аппетитъ у насъ развился несоразмѣрно количеству взятыхъ припасовъ, и въ пять минутъ все было уничтожено, а мы только на половину насытились. Тѣмъ бодрѣе взобрались мы снова на коней и поѣхали далѣе. Изрѣдка по дорогѣ встрѣчались намъ пѣшіе и конные татары, у которыхъ мы распрашивали о положеніи нашей и непріятельской арміи, хотя и были увѣрены, что отъ нихъ не узнаемъ ничего опредѣлительнаго; вылетали, почти изъ подъ ногъ лошадей, перепела, стрепета и дикіе голуби, на которыхъ мы не обращали вниманія, не смотря на то, что между нами были два страстные охотника. Былъ уже первый часъ на исходѣ, когда мы приблизились къ одной татарской деревушкѣ, названія которой не припомню, расположенной на правомъ берегу Альмы, верстахъ въ десяти выше устья ея. Здѣсь неожиданно услышали мы пушечные выстрѣлы, раздавшіеся довольно явственно; встрѣтившійся намъ отставной штабъ-ротмистръ *Али-Бей-Хункальевъ*, мой старый знакомый, объявилъ намъ, что онъ только-что былъ вблизи Бурлюка, гдѣ, повидимому, завязывается серьезное дѣло; что съ горныхъ вершинъ онъ видѣлъ большія приготовленія и усиленное передвиженіе войскъ съ обѣихъ сторонъ. На вопросъ: какъ далеко находимся мы отъ нашего праваго фланга, онъ отвѣчалъ, что все войско наше расположено по лѣвую сторону Алмы, и что мы отъ него въ семи, восьми верстахъ. При этомъ онъ замѣтилъ намъ, для предосторожности, что вчера съ вечера становой приставъ объѣзжалъ всѣ деревни и экономіи, ближайшія къ мѣстамъ расположенія войскъ нашихъ, и приказалъ, отъ имени высшаго начальства, чтобы на утро 8-го сентября никто не показывался на вершинахъ горъ, изъ опасенія ввести нашихъ *военачальниковъ* въ заблужденіе относительно движеній непріятеля....

Между тѣмъ пушечные выстрѣлы начали раздаваться учащеннѣе; пальба отдавалась такъ звучно, какъ бы надъ самымъ ухомъ; мы рѣшили поспѣшить впередъ версты на три, на четыре, и, отыскавши какое-нибудь возвышеніе, съ вершины его наблюдать за ходомъ битвы. Вслѣдствіе этого, простившись съ *Али-беемъ* и обѣщая, по приглашенію его,

заѣхать къ нему часа черезъ два, три, на возвратномъ пути въ Симферополь, поѣхали далѣе, по направленію усилившихся выстрѣловъ. Намъ предстояло переѣхать Альму, которая въ это время года едва-едва струила по камнямъ свои свѣтлыя воды. Напоивши лошадей, уставшихъ отъ сильнаго жара и долговременной ѣзды, мы оставили за собою рѣку и торопливо начали взбираться на возвышавшіяся у берега высокія горы. Достигнувъ первой вершины, мы остановились, потому что въ туманѣ и подымавшемся отъ выстрѣловъ дыму завидѣли движущіяся массы войскъ, какихъ именно, мы не могли различить; потому, чтобы лучше разглядѣть картину, представлявшуюся намъ въ весьма неясномъ очертаніи, мы обратились къ подзорнымъ трубамъ, которыя мало помогли: густота воздуха и пороховой дымъ мѣшали намъ явственно разсмотрѣть предметы, и потому мы положили еще разъ податься впередъ на слѣдующую возвышенность, но далѣе не пускаться, во-первыхъ, чтобы не попасть въ бѣду, а во-вторыхъ, чтобы успѣть во-время возвратиться домой. Забывши усталость и томившій насъ голодъ, мы переѣхали на другую гору, съ вершины которой довольно ясно усмотрѣли движенія и переходы колоннъ, но все-таки не могли въ туманѣ отличить нашихъ войскъ отъ непріятельскихъ. По предположенію, мы находились верстахъ въ четырехъ отъ мѣста сраженія, а было уже около трехъ часовъ пополудни. Поэтому, послѣ получасоваго наблюденія, кто-то изъ насъ напомнилъ, что время возвращаться домой, и что было бы не благоразумно отыскивать теперь знакомые полки; всѣ товарищи тотчасъ согласились съ нимъ; но я не удовольствовался тѣмъ, что видѣлъ вдали и въ такомъ темномъ очеркѣ; признаюсь, мнѣ страхъ хотѣлось взглянуть на битву, поближе увидѣть самый ходъ сраженія, узнать, наконецъ, чѣмъ оно кончится, и я возсталъ противъ высказаннаго предложенія возвратиться въ Симферополь, убѣждая всѣхъ еще немного податься впередъ. Я представлялъ товарищамъ, что не стоило ѣхать въ такую даль, подвергать себя абиссинскому жару, изнурять и томить себя голодомъ, мучить лошадей, изъ-за того только, чтобы, за три версты,

посмотрѣть на происходившую битву и ничего не увидѣть; что, во всякомъ случаѣ, все равно, возвратиться ли домой къ 7 часамъ или къ 10 вечера, а въ послѣднемъ случаѣ представлялась и та выгода, что сумерками ѣхать гораздо прохладнѣе. Видно, убѣжденія мои были недовольно сильны, только никто не соглашался продолжать дальнѣйшее путешествіе на встрѣчу опасности. И потому я, прощаясь съ ними, объявилъ, что рѣшаюсь ѣхать одинъ, и ни въ какомъ случаѣ не откажусь отъ представлявшагося случая быть свидѣтелемъ большаго сраженія. Отъѣхавши небольшое пространство, я услышалъ, что меня зовутъ; оглядываюсь и вижу: одинъ изъ нашихъ товарищей, В. Ѳ. *Келлеръ*, отдѣляется отъ прочихъ и машетъ мнѣ рукою; издали кричитъ, что и онъ готовъ сопутствовать мнѣ! Это меня крайне обрадовало, тѣмъ болѣе, что въ сообществѣ съ товарищемъ всегда веселѣе ѣхать.

Спустившись легкою рысью подъ гору, мы бодро взобрались на другую возвышенность, съ которой, намъ казалось, мы должны были близко увидѣть совершавшееся кровавое событіе; но мы ошиблись: съ площадки, на которой мы стояли, намъ вовсе не было видно самаго мѣста битвы, заслоненнаго отъ насъ громадною цѣпью горнаго хребта, а по сторонамъ, вправо и влѣво, замѣтили мы горѣвшіе вдали стоги и скирды сѣна, хлѣба и соломы, зажженные нашими казаками, густой дымъ, подымавшійся отъ этихъ пожаровъ, скачущихъ кое-гдѣ въ полѣ всадниковъ, преимущественно татаръ; все это представляло весьма интересную картину, поразительную во всякое другое время; но теперь это не могло насъ занять: выстрѣлы слышались очень близко, хотя нѣсколько рѣже, и мы, забывъ осторожность и благоразуміе, подвигались впередъ болѣе и болѣе. Незамѣтно мелькнуло передъ нами двухверстное пространство, поднялись мы на небольшое возвышеніе, съ котораго, если и не видѣли еще поля сраженія, то весьма ясно слышали пушечную пальбу и ружейные выстрѣлы, гулъ людскихъ голосовъ, крики сражающихся, между которыми изрѣдка слышался повелительный голосъ команды. Тутъ мы пріостановились и начали совѣщаться: подви-

нуться ли намъ еще впередъ, или же поворотить лошадей въ обратный путь. Послѣ короткаго спора, принявши во вниманіе, что кони наши были изнурены до послѣдней крайности семичасовою, безпрестанною ѣздою по горамъ и оврагамъ, и наше собственное тѣло чувствовало большую потребность въ отдыхѣ, мы рѣшили пробраться къ нашей арміи, и тамъ остаться на нѣсколько времени. Пробывши часа два въ лагерѣ — такъ разсчитывали мы — и узнавши подробности объ исходѣ битвы, мы, съ наступленіемъ сумерекъ, могли бы начать наше обратное возвращеніе. Положивши такое опредѣленіе, мы пріударили лошадей, миновали небольшую лощину, и смѣлыми всадниками взъѣхали на стоявшую на пути новую плоскую возвышенность....

Изумленія нашего нельзя передать словами: мы остолбенѣли и нѣсколько минутъ не знали, что намъ предпринять! Мы находились во ста, менѣе чѣмъ во ста шагахъ отъ непріятельскаго авангарда! Красные мундиры и нерусская рѣчь, внятно долетавшая къ намъ, не позволяли въ этомъ сомнѣваться: мы были такъ близко отъ англичанъ, что могли видѣть ихъ физіономіи, слѣдить за ихъ движеніями, различать ихъ голоса. Озадаченные нашимъ положеніемъ, пораженные неожиданностію, мы устремили взоры на враговъ, которые радостно шумѣли, кричали, употребляли энергическія тѣлодвиженія, раздавали приказанія; нѣсколько непріятельскихъ солдатъ, замѣтивъ у себя во флангѣ двухъ скромныхъ всадниковъ, пристально посмотрѣли-было на насъ, придвинулись къ намъ на нѣсколько шаговъ, но потомъ, принявши насъ, вѣроятно по костюму, за своихъ союзниковъ, мирныхъ искателей приключеній, прибывшихъ съ ними на корабляхъ, прекратили свои наблюденія и, къ счастію нашему, не обратили на насъ особеннаго вниманія. Тутъ мы очнулись и ясно поняли свою ошибку, грозившую намъ плѣномъ и другими бѣдствіями: тихо замѣтили другъ другу, что попали въ бѣду, наткнувшись на непріятеля; потомъ быстро поворотили лошадей и, усердно пріударивъ ихъ плетью, рысью и галопомъ спустились подъ гору. Уходя вспять поспѣшно, мы имѣли въ

виду тотчасъ скрыться отъ взоровъ врага: однако же торопливость, съ которою мы поворотили лошадей, и живость, съ которою подогнали ихъ, едва не стоила жизни одному изъ насъ: это движеніе обратило на насъ вниманіе какого-то отчаяннаго англичанина, который, не задумываясь, выстрѣлилъ по насъ изъ ружья: пуля просвистала мимо ушей *Келлера*, къ великому счастію его, пролетѣвъ мимо. Повторенія выстрѣла не послѣдовало, ибо мы находились уже подъ горою, внѣ непріятельскаго наблюденія, а погони за нами, благодаря Бога, также не было.

Спустившись въ широкую долину, раздѣляющую два хребта значительныхъ горныхъ подъятій, и потерявъ изъ виду непріятельскій отрядъ, отъ котораго мы такъ удачно отдѣлались, мы заторопили нашихъ коней и, проѣхавъ полверсты, увидѣли, къ несказанной нашей радости, на противоположной горѣ казачій полкъ, медленно, шагъ за шагомъ, отступавшій по направленію къ Качѣ; теперь мы могли считать себя спасенными и отъ пули, и отъ плѣна. Въ самой долинѣ наѣхали мы на раненаго солдата, который въ безпамятствѣ лежалъ на травѣ; чувство жалости и горячее желаніе помочь ближнему сильно заговорило въ нашемъ сердцѣ: мы сошли съ лошадей, привели раненаго въ чувство, и, предлагая ему свою помощь, убѣждали послѣдовать за нами; но несчастный солдатъ, принявшій насъ, какъ мнѣ кажется, за иностранцевъ, пришедшихъ доконать его, изумленными очами посмотрѣлъ вокругъ себя, ничего не отвѣчалъ и снова прилегъ на землю; мы опять его расталкали, стали увѣрять, что мы русскіе, и рады помочь ему. Наши слова видимо оживили его; онъ отвѣчалъ намъ, что сильно раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости повыше колѣна, и потому не можетъ воспользоваться нашею помощію, опасаясь потревожить рану, только что имъ перевязанную.

— Богъ дастъ, ночью, поотдохнувши, доберусь до своихъ, сказалъ онъ въ заключеніе: буду опираться на ружье, и какъ-нибудь приплетусь.

Спорить съ нимъ было некогда, тѣмъ болѣе, что мы сами могли опасаться погони, отъѣхавши не болѣе версты

отъ непріятеля. Скоро мы присоединились къ казакамъ, поздравили себя съ счастливымъ избавленіемъ отъ несчастія, и, подъѣхавши къ сѣдовласому есаулу, командовавшему отступавшимъ отрядомъ казаковъ, нетерпѣливо спросили его, каково было дѣло и чья сторона одолѣла? Неохотно и съ худоскрываемою грустію отвѣчалъ намъ офицеръ, что съ обѣихъ сторонъ дрались храбро, отчаянно, что съ обѣихъ сторонъ пало много людей; но какъ у непріятеля былъ большой перевѣсъ въ числительности арміи, втрое больше нашей, то наши военачальники сочли необходимымъ уступить союзникамъ поле сраженія. Не удовольствовавшись этимъ поверхностнымъ объясненіемъ, мы добивались бо̀льшихъ подробностей; хотѣлось намъ узнать что-нибудь пріятное, радостное для сердца русскаго, но не успѣли въ этомъ, изъ чего и вывели печальную догадку, что сегодняшнее дѣло было не совсѣмъ удачно для нашего оружія. Разсказавши, съ своей стороны, почтенному есаулу, какими судьбами попали мы сюда, мы обратились къ нему съ просьбою указать намъ мѣсто гдѣ должны находиться гусарскіе эскадроны, которые мы такъ долго и такъ тщетно отыскивали, но и на этотъ вопросъ не получили положительныхъ свѣдѣній. Поэтому мы рѣшились слѣдовать за казачьимъ полкомъ, отступавшимъ къ рѣчкѣ Качѣ, а оттуда переѣхать въ тотъ же вечеръ въ Бакчисарай.

Казаки двигались медленно и въ полномъ порядкѣ; измученные верховою ѣздой, мы имѣли возможность сойдти съ лошадей и слѣдовать пѣшкомъ. На каждомъ шагу попадались намъ раненые солдаты наши: одни тащились, съ помощью ружья, вслѣдъ за казаками, не смотря на тяжкія свои раны; другіе лежали въ изнеможеніи на окровавленной землѣ; третьи, пройдя небольшое пространство, падали за-мертво и многіе умирали. Зрѣлище было ужасное, поразительное, отъ котораго слабому нервами человѣку легко было помѣшаться; изувѣченные, изуродованные, облитые съ ногъ до головы кровью, чтобы только не попасть въ руки къ непріятелю, ползли — кто какъ могъ — издавая страшные, раздирающіе душу вопли; крики о помощи надрывали душу; больше всего раздавались трогательныя мо-

ленія о водѣ, а воды нигдѣ по близости нельзя было достать. Перевязочныхъ пунктовъ также нигдѣ не отыскали; не было въ отрядѣ ни одного доктора, ни одного фельдшера, ни одной телеги для перевозки тяжело раненыхъ: послѣдніе сами перевязывали чѣмъ попало свои свѣжія раны, но не могли остановить воспаленій, быстро у нихъ развивавшихся. Страшно, невыносимо больно было смотрѣть на солдатъ, раненыхъ въ голову, изъ которой кровь била, какъ изъ фонтана; они разрывали на себѣ рубахи, обрывали полы своихъ шинелей, чтобы какъ-нибудь обвязать голову; лица ихъ были искажены страданіями, покрыты, какъ корою, темно-красною запекшеюся кровью; нѣкоторые носили по шести и семи ранъ во всѣхъ частяхъ тѣла, по большей части отъ штуцерныхъ пуль, и все это двигалось вмѣстѣ съ нами, сопровождая каждый шагъ неистовыми стонами, оставляя за собою непрерывные кровавые слѣды. Нельзя было достаточно надивиться терпѣнію и твердости воли нашихъ солдатъ; они дѣлали неимовѣрныя усилія, переносили неизобразимыя страданія; одинъ изъ нихъ съ раздробленною ногою, болтавшеюся по произволу, шелъ довольно бодро, опираясь на ружье, замѣнившее ему на этотъ разъ костыль; другой, также съ помощію ружья, подвигался на пяткахъ, такъ какъ у него черезъ обѣ ступни, у пальцевъ, прошли штуцерныя пули, пробившія на вылетъ и подошву сапога. Замѣчательно, что ни одинъ солдатъ не бросалъ ружья: на пространствѣ проходимой нами мѣстности валялись тесаки, ранцы, башлыки, изорванные мундиры и другія принадлежности одежды, которыя сбрасывались ранеными при начинавшемся воспаленіи ранъ, но покинутаго ружья не попадалось. Горестныя сцены неразрывною цѣпью проходили предъ глазами и казались невѣроятнымъ сномъ. Я помню, на одномъ оборванномъ и окровавленномъ кускѣ сукна, составлявшемъ часть солдатскихъ панталонъ, лежала маленькая красивая собаченка и жалобно выла; мы подзывали ее, намѣреваясь взять съ собою, но она ласково завиляла хвостомъ и не тронулась съ мѣста: видно, сторожила хозяйскую вещь, которую она безпрестанно лизала. Лошадей нашихъ мы предоставили

въ распоряженіе раненымъ, которыхъ бережно сажали на сѣдла; по убѣжденіямъ нашимъ, нѣкоторые казаки послѣдовали нашему примѣру, и вскорѣ лошадей двѣнадцать везли на себѣ инвалидовъ; на своихъ коней мы сажали впослѣдствіи и по-двое раненыхъ. Большое затрудненіе представлялось намъ при посадкѣ больныхъ на сѣдла; со всею осторожностію, чтобы не потревожить ранъ, мы должны были поднимать ихъ на руки и усаживать на коней; при этомъ поднимались ужасающіе вопли, отъ которыхъ волосы дыбомъ на головѣ поднимались, вопли, заставлявшія насъ нерѣдко отказываться отъ намѣренія. Часто случалось, что раненый, проѣхавшій версту или менѣе версты, просилъ поскорѣе снять его съ сѣдла и положить на землю, говоря, что мученія отъ ѣзды становятся для него невыносимы; тогда казаки снимали его съ сѣдла и тщательно сваливали на траву. Лишь только одна изъ нашихъ или казачьихъ лошадей освобождалась отъ своей ноши, другіе раненые тотчасъ приступали къ намъ съ самыми убѣдительными просьбами посадить ихъ на лошадь. Многіе казаки помогали намъ во всѣхъ сихъ случаяхъ, и съ особеннымъ усердіемъ хлопотали о своихъ изувѣченныхъ товарищахъ; но много и много раненыхъ, не имѣвшихъ силъ и возможности слѣдовать за войскомъ, остались на полѣ безъ всякой помощи и попеченія, брошенные на произволъ судьбы, и только черезъ пять или шесть дней послѣ того, какъ непріятельская армія перешла на южную сторону Севастополя, мѣстное начальство распорядилось объ отысканіи этихъ несчастныхъ воиновъ; изъ нихъ нѣкоторые найдены были еще живыми, но въ страшномъ положеніи; все это время, томимые голодомъ и жаждою, они питались травою, корнями растеній и даже землею; отъ такой пищи желудокъ ихъ потерялъ свою естественную способность, и большая часть изъ нихъ, перевезенные въ симферопольскій госпиталь, вскорѣ умирали антоновымъ огнемъ и затвердѣніемъ кишекъ.

Между солдатами найденъ былъ тогда храбрый молодой капитанъ Г., доставленный въ Симферополь въ отчаянномъ положеніи. Его положили въ домѣ г. С—каго, заранѣе

назначенномъ для раненыхъ, подавали ему всевозможныя медицинскія пособія, наблюдали за нимъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, но, не смотря на старанія докторовъ и вниманіе учителей гимназіи, принявшихъ на себя заботу о попеченіи за ранеными въ этой больницѣ, капитанъ Г. скончался чрезъ недѣлю. Я навѣщалъ его ежедневно. Бывало, входя въ его комнату, я поклонюсь ему и спрошу о здоровьѣ: онъ движеніемъ глазъ, потерявшихъ уже блескъ и силу, какъ будто разсказывалъ мнѣ свои страданія и тихо, едва слышно произносилъ: «худо».

Съ каждымъ шагомъ впередъ увеличивалось число раненыхъ, десятками сходившихся съ разныхъ сторонъ, и раздирающія душу картины стали повторяться еще чаще. Одинъ разъ, когда на моей лошади держался раненый старый воинъ съ георгіевскимъ крестомъ и медалью за венгерскую кампанію, другой солдатъ, также окалѣченный, валявшійся на травѣ, неистово закричалъ мнѣ: «Ваше благородіе, посадите меня на лошадь; тотъ солдатъ, что сидитъ на конѣ, можетъ самъ тащиться, а у меня нѣтъ руки и нога въ трехъ мѣстахъ перебита; помогите, батюшка!» Чувство эгоизма и самосохраненія, вынужденное только неслыханными страданіями, заговорило въ немъ. Я остановился; но увидѣвъ обезображенное тѣло несчастнаго, невольно отворотился отъ него, изумившись тому какъ могъ онъ оставаться живымъ при такихъ тяжкихъ ранахъ, и затѣмъ спросилъ сидѣвшаго на моей лошади раненаго солдата, не уступитъ-ли онъ мѣста товарищу, болѣе нуждавшемуся въ помощи; но тотъ, застонавъ, съ воплемъ сталъ увѣрять меня, что у него самого пять ранъ, что обѣ ноги прострѣлены, и что если я его брошу, то онъ долженъ будетъ умереть въ полѣ; опасеніе съ его стороны, чтобы я силою не заставилъ его сойти съ лошади, было такъ велико, что для убѣжденія меня въ истинѣ словъ своихъ, онъ открылъ полу шинели и показалъ мнѣ сначала правую ногу, разбитую выше колѣна, плохо перевязанную тряпичкою, изъ-подъ которой струилась алая кровь, потомъ готовился показать и лѣвую, прострѣленную въ ступнѣ на вылетъ. Но остановивши его на этомъ,

я поспѣшилъ объяснить ему, что лошадь моя въ его распоряженіи до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не пожелаетъ оставить ее, и въ то же время обратился къ ѣхавшему возлѣ меня казаку, упрашивая его на время уступить несчастному свою лошадь. Сначала казакъ колебался, замѣтивши что «всѣхъ, ваше благородіе, не подберемъ»; но потомъ убѣжденный моими и товарища моего неотступными просьбами, онъ сошелъ съ коня и согласился посадить на него полумертваго солдата: великаго труда стоило намъ положить его на лошадь; солдатъ долго крѣпился и не кричалъ; но наконецъ не выдержалъ, закричалъ какъ сумасшедшій, требуя поскорѣе снять его съ лошади и положить опять на землю. Мы исполнили его просьбу, простились съ нимъ и поѣхали далѣе...

Между тѣмъ наступили сумерки и затѣмъ чудный сентябрскій вечеръ; подулъ легкій вѣтерокъ и повѣяло отрадною прохладою; лошади наши ожили и пошли бодрѣе. Потерявши надежду отыскать какой-либо перевязочный пунктъ и встрѣтить лѣкаря или фельдшера, мы успокоивали нашихъ страдальцевъ, обнадеживая, что скоро скоро доберемся до татарской деревни, въ который найдемъ въ изобиліи воду и мѣсто для ночнаго успокоенія. Подъѣхавшій къ намъ казачій офицеръ спрашивалъ насъ, не знаемъ ли мы ближайшей дороги на Качу, и не можемъ ли служить отряду проводниками? Хорошо зная эти мѣста, я отвѣчалъ, что проселочная дорога, по которой мы проходили, самая прямая, ведетъ въ деревню Калымтай, лежащую на Качѣ, отъ которой сѣверная сторона Севастополя въ 15-ти верстахъ. Офицеръ поблагодарилъ меня, замѣтивши, что его полкъ недавно еще прибылъ въ Крымъ и не успѣлъ достаточно ознакомиться съ мѣстностію этой стороны.

Медленно подвигались мы впередъ, распрашивая солдатъ Московскаго, Владимірскаго, Углицкаго и другихъ полковъ объ участіи, какое каждый изъ нихъ принималъ въ битвѣ. Отъ всѣхъ получали одинъ отвѣтъ, что дрались храбро, но непріятель одолѣлъ, потому что втрое сильнѣе нашего и билъ все штуцерами, которые не допускали на-

шихъ подойти къ нимъ поближе и ударить въ штыки? Больно намъ было слушать такіе печальные отзывы: не довѣряя однимъ, мы обращались къ другимъ съ вопросами, много ли нашихъ убито и меньше ли потерялъ непріятель, но и тутъ въ одинъ голосъ говорили солдаты, что и у насъ и у союзниковъ много войска перебито, но что намъ трудно драться съ такимъ страшнымъ непріятелемъ, хотя и ему не мало досталось отъ нашихъ ядеръ, пуль и картечи.

Спутникъ мой *Келлеръ* имѣлъ при себѣ небольшой запасъ табаку и папиросной бумаги. Зная, что многіе солдаты пристрастны къ куренію, онъ свертывалъ папиросы и давалъ ихъ курить раненымъ; послѣдніе несказанно радовались возможности затянуться, съ наслажденіемъ втягивали въ себя ароматный дымъ и увѣряли, что табакъ утоляетъ жажду и умѣряетъ боль. Между тѣмъ сидѣвшіе на лошадяхъ нашихъ раненые нѣсколько разъ смѣнялись, ибо немногіе могли высиживать на сѣдѣ болѣе четверти часа. Версты за четыре отъ деревни я посадилъ на коня сильно раненаго въ голову молодаго солдата Минскаго полка; не смотря на то, что кровь струилась еще изъ разбитой его головы, что должно было лишать его физическихъ силъ, онъ не выпускалъ ружья изъ рукъ и въ то время, когда сидѣлъ на лошади, я замѣтилъ ему, что ружье мѣшаетъ ему хорошо держаться на сѣдлѣ и что необходимо оставить эту ношу, которую задніе казаки подимутъ непремѣнно.

— Нѣтъ, ваше благородіе, отвѣчалъ солдатъ, орудію не слѣдуетъ бросать; я съ нимъ походы дѣлалъ, и бьетъ оно хорошо.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, чтобы облегчить тебя отъ тяжести, я самъ готовъ нести твое ружье.

— Много благодаренъ вашей милости, возразилъ онъ; вы не привычны къ этому, а мнѣ не тяжело его держать.

Изъ словъ упрямца я замѣтилъ, что онъ не вполнѣ довѣрялъ моимъ словамъ и боялся, чтобы я не бросилъ въ полѣ его орудію.

Было уже около десяти часовъ вечера, когда мы при-

близились къ Калымтаю; у самой деревни мы прошли мимо солдата, лежавшаго на землѣ, который умирающимъ голосомъ произнесъ: «Простите, братцы, умираю». Эти слова, раздавшіяся въ темнотѣ подъ нашими ногами, сильнѣе всѣхъ другихъ сценъ подѣйствовали на мое воображеніе; грудь моя готова была разорваться на части; она была полна мучительныхъ, неизъяснимыхъ ощущеній, происходившихъ и отъ состраданія къ ближнему, и отъ безсилія подать помощь умиравшему....

Едва-ли и четвертой доли раненыхъ удалось добраться къ одиннадцати часамъ ночи, до селенія Калымтай. Ночь была темная, и нужно было при въѣздѣ въ село спуститься съ большой, но довольно обрывистой возвышенности, по которой могли проѣзжать только татарскія арбы и маджары. Въ одно время съ нами подъѣхали сюда, съ правой стороны отъ дороги, четыре повозки съ ранеными офицерами. При спускѣ съ горы, уже въ самой деревнѣ, вся эта масса людей столпилась на тѣсной площадкѣ и въ темнотѣ жала и давила другъ друга: раненыя лошади, повозки, все перемѣшалось между собою; крики, стоны, проклятія, команда, приказанія, составили одинъ общій аккордъ невыносимый для человѣческаго слуха. Эта неурядица продолжалась до тѣхъ поръ, пока телегамъ не удалось выбраться въ какой-то переулокъ деревни; мы сами вели подъ уздцы нашихъ лошадей, изъ боязни, при тѣснотѣ и наступившемъ мракѣ, разъ упустивши коней изъ виду, потомъ навсегда распрощаться съ ними, а намъ предстояло еще обратное путешествіе въ Симферополь, и не далѣе, какъ тою же ночью. Снявши раненыхъ съ лошадей и положивши ихъ у забора, возлѣ протекавшаго ручья, мы поставили себѣ первою заботою найти какой-нибудь кувшинъ или чашку для того, чтобы поскорѣе утолить жажду раненыхъ, которые не переставали молить о водѣ; жителей — татаръ не оставалось въ деревнѣ ни одной души; всѣ они, за день до сраженія, оставили свои дома, взявши съ собою пожитки и домашній скарбъ. Потому мы употребили въ дѣло солдатскія манерки, которыя нашлись у нѣкоторыхъ солдатъ; прошло однако же не менѣе получаса,

пока всѣ раненые успѣли утолить свою жажду. Случайно находившійся здѣсь какой-то молодой татаринъ, лица котораго въ темнотѣ мы не могли разглядѣть, объявившій себя ямщикомъ бывшей Калымтайской обывательской станціи, выказалъ при этомъ удивительную расторопность и усердіе: онъ безпрестанно бѣгалъ за водою, самъ поилъ ею поочереди всѣхъ раненыхъ и не одно солдатское душевное спасибо заслужилъ за свое добросердечіе. Очень жалѣю, что я не запомнилъ его имени и не могу теперь назвать этого благороднаго мусульманина. Тутъ же мы встрѣтились съ присланнымъ сюда офицеромъ, которому поручено было распорядиться на счетъ раненыхъ и принять на себя заботу о нихъ. Онъ насъ обрадовалъ, сказавши, что на завтрашнее утро прибудутъ сюда доктора, сдѣлаютъ всѣ нужныя перевязки и затѣмъ раненыхъ перевезутъ на телегахъ въ ближайшіе госпитали. Ночь стояла лѣтняя, теплая, изрѣдка охлаждаемая легкимъ вѣтеркомъ съ моря. Раненыхъ, по просьбѣ, оставили на открытомъ воздухѣ, подъ заборами и на небольшихъ площадяхъ, какія обыкновенно встрѣчаются почти въ каждой татарской деревнѣ.

Когда возстановился порядокъ и уменьшились шумъ, крики и стенанія, пора намъ было подумать о себѣ. Не находя въ Калымтаѣ мѣста, гдѣ можно было бы отдохнуть, и разсчитывая, что, во всякомъ случаѣ, намъ необходимо было явиться завтра въ Симферополь, мы рѣшились доѣхать или дойти, какъ придется, до Бакчисарая, который отъ деревни находился въ двѣнадцати или пятнадцати верстахъ. Время подходило къ полуночи и звѣзды слабо мерцали на тверди небесной: это была одна изъ тѣхъ темныхъ ночей, которыя нерѣдко бываютъ на югѣ и въ жаркую пору. Освѣдомившись у того же благодѣтельнаго татарина, который поилъ нашихъ солдатъ, по какому направленію надлежало намъ ѣхать, чтобы достигнуть Бакчисарая, мы сѣли на усталыхъ коней своихъ и тихимъ шагомъ поѣхали по назначенному пути. Указывая намъ дорогу, которой должны были мы держаться, татаринъ подробно толковалъ намъ, въ какихъ именно мѣстахъ слѣдовало своротить,

вправо или влѣво, но какъ всѣ эти объясненія высказывались скороговоркою, на татарскомъ языкѣ, знакомомъ мнѣ лишь поверхностно, а спутнику моему и совершенно неизвѣстномъ, то неудивительно, что, протащившись около двухъ часовъ, показавшихся намъ вѣчностію, мы совершенно сбились съ дороги, попали въ какія-то ущелія, поднимались на недоступныя высоты, то приближались къ рѣчкѣ Качѣ, то опять отъ нея отдалялись. Достаточно сказать, что, находясь въ этомъ положеніи, мы не могли съ точностью опредѣлить, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Между тѣмъ голодныя, измученныя лошади наши начали уставать и нѣсколько разъ отказывались идти; остановиться въ полѣ и ждать тамъ разсвѣта мы не хотѣли, въ надеждѣ, что скоро найдемъ на какую-нибудь деревушку. Мы ложились на землю, прислушивались къ раздававшимся отдаленнымъ звукамъ, пристально всматривались въ непроницаемый дальній мракъ, чтобы открыть гдѣ-нибудь огонекъ: но все безполезно; не разъ рождалось у насъ опасеніе, что, потерявши дорогу, мы можемъ попасть въ руки непріятелю, который, вѣроятно, послѣ одержанной надъ нашими войсками поверхности, разставилъ свою цѣпь на далекое пространство. Голодъ томилъ насъ и мы уже нѣсколько прозябли, а сонъ противъ воли закрывалъ наши глаза. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, мы не теряли однако же бодрости духа и всю дорогу шутили и смѣялись другъ надъ другомъ. *Келлеръ* увѣрялъ меня, что мы подвигаемся прямо къ Эвпаторіи и что не миновать намъ турецкихъ рукъ; я оспаривалъ его мнѣніе, доказывая, что къ разсвѣту мы будемъ въ Балаклавѣ и оттуда чрезъ южный берегъ пріѣдемъ домой. Большую часть дороги мы брели пѣшкомъ; вдругъ завидѣли огонекъ, потомъ другой; чрезъ секунду свѣтъ исчезъ, но не исчезла съ нимъ наша надежда. Мы вспрыгнули на коней и неровною рысью поѣхали къ тому мѣсту, гдѣ показался привѣтный огонекъ; вотъ опять что-то засвѣтило въ отдаленіи и близко раздался лай собакъ. Чрезъ пять минутъ мы уже въѣзжали въ деревню.

Посреди широкаго двора, у огромнаго помѣщичьяго

двухъ-этажнаго дома, стоялъ солдатъ со свѣчею въ рукѣ и что-то искалъ на землѣ. Исполненные радостнаго чувства, мы подъѣхали къ нему и спросили, что это за деревня и кто въ ней живетъ? Онъ видимо изумился неожиданному нашему появленію, выронилъ свѣчу и мы снова остались въ темнотѣ; послѣ многихъ вопросовъ мы добились наконецъ отъ него объясненія, что деревня эта называется Актачи и принадлежитъ помѣщику Р., который съ семействомъ и всѣми людьми выѣхалъ въ Севастополь, и что теперь въ деревнѣ помѣщается слабосильная команда артиллерійскаго парка, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, подъ командою одного унтеръ-офицера. Послѣдняго мы тотчасъ потребовали къ себѣ и отдали ему приказаніе отвести намъ комнату для ночлега и достать, если можно, чего-нибудь поѣсть, потомъ поставить лошадей подъ навѣсъ и дать имъ овса и сѣна; за все мы обѣщали щедро заплатить. Унтеръ-офицеръ взялся все исполнить немедленно; комнату для насъ отвели большую, меблированную, и для утоленія голода предложили водку, отъ которой мы отказались; на счетъ же лошадей, овса и сѣна обѣщалъ распорядиться, какъ слѣдуетъ, пришедшій съ унтеръ-офицеромъ другой солдатъ, нѣсколько навеселѣ. Не довѣряя ему, мы отправились сами въ конюшню, поставили туда своихъ лошадей, которыя въ эту минуту вовсе не напоминали бойкихъ пегасовъ, разнуздали ихъ и рѣшились подождать, пока посланный принесетъ сѣна и овса. Но прождавши четверть часа и не дождавшись его, притомъ чувствуя сильнѣйшее расположеніе ко сну, мы пришли въ отведенный намъ покой, въ которомъ явилась стеариновая свѣча безъ подсвѣчника, ловко прикрѣпленная къ ломберному столу. Заранѣе наслаждаясь удовольствіемъ протянуться на мягкомъ диванѣ, мы стали раздѣваться, когда вошедшій новый солдатъ потребовалъ отъ товарища моего на сохраненіе бывшее съ нимъ охотничье ружье, на томъ основаніи, что онъ, солдатъ, не знаетъ, что мы за люди. *Келлеръ*, какъ горячій нѣмецъ, вышелъ изъ себя на подобную выходку и готовъ былъ силою защищать свою собственность; но, по моему убѣжденію, отдалъ ему свое ружье, предупреждая,

чтобы оно было въ цѣлости сохранено. Это незначительное и смѣшное обстоятельство насъ непріятно потревожило, но, смирившись предъ судьбою, мы погасили свѣчу и легли спать. Не успѣли мы задремать, какъ вошли снова полупьяные солдаты, походили изъ угла въ уголъ, и потомъ заперли на ключъ дверь нашей комнаты. Такимъ образомъ мы были арестованы своими воинами, которые каждые полчаса приходили въ нашу комнату справиться, не выпрыгнули ли мы изъ окна. Само собою разумѣется, что намъ не удалось въ эту ночь заснуть и одного часу, при всемъ расположеніи ко сну; потому мы были весьма счастливы, когда ночная темнота стала уступать мѣсто дневному разсвѣту. Не ожидая появленія солнца, въ шестомъ часу утра мы вскочили съ дивановъ, отперли дверь, не охранявшуюся уже карауломъ, и направили свои шаги къ конюшнѣ, питая въ душѣ опасеніе не найдти въ ней нашихъ лошадей; но, къ счастію, кони стояли привязанные къ стойламъ, хотя, по всѣмъ признакамъ, имъ не удалось, въ теченіе ночи, перехватить не только горсти овса, но даже и клочка сѣна. Отъ подошедшаго къ намъ унтеръ-офицера мы потребовали ружье, которое было немедленно намъ принесено, осѣдлали лошадей и выѣхали изъ гостепріимной деревни.

Узнавши, что до Бакчисарая остается еще около восьми верстъ, мы направились туда по широкой проселочной дорогѣ, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ Качѣ. На всемъ протяженіи нашего пути мы обгоняли раненыхъ, шедшихъ въ Бакчисарай по двое, по трое, а иногда и въ одиночку. На этотъ разъ мы не останавливались, и въ девятомъ часу утра прибыли въ Азисъ, предмѣстье Бакчисарая; остановившись на почтовой станціи, мы напились чаю, подкрѣпившаго наши силы, накормили въ волю нашихъ отощавшихъ лошадей, и, спустя два часа, снова потянулись въ путь по знакомому намъ почтовому тракту. На этомъ кончились всѣ наши путевыя приключенія, и мы воротились въ Симферополь 9-го числа, въ четвертомъ часу пополудни, испытавши, въ теченіе тридцати часовъ нашего отсутствія, бездну новыхъ чувствъ и ощущеній.

Болѣе двухъ лѣтъ протекло со времени альминскаго боя (¹), но впечатлѣнія, испытанныя мною въ тотъ день, свѣжи и неизгладимы; съ воскресающими воспоминаніями о немъ снова заболѣваетъ душа моя, снова, какъ на яву, представляются мнѣ кровавыя, ужасающія сцены, и стоны умирающихъ раздаются въ моихъ ушахъ.

Мы застали все населеніе Симферополя въ сильнѣйшемъ волненіи: на улицахъ происходили особенное движеніе и тревога, на лицахъ, попадавшихся намъ прохожихъ выражалось сильное смятеніе и ужасъ. Разставшись съ *Келлеромъ* при самомъ въѣздѣ въ городъ, и проѣзжая Сѣнною Площадью, заѣхалъ я по дорогѣ къ школьному товарищу Р., чтобы распросить его о положеніи города. Семейство его, встревоженное и огорченное, встрѣтило меня печальною вѣстію о своемъ приготовленіи къ выѣзду изъ Крыма: во всемъ домѣ шли большіе сборы, хлопоты и суетня; вынимали изъ комодовъ наиболѣе дорогія вещи, укладывали ихъ второпяхъ въ чемоданы и экипажные сундуки, связывали въ громадные узлы, переносили мебель изъ одной комнаты въ другую, отдавали приказанія людямъ на завтрашній день, посылали въ лавки за покупками, и все это двигалось, дѣйствовало и говорило подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха. Р. поспѣшилъ мнѣ сообщить, что результатъ вчерашняго сраженія извѣстенъ всѣмъ жителямъ; что, вслѣдствіе полученныхъ губернаторомъ частныхъ извѣстій, по его предложенію, всѣ присутственныя мѣста прекратили производство дѣлъ, уложенныхъ уже въ связки; что для перевозки ихъ, а равно и денежныхъ суммъ, заготовлены обыкновенныя подводы и почтовыя лошади, съ тѣмъ, чтобы, по первому извѣстію отъ начальника губерніи, двинуться въ Мелитополь; отъ него же я узналъ, что всякъ — кто могъ — приготовилъ уже для себя подводы и экипажи, за неслыханно-высокія цѣны; что во всемъ городѣ оказался недостатокъ въ монетѣ и бумажныя деньги потеряли половину своей цѣнности. Озадаченный всѣми этими непріятными вѣстями, я поспѣшилъ домой, чтобы и

(¹) Писано въ 1857 году. *Ред.*

съ своей стороны распорядиться по обстоятельствамъ, и если опасность неизбѣжна, то позаботиться о своей старушкѣ, о себѣ и объ имуществѣ. Я думалъ найти бабушку сильно встревоженною, но, къ удивленію моему, она была покойна, и если нѣсколько тревожилась, то единственно по случаю долгаго моего отсутствія; отъ прислуги она знала уже общія приготовленія къ оставленію Симферополя. Обрадовавшись свиданію со мною, видя меня невредимымъ и благополучно возвратившимся, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ о моемъ путешествіи, она перешла къ разговору о настоящихъ критическихъ обстоятельствахъ города, и въ заключеніе совѣтовала мнѣ послѣдовать общему примѣру и позаботиться о лошадяхъ и экипажѣ, причемъ сама никакъ не рѣшалась оставить домъ, ссылаясь на свою дряхлость и слабосиліе. Разсчитывая, что она ни въ какомъ случаѣ не останется безъ прислуги, такъ какъ при нашемъ домѣ жило нѣсколько человѣкъ татаръ, много обязанныхъ моей матери, на которыхъ я могъ достаточно положиться, и самъ имѣя мысль не оставлять города до послѣдней крайности, я не отклонялъ ее отъ намѣренія остаться на мѣстѣ.

Чтобы получить точныя свѣдѣнія о распоряженіяхъ начальства относительно оставленія полуострова и узнать, не получено-ли по этому предмету отъ главнаго штаба арміи разрѣшеніе, котораго ждали съ минуты на минуту, и за полученіемъ котораго было послано нѣсколько губернаторскихъ чиновниковъ, я вышелъ изъ дому и возлѣ казеннаго сада встрѣтилъ знакомыхъ, которые, не видя меня и *Келлера* цѣлыя сутки, считали насъ попавшимися въ руки къ непріятелю; они передали мнѣ все, что произошло въ городѣ въ продолженіе моего отсутствія, отчасти мнѣ уже извѣстное.

Въ тотъ же день, въ шесть часовъ пополудни, всѣ присутственныя мѣста и чиновники получили отъ мѣстнаго начальства предложеніе на завтрашнее утро, въ шесть часовъ, отправиться въ путь со всѣми текущими дѣлами, книгами и денежными суммами: градская и земская полиціи, почтовая контора съ почтовою станціею и жандармская

команда неизъяты были отъ этого приказанія. Не могу достовѣрно сказать, какія причины побудили принять такое быстрое рѣшеніе, но полагаю, что оно произошло отъ несвоевременнаго возвращенія чиновниковъ, посланныхъ къ командовавшему войсками за разрѣшеніемъ по этому предмету, обстоятельства, подавшаго поводъ не безъ основанія заключить, что наша армія отрѣзана непріятелемъ отъ прямаго сообщенія съ Симферополемъ.

Не убѣжденный общими доводами въ необходимости уходить изъ Крыма, я рѣшился остаться въ городѣ еще на нѣсколько дней, пока болѣе положительнымъ образомъ не обозначится положеніе нашей арміи, и съ этою цѣлію испросилъ на это словесное дозволеніе таврической строительной коммисіи, въ которой я въ то время служилъ депутатомъ отъ дворянства. Возвратившись домой, я засталъ у себя родственниковъ нашихъ, К—аго и Х—о, убѣждавшихъ бабушку мою ѣхать съ ними въ ихъ экипажѣ, обѣщавшихъ ей въ дорогѣ всевозможныя попеченія и удобства. Отъ всѣхъ этихъ предложеній старушка рѣшительно отказалась и еще болѣе укрѣпилась въ своемъ намѣреніи, когда узнала, что и я остаюсь!

Въ городѣ между тѣмъ, въ каждомъ домѣ повторялась одна и таже исторія: вездѣ суматоха, приготовленія къ роковому выѣзду, отчаяніе, плачъ; многіе на ту пору были не при деньгахъ, а приходилось платить, за проѣздъ до Мелитополя, по 150 и по 200 рублей за простой фургонъ, и по сту рублей за открытую повозчевку. Забота, горе и различныя опасенія написаны были на всѣхъ лицахъ: разставаясь съ своими домами, имѣніями и имуществомъ, большая часть жителей теряла все, не питая и слабой надежды когда-нибудь сюда возвратиться. Да если и приведетъ Богъ, говорили многіе, снова узрѣть родныя, теперь оставляемыя жилища, то что въ нихъ останется и въ какомъ видѣ найдемъ мы наши дома? Трогательны и грустны были всѣ разговоры; но еще трогательнѣе, еще больнѣе было смотрѣть на сборы людей бѣдныхъ, лишенныхъ послѣднихъ средствъ: расходы требовались значительные, а пятидесяти, даже ста рублей, недостаточно было, чтобы

собраться въ дорогу. Проходя, въ одиннадцатомъ часу ночи, соборною аллеею, я встрѣтилъ нѣсколько дамъ, принадлежавшихъ къ лучшему обществу, впереди которыхъ слуга несъ зажженный фонарь, а сзади сопровождала ихъ женская прислуга; онѣ съ отчаяніемъ разсказали мнѣ, что только вечеромъ узнали о сдѣланномъ распоряженіи касательно оставленія города, тогда какъ объ этотъ слѣдовало бы всѣхъ жителей заранѣе предварить, и что по этому случаю онѣ не имѣютъ возможности ночью пріискать для себя наемный экипажъ и должны будутъ слѣдовать пѣшкомъ за общимъ поѣздомъ. Не имѣвъ возможности помочь имъ въ этомъ непріятномъ положеніи, я посовѣтовалъ имъ обратиться съ просьбою къ губернатору, который обязанъ былъ дать имъ средства къ выѣзду.

Около полуночи возвратившись домой, я долго не могъ сомкнуть глазъ, не смотря на сильнѣйшее утомленіе отъ вчерашней поѣздки и сегодняшняго бодрствованія, и только къ утру успѣлъ заснуть. На другой день, едва я поднялся съ постели, пришли мнѣ сказать, что большая часть населенія уже выбралась изъ домовъ и отправляется въ путь, что городъ оставленъ гражданскими властями, и что весь поѣздъ тронулся въ семь часовъ, въ сопровожденіи жандармовъ и казаковъ, по чонгарской проселочной дорогѣ. Въ десятомъ часу я вышелъ изъ дому, прошелъ къ Александро-Невской церкви, и на Долгоруковской улицѣ успѣлъ еще увидѣть хвостъ отъѣзжавшаго безконечнаго поѣзда, вытянувшагося слишкомъ на десять верстъ. Экипажи всѣхъ возможныхъ видовъ, размѣровъ и названій, всадники, пѣшеходы, нѣсколько въ сторонѣ лошади, коровы, волы, собаки, вся эта движущаяся масса издавала крики, шумъ и восклицанія. Жителей, оставлявшихъ городъ, можно было приблизительно насчитать до десяти тысячъ, и между ними до трехъ сотъ человѣкъ, вооруженныхъ ружьями, пистолетами, саблями и шашками, такъ что въ случаѣ нападенія на нихъ небольшаго непріятельскаго отряда, они могли бы дать значительный отпоръ. Наконецъ потянулись и послѣдніе экипажи, замыкавшіе этотъ громадный и разно-

образный поѣздъ, едва ли гдѣ-нибудь виданный; затѣмъ наступила мертвая тишина и обезлюдѣлъ городъ...

Остававшіеся бѣдняки, не имѣвшіе средствъ участвовать въ общемъ бѣгствѣ, пришедшіе взглянуть на эту картину, съ грустію и уныніемъ разбрелись по домамъ, раздумывая о своей плачевной участи; въ особенности женщины приходили въ отчаяніе, рыдали, рвали на себѣ волосы; многія изъ нихъ приходили къ дому градской полиціи и молили командира гарнизоннаго батальона, принявшаго должность коменданта, оказать имъ денежное пособіе и дать возможность уйти съ малолѣтними дѣтьми изъ города. Настойчивѣе другихъ въ своихъ требованіяхъ были тѣ, которыя проживали въ татарской части города: онѣ вообразили, что съ отъѣздомъ губернатора и прочихъ властей начнутся безпорядки, грабежи и, можетъ быть, убійства. Комендантъ убѣдительно просилъ ихъ успокоиться, ручался твердымъ словомъ за безопасность ихъ семействъ, имущества и жилищъ, обѣщалъ исходатайствовать денежное вспомоществованіе. Краснорѣчивыя слова подполковника *Сухарева* подѣйствовали на несчастныхъ, и онѣ, нѣсколько успокоенныя, вскорѣ разошлись.

У командира внутренняго батальона было въ то время въ распоряженіи нѣсколько ротъ гарнизона, инвалидная команда, партія рекрутъ и полсотни казаковъ: численность этого отряда едва-ли простиралась до восьми сотъ человѣкъ; но этого войска достаточно было для того, чтобы удерживать порядокъ и спокойствіе во ввѣренномъ ему городѣ; для предупрежденія всякаго покушенія къ грабительству приняты были имъ рѣшительныя и благоразумныя мѣры: съ ранняго утра въ разныхъ частяхъ города разъѣзжали небольшими колоннами казаки и наблюдали за охраненіемъ оставшагося населенія и покинутыхъ домовъ; въ тоже время объявлено было татарамъ, что всякое преступленіе съ ихъ стороны будетъ судиться военнымъ судомъ. Надобно отдать справедливость: казаки усердно исполняли свою обязанность, показывались на всѣхъ улицахъ, переулкахъ, перекресткахъ и много способствовали тому, что порядокъ въ тотъ день не былъ нарушенъ.

Кромѣ коменданта и его отряда оставались еще въ городѣ чиновники симферопольской провіантской коммисіи, которые, не получая отъ главнаго военнаго начальства никакого разрѣшенія на сдѣланныя коммисіею представленія относительно дѣйствій въ настоящемъ случаѣ, не рѣшались самовольно выѣхать изъ Симферополя, въ которомъ заготовлено было ими большое количество провіанта и фуража; управляющій коммисіею съ часу на часъ ждалъ возвращенія офицеровъ, наканунѣ посланныхъ имъ въ главную квартиру командовавшаго войсками.

Число лицъ, оставшихся въ городѣ по обязанности службы, увеличивалось присутствіемъ нѣсколькихъ гражданскихъ чиновниковъ, не выѣхавшихъ оттуда по собственному желанію; ихъ насчитывалось, сколько я могу припомнить, до десяти человѣкъ. Изъ купцевъ, если я не ошибаюсь, не оставляли города, только братья *Бычковы*, не закрывшіе своего бакалейнаго магазина, и въ день общаго выѣзда показавшіе при этомъ много сердечнаго добродушія въ пользу неимущихъ семействъ; они удержали при магазинѣ прикащиковъ своихъ, которымъ приказали продавать чай, сахаръ, вино, закуски по весьма дешевой цѣнѣ. Прочіе магазины и лавки, за исключеніемъ мелочныхъ, были всѣ заперты, и хозяева ихъ за нѣсколько дней вывезли свои товары. Нельзя также не упомянуть, что многіе изъ русскихъ мастеровыхъ, каменщиковъ, слесарей, прислужниковъ въ трактирахъ и погребахъ по собственной охотѣ оставались въ Симферополѣ, и не думали уходить оттуда: три четверти изъ нихъ принадлежали къ крѣпостному состоянію. При домахъ, владѣльцы которыхъ выѣхали въ это утро, оставлено было по одному человѣку для храненія дома и сбереженія имущества.

Заботясь о собственной безопасности и о сохраненіи дома, отдѣленнаго отъ города большимъ каменнымъ мостомъ, слѣдовательно, представлявшаго много удобствъ для грабителей, если бы они показались, я заѣхалъ къ коменданту и просилъ его распорядиться, чтобы ночной дозоръ обходилъ почаще и нашу уединенную сторону за Салгиромъ. Подполковникъ *Сухаревъ* весьма обязательно объ-

щалъ исполнить мое желаніе и даже предложилъ каждую ночь присылать отъ себя въ нашъ домъ по два караульныхъ солдата; поблагодаривъ его за такое вниманіе, я отправился блуждать по пустыннымъ улицамъ, еще за три, за четыре часа полнымъ движенія и хлопотливой дѣятельности. На Дворянской улицѣ встрѣтилась мнѣ какая-то несчастная нищая, вся въ заплатахъ, съ холстинною котомкой на палкѣ, да подгулявшій мужичокъ, пробиравшійся въ заведеніе; вдали показались три казака на некрасивыхъ, но бодрыхъ и проворныхъ лошадкахъ, переѣзжавшіе изъ одной улицы въ другую. На Сѣнной площади, постоянно загроможденной возами съ сѣномъ и дровами, также военными полуфурками съ казеннымъ провіантомъ, я нашелъ большое запустѣніе: пять или шесть повозокъ съ овсомъ провіантскаго вѣдомства стояли въ концѣ площади, и возлѣ нихъ прохаживался солдатикъ съ ружьемъ, печально посматривавшій во всѣ стороны. Проходя оттуда, я замѣтилъ у дома градской полиціи толпу растрепанныхъ и оборванныхъ женщинъ и нѣсколькихъ стариковъ, требовавшихъ денегъ для собственнаго прокормленія: это были новыя лица, не тѣ, которыхъ я прежде видѣлъ на этомъ же мѣстѣ. Не останавливаясь, прошелъ я мимо этого жалкаго зрѣлища и возвратился домой. Часу въ третьемъ пополудни, только что мы кончили обѣдъ, прибѣгаетъ, запыхавшись, слуга съ радостнымъ, сіяющимъ лицомъ, и говоритъ, что сейчасъ проѣхалъ въ Перекопъ адъютантъ изъ Севастополя, оставившій нашему коменданту повелѣніе князя *Меншикова* воротить губернатора и весь поѣздъ, такъ какъ Симферополь находится внѣ всякой опасности. Чтобы положительнѣе удостовѣриться въ истинѣ этой вѣсти, я отправился въ городъ и на перекресткѣ у бульвара встрѣтилъ гарнизоннаго офицера, подтвердившаго мнѣ только что услышанную мною новость, и въ дополненіе сообщившаго, что нѣсколько нарочныхъ посланы уже къ начальнику губерніи съ вышеупомянутымъ извѣстіемъ. Почти въ одно время съ адъютантомъ, прискакалъ и посланный провіантскою коммисіею офицеръ, привезшій ей предписаніе отъ начальника штаба арміи оставаться на мѣстѣ и

исполнять свою обязанность. Тогда то все русское население, не выѣзжавшее изъ города, свѣдавшее уже объ этой радостной вѣсти, высыпало на улицы, и едва вѣря своему счастію, съ преувеличенными подробностями пересказывало другъ другу эту неожиданную новость.

Расторопные казаки, посланные нарочными къ генералу *Пестелю*, скоро нагнали исполинскій поѣздъ, успѣвшій сдѣлать болѣе двадцати верстъ. Многіе, имѣвшіе свѣжихъ и крѣпкихъ лошадей, проѣхали въ это время около сорока верстъ, почему должны были посылать за ними особыхъ нарочныхъ.

При первомъ извѣстіи о томъ, что получено отъ главнаго начальства приглашеніе воротиться въ городъ, вся масса бѣглецовъ пришла въ неописанный восторгъ, раздалось громкое ура и загремѣло въ пустынной степи до сотни выстрѣловъ.... Уже поздним вечеромъ, небольшими частями, стали возвращаться въ Симферополь наши путешественники. Прежде всѣхъ прибыли тѣ, которые ѣхали на почтовыхъ лошадяхъ; весьма многіе—и большая часть—равно какъ подводы съ дѣлами присутственныхъ мѣстъ, воротилась только на слѣдующее утро; возвращеніе совершилось почти вездѣ благополучно; только при переѣздѣ чрезъ рѣку Салгиръ, въ трехъ верстахъ отъ города, оборвались веревки, связывавшія дѣла и книги врачебной управы, которыя и разсыпались въ воду.

Другаго рода болѣе важныя бѣдствія могли постигнуть выѣхавшихъ жителей, если бы имъ пришлось продолжать путешествіе: многіе изъ нихъ второпяхъ предпринимая медленную трехъ-сотъ-верстную поѣздку въ Мелитополь, по большей части на волахъ, не подумали обезпечить себя на нѣсколько дней съѣстными припасами и хлѣбомъ, а по всему протяженію этой дороги не было ни одного постоялаго или заѣзжаго дома, ни одного трактира, и потому многимъ предстояла бы опасность испытать въ дорогѣ сильнѣйшій голодъ.

Во время описываемыхъ здѣсь событій, Эвпаторія была уже занята непріятелемъ, который, при вступленіи въ городъ, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько городскихъ чиновни-

ковъ, въ томъ числѣ карантиннаго доктора Д—на, впослѣдствіи возвращеннаго изъ плѣна. По разсказамъ, сообщеннымъ мнѣ лично г. Д—нымъ, союзникамъ, пребывавшимъ въ Эвпаторіи, было извѣстно, въ полдень 10-го сентября, о выѣздѣ изъ Симферополя губернатора, гражданскихъ властей и большей части населенія, такъ что за обѣдомъ у Токарскаго, поляка, начальствовавшаго въ Эвпаторіи союзнымъ гарнизономъ,—за обѣдомъ, на которомъ находился и г. Д—нъ, одинъ изъ французскихъ офицеровъ, разсказывая объ этомъ происшествіи, упрашивалъ Токарскаго дать ему позволеніе сдѣлать рекогносцировку къ Симферополю и временно занять его. Токарскій не изъявилъ на это согласія, замѣтивъ съ улыбкою, обращаясь къ Д—ну: «Надѣлали бы мы много суматохи въ городѣ, если бы двинулись туда съ пятью стами человѣкъ при двухъ пушкахъ»!

Такъ начался и окончился для Симферополя день 10-го сентября. Возвратившіеся граждане не могли оставаться спокойными и увѣренными, что Симферополь находится внѣ опасности, и потому всѣ, кто могъ, держали нагото вѣ и лошадей, и экипажи, чтобы, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля, снова пуститься на чонгарскую дорогу.... Милосердіемъ Божіимъ, въ теченіе всей войны жители города избавлены были отъ этого новаго несчастія: дорого заплатили они и за первую свою ошибку (¹)!....

Николай Михно.

ДЕСЯТОЕ СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА ВЪ СИМФЕРОПОЛѢ.

(Письмо въ «Сѣверную Пчелу»).

Въ «Русскомъ Инвалидѣ», 25-го октября, помѣщена статья, въ которой г. *Михно* описываетъ нѣкоторыя событія крымской войны, и между прочимъ говоритъ о 10-мъ сентября, днѣ, въ который симферопольскія присутствен-

(¹) Русскій Инвалидъ 1857 г. № 228 и 229.

ныя мѣста оставили городъ на нѣсколько часовъ. Я не буду входить въ разборъ достоинства сказанной статьи; но считаю необходимымъ, скажу даже, своею обязанностью дополнить ее тѣми свѣдѣніями, которыхъ сочинитель ея, по собственному его сознанію, не имѣлъ. Не полемику намѣренъ я затѣвать, нѣтъ, я буду разсказывать просто, но исторически вѣрно, безъ всякихъ прикрасъ, но съ положительностью совершеннаго знанія предмета, о которомъ будетъ идти рѣчь.

Извѣстно, что наши войска, начавшія альминское сраженіе въ числѣ 32,000 противъ 68,000, по окончаніи битвы, отступили къ Севастополю. Ожидали, что непріятель, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, также двинется къ городу, взятіе котораго составляло цѣль его враждебнаго предпріятія противъ Крыма. Обстоятельства представляли къ тому всѣ удобства, но начальникъ союзной арміи расположилъ свои войска на самомъ полѣ сраженія, не предпринимая никакихъ мѣръ къ совершенію подвига, ему предназначеннаго. Что побудило его къ такому дѣйствію, или, лучше сказать, бездѣйствію, въ то время можно было истолковать лишь предположеніемъ, что онъ имѣлъ планъ другаго рода, и, самымъ естественнымъ образомъ, представлялась мысль, что онъ намѣренъ отрѣзать Севастополь отъ всякаго сообщенія съ прочими частями Россіи. Занятіемъ Симферополя онъ могъ достигнуть этой цѣли безъ всякаго затрудненія. Наши войска были въ семидесяти верстахъ отъ этого города, а непріятельскія въ двадцати пяти; къ защитѣ же своей, Симферополь имѣлъ не болѣе полубатальона гарнизоннаго, весьма посредственно вооруженнаго, который, конечно, былъ бы принужденъ отступить при первомъ серіозномъ покушеніи непріятеля на ввѣренный его храненію городъ. До высадки, сдѣланной непріятелемъ въ началѣ сентября близъ Эвпаторіи, никогда не было рѣчи о томъ, чтобы присутственныя мѣста оставили свое постоянное мѣстопребываніе, т. е. начальникъ губерніи отвергалъ всякую мысль и внушенія о какой нибудь опасности для нихъ отъ частыхъ посѣщеній непріятельскими военными пароходами портовыхъ городовъ

и прибрежныхъ мѣстъ Крыма. Но когда семидесятитысячная армія вступила на берегъ полуострова и расположилась въ двадцати пяти верстахъ отъ Симферополя, благоразуміе указало на необходимость быть готовымъ не къ отраженію—на то не было способовъ,—но къ отвращенію опасности, могущей угрожать присутственнымъ мѣстамъ. Было приготовлено число подводъ, нужное для поднятія, въ случаѣ надобности, всѣхъ ихъ тяжестей, и когда, послѣ альминскаго сраженія, осталась близъ Симферополя одна непріятельская армія, а отъ нашихъ войскъ не получалось никакого извѣстія, чиновники же, посланные для полученія таковыхъ, не возвращались (одинъ изъ нихъ съ трудомъ могъ избавиться отъ плѣна), безразсудно было бы далѣе откладывать мѣру, замедленіе которой могло имѣть послѣдствіемъ взятіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ съ ихъ дѣлами, архивовъ, казначейства, и проч. Если бы это случилось, высшее начальство совершенно правильно обвинило бы начальника губерніи въ нераспорядительности, и подвергло бы его заслуженному строгому взысканію. 10-го сентября, т. е. на третій день послѣ альминскаго сраженія, было предписано присутственнымъ мѣстамъ выступить по дорогѣ къ Чонгарскому мосту, а въ двѣнадцатомъ часу полудня, губернаторъ нагналъ и остановилъ ихъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города, чтобы выждать приказаній, за которыми было послано еще разъ. Вскорѣ прискакалъ казакъ съ запиской отъ командира гарнизоннаго батальона, въ которой сообщалось извѣстіе о томъ, что офицеръ, проѣзжавшій изъ Севастополя съ важнымъ порученіемъ въ отдаленное мѣсто, сказалъ на почтѣ слѣдующее: «Главнокомандующій не имѣетъ въ виду, чтобы непріятель пошелъ на Симферополь». Основываясь на этихъ словахъ, выраженныхъ изустно, безъ всякаго офиціальнаго подкрѣпленія, начальникъ губерніи сейчасъ же приказалъ присутственнымъ мѣстамъ возвратиться къ своему мѣсту. Приказанія же объ этомъ отъ высшаго начальства никакого получаемо не было, а о томъ, чтобъ возвратился г. губернаторъ и упоминать не было надобности, потому что онъ никогда не имѣлъ намѣренія слѣдовать въ Мелитополь.

Отсутствіе губернатора продолжалось три часа; а 11 сентября все въ Симферополѣ приняло свой обыкновенный видъ. Изъ этого видно, что переводъ присутственныхъ мѣстъ въ Мелитополь не былъ рѣшенъ окончательно; но, при существовавшихъ, тогда обстоятельствахъ необходимо было принять всѣ мѣры, требуемыя не только при совершеніи того перевода, но и при возможномъ занятіи непріятелемъ Симферополя. Что же касается лично до г. губернатора, то, конечно, онъ сообщилъ весьма немногимъ о своихъ намѣреніяхъ, при разныхъ могущихъ встрѣтиться случайностяхъ. Что выѣздъ присутственныхъ мѣстъ не могъ совершиться съ стройностью процессіи, это пойметъ всякій, но были соблюдены возможный порядокъ и тишина. Внезапности въ приказаніи выступленія небыло; напротивъ того, всѣ присутственныя мѣста были заранѣе увѣдомлены о томъ, что такое выступленіе можетъ сдѣлаться необходимымъ, и приготовленія къ оному продолжались цѣлую недѣлю, а потому и семейства чиновниковъ имѣли достаточное время для сборовъ. Городскимъ жителямъ всѣхъ сословій было извѣстно истинное положеніе дѣлъ, а равно и распоряженія, о которыхъ сказано выше, но, разумѣется, свобода дѣйствій предоставлялась всѣмъ, кромѣ лицъ, обязанныхъ службою. Ничего не хранилось въ тайнѣ, что знать могло быть полезнымъ, но, точно, не считалось необходимымъ сообщать всякому о будущихъ намѣреніяхъ начальства, въ особенности потому, что они, большею частію, зависѣли отъ случайностей, которыхъ предвидѣть было невозможно. Совершенно заслужены похвалы, которыми осыпаетъ г. *Михно* командира гарнизоннаго батальона. Но не потому подполковникъ *Сухаревъ* поступилъ въ военные начальники города Симферополя, что губернаторъ отлучился на три часа: онъ былъ таковымъ до того, и остался имъ и послѣ. Тогдашній начальникъ губерніи носилъ лишь званіе гражданскаго губернатора, и не смотря на свой генералъ-лейтенантскій чинъ, не имѣлъ ни какой военной власти, и не могъ распоряжаться ни однимъ солдатомъ. Во всемъ же, касающемся до мѣстнаго военнаго вѣдомства, былъ обязанъ относиться съ просьбою къ командиру гарнизоннаго батальона.

Вотъ истина во всей ея чистотѣ. Сообщить ее было нужно для полноты исторической вѣрности свѣдѣній о событіяхъ, которыя, разсказами, такъ часто были искажаемы до невѣроятности. Повторю еще, что я не вхожу въ полемическую борьбу, и ея не принимаю. Писать объ этомъ предметѣ я болѣе не намѣренъ, да и надобности въ въ томъ не вижу (¹).

N. N.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ПРОѢЗЖАГО.

„Не одна во полѣ дорожка пролегала,—
Частымъ ельничкомъ, мелкимъ березничкомъ
Да горькимъ осинничкомъ она заростала...."
Русская пѣсня.

.. Къ ночи пріѣхалъ я въ Перекопъ. Зѣвающій смотритель совѣтовалъ мнѣ ночевать здѣсь: «дорога, степь, темень,—извольте видѣть,—гораздо лучше спать; да и лошадей нѣтъ». Надо было принять совѣтъ недоспавшаго человѣка.

Русскіе, козаки и поляки переименовали древній Тафръ— въ Перекопъ, *Prszekop*, съ того времени, когда ханъ Сагипъ-Гирей (1551 года), увеличивъ укрѣпленіе, построенное въ 1515 году, для защиты полуострова отъ вторженія неспокойныхъ сосѣдей, прокопалъ отъ крѣпости въ обѣ стороны до моря ровъ. Сосѣди прозвали хановъ—перекопскими, а землеописатели весь Крымъ наименовали *Tartaria Precopensis*. Олеарій, между прочимъ, разсказываетъ о перекопскихъ дѣвицахъ, продаваемыхъ очень выгодно въ Астрахани. Разумѣется, Перекопъ служилъ только складомъ, депо этого прекраснаго товара, который хищники пріобрѣтали съ мѣста производства—съ береговъ Дона, Днѣпра, Буга и проч. Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на Волынѣ, до нынѣ возвышается «*Mogila siedmiuset panien*»—могила семисотъ дѣвицъ, забранныхъ татарами по весямъ и городамъ Украй-

(¹) Сѣверная Пчела 1857 г. № 266.

ны, Подоліи и Волыни, раззореннымъ до тла; встрѣченные подъ Берестечкомъ знаменитыми вождями Польши Іеремiемъ Вишневецкимъ и Стефаномъ Чарнецкимъ и разбитые ими на голову, татары бѣжали, оставивъ свой обозъ и въ немъ семьсотъ свѣжихъ труповъ красавицъ. Самъ по себѣ, Перекопъ обанкрутился бы въ этой торговлѣ: онъ замѣчателенъ скорѣе безобразіемъ своихъ женщинъ.

На зорѣ я отправился въ путь. Нечего говорить объ утомительности степныхъ дорогъ: онѣ наводятъ дремоту, въ родѣ тоскливаго сна, предшествующаго кошмару. Глазамъ больно глядѣть на безконечную, гладкую, какъ плацъ-парадъ, плоскость. Тоска неодолимая; ни деревца, ни кустика. Генералъ, котораго дивизія провела здѣсь почти годъ, совершенно правъ, описывая нашей общей съ нимъ знакомой дамѣ это мѣстоположеніе слѣдующими словами: «Гнуснѣйшее мѣстоположеніе, сударыня; ни малѣйшей тѣни,—даже человѣка нечѣмъ высѣчь». Я тоже не замѣтилъ ни прутика до самыхъ Айбаръ; за то въ саду г. Козмина, у самой айбарской станціи, можно отвести даже генеральскую душу. Этотъ бѣдный образчикъ роскошныхъ южнобережскихъ садовъ отраденъ проѣзжающему какъ оазисъ. Далѣе опять таже голая степь.

Въ Трехъ-Абламахъ дали мнѣ русскаго ямщика; онъ оказался Калужской губерніи: «ходитъ по оброку, получаетъ три рубля въ мѣсяцъ, платитъ барину двадцать рублей въ годъ.» Затѣмъ остается шестнадцать рублей; «а сапоги, рубаха, порты—все свое, а не хозяйское».

Я спросилъ, что его занесло сюда.

— Не при чемъ жить дома, земли мало.

— А какъ думаешь, здѣсь въ степи можно бы разжиться на хозяйствѣ?

— Ай, ай, баринъ! какъ неразжиться бы, коли тутъ просо, гляди,—лучше нашихъ житовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, мѣстами попадались намъ превосходные посѣвы; почва степи видимо плодоносная. Но вообще жизнь и хозяйство степнаго татарина дикое, и онъ самъ смотритъ не умнѣе своего барана. Поэтому, здѣсь охотно

принимаютъ на службу русскаго мужичка;—куда, подумаешь, не занесетъ его удаль, жажда воли и безземелье!

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сарабузъ, послѣдней станціи къ Симферополю, показался на горизонтѣ Чатыръ-дагъ или Шатыръ-дагъ, «Палатъ гора», какъ называютъ ее татары по формѣ ея, напоминающей шатеръ.

Какъ постоянный житель сѣверной Пальмиры, привыкшій видѣть предметы на благородномъ разстояніи,—а иногда и въ пяти шагахъ ничего, кромѣ тумана, невидѣть,—я былъ изумленъ прозрачностію южнаго воздуха: на свѣтломъ небѣ обрисовалась знаменитая гора такъ отчетливо, что кустарники на ней, обсыпавшіяся крутизны, обнаженныя скалы — все какъ нельзя лучше было видно невооруженному глазу въ сорока или пятидесяти верстахъ.

За Сарабузомъ, съ Салгирской долины пропадаетъ тупое обаяніе степи, и утомленія какъ не бывало: холмы, живописные берега Салгира, сады, деревни освѣжаютъ усталое зрѣніе; но надо признаться, что и это удовольствіе ощущается какъ-то смутно, неясно; такова сила привычки. Глазъ всегдашняго городскаго жителя близорукъ,— постоянно раздражаемый и развлекаемый всевозможной пестротой, глазъ, которому, куда ни взглянетъ, вездѣ что нибудь мерцаетъ и снуетъ передъ нимъ,—этотъ глазъ пріобрѣтаетъ, наконецъ, такую исключительную зоркость, которая въ мигъ и вѣрно схватывая красоты стриженной алеи, промчавшагося экипажа,—становится окончательно тупою передъ громаднымъ пейзажемъ природы. Привыкнувъ постоянно обозрѣвать окрестности своего носа, и вдругъ очутившись на просторѣ, ничего не увидишь далѣе своего носа: половина путешественниковъ съ статистическими и инспекторскими цѣлями — оправдываетъ эту истину. Я думаю, что даже то прозорливое око, которое, по увѣренію жениха-майора ([1]), на смотру углядѣло изъ далека:

([1]) Прологъ къ картинѣ Ѳедотова „Сватовство майора“.

„Въ пятомъ взводѣ, подъ сумой,
У канальи, у одной,
Съ табакомъ кисетъ проклятый.. .“

даже это художественно выработанное око, выведенное въ чистое поле, очень можетъ потеряться въ непривычномъ пространствѣ, чему и были печальные примѣры. А все—чудовище привычка.

Съ перекопской заставы Симферополь не очень живописенъ, а вообще мѣстоположеніе его недурно. Городъ имѣетъ до 16,000 жителей; христіанская часть его построена въ новомъ, европейскомъ вкусѣ, а татарская, съ узкими, кривыми закоулками и множествомъ минаретовъ, сохранила свой старый характеръ. Симферополь, по татарски Акъ-Мечеть (бѣлая мечеть), въ древности назывался Неаполемъ; въ 1736 году въ немъ было до 1,800 домовъ, превращенныхъ въ пепелъ генералъ-маіоромъ *Бирономъ* при взятіи его.

Я пріѣхалъ въ Симферополь въ началѣ іюля. располагая осмотрѣть, между дѣла, сперва южный берегъ, покупаться въ Юрзуфѣ, и потомъ далѣе проѣхать по восточному берегу. Мнѣ надо было начать свои работы съ Коушскаго лѣса, въ Бакчисарайскомъ уѣздѣ, и потому, немедля, я отправился въ Бакчисарай.

Видъ этого опустѣвшаго гнѣзда хищныхъ хановъ невольно переноситъ воображеніе въ безалаберную эпоху драки и сладострастія: нельзя было выбрать лучшаго и безопаснаго уголка для гаремовъ одалискъ и казармъ джигитовъ. Въ этомъ прелестномъ ущельѣ, защищенномъ неприступными стѣнами скалъ, удобнѣе всего воспитывался духъ нѣги и хищничества. Солдатикъ, съ которымъ мнѣ привелось подъѣзжать къ Бакчисараю, взглянулъ съ горы удивленно и пробормоталъ; «вишь ты—*чортовъ котелъ* какой!» Дѣйствительно, въ древности черти варили тутъ превкусную грѣховную кашу: сколько красоты и добра загублено здѣсь дикимъ сладострастіемъ!...

Бакчисарай славится свѣтлой, легкой и чистой водой; но природа всегда вѣрна своей разсчетливости; если нѣтъ воды, лучше источаемой бакчисарайскими горами, за то

едва ли найдется гдѣ нибудь рѣчка хуже Чурукъ-су (гнилая вода), пробѣгающей черезъ весь городъ,—Карповка и Черная рѣчка въ каникулярные жары не такъ смрадны.

Дворецъ бакчисарайскій—премилая игрушка; онъ какъ будто составленъ изъ сплоченныхъ между собою лѣтнихъ бесѣдокъ: немножко камня, цвѣтныя стекла, доски, лучинки и уморительная живопись—все расположено замысловато, легко, граціозно и очень наивно. Изящнѣйшая современная постройка уничтожила бы всю прелесть цѣлаго Бакчисарая.

Въ Бакчисараѣ я отдохнулъ отъ трудовъ дальней дороги по азіятски. Подъ балкономъ моей квартиры зеленѣлъ густой садъ; виноградникъ, обвиваясь по столбамъ балкона, раскинулся надъ нимъ роскошнымъ навѣсомъ изъ листьевъ и гроздій. Въ темномъ углу сада, грубо высѣченная изъ камня лѣстница вела къ фонтану, то есть, къ бѣгущей изъ камня струѣ; съ большимъ удовольствіемъ можно было выпивать этой воды 7—8 стакановъ на тощакъ, такъ она хороша и легка.

Изъ Бакчисарая отправился я въ Коушъ; дорогъ внутри полуострова немного, ихъ замѣняютъ русла рѣкъ и рѣчекъ, сухія почти цѣлыхъ девять мѣсяцевъ въ году. Команда наша состояла изъ пяти человѣкъ, мы ѣхали верхами, по такимъ крутизнамъ, что съ непривычки голова кружилась. Іосафатова и Качская долины невообразимо прекрасны Здѣсь проѣхали мы черезъ русскую деревню, населенную съ давнихъ поръ. Удивительна способность нашего мужичка — съ какими угодно волками завыть по волчьи: вся деревня, отъ ползающихъ ребятишекъ до сѣдаго старья, отатарилась такъ, что съ разу и распознать нельзя, что это за люди. Нѣмцы-колонисты внесли въ Крымъ все свое и ничего, кромѣ необходимаго, не заняли у туземцевъ. — они самостоятельно примѣнились къ мѣстнымъ требованіямъ; тутъ же поселился нашъ мужичокъ: кромѣ бороды и креста на шеѣ, ничего своего у него не осталось неизмѣненнымъ.

Осмотрѣвъ Коушской лѣсъ и распорядясь будущими работами, я вернулся въ Бакчисарай и черезъ живописную

Бельбекскую долину, через прекрасныя низовья Качи, проѣхалъ въ Севастополь.

Безпрестанное крейсированіе англійскихъ пароходовъ въ виду крѣпости не производило никакоко отчетливаго вліянія на умы нашего гарнизона. Вѣра въ штыки наши обаяла всю военную часть населенія; правда, обаяніе это не сообщалось сословію мирныхъ жителей: между ними носились неясные слухи о предстоящей блокадѣ крѣпости и кое-какое опасеніе; женщины были, по обычаю прекрасныхъ, на сторонѣ смѣлыхъ и не вѣрили посѣщенію западныхъ гостей.

Я навѣстилъ кое-кого изъ старыхъ моихъ сослуживцевъ въ Мамадашскомъ (или Мамалашъ, не помню) лагерѣ на сѣверной сторонѣ крѣпости. Тамъ расположеніе умовъ также не выходило изъ обычной колеи всѣхъ лагерныхъ стоянокъ; при рѣчи о высадкѣ непріятеля слышались возгласы: «о еслибы, да кабы! да они не дураки—не полѣзутъ, какъ куръ во-щи! Мы ихъ шапками закидаемъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, грозныя батареи крѣпостныхъ стѣнъ зорко глядѣли своими амбразурами, какъ тысячью глазами, въ море.

Но проѣзжая чрезъ южную сторону крѣпости въ Балаклаву, я ничего не замѣтилъ, кромѣ урывковъ двухъ трехъ стѣнокъ. Съ этой стороны Севастополь былъ обнаженъ; онъ напоминалъ собою Минерву въ шлемѣ и въ панцырѣ, однако въ юбкѣ, и плохо защищенную именно съ слабой стороны всѣхъ богинь.

Раньше Балаклавы открываются ея живописныя горы, съ развалинами генуэзскихъ укрѣпленій. Потомъ городокъ, похожій на деревню, на берегу «узкоустаго», какъ назвалъ его Страбонъ, залива. Въ этомъ городѣ перебывали по-очереди скиѳы, греки, генуэзцы, турки, татары; назывался онъ поочереди Палакіонъ, Символонъ, Чембало, Сетваче. Узкоустый заливъ, съ виду надежная пристань развѣ для рыбачьихъ лодокъ и катеровъ, впослѣдствіи оказался довольно удобною гаванью для непріятельскаго флота. Да и вообще Балаклава, оцѣненная однимъ импровизированнымъ стратегикомъ нашимъ въ *двѣсти*

рублей (въ чемъ тутъ соль?) обошлась намъ гораздо дороже. За то иныя мѣстности, въ родѣ Альмы, — далеко ниже оцѣнки.

За Балаклавой, по обѣ стороны дороги, виднѣются хутора и виноградники, большею частію принадлежащіе балаклавскимъ грекамъ; потомъ греческая деревня Комары и, наконецъ, передъ глазами разстилается знаменитая Байдарская долина. Палласъ считаетъ ее обширнѣйшею и прекраснѣйшею изъ всѣхъ долинъ Кавказа и Крыма; дѣйствительно, она обширна (16 верстъ длины и 8 ширины) и грандіозно обставлена правильною цѣпью горъ; по мнѣ, однако же, Качская, Іосафатова и даже Бельбекская долины едва ли уступаютъ ей красотой.

Но никакой пейзажъ не можетъ быть поразительнѣе открывающагося при выѣздѣ изъ Байдарскихъ воротъ: передъ вами, налѣво, гигантскіе сѣрые утесы; какъ волшебный замокъ, высится надъ ними скала Ай-Петръ; подъ ногами, тропическій темный садъ и яркозеленые виноградники; направо — море. Долго неопомнишься, глядя въ эту чудную пропасть, казалось бы, что смотришь въ стекло волшебной діорамы, но восхищеніе слишкомъ ощутительно, глаза васъ не обманываютъ,—вы видите природу.

Отъ Байдарскихъ воротъ зигзагомъ вьется шоссе черезъ Кикинеизъ, Симеизъ, и приводитъ въ пресловутую Алупку. Здѣсь остановился я съ моимъ обязательнымъ проводникомъ, грекомъ, знакомымъ какъ нельзя лучше со всѣми углами Крыма. Садъ дѣйствительно баснословно роскошенъ: кромѣ разнообразія тропическихъ растеній, оклиматизированныхъ здѣсь (напримѣръ магнолія, въ руку толщины, растетъ въ грунтѣ), кромѣ рощъ кипариса, мирта и лавра, дубовъ, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ, — здѣсь много работы и искусства и быть можетъ избытокъ ея мѣшаетъ чистому, спокойному наслажденію природой, для которой тутъ нужна менѣе изысканная и болѣе осторожная помощь рутинной эстетики. Не всѣмъ красавицамъ нужны блонды и букеты, и южно-бережскому пейзажу не надо много украшеній. Прекрасный дворецъ Алупки не производитъ особенно пріятнаго впечатлѣнія; не

смотря на свой полуазіатскій стиль, онъ все-таки похожъ на чопорнаго лорда въ регаліяхъ, на праздникѣ нимфъ и сатировъ.

Въ Алупкѣ есть гостинница съ французомъ метръ д'отелемъ и человѣкъ пять англичанъ, профессирующихъ по разнымъ отраслямъ утилитарнаго искусства. Обѣдъ за table d'hot'омъ оказался недуренъ и очень приличенъ: нѣкоторые цивилизованные самоѣды, не смотря на пекучій жаръ, явились въ бѣлыхъ галстукахъ....

Со лба льетъ потъ—а онъ затянулъ узломъ шею и застегнулъ перчатки—экой мученикъ bon ton'a!...

На другой день моего пріѣзда, во время послѣобѣденнаго кейфа, когда Алупское общество наслаждалось на балконѣ отеля морскимъ видомъ, фруктами, виномъ и бесѣдой на языкахъ чуть что не всей Европы, явился къ намъ молодой офицеръ, кажется штурманъ, и сообщилъ любопытную новость: онъ былъ на берегу по своему дѣлу (кажется, онъ былъ откомандированъ для добытія изъ моря машины разбившагося здѣсь, года за два предъ тѣмъ, казеннаго парохода); въ это время показался военный пароходъ подъ англійскимъ флагомъ, оттуда какой-то господинъ привѣтствовалъ штурмана чистымъ русскимъ языкомъ; штурманъ отвѣчалъ такимъ же привѣтствіемъ... «Мы скоро будемъ къ вамъ въ гости, г. офицеръ!» кричали ему. «Милости просимъ, у насъ все готово къ пріему!» отвѣчалъ штурманъ, немножко смѣло взявъ на свою совѣсть рискъ такого приглашенія. Впрочемъ, почемъ знаешь, чего не знаешь?

Извѣстіе, сообщенное штурманомъ, было принято почти всѣмъ обществомъ точно также, какъ принимаются петербургскою публикою ежегодныя осеннія пророчества о имѣющемъ быть наводненіи.

Въ Алупкѣ я ночевалъ въ саклѣ татарина. Сосѣдъ его, владѣющій 25—30 квадратными саженями земли, оплачиваетъ всѣ свои подати и чинши однимъ деревомъ грецкаго орѣха: оно даетъ до 25 тысячъ орѣховъ, продающихся русскимъ скупщикамъ по 1 руб. сер. тысяча. Это благодатное дерево, да десятокъ барановъ въ горахъ, въ

общественной отарѣ, составляютъ всю его годовую заботу; дня два-три сборъ орѣховъ, да дня два стрижка овецъ, затѣмъ остальные 360 дней препровождаются въ сидѣніи на корточкахъ по способу мелкихъ обезьянъ, въ крошеніи и безконечномъ куреніи табаку и безпрестанныхъ омовеніяхъ. Инжиръ, винная ягода, кустовъ пять винограда, миндаль, и двѣ маслины—этого хватаетъ на годовое продовольствіе всей татарской семьи.

Вообще, этотъ народъ, впрочемъ, не неодаренный способностями, заживо тлѣетъ отъ бездѣйствія, и еслибъ не безпрестанныя омовенія и не горячія горныя лошади, требующія моціона, то онъ подгнилъ бы безвозвратно.

Понятенъ интересъ, внушившій неприкосновенность, напримѣръ, зубровъ, отжившихъ повсемѣстно, кромѣ Бѣловѣжской Пущи; да и тамъ разныя утилитарныя цѣли ничуть не щадятъ этихъ лѣсныхъ красавцевъ. Но отчего бы не позаботиться о преобразованіи дряблой, умирающей національности этихъ людей, которыхъ очень легко убѣдить, что свѣтъ стоитъ не на рогахъ священнаго быка, какъ они думаютъ—и сами сомнѣваются:—да такъ ли полно?

За Алупкой все тѣ же живописныя картины: Мисхоръ, Гаспра, Оріанда; дворецъ нижней Оріанды прекрасенъ и не давитъ собой окрестнаго пейзажа, какъ въ Алупкѣ. Далѣе: Левадія, одинъ изъ самыхъ прелестнѣйшихъ уголковъ Крыма, и наконецъ Ялта, еще не заселившійся порядкомъ, хорошенькій городокъ, въ особенности замѣчательный своими живописными окрестностями, водопадомъ Учаръ-су и слѣдами древностей въ деревняхъ Дерекоя и Аутки. Въ тѣ минуты, когда въ отелѣ *Ville d'Odessa*, проворный половой ярославецъ вотще разводилъ пальцами и придумывалъ, чтобы такое мнѣ можно было съѣсть, за исключеніемъ хлѣба, невозможность пріобрѣтенія котораго была уже рѣшена,—въ тѣ печальныя минуты явился запыленный татаринъ и вручилъ мнѣ депешу: извѣщалось о произведенной союзниками высадкѣ въ Кантуганѣ. Я вытребовалъ лошадей и порѣшилъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Яйлу, отправиться въ Симферополь. Вѣчно да бу-

детъ спасибо тому писарю, который уступилъ мнѣ «всего за два рублика», какъ онъ выразился, свою миску баклашанъ (помдоровъ) съ запахомъ баранины. Въ 4 часа по полудни я былъ въ сѣдлѣ; татары совѣтовали дождаться четырехъ часовъ утра, но я настоялъ на своемъ. Въ минуту отправленія догналъ меня мой спутникъ-переводчикъ, остававшійся зачѣмъ-то въ Ливадіи, и подтвердилъ основательность татарскихъ совѣтовъ: «полночь застанетъ насъ на самой вершинѣ Яйлы—и это не безопасно», говорилъ онъ. Послѣ такого аргумента уже нельзя было и колебаться: что же можетъ быть интереснѣе—какой нибудь, хоть бы дорожной опасности въ наше время? Это кладъ, за которымъ ѣздятъ за моря. Теперь всѣ ужасы и эффекты опасностей переведены изъ вертеповъ, горъ и степей въ кабинеты и комитеты; компанія на акціяхъ, откупъ, литературное общество,—тутъ васъ могутъ зарѣзать, разбить, обобрать, похоронить языкомъ, перомъ, буквами, цифрами; вы можете свернуть себѣ шею десять разъ въ годъ, обанкрутиться, попасть подъ какой нибудь судъ и, пожалуй, въ тюрьму. Но что это за опасности? Изъ банкрутовъ образуются банкиры, изъ арестантовъ—герои и президенты!.. Ѣдемъ, ѣдемъ! Поѣхали.

Однако, подниматься на Яйлу лѣсомъ, по тропинкѣ, ползущей зигзагомъ, чуть что не по отвѣснымъ обрывамъ; десять разъ удаляться отъ какого нибудь камня или выросшаго изъ разсѣлины скалы дерева, для того, чтобы столько же разъ возвращаться къ нему, только на сажень повыше, и такимъ подобіемъ минуэта или экосеза выигрывать сажень за саженью пути,—тоже преутомительная операція. Только послѣ семи часовъ этого сизифова труда, мы очутились въ облакахъ, на гребнѣ Яйлы: мелкій дождь, рѣзкій вѣтеръ и совершенная темень пособили нашему сюрюджи, то есть проводнику, сбиться съ дороги; онъ объявилъ, что она потеряна окончательно. Холодъ и голодъ давали себя чувствовать; съ другой стороны—двухчасовая напрасная попытка отыскать дорогу измучила лошадей; не оставалось сомнѣнія въ опасности промокнуть до нитки, окоченѣть до костей и скрежетать голодными зу-

бами. Въ саквахъ, правда, была у меня сушеная рыба кефалъ, виноградъ, чай и сахаръ; но кефалъ имѣлъ вкусъ голой соли, и безъ хлѣба былъ несъѣдобенъ, виноградъ тоже плохое утѣшеніе, а чай и сахаръ въ мѣшкѣ—мертвый капиталъ.

Мы были близки къ отчаянью, какъ вдругъ послышался собачій лай. Мы поскакали къ желанному лаю; это была пасущаяся отара барановъ. Съ десятокъ церберовъ ослиной величины бросались чуть что не на сѣдла къ намъ, но потребность ѣды безстрашна—съ оборванными полами, не обращая вниманія на свирѣпую стаю, мы искали пастуховъ; насилу докликались ихъ. Они спали въ каменной будкѣ, какихъ много по всему хребту Яйлы. Спѣшившись и разведя огонь, мы просили хлѣба,—его-то и не было ни у кого; но неотступнымъ просьбамъ и щедрымъ предложеніямъ звонкой монеты, одинъ старый пастухъ вызвался испечь котлому—татарскій хлѣбъ. Онъ принесъ въ долбленомъ полѣнѣ воды, замѣшалъ въ ней пальцемъ пригоршню муки, поставилъ на огонь плоскій котелокъ на ножкахъ, кинулъ въ него добытый изъ кармана кусокъ какой-то грязной резины—это было сушоное баранье сало—и такимъ образомъ испекъ блинъ, который мнѣ и разсмотрѣть не удалось, такъ скоро исчезъ онъ, разорванный вдругъ десятью руками, въ томъ числѣ и двумя моими. Второй и третій блины, уничтоженные съ кефаломъ и виноградомъ, вода изъ полѣна—подкрѣпили насъ для дальнѣйшаго пути; именно на немъ и начались пророченныя мнѣ опасности.

Мы были выведены на дорогу и въ глубокой темнотѣ стали спускаться съ Яйлы. Во-первыхъ, лошадь подо мной приняла такое положеніе, какого я не видалъ и въ циркѣ знаменитаго Ренца въ Варшавѣ: уставясь почти торчмя головой внизъ, она только изрѣдка переступала, а то съѣзжала на заду, какъ баба съ печки, или поворачивалась бокомъ и кошкой скользила вмѣстѣ съ осыпающейся землей и каменьями. Поводья ни къ чему не служили, передъ носомъ ровно ничего не было видно; почти лежа спиной на крупѣ лошади, я творилъ молитву; два часа такого удовольствія произвели во мнѣ замѣчательную испарину.

Наконецъ стало свѣтать: освѣщенная опасность немногимъ была сноснѣе темной; достаточно было одного невѣрнаго шага моей умной и кровной кобылы, и мы съ нею полетѣли бы въ пропасть; въ глазахъ мутилось отъ взгляда внизъ. Къ довершенію удовольствія, вдругъ послышалось ржаніе и топотъ: во весь опоръ несся на меня цѣлый табунъ; одна лошадь изъ него, оступившись, полетѣла саженъ на двадцать внизъ кубаремъ; штукъ десять рьяныхъ жеребцовъ окружили меня и, несмотря на взмахи нагайки, отворачивая морды, лѣзли прямо на меня. Надо было дѣйствовать рѣшительно,—я слетѣлъ съ лошади въ первый встрѣчный кустъ. Съ великимъ трудомъ мы отбились и разогнали табунъ; голосъ татарина дѣйствовалъ на лошадей видимо сильнѣе всѣхъ демонстрацій плетью и даже коломъ, который я пріобрѣлъ, ставъ твердой ногой на землю.

Наконецъ-то, мимо густыхъ чапръ (лѣсныхъ садовъ) спустились мы въ долину; солнце было въ полномъ блескѣ, за кудрявыми садами сверкали, какъ амарантовыя, черепичныя крыши бѣлыхъ саклей, рапны точно безчисленные минареты взбѣгали межъ ними; утро было восхитительно. Но намъ было не до того; истомленные и мучимые жаждою, мы спѣшили воспользоваться татарскимъ гостепріимствомъ. Соль кефала жгла внутренность; намъ принесли въ мѣдномъ, красивомъ, этрусской формы, кувшинѣ кипятку, крошечныя чашечки и, разумѣется, соленаго перцу, безъ котораго татаринъ не понимаетъ угощенія; хозяинъ притащилъ одѣяла и войлоки, сваленныя, кажется, изъ верблюжей шерсти, какъ будто пополамъ съ блохами, и мы уснули именно такъ, какъ пророчилъ мой спутникъ: «хоть ремень вырѣжь изъ спины—не услышишь».

Пока мы спимъ, можно бросить бѣглый взглядъ вообще на состояніе страны и ея жителей.

О Крымѣ писано у насъ очень мало; но еслибы хотя то, что написано, было болѣе обобщено, то все же составилось бы въ обществѣ приблизительно вѣрное понятіе объ этой прекрасной странѣ, съ которою только война нѣсколько познакомила насъ. Историческіе труды Сумаро-

кова, Богуша-Сестренцевича и Кеппена извѣстны очень немногимъ, между тѣмъ до сихъ поръ не было у насъ лучшей карты Южнаго Крыма, какъ карта Кеппена. Войска, прибывавшія въ 1854—1855 годахъ на защиту этого края, не могли похвалиться запасомъ даже необходимыхъ географическихъ и топографическихъ свѣдѣній о странѣ. Въ то время, серьезные люди искали всюду этихъ свѣдѣній, и, напримѣръ, во всемъ Симферополѣ оказалась только одна, случайно завезенная, карта Кеппена, и то безъ принадлежащей къ ней книги «Крымскій Сборникъ», а у меня была книга безъ карты; карта эта была одолжена на время мнѣ. Генералъ *Соймоновъ* чрезъ своего адъютанта просилъ уступить ее ему, а я могъ только просить адъютанта обратиться къ владѣльцу ея, но карта была уже обѣщана другому. Спеціалисты, знающіе Инкерманское дѣло и карту Кеппена, на которой отчетливо и вѣрно обозначены всѣ балки и горы, могутъ судить, въ какой степени была бы полезна она достойному генералу. Другая карта Крыма, бывшая у меня, составлена спеціалистами Лѣснаго вѣдомства; она могла бы быть полезна намъ развѣ только въ рукахъ непріятеля: это—руководство блужденія въ горахъ, поляхъ и лѣсахъ; начерчена она, по обыкновенію, безъ нужды съ претензіей на отчаянную швабскую точность. Къ счастію, этой дрянью дорожили такъ, что войска не могли никакъ пріобрѣсти ея.

Еслибъ не имена мѣстъ, то, пожалуй, оріентируясь этой картой, можно было ходить все равно по Крыму или по Лапландіи или хоть по лунѣ, съ одинаковымъ удобствомъ.

Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, въ особенности о странѣ, служащей театромъ войны, тоже были бы не излишни; напримѣръ, прочитавъ Кеппена или Сестренцевича, мы по крайней мѣрѣ не изумлялись бы высадкѣ союзниковъ, какъ безпримѣрному въ лѣтописяхъ дерзкому предпріятію, въ виду того самаго моря, по которому тысячу слишкомъ лѣтъ назадъ приплыло изъ Византіи на судахъ сто тысячъ войска къ тѣмъ же Херсонесской, Камышевой и Балаклавской бухтамъ.

Вообще исторія въ одномъ только случаѣ можетъ ка-

заться избыткомъ, роскошью знанія и дѣломъ досуга—это когда ея не знаешь; а впрочемъ изъ нея же удобно узнается, что только горькій опытъ убѣждаетъ невѣжество въ достоинствѣ всякаго положительнаго знанія.

О состояніи Крыма и татаръ скажемъ нѣсколько словъ.

Прекрасная страна эта нынѣ процвѣтаетъ, вѣроятно, въ такомъ же видѣ,—за исключеніемъ дачъ южнаго берега,—въ какомъ застали ее первые поселенцы татары.

Богатство Южнаго Крыма составляютъ—самый благорастворенный, теплый воздухъ, плодоносная почва, обильные лѣса и достаточныя, хорошаго достоинства воды—все, что нужно для самой щедрой производительности природы.

Именно пропорціональность въ распредѣленіи водъ и лѣсовъ благопріятствуетъ этой производительности; съ нарушеніемъ ея, естественно, всегда измѣняются свойства атмосферы и почвы. Тѣсная связь состояніи лѣсовъ съ состояніемъ водъ равно существуетъ и въ плоскихъ, и въ гористыхъ странахъ; всюду лѣса и воды, взаимно питая другъ друга, находятся во взаимной зависимости: истребленіе нагорныхъ лѣсовъ парижская академія признала причиной послѣдняго наводненія во Франціи; безводныя степи летучихъ песковъ въ южной Россіи—послѣдствіе совершеннаго лѣсоистребленія; а излишнее осушеніе болотъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, по мнѣнію знаменитыхъ германскихъ лѣсоводовъ, было причиной обезлѣсенія сосѣднихъ съ этими болотами мѣстностей и обмелѣнія рѣкъ, особенно Эльбы.

Въ Крыму еще очень недавно началась вырубка лѣсу «въ видахъ выполненія плановъ науки», то есть лѣсоводства: но довольно давно размножены греками табачныя плантаціи, для орошенія которыхъ они произвольно дѣлаютъ изъ рѣкъ и рѣчекъ отводы, иногда неумѣренные и неумѣстные. По замѣчаніямъ свѣдущихъ старожиловъ, воды рѣкъ именно отъ этого оскудѣваютъ очень быстро въ послѣднее время. Такъ какъ внутри края очень немного постоянныхъ устроенныхъ дорогъ, то это оскуденіе водъ представляетъ только ту выгоду, что русла рѣкъ и рѣчекъ, большую противъ прежняго часть года, служатъ дорогами для

татарскихъ арбъ или возовъ. Но виноватъ: сокрушаться о лѣсоистребленіи или водооскудѣніи такого уголка, какъ Крымъ— въ виду «выполненія той же науки» (лѣсоводства) по всей Россіи—это все равно, что оплакивать судьбу воробьиныхъ гнѣздъ на горящемъ гумнѣ. — Развѣ планы измѣнятся.

Дорога въ дикой странѣ—первый шагъ, азбука цивилизаціи: татары этой азбуки почти не знаютъ. Южнобережская дорога не про нихъ писана.

Татары занимаются преимущественно садоводствомъ, винодѣліемъ и воспитаніемъ барановъ и лошадей; но вообще и это хозяйство ихъ находится въ полудикомъ состояніи. Бараны южнаго Крыма, пасущіеся все лѣто по вершинамъ горъ, вѣроятно никогда не дадутъ руна высокаго достоинства; горныя лошади, чрезвычайно легкія, сносливыя и красивыя, тоже едва ли могутъ быть полезны внутри Россіи или для кавалеріи,—онѣ слабы; но садоводство, болѣе правильное и внимательное, конечно обогатило бы край: желѣзная дорога до Ѳеодосіи, безъ сомнѣнія, подвинетъ дѣло, и тогда объяснится, что можетъ производить эта природная оранжерея Россіи.

Татаринъ лѣнивъ, безпеченъ, немножко растлѣнъ и оттого приглуповатъ, но при всей своей добротѣ и честности, онъ, не менѣе вороватыхъ племенъ, способенъ къ развитію. Фанатизмъ магометанства крѣпко подорванъ у татаръ оказываемой имъ терпимостью, человѣчнымъ обращеніемъ съ ними и особенно уваженіемъ къ чадрамъ ихъ женъ; вѣроятно, это составляетъ главную причину не только холодности, но даже презрѣнія ихъ къ туркамъ, которыхъ они ставятъ несравненно ниже себя, какъ народъ сладострастный, тупой и надменный. Разумѣется, турки платятъ имъ тѣмъ же. Они, очевидно, любятъ насъ и даже иногда радушнѣе принимаютъ христіанина, нежели своего земляка. Они говорятъ, что гяуръ лучше цѣнитъ гостепріимство, нежели магометанинъ, и при нуждѣ можетъ подать разумный совѣтъ (¹).

(¹) Вотъ что писалъ мнѣ въ началѣ 1856 года постоянный житель Крыма, образованный и наблюдательный грекъ В К.

„Нынѣшняя война и спокойная стоянка войскъ по деревнямъ до того рас-

Пища татарина состоитъ изъ зелени, фруктовъ, баранины, съ небольшимъ количествомъ «котломы», блина изъ муки, вымѣниваемой имъ на фрукты и барановъ у заѣзжихъ русскихъ и бердянскихъ торгашей. Зелень въ разныхъ видахъ, соусахъ и приправахъ: айва, подлижаны, баклашаны, соленый перецъ; изъ баранины: кашикъ-борекъ—ушки, сорма—голубцы, обернутые виноградным листомъ; шашлыкъ—кусочки баранины, жареные на лучинѣ на жару: супъ—туй-шорба изъ пшена, подбѣленый кислымъ молокомъ; качачъ—баранья солонина, сушеная на солнцѣ; также превосходнаго вкуса сыръ, сохраняемый въ баранкихъ шкурахъ и стоющій на мѣстѣ 60 коп. сер. за фунтъ. Наконецъ фрукты и бикмесъ—фруктовая патока.

Вообще, татары ѣдятъ очень хорошо и живутъ, не взирая на несмѣтное количество блохъ, съ азіятскимъ комфортомъ. Но это не относится до степныхъ татаръ: за Симферополемъ татаринъ грязенъ, неразборчивъ на пищу и только въ пятницу или въ байрамъ скоромится лошадинымъ мясомъ. Впрочемъ, это совсѣмъ другое племя: они калмыки, выходцы изъ Сибири, потомки войскъ разбитаго Батыя.

положили татаръ къ намъ, что они уже считаютъ совсѣмъ лишнимъ прятать своихъ женъ даже отъ военныхъ людей, и женщины съ удовольствіемъ бесѣдуютъ и курятъ въ нашемъ обществѣ. Все болѣе и болѣе водворлется между ними моногамія, разводы нынѣ очень рѣдки и считаются предосудительными, и жена уже не молчитъ по прежнему рабски предъ мужемъ: нѣтъ сомнѣнія, что онъ при случаѣ отъ нея первый услышитъ дурака, въ видахъ возбужденія въ немъ самолюбія. Даже первостепенная страсть татаръ—кофе, замѣнилась предпочтеніемъ чая, и теперь въ каждой кофейнѣ блеститъ тульскій самоваръ. Но одно изъ самыхъ важныхъ доказательствъ цивилизаціи ихъ вотъ въ чемъ: правительство дозволило каждому татарину, въ случаѣ тяжбы, судиться по магометанскимъ законамъ, и для этого учреждено магометанское духовное правленіе; до войны въ немъ рѣшались всѣ тяжебныя дѣла ихъ; теперь ни одинъ татаринъ уже не адресуется въ свое духовное правленіе и законы великаго пророка *презрѣны* въ Крыму.

„Число учащихся по-татарски день ото дня уменьшается: кто имѣетъ средства, посылаетъ дѣтей въ русское училище; бѣдняки, отдавая дѣтей въ услуженіе русскимъ, просятъ, чтобы учили ихъ русской грамотѣ". Простой наглядный и глубокохристіанскій урокъ тѣмъ дѣятелямъ, на которыхъ лежитъ святая обязанность *примиренія* разныхъ несплоченныхъ племенъ отечества.

Одежда южнобережскихъ татаръ очень живописна и удобна; у зажиточныхъ людей шолкъ, бархатъ и золотые позументы ни почемъ. Бѣлыя чадры женщинъ придаютъ имъ особенно интересную таинственность. По словамъ знатоковъ, татары склонны къ поэзіи, и языкъ ихъ богатъ выразительными, грустными и нѣжными пѣснями. Но слышанныя мною мелодіи ихъ странствующихъ музыкантовъ и пѣвцовъ ужасны: и ушамъ, и глазамъ больно отъ этого горлодерства.

На «джинахъ»—собраніяхъ, при встрѣчѣ жениховъ и невѣстъ, импровизируются съ обѣихъ сторонъ *«чины»*—пѣсни; вотъ образчикъ:

ПѢСНЯ ЖЕНИХА.

Адріанопольскій мостъ каменный (?)
Ты свела меня съ ума.
Ты, милая овечка матери,
Разливаешь ароматы всѣхъ сортовъ,
Заражаешь атмосферу юношей
И заразила джигита несчастнаго,
Шедшаго мимо дома твоего.
Съ тѣхъ поръ, куда онъ ни пойдетъ,
Все какая-то сила влечетъ его
Къ неизвѣстному мѣсту.
Брожу, брожу безъ помощи,
Но лишь пойду къ тому мѣсту,
Гдѣ заразился—раны засыхаютъ,
Я снова веселъ и счастливъ—
Самъ не знаю отчего.
Но лишь отступилъ,
Опять ударитъ молотъ въ сердце,
Польются слезы—Аллахъ знаетъ отчего.
Во снѣ слышу голосъ дѣвицы,
Онъ сулитъ мнѣ лекарство,
Вѣрнѣйшее отъ колдовства.

ПѢСНЯ НЕВѢСТЫ:

На небѣ горятъ звѣзды,
А межъ ними одна моя.
Всякой день вечеръ и ночь
Я смотрю на небеса,

Киваю звѣздочкѣ головой,
Дѣлаю ей знаки —
Зачѣмъ же она не хочетъ
Сойдти ко мнѣ.

Послѣ подобныхъ пѣсенъ, тутъ же на джинѣ и рѣшается судьба влюбленныхъ.

Мусульманство видимо ветшаетъ и уже не удовлетворяетъ духовной потребности даже малоразвитаго татарина; эпоха ненависти, крови и борьбы для него прошла, и потому коранъ, громящій «невѣрныхъ собакъ», почти никѣмъ не понимается и всѣми мало уважается. Другое дѣло въ Турціи—но въ Крыму онъ держится какъ прошлогодній календарь въ захолустьяхъ провинціи за неимѣніемъ новаго.

Разумѣется, великій пророкъ Аллаха, какъ и всѣ болѣе или менѣе мудрые законодатели-патріоты, прежде всего имѣлъ въ виду самобытность своего народа и, уча истинѣ, приспособлялъ ученіе свое къ народному характеру, склонному, какъ у всѣхъ южныхъ племенъ, къ поэзіи и мистицизму: но коранъ вовсе не содержитъ въ себѣ той мистической билиберды, которая ходитъ въ устахъ магометанъ. Страстные послѣдователи великихъ учителей почти всегда являли еще болѣе ихъ ревности къ ихъ ученію и настолько же менѣе ихъ благоразумія. Не имѣя силы дѣйствовать на душу непосредственно убѣжденіемъ разума, они прибѣгали къ поэзіи, чудесности и таинственности, чтобы потрясать воображеніе,—отсюда всѣ легенды и повѣрья, приписываемыя корану, въ которомъ, при всей метафоричности изложенія, нѣтъ, однако, этихъ нелѣпостей, которыя, очаровывая воображеніе, разумѣется, постоянно возбуждаютъ фанатизмъ, но, при первомъ случаѣ малѣйшаго отрезвленія ума, фанатизмъ обращается въ безбожіе.

Однажды, набожный турокъ, въ кругу татаръ, восхвалялъ Магомета; онъ исчерпалъ въ честь его всѣ фигуры своей избитой риторики и, какъ водится, зарапортовался: «злые духи тьмы, говорилъ восторженный факиръ благоговѣйнымъ слушателямъ:—чтобы осрамить силу послан-

ника небесъ, хотѣли взвѣсить его на вѣсахъ: но сколько ни клали противъ него тяжестей—пророкъ все перевѣсилъ. Скрежеща зубами, черти привели наконецъ огромнѣйшаго изъ ословъ, утвердили на немъ необъятной величины вѣсы и на одну чашу вкатили земной шаръ, на другую посадили пророка—о чудо! посланникъ небесъ перевѣсилъ и землю!...»

— А когда земля была на вѣсахъ, на чемъ же стоялъ оселъ? лукаво спросилъ одинъ изъ слушателей. Въ отвѣтъ сверкнули кинжалы, но скептикъ удралъ.

Общество по немногу успокоилось, закурили трубки— но увы! камень грѣховнаго вопроса былъ брошенъ, и не одна правовѣрная голова призадумывалась, но какъ тутъ ни думай, а осла все таки некуда поставить.

Это именно то состояніе зрѣющаго ребенка, когда бумажные ослы, лошадки и басни няньки ему уже надоѣли, а болѣе благородныхъ игрушекъ и книжекъ у него еще нѣтъ; долгъ воспитателя слѣдить за такими переходами и удовлетворять возникающимъ потребностямъ.

На цивилизацію татаръ не разъ было обращено вниманіе правительства; внутри Крыма поселяли колоніи нѣмцевъ и русскихъ, съ цѣлію — исподволь цивилизовать это азіятское племя. Но цѣль не достигалась: нѣмцы замыкались въ своемъ кружкѣ, разумно пользовались щедротами природы, богатѣли; русскіе, не измѣняя коренныхъ привычекъ своихъ, много переняли отъ туземцевъ,—тѣ и другіе не имѣли на ихъ бытъ никакого вліянія.

Не разъ была рѣчь о выселеніи татаръ внутрь Россіи, но слава Богу, что подобные проекты вообще рѣдко выполняются: переселеніе полудикарей и вообще людей, не получавшихъ никакихъ началъ образованности,—есть что то въ родѣ подкидыванія младенца. Космополитъ ищетъ удобнаго переселенія, человѣкъ нравственно-самостоятельный переноситъ его, дикарь и невѣжда—гибнутъ на чужбинѣ.

Не только татаринъ, лишенный своего поэтическаго, уютнаго гнѣзда, родныхъ горъ и долинъ, не вынесетъ тоски своей; но даже витебскій поселянинъ только и счаст-

ливъ—хоть голоденъ —на своихъ теплыхъ пескахъ, подъ шепчущимъ боромъ, въ виду своихъ прекрасныхъ синихъ озеръ. Тамъ онъ усердно копошится около своей лачуги, двухвершковымъ лемешомъ царапаетъ родную, какъ онъ самъ, непроизводительную землю, справляется съ своими лычками, мотузками и со всѣмъ своимъ лубочнымъ бытомъ; перекиньте его, какъ онъ есть, въ Ярославскую губернію или другой богатый промышленный край, перенесите даже въ Украйну—и онъ изведется надъ незнакомой работой, надъ громоздскими, непривычными ему плугами, безъ своихъ можжевеловыхъ паростниковъ и темныхъ хвойныхъ перелѣсковъ.

Экономисты и государственные хозяева могутъ указать на охотливость нѣмцевъ къ выселенію даже въ Америку; но въ умахъ экономистовъ, точно также, какъ и въ привычкахъ нѣмцевъ, давно уже все поэтичное и младенческое переложено въ цифры.

Поверхностное обозрѣніе Крыма, то есть путешествіе по столбовой дорогѣ, — почти на каждомъ шагу показываетъ заботливость о краѣ и напоминаетъ имя гражданскаго дѣятеля, пріобрѣтшее популярность почти во всей южной Россіи: тутъ шоссе въ горахъ, тамъ фонтанъ, далѣе монументъ, дворецъ и т. п. Но сверните съ большой дороги—и передъ вами непочатая Азія, благодатно дремлющая въ ветхозавѣтномъ забытьи, и если кое-гдѣ по виднымъ проѣзжимъ мѣстамъ и прошла рука творческаго искусства, за то повсюду руки сокрушительнаго искусства чиновничьей эксплоатаціи явно жнутъ и косятъ, не сѣя и даже не давая созрѣть самосѣву. Если успѣете разсмотрѣть и сообразить состояніе основныхъ силъ края, свѣрите его природные капиталы съ приносимыми имъ процентами,—то неудивительно, что въ дѣлахъ иныхъ популярныхъ дѣятелей, вмѣсто прославленныхъ просвѣщенныхъ взглядовъ, благорамѣренности и патріотизма, увидите одно тщеславіе и мелочной эгоизмъ. Конечно, имена полезныхъ гражданскихъ дѣятелей — какъ друзей человѣчества—принадлежатъ исторіи; но исторія была бы не болѣе какъ громадная сплетня, если бы вносила въ свои скрижали факты,

неочищенные строгой повѣркой; вѣнчая, напримѣръ, вѣнкомъ гражданской доблести какую нибудь себялюбивую, хитрую личность, она оболгала бы современниковъ передъ потомствомъ, навязавъ имъ монументальныя чувства уваженія, удивленія, благодарности къ человѣку, о которомъ полно будетъ сказать—«обдѣлывалъ свои дѣлишки».

Но съ исторіей — не взирая на упорство пантетованныхъ историковъ—подобныхъ неисправимыхъ промаховъ не бываетъ, потому что исторія, хотя и *пишется*, какъ романъ, но, кромѣ того, *совершается* какъ и жизнь; прочныхъ мистификацій въ ней нѣтъ: можно долго, пожалуй по гробъ, *казаться* чѣмъ угодно, а все таки наконецъ надо *оказаться* тѣмъ, что есть.

Солнечный зной уже слабѣлъ, когда мы проснулись. Приготовляясь въ дорогу, мой спутникъ замѣтилъ изъ разговоровъ съ татарами, которыхъ собралось около насъ немало, общее безпокойство: они распрашивали о дессантѣ, хотя видимо знали лучше насъ дѣло, и, считая меня военнымъ, старались выпытать мое мнѣніе о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

По дорогѣ къ Симферополю кое-гдѣ замѣчалось не совсѣмъ обыкновенное столпленіе народа, но все было спокойно. А въ Симферополѣ извѣстіе о дессантѣ имѣло немедленнымъ послѣдствіемъ поспѣшныя административныя распоряженія по гражданскому вѣдомству къ быстрой ретирадѣ въ случаѣ нужды: всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ приказано быть наготовѣ со всѣми архивами, потеря которыхъ, говоря мимоходомъ, разумѣется, больше обрадовала бы насъ, нежели пріобрѣтеніе ихъ—непріятеля: ихъ не разобрать бы всей парижской академіи надписей, пока въ числѣ ея членовъ нѣтъ нашего секретаря земскаго суда.

5-го сентября я поѣхалъ въ Коушъ, чтобы забрать оставленную тамъ мою команду. Въ верстѣ отъ Бишуя, гдѣ мнѣ слѣдовало перемѣнить перекладную на верховыхъ лошадей, я встрѣтилъ бишуйскаго лѣсничаго со всѣми домочадцами верхами; онъ совѣтовалъ мнѣ возвратиться и сообщилъ, что одинъ изъ преданныхъ ему полѣсовщиковъ,

татаринъ, по секрету донесъ ему объ умыслахъ татаръ и просилъ его скорѣй убраться въ городъ; мнѣ что-то невѣрилось этой секретной преданности,—понятно было, что татары хотѣли избавиться отъ надзора. Разумѣется, нечего было и думать достать лошадей въ Бишуѣ, а ямщикъ мой, по счастію русскій, не рѣшился ни за что везти далѣе; притомъ же прямая дорога до Коуша, верстъ 12, была непроѣздима для колесъ, а по руслу Альмы предстояли еще два добрые перегона. На всѣ предложенія мои ямщикъ упорно отказывался; оставалось послѣднее средство—одной рукой показать ему добрые прогоны, а другой погнать лошадей; это оказалось дѣйствительнымъ, и мы пустились далѣе. Дорога въ самомъ дѣлѣ была адская: мѣстами приходилось выпрягать и взводить лошадей на обрывы по одиночкѣ, и потомъ возжами припрягать ихъ къ дышлу, а самимъ подымать повозку сзади. Передаранные и измученные, добрались мы однако до Коуша. Тамъ, съ первой вѣстью о дессантѣ, татары уже перестали являться на работы и всѣ занятія были прекращены. Казанскій татаринъ, бывшій въ моей командѣ, оказался одержимымъ инкерманской лихорадкой и не могъ подняться на ноги; онъ поносилъ и Крымъ, и татаръ, называя ихъ «турецкими собаками», за то въ особенности, что они совсѣмъ не понимали его. Забравъ изъ Коуша солдатъ и объѣздчиковъ, я тронулся къ ночи въ обратный путь.

На разсвѣтѣ мы проѣхали Бишуй; за деревней насъ догнали два татарина верхами, но слѣдовали за нами на благородномъ разстояніи и, проводивъ версты три, вернулись назадъ. Впослѣдствіи разнесся слухъ, что въ кузницахъ, которыхъ много въ Бишуѣ, приготовлялось оружіе на случай возстанія татаръ, но по осмотру оружія не найдено.

Въ Симферополѣ уже все было въ сильномъ броженіи; воинственный духъ обуялъ всѣхъ, и общество гражданскихъ чиновниковъ, движимое отвагой, порѣшило лечь костьми; съ этой цѣлью составился списокъ добровольнаго ополченія—я имѣлъ честь росписаться тоже. Пріобрѣтеніе оружія было общей заботой: все, что стрѣляло, рѣзало,

кололо и рубило, было искуплено безъ торгу на расхватъ и, не смотря на геніальную изобрѣтательность жидовъ, которые, кажется, даже къ рожнамъ придѣлывали ножны и, выдавая ихъ за древнія рапиры, брали деньги съ канцеляристовъ,—въ лавкахъ уже не оставалось ни одного сколько нибудь убійственнаго куска желѣза. Оплошавшая въ вооруженіи часть патріотовъ уповала на дреколіе. Но нѣкоторые изъ гражданъ въ самомъ дѣлѣ были вооружены прекрасно и, разумѣется, могли лечь костьми, хотя и не потому, что «мертвые стыда неимутъ»,—это еще не резонъ привычному человѣку.

Понынѣ я не могу забыть одного полицейскаго чиновника, очень хорошаго человѣка, съ которымъ до самаго моего выѣзда изъ Крыма я безпрестанно встрѣчался въ обществѣ за обѣдомъ и за чаемъ. Онъ всегда принималъ очень живописную бивуачную позу, и при этомъ со стукомъ вываливался у него изъ кармана пистолетъ, величиною съ небольшой фальконетъ. Дамы въ эту минуту одушевлялись и, казалось, плели герою лавровый вѣнокъ въ душѣ, а онъ очень холодно и невнимательно упрятывалъ пистолетъ въ свой через чуръ разверстый карманъ; другіе смотрѣли съ завистію. Это проклятое орудіе разъ упало на мою мозоль, оттого-то я его и помню. Капробеpу пожелалъ я сосѣдства съ этимъ господиномъ.

6 сентября весь городъ ходилъ въ острогъ, поглядѣть на первыхъ нашихъ плѣнныхъ; ихъ было человѣкъ десять взято казаками и гусарскимъ объѣздомъ. Въ то время попался и близорукій полковникъ французскаго генеральнаго штаба графъ *Лагонди*, взятый не совсѣмъ учтиво унтеръ-офицеромъ Кіевскаго полка *Зарубинымъ*.

Надо отдать справедливость молодцоватости французовъ и тому духу ихъ, который у насъ довольно близко опредѣляется поговоркой, впрочемъ безсмысленной: «завей горе веревочкой». Сержантъ-мажоръ, юноша лѣтъ двадцати-двухъ или трехъ, съ которымъ я заговорилъ, просилъ меня составить ему краткій словарь самыхъ необходимыхъ обыденныхъ словъ и фразъ, вынувъ изъ кармана клочекъ бумаги и карандашъ, и менѣе, нежели въ часъ времени, уже

успѣшно держалъ экзаменъ въ составленіи изъ данныхъ словъ фразъ, въ родѣ: «Дайтэ мнэ клѣбъ, — я блягодьярствуи вы ошнъ!»

Нѣкоторые изъ плѣнныхъ пороли и перешивали свои красивые широкіе кушаки на галстухи и наушники; одинъ вбѣжалъ въ лохмотьяхъ полушубка и хвастался покупкой своей. «*Je sais parfaitement bien de quoi s'en tenir dans ce pays-ci!*» кричалъ онъ, повертываясь въ новомъ костюмѣ; распахнулъ его—гдѣ не было дыры, тамъ плѣшь; какой-то аферистъ надулъ его безбожно. Однако, что значитъ правильное развитіе смысла даже въ вертопрахахъ; въ сорокъ лѣтъ не пропалъ грозный урокъ — всѣ помнили о нашей сердитой зимѣ. Пока мы бесѣдовали, изъ скрыпнувшихъ дверей высунулась какая-то шаршавая голова, безъ лба, но съ фантастическимъ носомъ въ видѣ груши. «А кто изъ васъ кашеваръ, эй народъ!» кричала голова.—«*Que veut-il?*» спрашивали французы. Приглашенный войти фантастическій носъ просилъ насъ растолковать плѣннымъ, чтобы они назначили отъ себя кашевара.—«на нихъ вѣдь не потрафишь, ваше благородіе: лѣшій знаетъ, какая у нихъ каша!» Плѣнные всѣ были разныхъ полковъ и командъ; по совѣщанію, обладатель полушубка взялся быть поваромъ. Приложивъ руку къ козырьку, онъ ловко вытянулся передъ сержантомъ и отрапортовалъ о своемъ новомъ назначеніи. Такой образчикъ разумной военной дисциплины, непадающей ни при какихъ обстоятельствахъ, всѣмъ намъ, разумѣется, понравился.

Въ это время проходила черезъ Симферополь бригада, бывшая прежде, кажется, на черноморскомъ берегу, подъ командой генерала *Хомутова*, Бутырскій и, кажется, Якутскій полки и батальонъ знаменитыхъ пластуновъ. Бригада эта представляла совершенно новое зрѣлище глазамъ, привыкшимъ къ нашему фронту: люди были безъ касокъ, безъ ранцевъ и безъ портупей; на головѣ фуражка грешневикомъ съ огромнымъ козырькомъ, черезъ плечо перевязь съ сумой, при ней манерка и сухарный мѣшокъ; плащевый ремень вмѣсто пояса, и подъ полами шинели еще мѣшокъ, а у иного два, съ туалетными вещами, у иныхъ притомъ гдѣ-нибудь на

виду заткнута ложка. Еслибы еще круглая подстриженная борода [1]), все обременительное солдату для красоты въ ущербъ удобства исчезло-бы. Любо было смотрѣть на этихъ развязныхъ молодцовъ: человѣкъ тогда только можетъ быть похожъ на бойца, когда онъ непохожъ на куклу.

Нашъ солдатъ снаряженъ, разумѣется, недурно и хорошъ на походѣ, особенно въ военное время, когда многое форменное, изъ наряда его просто—теряется: крючки, пригонка аммуниціи, ламзанъ, а туалетныя вещи безъ церемоніи выкидываются, какъ ни къ чему—кромѣ инспекторскаго смотра—негодныя. Но все-таки еще много обременительнаго безъ нужды остается на немъ даже въ разгарѣ кампаніи, когда уже никому не придетъ охота наблюдать за тренчиками и ремешками. Деревянный воротникъ, цѣлое партище пуговокъ, ничего не застегивающихъ, давящій и парящій голову уборъ—такія вещи, которыхъ и кинуть нельзя, хоть бы и не грѣхъ. Да наконецъ и пресловутый «кормилецъ» или «домъ солдатскій»—ранецъ, заклейменный всеклеймящимъ учебнокарабинернымъ язычищемъ прозвищемъ «чортова хребтолома» и «чучело телячье»—и онъ едвали составляетъ такую незамѣнимую принадлежность походнаго человѣка, какою считаютъ его даже старые боевые служаки. А они считаютъ его такъ же необходимымъ солдату, какъ горбъ дромадеру.

Однако, не нужно быть ни медикомъ, ни механикомъ, чтобы понять, что сосредоточеніе тяжести нездорово человѣку и вредно механизму его, если даже считать его ма-

---

([1]) Чтобы оцѣнить удобства бороды, надо самому испытать процессъ армейскаго скобленія бороды; для этого часовъ въ шесть утра, въ приморозки, умойся, одѣнься, выйди на улицу, вымажься холоднымъ мыломъ, обрѣйся тупой бритвой, да такъ и останься на цѣлый день на воздухѣ:—борода и щеки будутъ горѣть какъ высѣченныя, а на другой день лупиться какъ обожженныя. За то красиво. И Боже сохрани каждаго при твердой бородѣ быть не въ ладахъ съ ротнымъ цирульникомъ: изместится, каналья, такъ, что самая непоколебимая гордость и справедливость—крякнетъ. И никакой аппеляціи здѣсь нѣтъ. Молчи, да крахти, какъ бѣлуга, задравши морду въ облака; а онъ брѣетъ, да улыбается, какъ лѣсничій при сплошной «въ видахъ выполненія плана науки» вырубкѣ: заростетъ, молъ.

шиной, и что размѣщеніе ея по частямъ въ обоихъ смыслахъ очень удобно. Примѣръ—дивизія *Хомутова*.

Въ охотничью торбу, ягдташъ, записной охотникъ укладываетъ себѣ и бѣлья, и провизіи на недѣлю и двѣ — и очень красиво и удобно разгуливаетъ по всевозможнымъ мѣстоположеніямъ. Присѣлъ онъ или прилегъ, хоть на минуту — торба его на землѣ; а ранецъ ни на минутныхъ привалахъ, ни въ стрѣлковой цѣпи лежачей — не снимается и продолжаетъ давить человѣка. Не говоря о томъ, что сухари въ этомъ «кормильцѣ» запрятаны такъ далеко, что пока докопается до нихъ, то иногда и аппетитъ пройдетъ. Хороша и манерка, если напр. въ 7—8-ми часовомъ дѣлѣ захочется хлебнуть воды человѣку: надо быть немножко фокусникомъ, чтобы отстегнуть и пристегнуть ее на походѣ.

Нельзя сказать тоже, чтобы чемоданъ этотъ придавалъ особенно воинственный видъ человѣку; нашъ глазъ вообще слишкомъ привыкъ ко всему солдатскому снаряженію; но еслибы какой-нибудь римлянинъ временъ Ганнибала и Сципіона, вставъ изъ гроба, увидѣлъ предъ собою современнаго европейскаго воина,—то можно держать пари (навѣрное!) онъ никакъ не отгадалъ бы, какой-такой профессіи принадлежитъ этотъ господинъ?...

Наконецъ, довольно краснорѣчиво говоритъ за возможность видоизмѣнить ранецъ то обстоятельство, что, какъ при преслѣдованіи разбитаго врага, такъ и при улепетываніи отъ него, ранецъ очень часто бросается съ одинаковымъ удобствомъ,—чему есть и свѣжіе примѣры.

Вообще, во внѣшности нашего солдата самый рѣзкій недостатокъ—это отсутствіе изящныхъ позъ и движеній. Мужикъ нашъ очень живописенъ: постановка у него медвѣдеватая, но обличающая силу; избоченится онъ слишкомъ развалисто, но всегда красиво, и надо обладать самымъ притупленнымъ вкусомъ къ изяществу, чтобы отрицать несомнѣнную красоту естественности.

Передъ моимъ окномъ рота бутырцевъ составляла ружья и «привалила». Я попросилъ одного коренастаго георгіевскаго кавалера послужить мнѣ «натурой» и набросалъ

его перомъ на клочкѣ бумаги. Эскизъ этотъ, вмѣстѣ съ рисункомъ, изображающимъ пластуна, удостоился быть представленнымъ Его Высочеству Наслѣднику—нынѣ Государю Императору—для объясненія обмундировки бутырцевъ.

Конечно, очень остроуменъ и, пожалуй, глубокомысленъ былъ тотъ нѣмецъ, который изобрѣлъ средство лишить человѣка въ бою всякой индивидуальной самостоятельности движеній, и тѣмъ въ *свое время* несказанно усилилъ дѣйствіе массы войска. Но едвали не разумнѣе будетъ тотъ, хоть бы и не нѣмецъ, кто возвратитъ всю естественность воли бойцу и тѣмъ въ *наше время* еще несказаннѣе усилитъ и облагородитъ дѣйствіе войска.

Убѣдиться въ этомъ нетрудно.

Насъ, напримѣръ, учили, да, грѣшный человѣкъ, я и самъ училъ и еще былъ сихъ дѣлъ мастеръ, здороваться съ начальствомъ такъ, чтобы выходило восторженное и велегласное, какъ говорилъ Ѳедотовъ, пѣніе—«Ваше ствоо»! Теперь убѣдились, что это не совсѣмъ музыкально, и уже удовлетворяются по этой акустической части воспитанія— естественнымъ речитативомъ. Но еслибы испытать, напримѣръ, взглянуть на одѣтыхъ «безъ пригонки» людей, стоящихъ стройно, но вольно, и, положимъ, отдающихъ честь «на кра-улъ», безъ пріемовъ и не въ темпъ,—можетъ быть это оказалось бы вовсе не дурно. Во фронтѣ это могло бы быть очень красиво, потому что оно совершенно естественно. И сколько затѣмъ времени оставалось бы отъ выучки темпамъ — «какъ одинъ», для занятій, безспорно полезнѣйшихъ?

Необходимость развитія самостоятельности единицъ, составляющихъ массу, уже выяснилась, какъ физіологическій законъ прогресса; остается только признать эту необходимость и безпрекословно содѣйствовать ей. Не была бы она необходимостью, еслибы можно было ее обойти. Разумѣется, всему на свѣтѣ, не исключая размаху крыльевъ вѣтренныхъ мельницъ, противодѣйствовать слѣпымъ усиліемъ можно, но этого не стоитъ дѣлать уже изъ-за однихъ послѣдствій: необходимость свое возьметъ.

Когда какое-нибудь политическое тѣло сложилось, округ-

лилось и опредѣлилось въ своихъ главныхъ частяхъ, какъ кусокъ камня, предназначенный къ скульптурному дѣлу, когда предварительная работа—расположеніе частей, взаимная пропорція и связь ихъ выразилась, хотя грубо, но ясно и согласно задуманной мысли,—надо уже приступить къ отдѣлкѣ, иначе можно «заработаться» и испортить камень. Можно испортить его точно также, какъ портится камень другимъ способомъ, именно, отдѣлкою частей прежде достаточной подготовки общаго вида фигуры, причемъ художникъ неизбѣжно «теряется въ мелочахъ». Нельзя сказать, которая именно изъ двухъ порчъ хуже, но вѣрно то, что обѣ никуда не годятся.

Оригинально обмундированная бригада вступила въ Симферополь безъ всякой церемоніи по походному, съ завернутыми полами. Вслѣдъ за ней входилъ батальонъ пластуновъ; репутація этого войска въ симферопольской публикѣ составилась самыми непріятелями: допрашивая татаръ и жителей занятой ими Эвпаторіи о числѣ и родѣ нашихъ войскъ, они не забыли пластуновъ, а до этого, по правдѣ сказать, немногіе изъ насъ знали даже о существованіи ихъ. Пластуновъ встрѣтила толпа любопытныхъ за городской заставой; они шли въ порядкѣ: встрѣчавшій войска генералъ приказалъ командиру батальона «идти вольно, завернуть полы».—«Неможно, ваше превосходытельство»! отвѣчалъ запорожскимъ нарѣчіемъ командиръ. «Это почему?»—«Бо е богацько такыхъ що бизъ штаныу». Для прохлажденія многіе нашли удобною шотландскую обмундировку нижней части тѣла.

Лихое войско пластуны. Даромъ пороху не тратятъ и каждый также помнитъ свои промахи, какъ плохой стрѣлокъ удачные выстрѣлы. Говорятъ, есть между ними такіе азартные стрѣлки, что, не попавъ въ предметъ, кусаютъ ружье со злости.

Съ однимъ любопытнымъ чиновникомъ я подошелъ къ нимъ на ихъ привалѣ; чиновникъ предлагалъ имъ много вопросовъ, но пластуны неслововохотны. «А на 500 шаговъ попадешь въ человѣка?» спросилъ онъ одного изъ нихъ.—

«Якій же вы чудный, таки въ чиловика не попасть, да се-жь не муха!» досадливо отвѣтилъ пластунъ.

7 сентября было извѣстно, что наша армія, въ числѣ 50,000 штыковъ [1]), заняла крѣпкую позицію передъ деревнею Бурлюкъ, на рѣкѣ Альмѣ, и что ожидается атака непріятеля.

Къ вечеру много было росказней о занятіи союзниками и турками Эвпаторіи.

Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился нѣкій чиновникъ, занимавшій въ Эвпаторіи таможенный постъ и извѣстный за человѣка съ большими свѣдѣніями и замѣчательною способностью выпить. Накапунѣ высадки, англійскій военный пароходъ сталъ на якорь, у самаго рейда Эвпаторіи; чиновникъ немедленно приказалъ изготовить «четверку» лодку, сѣлъ, поплылъ къ пароходу и сталъ, «согласно данной ему инструкціи», опрашивать гостя. Его взяли на пароходъ и объявили ему, что онъ въ плѣну: «это ваше дѣло, отвѣчалъ чиновникъ, а я дѣлаю свое и объявляю ваше судно контрабандой». Онъ очень понравился всему экипажу и владѣя англійскимъ и французскимъ языками, когда владѣлъ языкомъ, былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Но послѣ обѣда буфетъ какъ-то остался безъ присмотра и когда кому-то понадобилось гроку, то оказалось... или лучше, вовсе не оказалось рому: чиновникъ выпилъ весь ромъ и спалъ очень сладко съ послѣдней бутылкой въ рукахъ. Его не будили, а спустили на его же «четверку» и приказали поскорѣе увезти куда угодно, только подальше.

Описывать сраженіе, которое не видалъ — это почти тоже, что разбирать книгу, которую не читалъ; особенно если книга эта—такой лексиконъ, какимъ представляется союзная армія. Да и видѣть и даже участвовать въ сраженіи такихъ длинныхъ фронтовъ—мало пользы для историка; если онъ вздумаетъ писать съ натуры, то впадетъ въ ту же несообразность, которою отличаются вообще баталисты, т. е. батальные живописцы: у этихъ господъ на трехъ-аршинномъ полотнѣ обыкновенно человѣкъ сорокъ

([1]) Оказалось потомъ 35,000, да и позиція не изъ крѣпкихъ.

съ орудіемъ рѣшаютъ судьбу какого угодно сраженія 100-тысячныхъ армій, прикрывая эту судьбу достаточною массою дыма. Конечно, этотъ пріемъ не совсѣмъ отвергается и въ литературѣ,—ну да такое же выйдетъ и сраженіе!

Вообще, нельзя было не согласиться съ тѣмъ храбрымъ и умнымъ раненымъ офицеромъ нашимъ, съ которымъ довелось мнѣ бесѣдовать на третій день послѣ Альмы въ Симферополѣ подъ «Золотымъ Якоремъ»: «конечно, многіе изъ офицеровъ напишутъ эпизодическія картины этой битвы, которыя они видѣли, какъ участники дѣла?» сказалъ я ему между прочимъ.

— «Едва ли! возразилъ онъ: да если бы и написали, такъ толку мало: это было бы—либо вѣрно и очень узко и безсвязно, либо широко и связно и очень сомнительно! Объ этомъ большомъ дѣлѣ напишутъ прежде всего у васъ въ Петербургѣ и хорошо напишутъ: все большое издали виднѣе»...

Можетъ быть почтенный собесѣдникъ мой былъ и правъ, но не очень виноватъ и другой не менѣе почтенный собесѣдникъ, съ которымъ встрѣтился я на другой день въ Бакчисараѣ и слова котораго глубокимъ и грубымъ стилемъ (гвоздемъ) врѣзываются въ скрижали отечественной исторіи, какъ всякая неистираемая и неутаиваемая правда. Было такъ:

У бакчисарайскаго дворца сидѣлъ большой кружокъ раненыхъ солдатъ разныхъ полковъ, ожидая размѣщенія ихъ по койкамъ. Я подошелъ къ кружку; на мнѣ была офицерская шинель и фуражка—солдаты хотѣли привстать; я распахнулъ мою чиновничью тогу и, представясь въ статскомъ видѣ, просилъ ихъ не безпокоиться и дать мнѣ огонька и мѣстечка. Со мной было нѣсколько сигаръ и табакъ для папиросъ, я попотчивалъ ихъ — мы закурили, взаимное довѣріе водворилось сразу.

На вопросъ мой—что же это, господа, вы такъ профершпилились? Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. И вотъ, пустивъ изрядно дыму, бакенбардистъ Минскаго полка взглянулъ на меня, какъ будто повѣряя тонъ вопроса моего, и отвѣчалъ спокойно:

«Ничего мы не прошпилились, а дрались, какъ Богъ и Государь велѣлъ».

— Я это и безъ васъ знаю!—а я спрашиваю—отчего *его* взяло, а не наше?

«Отчего! оттого, что надо же кому-нибудь одолѣть—ну стало быть не наша линія».

Послѣ недолгихъ преамбулъ и приличнаго смалчиванія, солдатъ подался на просьбу мою, сплюнулъ и заговорилъ такъ:

«Встали мы, сударь ты мой, на позиціи спозаранку, помолились Богу — и стоимъ. Какъ поставили, такъ выходитъ и стоимъ. — А кто поставилъ, значитъ, мало смыслитъ; и вышло такъ: спереди дуютъ — это ничего, и сбоку дуютъ, флота ихняя—и это пол-горя; а и сзади дуютъ — опять таже флота; ну намъ старикамъ и это не Богъ вѣсть что; а молодежь-то шепчетъ — измѣна! Ну и неладно. А тутъ никто тебѣ и добраго слова не сказалъ — не то что: «здорово ребята! поработайте-молъ!» или прочее; а все межъ собой больше по нѣмецкому. Видимъ—валитъ за застрѣльщиками, сила. Ну, такимъ манеромъ начинается само дѣло: валитъ онъ, союзникъ-то: за тысячу шаговъ одному въ ремень—щолкъ, другому—щолкъ, тамъ *ротнаго* скосили, а ты—стой! То-есть стой да глаза продавай: ружьишко-то съ зазоромъ, разверчено, а до штыка — пока еще дойдетъ! Ну, скомандовали стрѣляй! А ты стрѣляешь и видишь—лѣшаго дразнишь, а больше ничево; а что ни на есть хуже, другой дуракъ сзади стоитъ да вздыхаетъ: третью пулю загналъ, мошенникъ, въ дуло и все пшикаетъ! Годъ, значитъ, въ швальнѣ просидѣлъ и ружья не видалъ—не тѣмъ концомъ патронъ всадилъ—ну теперь и молится—чево больше-то! Ну, одначе, ничево—стоимъ! И началъ жарить онъ картечью—ничево. стоимъ! а самъ. видимъ, черезъ мостъ переправляется. Наши батареи жарятъ; стрѣлки помогаютъ; ничего—идетъ! Тутъ, братецъ ты мой, подскакалъ князь *Горчаковъ*, махнулъ шпагой:—въ штыки, говоритъ. ребята! Мы—уру! да на него бѣгомъ, а онъ не будь дуракъ—за-мостъ, развернется тамъ и опять сыплетъ! Ну, говорятъ — назадъ! стой! Опять стоимъ. Да

такъ до двухъ разъ: а англичанинъ-то бестія въ штыки не принимаетъ, а все назадъ, да отпаливается. И все бы ничего,—да вдругъ тамъ, говорятъ, лѣвый фланокъ нашъ назадъ идетъ, сбитъ говорятъ.—Шабашъ!..

Обошли, слышь ты фланокъ! Пустое, сударь ты мой, послѣ этого дѣло, коли глазъ нѣтъ! Прости Господи—затоковались сердечные, а тебя какъ тетерева обходятъ! Тутъ и штыкомъ ничего не подѣлаешь!..

А поворачивай ребята на лѣво кругомъ: одинъ балагуръ брякнетъ—а всѣ и пошли! Вотъ тебѣ и сраженіе!... Ну да Господь съ ними: винить никого не слѣдъ—первый блинъ, пожалуй что и комомъ!..»

Всѣ помалчивали. А старикъ только прибавилъ тихо: Одначе, погоди! Не тотъ, говорятъ, молодецъ, кто повалилъ, а тотъ, кто вывернулся. Вотъ что!—Еще увидимъ!... и онъ вздохнулъ...

Дорого бы я далъ, чтобы на моемъ мѣстѣ въ эти минуты посидѣлъ кто-нибудь изъ *ставящихъ*, да токующихъ. Не потому, чтобы это было для нихъ ново—они все знаютъ! А потому и для того, чтобы они своими ушами слышали этотъ тихій, спокойный голосъ, беззавѣтно-храбраго и всепрощающаго человѣка...

Какое самолюбіе, хоть бы до безобразія избалованное, не смирилось бы подъ этимъ тихимъ, сѣтующимъ и такъ дѣтски-упрекающимъ голосомъ преданной своему долгу души. Какая блестящая неспособность, убаюканная привычною лестью, не очнется отъ своего опьяненія и вѣчнаго полусна—при видѣ такого яснаго самоотверженія любящихъ и покорныхъ людей!...

Тѣнь великаго «чудака», пѣвшаго пѣтухомъ, прости: половина генія твоего и славы твоей принадлежитъ живущимъ понынѣ; но ты, великодушный, и самъ всегда сознавалъ это и пламенно любилъ своихъ «чудо-богатырей»! Они живы—все тѣже—лиха бѣда запѣть-то имъ некому!...

«Pardon, messieurs»! раздалось за мною; солдаты уже встали и вытянулись; я оглянулся: тотъ самый адъютантъ, котораго вмѣстѣ съ поручикомъ генеральнаго штаба *Колобовымъ* я встрѣтилъ за день до Альмы, на Бельбекѣ,

ѣхалъ верхомъ во дворецъ, нашъ кружокъ загораживалъ ему дорогу.

Онъ узналъ меня и сообщилъ, между прочимъ, горькую вѣсть: *Жолобовъ* убитъ. Съ этимъ прекраснымъ офицеромъ я познакомился у одного изъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба П. С. Л. еще въ Петербургѣ. Профессоръ говорилъ о немъ, какъ объ офицерѣ, много обѣщающемъ.

8 сентября, въ полдень, въ Симферополѣ знали, что непріятель атаковалъ насъ; поздно вечеромъ пронесся слухъ, что наши отступили, а 9-го, чуть свѣтъ, весь городъ былъ въ несказанной тревогѣ: полиція, жандармы, арестанты поспѣшно строились на сборной площади; «на пра-во, маршъ, за заставу!».

Къ полудню христіанская половина города опустѣла: присутственныя мѣста уѣхали съ возами бумагъ, все бѣжало, какъ могло: за перегонъ до станціи иные платили *по сту* рублей съ тройки; кто не могъ нанять лошадей или воловъ, согнанныхъ со всѣхъ окрестностей города, тотъ бѣжалъ пѣшкомъ, съ дѣтьми, съ узлами и съ разнымъ скарбомъ. Одна вдова въ торопяхъ продала свой каменный домъ за *восемьдесятъ* рублей, какому-то чиновнику; однако чиновникъ, не могшій устоять противъ искушенія благопріобрѣсти домъ, сейчасъ же послѣ купли бѣжалъ самъ. На тридцать верстъ растянулся караванъ бѣгущихъ; зрѣлище было отчаянное; проживавшій въ Симферополѣ ветеранъ 12 го года утверждалъ, что картина этого бѣгства нисколько не уступаетъ картинѣ бѣгства Москвы въ 1812 году.

Часу въ четвертомъ, вышелъ я съ нѣсколькими товарищами взглянуть на городъ; большею частію своихъ улицъ онъ походилъ на тѣ мертвые или сонные города восточныхъ сказокъ, въ которыхъ даже вѣтеръ уснулъ; опустѣлые дома съ растворенными настежь окнами, дверями и воротами, или съ затворенными и заколоченными ставнями и входами, на улицахъ ни души, кое-гдѣ воющая собака, рыскающая кошка, да тамъ и сямъ заглядывающій въ каждую щель цыганъ

Весьма немногіе остались въ городѣ, или по недостатку

средствъ къ внезапному выѣзду, или по благоразумію, не растерявшемуся въ общей суматохѣ; были, впрочемъ, оставшіяся лица и съ такими экспрессіями, которыхъ, какъ говорится въ просторѣчіи, и самъ чортъ не разберетъ.

Такимъ образомъ, внезапно прервались всѣ административныя отправленія въ покинутомъ на волю судебъ городѣ, и солдатъ, посланный мною съ казеннымъ кувертомъ и письмами въ почтовую контору, не засталъ тамъ никого, кромѣ сѣтующей, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена, бабы.

Зайдя къ Бекаріосу въ «Золотой якорь», я засталъ нѣсколько спокойныхъ сотрапезниковъ и между ними странной наружности прапорщика, коснаго, пришепеливающаго, пришлепывающаго языкомъ и приплевывающаго такъ, что и разобрать нельзя, о чемъ онъ говоритъ. А онъ ѣлъ и что-то доказывалъ всей компаніи.

Вечеромъ пронесся слухъ, что изъ главной квартиры прибылъ штабъ-офицеръ, посланный главнокомандующимъ, чтобъ успокоить и вернуть жителей. Дѣйствительно, на утро жители Симферополя стали возвращаться евангельскимъ порядкомъ: послѣдніе первыми. По городу только и слышны были жалобы и счеты убытковъ, надѣланныхъ бѣгствомъ.

Изъ тысячи болѣе-менѣе смѣшныхъ или печальныхъ анекдотовъ, возникшихъ въ этомъ историческомъ событіи, особенно назидательны для потомства два: это — тяжба продавшей домъ вдовы съ покупателемъ чиновникомъ, который на основаніи законовъ оцѣнялъ свой домъ уже не десятками, какъ вчера, а тысячами рублей. Второй эпизодъ, то есть первый: весь содомъ надѣлалъ прапорщикъ, съ которымъ я познакомился наканунѣ за табль-д'отомъ: быстрый, рѣчистый, но, вѣроятно, по невниманію принимавшей его бабки, оставшійся на вѣкъ съ «суконнымъ» языкомъ, прапорщикъ прибылъ по какому-то дѣлу съ позиціи въ Симферополь, встрѣтился съ кѣмъ-то изъ чиновниковъ, наговорилъ много чего-то непонятнаго, но опаснаго, съ жестами тоже опасными; чиновникъ доложилъ губернатору; потребованный предъ лицо уже на-

чальника, прапорщикъ забрызгалъ пуще обыкновеннаго и ничего нѣтъ удивительнаго, что когда на вопросъ генерала, не привыкшаго спрашивать «сколько враговъ», и «гдѣ они»— прапорщикъ вытянулъ руку на западъ и поспѣшилъ отвѣтить «въ трехъ....» мѣстахъ или верстахъ—разбирать этого оракула было некогда, а послѣ побѣды дерзкаго врага въ минуту можно было сообразить, что ему ни почемъ въ ночь сдѣлать переходъ къ стѣнамъ беззащитнаго Симферополя— генералъ воскликнулъ: карету мнѣ карету!. Присутственныя мѣста, а за ними и большая часть чиновнаго люда, стремглавъ выѣхали изъ города; прочіе поспѣшно пошли пѣшкомъ. А прапорщикъ остался обѣдать.

А добровольно ополчившееся общество гражданскихъ чиновниковъ все-таки не измѣнило своей доблести: каждый былъ на своемъ мѣстѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, при письменныхъ дѣлахъ на возахъ.

Симферопольское бѣгство хотя и представляетъ нѣсколько печальныхъ случаевъ, но вообще такъ комично, что серьезный историкъ будетъ крайне затрудненъ этой страницей своей исторіи: изъ пѣсни слова не выкинешь, а ровно ничего, кромѣ смѣха, не возбуждаетъ этотъ жалкій фактъ паническаго страха. Но въ цѣпи событій не бываетъ ни одного звѣна ненужнаго: иногда смѣхъ надобенъ, чтобы притупить горе.

Весь Симферополь смѣялся, но не долго: 12 сентября прибылъ въ городъ транспортъ съ первыми ранеными; — мы уже сами увидѣли нашу родную кровь, наши поломанныя кости; смѣшное перестало казаться смѣшнымъ; оно какъ-то конфузилось и становилось немножко обидно.

Я встрѣтилъ этотъ благородный обозъ около часу пополудни, идя къ моимъ добрымъ знакомымъ, семейству вдовы султана *Крымъ-Гирея*; тамъ засталъ я всю семью за усиленной противъ обыкновеннаго работой: всѣ хозяева, дѣти, гости—щипали корпію; двѣ дѣвицы торопились шить бѣлье, приготовляли бинты и компрессы. Я обѣдалъ у нихъ. Тотчасъ послѣ обѣда принялись опять за дѣло; въ десятомъ часу вечера возвращался я съ прапорщикомъ П** отъ нихъ; еще и *половина* раненыхъ не была размѣщена подъ

крыши, большая часть лежала въ своихъ возахъ, кто со стономъ истекая кровью, кто въ спокойномъ забытьѣ горячки, а кто посматривалъ на проходящихъ, посвистывая «Комаринскую» или «Ѳеню», или покряхтывая и поругивая вполголоса безъ-толку суетящійся вдали какой-то форменный людъ: «Эхъ ма, безтолочь касимовская!—квартирьера бы послать имъ 36-ти фунтоваго!»

Однако скоро милосердіе подняло свой скромный и святой голосъ: первыя слова утѣшенія принесли страдальцамъ женщины.

На другой день, набравъ табаку и сигаръ, мы отправились навѣстить дорогихъ гостей [1]).

А. Ѳ. Погоскій.

ТЕАТРЪ НЫНѢШНЕЙ ВОЙНЫ.

Черное море и его берега.

Наибольшая длина Чернаго моря между вершиной Бургасскаго залива, на западномъ, булгарскомъ берегу (Европейской Турціи) и кавказскимъ берегомъ, немного сѣвернѣе Редут-Кале, т. е. по параллели 42 градусовъ сѣверной широты, простирается на 610 миль (т. е. 1057 верстъ). Наибольшая ширина его въ 330 миль или 572 версты, между городами Очаковымъ, на нашемъ берегу, и Пендерекли на берегу Анатоліи (Азіятской Турціи); а самое узкое мѣсто его въ 142 мили (246 верстъ), между мысомъ Сарычемъ на крымскомъ берегу и мысомъ Керемпé на берегу Анатоліи. По расположенію глубинъ или виду дна, Черное море имѣетъ видъ котла, потому что, начиная отъ береговъ, глубина его быстро возрастаетъ, такъ что на

([1]) «Военный Сборникъ» 1859 г., № 3.

близкомъ разстояніи отъ берега дѣлается почти неизмѣримою; только въ сѣверо-западной части моря, а именно между Крымомъ и западнымъ берегомъ моря, т. е. въ той части его, въ которую впадаютъ большія рѣки: Дунай, Днѣстръ, Бугъ и Днѣпръ, глубина его не такъ велика и отъ сѣверо-западнаго берега возрастаетъ постепенно. Во всѣхъ же остальныхъ частяхъ моря берега приглубые, т. е. дно моря, начиная отъ береговъ, идетъ крутымъ скатомъ въ глубину. По этому вообще къ берегамъ Чернаго моря корабли могутъ подходить на весьма близкое разстояніе.

Вслѣдствіе котлообразнаго вида Чернаго моря, на всемъ пространствѣ его нѣтъ ни мелей, ни подводныхъ камней или вообще скрытыхъ опасностей, кромѣ немногихъ лежащихъ весьма близко къ берегу. На Черномъ морѣ вовсе нѣтъ острововъ, кромѣ трехъ весьма небольшихъ: Фидониси, лежащаго на пути изъ Босфора къ Одессѣ; Березань— противъ устья днѣпровскаго лимана, и Кефкенъ при берегѣ анатолійскомъ, въ 50 миляхъ отъ константинопольскаго пролива.

Весь сѣверный берегъ Чернаго моря и большая часть западнаго весьма низменные, только южная часть западнаго берега довольно возвышенна. Южный берегъ Крыма высокъ и усѣянъ горами, возвышающимися почти до пяти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Восточный, или кавказскій берегъ моря еще гораздо возвышеннѣе крымскаго, и особенно южная часть его; тамъ нѣкоторыя горы возвышаются до десяти тысячъ футовъ. Южный, или анатолійскій берегъ моря самый высокій. Восточная часть его занята сплошнымъ хребтомъ, который мѣстами возвышается до 12-ти тысячъ футовъ надъ поверхностью моря.

Съ сѣвера въ Черное море вливаются рѣки Днѣпръ и Бугъ, образуя общій лиманъ, называемый днѣпровскимъ. Днѣпръ беретъ начало въ Смоленской губерніи и течетъ извилинами къ югу, около 2,000 верстъ. Жители лежащихъ по этой рѣкѣ плодородныхъ губерній перевозятъ по ней свои произведенія въ Херсонъ и Одессу. Бугъ вытекаетъ изъ южной Польши и тоже полезенъ въ этомъ от-

ношеніи. Съ запада въ Черное море впадаютъ Дунай и Днѣстръ; изъ нихъ первая есть одна изъ величайшихъ рѣкъ въ Европѣ и беретъ начало въ Средней Германіи, а вторая въ Польшѣ. На восточномъ берегу Чернаго моря четыре замѣчательныя рѣки: на сѣверѣ—Кубань, отдѣляющая собственно Россію отъ кавказскихъ племенъ; на югѣ—Кодоръ, Хопи и Ріонъ, служащія для транзитной торговли обитателямъ Мингреліи, Абхазіи и Имеретіи. По анатолійскому берегу, кромѣ Кызиль-Ирмака, нѣтъ значительныхъ рѣкъ.

Климатъ по берегамъ Чернаго моря весьма разнообразный, и разность его между сѣверною и южною частями моря гораздо болѣе, нежели должна быть, судя по одной разности широтъ. Сѣверные вѣтры зимою сопровождаются морозами, часто жестокими, особенно въ сѣверныхъ частяхъ моря. Тогда устья днѣпровскаго лимана до мыса Тендры и Днѣстра, даже до Дуная, море замерзаетъ на большее или меньшее разстояніе отъ береговъ, смотря по степени стужи. Керченскій проливъ тоже покрывается льдомъ, и навигація въ этихъ мѣстахъ прекращается на два и даже на три мѣсяца. За суровою зимою часто слѣдуетъ весьма знойное лѣто: но зимы вообще непостоянны и иногда бываютъ весьма легкія, такъ что навигація и въ сѣверной части моря почти не прекращается. Туманы на Черномъ морѣ не бываютъ продолжительны. Впрочемъ при сѣверовосточныхъ вѣтрахъ, дующихъ зимою довольно долго, часто по горизонту стелется густая мгла, совершенно закрывающая берегъ отъ взоровъ мореходца даже въ самомъ близкомъ растояніи отъ него, и это случается при ясномъ небѣ. Въ иныхъ болотистыхъ мѣстахъ Крыма, кавказскаго берега, по Дунаю и въ Анатоліи, въ знойные мѣсяцы свирѣпствуютъ лихорадки, но, по мѣрѣ удаленія отъ этихъ мѣстъ въ море, вліяніе болѣзней прекращается; вообще же воздухъ по берегамъ моря здоровъ.

Сѣверо-восточные вѣтры на Черномъ морѣ сопровождаются лѣтомъ сухою ясною погодою, а зимою по большей части стужею и снѣгомъ при высокомъ стояніи барометра. Вѣтры эти дуютъ жестоко у сѣверныхъ береговъ Кавказа,

около Крыма и у сѣвернаго и западнаго береговъ моря; но при берегахъ Анатоліи они гораздо мягче и приносятъ съ собою прекрасную погоду. Вѣтры сѣверо-западные и западные по большей части сопровождаются мрачною погодою и дождемъ. У западнаго берега они не опасны, но у анатолійскаго дуютъ жестоко, и особенно западные. Юго-западный вѣтеръ дуетъ сильно, большею частію осенью и весною, и особенно опасенъ у сѣверныхъ береговъ Кавказа, гдѣ свирѣпствуетъ иногда съ ужасною силою. Юго-восточный вѣтеръ лѣтомъ сопровождается жарами, вредящими посѣвамъ и растительности вообще, а зимою приноситъ тепло и влажность. Онъ дуетъ жестоко въ юго-восточной части моря и у восточнаго берега бываетъ продолжителенъ. Зимою вообще всѣ вѣтры дуютъ съ большею силою; изъ нихъ сѣверо-восточный самый грозный и продолжительный. Сѣверные вѣтры въ Дарданелльскомъ и Константинопольскомъ проливахъ, часто по цѣлымъ мѣсяцамъ, задерживаютъ суда, идущія въ Черное море. Сопровождаясь морозомъ, сѣверо-восточный вѣтеръ часто ставитъ суда въ гибельное положеніе.

У всѣхъ береговъ Чернаго моря существуютъ бризы, т. е. періодическіе вѣтры, перемѣняющіе свое направленіе два раза въ сутки: ночью вѣтеръ дуетъ съ берега, а днемъ съ моря. Этими вѣтрами пользуются для входа въ порты и выхода изъ нихъ. Въ извѣстныхъ мѣстностяхъ при берегахъ Чернаго моря вѣтры представляютъ нѣкоторыя особенности: такъ, напримѣръ, въ Новороссійской и Геленджикской бухтахъ (по кавказскому берегу) судамъ часто бываетъ гораздо опаснѣе стоять во время вѣтра съ берега, чѣмъ съ моря, потому что береговые вѣтры тамъ стремятся съ горъ съ силою урагана и часто сопровождаются большими морозами. Напротивъ того, въ заливахъ Сухумъ-Кале, Вакѣ и нѣкоторыхъ другихъ, совершенно открытыхъ къ морю, морскіе вѣтры никогда не доходятъ до стоящихъ тамъ судовъ. По всѣмъ берегамъ Чернаго моря есть порты и бухты, въ которыхъ суда могутъ укрываться отъ того или другаго вѣтра, но чрезвычайно мало

такихъ мѣстъ, гдѣ бы суда могли быть безопасны отъ всѣхъ вѣтровъ.

Черное море, принимая въ себя воды многихъ большихъ рѣкъ, освобождается отъ пребывающей въ него воды теченіемъ чрезъ Константинопольскій проливъ въ Мраморное море. Въ проливъ успѣваетъ выйдти только часть стремящейся къ нему воды; остальная же масса воды, отражаясь отъ береговъ, по обѣ стороны пролива образуетъ двѣ другія струи теченія: одна идетъ вдоль Румеліи, при самомъ берегѣ, и не простирается далѣе Сизополя. Другая, встрѣчая менѣе сопротивленія отъ береговъ, направляется весьма широкою полосою вдоль Анатоліи къ востоку и, по мѣрѣ удаленія отъ пролива, постепенно слабѣетъ; около мыса Индже-Бурну, близъ Синопа, теченіе становится незамѣтнымъ у берега. Въ огромномъ заливѣ между Синопомъ и Батумомъ теченіе находится подъ вліяніемъ дующихъ вѣтровъ. Вообще полагаютъ, что отъ мыса Индже-Бурну оно направляется къ сѣверо-востоку. У восточнаго берега моря теченіе направляется къ сѣверо-западу, усиливаясь потоками рѣкъ Ріона и Хопи и многихъ горныхъ рѣчекъ. Подойдя къ Керченскому проливу, теченіемъ изъ него и рѣки Кубани струя склоняется на западъ и идетъ вдоль береговъ Крыма. Минуя ихъ, отъ рѣкъ сѣверной части моря, теченіе принимаетъ направленіе къ югу и такъ слѣдуетъ вдоль западнаго берега до Константинопольскаго пролива. Самая обыкновенная скорость теченія отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ узла. Подчиняясь дующимъ вѣтрамъ, теченіе это мѣстами и по временамъ совсѣмъ прекращается, а потомъ снова принимаетъ прежнее направленіе. Вообще теченіе Чернаго моря, происходя отъ впадающихъ въ него рѣкъ, зависитъ отъ быстроты и полноты ихъ. Самое большое разлитіе рѣкъ бываетъ весною, когда таетъ снѣгъ и идутъ дожди. Поэтому тогда и бываетъ самое быстрое теченіе моря, къ увеличенію котораго въ то время способствуетъ еще и господствующій сѣверо-восточный вѣтеръ. Случается, что теченіе моря увеличивается и осенью, даже среди лѣта, при дождливыхъ погодахъ, сопровождаемыхъ тѣми же сѣверо-восточными вѣтрами; кромѣ того, около самыхъ

береговъ, отъ множества частныхъ теченій, происходящихъ отъ мѣстныхъ рѣкъ и потоковъ, отъ положенія береговъ и другихъ обстоятельствъ.

Мореплаваніе на Черномъ морѣ началось съ незапамятныхъ временъ. Первоначальное плаваніе, не говоря уже о миеическомъ походѣ Язона въ Колхиду, начато греками по необходимости поддерживать сообщеніе съ заведенными ими на берегахъ этого моря колоніями. Скиѳы и мидяне, обитавшіе издавна близъ его береговъ, безъ сомнѣнія, имѣли ладьи, на которыхъ пускались за рыбнымъ промысломъ или добычею, но подобныхъ попытокъ еще нельзя назвать мореплаваніемъ. Впервые воспользовался Чернымъ моремъ, какъ военной позиціей, Дарій, царь персидскій, въ войнѣ противъ скиѳовъ; послѣ него обратился къ морю Ксенофонтъ при знаменитомъ своемъ отступленіи. Въ болѣе позднее время, византійскіе императоры посылали свои флоты въ покорённыя ими на берегахъ Чернаго моря области, и одинъ изъ русскихъ князей, Олегъ, перевезъ по морю свои полчища въ Царьградъ. Но всѣ эти переходы были прибрежные, а собственно навигація началась не прежде покоренія Константинополя баронами западныхъ европейскихъ государствъ въ 1204 году. Изъ числа участвовавшихъ въ экспедиціи венеціяне и генуэзцы заняли нѣкоторыя мѣста по берегамъ Чернаго моря и основали на нихъ торговыя факторіи, достигшія впослѣдствіи цвѣтущаго состоянія. Навигація вскорѣ затѣмъ получила развитіе, когда Константинополь подпалъ подъ владычество турокъ. Привиллегіи различныхъ факторій продолжали нѣкоторое время существовать, но потомъ владѣнія венеціянъ и генуэзцевъ перешли къ султанамъ и ихъ вассаламъ. Тогда торговля, а за нею и навигація на Черномъ морѣ упала. Но въ исходѣ прошедшаго столѣтія, когда сѣверные берега Чернаго моря присоединены къ владѣніямъ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, торговля снова оживилась и создался нашъ черноморскій флотъ. Наконецъ въ послѣднее время, торговыя сношенія, увеличиваясь все болѣе и болѣе, побудили къ устройству многихъ линій пароходнаго сообщенія. число которыхъ постоянно возрастаетъ.

Торговля Чернаго моря производится большею частію сырыми произведеніями. Изъ Одессы, главнаго торговаго порта южной Россіи, вывозится зерновой хлѣбъ, льняное сѣмя, шерсть, сало и кожи. По рѣкѣ Днѣпру сплавляютъ, въ плотахъ и на баркахъ, дубовый и сосновый лѣсъ для кораблестроенія, мачтовыя деревья и доски, пеньку, льняное сѣмя, смолу, выдѣланное желѣзо, парусину и стеклянныя издѣлія. Крымъ отправляетъ въ большомъ количествѣ соль, шерсть и кожи. Черезъ Керчь изъ азовскихъ портовъ вывозятъ зерновой хлѣбъ, соль, шерсть, сало, льняное сѣмя и кожи. Изъ Земли Черноморскихъ Казаковъ чрезъ Тамань вывозятъ пшеницу, сало и кожи. Съ кавказскаго берега морская торговля ограничивается незначительнымъ количествомъ лѣса, воску, меду, піявокъ, пальмоваго и орѣховаго дерева. Съ береговъ Анатоліи вывозятъ каменный и древесный уголь, дрова, корабельный и строевой лѣсъ, воловьи кожи, табакъ, піявки, сарачинское пшено, мѣдь и свинецъ въ слиткахъ, пеньку, смолу, полотна, ленъ, шелкъ, орѣхи, фрукты. Сверхъ того въ Требизондъ доставляются изъ Эрзерума и Эривани различныя персидскія произведенія цѣлыми караванами. Румелія сбываетъ пшеницу, ячмень, воскъ, шерсть, масло, медъ, табакъ, красильныя растенія и дубовый строевой лѣсъ. Булгарія торгуетъ произведеніями скотоводства, овцеводства и землепашества. Молдавія и Валахія отправляютъ по Дунаю огромными плотами еловыя мачтовыя деревья, шерсть, воловьи кожи, сало, масло, пеньку, ленъ, табакъ, воскъ, медъ и зерновой хлѣбъ. Бессарабія сбываетъ зерновой хлѣбъ всякаго рода, бычачьи кожи, сало и воскъ.

На турецкихъ берегахъ Чернаго моря всего четыре маяка, изъ которыхъ два (у входа въ Константинопольскій проливъ) освѣщаются весьма дурно, третій (у Пендерекли, на берегу Анатоліи) еще хуже, а четвертый (у мыса Шаблера, тамъ же) совсѣмъ не освѣщается.

На русскихъ берегахъ, для облегченія мореплаванія, на протяженіи отъ Дуная до Керченскаго пролива, устроено 12 маяковъ, которые очень хорошо содержатся. Кромѣ маяковъ, на низменныхъ берегахъ поставлены знаки въ

приличныхъ мѣстахъ, и всѣ скрытыя опасности и фарватеры обозначены баканами и вѣхами.

Западный берегъ Чернаго моря. Отъ маяка на европейской сторонѣ при входѣ въ Босфоръ до Одессы этотъ берегъ занимаетъ по прямому направленію протяженіе въ 324 мили (555 верстъ). По виду этого берега для взора мореплавателя, онъ раздѣляется мысомъ Каліакрою на двѣ различныя части: южная изъ нихъ, кромѣ мѣстности близъ пролива, гористая, возвышенная и лѣсистая, а сѣверная— однообразная, ровная, низменная и усѣянная множествомъ кургановъ. Уступая анатолійскому берегу въ разнообразіи мѣстности и произведеній, этотъ берегъ не менѣе важенъ въ торговомъ отношеніи. Разные порты его служатъ пунктами складки и сбыта зерноваго хлѣба, привозимаго сюда съ равнинъ Румеліи, Булгаріи, Бессарабіи и южной Россіи: Молдавія и Валахія, по Дунаю, разсылаютъ также хлѣбъ и въ большомъ количествѣ еловыя рангоутовыя деревья. Балканы, прилегающія къ морю между Румеліею и Булгаріею, изобилуютъ прекраснымъ лѣсомъ для строеній всякаго рода. Лучшія убѣжища на этомъ берегу для судовъ отъ непогодъ суть: Члючене-Искелеси или Кадживеласъ-Скала въ верховьѣ Бургасскаго залива, Сизополь, въ началѣ этого же залива, Балчикъ, близъ мыса Каліакры, и Инадскій рейдъ. Менѣе безопасныя: Бургасъ, Ахіоло, Варна, Каварна и проч. Прибрежное народонаселеніе турецкой части этого берега состоитъ: отъ пролива до мыса Эмине преимущественно изъ грековъ, а отъ мыса до Дуная изъ булгаръ, говорящихъ испорченнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Турокъ весьма мало и вообще народонаселеніе вовсе несоразмѣрно огромному количеству удобной для воздѣлыванія земли.

При выходѣ въ Босфоръ на европейскомъ берегу, маякъ, о которомъ сказано выше, состоитъ изъ восьми-угольной башни бѣлаго цвѣта, освѣщаемой постояннымъ огнемъ, который видѣнъ за 13 или 14 миль. Башня эта стоитъ на мысѣ, противъ котораго группа большихъ подводныхъ скалъ, называвшихся въ древности Кіанейскими островами. Скалы эти соединены съ берегомъ грядою каменьевъ и на восточномъ

*

краѣ ихъ видѣнъ остатокъ мраморной колонны, почитаемый за древній жертвенникъ Аполлона.

Далѣе скалистый мысъ Кара́-Бурну и городокъ Мидія, близъ котораго въ горѣ высѣчены пещеры, внутреннее устройство которыхъ заставляетъ отнести ихъ ко времени гоненія христіанъ. Рейдъ Инадскій въ 62 миляхъ отъ Константинопольскаго пролива; при немъ только нѣсколько домиковъ, но тамъ складка артиллерійскихъ снарядовъ, отливаемыхъ въ ближнемъ городѣ Самаковѣ. Рейдъ уважается мореплавателями, какъ вѣрное и довольно спокойное убѣжище отъ жестокихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, господствующихъ въ зимнее время. Далѣе греческія мѣстечки Агатополь и Василико.

На всемъ западномъ берегу самый большой заливъ Бургасскій, который вдается въ берегъ на $17^1/_2$ миль и постепенно съуживается, къ городу Бургасу, находящемуся у самаго верховья его. Въ заливѣ этомъ нѣсколько убѣжищъ болѣе или менѣе безопасныхъ при различныхъ вѣтрахъ, и глубина его вездѣ достаточна для самыхъ большихъ судовъ. При началѣ залива заселенный греками городъ Сизополь, одинъ изъ лучшихъ портовъ Чернаго моря. Жители занимаются мелочною торговлею, винодѣліемъ и скотоводствомъ. Противъ берега, на разстояніи между проливомъ и Сизополемъ, русскій флотскій офицеръ *Казарскій*, въ 1828 году, совершилъ геройскій подвигъ, сражаясь однимъ 18-ти-пушечнымъ бригомъ, съ двумя линейными турецкими кораблями, при рѣшимости взорвать на воздухъ бригъ въ случаѣ неудачи. Въ Севастополѣ поставленъ памятникъ *Казарскому*. Городъ Бургасъ въ самой глубинѣ залива, построенъ на бѣломъ утесистомъ берегѣ и при немъ бургасскій рейдъ, открытый восточнымъ вѣтрамъ и неглубокій. Въ торговомъ отношеніи, Бургасъ есть важнѣйшій портъ Румеліи. Ежегодно послѣ времени жатвы сюда приходятъ за хлѣбомъ многія европейскія суда. Австрійскіе пароходы заходятъ сюда, на пути изъ Константинополя въ Варну, дважды въ мѣсяцъ. Австрія имѣетъ здѣсь своего консула. По обѣ стороны Бургаса два лимана, изъ нихъ сѣверный питается горячими водами

Илиджи, которыя привлекаютъ сюда многихъ посѣтителей изъ окрестностей. Равнина, лежащая къ сѣверу отъ Бургасскаго залива, выдается въ море двумя мысами, соединенными съ материкомъ узкими перешейками—Ахіоло и Мессемврія, на которыхъ расположены города тѣхъ же названій Ахіоло, въ древности Анхіалъ, довольно большой городъ, мѣстопребываніе окружнаго начальства, которому подчинены и города Бургасъ и Сизополь. Народонаселеніе въ немъ состоитъ изъ грековъ, а турокъ здѣсь не болѣе 80-ти человѣкъ, живущихъ по обязанностямъ службы. Въ городѣ всего одна мечеть. Перешеекъ занятъ соляными лагунами, имѣющими сообщеніе съ озеромъ, лежащимъ къ сѣверу отъ города. Жители занимаются солянымъ промысломъ; главные предметы сбыта соль и вино посредственнаго качества. Зимою здѣсь укрываются многія суда отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Съ обѣихъ сторонъ города близъ него находятся опасные рифы и банки.

Мессемврія расположена на крутомъ, утесистомъ полуостровѣ, соединенномъ съ материкомъ столь низменнымъ и узкимъ перешейкомъ, что иногда чрезъ него сходитъ волненіе и тогда сообщеніе города съ материкомъ прекращается. Съ обѣихъ сторонъ перешейка два рейда: изъ нихъ южный чаще посѣщается купеческими судами, потому-что онъ болѣе нежели сѣверный защищенъ отъ опаснаго здѣсь сѣверо-восточнаго вѣтра. Въ Мессемвріи находится до 45 развалинъ старинныхъ византійскихъ церквей, изъ которыхъ только четыре довольно сохранились для того, чтобы можно было совершать въ нихъ богослуженіе. Народонаселеніе состоитъ изъ грековъ, имѣющихъ здѣсь епископа. Турокъ очень-мало и они имѣютъ одну мечеть. Остатки крѣпостной стѣны вмѣстѣ съ храмами свидѣтельствуютъ о прежнемъ большомъ значеніи этого города. Промышленность въ немъ ограничивается винодѣліемъ, рыбною ловлею и отчасти хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ. Отсюда отправляется ежегодно около 50 грузовъ пшеницы и большое количество дубовыхъ клепокъ для бочекъ. Полуостровъ окруженъ рифами. Отъ сѣверной оконечности Бургасскаго залива, т. е. отъ мыса Эмине до

Варны, берегъ весьма лѣсистый, мѣстами обрывистый и покрытъ густою зеленью.

Варна самый значительный городъ на западномъ берегу Чернаго моря, не считая Одессы, расположенъ у самаго моря въ глубинѣ залива, съ югу ограниченнаго высокимъ мысомъ Галатомъ, у подошвы сѣверной покатости Балкановъ, лежитъ въ 240 верстахъ отъ Константинополя, въ 70 отъ Шумлы и около 100 отъ Силистріи. Замѣчательна какъ крѣпость, составляющая важный оборонительный пунктъ Оттоманской имперіи для прикрытія одной изъ главныхъ дорогъ черезъ Балканы къ Константинополю. Живописно-раскинутый по скату возвышенности, тянущейся отъ хребта, идущаго вдоль сѣвернаго берега залива, городъ Варна съ морской и съ западной стороны обнесенъ невысокою стѣною съ бойницами для ружейной обороны, а съ остальныхъ сторонъ землянымъ валомъ и рвомъ, одѣтымъ камнемъ. Къ этой стѣнѣ и валу примыкаютъ въ разныхъ мѣстахъ редуты и батареи. Въ Варнѣ считается до 3,000 домовъ и 8 мечетей. Несмотря на многочисленность зданій въ Варнѣ, между городомъ и стѣнами его остается еще большое пустое пространство. Въ приморской крѣпости находится карантинъ и три пристани, довольно-удобныя даже при восточномъ вѣтрѣ, дующемъ прямо въ заливъ. Ширина Варнскаго залива такъ велика, что въ немъ можетъ удобно помѣститься многочисленный флотъ. Въ зимнее время восточные вѣтры бываютъ гибельны для стоящихъ въ заливѣ судовъ, хотя ночью эти вѣтры и смѣняются обыкновенно сѣверо-западнымъ вѣтромъ, дующимъ съ ужасною силою. Октябрь и ноябрь считаются здѣсь самыми безпокойными мѣсяцами для судовъ. Народонаселеніе состоитъ изъ 13,000 человѣкъ, половина которыхъ турки, а другая греки, булгары и отчасти армяне (300 чел.), имѣющіе здѣсь епископа. Евреевъ весьма-мало. Въ послѣдніе годы Варна пріобрѣла значеніе въ комерческомъ отношеніи. Въ теченіе года варнскій рейдъ посѣщаютъ около 480 судовъ разныхъ націй и онъ служитъ мѣстомъ вывоза пшеницы и ячменя изъ всей Булгаріи. Сверхъ-того отсюда вывозится кожа,

сало, масло, сыръ, домашняя птица всякаго рода, особенно куры, и яйца. Въ годъ отправляютъ въ Константинополь до 50 мильоновъ яицъ и до 200 тысячъ куръ. Спиртныхъ напитковъ, несмотря на большое количество выдѣлываемыхъ въ Варнѣ, ввозится весьма много. Изъ Россіи и Англіи доставляется сюда много желѣза. Кофе, сахаръ, перецъ и пр., деревянное масло, оливки, изюмъ, миндаль, дополняютъ статьи ввозной торговли вмѣстѣ съ сукнами, хлопчатою бумагою, пряжею, матеріями и проч. [1].

Австрійскіе пароходы, содержащіе сообщеніе между Константинополемъ и дунайскими портами, на пути своемъ заходятъ въ Варну еженедѣльно два раза, т.-е. одинъ разъ идя изъ Константинополя, а другой разъ на обратномъ пути. Сверхъ того пароходъ, имѣющійся въ запасѣ у компаніи въ Константинополѣ, на случай надобности на какой-нибудь линіи, посылается въ Варну еженедѣльно и заходитъ въ Бургасъ. По южному и сѣверному берегамъ варнскаго рейда идутъ возвышенности; между ними, западнѣе города, широкій лиманъ Девно: онъ соединяется съ заливомъ рѣчкою Варною, протекающею подъ южною стѣною города по болотистой долинѣ, которая прилегаетъ къ заливу песчанымъ поморьемъ.

Принимая во вниманіе важность города Варны, какъ пункта сбыта всѣхъ произведеній Булгаріи, турецкое правительство въ послѣднее время присылало ученыхъ инженеровъ, съ порученіемъ составить проекты для устройства тамъ безопаснаго порта. Увлекаясь обширностью и глубиною лимана Девно (глубина доходитъ мѣстами до 11 саженъ), инженеры предлагаютъ соединить его съ моремъ посредствомъ глубокаго канала, къ чему немало способствуетъ русло рѣки, теперь недоступное даже для лодокъ и занятое мельницами. На выполненіе этого проекта потребовалось бы чрезвычайно-много трудовъ. Археологи единогласно утверждаютъ, что около Варны или на мѣстѣ ея, существовалъ древній Одиссосъ; нѣкоторые изъ нихъ

[1] Свѣдѣнія о торговлѣ Варны почерпнуты изъ „Journal de Constantinople“ 1850.

предполагаютъ его въ верховьѣ лимана Девно, подавая тѣмъ поводъ думать, что лиманъ дѣйствительно въ древности имѣлъ съ моремъ удобное сообщеніе.

Въ 1444 г. въ блистательный вѣкъ оттоманскаго могущества, подъ Варною султанъ Амуратъ II разбилъ войско юнаго короля польскаго Владислава III. Въ 1773 и 1810 г. русскія войска пытались, но неудачно, овладѣть Варною. Наконецъ, въ 1828 году эта сильная крѣпость осадою взята была нашими войсками подъ предводительствомъ графа *Воронцова* и начальника флота, атаковавшаго крѣпость со стороны моря, адмирала *Грейга*. Трофеями взятія Варны были 162 орудія, значительное число припасовъ и снарядовъ и 6.000 плѣнныхъ. Въ 1830 году съ окончаніемъ кампаніи, Варна поступила обратно во владѣніе турокъ.

Къ сѣверу отъ Варны хребетъ Балканскихъ горъ простирается къ берегу и со стороны моря представляетъ крутые известковые обрывы, которые мѣстами, гдѣ они не такъ круты, смѣняются зеленью кустарниковъ и рощъ. На этомъ берегу находятся Балчикъ и Каварна.

Рейдъ Балчика открытъ на юго-востокъ, но, по словамъ старожиловъ, вѣтры, дующіе съ этой стороны, очень ослабляются, доходя до берега. Шкипера, плавающіе у береговъ Румеліи и Булгаріи, вообще считаютъ Балчикъ вторымъ, по его безопасности, убѣжищемъ, даже зимою. Балчикъ производитъ значительный торгъ пшеницею и ячменемъ, за которыми ежегодно приходятъ до 200 судовъ, по большей части турецкихъ. Въ зимнее время рейдъ этотъ оживляется судами всѣхъ націй, приходящихъ въ него во множествѣ искать убѣжища отъ непогодъ. Дурное состояніе пристани и дороги къ ней препятствуетъ большему развитію мѣстной торговли. Большую часть народонаселенія составляютъ турки, а остальную булгары и въ маломъ числѣ греки.

Въ восьми миляхъ восточнѣе Балчика въ ущельѣ, обставленномъ высокими, совсѣмъ отвѣсными и голыми скалами, находится бѣдное селеніе Каварна, съ пристанью и рейдомъ, въ которомъ зимою суда часто укрываются отъ

сѣверныхъ вѣтровъ. Существованіе мостовыхъ и множество развалинъ большихъ строеній въ Кабарнѣ свидѣтельствуютъ, что селеніе было нѣкогда большимъ городомъ. Отсюда отправляется ежегодно нѣсколько грузовъ пшеницы и ячменя. Восточнѣе Каварны находится мысъ Каліакра или Джелегра, одинъ изъ наиболѣе выдающихся пунктовъ на всемъ западномъ берегѣ Чернаго моря. Онъ со всѣхъ сторонъ обставленъ отвѣсными скалами красноватаго цвѣта; на немъ, на высотѣ 200 футовъ, видны остатки старинной большой крѣпости. Въ 12-ти миляхъ отъ этого мыса находится мысъ Шаблеръ, около котораго довольно-часто разбиваются суда. Далѣе весь берегъ отъ мыса Каліакры до устій Дуная весьма однообразенъ. Недалеко отъ мыса Шаблера лежитъ мѣстечко Мангалія и немного далѣе тоже ничтожное мѣстечко Кюстендже, бывшее нѣкогда большимъ городомъ и крѣпостью. Около него каждую зиму разбиваются суда. Кюстендже почти не производитъ торговли и все болѣе и болѣе пустѣетъ. Теперь въ немъ не болѣе 50 домовъ и 120 человѣкъ жителей. Но въ кампанію 1828 и 1829 годовъ мѣстечко это, до взятія Варны, имѣло нѣкоторую важность, потому-что къ нему приходили суда, нагруженныя припасами для нашей арміи. Въ послѣднее время, австрійская пароходная компанія, принимая во вниманіе близость Кюстендже къ Дунаю, устроила отъ него до Черноводъ хорошую дорогу и пыталась нагружать товары и свозить пассажировъ въ Кюстендже, а оттуда перевозить ихъ въ Черноводы, гдѣ ждалъ прибывшихъ другой пароходъ и отвозилъ ихъ вверхъ по Дунаю. Но неоднократныя несчастія, случавшіяся съ пароходами въ мѣстѣ открытомъ всей ярости господствующихъ вѣтровъ, принудили компанію оставить это предпріятіе. Кюстенджe, въ древности Томи, основанъ милетянами за 645 лѣтъ до Р. Х. Сюда былъ сосланъ въ заключеніе Овидій, написавшій здѣсь свои элегіи. Кюстенджe, конечно, никогда не достигнетъ вновь прежней важности греческой колоніи Томи, на развалинахъ которой онъ построенъ, или торговаго значенія, которое имѣлъ находясь въ рукахъ генуэзцевъ.

Устье Дуная образуетъ обширную низменность, далеко

выдающуюся въ море къ юго-востоку отъ общаго направленія западнаго берега Чернаго моря. По этой низменности протекаютъ извилинами многіе рукава Дуная, которыми онъ вливается въ море. Главные рукава или гирлы суть: Портицкое, протекающее чрезъ большое озеро Разино, отдѣленное отъ моря только узкою косою, Георгіевское, Сулинское и (самое важное) Килійское. Прибрежье этихъ потоковъ до того низменно, что едва возвышается надъ горизонтомъ воды и все поросло, на огромномъ пространствѣ, камышемъ и изрѣдка лѣсомъ. Протяженіе всего устья Дуная по общему направленію западнаго берега моря около 70 миль. Противъ устій, на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, находится островъ Фидониси. Низменный морской берегъ устья замѣтенъ съ моря болѣе по рыбачьимъ хижинамъ, разбросаннымъ на немъ тамъ и-сямъ. На всей низменности разсѣяно много озеръ, изъ которыхъ нѣкоторыя такъ близки къ морю, что отдѣляются отъ него только узкими полосами земли. Глубина отъ берега увеличивается весьма-равномѣрно и медленно. Портицкое гирло несудоходно, но противъ него берегъ моря образовалъ углубленіе въ которомъ можетъ стоять на якорѣ многочисленный флотъ на хорошемъ илистомъ грунтѣ и на глубинѣ отъ 6 до 8 саженъ. Разительная перемѣна въ цвѣтѣ морской воды предувѣдомляетъ судно во-время о приближеніи его къ этому гирлу.

Георгіевское гирло отдѣляется отъ Сулинскаго нѣсколько ниже крѣпости Тульчи и, протекая извилинами около 98 верстъ, впадаетъ въ море безъ раздѣленія на рукава. Глубина рѣки невелика, особенно при впаденіи въ море, такъ-что она судоходна только для каботажныхъ судовъ, сидящихъ въ водѣ не глубже 5 футовъ и которыя ходятъ двумя фарватерами, идущими между банками и подверженными частымъ измѣненіямъ отъ заноса иломъ. На лѣвой или сѣверной сторонѣ его лѣсистая и возвышенная мѣстность. Турки называютъ Георгіевскій Дунай Гедерлесъ-Богазы. Онъ отдѣляетъ оттоманскія владѣнія отъ Россіи. Отъ Георгіевскаго до Сулинскаго гирла, низменный берегъ представляетъ самый пустынный видъ, весь покрытъ

камышемъ и только изрѣдка на немъ видны деревья. По обѣ стороны Сулинскаго гирла такой же берегъ и отличается совершеннымъ безлѣсьемъ. Передъ устьемъ этого гирла находится опасная мель и баръ, на которомъ иногда разбиваются купеческія суда, непринявшія должныхъ предосторожностей. Противъ устья находится уже упомянутый нами островъ Фидониси или Змѣиный, по турецки Иланъ-Адасы, скалистый, съ обрывистыми берегами и на срединѣ возвышенный. На возвышеніи построенъ высокій маякъ съ вертящимся весьма-яркимъ огнемъ, который освѣщаетъ окрестность на 16 миль. Кромѣ маячныхъ сторожей на этомъ островѣ никто не живетъ, тѣмъ-болѣе, что тамъ нѣтъ прѣсной воды, которая собирается отъ дождей въ каменной цистернѣ и привозится съ берега. Въ древности этотъ островъ называли Левки и на немъ находился храмъ, посвященный Ахиллесу. Замѣчательно, что объ этомъ маленькомъ островѣ существуетъ множество древнихъ преданій. Близъ этого острова было сраженіе въ 1788 г. русской эскадры съ турецкимъ флотомъ.

Килійское гирло, протекающее мимо Измаила, Тучкова, Клевицы и Киліи на протяженіи 105 верстъ, при впаденіи въ море дѣлится на нѣсколько протоковъ, мелководныхъ и фарватеры которыхъ безпрерывно измѣняются. Поэтому-то по Килійскому Дунаю ходятъ только лодки и рыбачьи суда, не смотря на то, что онъ составляетъ кратчайшій путь къ Измаилу, Галацу и другимъ торговымъ мѣстамъ. Устье его образуетъ около 30 низменныхъ песчаныхъ острововъ и отмель, выдающуюся въ море. Всѣ дунайскія устья образуютъ между собою множество острововъ разной величины, которые раздѣляются на четыре главныя группы: Чаталъ, Лети, Георгіевскій и Портицкій. Первые три принадлежатъ Россіи, а послѣдній Турціи, но часть его считается нейтральною и на ней запрещено селиться. Эти острова возвышаются лишь на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ моря и покрыты (за исключеніемъ опустѣлаго Портицкаго) сѣнокосами, виноградными садами и пашнями, также частію льнами; но по большей части тростникомъ, убѣжищемъ кабановъ и другихъ дикихъ звѣ-

рей. Въ настоящее время народонаселеніе и торговля на нихъ значительно увеличилась и казна получаетъ большіе доходы отъ отдачи (¹) на откупъ рыбнаго промысла и сѣнокосовъ.

Важность рѣки Дуная въ военномъ отношеніи на описанномъ нами пространствѣ доказана опытами всѣхъ войнъ, веденныхъ въ этой странѣ, со временъ Дарія Истаспа, который въ борьбѣ со скиѳами перешелъ рѣку немного выше ея раздѣленія на рукава, слѣдовательно около Исакчи. Римляне, взирая на Дунай, какъ на главный оплотъ своихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ границъ въ Европѣ, всячески старались усилить его крѣпостями и укрѣпленными линіями и произвести по Дунаю разные пути сообщенія, изъ которыхъ самый замѣчательный есть береговая дорога, проложенная Траяномъ чрезъ скалы при Орсовѣ. До сихъ-поръ сохранились остатки каменнаго моста со временъ Траяна, при Черпети. Потомъ берега Дуная были свидѣтелями многочисленныхъ войнъ Восточной Римской имперіи съ устремлявшимися на нее въ разныя времена варварскими народами: вандалами, гуннами, готами, булгарами, которые при Святославѣ хотѣли тутъ основать новое славянское государство. По утвержденіи въ Европѣ оттоманскаго владычества, крестоносцы, поляки и венгры тщетно старались поколебать его въ этихъ мѣстахъ; побѣды при Никополѣ и Варнѣ озарили новымъ блескомъ восходящую луну. Но наконецъ явился на нижнемъ Дунаѣ нашъ побѣдоносный двуглавый орелъ, перелетѣлъ его подъ предводительствомъ Задунайскаго, подвинулъ въ царствованіе Александра границы Россіи до его устьевъ, а въ нынѣшнее благополучное царствованіе Государя Императора Николая Павловича понесъ громы свои черезъ Балканскія горы къ устрашенному Стамбулу.

На Дунаѣ, ниже впаденія въ него Прута, находится торговый городъ Галацъ, еще ниже турецкія крѣпости Исакчи и Тульча. Въ началѣ современной войны, 11 октября 1853 года, по распоряженію генерала *Лидерса*, от-

(¹) Воен. Энц. Лек. т. I стр. 223.

рядъ дунайской гребной флотиліи изъ 8 канонерскихъ лодокъ, буксируемыхъ пароходами «Прутъ» и «Ординарецъ», отправился отъ острова Чаталъ, близъ Измаила, въ Галацъ для охраненія нашихъ границъ по Дунаю. При Исакчи произошло сраженіе. Успѣшнымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи съ судовъ произведенъ сильный пожаръ въ Исакчи, лагерь почти истребленъ и войска изъ него разбѣжались толпами (¹).

На лѣвомъ берегу килійскаго или восточнаго устья его находится чрезвычайно сильная крѣпость Измаилъ, съ тройною стѣной, отнятая у турокъ въ 1790 году Суворовымъ послѣ кровопролитнаго штурма. Въ крѣпости находятся адмиралтейство и два греческіе монастыря. При Измаилѣ предмѣстье его Тучковъ, заключающее вмѣстѣ съ чиновниками военнаго и гражданскаго вѣдомства до 20 тысячъ жителей. При самомъ устьѣ Килійскаго Дуная лежитъ крѣпость Килія съ 6,000 жителей.

Далѣе Дуная по всему протяженію берега почти до Одессы стелется ровная степь, на которой виднѣется нѣсколько кургановъ; мѣстами песчаное прибрежье, и на немъ лѣтомъ разбросанныя кучки соли. Но ближе къ устьямъ рѣки Днѣстра берегъ дѣлается обрубистый и вдоль него тянется низменная песчаная коса, отдѣляющая устья Днѣстровскаго лимана отъ моря. Берега лимана довольно возвышенны, на западномъ берегѣ его городъ Аккерманъ, а на восточномъ, усѣянномъ хуторами, противъ него городъ Овидіополь. Аккерманъ, прежній Бѣлгородъ, лежитъ на правомъ берегу днѣстровскаго лимана въ Бессарабіи, былъ прежде турецкою крѣпостью, а теперь портовый городъ. Онъ третій разъ во власти русскихъ. Первый разъ онъ принадлежалъ Россіи съ 1770 по 1774 г., второй разъ съ 1789 по 1791 и, наконецъ, въ третій разъ взятъ въ 1806 году и, по букарестскому трактату, въ 1812 году навсегда утвержденъ за Россіей. Въ немъ производится значительная торговля пшеницею, солью и масломъ, и находится болѣе 25,000 жителей.

(¹) Сборн. Изв. кн. I, отд. 4, стр. 7 и 8.

От устья Днѣстра къ востоку берегъ моря отвѣсный съ мелью вдоль его. По этому берегу въ 14 миляхъ отъ лимана мысъ и маякъ Фонтанъ и при немъ селеніе Люстдорфъ, правильно выстроенное съ садами и мельницами. Къ югу отъ этого мыса море рѣдко замерзаетъ, и потому пароходы, содержащіе сообщеніе между Одессою и Константинополемъ, зимою сдаютъ иногда почту въ Люстдорфѣ. При мысѣ у самаго берега находится ключъ, или скорѣе фонтанъ съ резервуаромъ и помпами, изъ котораго намѣреваются провести воду въ Одессу. Маякъ, стоящій на мысѣ съ постояннымъ огнемъ, указывающій путь судамъ, подходящимъ къ одесскому рейду, возвышается на берегу рядомъ съ куполомъ находящагося тутъ Успенскаго монастыря. Берегъ отъ этого мыса до Одессы возвышенный и состоитъ изъ красноватыхъ глинистыхъ обрубовъ и покрытъ хуторами и садами. Берегъ у Одессы образуетъ обширный заливъ Хаджибейскій, имѣющій полукруглый видъ. На возвышенностяхъ и песчаной низменности этого берега, расположенъ городъ Одесса, главный пунктъ сбыта произведеній юго-западной Россіи.

Одесскій рейдъ, хорошо защищенный отъ южныхъ вѣтровъ, открытъ сухимъ восточнымъ. Онъ для обезопасенія стоящихъ въ немъ судовъ отъ волненія, раздѣленъ тремя искусственными молами на три бассейна. Въ первомъ изъ нихъ близъ крѣпости и карантина, за карантиннымъ моломъ, между нимъ и платоновскимъ моломъ, становятся корабли, подверженные карантиннымъ правиламъ, а два другіе за молами платоновскимъ и практическимъ предназначены для судовъ военныхъ и купеческихъ, приходящихъ изъ такихъ портовъ, гдѣ не предполагается чумы. За практическимъ моломъ становятся обыкновенно пароходы, содержащіе сообщеніе съ крымскими портами, Кавказомъ и Галацемъ. Внѣшняя часть бухты, т. е. восточнѣе практическаго мола, представляетъ прекрасное якорное мѣсто для самыхъ большихъ судовъ, но, къ сожалѣнію, часто подверженное восточнымъ и особенно юго-восточнымъ вѣтрамъ. Эти страшные вѣтры, пронесясь чрезъ

все Черное море, вгоняють въ одесскую гавань бурныя, ничѣмъ неудержимыя волны.

Одесса расположена правильно, какъ и вообще новые города въ Россіи, съ широкими прямыми улицами, снабженными превосходными тротуарами, и выстроена тщательно. Лучшая часть города находится на возвышенности, по всему краю которой устроенъ бульваръ, прекрасное общественное гульбище. Въ средней части этого бульвара, окруженной великолѣпными домами, стоитъ бронзовая статуя герцога Ришелье, которому Одесса весьма многимъ обязана. Отъ подножія статуи исполинская лѣстница въ двѣсти футовъ шириною спускается съ большой террасы на нижнюю набережную. Подъ лѣстницей устроены подземныя галлереи, поддерживаемыя сводами, для проѣзда къ порту экипажей и повозокъ. Городъ имѣетъ театръ, въ которомъ дается постоянно итальянская опера, Ришельевскій лицей, институтъ для благородныхъ дѣвицъ, многія превосходныя церкви, изъ нихъ 18 русскихъ и нѣсколько разновѣрческихъ, 6,000 домовъ, обширныя площади, базары, нѣсколько богатыхъ коммерческихъ заведеній. Наиболѣе движенія замѣтно въ Ришельевской улицѣ, самой богатой и многолюдной. Въ ней множество магазиновъ, въ которыхъ выставлены самыя разнообразныя европейскія издѣлія, привозимыя сюда свободно, потому-что Одесса есть портофранко-единственный въ Россіи (съ 1818) Въ Одессѣ сосредоточено управленіе Новороссійскимъ Краемъ. она есть самый цвѣтущій портовый городъ на берегахъ Чернаго моря и важнѣйшій въ южной Россіи. Этотъ городъ въ очень короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія, и теперь, послѣ Петербурга и Москвы, онъ лучшій въ Россіи, по торговлѣ и постройкѣ. Торговля Одессы хотя и подавила торговлю нѣкоторыхъ приморскихъ городовъ южной Россіи (Николаева, Херсона, Ростова), но за то очень увеличила производительныя силы южнаго края. Сюда изъ южныхъ губерній привозятъ предметы скотоводства и земледѣлія, изъ восточныхъ — полотна и канаты, а изъ-за границы—деревянное масло, нефть, фрукты, хлопчатую бумагу, шелкъ и проч. Хлѣбъ составляетъ глав-

ный предметъ вывоза изъ Одессы; второстепенныя статьи вывоза суть: сало, кожи, шерсть, канаты, рыба и проч., и проч. Общій оборотъ привоза въ одесскій портъ и вывоза изъ него впродолженіе 18 лѣтъ, съ 1827 по 1845 годъ, ежегодно простирался среднимъ числомъ на 11 миліоновъ рублей серебромъ. Жителей въ Одессѣ въ 1838 году считалось больше 70 тысячъ, въ числѣ которыхъ русскіе, нѣмцы, французы, итальянцы, греки, армяне, болгары, молдаване, евреи (до 12,000). Одесса и портъ ея основаны въ 1793 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, де-Рибасомъ, на мѣстѣ прежней татарской деревни и замка Хаджи-бей, которые находились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь крѣпость и карантинъ.

Въ современную войну Одесса подверглась нападенію и бомбардированію отъ соединеннаго англо-французскаго флота 10-го апрѣля сего 1854 года. Непріятельская эскадра, подошедшая къ Одессѣ наканунѣ этого дня, состояла изъ 27 англійскихъ и французскихъ судовъ, въ числѣ которыхъ было 6 трехдечныхъ кораблей и нѣсколько большихъ пароходо-фрегатовъ. Городъ былъ защищенъ шестью батареями, изъ которыхъ одна № 1, состоящая изъ мортиръ и единороговъ, расположена на берегу противъ карантина и крѣпости, двѣ другія № 2 и 3 на карантинномъ молѣ для защиты карантинной гавани, 4 и 5 на берегу между платоновскою пристанью и практическимъ моломъ, и, наконецъ, шестая батарея, названная потомъ Щеголевскою, расположена на концѣ практическаго мола и для защиты купеческой гавани, находящейся за нимъ. Отдѣлившіяся отъ эскадры суда для бомбардированія города расположились къ сторонѣ купеческой гавани, такъ что противъ нихъ могла дѣйствовать только батарея № 6 и то только въ началѣ дѣла четырьмя орудіями (всѣхъ было 6 орудій), а потомъ только двумя изъ нихъ. Прочія пять батарей по отдаленности не могли дѣйствовать противъ этихъ судовъ. Дѣйствіе непріятельскихъ орудій обращено было преимущественно противъ батареи № 6, расположенной на практическомъ молѣ, за которымъ въ гавани стояли иностранныя прусскія купеческія суда, и противъ пред-

мѣстья Пересыпи, находящагося на самой сѣверной оконечности города, наиболѣе удаленной отъ всѣхъ батарей. Не смотря на чрезвычайное превосходство непріятельскихъ силъ, наши артиллеристы батареи № 6, подъ начальствомъ храбраго *Щеголева*, мужественно держались впродолженіе 9 часовъ, отвѣчая безпрерывными выстрѣлами изъ двухъ орудій на непріятельскую канонаду, которая подъ конецъ производилась изъ 350 орудій, и не смотря на то нашими орудіями нанесенъ замѣтный вредъ нѣкоторымъ непріятельскимъ судамъ. Попытка сдѣлать высадку посредствомъ баркасовъ не удалась непріятелю. Результатъ нападенія на Одессу былъ тотъ только, что одиннадцати-часовою канонадою непріятель заставилъ замолчать четырехъ-пушечную батарею № 6; повредилъ и зажегъ оба мола практической гавани, четыре купеческіе корабля и землечерпательную машину, потоплены бывшія въ гавани суда, незначительно повреждены нѣкоторыя зданія на бульварѣ и произведенъ пожаръ въ 12 мѣстахъ, въ предмѣстьѣ Пересыпи [1]. Вообще же непріятельская артиллерія, несмотря на превосходство калибровъ и числа орудій, не имѣла удачи, потому что батареи наши нисколько не потерпѣли, кромѣ шестой. Убито у насъ всего 4 человѣка нижнихъ чиновъ и ранено около 50.

30-го того же апрѣля мѣсяца близъ берега, на половинѣ разстоянія отъ Одессы до маяка и селенія Люстдорфъ сѣлъ на мель и сдался русскимъ англійскій пароходъ-фрегатъ въ 400 силъ. Пароходъ этотъ, «Тигръ», на пути отъ Севастополя, при необыкновенно густомъ туманѣ утромъ 30 числа сѣлъ на мель, весь экипажъ сдался и перевезенъ на берегъ, а пароходъ, по невозможности стащить его съ мели и привести въ гавань, былъ зажженъ и вслѣдствіе того взорванъ на воздухъ въ виду подоспѣвшихъ къ нему на помощь двухъ другихъ непріятельскихъ пароходовъ [2].

Сѣверный берегъ Чернаго моря. Сліяніемъ двухъ рѣкъ

---

(1) Свѣдѣнія о бомбардированіи Одессы почерпнуты изъ „Морскаго Сборника“, книжка № 5, 1854 г.

(2) Оттуда же.

Днѣпра и Буга, при самомъ впаденіи ихъ въ море, образуется мелководный заливъ, называемый Днѣпровскимъ лиманомъ, къ сѣверовостоку отъ Одессы. Рѣка Бугъ, въ древности Ипонисъ, впадаетъ въ него съ западной стороны, а при впаденіи въ Бугъ Ингула, въ 26 миляхъ отъ его устья при лиманѣ, на полуостровѣ, образуемомъ этими двумя рѣками, расположенъ военно-портовый городъ Николаевъ — мѣстопребываніе главнаго управленія черноморскаго флота и портовъ. Въ немъ находится огромное адмиралтейство, двѣ верфи, на которыхъ строятся линейные корабли, фрегаты и большая часть мелкихъ судовъ, построенныхъ по обоимъ берегамъ рѣки Ингула. Сверхъ того, въ немъ находятся обсерваторія, гавань для черноморской гребной флотиліи и 28 тысячъ жителей. Бугъ покрывается льдомъ обыкновенно съ исхода ноября и остается покрытымъ до половины марта. Днѣпровскій лиманъ съ южной стороны отдѣленъ отъ моря низменной песчаной косой—Кинбурнской, которая тянется отъ востока къ западу и оканчивается острокoнечіемъ противъ Очакова, гдѣ и образуется узкій проходъ въ лиманъ, шириною въ двѣ мили. На оконечности косы, лишенной всякой растительности, находится крѣпость Кинбурнъ, да нѣсколько рыбачьихъ хижинъ. При Кинбурнѣ одержана Суворовымъ замѣчательная побѣда надъ турками въ 1787 году. На сѣверномъ берегѣ лимана, противъ Кинбурна находится крѣпость Очаковъ, построенная на крутомъ мысѣ, отъ котораго еще тянется къ югу небольшая песчаная коса и на ней крѣпость Николаевская. Такимъ образомъ узкій проходъ въ днѣпровскій лиманъ защищенъ съ обѣихъ сторонъ двумя крѣпостями. Въ Очаковѣ замѣтны слѣды прежнихъ окоповъ; теперь городъ этотъ весьма бѣденъ. На мѣстѣ Очакова еще до Р. Х. находилось эллинское поселеніе Алекторовъ. Въ XV вѣкѣ по Р. Х. на слѣдахъ Алектора крымскій ханъ Менгли-Гирей соорудилъ очаковскую крѣпость. Покоренная русскими войсками въ 1737 г. подъ предводительствомъ графа *Миниха* и потомъ возвращенная туркамъ, эта грозная твердыня взята штурмомъ послѣ полугодовой осады въ 1788 году княземъ *Потемкинымъ-Таврическимъ*

и навсегда присоединена къ Россіи. Вблизи Очакова въ 1788 году произошло знаменитое морское сраженіе, въ которомъ нашимъ флотомъ былъ совершенно истребленъ турецкій флотъ.

Вся западная часть лимана занята отмелями, простирающимися и отъ очаковскаго берега, и отъ Кинбурнской косы, такъ что для прохода кораблей остается между ними только узкій фарватеръ, который въ началѣ лимана такъ мелокъ, что для провода кораблей прорѣзанъ каналъ въ 3,000 саж. длиною и въ 19 фут. глубиною, ежегодно расчищаемый паровою землечерпательною машиною. Теченіе въ лиманѣ обыкновенно изъ Днѣпра на западъ.

При верховьяхъ Днѣпровскаго лимана, въ 30 верстахъ отъ него, на правомъ берегу Днѣпра лежитъ губернскій городъ Херсонъ, съ крѣпостью, военнымъ портомъ, верфью для каботажныхъ судовъ и гаванью. Херсонъ основанъ императрицею Екатериною II въ 1778 году и, по заключенію кучукъ-кайнарджійскаго мира, былъ нѣкоторое время чрезвычайно важнымъ городомъ въ торговомъ отношеніи, по счастливому своему положенію при морѣ и праву свободной торговли, но впослѣдствіи вся его заграничная торговля перешла въ Одессу. Однако и до сихъ поръ онъ считается лучшею каботажною пристанью при Черномъ морѣ и главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, сплавляемыхъ по Днѣпру и отправляемыхъ чрезъ Одессу за границу. Въ Херсонѣ находятся памятники князю *Потемкину-Таврическому* и знаменитому филантропу *Говарту*, 22 тысячи жителей, обсерваторія, училище торговаго мореплаванія и штурманское. Городъ расположенъ на отлогомъ берегу Днѣпра на протяженіи 4 верстъ, гдѣ Днѣпръ начинаетъ дѣлиться на рукава, образуя острова, покрытые зеленью лѣсовъ и тростника. Недалеко отъ Херсона, тоже на берегу моря, лежитъ городъ Алешки, бывшій Днѣпровскъ.

Къ западу отъ входа въ Днѣпровскій лиманъ находится небольшой островъ Березань, одинаковаго образованія съ материкомъ; на немъ помѣщаются мореходные знаки. Въ древности этотъ островъ назывался Вартѳенъ и былъ по-

священъ понтійскими эллинами Ахиллесу; турки называютъ его Бюрюкъ-Юзенъ-Ада.

Отъ Кинбурнской косы къ западу простирается твердая песчаная банка, называемая *Одесскою*, между которой и сѣвернымъ берегомъ моря остается проходъ, извѣстный подъ именемъ военнаго фарватера. Ширина банки около трехъ миль, а глубина на ней отъ 15 до 30 футовъ; военнымъ фарватеромъ обыкновенно проходятъ корабли и фрегаты, строющіеся въ Николаевѣ; ихъ сопровождаютъ опытные лоцмейстеры. Къ югу отъ Кинбурнской косы отъ материка Таврической губерніи тянется, въ направленіи къ сѣверо-западу, узкій и низменный песчаный полуостровъ или, скорѣе, островъ, потому что отдѣляется отъ твердой земли узкими протоками, называемый Тендра. Между Тендрою и Кинбурнской косой вдается въ материкъ заливъ, въ которомъ суда могутъ укрываться отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ сѣверо-западнаго. На оконечности Тендры находится вертящійся маякъ. Полуостровъ этотъ мѣстами поросъ камышемъ, перенятъ солеными лагунами и представляетъ вязкую почву. Поселеній тамъ нѣтъ, кромѣ рыбацкихъ: рыбная ловля производится отъ августа до октября; преимущественно ловится такъ-называемая кинбурнская сельдь (скумбрія) и камбала. Почва вообще безплодна, но представляетъ хорошее пастбище для овецъ.

Зимою, при большихъ морозахъ, заливъ покрывается льдомъ и разъ случилось въ 1847 году, что заливъ былъ покрытъ льдомъ съ 19 декабря по мартъ. Оконечность Тендры въ древности посвящена была Ахиллесу и вся коса называлась ахиллесовымъ ристалищемъ. Къ югу отъ Тендры, между нею и западной частью Крыма, образующей полуостровъ Тарханъ-Кутъ, вдается въ землю, къ сторонѣ Перекопа, заливъ Каркинитскій. Въ этомъ заливѣ два убѣжища отъ западныхъ вѣтровъ: Джарылгатъ и Акъ-мечеть. Продолженіе Кинбурнской косы, къ востоку вдающейся въ Каркинитскій заливъ, составляетъ Джарылгатскую косу, при оконечности которой въ заливѣ образуется губа, совершенно безопасная отъ всѣхъ вѣтровъ. Акъ-мечеть находится на сѣверо-западномъ берегу Крыма. Бухта этого

мѣстечка очень съужена мелководіемъ и зимою иногда замерзаетъ. Въ Акъ-мечети нѣкоторые эвпаторійскіе купцы складываютъ соль, предпочитая отправлять ее изъ порта болѣе благонадежнаго, нежели Эвпаторія. Акъ-мечеть принадлежитъ къ помѣстьямъ князя *Воронцова*. Самая западная оконечность Крыма есть Тарханъ-Кутъ; отъ него берегъ Крыма круто заворачиваетъ на юго-востокъ: на этомъ берегу находится городъ Эвпаторія. Рейдъ Эвпаторіи не безопасенъ, особенно отъ сѣверо-восточнаго вѣтра, который страшными порывами дуетъ съ равнины, лежащей за Эвпаторіей. Эвпаторія ведетъ довольно значительную торговлю хлѣбомъ, кожею, саломъ и пр., и солью, которую собираютъ въ близлежащихъ озерахъ и отправляютъ моремъ въ Одессу и Херсонъ. Такъ какъ портъ не замерзаетъ, то купеческія суда приходятъ сюда ранѣе, чѣмъ въ Одессу. Эвпаторія (бывшій прежде Козловъ или Гезловъ) во время владычества въ Крыму татаръ была значительною приморскою крѣпостью, а теперь только купеческій портъ, но имѣетъ 10 тысячъ жителей. Изъ зданій замѣчательны: мечеть, почитающаяся лучшею въ Европѣ, и артезіанскій колодезь. Въ 16 верстахъ отъ Эвпаторіи есть цѣлительныя грязи Сосыкенскаго или Гнилаго, солянаго озера.

Южнѣе Эвпаторіи, на томъ же берегу, вдается въ землю къ востоку севастопольская бухта, при входѣ въ нее выдается на западъ мысъ Херсонесъ. Севастополь, въ древности Ктенусъ, татарами названъ былъ *Ахтіаръ*. Въ окрестностяхъ его, за Карантинною бухтою, видны развалины Херсонеса (въ русскихъ лѣтописяхъ Корсунь), славнаго пребываніемъ св. Апостола Андрея Первозваннаго и многими другими событіями. изъ которыхъ важнѣйшее для Россіи — принятіе въ этомъ городѣ христіанской вѣры русскимъ великимъ княземъ Владиміромъ въ 988 году. Длина севастопольской бухты отъ входа въ нее до вершины 4 мили; средняя ширина полмили, а глубина 9—10 саженъ. Бухта открыта только для самыхъ западныхъ вѣтровъ, для всѣхъ же прочихъ закрыта. Грунтъ илистый, и такъ хорошъ, что тамъ никогда не случается несчастій съ су-

дами, имѣющими хорошій канатъ и якорь. Севастополь, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ безопасныхъ убѣжищъ на Черномъ морѣ; выгоды мѣста побудили избрать его для военнаго нашего флота. Купеческимъ судамъ пока запрещено входить сюда для торговли; допускаются только тѣ, которыя подряжены казною или загоняются бурею. На обоихъ берегахъ бухты выдаются мысы, на которыхъ поставлены грозныя батареи, планированныя сообразно съ мѣстностью. Между мысами углубляется нѣсколько заливовъ. На сѣверномъ берегу эти заливы незначительны, а на южномъ обширны и служатъ для разныхъ надобностей флота. Первый заливъ отъ входа въ бухту названъ артиллерійскою бухтою и предназначенъ для практическихъ купеческихъ судовъ, приходящихъ сюда по различнымъ надобностямъ. Восточнѣе этой южная бухта, главная изъ всѣхъ, въ которой зимуетъ нашъ военный черноморскій флотъ, и при ней маленькая бухта, называемая Корабельною, по берегу которой расположены магазины для снабженія флота, а въ верховьѣ сухіе доки. Въ южной бухтѣ мортоновъ эллингъ для исправленія мелкихъ судовъ. Глубина въ обѣихъ бухтахъ отъ 9 до 4 саженъ и такъ значительна у самаго берега, что линейные корабли стоятъ почти вплоть къ нему. На возвышенности между артиллерійскою и южною бухтами амфитеатромъ раскинутъ городъ Севастополь, одинъ изъ лучшихъ военныхъ портовъ въ Европѣ, мѣстопребываніе командира порта и большей части морскаго начальства, и въ немъ адмиралтейство и Екатерининская пристань. На верховьѣ артиллерійской бухты — артиллерійская слобода, а на возвышенномъ берегѣ корабельной бухты — корабельная слобода. Вообще зданія города расположены по возвышенностямъ и ложбинамъ въ верховьяхъ различныхъ бухтъ и съ моря представляютъ видъ, поражающій своей живописною неправильностію. Въ настоящее время, на оконечности мыса, раздѣляющаго южную бухту отъ корабельной, срыта часть города и выпланировано мѣсто для постройки новаго адмиралтейства, которое, по устройству и своему выгодному положенію, станетъ на ряду съ извѣстнѣйшими заведеніями этого рода.

Все описанное находится на южномъ или городскомъ берегу севастопольской бухты, а сѣверный ея берегъ пустынный въ сравненіи съ южнымъ, но на немъ расположено нѣсколько батарей и на возвышенности противъ города старый шанецъ. Входъ на рейдъ весьма простъ и для удобства его поставлены при вершинѣ севастопольской бухты на возвышенности два маяка. Въ обыкновенную погоду въ бухтѣ дуетъ вѣтеръ съ моря съ 9 часовъ утра до захожденія солнца; тогда онъ штилѣетъ, а на ночь измѣняется въ береговой, слѣдовательно, не трудно судамъ избирать время для входа или выхода попутнымъ вѣтромъ. Къ свойствамъ воды севастопольской бухты относится то, что въ ней находится множество червей, вредящихъ дереву, и поэтому гребныя суда тамъ не должно оставлять долгое время въ водѣ. Въ городѣ двѣ тысячи слишкомъ каменныхъ домовъ и 40 тысячъ жителей, которые почти всѣ военнослужащіе; городъ основанъ въ 1783 году. Вблизи Севастополя находятся замѣчательныя долины: Байдарская, снабжающая адмиралтейство корабельнымъ лѣсомъ, и Инкерманская, въ которой находятся развалины древняго Херсонеса или Корсуня.

На южномъ берегу Крыма замѣчателенъ, во-первыхъ, городъ Балаклава, съ бухтой того же имени, которая окружена горами и представляетъ совершенно безопасную гавань, но мала и съ труднымъ входомъ. Въ ней зимуютъ иногда купеческія суда и находится превосходный портъ, принадлежащій военному вѣдомству, и вообще Балаклава не торговый, а военный городъ; въ немъ стоитъ греческій батальонъ. Въ XIII вѣкѣ Балаклава принадлежала генуэзцамъ, имѣвшимъ близъ нея укрѣпленный замокъ, развалины котораго и теперь еще видны, особенно на скалахъ, ограждающихъ съ обѣихъ сторонъ узкій входъ въ заливъ. Въ семи верстахъ отъ города находится монастырь св. Георгія.

На южной оконечности Крыма, къ востоку отъ самаго южнаго мыса Сарычъ, расположено извѣстное имѣніе князя *Воронцова*—Алупка. Тамъ церковь съ колоннами, въ древнемъ греческомъ вкусѣ, большой домъ съ башнями и ве-

ликолѣпный дворецъ изъ зеленоватаго камня, фасадомъ обращенный къ морю. Сзади дворца татарская деревня Алупка, съ красивой мечетью, построенной иждивеніемъ князя *Воронцова*. Отъ Алупки къ востоку по утесистымъ берегамъ раскинуты сады и великолѣпныя виллы *Нарышкина*, кн. *Голицына*, кн. *Мещерскаго* и другихъ. Ялта, небольшой городокъ, выстроенный при самомъ морѣ въ глубинѣ залива. Торговля его ничтожна, и онъ оживляется только прибытіемъ парохода изъ Одессы, на которомъ обыкновенно бываетъ много пассажировъ, привлекаемыхъ сюда любопытствомъ. Близъ Ялты, на возвышеніи расположены роскошные сады, имѣніе покойнаго графа *Витта*. Далѣе очаровательная Оріанда, гдѣ строится теперь большой дворецъ для Государыни Императрицы. Наконецъ, вблизи города, тоже на возвышенности, имѣніе графа *Потоцкаго*. Далѣе, по юго-восточному берегу Крыма, расположено Ай-Даниль, имѣніе князя *Воронцова*, извѣстное по выдѣлкѣ превосходнаго вина; потомъ на каменистой покатости деревня Урзуфъ, прислоненная къ скалѣ, на которой видны остатки укрѣпленія временъ Юстиніана. Съ другой стороны къ деревнѣ примыкаетъ садъ Фундуклея. Къ сѣверо-востоку отъ Урзуфа высится Чатыр-Дагъ, величайшая изъ крымскихъ горъ, далеко видная съ моря. Она образуетъ двѣ вершины, въ 4,900 и 4,610 футовъ вышины отъ поверхности моря, и поднимается въ видѣ раскинутаго шатра, отчего и получила свое названіе. Юго-восточный скатъ Чатыр-Дага спускается къ морю холмами; на ближайшемъ берегу деревня Алушта, съ развалинами укрѣпленій временъ Юстиніана. Сюда заходятъ суда только для нагрузки выдѣлываемаго здѣсь въ большомъ количествѣ вина. Ущелья между Чатыр-Дагомъ и смежными возвышенностями покрыты виноградниками и фруктовыми садами. Мѣстечко Судакъ расположено въ прибрежной долинѣ.

Городъ Ѳеодосія, прежняя Кафа, выстроенъ на низменномъ прибрежьѣ и на скатѣ безплодной горы, ограничивающей ѳеодосійскую бухту съ запада. Портъ его безопасенъ отъ всѣхъ вѣтровъ. Торговля Ѳеодосіи незначительна, но здѣсь бываетъ ежегодно до 500 судовъ, ищущихъ убѣ-

жища отъ вѣтра или выжидающихъ вскрытія Керченскаго пролива. Когда проливъ покрытъ льдомъ, то суда черноморской линіи и отряда, крейсерующаго у восточнаго берега моря, заходятъ сюда для освѣженія людей и передачи почты. Многія иностранныя суда выдерживаютъ здѣсь карантинъ, выгружаются и берутъ зерновой хлѣбъ, присылаемый нѣкоторыми таганрогскими купцами для ранней отправки за границу. Слѣды прежняго значенія Ѳеодосіи видны еще и теперь въ остаткахъ древнихъ укрѣпленій. Городъ этотъ выстроенъ въ XIII столѣтіи генуезцами и былъ самымъ главнымъ ихъ поселеніемъ въ Крыму, откуда они вели обширную торговлю съ Европою и Азіею. Въ 1475 году Кафа была завоевана турками, а въ 1783 году присоединена къ Россіи.

На возвышенности мыса Теклы, которымъ начинается заворотъ крымскаго берега въ Керченскій проливъ, построенъ маякъ. Между этимъ мысомъ и противоположнымъ берегомъ заключается входъ въ Керченскій проливъ, гдѣ ширина его въ 8 миль. Оба берега этого пролива, то есть и крымскій, и принадлежащій къ полуострову Тамани, окраены мелями и рифами. Въ одномъ мѣстѣ проливъ очень съуживается, потому что отъ полуострова Тамани тянется наискось пролива длинная песчаная коса Тузла, оканчивающаяся отмелью. Между этой отмелью и крымскимъ берегомъ пролива весьма узкій проходъ, не болѣе одной мили. Сѣвернѣе этого прохода, на крымскомъ, то есть западномъ берегу пролива, находится керченская бухта и при ней городъ Керчь, а немного далѣе, при окончаніи той же бухты, городъ Еникале съ упраздненною крѣпостью.

Съ запада бухта ограничена горою Митридата, по скату и подошвѣ которой раскинутъ городъ Керчь, въ древности Босфоръ, Воспоръ или Пантикапея. Практическія суда становятся обыкновенно противъ городской набережной, касаясь килемъ необыкновенно мягкаго илистаго дна. Въ городѣ есть адмиралтейство и чугунно-плавильный заводъ. По городской набережной нѣсколько пристаней; между ними Царская, одѣтая камнемъ, и Соленая, противъ соляныхъ магазиновъ. Суда, отправляющіяся въ Азов-

ское море, выдерживаютъ здѣсь карантинъ. Во все время навигацій городъ имѣетъ правильное сообщеніе съ Одессою и портами Азовскаго моря посредствомъ пароходовъ. Въ Керчи находится музеумъ драгоцѣнныхъ древностей, выкапываемыхъ въ окрестностяхъ города и относящихся ко времени владычества грековъ въ Тавридѣ.

На восточномъ берегу Керченскаго пролива большой заливъ Таманскій, заключающійся между упомянутой нами косой Тузлой и другой, сѣверной косой, окруженной отмелями. На южномъ берегу этого залива лежатъ мѣстечко Тамань и крѣпость Фанагорія. Тамань замѣчателенъ только какъ пунктъ сообщенія съ кавказскою линіею и Анапою. Въ Фанагоріи устроенъ госпиталь для гарнизоновъ черноморской береговой линіи; тамъ нѣтъ пристани. Въ Керченскомъ проливѣ господствуютъ сѣверо и юговосточный вѣтры; особенно жестоко дуетъ первый изъ нихъ и безпокоитъ суда, стоящія на фарватерѣ пролива и на керченскомъ рейдѣ. При этомъ вѣтрѣ теченіе изъ Азовскаго моря усиливается и вода въ проливѣ убываетъ иногда на $1^1/_2$ фута. Но морскіе вѣтры вновь нагоняютъ воду и даютъ теченію совершенно противоположное направленіе.

Полуостровъ Тамань съ юга отдѣляется отъ моря соленымъ лиманомъ рѣки Кубани. Южный берегъ лимана окруженъ рифами и выдающимися изъ воды камнями ([1])...

ОПИСАНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

На южномъ берегу Крымскаго полуострова, отъ Балаклавы до Ѳеодосіи, тянется цѣпь горъ средней высоты, имѣющихъ плоскія вершины и крутые обрывистые скаты со стороны моря, внутрь же края, на сѣверо-западъ, пускающихъ длинные отроги между скалистыми и глубокими ущельями, воды которыхъ сливаются въ Салгиръ, текущій на сѣверо-востокъ въ Сивашъ и въ рѣчки: Черную, Бель-

(1) «С.-Петербургск. Вѣдом.» 1854 г. № 200, 201, 202 и 208.

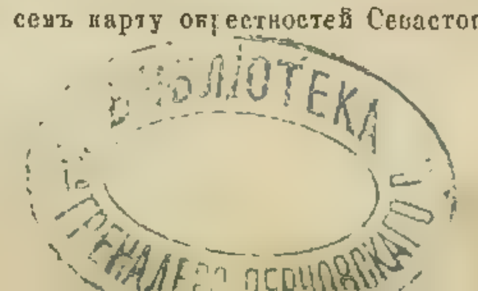

КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ
Г. СЕВАСТОПОЛЯ.
Масштабъ
Бельбекъ
Севастополь
Кадыкіой
Камары
Мон. Св. Георгія
Балаклава
Чоргунъ
Семякины выс.
Федюхины
Трактиръ
р. Черная
ЛИТ. СТЕПАНОВА БОЛЬШ. МѢЩ. Д. № 14.

бекъ, Качу и Альму, имѣющія почти параллельное теченіе на западъ и впадающія и въ Черное море ([1]). Самая южная изъ этихъ рѣчекъ, Черная, верховьями своими орошаетъ плодоносную и обширную Байдарскую долину; потомъ, пройдя тѣсное Чоргунское ущелье, выходитъ на плоскую долину, течетъ извилинами, и среди болотъ впадаетъ въ такъ называемый Севастопольскій рейдъ, единственную большую бухту на всемъ Таврическомъ полуостровѣ, которая вдается въ землю на восемь верстъ длины, и, по глубинѣ своей и совершенному закрытію отъ вѣтровъ, составляетъ превосходный, устроенный природою, портъ для огромнаго флота, первый на Черномъ морѣ и одинъ изъ лучшихъ на всемъ земномъ шарѣ. Отъ большой бухты или рейда отдѣляется къ югу другая, меньшая бухта, называемая южною, по обѣимъ сторонамъ которой раскинутъ городъ, знаменитая осада котораго союзными арміями, по исполинскимъ средствамъ и усиліямъ нападенія и обороны, не имѣютъ подобной себѣ въ исторіи войнъ.

Берега Севастопольскаго рейда не высоки и скалисты; рейдъ въ восточной части своей мельче, чѣмъ въ западной, но вообще вездѣ имѣетъ глубину значительную и ровный песчаный грунтъ. На южной сторонѣ его вдались въ берегъ еще двѣ незначительныя бухты: Артиллерійская и Килень-бухта, и кромѣ того у входа въ южную бухту отдѣляется небольшая, но глубокая бухта Корабельная, въ которой трехдечные корабли могутъ подходить къ самому берегу. На берегахъ ея находятся новое адмиралтейство, магазины и казармы морскаго вѣдомства и обширный бассейнъ съ пятью доками, изъ которыхъ три для линейныхъ кораблей и два для фрегатовъ. Для наполненія доковъ проведена вода, на разстояніи восьми верстъ, изъ рѣки Черной, частію по пробитымъ въ скалахъ тоннелямъ, частію по водопроводамъ. Вся часть города, расположенная на восточной сторонѣ южной бухты, называется Корабельною слободою. Собственно же Севастополь лежитъ на западной сторонѣ южной бухты, и раскинутъ амфитеатромъ

---

[1]) См. прилагаемую при семъ карту окрестностей Севастополя.



на узкомъ и длинномъ холмѣ, идущемъ параллельно южной бухтѣ и по скатамъ лощины на югъ отъ Артиллерійской бухты. Большая часть улицъ севастопольскихъ не длинны, и хотя правильно расположены, но представляютъ неудобство для сообщенія, имѣя крутые подъемы и спуски. Лишь двѣ улицы можно назвать значительными: Екатерининскую и Морскую; эти главныя артеріи города—ровны, широки и параллельны между собой, начинаются отъ Николаевской площади и сходятся вмѣстѣ у театра. Между Екатерининскою улицею и южною бухтою находится старое адмиралтейство. Голая скалистая мѣстность, на которой выстроенъ городъ, ничѣмъ не орошается; въ Севастополѣ нѣтъ ни рѣки, ни ручьевъ; вода добывается изъ колодцевъ.

Мѣстность къ югу отъ города и рейда, составляющая крайнюю юго-западную оконечность Крымскаго полуострова и сдѣлавшаяся нынѣ классическою, какъ театръ событій, къ которымъ долго приковано было вниманіе міра, представляетъ возвышенную, перерѣзанную балками плоскость, безлѣсную и безводную. Плоскость эта кончается на востокѣ крутою покатостію, образующею лѣвый нагорный берегъ Черной и называемую Сапунъ-горой, на югъ упирается въ море скалистыми, крутыми скатами, въ видѣ террасъ, отъ узкой и небольшой бухты—Балаклавской до мыса Фіолента, далѣе къ западу понижается и образуетъ между Севастопольскимъ рейдомъ и Херсонесскимъ маякомъ (на самой оконечности) нѣсколько, бухтъ: Карантинную, Стрѣлецкую, Песочную, Камышевую и Козачью, не глубокихъ и не далеко вдавшихся въ землю.

Балки, пересѣкающія возвышенную площадь на югъ отъ Севастополя, имѣютъ направленіе сѣверо-западное, спускаются къ рейду и носятъ слѣдующія названія: самая восточная, *Киленъ-балка*, выходящая въ Киленъ-бухту и отдѣляющая высоты Сапунъ-горы отъ Корабельной стороны; потомъ небольшая балка *Ушакова*, верховья которой исчезаютъ у подошвы холма, на которомъ построенъ Камчатскій редутъ; крутая и узкая *Доковая* балка, спускающаяся къ докамъ у Корабельной бухты; *Лабораторная* и *Сарандинакина*, выходящія къ верховьямъ южной бухты на Пере-

сыпь, ровное и низменное мѣсто, покрытое садами. Круглая высота между двумя послѣдними балками, покрытая англійскими батареями, названа Зеленой горой. Далѣе къ западу тянется плоская и обширная возвышенность, часть которой называется Куликово поле. Отъ этихъ высотъ, бывшихъ средоточіемъ французскихъ батарей, дѣйствовавшихъ по городской сторонѣ, спускаются двѣ лощины: одна въ самый городъ къ Артиллерійской бухтѣ, другая, параллельная первой, идетъ вдоль наружной черты города, и, соединясь съ третьей лощиной, въ которой находится кладбище, кончаются у Карантинной бухты. Позади высотъ, на которыхъ расположены были французскія батареи, пролегаетъ длинная и широкая лощина, выходящая къ морю западнѣе Карантинной бухты.

Между всѣми вышеописанными балками тянутся волнистыя возвышенности, которыя весьма отлого и постепенно спускаются къ рейду. На послѣднихъ ближайшихъ къ рейду высотахъ, проведена была оборонительная линія севастопольская, воздвигнутая наскоро и постепенно въ теченіе одиннадцати мѣсяцовъ увеличиваемая и усиливаемая. Верки Севастополя состояли вообще изъ земляныхъ укрѣпленій средней профили, безъ каменной одежды (исключая немногихъ построекъ, имѣвшихъ каменный эскарпъ, а также и каменной тонкой оборонительной стѣнки съ западной стороны города, и нѣсколькихъ оборонительныхъ казармъ, возведенныхъ до осады). Стѣнка и казармы легко разрушались отъ выстрѣловъ; сила Севастополя заключалась въ могущественной числомъ и калибромъ орудій артиллеріи и въ мужествѣ, стойкости и неутомимости въ трудахъ гарнизона, составлявшихъ болѣе надежный оплотъ, чѣмъ валы и рвы.

Передовыя укрѣпленія на Корабельной сторонѣ, построенныя уже весною 1855 года, состояли: изъ редутовъ: *Волынскаго* и *Селенгинскаго*, на отрогѣ Сапунъ-горы, между Килень-балкой и рейдомъ; изъ *Камчатскаго редута* на холмѣ, между Доковой и Килень-балками, и системы передовыхъ траншей и ложементовъ въ каменоломняхъ, между Доковой и Лабораторной балками. Такія же траншеи

и ложементы были устроены и передъ передовыми редутами.

Главная линія верковъ начиналась отъ рейда. На высотѣ Ушаковой и Килень-балками, круто спускавшейся къ рейду, находился бастіонъ № 1, съ принадлежащими къ нему батареями и оборонительной казармой (прежней постройки). Отъ него на югъ шли траншеи, мимо батарей у лабораторныхъ строеній до бастіона № 2, гдѣ линія обороны, образовавъ тупой исходящій уголъ, поворачивала на юго-западъ и достигала главной высоты, господствующей надъ всею Корабельною стороною. Высота эта, ключъ всей лѣвой половины оборонительной линіи, есть Малаховъ курганъ, на которомъ воздвигнутъ бастіонъ Корнилова, въ послѣдствіи пунктъ главной атаки непріятеля. мѣсто, стоившее Россіи многихъ драгоцѣнныхъ жертвъ, освященное кровью падшихъ на немъ за отечество, знаменитыхъ вождей черноморскаго флота, Нахимова и Корнилова. На юго-западъ отъ Малахова кургана до Доковой балки. линія траншей и батарея *Жерве*. Укрѣпленія на высотахъ между Доковой и Лабораторной балками состояли: изъ батареи *Будищева* надъ самой Доковой балкой, бастіона № 3 на высшей точкѣ этой мѣстности, и ряда батарей и траншей параллельно Лабораторной балкѣ обращенныхъ преимущественно противъ Зеленой горы. Низменная мѣстность Пересыпи защищалась тремя батареями.

Позади главныхъ верковъ Корабельной стороны построена была вторая линія обороны, состоявшая изъ траншей вдоль Ушаковой балки. потомъ параллельной первой линіи до тыльной части Малахова кургана, и оттуда вправо до александровскихъ казармъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2-й линіи, какъ-то, на высотѣ позади втораго бастіона, вправо и влѣво отъ горжи Малахова кургана и передъ александровскими казармами—построены батареи.

Правая половина оборонительной линіи, прикрывавшая самый городъ, начиналась на верху крутаго обрыва надъ Пересыпью у Грибка (павильона, на бывшемъ прежде въ этомъ мѣстѣ бульварѣ), далѣе тянулся непрерывный рядъ батарей до бастіона № 4, куда непріятель первоначально

новелъ атаку, гдѣ минныя работы его и наши имѣли наибольшее развитіе, и, по превосходству съ нашей стороны, останавливали непріятеля въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, и гдѣ непріятель ближе подошелъ къ нашимъ веркамъ, чѣмъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Отъ бастіона № 4 линія обороны спускалась въ лощину нѣсколькими рядами траншей и батареями, устроенными въ кремальерахъ. За бастіономъ № 4 было отдѣльное укрѣпленіе, редутъ Язона.

Вправо отъ лощины, на высотѣ, находилась передовая постройка—редутъ Шварца, и правѣе его бастіонъ № 5, съ большимъ укрѣпленіемъ позади бастіона, Чесменскимъ редутомъ. Съ правой стороны бастіонъ № 5 былъ фланкируемъ другимъ передовымъ люнетомъ (Бѣлкина), и отсюда начиналась каменная оборонительная стѣнка (построенная до осады) съ бойницами и полуказематами. На срединѣ разстоянія между бастіонами № 5 и № 6, позади стѣнки, была отдѣльная постройка—редутъ Ростислава, и противъ него, передъ стѣнкой, батарея *Бутакова*. Бастіонъ № 6 и примыкавшая къ нему батарея *Шемякина*, обстрѣливавшая лощину и кладбище, довершали линію сухопутной обороны по западной чертѣ города. Правѣе бастіона № 6 продолжалась оборонительная стѣнка до бастіона № 7, мало принимавшаго участія въ оборонѣ.

Высота внутри города была укрѣплена нѣсколькими батареями и баррикадами, которыми также пересѣчены главныя улицы. На крутомъ берегу южной бухты находилось нѣсколько небольшихъ батарей для дѣйствія по Зеленой горѣ.

Входъ на севастопольскій рейдъ, шириною въ 600 саженъ, обороняемъ четырьмя сильными батареями, изъ которыхъ три: № 10, Александровская и № 8, находились на южной сторонѣ, а Константиновская на сѣверной.

Въ славный для русскаго оружія день, 5-го октября, эти четыре батареи заставили отступить съ урономъ и неудачею огромную армаду: соединенные флоты Великобританіи, Франціи и Турціи.

Кромѣ передовыхъ приморскихъ батарей, на южной

сторонѣ были большіе каменные форты въ нѣсколько этажей: Николаевская и Павловская батареи, которыя впрочемъ, не принимали участія въ оборонѣ.

Сѣверная сторона покрыта укрѣпленіями, какъ приморскими, такъ и обращенными на сухопутную сторону. До осады существовали каменныя постройки: Константиновская, Михайловская, № 4 батареи и Волохова башня, и большое сѣверное укрѣпленіе, имѣющее видъ восьмиугольника съ четырьмя бастіонами. Впослѣдствіи построено много новыхъ батарей и сплошныхъ линій укрѣпленій (1).

Сентябрь, 1855 года.

СЕВАСТОПОЛЬ ВЪ 1854 ГОДУ ДО ВЫСАДКИ АНГЛО-ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ КРЫМЪ.

Севастополь, 4-го мая. Зима нынѣшняго года одна изъ рѣдкихъ зимъ для Крымскаго полуострова. Всегда, бывало, еще съ февраля мѣсяца поля начинаютъ зеленѣть, кусты и деревья распускаться, а нынче вотъ уже и первыя числа мая, а поля еще голы, только кое-гдѣ чуть-чуть стала показываться зелень, а деревья еще и не распускаются, и нѣкоторыя стали пускать прямо листъ вмѣсто цвѣта. Скворцы прилетѣли только 10-го апрѣля; въ окрестныхъ горахъ лежитъ еще много снѣгу и, вѣроятно, долго пролежитъ; по утрамъ и вечерамъ бываетъ чувствительно прохладно, такъ что безъ теплой одежды нельзя выходить. Виноградные сады сильно пострадали, вслѣдствіе сухихъ и не своевременныхъ морозовъ; пострадалъ и рогатый скотъ— обнаружился сильный падежъ. У одного помѣщика, изъ трехъ тысячъ барановъ осталось въ живыхъ только 12, а у другаго изъ семи тысячъ не осталось ни одного. У многихъ татаръ повыдохли волы, а у кого и осталось нѣсколько, то въ такомъ состояніи, что едва двигаются; отъ этого привозимые въ городъ хозяйственные припасы вздорожали. Съ 24-го апрѣля начались здѣсь густые туманы,

(1) «Военный Сборникъ» 1859 г. № 4.

вредные какъ для растеній, такъ равно и для здоровья. Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ общественной жизни въ Севастополѣ, при нынѣшнемъ его блокадномъ положеніи. Севастополь, какъ всѣмъ извѣстно, военный станъ, резиденція черноморскаго флота; онъ расположенъ на высокихъ каменныхъ горахъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ моремъ; берега его укрѣплены сильными батареями. Онъ лежитъ далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова, къ западу, и потому не имѣетъ близкихъ сношеній съ родными нашими городами; бытъ его своеобразный. Онъ населенъ почти исключительно военными; фракъ и вообще всякій партикулярный костюмъ на гуляньяхъ и въ собраніяхъ здѣсь рѣдкость. Храбрые моряки составляютъ здѣсь собою одно, такъ сказать, многочисленное семейство; цѣлое лѣто они или въ морѣ на практикѣ, или стоятъ на рейдѣ; загородныхъ дачъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ, а потому семейства ихъ на лѣто никуда не выѣзжаютъ. Послѣ блистательной синопской битвы весь побѣдоносный черноморскій флотъ гордо и величаво красуется на рейдѣ и готовъ, по первому повелѣнію, выйдти въ море и снова вступить въ бой съ надменнымъ непріятелемъ. Моряки днемъ, въ свободное отъ службы время, занимаются чтеніемъ въ здѣшней морской офицерской библіотекѣ, которая можетъ равняться съ лучшими въ Европѣ какъ по изящной отдѣлкѣ снаружи, такъ и по внутреннему богатству. На-дняхъ она обогатилась еще прекрасною картиною, работы г. Павлова, въ Санктпетербургѣ. Эта картина, присланная въ даръ Государемъ Императоромъ и исполненная масляными красками на полотнѣ, изображаетъ взятіе съ боя (5-го ноября прошлаго 1853 года) пароходомъ «Владиміръ», подъ начальствомъ генералъ-адъютанта вице-адмирала *В. А. Корнилова*, египетскаго десяти-пушечнаго военнаго парохода «Перваз-Бахри», впослѣдствіи названнаго «Корниловъ». У насъ есть и дворянское собраніе, заслуживающее вниманія, а также и театръ, гдѣ, три раза въ недѣлю, труппа русскихъ актеровъ даетъ свои представленія. 23-го числа прошлаго апрѣля мѣсяца, въ высокоторжественный

день тезоименитства Ея Величества Государыни Императрицы, въ здѣшнемъ адмиралтейскомъ Свято-Николаевскомъ Соборѣ, во всѣхъ церквахъ, а также и на всѣхъ корабляхъ черноморскаго флота, принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, по окончаніи коего со всего флота, стоящаго на рейдѣ, произведена была пушечная пальба; всѣ корабли были украшены разноцвѣтными флагами и вымпелами, а вечеромъ дано было на театрѣ драматическое представленіе, соч. г. Кукольника, «Синопское сраженіе, или морской праздникъ въ Севастополѣ». Появленіе соединеннаго англо-французскаго флота, съ 16-го апрѣля, въ числѣ тридцати-восьми вымпеловъ, на нашемъ горизонтѣ, не обнаружило въ жителяхъ рѣшительно ничего кромѣ любопытства, потому что каждый изъ насъ убѣжденъ въ твердости стратегическихъ мѣръ, принятыхъ главноначальствующимъ въ нашемъ краѣ, свѣтлѣйшимъ княземъ *А. С. Меншиковымъ*, къ сохраненію общаго порядка и безопасности. Всѣ сословія отъ мала до велика стекались на новый бульваръ у памятника Казарскому и въ другихъ мѣстахъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалось на морѣ, и громогласно изъявляли радость и желаніе, чтобы флотъ приблизился, и тутъ же, предъ глазами каждаго, началась битва. Но моряки соединеннаго флота разсудили, что съ ихъ стороны было бы слишкомъ смѣло и даже невыгодно приблизиться, и потому лавируютъ въ весьма почтительномъ разстояніи отъ нашихъ грозныхъ батарей, то скрываясь за горизонтъ, то снова показываясь. Этотъ огромный, одинъ изъ сильнѣйшихъ парусныхъ и паровыхъ флотовъ въ мірѣ, разсѣялся по Черному морю и, подъ предлогомъ защиты Турціи, гоняется за мелкими каботажными судами, беззаботно плывущими изъ сосѣдняго порта въ портъ, и выказываетъ свою храбрость, стрѣляя по этимъ совершенно безоружнымъ лодкамъ, на которыхъ всего экипажа отъ трехъ до пяти человѣкъ. Появляясь предъ крѣпостями, пароходы дѣйствуютъ еще постыднѣе—подымаютъ не свои, а чужіе, не принадлежащіе имъ флаги—Австрійскій и Русскій, полагая этимъ обмануть бдительность береговыхъ начальствъ. Мелкое корсар-

ство, достойное дикарей—вотъ подвиги, которыми тщеславится громадный соединенный флотъ двухъ націй, именующихъ себя образованнѣйшими! Мы недоумѣваемъ—смѣяться, или удивляться этимъ жалкимъ дѣйствіямъ. Хотя англо-французскій флотъ блокируетъ насъ и грозитъ намъ своимъ нападеніемъ, у насъ не только никто не унываетъ, но даже почти перестали объ немъ уже и говорить. Городская жизнь и увеселенія идутъ своимъ порядкомъ, по прежнему. Ежедневно, съ шести часовъ вечера, на стодвадцати-пушечномъ кораблѣ «Великій Князь Константинъ», стоящемъ у самой Екатерининской пристани, подъ флагомъ генералъ-адъютанта вице-адмирала *В. А. Корнилова*, начинаетъ играть военная музыка, а на самой пристани играютъ еще нѣсколько хоровъ музыки, хоры флотскій, армейскій и хоръ роговой гусарскаго Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича полка съ пѣсенниками. Очень часто гулянье это удостоивается присутствіемъ свѣтлѣйшаго *князя Меншикова*, котораго здѣсь всѣ чтятъ и любятъ и жаждутъ видѣть. Съ пристани открывается взору живая, дивная картина. По всему рейду стройно и величаво стоятъ на якоряхъ побѣдоносные, черноморскаго флота, корабли, фрегаты, корветы, бриги, тендера, яхты, бригантины, транспорты, пароходы, шкуны и множество купеческихъ судовъ: по гладкой поверхности моря мчатся стрѣлой, подъ парусами и на веслахъ, боты, баркасы, катера съ катающимися дамами, шлюпки, вельботы, верейки и тузы (маленькія гребныя суда о двухъ веслахъ, для одного человѣка). Если вы пожелаете покататься по морю—тутъ всѣ гребныя суда къ вашимъ услугамъ: стоитъ только обратиться съ просьбою къ кому-нибудь изъ флотскихъ офицеровъ. Гулянье продолжается до поздняго вечера. Музыка на пристани и на всѣхъ судахъ, говоръ, смѣхъ, шумъ, веселье, бойкія военныя солдатскія пѣсни и видъ живой, разстилающейся предъ глазами панорамы очаровываютъ зрѣніе и слухъ [1].

---

[1] „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 123.

Севастополь 20 іюля. 15 число сего іюля мѣсяца, день столь великій и священный для русскаго сердца, былъ ознаменованъ въ Севастополѣ особеннымъ религіознымъ торжествомъ. Въ семь часовъ утра совершена была здѣсь, противъ офицерской библіотеки, закладка соборнаго храма во имя Святаго Равноапостольнаго и великаго князя Владиміра, въ присутствіи всего генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и при многочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій. Наканунѣ прибылъ сюда, при объѣздѣ своей епархіи, преосвященный архіепископъ херсонскій и таврическій *Иннокентій*, благоволившій принять участіе въ семъ священномъ обрядѣ. По прибытіи на мѣсто закладки Его Высокопреосвященства, равно какъ и митрополита *Агаѳангела* и настоятеля Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, архимандрита *Геронтія*, духовенство начало обычный чинъ освященія воды, при пѣніи положенныхъ для сего стихиръ. По освященіи воды, съ пѣніемъ тропаря: «Спаси, Господи, люди твоя», преосвященный *Иннокентій* окропилъ святою водою фундаментъ, камни и кирпичъ, назначенные для закладки; потомъ, по прочтеніи положенной, по церковному чину, молитвы и при пѣніи клира, принесены были серебряныя монеты, металлическая доска и часть строительныхъ матеріаловъ, которые Его Высокопреосвященство окропилъ святою водою и вложилъ, въ нарочно изсѣченномъ для этого квадратномъ углубленіи, въ мраморный камень; затѣмъ всѣ присутствовавшія начальственныя лица по очереди закладывали по одному кирпичу. На доскѣ начертана была слѣдующая надпись: «Повелѣніемъ Императора Николая Перваго, заложенъ сей храмъ во имя Св. Равноапостольнаго и великаго князя Владиміра, лѣта 1854, іюля въ 15-й день. Подъ управленіемъ начальника главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютанта, адмирала, свѣтлѣйшаго князя Александра Сергѣевича *Меншикова*, управляющаго морскимъ министерствомъ, Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала Великаго Князя *Константина Николаевича*; исправляющаго должность главнаго командира черноморскаго флота и портовъ адмирала Морица Борисовича Берга; на-

чальника штаба черноморскаго флота и портовъ, генералъ-адъютанта, вице-адмирала Владиміра Алексѣевича *Корнилова*; исправляющаго должность военнаго губернатора города Севастополя, вице-адмирала Михаила Николаевича *Станюковича*. Подъ распоряженіемъ особо назначенной коммисіи, согласно Высочайшей волѣ состоящей подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Захара Андреевича *Аркаса*, и членовъ коммисіи: инженеръ-генералъ-маіора *Анастасьева*, капитана 1-го ранга *Иванова*, полковника *Козлова*, полковника *Моцениго*, за гражданскаго главу кандидата *Лушникова*, строителя храма академика архитектора *Эппингера*. Работы по храму вчернѣ обязался произвесть градской глава города Севастополя, почетный гражданинъ Ив. Красильниковъ, по плану и фасаду профессора архитектуры, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Андреевича *Тона*».—Въ слѣдъ за тѣмъ провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Царскому Дому. По окончаніи обряда, преосвященный *Иннокентій* произнесъ соотвѣтственную дню и случаю рѣчь, въ коей ясно выразилъ великое значеніе этого дня и храма, и указалъ на особую знаменательность событія, что закладка вновь сооружаемаго собора совершалась тамъ въ виду непріятельскаго флота, накануне подходившаго къ Севастополю. Нужно ли говорить здѣсь о томъ, что развалины древняго Херсонеса Таврическаго, гдѣ, въ 988 году, Святой Владиміръ, Великій Князь Кіевскій и всея Россіи, покоривши этотъ великолѣпный городъ, принялъ въ стѣнахъ его святое крещеніе, принадлежатъ къ священнѣйшимъ мѣстамъ въ Россіи? Изъ сего завѣтнаго мѣста возсіялъ первый лучъ православія въ Россіи, и нынѣ, въ день памяти Равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи, мы заложили великолѣпный храмъ, въ воспоминаніе священнаго и важнаго событія. На мѣстѣ же самаго событія, происходившаго въ Херсонесѣ Таврическомъ, въ трехъ верстахъ отъ Севастополя, къ западу, предполагается выстроить другой храмъ, во имя того же Св. Великаго Князя. Заложенный нынѣ храмъ будетъ о пяти главахъ, въ русско-византійскомъ стилѣ; длина его шестнадцать саженъ, ши-

рина до одиннадцати саженъ, вышина съ крестомъ до двадцати саженъ; фундаментъ и стѣны подвальнаго этажа будутъ возведены изъ крѣпкаго камня, цоколь изъ порфира, выломаннаго на южномъ берегу, за Аюдагомъ; всѣ стѣны со сводами изъ жженнаго кирпича, съ наружною облицовкою стѣнъ мраморомъ; куполы будутъ вызолочены.

РѢЧЬ,

произнесенная высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, Іюля 15 дня 1854 г. при заложеніи въ г. Севастополѣ храма во имя Святаго и Равноапостольнаго князя Владиміра, въ память просвѣщенія его вѣрою христіанскою въ Херсонесѣ-Таврическомъ.

«Видно такъ угодно было Господу, чтобы я, нисколько не предвидя настоящаго событія и не думавъ о немъ, вдругъ обрѣлся теперь между вами, какъ бы для того именно, чтобы послужить молитвенно основанію сего храма. Могу ли послѣ сего остаться безмолвнымъ и не раздѣлить съ вами тѣхъ чувствъ, кои сами собою возбуждаются во мнѣ при настоящемъ священнодѣйствіи?»

«Основаніе храма сего и во всякое другое время было бы событіемъ, не севастопольскимъ токмо, а и всероссійскимъ, ибо кѣмъ созидается этотъ храмъ? Не здѣшнимъ токмо градомъ, и даже не одною нашею страною, а всею Россіею. По какому побужденію созидается онъ? Въ память крещенія и просвѣщенія вѣрою христіанскою, близъ града сего, Великаго Князя Владиміра, то есть, почти тоже, что въ память обращенія въ христіанство земли русской: ибо, въ лицѣ князя своего, крестилась тогда здѣсь и просвѣтилась вѣрою, можно сказать, вся Россія. По сему-то на всѣхъ обширныхъ краяхъ отечества, гдѣ только ни услышатъ о настоящемъ священнодѣйствіи нашемъ, возрадуются искренно и скажутъ отъ души: слава Богу и благочестивѣйшему Монарху! Давній священный долгъ всея Россіи предъ памятію Великаго Владиміра скоро будетъ уплаченъ!»

«Но въ настоящихъ обстоятельствахъ возлюбленнаго отечества нашего, заложеніе сего храма получаетъ еще большее и обширнѣйшее значеніе. Кто не знаетъ, что у враговъ нашихъ одно изъ самыхъ задушевныхъ желаній

теперь состоитъ въ томъ, чтобы, какимъ бы то ни было образомъ, отторгнуть здѣшнюю страну отъ состава Россіи?— Это было бы, по собственному признанію ихъ, верхомъ ихъ успѣха противу насъ. А мы — въ это самое время — какъ бы въ отвѣтъ на ихъ безумную дерзость—полагаемъ нынѣ здѣсь основаніе храму во имя Святаго Владиміра!... Симъ самымъ, сильнѣе и внятнѣе всякихъ словъ, мы говоримъ врагамъ нашимъ какъ бы такъ: непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостровъ Таврическій составляетъ для Россіи только недавнюю добычу меча и плодъ побѣдъ: нѣтъ, это древнее и родовое достояніе наше; это наслѣдіе еще Св. Владиміра!... Здѣсь купель нашего крещенія, здѣсь начало нашей священной исторіи и народныхъ преданій. Уступить послѣ сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для Россіи отказаться отъ купели своего крещенія, измѣнить памяти Св. Владиміра... Возможно ли это? Скорѣе не останется во всѣхъ горахъ здѣшнихъ камня на камнѣ, нежели Луна заступитъ здѣсь мѣсто Креста Христова?... Такова, говорю, сила и таковъ смыслъ нынѣшняго нашего священнодѣйствія по отношенію къ врагамъ нашимъ! И надобно же было имъ вчера явиться въ такомъ множествѣ предъ лицемъ сего града, какъ бы нарочно для присутствія при заложеніи сего храма и для выслушанія урока, въ немъ заключающагося!... Ослѣпленные ненавистію къ величію и славѣ Россіи, они не поймутъ сего урока: но онъ не потеряетъ чрезъ то своей силы: пронесется по всей землѣ русской; услышится и за предѣлами ея, и напомнитъ о забытой истинѣ даже тѣмъ, кои хотѣли бы сокрыть ее въ неправдѣ своихъ мудрованій».

«И такъ, не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшихъ, памятуя, что ты преемникъ и наслѣдникъ не Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсонеса-Таврическаго. Созданное въ защиту твою руками человѣческими еще можетъ уступить силѣ и искусству человѣческому, но что дано и положено свыше, того не можетъ измѣнить никто и ничто. Поелику же страна сія вставлена въ составъ

Россіи—въ лицѣ Св. Владиміра — рукою самого провидѣнія, то нѣтъ врага, могущаго ее отторгнуть: *яже Богъ сочета, человѣкъ не разлучаетъ* [1])! Въ такомъ случаѣ, если бы для отраженія враговъ не достало земныхъ защитниковъ, явятся небесные: возстанетъ изъ гроба, или паче сойдетъ съ неба самъ Витязь Равноапостольный; сойдетъ и приведетъ съ собою противу враговъ весь сонмъ священномучениковъ херсонскихъ, кои купили сію землю у самого Владыки вселенныя. не златомъ и сребромъ, а слезами и кровію своею».

«Радуюсь по сему духомъ за градъ сей и благочестивомудрыхъ правителей его, кои, не смотря на множество облежащихъ ихъ теперь заботъ, нашли возможность, предъ лицемъ самихъ враговъ, положить нынѣ основаніе храму сему! Такимъ образомъ къ твердынямъ вещественнымъ, въ защиту града сего, они присоединили новое, несокрушимое укрѣпленіе — духовное. Радуюсь за все православное отечество, которое изъ настоящаго священнодѣйствія нашего съ особеннымъ утѣшеніемъ увидитъ, что мы бодро стоимъ здѣсь противъ враговъ нашихъ, стоимъ не съ однимъ оружіемъ плотскимъ, но и съ непобѣдимою силою животворящаго Креста Христова. Радуюсь наконецъ и благодарю Бога и за самого себя, коему, какъ бы ведомому *духомъ*, дано явиться здѣсь такъ нечаянно и вмѣстѣ такъ благовременно. Слабыя молитвы мои всегда могли быть замѣнены молитвами другихъ: но для меня на всю жизнь осталось бы чувство сожалѣнія о томъ, что я не послужилъ основанію храма сего...»

«Заключимъ молитвеннымъ желаніемъ. чтобы Господь, приведшій нынѣ насъ сюда такъ неожиданно, да положимъ здѣсь первый камень въ основаніе храму, не судилъ насъ быть недостойными возжечь здѣсь, въ созданномъ уже храмѣ, при освященіи его—и первую свѣщу!—Аминь» ([2]).

([1]) Мат. XIX, 6.
([2]) „Одесскій Вѣстникъ" 1854 г. № 88.

ФЛАНГОВОЕ ДВИЖЕНІЕ КНЯЗЯ МЕНШИКОВА ОТЪ СЕВАСТОПОЛЯ КЪ БАКЧИСАРАЮ.

I.

Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* отъ 18 (30) сентября доноситъ Государю Императору, что, совершивъ свое фланговое движеніе отъ Севастополя къ Бакчисараю, онъ готовился, при первомъ благопріятномъ случаѣ, перейти въ наступленіе. Предположеніе это тѣмъ болѣе обѣщало успѣха, что союзники раздѣлили свои силы. Между тѣмъ какъ французы приблизились къ укрѣпленіямъ сѣвернаго берега Севастопольской бухты, англійскія войска на судахъ отправились моремъ къ Балаклавѣ, гдѣ и произвели высадку. Узнавъ объ этомъ, князь *Меншиковъ* двинулся впередъ; но французы, избѣгая боя, оставили также сѣверную сторону Севастополя и перешли на южную, для присоединенія къ своимъ союзникамъ.

18-го числа, князь *Меншиковъ*, съ бóльшею частію своихъ силъ, прибылъ къ сѣверному укрѣпленію и расположился тамъ, ожидая, чтобы намѣренія непріятеля обнаружились.

До 18-го же числа не было никакихъ дѣйствій (¹).

II.

С.-Петербургъ, 11 го октября. Всѣ иностранныя газеты, говоря о фланговомъ движеніи, совершенномъ союзными англо-французскими силами вокругъ Севастополя, для перехода съ сѣверной стороны бухты на южную, не могутъ нахвалиться искусству этого маневра. Не желаемъ нисколько оспаривать достоинства нашихъ противниковъ, но считаемъ справедливымъ, для поясненія дѣла, обратить вниманіе и на дѣйствіе русскихъ войскъ.

Послѣ сраженія на р. Альмѣ 8-го (20-го) сентября, князь *Меншиковъ*, не находя на Качѣ и Бельбекѣ довольно сильныхъ позицій для вторичнаго боя съ непріятелемъ,

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 216.

отошелъ за р. Черную, и, оставивъ достаточный гарнизонъ въ сѣверныхъ укрѣпленіяхъ, стянулъ главныя свои силы на высотахъ, къ юго-западу отъ Севастополя.

Союзники двинулись впередъ, перешли Качу и Бельбекъ, и дошли до самыхъ высотъ, на которыхъ находится сѣверное укрѣпленіе.

Позиція, занятая княземъ *Меншиковымъ*, представляла ту важную невыгоду, что непріятельскія силы стали на сообщеніи нашихъ войскъ съ Перекопомъ; притомъ сѣверныя укрѣпленія, отдѣленныя бухтою отъ города и дѣйствующаго корпуса, предоставлялись, такимъ образомъ, исключительно собственной своей силѣ обороны.

Признавъ необходимымъ выдти изъ такого положенія, князь *Меншиковъ* рѣшился предпринять движеніе, превосходно соображенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно отважное. Въ ночь съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) сентября онъ спустился къ р. Черной, перешелъ ее по одному мосту, потомъ поднялся на крутую гору къ Мекензіевому хутору, и, совершивъ благополучно большой переходъ, сталъ 13-го числа въ долинѣ Бакчисарайской, на флангѣ и въ тылу непріятеля. Онъ открылъ такимъ образомъ прямое сообщеніе съ подкрѣпленіями, ожидаемыми изъ Керчи и Перекопа. Непріятелю было бы крайне опасно атаковать сѣверныя укрѣпленія севастопольскія, имѣя позади себя русскія войска. Слѣдовательно, англо-французамъ ничего другаго и не осталось, какъ перемѣнить избранный пунктъ атаки и перенестись всѣми силами съ сѣверной стороны на южную, сдѣлавъ для сего обходъ вокругъ города и принявъ уже новое основаніе дѣйствій.

Здѣсь необходимо пояснить нѣкоторыя частныя обстоятельства, дабы дать возможность каждому оцѣнить безпристрастно дѣйствія обѣихъ сторонъ.

Войскамъ нашимъ предстояло слѣдовать по горамъ, одною дорогою, которая, у хутора Мекензи, пролегала не далѣе 4-хъ верстъ отъ непріятельскихъ передовыхъ постовъ, такъ что съ этого мѣста ясно были видны огни бивуака. Князь *Меншиковъ* не могъ прибѣгнуть къ обыкновеннымъ мѣрамъ, принимаемымъ для прикрытія флангового марша;

ибо ему не слѣдовало привлекать вниманіе противника, а должно было избѣгать боя, который могъ бы разстроить предпринятое движеніе. Колона наша, слѣдуя со всѣми своими парками и обозами, преодолѣла всѣ мѣстныя затрудненія, и 13-го числа явилась тамъ, гдѣ непріятель, конечно, не ожидалъ ея.

Почти въ то же время и союзныя войска совершили свое фланговое движеніе, но при обстоятельствахъ гораздо болѣе выгодныхъ. Они находились 12-го числа у Бельбека и на высотахъ, впереди лежащихъ, откуда имъ стоило только сдѣлать небольшое движеніе къ Мекензіевому хутору, чтобы стать на дорогѣ, ведущей къ переправѣ черезъ Черную рѣчку. Движеніе это совершенно было скрыто отъ князя *Меншикова*; ибо Мекензіевъ хуторъ оставался уже въ 16-ти верстахъ отъ новой позиціи его, и притомъ отдѣленъ былъ отъ него лѣсистыми горами. Впрочемъ, если бъ князь и зналъ о движеніи непріятеля, то не иначе могъ бы атаковать его, какъ наступая одною дорогою, которая отъ долины Бельбека и до самаго хутора Мекензія, на протяженіи 10-ти верстъ, поднимается все въ гору. Непріятелю стоило бы поставить на высотахъ сильную батарею, чтобы удержать нападеніе нашихъ войскъ на столько времени, сколько было нужно союзникамъ для безопаснаго окончанія предпринятаго движенія. Притомъ они имѣли то важное преимущество, что двигались безъ обозовъ и парковъ, которые спокойно перевозились моремъ къ Балаклавѣ. Извѣстно каждому, кому только случалось быть въ походѣ, хотя бы съ однимъ батальономъ, какая большая разница идти войску съ обозомъ или безъ обоза.

Князь *Меншиковъ*, какъ выше сказано, долженъ былъ, во время движенія своего, избѣгать боя, тогда какъ непріятель могъ съ большою выгодою атаковать его. На оборотъ, союзники совершали свой переходъ безопасно, и князю *Меншикову* не было возможности напасть на нихъ съ фланга иначе, какъ при самыхъ невыгодныхъ мѣстныхъ обстоятельствахъ (¹).

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 228. Статья эта была напечатана въ „Journal de St.-Petersbourg“ и „Сѣверной Пчелѣ“ 1854 г. № 228.

ЗАНЯТІЕ БАЛАКЛАВЫ.

Въ англійскихъ газетахъ и письмахъ сообщаются слѣдующія подробности относительно движенія союзныхъ войскъ къ Балаклавѣ: «англійская армія двинулась къ Балаклавѣ утромъ 24-го (12-го) сентября. Дорога пролегала между двумя возвышенностями; легкая дивизія шла по возвышенности съ одной стороны, шотландцы и гвардія слѣдовали по другой сторонѣ, а въ серединѣ шла легкая артиллерія. Потомъ слѣдовали другія дивизіи. Войска подвигались впередъ медленно, и артиллерія съ большимъ трудомъ была свезена по крутому спуску въ Бельбекскую долину. Тутъ войска очутились въ прелестной странѣ, среди прекрасныхъ деревьевъ, изгородей и домовъ, отличавшихся, какъ сказано въ одномъ письмѣ, англійскою чистотою. Въ одномъ красивомъ домѣ, гдѣ расположилась главная квартира, нашли превосходное фортепіано Эрарда и раскрытыя ноты. Ночь съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) число провели въ Бельбекской равнинѣ, гдѣ найдены въ изобиліи виноградъ, яблоки, груши и дыни. 13-го (25-го) путь былъ крайне затруднителенъ. Надобно было прокладывать себѣ дорогу, съ компасомъ въ рукахъ, сквозь столь густой лѣсъ, что люди едва могли видѣть въ немъ другъ друга; въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, всѣ части войскъ были совершенно смѣшаны между собою. Въ этомъ-то положеніи армія вышла на дорогу, ведущую изъ Севастополя въ Симферополь, и натолкнулась тамъ на хвостъ русскаго обоза. На другой день войска продолжали путь, постоянно благопріятствуемыя прекрасною погодою; вообще, погода благопріятствовала экспедиціонной арміи почти съ самаго дня высадки; только первая ночь была ужасная, и въ продолженіе ея многіе сдѣлались жертвами холеры. Англичане прибыли въ Балаклаву въ тотъ же день. Французы выступили въ путь днемъ позже, и потому прибыли въ Балаклаву черезъ день, почему лучшія квартиры достались англичанамъ. Всѣ больные были помѣщены въ большой домъ съ садомъ, названный общимъ госпиталемъ. Французы расположились лагеремъ въ виноградникахъ и на травѣ; страна

найдена ими восхитительною; въ плодахъ и овощахъ было невѣроятное изобиліе; винограда, персиковъ, миндалю, грушъ было столько, что опасались за здоровье войскъ. Флотъ, прибывшій къ Балаклавѣ въ то же время, безпрестанно присылалъ арміи грузы чая, безъ котораго англичане не могутъ обойтись, сахара, сухарей и рома» (1).

Корреспондентъ газеты «Daily News» пишетъ изъ Крыма о движеніи англо-французской арміи къ Балаклавѣ. *Сентября 24*: армія поднялась до разсвѣта. Многочисленные огни въ долинѣ, изъ которыхъ болѣе отдаленные едва виднѣлись сквозь утренній туманъ, представляли любопытное зрѣлище, если смотрѣть съ возвышеній. Легкая дивизія начала свое движеніе въ 6 часовъ и спустилась въ долину направо. По причинѣ неровнаго мѣстоположенія и разбросанности на большомъ пространствѣ дивизіоновъ, прошло много времени, прежде чѣмъ она сформировалась. По направленію къ Севастополю слышались, по временамъ, выстрѣлы тяжелой артиллеріи. Наконецъ, около восьми часовъ, стрѣлковая бригада выслала застрѣльщиковъ; легкая дивизія съ своею артиллеріею и по правую отъ нея руку первая дивизія двинулись впередъ. За ними послѣдовали другія дивизіи. Большая дорога въ Севастополь тянется вдоль берега. Обработанныя поля увеличивались, но домовъ не было видно. По сторонамъ появлялись небольшіе отряды войскъ. Дорога лежала между возвышеніями, и легкая дивизія шла вдоль зеленаго откоса одной стороны, а гвардейскія бригады и шотландскіе стрѣлки вдоль соотвѣтствующаго откоса другой стороны; между ними по дорогѣ двигалась артиллерія этихъ двухъ дивизій. Другія дивизіи слѣдовали за ними. Однѣ изъ нихъ подымались на возвышенія, другія спускались съ противоположной стороны послѣднихъ; атмосфера была такъ прозрачна, солнце такъ блестѣло, что можно было различить цвѣтъ мундировъ. При взглядѣ на эту военную картину невольно приходили въ голову печальныя мысли: нельзя было не за-

(1) „Русск. Инвал." 1854 г. № 232. Тоже „С.-Петерб. Вѣд." 1854 г. № 229.

мѣтить, какъ убыли ряды нѣкоторыхъ полковъ легкой дивизіи. Движеніе совершалось съ большою осторожностію; остановки были часты. Эти остановки дѣлаютъ походъ еще утомительнѣе. Направо появился многочисленный отрядъ войскъ, который приближался къ намъ. Блескъ штыковъ свидѣтельствовалъ, что это французы, потому что они всегда ходятъ съ навернутыми штыками. Вскорѣ обѣ арміи соединились и сдѣлали общій привалъ, небольшіе же отряды посланы были на рекогносцировку. Арміи расположились теперь на окраинѣ равнины, по которой онѣ двигались; впереди глубокая долина, направо небольшой заливъ, образуемый моремъ, которое, гладкое и голубое, разстилалось безъ границъ. За горнымъ хребтомъ, за которымъ начинаются еще болѣе высокія горы, въ подзорную трубу можно разсмотрѣть группу зданій; по нашимъ соображеніямъ зданія эти составляютъ часть Севастополя. По окончаніи рекогносцировки, армія начала спускаться по стремительнымъ откосамъ горъ. Много стоило труда свезти пушки и повозки; теперь мы идемъ по прелестной бельбекской долинѣ. Здѣсь превосходная растительность, удобные дома, изгороди и стѣны необыкновенной чистоты; повсюду комфортъ и зажиточность. Главная армія двигается впередъ и занимаетъ возвышенія на противоположной сторонѣ долины, кавалерія же осталась въ долинѣ, чтобы имѣть воду.

Сентября 25-го. Въ продолженіе ночи въ передовой дивизіи два раза происходила тревога, два раза войска вставали и хватались за оружіе. Однакоже нападенія не сдѣлано; усмотрѣны были только вблизи лагеря въ различныхъ направленіяхъ казаки. Армія поднялась рано и нѣсколько миль шла малорослымъ дубнякомъ. Около полудня легкая дивизія выбралась на дорогу, которая ведетъ изъ Севастополя въ Симферополь, главный городъ Крыма. Здѣсь завязалась-было небольшая перестрѣлка съ непріятелемъ. Послѣ того, мы двигались по дорогѣ, проложенной по обрывистому склону горы, у подошвы которой растилается обширная равнина. Почти уже стемнѣло, когда легкая дивизія, пройдя долину, расположилась лагеремъ на

высотахъ надъ небольшой деревней. Долго еще послѣ черныя массы войскъ, коммисаріатскія повозки, вьючныя лошади съ амуниціей и т. п. принадлежности лагеря тянулись въ томъ же направленіи.

Сентября 26-го. Настало прелестное утро. Перебравшись черезъ нѣсколько возвышеній и миновавъ двѣ или три русскія деревни, часть арміи вышла на обширную равнину, окруженную крутыми и разорванными горами. На противоположной сторонѣ той, чрезъ которую вступили войска, виднѣлась деревня, а вокругъ нея, на большомъ протяженіи, бѣлые дома съ виноградниками и огороженными полями. Близъ деревни находился въ горахъ проходъ, сюда-то двинулась армія. Главная часть деревни лежала направо отъ прохода. При началѣ его находился невысокій холмъ, на которомъ виднѣлись многочисленныя могилы, съ бѣлыми каменными крестами, а налѣво уединенно возвышался крутой холмъ въ видѣ конуса, на вершинѣ котораго стоялъ небольшой домикъ. Пространство между этими двумя холмами было занято плодовыми деревьями и тополями, посреди которыхъ тамъ-и-сямъ виднѣлись отдѣльные дома. Сперва намъ казалось, что сзади находилось небольшое озеро, но на самомъ дѣлѣ оказался здѣсь морской заливъ, на противоположномъ концѣ котораго возвышалась гора. На этой горѣ расположенъ балаклавскій фортъ, обращенный лицемъ къ морю. Началось нападеніе на фортъ по всѣмъ правиламъ. Нападающіе были также поддерживаемы съ кораблей. Гарнизонъ оказался малочисленнѣе, чѣмъ мы ожидали, и должно удивляться, что онъ рѣшился еще сопротивляться. Корабли наши вступили въ гавань.

Сентября 27-го. Утро пасмурно, дождь виситъ надъ нашими головами. Французская армія приближается къ Балаклавѣ, гдѣ будетъ устроена главная квартира союзныхъ силъ. Балаклава, говорятъ, построена генуэзцами. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ узкихъ неправильныхъ улицъ и отдѣльныхъ домовъ, изъ которыхъ одинъ стоитъ выше другаго, до самаго уровня холма. На нѣкоторыхъ воротахъ сдѣланы теперь надписи въ родѣ слѣдующихъ:

«главная квартира главнокомандующаго, генералъ-адъютантъ», во многихъ мѣстахъ; «коммисаръ». Такъ какъ англичане пришли сюда первые, то они и заняли лучшіе дома. Значительное пространство близъ города занято французскими походными лазаретами и лазаретными мулами. Каждый мулъ снабженъ двумя стульями или койками. Нельзя не сожалѣть о недостаткѣ въ этомъ отношеніи предусмотрительности или распорядительности со стороны англійскаго начальства, которое дало такое сраженіе, какъ сраженіе при Альмѣ, не имѣя подъ рукою удобныхъ повозокъ.

Сентября 27-го, вечеръ. Цѣлый день англійскія войска находились въ готовности двинуться къ возвышеніямъ, но до сихъ поръ еще стоятъ лагеремъ на равнинѣ близъ Балаклавы. Осадныя орудія выгружены (1).

НАПАДЕНІЕ НА БАЛАКЛАВУ.

Отпоръ балаклавцевъ.—Занятіе Балаклавы.—Подвигъ англо-французовъ въ самой Балаклавѣ и въ подвѣдомственныхъ балаклавскому батальону селеніяхъ.

13-го сентября 1854 года, послѣ обѣда, въ Балаклавѣ разнеслась вѣсть о приближеніи непріятельской арміи къ Черной рѣчкѣ. Верховые, высланные для наблюденія за направленіемъ этого движенія, вечеромъ дали знать батальонному командиру, что почти вся масса англо-французскихъ силъ перешла Черную рѣчку и расположилась лагеремъ въ долинѣ между бакчисарайскою дорогою, Сапунъ-горою и севастопольскимъ шоссе (2). Зарево костровъ показало, что непріятель ночуетъ здѣсь; но что будетъ завтра? Куда онъ пойдетъ? Вѣроятнѣе всего, подкрѣпившись сномъ, грянетъ со свѣжими силами на Севастополь? Такъ думала бóльшая часть балаклавскаго народо-

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 230. „Моск. Вѣдом. 1854 г. № 125.

(2) Посланный отъ Балаклавскаго батальона въ Севастополь офицеръ, съ донесеніемъ о приближеніи непріятеля, привезъ командиру, отъ генерала Моллера, приказъ имѣть строгое наблюденіе и осторожность.

населенія, полагая, что до поры до времени, пока держится онъ, и Балаклава остается неприкосновенною.

14-го сентября, до 7 часовъ утра, мысль, что непріятель устремится на Севастополь, казалось, готова была исполниться; въ лагерѣ было спокойно. Въ 7 часовъ показались, со стороны Севастополя, два парохода, шедшіе полнымъ ходомъ. и прямо къ Балаклавѣ; поравнявшись со входомъ въ бухту, они остановились на парахъ, въ разстояніи одной мили отъ берега. По сигналу, данному о приближеніи ихъ изъ укрѣпленія, гдѣ поставлена была батарейка изъ 4-хъ мортирокъ, подъ командою поручика *Маркова*, батальонный командиръ поспѣшилъ расположить всѣ свои силы — единственную роту, состоявшую изъ 80 строевыхъ и до 30 отставныхъ, въ крѣпости; но едва рота успѣла занять назначенные пункты, какъ прискакалъ верховой съ извѣстіемъ, что лагерь поднялся. Вслѣдъ за нимъ другой донесъ, что кавалерія идетъ по шоссе къ Сапунъ-горѣ; третій. что кавалерія своротила съ шоссе и на рысяхъ понеслась въ Антипиной дачѣ, а головы пѣхотныхъ колоннъ выходятъ на бакчисарайскую дорогу; четвертый, что необозримыя толпы уже на бакчисарайской дорогѣ и спускаются мимо деревни Комары, чрезъ Кадыковскую долину, прямо въ Балаклаву ([1]). Тутъ значеніе двухъ пароходовъ. явившихся у бухты, начало объясняться, и надежда жителей, лелѣемая съ такимъ наслажденіемъ до послѣдней минуты, изчезла. Подъ вліяніемъ страха, они бросаютъ свои домы и, съ женами и дѣтьми, спѣшатъ на яликахъ переправиться на западную сторону бухты въ Каранскія горы и сады, не думая, что здѣсь, кромѣ англо-французовъ, занявшихъ близлежащія деревни и. слѣдовательно всѣ пути сообщенія съ южною стороною Севастополя, они встрѣтятъ врага болѣе ужаснаго и безпощаднаго. Этотъ врагъ — голодъ и холодныя ночи наступающей осени.

Между тѣмъ англо-французы заняли Кадыковку и при-

([1]) Офицеръ, посланный съ донесеніемъ о движеніи непріятеля, едва не попалъ въ плѣнъ, на пути въ Севастополь, и долженъ былъ остаться тамъ.

ближались къ Балаклавѣ. Передовой отрядъ ихъ, въ числѣ 3 хъ или 4-хъ тысячъ пѣхоты, скорымъ шагомъ подходилъ уже къ шлагбауму, и, вѣроятно, разсчитывалъ на торжественную встрѣчу со стороны жителей, потому что въ немъ не было замѣтно готовности принять и отразить нападеніе. Приблизясь къ шлагбауму на ружейный выстрѣлъ, колонна была озадачена нѣсколько разъ повтореннымъ батальнымъ огнемъ, встрѣтившимъ ее у границы города, замялась и остановилась. Это былъ первый привѣтъ роты балаклавцевъ, бѣгомъ подоспѣвшей съ крѣпости на встрѣчу гостямъ. Завязалась обоюдная перестрѣлка: балаклавцы разсыпались, и изъ-за камней, по выбору, вырывали изъ рядовъ жертвы. Дѣло продолжалось съ часъ. Когда же, послѣ того, непріятель двинулся впередъ, тогда балаклавцы, отстрѣливаясь, начали отступать къ городу, и затѣмъ къ укрѣпленію. Едва рота вошла въ городъ, а авангардъ прошелъ чрезъ шлагбаумъ, батарейка послала отъ себя, вмѣсто хлѣба-соли, гранату, которая разорвалась среди колонны и осколками убила и переранила до 30 человѣкъ.

Непріятель вновь остановился. У шлагбаума стала выстраиваться его артиллерійская батарейная батарея. Въ эту минуту на горѣ Кефаловриси, съ сѣверной стороны города, показалась голова колонны, тысячъ въ пять, и также начала устраивать батарею. Пока англо-французы приготовлялись громить съ сухаго пути слабое балаклавское укрѣпленіе, къ двумъ первымъ пароходамъ подошло болѣе 20 пароходовъ всѣхъ ранговъ; но батарейка продолжала дѣйствовать на три пункта — къ шлагбауму, къ Кефаловриси и на море. Съ открытіемъ огня съ батарей, вышелъ впередъ трехдечный винтовой корабль, и бортовыми залпами сталъ стрѣлять по укрѣпленію. Не смотря на усиленное бомбардированіе съ трехъ сторонъ, поручикъ *Марковъ* не уступалъ, пока были у него заряды, и только съ послѣднимъ зарядомъ прекратилъ огонь. Видя, что батарейка перестала стрѣлять, англо-французы съ Кефаловриси бросились на укрѣпленіе и, съ крикомъ ура, поставили на немъ флагъ свой въ $2^1/_2$ часа по-полудни. Успѣхъ этотъ стоилъ

имъ до 100 человѣкъ убитыми и болѣе 100 ранеными. Вознагражденіе далеко не соотвѣтствоваво пожертвованію: они взяли въ плѣнъ раненаго командира съ 6-ю офицерами и до 60 нижнихъ чиновъ, въ числѣ которыхъ раненыхъ было двое, убитыхъ ни одного. Остальные балаклавцы, съ офицеромъ, чрезъ ущелья и лѣса, спаслись отъ плѣна. Собравъ плѣнныхъ, опросили командира. Лордъ *Рагланъ* и французскій главнокомандующій обратились къ нему съ грознымъ упрекомъ: «Вы безумецъ! Неужели думали вы, съ горстью своихъ солдатъ, остановить цѣлую армію?» При этомъ принцы *Кембриджскій* и *Наполеонъ* подошли, одинъ къ полковнику *Манто*, другой къ капитану *Стамати*, потрепали по плечу и назвали молодцами. Капитанъ *Стамати*, оправдывая сопротивленіе роты, объявилъ: «Безусловною сдачею я навлекъ бы на себя и гнѣвъ моего начальства, и презрѣніе ваше; теперь совѣсть моя спокойна—я исполнилъ долгъ свой».

Вслѣдъ за поднятіемъ флага на укрѣпленіи, колонны войскъ вступили въ Балаклаву, однѣ съ Кефаловриси, другія чрезъ шлагбаумъ; остальныя размѣстились въ деревнѣ Кадыковкѣ и на Кадыковскихъ равнинахъ, а пароходы вошли съ моря въ бухту. Предъ вступленіемъ послѣднихъ, влетѣлъ въ бухту маленькій пароходикъ, немного болѣе десантнаго баркаса, обѣжалъ оба берега ея, измѣрилъ глубину, и, выйдя въ море, вновь поворотилъ къ бухтѣ, ведя за собою всю эскадру.

Между тѣмъ какъ происходило нападеніе на Балаклаву, большой отрядъ пошелъ по каранской дорогѣ. Поднявшись на гору, онъ поворотилъ влѣво къ садамъ и сталъ спускаться къ бухтѣ; здѣсь издали замѣтилъ толпу людей въ виноградникахъ, принялъ ее за ретирующійся отрядъ войска, и открылъ по ней штуцерный огонь. Къ счастію, балаклавцы успѣли прилечь между кустами, и только слышали визгъ перелетавшихъ надъ ними пуль. Окруженные непріятелемъ, они были немедленно взяты; мужчины отдѣлены отъ женщинъ и дѣтей и перевезены обратно въ Балаклаву; послѣднія, въ сопровожденіи офицеровъ, которые забросали красавицъ комплиментами, и, на переѣздѣ чрезъ

бухту, выговаривали имъ за необдуманное бѣгство изъ города и отнятіе у нихъ возможности проводить время въ пріятномъ обществѣ. При этомъ обѣщали всѣмъ жителямъ полную свободу, цѣлость и неприкосновенность ихъ имущества и защиту отъ всѣхъ возможныхъ притѣсненій и оскорбленій.

Возвратясь въ свои домы, жители нашли въ нихъ новыхъ хозяевъ, распоряжавшихся не такъ, какъ распоряжаются тѣ, которые пріобрѣтаютъ себѣ имущество съ года на годъ въ потѣ лица. Новые хозяева, казалось, дорожили временемъ; они спѣшили забирать въ домахъ все, что попадалось подъ руки: платье и цѣнныя вещи разбирали по рукамъ, мебель ломали, а лучшую брали на пароходы; срывали обои, пороли матрацы, выбрасывали изъ нихъ шерсть и въ ней искали скрытыхъ сокровищъ. Что не нравилось, бросали на полъ, или на дворъ; при этомъ погибли зеркала и вся столовая посуда. Жителей не вдругъ впускали въ домы. Сначала нужно было доказать право на собственность и, послѣ продолжительныхъ формальностей, распросовъ чрезъ переводчика, увѣреній и свидѣтельствъ, они входили въ собственные дома, но здѣсь не смѣли мѣшать побѣдителямъ распоряжаться. На просьбы не раззорять, имъ отвѣчали смѣхомъ: «это все наше», а смѣлѣйшимъ показывали штыкъ или саблю. Между тѣмъ какъ одни грабили домы, другіе очищали кладовыя и ловили домашнюю птицу, и все въ глазахъ начальниковъ, которые, на вопросъ: «это ли обѣщанныя цѣлость и неприкосновенность имущества»? отвѣчали шутя: «это ничего! Зачѣмъ вы уходили? Впрочемъ, не безпокойтесь; что застали, то ваше; больше не возьмутъ ничего». Пріятное утѣшеніе! Не возьмутъ ничего, когда нѣтъ больше ничего. Нѣкоторыя дамы, надѣясь своими просьбами смягчить побѣдителей и вымолить у нихъ защиту домамъ своимъ и экипажамъ, получили въ отвѣтъ: «Стоитъ хлопотать о лачужкахъ и дрянныхъ экипажахъ? Возьмемъ Севастополь, и тамъ, по выбору вашему, дадимъ вамъ дворцы и кареты». Вечеромъ весь балаклавскій скотъ, воротившійся съ поля, былъ взятъ и убитъ на порціи солдатамъ.

Когда все было истреблено въ городѣ, непріятель бросился на фруктовые и виноградные сады, на огороды и пчельники. Все съѣдобное было взято, и частію съѣдено, а большею частію разбросано. Виноградъ, осенніе фрукты и огородные овощи разомъ исчезли: все пожиралось съ жадностью, за что вскорѣ развилась между ними какая-то эпидемическая болѣзнь, а потомъ и холера. Пчельники, вѣроятно, были для нихъ новинкою, потому что они не знали, какъ за нихъ взяться. Обыкновенно, солдаты брали по колодѣ, или корзинѣ пчелъ, и старались разломать ихъ; но пчелы жестоко нападали на грабителей и жалами разгоняли ихъ. Тогда солдаты перемѣнили свой способъ: взявъ колоду, бросали ее съ размаха на землю, чтобъ испугомъ выгнать пчелъ, но и тутъ не могли отбиться отъ разозлившихся насѣкомыхъ. Нѣкоторые, похитрѣе, кутались въ благопріобрѣтенныя одѣяла и смѣло подходили, но пчелы умѣли пробраться къ тѣлу сквозь складки и выместить на немъ всю свою ярость. Хитрая затѣя Джонъ-Булля оказывалась далеко нехитрою; почувствовавъ ужаленіе, онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ, и на дѣлѣ испытывалъ ненадежность своей выдумки. Одѣяла мѣшали ему бѣжать, и многіе, запутавшись въ нихъ, падали на бѣгу. Тутъ-то греческія пчелы показали незнаніе русской поговорки: лежачаго не бить. Особенно поплатились за это нападеніе на пчелъ горные шотландцы: пчелы залетали имъ подъ верхнее платье и приводили многихъ въ такое бѣшенство, что они, искусанные до нельзя, бѣгали, какъ сумасшедшіе, по городу и по Кадыковкѣ, не зная куда спрятаться отъ немилосердаго преслѣдованія пчелъ и чѣмъ унять боль и зудъ отъ ужаленія. Иные бросались въ бухту, и какъ бы успокоивались въ холодной водѣ, но, выйдя изъ воды, мучились болѣе прежняго, и, что хуже всего—вновь встрѣчали враговъ своихъ. Нѣкоторые до того были искусаны, что имъ оказалась необходимою врачебная помощь. Къ вечеру были разобраны всѣ ограды и стѣны, выходившія на набережную; сады, расположенные здѣсь, вырублены. На балаклавской набережной учредили складъ запасовъ провизіи, боевыхъ снарядовъ и проч.—Такимъ образомъ бала-

клавцы вдругъ остались безъ имущества, безъ средствъ къ существованію, и въ постоянномъ страхѣ за свою жизнь. Впрочемъ церковь оставалась неприкосновенною. Священнику велѣно служить и отправлять требы. Этого мало: союзные генералы, видя какое впечатлѣніе производитъ на жителей, кромѣ грабежа, обращеніе съ иконами, которыя были разбросаны по дворамъ и улицамъ, и пренебреженіе непріятеля ко всякой святынѣ, отыскали взятыя изъ карантинной казармы иконы, принесли ихъ съ торжествомъ, и поставили на прежнія мѣста ([1]) До 27 го сентября жители переносили все, что только могутъ произвесть нужда, голодъ и всевозможныя лишенія; въ этотъ день, благодаря нелѣпымъ слухамъ о какихъ то замыслахъ, дошедшимъ до лорда *Раглана*, балаклавцы наконецъ избавились отъ удовольствія глядѣть на своихъ побѣдоносныхъ грабителей.

Подвѣдомственныя балаклавскому батальону деревни заняты;

1) Кадыковка 14-го сентября, предъ вступленіемъ непріятеля въ Балаклаву. Здѣсь дѣйствія побѣдителей были тѣ же, что и въ Балаклавѣ; разница въ томъ, что отъ церкви взятъ ключъ, и турки стрѣляли въ наружные церковные образа, но это вскорѣ было имъ запрещено. Такъ какъ большая часть жителей бѣжала, то имущество ихъ и перешло въ руки непріятеля.

2) Комары заняты, 15-го сентября, передовымъ пикетомъ англичанъ и турокъ. Жители скрылись въ лѣсу. 18-го числа голодъ заставилъ нѣкоторыхъ воротиться, и они нашли всѣ дома и церковь начисто ограбленными, и вновь должны были бѣжать отъ голодной смерти въ собственныхъ домахъ.

3) Карань сначала была счастливѣе: только небольшіе отряды солдатъ и матросовъ заходили сюда за провизіею, объявляя «продайте намъ все нужное, иначе возьмемъ си-

---

([1]) Чрезъ нѣсколько дней по занятіи Балаклавы, солдаты начали собирать по городу и по деревнямъ брошенныя ими же иконы, и продавали на пароходы маркитантамъ, которые завели торговлю иконами, покупая ихъ въ Балаклавѣ по 30 коп. и по 40 коп. сер. и продавая въ Константинополѣ грекамъ по 3 р. и по 5 р. серебромъ.

лою»: и брали все, а денегъ не давали. Въ Карани жили не одни каранцы: сюда сбѣжались и кадыковцы. Англо-французскіе офицеры, узнавъ, что въ Карани есть дамы, понимающія по-французски, стали посѣщать лучшіе дома. Изъ нихъ чаще другихъ навѣщали деревню лордъ *Левисонъ* и полковникъ *Сенъ-Виталь*. Для предупрежденія безпорядковъ, цѣпь англо-французовъ окружала Карань. 5-го ноября, по случаю наступившихъ холодовъ, большая часть офицеровъ переселилась сюда на жительство, отъ чего тѣснота помѣщенія, недостатокъ продовольствія и наконецъ, страхъ голодной смерти заставили жителей просить побѣдителей отпустить ихъ за русскіе аванпосты. По ходатайству *Левисона* и *Сенъ-Виталя*, 16-го ноября, они, въ числѣ 71 души, отправлены на пароходѣ въ Ялту, но только тѣ, которые просили объ этомъ. Здѣсь замѣчателенъ одинъ случай. Въ Карани жила вдова, маіорша *Сарачанъ*, съ пятью дочерьми взятаго въ плѣнъ брата ея, капитана *Стамати*, изъ которыхъ старшей было четырнадцать лѣтъ. Г-жу *Сарачанъ* посѣщали чаще другихъ два француза и одинъ полякъ. Послѣдній постоянно поносилъ наше правительство. На просьбы хозяйки, хорошо понимавшей французскій языкъ, оставить нападки на правительство, онъ отвѣчалъ хохотомъ, и позволилъ себѣ нѣкоторыя вольности въ обращеніи съ сиротами Тогда маіорша отказала ему отъ дому. Спустя два дня послѣ отказа, по приказанію лорда *Раглана*, за сношенія съ княземъ *Меншиковымъ*, чему уликою служило перехваченное письмо (продѣлка поляка), маіорша *Сарачанъ* съ дѣтьми отведена, подъ строгимъ карауломъ, въ Георгіевскій монастырь, гдѣ содержится и теперь, какъ арестантка [1]).

В. Зеленкевичъ.

Ялта, 8-го апрѣля 1855 года.

Новая прусская газета, сообщая офиціальное донесеніе лорда *Раглана* къ герцогу *Ньюкэстлю*, о передвиженіи союзниковъ къ Балаклавѣ, находитъ, что этотъ документъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1855 г. № 113.

неоспоримо доказываетъ, что высадка союзниковъ при Эвпаторіи вовсе не имѣла исключительною цѣлью отвлеченія русскихъ отъ Балаклавы—пункта, будто бы избраннаго съ самаго начала въ основаніе дѣйствій, какъ увѣряли англійскія и французскія газеты; что, напротивъ, союзники сначала намѣревались атаковать Севастополь съ сѣверной стороны, но были принуждены перемѣнить планъ и перенести атаку на югъ. Вѣнская газета «Soldatenfreund» тоже раздѣляетъ это мнѣніе (французскій адмиралъ *Гамеленъ* прямо говоритъ въ своемъ донесеніи, что было положено атаковать Севастополь съ сѣверной стороны, но что союзники принуждены были отказаться отъ этого плана, за невозможностію привести его въ дѣйствіе) [1].

НАРУЖНЫЙ ВИДЪ ГОРОДА БАЛАКЛАВЫ ПО ЗАНЯТІИ ЕЯ АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ.

Заимствуемъ изъ корреспонденціи «Morning Chronicle» любопытныя подробности о наружномъ видѣ городка Балаклавы, со времени занятія его союзными войсками:

Чтобъ составить себѣ понятіе о Балаклавѣ, вообразите себѣ городъ, конечно весьма небольшой, заселенный офицерами главнаго штаба и интендантства, а улицы покрытыя солдатами. Каждый домъ, который стоилъ труда занимать его, взятъ во владѣніе, и на дверяхъ большими, черными или бѣлыми буквами выставлены имена нынѣшнихъ жильцовъ.

Главнокомандующій и штабъ офицеры помѣстились въ загородныхъ жилищахъ близъ лагеря, но канцеляріи ихъ остались въ Балаклавѣ. Квартиры главнокомандующаго, канцеляріи генералъ-адъютанта и почтамта, главная квартира медицинскаго управленія поражаютъ пріѣзжаго при первомъ взглядѣ на улицы Балаклавы.

На углу каждой улицы расхаживаетъ часовой. Лагерные огни горятъ день и ночь позади домовъ. Между чере-

(1) „Русск. Инв." 1854 г. № 228. „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 227

пичными и деревянными крышами видны красныя верхушки палатокъ. Въ городѣ, кажется, нѣтъ башенныхъ часовъ; но мы знаемъ который часъ по звуку трубы и колокола съ кораблей, которые слышимъ въ домахъ такъ же явственно, какъ бы были на самыхъ судахъ. Слыша шумъ пароходовъ, приходящихъ и отходящихъ со свистомъ и извергающихъ на воздухъ потоки паровъ, можно вообразить себѣ, что офицеры сосѣдняго дома кипятятъ колоссальный чайникъ на огромной печи. Кромѣ всякаго рода провизіи, отправляемыхъ въ лагерь, и пустыхъ арбъ, прибывающихъ изъ лагеря для отвоза припасовъ, весь день стоитъ по балаклавской дорогѣ столбъ пыли, а на улицахъ раздается топотъ лошадей: офицеры и слуги ихъ пріѣзжаютъ на балаклавскій рынокъ.

Въ первыя недѣли было на рынкѣ мало запасовъ. Покупщики должны были отправляться на транспортныя суда, и за наличныя деньги требовать окорока, говядины или фунта соли. Шкипера купеческихъ судовъ получали деньги. Продавцы важничали, и тѣ, которые не успѣвали пріобрѣсть ихъ благосклонности, возвращались домой съ пустыми ранцами. Но если продавецъ былъ въ хорошемъ духѣ, счастливый покупщикъ, высыпая свой кошелекъ, наполнялъ ранецъ.

Вскорѣ настало время, когда транспортныя суда продали всѣ свои запасы. Продавцы приняли насмѣшливый видъ, а шкипера сдѣлались неумолимыми къ просьбамъ лордовъ и джентельменовъ въ запачканныхъ мундирахъ, съ изорванными галунами и покрытыхъ пылью: они возвращались въ лагерь съ неудовольствіемъ и безъ запасовъ. Потомъ, по прибытіи новаго парохода, въ одну минуту палуба его и каюты наполнялись голодною толпою съ пустыми котомками, напоминающими о сборщахъ бѣдныхъ, толпящихся у человѣколюбивыхъ обществъ, гдѣ раздаютъ супъ. Наши спекуляторы удержаны были работами жатвы, а левантцы изъ Перы слишкомъ насъ боялись, и не смѣли къ намъ пріѣхать. Наконецъ нѣсколько мальтійцевъ привезли провизію самаго дурнаго качества и по баснословнымъ цѣнамъ. Потомъ прибылъ маркитантъ изъ Перы съ

грузомъ товаровъ всякаго рода, который распродалъ въ четыре дня съ барышемъ до 36.000 піастровъ. Онъ отправился за новымъ грузомъ, но уже не успѣлъ разбогатѣть. Съ тѣхъ поръ ежедневно стали являться новые продавцы. Чернобородые люди, замѣчательно грязные, безпрестанно наполняли контору городскаго коменданта, полковника *Давени*, прося позволенія на открытіе лавокъ въ большой улицѣ и въ назначаемыхъ имъ домахъ.

Съ тѣхъ поръ большая улица сдѣлалась базаромъ, гдѣ съ утра до вечера толпятся офицеры и солдаты, приходящіе изъ лагеря. Комендантъ покровительствуетъ купцамъ, которые, съ своей стороны, обязаны подвергаться охранительной дисциплинѣ. Полиція закрываетъ лавки ихъ въ пять часовъ вечера, обязывая ихъ гасить огонь и ложиться спать въ восемь часовъ. Послѣ этого срока настаютъ на улицахъ Балаклавы мракъ и тишина.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Крымская война: 1853—54 г.

Полжизни пришлось мнѣ провести въ странахъ, обозначаемыхъ общимъ названіемъ европейскаго Востока, а именно: въ Турціи, Греціи, Сербіи и Румынскихъ княжествахъ. Прослуживъ болѣе двадцати лѣтъ тамъ, гдѣ сосредоточиваются существенные интересы внѣшней политики Россіи, мнѣ случалось сталкиваться со многими замѣчательными личностями, быть свидѣтелемъ событій, занимающихъ уже мѣсто въ исторіи, и даже принимать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя мало замѣтное, но дѣятельное участіе. Въ это время накопилось въ памяти не мало воспоминаній; но, по обычаю дипломатовъ, я хранилъ ихъ до сихъ поръ *in scriniis pectoris*. Къ сожалѣнію, не имѣлъ я привычки записывать происходившія вокругъ меня событія. Впрочемъ, пока я служилъ на Востокѣ, въ томъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. 265. „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 263.

почти не было и надобности: частыя сношенія съ лицами, принимавшими участіе въ этихъ событіяхъ, постоянное занятіе дѣлами, которыя, въ отечествѣ *кейфа*, двигаются медленно, измѣняются незамѣтно—словомъ, вся ежедневная обстановка безпрерывно оживляла воспоминанія молодости.

Недавно судьба перекинула меня съ береговъ Босфора на берега Невы. Тутъ немного людей исключительно интересующихся восточными дѣлами, еще менѣе близко знакомыхъ съ ними. Тутъ, какъ и во всѣхъ большихъ центрахъ, вопросы внутренней и внѣшней политики представляются въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, въ формахъ болѣе общихъ. Тутъ скоро замѣчаешь, что годы и треволненія жизни быстро уносятъ спеціальныя подробности прошедшаго, безслѣдно изглаживаютъ мелкія воспоминанія.

То, что мнѣ случалось видѣть и слышать, принадлежитъ, повторяю чистосердечно, къ разряду такой мелочи. Но изъ этой-то именно мелочи личныхъ наблюденій и составляется мало по-малу капиталъ опыта, который, чтобы принести пользу, долженъ быть достояніемъ не одного, а многихъ. Пытаясь въ первый разъ передать бумагѣ отрывочно и безъискусственно излагаемыя воспоминанія, не имѣю ни малѣйшаго притязанія выдавать ихъ за серьезные матеріалы для исторіи политическихъ событій. Прошу заранѣе снисхожденія читателей къ этимъ бѣглымъ очеркамъ, которыхъ единственный интересъ состоитъ въ томъ, что они относятся въ особенности къ личности, пользовавшейся въ Россіи большою извѣстностью. Приступая къ разсказу двухъ встрѣчъ моихъ съ княземъ *А. С. Меншиковымъ*, желаю, чтобы тѣ изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ, которымъ придется послѣ меня подвизаться на поприщѣ восточной дипломатіи, дѣлали то, чего я не могъ сдѣлать, т.-е. записывали бы все, что имъ случится узнать или замѣтить въ этой своеобразной и любопытной средѣ. Пусть соотечественники наши подражаютъ въ этомъ отношеніи англійскимъ дипломатамъ. Дневники нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ, какъ, напримѣръ, Эдейра и Мальмсбери (Джона Гарриса) пользуются заслуженною извѣстностью.

Въ особенности записки Мальмсбери, становящіяся въ наше время почти библіографическою рѣдкостью, считаются и до сихъ поръ образцомъ дипломатическаго слога и наблюдательности.

Пишущему же эти строки, много лѣтъ спустя послѣ припоминаемыхъ событій, пусть будетъ дозволено взять вмѣсто эпиграфа слова Овидія:

Si fuit errandum, causas habet error honestas.

I.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ возникли, проявлявшіяся и прежде не разъ, недоразумѣнія и распри между православными и католиками за обладаніе и пользованіе Святыми мѣстами Палестины. Между прочимъ, поводомъ къ взаимнымъ препираніямъ служили вопросы о нѣкоторыхъ святилищахъ вблизи св. Гроба, въ Іерусалимѣ, о допущеніи католиковъ въ Геѳсиманскую пещеру и объ обладаніи ключами храма Рождества Христова, въ Виѳлеемѣ. Послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ съ Портою, посланникъ нашъ въ Константинополѣ, *В. П. Титовъ*, успѣлъ достигнуть подтвержденія правъ православныхъ. Въ ихъ пользу былъ изданъ фирманъ, который обнародовать въ Іерусалимѣ поручено было канцлеру Дивана *Афифъ-бею*. Весною 1852 г., г. *Титовъ* уѣхалъ въ отпускъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тоже сдѣлалъ и французскій посолъ, маркизъ *Лавалетъ*. Между тѣмъ, *Афифъ-бей*, подъ разными предлогами, медлилъ чтеніемъ фирмана; какъ вдругъ, вскорѣ послѣ проѣзда *Лавалета* черезъ Марсель, въ одной изъ тамошнихъ газетъ появилось извѣстіе, что въ пользу католиковъ выданъ новый, вполнѣ благопріятный имъ фирманъ, и что даже коммиссару Порты предписано передать ключи главной (западной) двери Виѳлеемскаго храма латинскому патріарху. Вскорѣ русская миссія, и прежде подозрѣвавшая обманъ, и іерусалимскій патріархъ убѣдились въ основательности этого неожиданнаго извѣстія. Блаженнѣйшій *Кириллъ* немедленно написалъ письмо къ всероссійскому синоду съ просьбою о защитѣ, о поддержаніи по-

пираемыхъ правъ матери церквей. Повѣренный въ дѣлахъ *А. П. Озеровъ*, сдѣлавъ энергическія замѣчанія Портѣ, отправилъ въ Петербургъ посланіе патріарха, подкрѣпивъ его съ своей стороны. Хотя миссія наша и объявила турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, что, по важности происшествій, случившихся въ Іерусалимѣ, она должна была представить ихъ на усмотрѣніе своего правительства и будетъ ожидать дальнѣйшихъ указаній, тѣмъ не менѣе она дѣятельно повторяла свои настоянія. Обнадеживаемая французами, Порта надѣялась однако, что и въ этотъ разъ дѣло обойдется, въ крайнемъ случаѣ, такъ же мирно, какъ въ 1849 г., когда, по поводу вопроса о польскихъ и венгерскихъ выходцахъ, мы, прервавъ дипломатическія сношенія, чрезъ нѣсколько недѣль возстановили ихъ, удовольствовавшись маловажнымъ удовлетвореніемъ. Всѣ знакомые съ Востокомъ знаютъ, что тамъ лучше не дѣлать ни шагу, нежели, двинувшись впередъ, отступать. Поэтому-то люди, слѣдившіе вблизи за ходомъ нашей политики въ Турціи, видѣли въ происшествіи 1849 г. предзнаменованіе тѣхъ испытаній, которыя готовилъ намъ 1853-й годъ.

Но возвратимся къ нашему предмету, прося еще разъ читателей не искать въ нашемъ разсказѣ полной и подробной исторіи важныхъ событій, разыгравшихся кровопролитною восточною войною: такой трудъ не по силамъ пишущему эти строки, да, можетъ быть, и вообще для исполненія его еще не настало время.

Январь 1853 года прошелъ спокойно въ Стамбулѣ. Почтовыя сообщенія съ Россіею были тогда очень медленны; телеграфовъ не существовало; для полученія отвѣта изъ Петербурга нужно было, такимъ образомъ, не менѣе мѣсяца. Въ началѣ февраля, миссія получила приказаніе воздерживаться отъ политическихъ сношеній съ Портою, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, и ограничиваться по возможности веденіемъ, такъ называемыхъ, текущихъ дѣлъ. При этомъ случаѣ, въ первый разъ было примѣнено къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ *Фуаду-эффенди*, нерѣдко повторенное впослѣдствіи и не одними нами, названіе лукаваго министра (ministre fallacieux).

Затѣмъ, въ Перѣ вновь наступило спокойствіе, правда относительное, ибо предчувствія грозы уже начинали проявляться.

Эти предчувствія сдѣлались замѣтнѣе, когда, около половины февраля, прибылъ въ Константинополь адъютантъ князя *Меншикова*, полковникъ *Сколковъ*, съ извѣстіемъ, что вслѣдъ за нимъ пріѣдетъ его начальникъ, въ званіи чрезвычайнаго посла. Какъ ни заботились члены миссіи о сохраненіи этой вѣсти въ тайнѣ, она, однако, быстро разнеслась по обоимъ берегамъ Босфора. На другой же день, передъ русскимъ посольскимъ дворцомъ начали собираться и останавливаться группы любопытныхъ. Вскорѣ къ жителямъ ближайшихъ предмѣстій стали присоединяться пришельцы изъ отдаленныхъ кварталовъ: греки изъ Фанаря, Псамматіи и Эксо-Мармара, большею частью народъ рабочій, робкіе армяне изъ Кумкапу, даже промышленные евреи изъ Хаскёя и Балаты,—весь этотъ разнообразный и разноязычный людъ покидалъ свои занятія и стекался къ Quattro-strade, перекрестку близъ зданій русской миссіи. Толпа не уменьшалась замѣтно даже ночью; среди ея появились продавцы бубликовъ и жирныхъ пироговъ, жаренаго гороха, рисоваго киселя и другихъ восточныхъ лакомствъ. Всякій громко выхвалялъ свой товаръ, но крики продавцевъ не заглушали толковъ покупателей о предстоявшемъ зрѣлищѣ. Къ утру, 16-го февраля, дня, въ который ожидали посла, главная Перская и прилегающія къ ней улицы сдѣлались рѣшительно непроходимыми. Среди этого добровольно собравшагося народа, одни только *заптіе*, неуклюжіе полицейскіе солдаты въ протертыхъ добѣла, нѣкогда темнозеленыхъ, кафтанахъ, съ огромными тесаками за спиною, явились не по своей охотѣ, а для порядка. Они, то вяло влачили по мостовой свои громадные подкованные башмаки; то, утомленные исполненіемъ перипатетическаго долга, усаживались на корточкахъ вдоль стѣнъ курить *чубуки отдохновенія*.

Между тѣмъ, повѣренный въ дѣлахъ вышелъ на пароходѣ въ Черное море, на встрѣчу приближавшемуся послу; а послѣ полудня, члены нашей миссіи и русскіе под-

данные начали собираться у пристани Топханэ. Но и тамъ они были не одни: по берегу моря и въ Золотомъ Рогѣ, не только по улицамъ, на площади и въ каикахъ (лодкахъ), но даже на крышахъ прибрежныхъ домовъ напряженно ждали многочисленныя толпы народа. Случилось, что въ то время, при входѣ въ живописную гавань Константинополя, стояли, кромѣ брандвахты, нѣсколько другихъ судовъ турецкаго флота, австрійскій военный корветъ и пароходы, состоявшіе въ распоряженіи иностранныхъ посольствъ. Громъ пушекъ всѣхъ этихъ судовъ и береговыхъ батарей смѣшался съ криками народа—въ Стамбулѣ обыкновенно равнодушнаго и сдержаннаго, когда передъ султанскимъ дворцомъ Долмабагче показался, нѣкогда величественный, а нынѣ давно не существующій, «Громоносецъ», подъ посольскимъ флагомъ; за нимъ слѣдовалъ другой военный пароходъ «Бессарабія».

Лишь только якорь былъ брошенъ, князь *Меншиковъ* съѣхалъ на берегъ и въ открытой коляскѣ поднялся въ Перу, сопровождаемый русскою колоніею верхомъ на лошадяхъ и толпою любопытныхъ, бѣжавшею за поѣздомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, его встрѣчали восторженными криками; большинство ожидавшихъ снимало шапки, нѣкоторые осѣняли даже себя крестнымъ знаменіемъ.

Когда князь въѣхалъ во дворъ миссіи, стоявшіе въ первыхъ рядахъ, насмотрѣвшись вдоволь, отступили; ихъ мѣсто занимали постепенно другіе изъ заднихъ рядовъ, до того мало видѣвшіе. Когда публика передъ воротами перемѣнилась, нѣкоторые изъ приблизившихся увидѣли прохаживавшагося по двору швейцара Боско, далматинца, съ огромными усами, въ треугольной шляпѣ, въ ливреѣ обшитой галунами, съ серебряною булавою въ рукѣ.

— Не посолъ ли это? пронеслось шопотомъ въ толпѣ.

— Какой посолъ? возразили другіе поопытнѣе. Эхъ вы *аджеми*, неучи! Это не посолъ, а *капуджи*, привратникъ.

— Ну, коли у привратника такая булава, замѣтили

остряки, то какова же должна быть та, которою русскій посолъ погрозитъ нашимъ пашамъ?

Въ самомъ дѣлѣ, любопытно посмотрѣть, что происходитъ въ это время въ Портѣ. Изъ всѣхъ православныхъ жителей Стамбула, можетъ быть, только у одного въ головѣ промелькнула эта мысль. Это былъ Николаки А...; занимавшій важное мѣсто въ патріархіи и имѣвшій также свободный доступъ и въ Порту, и въ кое-какія посольства. Это былъ въ полномъ смыслѣ типъ, нынѣ постепенно изчезающій — типъ ловкаго фанаріота, ставившаго задачею жизни искусное угожденіе «и нашимъ, и вашимъ».

«Понавѣдаюсь-ка я къ пріятелямъ», подумалъ съ утра Николаки-эфенди, и надѣвъ, по обыкновенію, двѣ три шубы сверхъ оффиціальнаго долгополаго кафтана, прикрывавшаго нѣсколько разноцвѣтныхъ душегрѣекъ, поплелся въ высокую Порту, съ намѣреніемъ *потереть лицо въ пыли порога благополучія*.

Освѣдомившись, какъ слѣдовало, у *мюхюрдаровъ* (хранителей печатей) о состояніи священнаго *кейфа* разныхъ сильныхъ міра сего, нашъ византійскій дипломатъ дождался времени появленія русскихъ пароходовъ. Увидавъ изъ оконъ, что они прошли замки на срединѣ Босфора, онъ отправился въ залу совѣта министровъ, которые прикидывались, что занимались дѣлами. Въ сущности же, поджавъ ноги на софахъ и перебирая руками четки, они сидѣли въ глубокомъ раздумьѣ и, безсознательно куря длинныя трубки, не обращали вниманія на докладъ *кятиба* (секретаря).

Подъ шумокъ монотоннаго чтенія, Николаки-эфенди проскользнулъ подъ приподнятый край дверной завѣсы и, какъ человѣкъ знающій приличія, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ софѣ, стоявшей у оконъ, сталъ пробираться обходомъ вдоль стѣны, тщательно прикрывая полами, также по обычаю, если не ступни ногъ, что, увы, уже невозможно при новомодной турецкой одеждѣ, то, по крайней мѣрѣ, колѣни. Онъ окончилъ свое фланговое движеніе и незамѣтно очутился передъ предсѣдателемъ совѣта, старымъ

Реуфъ-пашею, въ ту самую минуту, когда первый выстрѣлъ салюта русскому флагу раздался въ Золотомъ Рогѣ.

При этомъ потрясающемъ звукѣ, полусонные министры встрепенулись.

Шейхъ-уль-исламъ, погладивъ сѣдую бороду, произнесъ: *ля хавля ве ля кувветa илла биллахи-эль-али элазимъ*! нѣтъ власти, ни силы, кромѣ какъ у Бога, всевышняго, великаго!

Реуфъ-паша, быстро окинувъ взоромъ собраніе, наткнулся на византійца, смиренно отвѣшивавшаго *теменна* (1) на всѣ стороны. Забывъ высокомѣрную холодность, съ которою правовѣрные обыкновенно обращаются съ христіанами, предсѣдатель вскочилъ съ софы и простеръ объятія къ улыбающемуся *раѣ*.

— Николаки, другъ нашъ. воскликнулъ паша въ смущеніи. Что съ нами будетъ? и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ скороговоркою: садись, ягненокъ мой, и скажи, имѣешь ли ты какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ московскомъ послѣ: *аллахъ беласыны версынъ*! пошли ему Богъ хлопоты! Что онъ за человѣкъ?

— Человѣкъ онъ не опасный; нѣчто въ родѣ русскаго *топалъ-паши* (2), скромно отвѣтилъ Николаки.

— Такъ ли? запросили наперерывъ нѣсколько успокоенные турки.

— Поистинѣ такъ... если Богу угодно.

Министры хотѣли подробнѣе разспросить опытнаго собесѣдника, но онъ ловко уклонился.

— *Бенделеринэ дестуръ*, слугѣ вашему позволеніе (удалиться), произнесъ онъ и поторопился воспользоваться имъ, сопровождаемый прощальными привѣтствіями.

---

(1) *Теменна*, привѣтствіе по турецкому обычаю, состоящее въ наклоненіи тѣла и направленія правой руки къ землѣ, къ сердцу и ко лбу.

(2) Хромой-паша. Это—прозваніе, подъ которымъ былъ извѣстенъ нѣкогда могущественный любимецъ султана Махмуда, Хосревъ. Въ описываемую эпоху дряхлый, впавшій въ дѣтство, Хосревъ, не былъ уже никому страшенъ. Приводимымъ сравненіемъ Николаки хотѣлъ намекнуть, что Меншиковъ, также прихрамывавшій вслѣдствіе раны, не страшнѣе своего турецкаго современника и пріятеля.

Послѣ этой сцены, которой было достаточно для хитраго византійца, чтобы понять настроеніе турецкихъ сановниковъ, онъ, подъ прикрытіемъ наступавшей темноты, поспѣшно поѣхалъ въ русскую миссію и тамъ шепнулъ кому слѣдовало: «турки-де въ смятеніи».

Эта личность играла вообще малоизвѣстную, но значительную роль при дальнѣйшемъ развитіи тогдашнихъ событій. Предоставляя болѣе искусному перу описаніе ея разнообразныхъ подвиговъ, перехожу опять къ своимъ анекдотическимъ воспоминаніямъ.

Во время посольства князя Меншикова, я учился въ Константинополѣ восточнымъ языкамъ, а свободное отъ уроковъ время, съ дозволенія повѣреннаго въ дѣлахъ, посвящалъ практическимъ занятіямъ въ драгоманатѣ миссіи. Такимъ образомъ, еще до пріѣзда посла, я могъ ознакомиться съ сущностью вопросовъ, которые скоро должны были вызвать со стороны нашего правительства рѣшительный дипломатическій шагъ. Первый драгоманъ миссіи, почтенный г. *Аргиропуло*, оказывавшій мнѣ живое участіе и особое довѣріе, продиктовалъ мнѣ переводъ съ упомянутаго выше, писаннаго на греческомъ языкѣ, посланія іерусалимскаго патріарха къ нашему синоду. По этому случаю, хотя въ то время я еще не имѣлъ никакого оффиціальнаго положенія въ миссіи, мнѣ ближе, можетъ быть, нежели многимъ другимъ, выше поставленнымъ, были извѣстны причины и цѣль посольства князя Меншикова. Въ продолженіе веденныхъ имъ переговоровъ, которыми я, разумѣется, интересовался съ любопытствомъ, свойственнымъ молодости, мнѣ удавалось знакомиться не только съ общимъ ихъ ходомъ и съ относившимися къ нимъ документами, нынѣ принадлежащими исторіи, но и съ такими бумагами, которыя, по обстоятельствамъ, остались безъ послѣдствій.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ разсказу одного изъ такихъ случаевъ, для сохраненія нѣкоторой послѣдовательности въ изложеніи, приведу воспоминанія свои о первой встрѣчѣ съ княземъ *Меншиковымъ*, послѣ оффиціальнаго ему представленія.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда, посолъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ *частное*, дружеское свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь не понялъ хорошо этого оттѣнка и отвѣтилъ любезно, что всякое свиданіе съ посломъ сочтетъ за особенную честь и удовольствіе.

Въ назначенный для свиданія день, около полдня, я говорилъ съ знакомымъ во дворѣ посольскаго дома у подъѣзда котораго стояла открытая коляска. Тутъ я увидѣлъ князя *Меншикова*, когда онъ садился въ нее, въ сопровожденіи повѣреннаго въ дѣлахъ, *А. П. Озерова*, совѣтника посольства, графа *Д. К. Нессельроде*, и перваго драгомана миссіи, *Е. Я. Аргиропуло*. Всѣ они были во фракахъ и въ пальто. На князѣ, сверхъ фрака съ андреевскою звѣздою, былъ надѣтъ родъ темносиняго короткаго плаща или каррика, съ нѣсколькими отложными воротниками; это—то знаменитое пальто, о которомъ такъ много писали европейскія газеты.

О томъ, что произошло въ этотъ день въ Портѣ, дополняю по разсказамъ очевидцевъ. Когда князь въѣхалъ во дворъ зданія, занимаемаго главными турецкими управленіями, его привѣтствовала музыка выстроенныхъ тамъ войскъ. При выходѣ изъ коляски посла приняли два маленькіе и толстенькіе сановника въ мундирахъ: это были: *Камиль-бей*, оберъ-церемоніймейстеръ, и *Нуреддинъ-бей*, первый драгоманъ Дивана; они повели его по длинному корридору верхняго этажа, въ концѣ котораго находилась пріемная зала верховнаго визиря. Князь шелъ все время въ плащѣ, предполагая, конечно, что передъ залою будетъ, по крайней мѣрѣ передняя, гдѣ можно снять верхнюю одежду, которая въ то время года, въ нетопленныхъ корридорахъ, была необходима. Когда онъ дошелъ до конца корридора, приподнялась вышитая завѣса изъ чернаго сукна (¹) и подъ нею, на порогѣ, показался верховный визирь, красивый Мехмедъ-Али-паша, въ мундирѣ съ орденами. Прежде, нежели подойти къ нему, посолъ снялъ

(¹) Въ турецкихъ домахъ такія завѣсы замѣняютъ обыкновенно двери.

плащъ и перекинулъ его черезъ лѣвую руку, а потомъ, сѣвъ въ углу софы, положилъ подлѣ себя.

Разговоръ съ верховнымъ визиремъ, незнавшимъ никакого европейскаго языка, продолжался не болѣе четверти часа. Увѣряли послѣ, что при этомъ былъ сдѣланъ намекъ на невозможность приступить къ переговорамъ съ *Фуадомъ-эфенди*, потерявшимъ довѣріе Россіи съ тѣхъ поръ, какъ онъ склонилъ султана измѣнить своему обѣщанію по вопросу о Святыхъ Мѣстахъ. Когда князь вышелъ, рядомъ съ нимъ шелъ, съ одной стороны визирь, а съ другой первый драгоманъ миссіи. Подходя къ пріемной министра иностранныхъ дѣлъ, находившейся лишь въ нѣсколькихъ шагахъ направо по корридору, *Мехмедъ-Али* паша черезъ драгомана напомнилъ, что тутъ комната министра иностранныхъ дѣлъ, указывая при этомъ на *Фуада-Эфенди*, стоявшаго въ мундирѣ у порога. Пока драгоманъ передавалъ слова визиря, посолъ прошелъ мимо министра, какъ бы не замѣчая его. Завѣса опустилась. Первое министерство *Фуада-Эфенди* кончилось: въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку.

Вскорѣ по возвращеніи посла въ Перу, услужливый *Николаки* привезъ извѣстіе объ этомъ въ посольство. Въ теченіе слѣдующихъ дней не разъ появлялся онъ съ разными свѣдѣніями и предложеніями. Наконецъ, султанъ назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ *Рифаата-пашу*, считавшагося благопріятно расположеннымъ къ Россіи.

Князь *Меншиковъ* рѣшился приступить къ переговорамъ съ новымъ министромъ и въ началѣ ихъ хотѣлъ возстановить, по причинѣ мнѣ неизвѣстной, давно оставленный обычай вести дипломатическую переписку съ Портою не на французскомъ, а на турецкомъ языкѣ. Учась этому языку въ Константинополѣ, гдѣ особенное вниманіе обращается не только на красоту слога, но и почерка, я считался въ то время однимъ изъ лучшихъ каллиграфовъ между нашею молодежью. Вслѣдствіе этого обстоятельства, старшій драгоманъ, подъ величайшимъ секретомъ, поручилъ мнѣ переписать первую записку посла. Она была такъ пространна, что я употребилъ на эту работу почти

весь день 3-го марта и исписалъ цѣлый листъ лощеной турецкой бумаги, величиною въ наши рисовальные, квадратныхъ фута четыре.

Въ этомъ документѣ заключалось, во-первыхъ, подробное изложеніе жалобъ русскаго правительства, между которыми главное мѣсто занимало нарушеніе даннаго султаномъ обѣщанія; а во вторыхъ, самыя разнообразныя требованія не только о возстановленіи условленнаго въ 1852 году соглашенія касательно Святыхъ Мѣстъ Палестины, но и вообще объ обезпеченіи религіозныхъ и политическихъ правъ православныхъ подданныхъ султана. Такъ, между прочимъ, требовалось, чтобъ, по первому заявленію русской миссіи, Порта выдавала немедленно фирманы на починку и постройку православныхъ церквей вездѣ въ Турціи, гдѣ бы ни пожелали наши единовѣрцы

Проведя нѣсколько дней въ размышленіи надъ врученнымъ ему документомъ, *Рифаатъ-паша*, запинаясь, объявилъ, наконецъ, первому драгоману миссіи, что, искренно желая успѣха начатыхъ переговоровъ, онъ не рѣшается представить султану требованія, касавшіяся не только дѣлъ, подавшихъ поводъ къ недоразумѣнію, но и главнѣйшихъ верховныхъ правъ его величества. Въ то же время, министръ признался одному изъ своихъ пріятелей, что еслибъ султанъ принялъ хоть третью часть русскихъ требованій, то ему не осталось бы ничего болѣе, какъ отречься отъ престола, удалиться въ Мекку и посвятить остатокъ жизни на отмаливаніе своихъ грѣховъ.

Въ виду такого сопротивленія, посолъ рѣшился раздѣлить переговоры на двѣ части и начать съ обсужденія вопроса собственно о Святыхъ Мѣстахъ, предоставляя себѣ лишь въ случаѣ успѣха заявить вновь требованіе объ общемъ обезпеченіи на будущее время правъ христіанъ. Продолжая, однако, не довѣрять добросовѣстности переводчиковъ Порты, которыхъ онъ считалъ за людей преданныхъ прежнему министру *Фуаду*, князь *Меншиковъ* писалъ слѣдующія свои ноты на французскомъ языкѣ, но прилагая къ каждой изъ нихъ турецкій переводъ.

Дѣйствуя сообразно своему новому плану, онъ надѣялся,

повидимому, найти поддержку со стороны англійскаго посла, лорда *Страдфорда Редклифа*, котораго возвращенія въ Константинополь скоро ожидали. Такая надежда не была лишена нѣкотораго основанія, ибо Англія не была прямо заинтересована въ вопросѣ о Святыхъ Мѣстахъ. Касательно этого вопроса собственно надежда князя сбылась: лордъ *Редклифъ* дѣйствительно совѣтовалъ туркамъ сдѣлать всевозможныя уступки православнымъ въ Палестинѣ. Вскорѣ фирманы, подтвердившіе соглашеніе 1852 года, были изготовлены и должны были быть оффиціально сообщены русской миссіи. Тогда *Редклифъ*, ссылаясь на необходимость успокоить общественное мнѣніе въ Англіи, уговорилъ даже князя *Меншикова* написать ему благодарственное письмо за содѣйствіе къ удовлетворительному окончанію вопроса о Святыхъ Мѣстахъ.

Князь, однако, не считалъ его еще оконченнымъ. Помня, что султанскій фирманъ былъ уже однажды нарушенъ, онъ придумывалъ, какъ бы обезпечить исполненіе обѣщаній турецкаго правительства. Эта мысль не покидала его съ самаго начала переговоровъ. Замѣтивъ, что турки не хотятъ утвердить обѣщанія султана своимъ подданнымъ, посредствомъ формальнаго договора съ иностранною державою, и опасаясь, что въ этомъ отношеніи и Англія присоединится къ турецкому воззрѣнію, посолъ пріискивалъ самую легкую форму международнаго обязательства.

Онъ совѣтовался по этому предмету съ драгоманами миссіи. Наконецъ, кажется послѣ половины марта, призвалъ однажды и меня, хотя я былъ тогда только ученикомъ восточной премудрости. Наединѣ онъ сдѣлалъ мнѣ родъ экзамена, приказавъ перевести на турецкій языкъ названія разнообразныхъ международныхъ актовъ, употребляемыхъ Портою, и разспросивъ подробно объ отличительныхъ оттѣнкахъ каждой изъ перечисленныхъ формъ. Разговоръ продолжался около получаса. Не смотря на разность положенія и лѣтъ, князь слушалъ меня внимательно. Я замѣтилъ, что онъ остановился особенно на *сенедахъ* (родъ объяснительныхъ конвенцій) и велѣлъ мнѣ привести примѣры такихъ актовъ. Я упомянулъ о *сенедѣ*, подписанномъ

между Австріею и Турціею въ 1784 году, и о двухъ заключенныхъ между Россіею и Турціею въ *Айнали Кавакъ*, въ 1779 году, и въ Балта-Лиманѣ, въ 1849 году.

Изъ разспросовъ князя я убѣдился, что онъ былъ знакомъ съ техническими подробностями возложеннаго на него порученія чуть ли не болѣе многихъ настоящихъ дипломатовъ.

Послѣ того, мнѣ пришлось еще разъ видѣться съ княземъ *Меншиковымъ*—вотъ по какому случаю.

Въ Перѣ мало развлеченій, особенно для дѣловаго человѣка: почти единственное средство для иностранныхъ дипломатовъ разсѣяться, забыть на время офиціальныя заботы, состоитъ въ прогулкахъ по окрестностямъ. Князь *Меншиковъ* тоже ѣздилъ иногда верхомъ. Однажды онъ встрѣтилъ въ открытомъ полѣ султана, ѣхавшаго въ кабріолетѣ, сопровождаемомъ отрядомъ кавалеріи. *Абдулъ-Меджидъ* былъ вообще менѣе доступенъ, нежели его братъ, нынѣ царствующій *Абдулъ-Азизъ*, старающійся во многомъ подражать христіанскимъ государямъ, съ тѣхъ поръ, какъ побывалъ въ Европѣ. Въ описываемое время, напримѣръ, султанъ никому не кланялся; особенною милостью считалось, если онъ на минуту останавливалъ на комъ-либо взоръ. Зная строгость тогдашняго турецкаго этикета, посолъ былъ неожиданно пораженъ, когда, поровнявшись съ нимъ, султанъ остановилъ экипажъ и, привѣтливо улыбаясь, указалъ на мѣсто возлѣ себя. Князь тоже остановился и снялъ шляпу. Султанъ сказалъ что-то по турецки, но тутъ не было никого, кто могъ бы перевести слова падишаха. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ тѣхъ поръ, князь не выѣзжалъ иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ драгомановъ миссіи; а такъ какъ имъ было и безъ того довольно работы, то однажды выпало на мою долю сопровождать его.

Мы выѣхали на высоты за Большимъ Фламуромъ. Оттуда открывается величественный видъ обоихъ береговъ Золотаго Рога, несравненная панорама всего Константинополя, освѣщаемаго заходящимъ солнцемъ. Князь стоялъ въ раздумьѣ.

— Какое великолѣпное зрѣлище, замѣтилъ я.

— Да, отвѣтилъ онъ и, вздохнувъ, прибавилъ: долго ли мнѣ придется имъ наслаждаться? кто знаетъ, въ какихъ обстоятельствахъ я съ нимъ разстанусь?

Это было, если не ошибаюсь, въ концѣ марта, когда переговоры начинали уже запутываться.

Послѣ того, я видѣлъ князя *Меншикова* только мелькомъ, когда, въ началѣ апрѣля, отправляя меня въ Дарданеллы для занятія должности драгомана консульства, онъ поручалъ мнѣ ѣздить иногда въ бухту Бешикъ, куда собирался англо-французскій флотъ, и наблюдать за движеніями иностранныхъ судовъ.

II.

Еще разъ и уже въ послѣдній разъ случилось мнѣ видѣть князя *Меншикова*, но въ совершенно иной обстановкѣ. Въ Константинополѣ я оставилъ его въ великолѣпномъ посольскомъ дворцѣ, одушевляемаго надеждою на успѣхъ,— надеждою, тогда еще не вполнѣ потерянною. Черезъ полтора года, въ Крыму, съ трудомъ отыскалъ я на бивуакѣ близъ Бельбека главнокомандующаго арміи, потерпѣвшей пораженіе. Въ эти полтора года, мнѣ случилось быть въ другой средѣ свидѣтелемъ иныхъ событій, которыхъ не стану примѣшивать къ настоящему разсказу.

Послѣ кампаніи на Дунаѣ, войска наши стояли, осенью 1854 года, на квартирахъ въ Бессарабіи. Главная квартира главнокомандующаго, князя *М. Д. Горчакова*, при дипломатической канцеляріи котораго я служилъ тогда, находилась въ Кишеневѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября получено было извѣстіе о высадкѣ непріятелей близъ Эвпаторіи; а вскорѣ разнесся смутный слухъ объ одержанной ими побѣдѣ и о движеніи на Севастополь. О томъ, что сдѣлалось съ нашею крымскою арміею, не было никакихъ положительныхъ извѣстій.

Князь *Горчаковъ*, забывая объ опасностяхъ, который могли угрожать ему самому со стороны турокъ и австрій-

цевъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Крымъ 12 й (если не ошибаюсь) пѣхотной дивизіи. Чтобъ ускорить прибытіе ея туда, главнокомандующій воспользовался подводами, предложенными нѣмецкими колонистами Новой Россіи. Такимъ образомъ, войска, очередуясь, частью шли пѣшкомъ, частью ѣхали на повозкахъ, или же клали на нихъ свои ранцы и тяжести.

Съ извѣстіями объ этихъ распоряженіяхъ я былъ отправленъ, въ десятыхъ числахъ сентября, курьеромъ къ князю *Меншикову*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено собрать подробныя, по возможности, свѣдѣнія о положеніи арміи и Севастополя, послѣ сраженія.

Выѣхавъ изъ Бакчисарая, я началъ обгонять по дорогѣ самыя разнообразныя группы пѣшеходовъ: тутъ были солдаты разныхъ полковъ, казаки, матросы, женщины, дѣти. Все это шествіе направлялось къ Севастополю. Всякій несъ въ рукахъ или за плечами, кто мѣшокъ, кто какіе-то узелки, кто домашнюю посуду и утварь, кто болѣе и менѣе поврежденную мебель. У многихъ изъ прохожихъ спрашивалъ я: гдѣ главная квартира арміи? Всѣ отвѣчали неохотно или уклончиво: «не могимъ знать, кто ее знаетъ, почемъ намъ знать».

На станціи Дуванкей (послѣдней передъ Севастополемъ), куда я пріѣхалъ послѣ полудня, господствовало такое же почти невѣдѣніе касательно мѣстъ расположенія арміи. При видѣ курьерской подорожной, станціонный смотритель вспомнилъ однако, что одинъ изъ его ямщиковъ возилъ наканунѣ курьера къ главнокомандующему. Этого ямщика-татарина отыскали. Пока онъ запрягалъ лошадей въ телѣгу, я распросилъ смотрителя о встрѣченномъ мною шествіи.

— Что это за хламъ несутъ они? спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ? должно быть, что кто успѣлъ подобрать въ домахъ, покинутыхъ помѣщиками на Качѣ и на Бельбекѣ, послѣ сраженія.

— Куда же они несутъ эти вещи?

— Вѣрно въ Севастополь на сохраненіе, заключилъ смотритель.

Между тѣмъ перекладная подъѣхала. Я сѣлъ, пообѣщавъ «на чай» возницѣ, если довезетъ меня исправно.

Мы ѣхали часа полтора, по бельбекской долинѣ между садами и огородами. Впереди видны были горы, покрытыя кустарникомъ; надъ ними высился въ далекой синевѣ величественный Чатырдагъ, котораго оригинальною формою, въ родѣ продолговатаго шатра, не разъ любовался я въ былые годы, со стороны Чернаго моря.

«Когда-то мы доѣдемъ до шатра главнокомандующаго», думалъ я.

— Искора, отрывисто отвѣчалъ татаринъ на мои разспросы.

Въ самомъ дѣлѣ, скоро свернули мы вправо съ дороги и начали подниматься въ гору, цѣпляясь колесами за кусты. Черезъ нѣсколько времени, телѣга остановилась на полу-горѣ, въ лѣсу.

— Пріѣхалъ, гаспадинъ, промолвилъ ямщикъ.

— Куда же пріѣхали? тутъ ни души не видно.

— Иглавна шитабъ (главный штабъ). Ступай дальше, према, — тамъ палатка, прибавилъ равнодушно ямщикъ, набивая коротенькую трубку съ вишневымъ чубукомъ.

Я прошелъ шаговъ тридцать по указанному направленію. Послышался шорохъ. Идучи на него, я увидѣлъ верхушку маленькой полосатой палатки. Потомъ за деревьями показалась и вся палатка, передъ которою, на свѣже-расчищенной площадкѣ длиною шаговъ въ десять, медленно ходилъ взадъ и впередъ старикъ-офицеръ, опираясь на палку.

Съ перваго взгляда меня поразила его странная одежда. На немъ была надвинутая на глаза черная папаха; на плечи накинута флотская шинель; но подъ нею видиѣлся голубой воротникъ сюртука, кажется, финляндскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ.

Подойдя къ офицеру, я спросилъ: «Позвольте узнать, какъ пройти къ главнокомандующему»?

Старикъ остановился, взглянулъ на меня пристально, нѣсколько вкось и промолвилъ: «Главнокомандующій-то я, а вы кто и откуда»?

Передо мной стоялъ князь *Меншиковъ*; я извинился и сказалъ свою фамилію, объяснивъ цѣль пріѣзда.

— А я тебя не узналъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ Константинополѣ, ты возмужалъ, а я постарѣлъ. Садись, любезный, и разсказывай что привезъ.

Въ недоумѣніи я посмотрѣлъ вокругъ.

— Садись просто на землю, прибавилъ князь; у насъ мебели тутъ мало—всего одинъ стулъ, да и тотъ я берегу для К.... Названный былъ, какъ я узналъ послѣ, чиновникъ морскаго министерства, исполнявшій при главнокомандующемъ обязанность военнаго секретаря.

Утомленный послѣ 600 верстъ, сдѣланныхъ на курьерскихъ, я радъ былъ присѣсть. Князь, продолжая ходить, приказалъ мнѣ прочитать вслухъ письмо князя *Горчакова* и, когда я окончилъ, сказалъ: «Вотъ помощь, на которую я не разсчитывалъ. Знаю, что князю Михаилу Дмитріевичу самому нужны войска; но онъ всегда болѣе думалъ о другихъ, нежели о себѣ. Это услуга, которой я никогда не забуду.—Но ты, я думаю, усталъ. Знаешь-ли ты кого изъ моего штаба»?

— Знаю, отвѣтилъ я, дипломатическаго секретаря вашей свѣтлости Г. и доктора Т.

— Ну, пойди къ нимъ, отдохни; потомъ пообѣдаешь, а завтра съѣзди въ Севастополь: у тебя тамъ, кажется, есть братъ; а къ возвращенію твоему я приготовлю отвѣтъ.

За палаткою главнокомандующаго стояли двѣ-три офицерскія палатки, изъ которыхъ, по видимому, и состояла вся главная квартира. Войска же, собравшіяся вокругъ нея, послѣ извѣстнаго фланговаго движенія, стояли тутъ бивуакомъ. Особенно замѣтилъ я отсутствіе повозокъ и лошадей. Это мнѣ показалось страннымъ, когда я вспомнилъ, что, при отступленіи изъ-подъ Силистріи, въ нашей главной квартирѣ было болѣе сотни экипажей и нѣсколько сотъ лошадей. Вообще, чѣмъ болѣе я осматривался, тѣмъ болѣе убѣждался, что тутъ все упрощено въ формахъ, уменьшено въ размѣрахъ до крайнихъ предѣловъ.

Знакомыхъ своихъ я нашелъ вмѣстѣ въ одной палаткѣ.

У нихъ не было ни складныхъ кроватей, ни табуретовъ,— словомъ, ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыя въ Дунайской арміи считались почти необходимостью. Пріятели, оказавшіе мнѣ радушное гостепріимство, спали, какъ могли, на тоненькихъ тюфякахъ или коврахъ, разостланныхъ просто на землѣ, гдѣ и я провелъ слѣдующую ночь между ними. Дипломатъ Г., разсказывая про альминское сраженіе, показалъ мнѣ, между прочимъ, шинель свою изъ сѣраго солдатскаго сукна съ окровавленными рукавами. Онъ долго послѣ того хранилъ это воспоминаніе о раненыхъ, подобранныхъ на полѣ битвы Не смотря на его мирное офиціальное призваніе, ему же пришлось, за недостаткомъ адъютантовъ, изъ которыхъ одни были ранены, а другіе разосланы въ разныя мѣста, привезти въ Севастополь первую вѣсть о проигранномъ сраженіи и о послѣдовавшемъ за нимъ отступленіи.

Мнѣ нужно было доставить письмо командиру 6-го корпуса, князю П. Д. *Горчакову*, который долженъ былъ находиться тутъ же гдѣ-нибудь. Увидѣвъ часоваго, ходившаго передъ нѣсколькими кустами, связанными вмѣстѣ за верхнія вѣтви, я спросилъ: гдѣ корпусный командиръ?

— А вотъ тутъ, подъ кустами. Сапоги видите? это ихъ сіятельство почиваютъ.

Скоро пошли мы обѣдать Столовою штабу служилъ шалашъ, состоявшій собственно изъ одной треугольной крыши, сплетенной изъ вѣтвей. Внутри, тоже полное отсутствіе мебели. Ее замѣняла четыреугольная траншея, вырытая въ землѣ. Окруженная ею площадь служила столомъ, а края траншеи — сѣдалищемъ для гостей. Обѣдъ былъ также самаго спартанскаго свойства: похлебка изъ картофеля и жареная баранина, вотъ и все.

На другой день я поѣхалъ въ Севастополь.

Сердце забилось, когда съ инкерманскихъ высотъ открылась бухта, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, стоялъ славный черноморскій флотъ. Нѣкоторые изъ кораблей, съ которыми были связаны первыя воспоминанія моего дѣтства, прежде, нежели судьба толкнула меня на новое поприще, были уже потоплены Едва замѣтные концы ихъ

рангоута грустно торчали изъ воды, у входа, близъ константиновской батареи. Другія суда были разбросаны по рейду. Тамъ и сямъ пароходы буксировали шаланды.

Замѣтно было, впрочемъ, что дѣятельность не прекратилась въ Севастополѣ: она только перенеслась съ моря на сушу.

Севастополь пересталъ быть портомъ. Чувство долга, любовь къ родинѣ обращали его въ крѣпость. Это громадное превращеніе совершалось въ виду многочисленнаго непріятеля.

Отставной матросъ на ялпкѣ перевезъ меня черезъ бухту къ Графской пристани.

Кто бывалъ въ Севастополѣ прежде осады, у того, конечно, осталось неизгладимое воспоминаніе о Графской пристани. Это былъ пританей, гдѣ хранился неугасаемый священный огонь преданій, ареопагъ, гдѣ осуждали немногихъ, но свободно судили всѣхъ и вся. Тутъ жила въ лицахъ исторія черноморскаго флота. Тутъ старый морякъ временъ екатерининскихъ встрѣчался съ молодымъ мичманомъ, только-что покинувшимъ школьную скамью. Тутъ всякій цѣнился не столько по оффиціальному своему положенію, сколько по дѣйствительнымъ заслугамъ, безспорно признаннымъ безпристрастнымъ мнѣніемъ сослуживцевъ.

Тутъ, бывало, какому-нибудь престарѣлому ветерану, смиренно доживавшему свой вѣкъ, состоя «по флоту», оказывалось болѣе уваженія, нежели иному возвышавшемуся любимцу счастья. По этому-то черноморскій флотъ былъ силенъ не величественными кораблями, не грозными пушками: корабли гніютъ, пушки ржавѣютъ, матерія разлагается. Силенъ былъ нашъ флотъ нравственною силою, тѣмъ, что называлось «черноморскимъ духомъ»: этотъ духъ не боялся вліянія времени; онъ проявился во всемъ своёмъ блескѣ и тогда, когда кораблей уже не было. Будемъ надѣяться, что и впредь.

> Ни громъ его, ни вихрь не сломитъ быстротечный
> И времени полетъ его не сокрушитъ.

А пока живетъ на Руси духъ, постоянно парившій надъ

Севастополемъ —когда понадобится, флотъ можетъ опять воскреснуть! . . . .

Когда я вышелъ на пристань, на ней многое измѣнилось Тамъ не было не прежняго порядка, ни обычнаго оживленія; не было ни щегольскихъ катеровъ, ни легкихъ гичекъ. Не было почтенныхъ адмираловъ и капитановъ, бойкихъ флотскихъ офицеровъ, еще недавно отличавшихся въ Синопѣ Они всецѣло предавались новымъ трудамъ, изъ ничего воздвигали оборонительную линію, которой геройская защита должна была упрочить за немногими изъ нихъ, оставшимися въ живыхъ, неувядаемую славу.

Съ пристани я заѣхалъ къ адмиралу П. С. *Нахимову*, отдать пакеты, привезенные изъ Николаева, а потомъ поѣхалъ ночевать въ извѣстную морякамъ гостинницу Ветцеля. Тутъ встрѣтилъ я многихъ прежнихъ товарищей и пріятелей. Всѣ они были одушевлены тою спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ, къ которой пріучаетъ человѣка борьба съ моремъ. Тутъ было видно, что всякій постоитъ за себя, исполнитъ свой долгъ, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ.

Утромъ я поѣхалъ на 4-й бастіонъ. Ѣдучи туда на извозчикѣ, я видѣлъ, около бульвара, какъ матросы везли по Екатерининской улицѣ нѣсколько огромныхъ корабельныхъ пушекъ на станкахъ. Одни тащили изъ за веревки, прикрикивая: «навались, навались, пошла въ ходъ»! Другіе подпирали заднія колеса аншпугами.

На бастіонѣ, гдѣ не было еще ни траверсовъ, ни блиндажей, а только одинъ брустверъ, стояло всего два-три орудія. Для другихъ готовились платформы. По срединѣ стояла палатка, а около нея былъ водруженъ флагштокъ, давшій впослѣдствіи бастіону названіе: *bastion du mât*. Бастіономъ командовалъ, если не ошибаюсь, Ѳ. М. *Новосильскій*, прежде бывшій командиромъ корабля «Три-Святителя» и вторымъ флагманомъ въ Синопѣ. Пока я разспрашивалъ знакомыхъ офицеровъ, гдѣ мнѣ найти брата, на бастіонъ пріѣхалъ верхомъ на вороной, помнится, лошади, Э. И. *Тотлебенъ*. Онъ оставался не долго. Въ то время, онъ былъ единственнымъ инженеромъ на всей обо-

ронительной линіи, простиравшейся болѣе чѣмъ на 8 верстъ. Въ слѣдъ за нимъ пріѣхалъ на дрожкахъ адмиралъ В. А. *Корниловъ*, съ которымъ я когда-то плавалъ на кораблѣ «Двѣнадцать-Апостоловъ». а въ 1853 году видѣлся въ Константинополѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ княземъ *Меншиковымъ*.

Приближался полдень. Матросы, работавшіе на бастіонѣ, собирались «пошабашить», какъ вдругъ сигнальщикъ стоявшій съ зрительною трубкою у бруствера, крикнулъ: непріятель идетъ на приступъ!

Всѣ бросились къ сигнальщику; всякій, смотря въ трубу, дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ. говорилъ одинъ, видны французскія войска.

— У нихъ, прибавлялъ другой, что-то въ рукахъ блеститъ на солнцѣ. Должно быть—штуцера.

Посмотрѣлъ и я. На горизонтѣ, дѣйствительно, видна была колонна, человѣкъ въ тысячу. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она остановилась; солдаты какъ-будто копали землю.

— Не закладываютъ-ли они траншею? спросилъ я у сосѣда.

Посмотрѣли пристальнѣе. Оказалось на дѣлѣ, что только у немногихъ солдатъ были ружья, остальные же несли лопаты, кирки и разный шанцевый инструментъ.

Послѣ этого эпизода, *Корниловъ* со свитою взошелъ на брустверъ и что то объяснялъ офицерамъ. Замѣтивъ группу, непріятель пустилъ въ нее на удачу двѣ пули. Онѣ пролетѣли надъ головами, не задѣвъ никого Это были, вѣроятно, первыя пули, прожужжавшія надъ четвертымъ бастіономъ, которому послѣ, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, суждено было служить цѣлью для столькихъ тысячъ снарядовъ всѣхъ возможныхъ видовъ и размѣровъ.

Съ четвертаго бастіона я проѣхалъ на третій и, проведя остатокъ дня и часть ночи съ братомъ, на слѣдующее утро отправился обратно въ главную квартиру.

Тамъ мало-по-малу водворялся порядокъ. Маіоръ В., по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, сосредото-

чивавшій въ своей особѣ самыя разнообразныя обязанности: начальника штаба, интенданта, квартирмейстера и проч., выбивался изъ силъ.

Когда князь *Меншиковъ* узналъ о моемъ возвращеніи, онъ призвалъ К. Тутъ я по-ближе ознакомился съ назначеніемъ единственнаго складнаго стула, о которомъ князь упомянулъ прежде. На этотъ шаткій треножникъ усѣлся худощавый К., положилъ на колѣни портфель, а на него листъ бумаги и принялся писать, какъ могъ, подъ диктовку князя, которая, впрочемъ, продолжалась лишь нѣсколько минутъ. Все это происходило передъ палаткою главнокомандующаго, на открытомъ воздухѣ.

— Видишь, сказалъ князь, обращаяся ко мнѣ, у насъ канцелярія незатѣйливая, въ родѣ багажа философа *Біанта*, который все имущество носилъ на себѣ. Много писать намъ некогда. Впрочемъ, сегодня вечеромъ я зайду къ Г. и разскажу тебѣ кое-что для передачи князю Михаилу Дмитріевичу, а завтра возьмешь письмо и поѣдешь.

Дѣйствительно, вечеромъ князь пришелъ въ палатку къ Г., прилегъ на тюфякъ и съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ сдѣлалъ живой очеркъ альминскаго сраженія.

— Съ двадцатью восемью ([1]) тысячами человѣкъ, заключилъ онъ, въ которыхъ было тысячъ десять матросовъ, ластовыхъ и рабочихъ командъ, никогда не видавшихъ сраженія въ полѣ, мы продержались около трехъ часовъ противъ шестидесяти тысячъ лучшихъ европейскихъ войскъ. Словомъ сдѣлали что могли. Да и то не обошлось даромъ: у насъ осталось немного народа, а раненыхъ пришлось подбирать даже изящному Г. Кто знаетъ, есть-ли тутъ на Бельбекѣ тысячъ шесть-семь?

Пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ главнокомандующаго, я разсказалъ, что когда дунайская армія отступала изъ княжествъ, черезъ мои руки прошло письмо изъ главной квартиры *Омера-паши*. Въ немъ заключалось

([1]) Приводя эти цифры, какъ онѣ остались въ моей памяти, тѣмъ менѣе выдаю ихъ за точныя, что онѣ не вполнѣ согласны съ данными, заключающимися въ сочиненіяхъ Тотлебена и Кинглека.

извѣстіе о военномъ совѣтѣ между союзными генералами, на которомъ было рѣшено сдѣлать въ большихъ размѣрахъ высадку въ Крымъ.—Одна копія съ этого любопытнаго письма, прибавилъ я, была отправлена къ военному министру, а другая къ вашей свѣтлости. Это было, если не ошибаюсь, еще около половины іюля.

Князь понялъ нескромный намекъ, извиняемый до нѣкоторой степени моею молодостью.

— Да, помню это письмо, сказалъ онъ. Съ тѣхъ поръ и я писалъ не разъ въ Петербургъ, а все-таки войскъ не прислали. Должно-быть считали высадку невозможною.

Князь удалился поздно. Не передаю здѣсь всего разсказаннаго имъ какъ потому, что не вполнѣ полагаюсь на аккуратность своей памяти, такъ и потому, что альминское сраженіе теперь достаточно уже извѣстно на основаніи и оффиціальныхъ, и частныхъ данныхъ.

На другой день, я снарядился въ обратный путь и зашелъ проститься съ княземъ *Меншиковымъ*. Онъ опять прогуливался передъ палаткою. Когда я уже садился въ перекладную, послѣднія слова его были: «передай же мою искреннѣйшую благодарность князю *Горчакову* и скажи, что я никогда не забуду оказанной имъ услуги».

Послѣ, мнѣ еще разъ пришлось видѣть Севастополь, въ самый разгаръ осады, и провести вблизи его нѣсколько мѣсяцевъ. Но объ этомъ когда-нибудь въ другое время (1).

А. К.

ПЕРЕМѢНА ФРАНЦУЗСКАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО.

Маршалъ *де-Сентъ-Арно*, главнокомандующій французскою арміею на востокѣ, прибылъ въ Крымъ, какъ пишутъ до того больной, что его принуждены были перевести съ корабля на берегъ, при высадкѣ у Стараго укрѣпленія, на носилкахъ. Не смотря на то, онъ лично

(1) «Вѣстникъ Европы» 1871 г. № 1.

командовалъ французскими войсками въ дѣлѣ на берегахъ Альмы, при чемъ 2 кавалериста поддерживали его на лошади. (Такъ сообщаетъ одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ газеты «Indépendance Belge»). Нынѣ въ Берлинѣ получены изъ Лондона, отъ 7-го октября (25-го сентября), двѣ телеграфическія депеши, изъ которыхъ видно, что въ Лондонской газетѣ обнародована депеша отъ лорда *Стратфорда Рэдклифа* (изъ Константинополя отъ 30-го сентября н. ст.), съ извѣстіемъ, что маршалъ *де-Сентъ-Арно умеръ* и что генералъ *Канроберъ* заступилъ его мѣсто. (Генералъ *Канроберъ*, по послѣднимъ извѣстіямъ, раненъ не тяжело, а только получилъ нѣсколько контузій; о генералѣ *Тома* теперь пишутъ, что его рана кажется не смертельною) (¹).

Парижъ 11-го октября (29-го сентября). Изъ Марсели получена, отъ вчерашняго числа, слѣдующая телеграфическая депеша: «правительство отдало приказаніе встрѣтить смертные останки маршала *Сентъ-Арно*, по привезенію его во Францію, съ тѣми же почестями, какія были оказаны главнокомандующему экспедиціонною арміею при его отъѣздѣ. Въ Тулонѣ полученъ приказъ, которымъ маршалъ прощался съ войсками, состоявшими подъ его начальствомъ на востокѣ. Въ этомъ приказѣ, маршалъ, побѣжденный жестокою болѣзнію, объявляетъ, что онъ смотритъ съ горестію, но мужественно на обязанность отказаться отъ начальствованія войсками. «Воины», говоритъ онъ, «вы пожалѣете обо мнѣ, потому что несчастіе, меня поражающее, безмѣрно, невознаградимо ничѣмъ и, быть можетъ, безпримѣрно». Потомъ маршалъ хвалитъ генерала *Канробера* и напоминаетъ объ его блестящемъ военномъ поприщѣ. «Въ эти-то достойныя руки», говоритъ онъ, «будетъ ввѣрено знамя Франціи. (Императоръ, въ своей заботливости объ арміи, тайно назначилъ генерала *Канробера*, на всякій случай, будущимъ главнокомандующимъ). Онъ будетъ продолжать начатое мною; онъ будетъ имѣть счастіе, о которомъ мечталъ я и въ которомъ я ему за-

---

(¹) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 221.

видую—вести васъ къ Севастополю». 14-й и 43-й линейные полки, находящіеся въ Тулонѣ, извѣщены, что они скоро будутъ посажены на суда. Утверждаютъ, что на востокъ отправляются и другіе отряды» (1).

Парижъ 11-го октября. Въ Монитерѣ напечатано письмо, отъ 12-го сентября, которымъ маршалъ *Сентъ-Арно*, уже будучи трудно боленъ, просилъ военнаго министра назначить ему преемника въ званіи главнокомандующаго арміею, и дневной приказъ по арміи, отъ 27-го сентября, въ которомъ маршалъ прощается съ арміею, ввѣряя начальство генералу *Канроберу* (2).

У маршала *Сентъ-Арно* были въ одно и то же время двѣ хроническія болѣзни: страданіе печени и аневризмъ. Онъ надѣялся, что воздухъ Босфора и Варны возстановитъ его силы, но трудный походъ и страшное волненіе въ дѣлѣ при Альмѣ уничтожили эту искусственную силу, существовавшую скорѣе въ воображеніи, чѣмъ въ тѣлѣ ослабленномъ болѣзнями. Корреспондентъ газеты «Indép. Belge» разсказываетъ о маршалѣ слѣдующій анекдотъ: «Я встрѣтилъ однажды маршала *Сентъ-Арно* въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ оперѣ. Онъ отличался большою памятью, и хотя не видалъ меня десять лѣтъ, однако тотчасъ узналъ меня и подошелъ ко мнѣ. «Правда ли, сказалъ онъ, что вы одинъ изъ корреспондентовъ «Indép. Belge»?—Да, маршалъ. Такъ окажите мнѣ услугу. Вотъ уже два или три раза какъ въ вашей газетѣ говорятъ обо мнѣ—конечно, въ весьма приличныхъ выраженіяхъ; но не перестаютъ повторять, хотя и безъ дурнаго намѣренія, что я боленъ, что не знаютъ, позволитъ ли мнѣ здоровье отправиться на Востокъ. Просите же, чтобы болѣе не занимались мною, а, главное, не говорили о моемъ здоровьѣ. Вы, вѣрно, находите, что я перемѣнился?—Да... немного, отвѣчалъ я, съ 1844 года... О! это ничего, я проживу еще нѣсколько мѣсяцевъ, мнѣ это говоритъ какое-то предчувствіе. При томъ же я охот-

---

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г., № 224

(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г., № 224.

нѣе *околѣю* (буквальное выраженіе маршала) на полѣ битвы, чѣмъ въ Парижѣ, въ моемъ креслѣ. Предчувствіе его сбылось ([1]).

Изъ Парижа въ Кельнской газетѣ пишутъ, что всѣ были изумлены, не найдя имени Императора ни въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ маршала *Сентъ-Арно*; кажется, говоритъ корреспондентъ, покойникъ былъ глубоко обиженъ письмомъ, которое генералъ *Канроберъ* предъявилъ ему въ ту минуту, когда маршалъ сдавалъ ему временное начальство, и въ которомъ *Людовикъ-Наполеонъ* заранѣе назначалъ генерала *Канробера* главнокомандующимъ, а маршалъ не зналъ о существованіи этого распоряженія.

— Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа отъ 12 октября: обращаю вниманіе ваше на одну фразу императорскаго декрета, предписывающаго похоронить тѣло маршала *Сентъ-Арно* на счетъ казны. Многіе думали, что маршалъ былъ главнокомандующимъ союзныхъ армій въ крымской экспедиціи, и спрашивали другъ у друга: перейдетъ ли это командованіе къ генералу *Канроберу?* Декретъ отвѣчаетъ на эту ошибку, подтверждая, что въ дѣлѣ при Альмѣ маршалъ былъ только главнокомандующимъ французскою арміею. Дѣйствительно, онъ ни общимъ рѣшеніемъ правительствъ, ни по согласію главныхъ начальниковъ каждой арміи, не былъ назначенъ общимъ главнокомандующимъ. Званіе маршала, которымъ онъ былъ облеченъ, и числительная сила французской арміи, превосходящая англійскую, увеличивали власть, которую онъ имѣлъ по высокимъ своимъ чинамъ. Но въ существѣ все рѣшалось и дѣлалось съ общаго согласія между начальникомъ французской арміи, маршаломъ *Сентъ-Арно*, и командующимъ англійскою, лордомъ *Regланомъ*. Впрочемъ нѣкоторые офиціальные документы подтвердили уже это положеніе. Въ донесеніи своемъ о дѣлѣ при Альмѣ, маршалъ говоритъ, что онъ *пригласилъ* англичанъ сдѣлать такое-то движеніе.

([1]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1854 г. № 224.

Такъ не говоритъ генералъ, который, по званію главнокомандующаго, имѣлъ бы право *приказывать* ([1]).

Въ Парижѣ еще не знаютъ навѣрно, удержитъ ли генералъ *Канроберъ*, временно принявшій начальство надъ восточной арміей, это званіе за собою, или правительство назначитъ ему преемникомъ какого-нибудь маршала. *Канроберъ*, подобно *Сентъ-Арно*, составилъ себѣ карьеру въ Африкѣ. Въ царствованіе *Людовика Филиппа* онъ былъ полковникомъ зуавовъ и отличился своею храбростію. Въ 1848 году его произвели въ бригадные генералы, и онъ участвовалъ, подъ начальствомъ *Сентъ-Арно*, въ кабильскомъ походѣ, а въ 1852 году сдѣланъ дивизіоннымъ генераломъ. До отъѣзда своего на востокъ онъ начальствовалъ надъ дивизіей въ столицѣ. Впрочемъ, парижане не добромъ поминаютъ *Канробера*, за бомбардированіе бульваровъ во время декабрскихъ событій. Въ арміи же и у своихъ сослуживцевъ онъ пользуется бо́льшею любовію, чѣмъ *Сентъ-Арно*. Объ отношеніяхъ *Канробера* къ лорду *Раглану* нельзя сказать ничего достовѣрнаго. Но въ Парижѣ опасаются, что англійскій главнокомандующій, подчинявшійся маршалу, не подчинится столь же охотно такому молодому генералу, какъ *Канроберъ*, которому съ небольшимъ сорокъ лѣтъ отъ роду ([2]).

Парижъ 10-го октября. Въ Монитерѣ сообщаютъ о смерти маршала *Сентъ-Арно* и о принятіи начальства надъ арміею генераломъ *Канроберомъ*.

Депешею изъ Марсели сообщаютъ изъ Константинополя, отъ 30 сентября, извѣстія, привезенныя пароходомъ Синай. Въ ней сказано, что союзная армія получила 8 тысячъ ожидаемой кавалеріи (англійской, французской и турецкой), и что генералъ *Канроберъ* располагалъ атаковать укрѣпленія Севастополя 2-го октября ([3]).

Въ вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» сообщаютъ, по письмамъ изъ Букареста, отъ 3 октября, что генералъ *Канро-*

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 227.
([2]) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 225.
([3]) «Сѣв. Пчела» 1854 г. № 223.

беръ принялъ начальство только надъ французскими войсками, а званіе главнокомандующаго всѣмъ экспедиціоннымъ корпусомъ перешло, по смерти маршала *Сентъ-Арно*. къ лорду *Раглану* (¹)

Газета «Fremdenblatt» сообщаетъ извѣстія изъ Константинополя отъ 9 октября; въ нихъ заключается, между прочимъ, слѣдующее: «По извѣстіямъ изъ Крыма отъ 7-го, наканунѣ происходилъ въ главной квартирѣ лорда *Раглана* военный совѣтъ. въ которомъ присутствовали также адмиралы союзнаго флота, равно какъ и всѣ генералы и высшіе офицеры союзной сухопутной арміи. Главнокомандующаго надъ англо-турко-французскою арміей въ Крыму нѣтъ. Генералъ *Канроберъ*—начальникъ французскихъ войскъ, а лордъ *Рагланъ*—начальникъ англійскихъ; всѣ движенія и операціи дѣлаются по заранѣе (?) составленному плану; главные штабы обѣихъ армій трудятся и дѣйствуютъ вмѣстѣ. На полѣ битвы, лордъ *Рагланъ* постоянно командуетъ правымъ крыломъ, а генералъ *Канроберъ*, при которомъ находится начальникъ главнаго штаба, лѣвымъ. Союзники не почли нужнымъ идти на Бакчисарай, но отдали, напротивъ того, всѣ свободныя войска въ распоряженіе начальства, управляющаго осадными работами. Почтовый пароходъ три дня уже не приходилъ: это значитъ, что союзнымъ генераламъ нечего возвѣщать» (²).

По письму изъ Парижа, отъ 26-го октября, въ «Аугсбургской газетѣ» въ слѣдствіе представленій, сдѣланныхъ о молодости и неопытности генерала *Канробера*, *Людовикъ-Наполеонъ* хотѣлъ было назначить главнокомандующимъ восточною арміею маршала *Барагe д'Иліе*. Лордъ *Рагланъ*, узнавъ объ этомъ намѣреніи, написалъ къ *Людовику-Наполеону* письмо, въ которомъ, выставляя способности генерала *Канробера*, выразилъ желаніе. чтобъ онъ сохранилъ командованіе арміею, тѣмъ болѣе, что онъ пользуется довѣренностью и сочувствіемъ, чего бы не было, въ такой

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 241.
(²) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 231.

степени по крайней мѣрѣ, еслибъ былъ назначенъ маршалъ *Бараге д'Илiе* ([1]).

Причины, замедлившiя нападенiе на Севастополь.

По прямымъ письмамъ изъ Крыма, отъ 9-го октября, полученнымъ въ «Copirte Zeitungs-Correspondenz», приписываютъ замедленiе нападенiя на Севастополь, во-первыхъ, движенiю князя *Меншикова* изъ Бакчисарая къ югу, которое потребовало со стороны союзниковъ произвесть движенiя для освобожденiя своего фланга, а, во-вторыхъ, неизбѣжной медленности въ доставкѣ запасовъ для англо-французскихъ войскъ въ Балаклавѣ на четыре недѣли ([2]).

СЛОВА,

произнесенныя высокопреосвященнымъ Иннокентiемъ, архiепископомъ херсонскимъ и таврическимъ, въ симферопольскомъ александро-невскомъ и ѳеодосiйскомъ александро-невскомъ соборахъ.

1) 14-го сентября 1854 года, въ симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, при совершенiи покаяннаго молебствiя, по случаю нашествiя на полуостровъ Крымскiй иноплеменниковъ.

Миръ вамъ ([3]).

Сими словами Спаситель и Господь нашъ привѣтствовалъ возлюбленныхъ учениковъ Своихъ, когда, явясь имъ, по воскресенiи Своемъ, нашелъ ихъ въ страхѣ и смущенiи отъ ужасныхъ событiй голгоѳскихъ. Сiи же самыя слова любви и успокоенiя мы дерзаемъ обратить нынѣ къ вамъ, жители Богоспасаемаго града сего, къ вамъ, кои такъ много смущены теперь отъ вторженiя въ страну вашу иноплеменниковъ: *миръ вамъ!* Миръ не отъ нашего безсилiя и немощи, а отъ Бога Отца — Всемогущаго! отъ

([1]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 244.
([2]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 232.
([3]) Лук. XXIV, 36.

Бога Сына — Вседержащаго! отъ Бога Духа Святаго — Всеживотворящаго!

И почто, скажемъ словами же Спасителя Нашего, *почто* такъ *смущени есте*, и столько боязливыхъ *помышленій входитъ въ сердца ваша* [1], что многіе изъ васъ готовы, оставивъ все, искать спасенія внѣ града и страны здѣшней? Ужели по той причинѣ, что злобный врагъ нашъ вторгся въ предѣлы ваши? Но развѣ вы не были давно предварены о томъ—имъ же самимъ? И что въ семъ случаѣ слишкомъ необыкновеннаго? Впервые ли, во время брани, вторгаться врагамъ въ землю русскую? Вторгнуться въ нее, по ея неизмѣримому пространству, всегда возможно; трудно только, какъ показываетъ опытъ, выйти изъ нея, не доставшись въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнымъ.... — Не смущаютъ-ли нѣкоторыхъ изъ васъ небольшіе успѣхи врага, пришедшаго въ такомъ множествѣ изъ-за моря? — Такіе успѣхи оказывались, и не разъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ; но чѣмъ всегда оканчивались они? совершеннымъ пораженіемъ враговъ и посрамленіемъ ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ. Кто помнитъ 1812 годъ? Тогда колебался не одинъ какой-либо край, какъ теперь колеблется вашъ, а сотрясалась отъ конца до конца вся Россія, самое сердце ея—Москва, было въ рукахъ врага; многимъ казалось потому, что уже все потеряно: а между тѣмъ вскорѣ оказалось, что держава русская цѣла и несокрушима; сокрушились только, не смотря на ихъ силу, искусство и успѣхи, полчища враговъ, и исчезли, какъ призракъ. Подобное тому, дастъ Господь, послѣдуетъ и теперь! Ибо примѣтили-ль вы, въ какой день враги появились на землѣ вашей? Въ тотъ самый день, въ который вошли они нѣкогда въ Москву, какъ бы въ предвѣстіе, что въ Крыму ихъ ожидаетъ таже горькая участь, коей подверглись они, по занятіи первопрестольной столицы нашей.

Мы не чаяли уже почти въ это время врага, и вотъ Господь попустилъ ему занять внезапно брега наши и

---

[1] Лук. XXIV, 37.

стѣснить насъ, да будетъ надежда наша не на свои силы, а на его всемогущую помощь: но, если это вторженіе причинило безпокойство и смущеніе намъ, то, будьте увѣрены—оно послужитъ не на радость и врагу нашему; отраженный отъ береговъ нашихъ, или пораженный тотчасъ по выходѣ его на сушу, онъ, конечно, удалился бы отсюда; но удалился бы еще съ великими силами, а потому долго бы могъ изливать ярость свою на другія мѣста. Теперь же, не смотря на его кичливость и мнимый успѣхъ, онъ, вышедъ съ моря на сушу, весь уже нѣкоторымъ образомъ въ рукахъ нашихъ, и, пораженный до конца, потеряетъ охоту и средства къ продолженію самой брани. Для сего нужно только усилиться храбрымъ дружинамъ нашимъ, чтобы врагъ не подавлялъ насъ своимъ многолюдствомъ;— и у Россіи ли не достанетъ ратниковъ? Она можетъ покрыть ими весь полуостровъ вашъ, не обнажая другихъ предѣловъ своихъ. Храбрые воины наши, какъ то я видѣлъ на всемъ протяженіи пути своего къ вамъ, спѣшатъ уже сюда со всѣхъ сторонъ, подобно громоноснымъ облакамъ, дабы составить вскорѣ страшную тучу надъ головою врага. Пройдетъ нѣсколько дней—и весь свѣтъ увидитъ, что ожидаетъ того, кто съ мечемъ въ рукахъ осмѣлится проникнуть нагло внутрь Россіи...

Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ самыхъ сожителей вашихъ въ сей странѣ (вы знаете, кого разумѣю я), имѣли несчастіе увлечься безумно на сторону нашихъ враговъ; но, во-первыхъ, этого нельзя было не ожидать, при ихъ извѣстномъ неразуміи и при тѣхъ обольщеніяхъ, коими умѣли окружить ихъ враги наши; а во-вторыхъ—что въ этомъ такъ важнаго и страшнаго, чтобы искать уже безопасности себѣ не въ другомъ чемъ, а въ бѣгствѣ? Это — возстаніе злонравныхъ, конечно, и невѣрныхъ Отцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабыхъ и неискусныхъ дѣтей, коимъ, по неразумію ихъ, противна самая отеческая опека надъ ними, но кои при одномъ грозномъ поднятіи начальнической руки, тѣмъ паче при наложеніи ея на голову, готовы пасть на колѣни и просить милости. Съ этими, такъ называемыми туземцами, а въ самомъ дѣлѣ буйными пришлецами,

нѣкогда завладѣвшими нагло здѣсь чуждымъ достояніемъ, произошло то же самое. что бываетъ во время бури съ слабыми листьями и вѣтвями на деревахъ, кои тогда отстаютъ отъ дерева и падаютъ на землю; то же произошло, что бываетъ съ прахомъ на пути, который во время вихря тотчасъ поднимается, летитъ вверхъ и помрачаетъ собою — на нѣсколько минутъ! — воздухъ. И это ли можетъ отнимать духъ у истинныхъ сыновъ отечества? Пройдетъ буря съ вихремъ, и дерево — безъ слабыхъ листьевъ и вѣтвей — будетъ свѣжѣе и крѣпче, и путь, освобожденный отъ праха, сдѣлается чище и лучше.

Никогда не хорошо и не благоразумно предаваться воображенію опасности, тѣмъ паче въ настоящихъ обстоятельствахъ. Еслибы, устремившись къ вамъ, я хоть въ половину приложилъ вѣру тому, что слышалъ о нынѣшнемъ положеніи вашемъ, что разные и легковѣрные люди говорили мнѣ объ ожидающихъ на пути опасностяхъ, то мнѣ тотчасъ надлежало бы остановиться и отказаться отъ намѣренія посѣтить, утѣшить и ободрить васъ. Но, по милости Божіей, слышанное мною нисколько на меня не подѣйствовало; и я теперь опытный и очевидный свидѣтель для васъ въ томъ, что положеніе страны вашей отнюдь не такъ опасно, какъ могло казаться нѣкоторымъ, и что если была какая-либо опасность, то она со дня-на-день уменьшается и скоро должна пройти, совершенно.

Доселѣ бесѣдовалъ я съ вами, какъ посѣтитель, — искренно усердный къ вамъ, но взирающій на положеніе и обстоятельства ваши глазомъ обыкновеннымъ: время теперь возвысить голосъ и сказать вамъ нѣсколько словъ устами пастыря страны сей, хотя и недостойнаго. Не здѣсь ли, не у васъ ли колыбель нашего христіанства? — Не отсюда ли возсіялъ свѣтъ вѣры православной на всю землю русскую! — Не за сію ли страну положили душу свою наши приснопоминаемые священномученики херсонскіе? И вы попустили себѣ, хотя на минуту, подумать, что все сіе можетъ остаться втуне, и Крестъ Христовъ уступитъ здѣсь мѣсто лунѣ магометовой?!.. Такъ ли — простите моему дерзнове-

нію и любви къ вамъ — такъ ли должно мыслить и чувствовать сынамъ Россіи, чадамъ церкви православной? — Развѣ напрасно и вотще молится она ежедневно на колѣняхъ о побѣдѣ надъ врагами и супостатами? — Если мы нечисты и по грѣхамъ нашимъ не достойны того, чтобы Господь услышалъ молитву нашу, то на неизмѣримомъ пространствѣ земли русской не можетъ не быть душъ чистыхъ и святыхъ, коихъ молитва за отечество сильна предъ Господомъ и кои теперь не даютъ вѣждемъ своимъ дреманія, воздвигая преподобныя руки свои день и нощь за церковь православную, за царя благочестивѣйшаго и за его христолюбивое воинство. А ваши священномученики, положившіе души свои за страну здѣшнюю, думаете ли, что они праздно стоятъ теперь предъ престоломъ божіимъ, и не повергаютъ себя и мученическихъ вѣнцовъ своихъ предъ Сѣдящимъ на немъ, ходатайствуя за спасеніе васъ отъ настоящихъ золъ и искушеній?—А великій князь Владиміръ, пріявшій здѣсь крещеніе и въ немъ залогъ славы небесной, коею нынѣ наслаждается, можетъ ли забыть, чѣмъ онъ обязанъ странѣ вашей, и не поспѣшитъ ей на помощь противу обьюродѣвшихъ безвѣріемъ пришельцевъ запада? Нѣтъ, если мы любимъ искренно свое отечество, то небо-жители тѣмъ паче не могутъ забыть его и не предстательствовать за него у Господа.

А за успѣхъ враговъ нашихъ кто можетъ стать и ходатайствовать на небѣ? Не предки ли этихъ безумныхъ пришельцевъ, тѣ несчастные предки, кои, обуянные безбожіемъ и страстями, ниспровергали алтари и престолы, покланялись богинямъ разума и, проповѣдуя всеобщее братство, плавали сами въ крови своихъ ближнихъ и знаемыхъ? Не ханы ли крымскіе, кои, завладѣвъ сею страною, нѣкогда цвѣтущею, довели ее до всеконечнаго опустошенія, кои всю жизнь проводили въ набѣгахъ и плотоугодіи, питаясь и питая полчища свои слезами и кровію странъ сопредѣльныхъ? Не прежніе ли служители здѣсь вѣры магометанской, кои послѣдуя душевредному алкорану, и сами всю жизнь шли, и другихъ вели за собою въ пропасть адскую? Видите, что я, хотя и по любви къ вамъ, но оже-

сточаю слово!... Для чего? Дабы пробудить во всѣхъ васъ чувство вѣры и упованія, приличное чадамъ церкви православной, дабы удалить васъ отъ опасеній и малодушія, столь несродныхъ сынамъ земли русской.

Вмѣсто безотраднаго и безплоднаго смущенія, займемся тѣмъ, чего требуютъ настоящія обстоятельства. Къ вамъ на защиту спѣшатъ храбрыя войска наши, для коихъ, по самой быстротѣ ихъ шествія, невозможно было имѣть съ собою всего нужнаго. Не замедлите оказать усердіе и уготовать для нихъ пищу и питіе. У васъ будутъ уязвленные на брани: да не окажется недостатка въ томъ, что необходимо для ихъ успокоенія. Для всего этого не пожалѣйте ничего: ибо стыдъ и горе вамъ, если пролившій за насъ кровь свою, принужденъ будетъ сказать, что онъ не призрѣнъ, какъ должно—*своими!*.. А вмѣстѣ съ симъ обратитесь всѣ къ молитвѣ и покаянію: ибо это оружіе на враговъ самое дѣйствительное, коимъ притомъ можетъ владѣть всякій. Коль скоро мы, чрезъ покаяніе, истинно примиримся съ совѣстію своею и Богомъ: то и вокругъ насъ все обратится къ тишинѣ и миру, коими да благословитъ скорѣе Господь всѣхъ насъ!—Аминь [1]).

2) 16-го сентября 1854 года въ симферопольскомъ Александро-Невскомъ соборѣ, при отбытіи высокопреосвященнаго изъ Симферополя и оставленіи сему городу и всему Крыму, на благословеніе, изображенія чудотворнаго образа Богоматери Касперовской.

При всемъ желаніи моемъ продолжить мое пребываніе у васъ и раздѣлить съ вами до конца чашу постигшаго васъ искушенія, я долженъ разстаться съ вами, дабы посѣтить и другіе грады и мѣста вашего полуострова, кои не менѣе васъ смущены теперь отъ нашествія иноплеменниковъ. Благодареніе Богу, что я могу оставить васъ съ доброю надеждою на будущее; ибо вчера собственными очами, и въ недальнемъ разстояніи видѣлъ я и станъ во-

(¹) «Одесскій Вѣстникъ» 1854 г. № 118.

инства нашего, и мѣсто занятое врагами. Все показываетъ, что крайняя черта бывшей опасности для насъ уже пройдена, и, благодаря искусству опытнаго военачальника нашего, какъ-бы особенно на сей разъ вдохновеннаго свыше, —мы стали теперь въ такое положеніе, что храбрыя войска наши, угрожая врагу, въ то же время непроходимою стѣною заслоняютъ отъ его нападеній весь вашъ полуостровъ. Ярость и силы враговъ посему должны истощиться теперь именно тамъ, гдѣ все уготовано для ихъ отраженія. Еще нѣсколько недѣль, а можетъ быть и дней терпѣнія—и кичливый врагъ начнетъ преклонять главу и озираться вспять, залогомъ чего служитъ уже его нерѣшительность и медленность въ нападеніи на насъ;—кипѣвшая вокругъ васъ внутренняя крамола потеряетъ всю надежду и силу, а храброе воинство наше получитъ возможность обнаружить во всемъ блескѣ свое мужество и доблесть. Возблагодаримъ же Бога, возлюбленные, и будемъ тверды и благодушны! явимъ себя достойными сынами Отечества и Церкви Православной! Да не посмѣетъ сказать врагъ нашъ, что онъ срѣтилъ въ васъ не прежнихъ россіянъ, что мы переродились!—Нѣтъ, все за Вѣру, все для Отечества! Лишимся всего, но не дадимъ возрадоваться о насъ наглымъ иноплеменникамъ.

Не мыслите, возлюбленные, что вы, какъ мирные жители, не можете сдѣлать ничего для успѣха оружія нашего: нѣтъ, вы можете сдѣлать многое, и въ вещественномъ, и въ невещественномъ отношеніи.... Можете сдѣлать многое и важное, вспомоществуя отъ всей души нашему воинству въ его вещественныхъ нуждахъ; ибо, по самой близости вашей къ мѣсту брани, вы составляете для него ближайшую домашнюю опору и пріютъ. Кто ближе васъ можетъ, въ случаѣ нужды, доставить необходимое продовольствіе? Кто скорѣе васъ успокоитъ и призритъ уязвленныхъ на брани собратій нашихъ?—Уготовьтесь же, не медля ни мало, къ симъ подвигамъ любви: ибо время не терпитъ!—Сколько градовъ великой Россіи желали бы теперь быть на мѣстѣ вашемъ! Покажите же, что и вы были *на своемъ мѣстѣ*, и что Россія не будетъ имѣть при-

чины стыдиться за васъ и сожалѣть о томъ, что ея—на это время здѣсь не было!...

А вмѣстѣ съ симъ, какъ я прежде не разъ говорилъ вамъ, обратитесь всѣмъ сердцемъ и душею къ вѣрѣ, молитвѣ и покаянію! Вмѣсто страховъ человѣческихъ, возъимѣйте всѣ страхъ Божій! Ибо, если въ какихъ обстоятельствахъ, то въ подобныхъ вашимъ, совершаются на землѣ судьбы не человѣческія, а Божіи. Посему-то, въ подобные дни и распростирается, какъ видите, на все какъ бы нѣкая таинственная мгла: никто не можетъ сказать, что будетъ завтра, даже нынѣ; но изъ этой мглы и мрака, какъ молнія изъ тучъ, проявляется по временамъ, для *имѣющихъ очи видѣть*,—перстъ Самого Бога, проявляется такъ, что самое невѣріе нерѣдко принуждено бываетъ сознать въ семъ случаѣ, что, кромѣ силъ человѣческихъ, есть сила высшая, Божія, единая непобѣдимая и всемогущая, побарающая по своихъ избранныхъ и низлагающая противниковъ своея воли.

Но чѣмъ другимъ можемъ мы преклонить на свою страну эту помощь Божію, если не вѣрою и покаяніемъ? Молитесь же, возлюбленные, отъ сердца; кайтесь во грѣхахъ вашихъ отъ всей души, дабы Господь былъ не съ супостатами нашими, а съ нами! Если всевидящее око Его узритъ въ насъ тоже, что узрѣло нѣкогда въ оныхъ древнихъ ниневитянахъ покаявшихся, то есть, дѣйствительную и *нераскаянную* (¹) перемѣну духа и сердца на лучшее; то жребій брани не медля рѣшится въ нашу пользу тамъ—горѣ, и здѣсь—долу никто не будетъ въ состояніи воспрепятствовать исполненію предопредѣленія небеснаго.

Въ знакъ пастырской любви моей къ вамъ о Христѣ и въ залогъ упованія, пріимите отъ мене изображеніе чудотворнаго лика Богоматери, который, какъ вамъ извѣстно, уже болѣе двападесяти лѣтъ озаряетъ страну нашу знаменіями и чудесами. Водимый какимъ-то предчувствіемъ, я давно мыслилъ, что этотъ источникъ благодати открылся

(¹) 2 Кор. VII, 10.

среди насъ такъ внезапно не безъ особой цѣли, а предъ какою либо годиною находящихъ на насъ искушеній, открылся для того, чтобы мы, видя въ семъ событіи особенную къ намъ милость Божію, не потеряли въ это время надежды на счастливое окончаніе постигшихъ насъ бѣдствій. Половина предчувствій моихъ, какъ видите, оправдалась опытомъ; вѣрую, что оправдается и другая половина: возставшая противу насъ ужасная буря скоро пройдетъ, и надъ нами паки возсіяетъ солнце мира и радости, еще свѣтлѣе и краше прежняго. Ибо, если бы Господь восхотѣлъ, за грѣхи наши, отвратить отъ насъ лице Свое навсегда: то Пречистая Матерь Его не явила бы намъ въ это самое время толикихъ чудесъ и знаменій отъ Пресвятаго лика Своего.

Пріимите же изображеніе сего чудотворнаго лика съ такою же вѣрою и любовію о Христѣ, съ какою оно преподается вамъ теперь отъ меня. Да будетъ онъ во успокоеніе и отраду душъ вашихъ, въ подкрѣпленіе вашей вѣры и упованія на Бога!—Притекайте къ нему какъ можно чаще и проливайте предъ нимъ ваши молитвы и слезы, съ полною вѣрою, что онѣ не будутъ презрѣны и отвергнуты.

Мати Божія, заступнице всѣхъ обидимыхъ и утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ, пріими подъ всемогущій покровъ Твой градъ сей и всю страну здѣшнюю, находящіяся нынѣ въ толикомъ озлобленіи отъ враговъ! Пріими и поспѣши на помощь Христолюбивому воинству и вождямъ его, да уразумѣютъ всѣ концы земли и самые враги наши, что Ты не вотще именуешься Взбранною-Воеводою воинствъ Христіанскихъ и оградою царствъ Православныхъ, и что мы не напрасно *на Тебе* паче всего *надѣемся* и *Тобою* единою *хвалимся*, *Твои бо есмы*, аще и недостойніи, *рабы*: *да не постыдимся*, *Владычице* (1)!—Аминь (2).

---

(1) Конд. Богом.
(2) «Одесск. Вѣстн.» 1854 г. № 124.

3) 18-го сентября 1854 года, въ ѳеодосійскомъ Александро Невскомъ соборѣ, при совершеніи покаяннаго молебствія, по случаю нашествія на Крымъ иноплеменниковъ.

Миръ вамъ (¹)!

Вступая вчера, возлюбленные, въ городъ вашъ, я пораженъ былъ его пустыннымъ видомъ: казалось, что въ немъ нѣтъ уже никого изъ жителей и всѣ оставили его, кромѣ малаго числа стражи военной. Да, подумалъ я, если кому, то имъ не предосудительно было уклониться отъ нашествія враговъ: ибо не только городъ здѣшній—по своей крайней близости къ морю, но почти каждый домъ въ городѣ находится прямо подъ ударами орудій непріятельскихъ. Посему-то, говорю, я нисколько не осудилъ въ мысляхъ моихъ вашего удаленія, а только пожалѣлъ отъ души о тяжести вашего положенія и о томъ, что я не буду имѣть утѣшенія видѣть васъ и раздѣлить съ вами молитвы и чувства мои. Въ успокоеніе духа служила мнѣ та одна мысль, что, для силы и дѣйствительности молитвы о комъ-либо, нѣтъ необходимости въ присутствіи тѣхъ лицъ, за коихъ совершается молитва; такъ какъ и сама церковь ежедневно возноситъ во храмахъ молитву не о находящихся только во храмѣ, но и о всѣхъ, *благословною виною отсутствующихъ*. Какая же причина отсутствія можетъ быть благословнѣе вашей, когда вы должны были спасать отъ огня и меча иноплеменниковъ самую жизнь свою?

Тѣмъ отраднѣе для насъ видѣть теперь весь храмъ этотъ наполненный молящимися. Откуда, скажите, взялись вы, и какъ появились такъ скоро здѣсь, не зная предварительно нисколько о моемъ посѣщеніи? Все это, какъ вижу, сдѣлала ваша любовь о Христѣ; она дала вамъ такъ быстро знать о моемъ прибытіи, она же такъ неукоснительно и собрала васъ сюда на свиданіе и общую молитву. Да будетъ же благословенъ Господь, вложившій въ меня желаніе и рѣшимость, не смотря на всѣ трудности, пред

(¹) Іоан. XX, 19.

пріять путь къ вамъ,—а вамъ внушившій усердіе поспѣшить на свиданіе съ нами! Да будетъ, говорю, благодареніе за все сіе Господу: ибо чистая любовь Христіанская происходитъ не отъ земли, а приходитъ съ неба, и изливается, по увѣренію Апостола, въ сердца наши *Духомъ Святымъ* (1).

Что же мы скажемъ вамъ, возлюбленные, въ утѣшеніе ваше? Скажемъ во-первыхъ, что тяжкому положенію вашему вполнѣ сочувствуетъ весь край нашъ и, безъ сомнѣнія, вся Россія; сочувствуютъ всѣ и молятся за васъ усердно; молятся и готовы оказать вамъ братскую помощь въ нуждахъ вашихъ. Иначе и быть не можетъ, ибо все, что вы ни терпите, терпите не за себя токмо, а за всю Россію. Если бы градъ вашъ и страна посѣщены были (чего не дай Богъ!) другими какими-либо бѣдствіями, напр. язвою, гладомъ, наводненіемъ, пожарами; то положеніе ваше хотя и тогда возбуждало бы повсюду сожалѣніе о васъ, но для Отечества, очевидно, не было бы никакой пользы отъ вашего злострадапія. Но война и нашествіе враговъ есть такое зло, которое, подобно бурѣ, истощая силу и лютость свою на одномъ мѣстѣ—какъ теперь у васъ—симъ самымъ содѣлывается безвреднымъ для всѣхъ прочихъ градовъ и весей. Вы посему теперь, яко жертва искупительная на алтарѣ отечества. Можетъ ли оно забыть эту жертву? не возлюбить васъ особенною любовію? не возымѣть къ вамъ душевнаго уваженія? Блюдитесь токмо, возлюбленные, чтобы вамъ самимъ не отнять какъ-либо и не умалить цѣны и достоинства сей вашей жертвы,—или малодушіемъ и ропотомъ, или своекорыстіемъ и взаимными распрями, или хладностію и невниманіемъ къ бѣднымъ среди васъ собратіямъ вашимъ.

Что касается до того, какое расположеніе духа и сердца прилично вашему настоящему состоянію, то примите въ руководство тотъ божественный совѣтъ, который Самъ Спаситель нашъ преподалъ возлюбленнымъ ученикамъ своимъ предъ наступленіемъ для нихъ ужаснаго искушенія,

---

(1) Рим. V, 5.

по случаю Его креста и смерти. *Бдите*, говорилъ Онъ имъ, *и молитеся, да не внидете въ напасть* (¹). Спаситель говорилъ: *да не внидете*—потому что напасть, хотя и была весьма близко, но еще не наступила; а мы вмѣсто того скажемъ вамъ: *бдите и молитеся, да изыдете отъ напасти*, которая уже давно постигла васъ и доселѣ не проходитъ! Да, возлюбленные, духовное бодрствованіе и молитва — отъ души сокрушенной и сердца смиреннаго, растворенная притомъ живою вѣрою и искреннимъ покаяніемъ, есть наидѣйствительнѣйшее средство, какъ къ отвращенію напасти наступающей, такъ и къ удаленію наступившей. Молящійся, по-видимому, ничего не дѣлаетъ къ отраженію враговъ; онъ не нападаетъ на нихъ и не отражаетъ ихъ ничѣмъ видимымъ, а токмо воздѣваетъ очи и руки свои къ небу, или, падши на землю, проливаетъ предъ Богомъ свои слезы: а между тѣмъ дѣйствіе такой теплой молитвы чрезвычайно сильно и дѣйствительно противу самаго лютаго и могущественнаго врага. Почему такъ? Потому, что въ семъ случаѣ дѣйствуетъ противу врага уже не человѣкъ молящійся, а Самъ Господь Всемогущій, у Коего просятъ помощи и защиты. *Бдите убо*, возлюбленные, *и молитеся, да изыдите отъ напасти* вашей!

Въ подкрѣпленіе вашей вѣры и во ободреніе васъ на молитву, мы можемъ и должны сказать, что надъ вами и градомъ вашимъ уже проявилось знаменіе милости Божіей. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте! — Пристань ваша славится всюду своимъ удобствомъ и безопасностію отъ бурь; брегъ моря вашего на великое пространство крайне удобоприступенъ для враговъ; градъ вашъ открытъ и подверженъ отъ края до края своего всѣмъ огнямъ непріятельскимъ: не здѣсь ли посему надлежало ожидать самыхъ частыхъ нападеній отъ врага? Но вотъ прошло уже цѣлое лѣто брани самой ожесточенной, а спокойствіе здѣшнихъ мѣстъ почти ничѣмъ не было нарушено; въ городъ вашъ не влетѣла еще ни одна стрѣла вражія; изъ васъ, обитателей

(¹) Мат. XXVI, 41.

его, ни одинъ не пострадалъ ни отъ меча, ни отъ огня иноплеменниковъ. Что значитъ это? Пусть другіе изъясняютъ сіе, какъ хотятъ, а я скажу, что это милость къ вамъ Божія. Врагъ, не нападая доселѣ на васъ, поступаетъ какъ бы естественно, имѣя на то свои причины: но если бы онъ захотѣлъ противнаго, сколько бы явилось у него къ нападенію на васъ и причинъ самымъ достаточныхъ, и побужденій самыхъ сильныхъ! Но онъ, говорю, не нападаетъ: почему? Потому что тамъ—у Престола Божія есть за васъ постоянный ходатай и сильный защитникъ. Кто это?... Ублаженный всею Церковію Вселенскою, древній пастырь страны вашей, С. Стефанъ *Сурожскій*! Въ продолженіе всей святой и богоугодной жизни своей подвизаясь съ особенною ревностію за Вѣру и Православіе, могъ ли онъ посему забыть прежнюю паству свою въ настоящее время, когда она со всѣмъ Православнымъ Отечествомъ терпитъ нападеніе отъ враговъ, не за что другое, какъ за чистоту и цѣлость Св. Вѣры и святость Креста Христова? Священномученики херсонскіе приняли на себя — посрамить нечестіе враговъ сокрушеніемъ гордыни ихъ до конца; и для сего попустили имъ выйти на брегъ и занять мѣсто, орошенное ихъ мученическою кровію: а нашъ Святитель и заступникъ взялся — оградить отъ ихъ вторженія край вашъ; и вотъ они, какъ бы связуемые невидимою силою, хотя и нерѣдко приближаются къ вамъ, но не дерзаютъ нанести вреда.

При семъ случаѣ я долженъ принести вамъ, возлюбленные, жалобу на васъ самихъ: ибо, когда же лучше сдѣлать это, какъ не теперь, когда надъ вами рука Божія? Помните ли наше первое свиданіе съ вами, по прибытіи моемъ на паству Херсонотаврическую? Зная священную древность вашу, коею здѣшній полуостровъ превосходитъ едва не всѣ страны отечественныя, я ожидалъ, что имя св. Стефана, вашего приснопамятнаго Святителя, у всѣхъ васъ на устахъ и въ сердцѣ, что вы прибѣгаете съ молитвою особенно къ нему во всѣхъ нуждахъ вашихъ, какъ къ ближайшему и естественному вашему ходатаю предъ Богомъ: что же, къ прискорбію моему, увидѣлъ я? Что

многимъ изъ васъ вовсе неизвѣстны его святая жизнь и подвиги, какъ для страны вашей, такъ и для всей церкви Вселенской!... Тому ли слѣдовало быть? Такъ ли православные сыны церкви чтутъ память своихъ св. угодниковъ? Посему я тогда же возъимѣлъ немалое опасеніе за васъ и вашу будущность; и когда вы сѣтовали предо мною объ оскудѣніи прежнихъ источниковъ вашего земнаго благоденствія, я не усумнился указать вамъ, какъ на причину того, на ваше забвеніе вашего небеснаго ходатая и заступника. Тогдашнія слова мои, какъ показалъ опытъ, не произвели надъ вами всего желаннаго дѣйствія; и вотъ теперь учитъ тому же и наставляетъ васъ Самъ Господь, попустивъ прійти на васъ такому лютому и продолжительному искушенію! Ибо, въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда всѣ земныя средства оказываются видимо недостаточными, къ кому прибѣгнуть, какъ не къ помощи Божіей? А какъ прибѣгнуть и стать предъ святостію существа Божія со грѣхами нашими? Въ такомъ случаѣ ходатайство и молитвы св. угодниковъ о насъ предъ Богомъ суть единственное средство преложить гнѣвъ Божій на милость; ибо они, своею вѣрою и любовію къ Богу, своею чистотою и избыткомъ почивающей въ нихъ благодати, могутъ низводить благословеніе свыше на самыхъ грѣшниковъ, только бы, находясь подъ благодатнымъ покровомъ ихъ, мы не продолжали оставаться нераскаянными во грѣхахъ нашихъ.

Уразумѣйте же, возлюбленные, тайну вашей силы и безопасности отъ враговъ вашихъ. Принесши искреннее покаяніе предъ Богомъ, обратитесь съ теплыми молитвами къ заступнику страны вашей, св. Стефану, да продолжитъ онъ свое ходатайство о васъ предъ Богомъ и да будетъ въ стѣну и забрало противъ всѣхъ нападеній вражескихъ.

А въ вознагражденіе прежней хладности вашей къ угоднику божію, сдѣлайте слѣдующее:

Когда св. церковь воспоминаетъ ежегодно по всей вселенной память Святителя вашего, вы чтите день сей особеннымъ празднествомъ, яко день собственнаго торжества вашего, день вашея славы о Господѣ.

Возлюбите самое имя вашего Святителя и нарекайте

его какъ можно болѣе на новорожденныхъ сынахъ вашихъ, ибо такимъ образомъ не только страна и градъ вашъ, но самыя семейства ваши придутъ въ особый духовный союзъ съ вашимъ общимъ заступникомъ небеснымъ.

Изберите наконецъ—если хочете вполнѣ загладить свое прежнее невниманіе—изберите какое-либо изъ священныхъ урочищъ, коими такъ богаты ваши окрестности, и устройте на немъ хотя малый храмъ во имя Святителя, куда бы вы и съ чадами вашими могли приходить по временамъ на молитву и воспоминаніе священныхъ древностей страны вашей.

Мы, съ своей стороны, готовы употребить всѣ средства на вспомоществованіе вамъ въ семъ благомъ начинаніи, и между прочимъ для сей же цѣли, по возвратѣ домой, не замедлимъ прислать вамъ житіе св. Стефана, начертанное не нашимъ скуднымъ перомъ, а священною рукою св. Димитрія Ростовскаго. Постарайтесь пріобрѣсти эту хартію для каждаго изъ семействъ вашихъ и прочитывайте ее и въ день памяти Святителя, и въ другія времена, въ назиданіе себѣ и чадамъ вашимъ.

Господь да хранитъ васъ и градъ вашъ своею благодатію! Молитвы св. Стефана да будутъ надъ всѣми вами! — Аминь (1).

АНГЛО-ФРАНЦУЗЫ ВЪ ЯЛТѢ.

До дессанта въ Крыму у Каптугая, англо-французскіе пароходы не разъ тревожили жителей южнаго берега Крыма, проходя мимо и производя промѣры прибрежной глубины. Первое появленіе ихъ у самыхъ береговъ произвело въ городѣ Ялтѣ такую суматоху, что многіе жители рѣшились выѣхать подальше отъ моря. Это было въ маѣ; но какъ непріятель не останавливался нигдѣ, и сталъ показываться рѣже, то бѣглецы воротились въ свои дома и до

(1) „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 130. Независимо отъ этихъ, преосвященнымъ были сказаны рѣчи въ разныхъ городахъ полуострова. См. „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 123 и 128.

того свыклись съ пароходами, что дымокъ въ морѣ не только не пугалъ ихъ, а, напротивъ, составлялъ пріятное развлеченіе въ скучной и однообразной жизни ялтинцевъ. Битва подъ Бурлюкомъ и послѣдовавшее за нею занятіе Балаклавы вновь произвели тревогу между жителями: стали поговаривать объ удаленіи изъ Ялты семействъ, и потомъ вывозить ихъ въ Симферополь и далѣе.

Вечеромъ 21-го сентября, пробѣжалъ пароходъ отъ Оріандскаго мыса къ Ялтѣ; не доходя до ялтинской бухты, поворотилъ въ море и скрылся въ темнотѣ. Передъ разсвѣтомъ 22-го числа, замѣтили на горизонтѣ, къ югу отъ Ялты, эскадру, стоявшую, казалось, неподвижно. Стало разсвѣтать; предметы обозначались яснѣе: можно было различить и сосчитать пароходы, имѣвшие направленіе къ городу. Пошли толки, предположенія, объясненія, пополамъ со страхомъ, что значитъ близость 9 винтовыхъ кораблей. Вскорѣ тревожное состояніе и недоумѣніе испуганныхъ жителей стукомъ колесъ разрѣшилъ десятый пароходъ: онъ показался изъ-за мыса, шелъ быстро и прямо къ городу, и, поравнявшись съ Ливадіею, началъ выкидывать эскадрѣ сигнальные флаги. Отвѣтивъ на сигналы, страшная масса вытянулась въ линію; и двумя отрядами двинулась впередъ. Небольшой промежутокъ раздѣлялъ ихъ. Въ одномъ отрядѣ, нѣсколько восточнѣе отъ города, было 4, въ другомъ, западнѣе, 5 пароходовъ. Въ срединѣ отрядовъ рисовались 2 трехъ-дечные корабля. Это были 2 корабля французскіе; 6 англійскихъ пароходо-фрегатовъ и 1 турецкій пароходъ. Десятый колесный пароходъ былъ также французскій. Въ $1^1/_2$ или 2 верстахъ они остановились на парахъ, и пока приближались къ берегу, колесный обошелъ бухту, вымѣрилъ глубину и спустилъ шлюпку подъ бѣлымъ флагомъ. Въ эту минуту, по сигналу съ колеснаго парохода, спущены были со всѣхъ винтовыхъ канонерскія лодки, занявшія промежутокъ между отрядами кораблей, каждая съ пушкою на носу и съ дессантомъ отъ 50 до 70 человѣкъ. Пока парламентеръ подходилъ къ пристани, канонерскія лодки отдѣлились отъ кораблей и стали подвигаться къ Ялтѣ, но очень медленно: ударятъ веслами и остановятся. Въ лод-

кахъ стояли команды съ ружьями на перевѣсъ, а офицеры осматривали мѣстность города въ подзорныя трубы; корабли же, не измѣняя порядка, пододвинулись еще ближе, оборотились къ городу открытыми бортами и бросили якоря.

Предоставляю читателю вообразить положеніе жителей города Ялты: въ городѣ ни одного инвалида, ни одной даже заржавѣвшей пушки, а между тѣмъ предъ глазами ихъ 10 кораблей; въ открытыхъ бортахъ дымятся фитили; 16 канонерскихъ лодокъ приближаются съ дессантомъ не менѣе, если не болѣе, 1000 человѣкъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ, и вся эта громадная сила направлена противъ несчастной Ялты, въ которой и въ мирное время жителей, считая и грудныхъ дѣтей, не болѣе 500 душъ. Само собою разумѣется, что всѣ потерялись отъ страха. Поднялась суматоха въ городѣ: присутственныя мѣста выбираются, чиновники выѣзжаютъ, кто можетъ или имѣетъ на чемъ, другіе, навьючивъ на себя, что только успѣли захватить изъ имущества, идутъ за людьми, не понимая что дѣлаютъ и куда идутъ. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ, съ узломъ за плечами, съ двумя малютками на рукахъ, прошелъ 30 верстъ, томясь жаждою и голодомъ, и по временамъ ободряя жену вести за руку двухъ старшихъ дѣтей. Въ городѣ и по дорогѣ въ Симферополь тянутся обозы и нестройныя толпы пѣшеходовъ съ выраженіемъ страха и отчаянія на лицѣ; дѣти кричатъ, женщины рыдаютъ. Оставшіеся въ городѣ бродятъ какъ тѣни; другіе, для возбужденія бодрости, выпили, и многіе изъ ободренныхъ черезъ край впослѣдствіи возбудили улыбку презрѣнія въ непріятеляхъ, которые спрашивали: у васъ всегда такъ? Имъ отвѣчали, что это слѣдствіе страха, да и какъ было не струсить? Еще въ городѣ не знали цѣли прибытія врага, а по казаку, проскакавшему чрезъ городъ, пароходы выпустили десятка полтора пуль изъ штуцеровъ.

Прибывшій парламентеръ-лейтенантъ объявилъ: «жители города могутъ быть спокойны. Мы пришли сюда за провизіею. Намъ нужны рогатый скотъ, птицы, яица и вино. Все это мы будемъ покупать, и платить условленную

цѣну. Вреда никому не будетъ. Впрочемъ, кто не хочетъ оставаться въ городѣ, пусть выѣзжаетъ». Эта прокламація была, въ татарскомъ, греческомъ и русскомъ переводахъ, передана жителямъ управителемъ имѣнія графа Мордвинова, швейцарцемъ *Ларье*, который просилъ парламентера сдержать данное обѣщаніе, и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не варвары, и слова наши святы» —«Долго ли вы пробудете здѣсь»? — «Не менѣе трехъ и не болѣе пяти сутокъ. Успокойте жителей и потрудитесь передать имъ, что если кто осмѣлится обижать ихъ, оскорблять, грабить и вообще дѣлать имъ какое бы то ни было насиліе, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ и немедленно повѣшенъ на мѣстѣ преступленія». Къ этому онъ прибавилъ: «Хотя мы непріятели, но въ непріязни наши правительства, и жители отъ того не должны терпѣть вреда; поэтому пусть всякій занимается своимъ дѣломъ; лавки и магазины должны быть открыты. Мы купимъ, что намъ понадобится». — Всѣ эти переговоры, по приказанію адмирала, вторично были переданы жителямъ, спустя два часа послѣ высадки, переводчиками ихъ, прокричавшими буквально отъ слова до слова по-татарски, по гречески и по-русски.

Лишь только парламентерская шлюпка отвалила отъ берега, канонерскія лодки налегли и полетѣли къ городу, одна часть въ бухту, другая часть съ юговосточной стороны, къ дому княгини Гагариной; приближаясь къ берегу, быстро поворотились къ нему бортами, и отряды прыгнули въ воду. Ступивъ на землю, по командѣ, выстроились на набережной и на площадкѣ у дома Суходольскаго въ небольшія колонны и оцѣпили городъ пикетами, разставленными отъ церкви до кладбища, чрезъ Мордвиновъ садъ и къ Аутќинской рѣчкѣ; кромѣ того у воротъ каждаго дома поставили часовыхъ. По выгрузкѣ дессанта изъ канонерскихъ лодокъ, со всѣхъ кораблей спустили гички, шлюпки, баркасы, нагруженные людьми, также вооруженными, которые не замедлили выйти на берегъ. Замѣчательна разница въ физіономіяхъ нашихъ враговъ, въ ихъ пріемахъ и даже въ чувствахъ: красноволосые англичане выскакивали на берегъ, держа въ рукахъ ружья со взведенными курками,

готовые стрѣлять въ небывалаго врага. Они бросали яростные взгляды, и бѣжали къ мѣсту строя, покачиваясь, переваливаясь съ боку на бокъ, подпрыгивая; черномазые французы вышли скорымъ шагомъ, и съ веселыми, улыбающимися лицами, по командѣ, выстроились. Когда цѣпь была разставлена, ружья поставили въ козлы, англичане звѣрски смотрѣли на проходившихъ жителей; французы здоровались, не заботясь о томъ, понимаютъ ли ихъ или нѣтъ, бросались къ еврейкамъ, стоявшимъ тутъ, брали у нихъ дѣтей, ласкали и со слезами на глазахъ цѣловали ихъ; каждый приговаривалъ другъ другу: «И у меня остались такія же малютки во Франціи; что съ ними теперь, не знаю». Между англичанами было много мальчиковъ, также вооруженныхъ саблями и пистолетами, хотя на видъ казались не старѣе тринадцати лѣтъ.

Оцѣпивъ Ялту, наши незваные гости принялись хозяйничать, и первыми дѣйствіями показали жителямъ какъ должно понимать торжественное объявленіе, обезпечивавшее неприкосновенность частной собственности, и что значитъ условленная цѣна припасамъ, за которыми они пожаловали. Чтобы не сбиться въ подробностяхъ, я раздѣлю подвиги ихъ по мѣстности.

1) *На набережной и по улицамъ города.* Едва непріятели вышли на берегъ, одни изъ нихъ съ ожесточеніемъ напали на гусей и утокъ, плававшихъ на рѣкѣ, ловили, били камнями, палками, рубили саблями, кололи штыками, и пинками понуждали жителей помогать имъ. Убитую птицу сваливали въ кучи; оттуда переносили добычу на ротные дворы, учрежденные въ почтовой конторѣ и въ уѣздномъ судѣ. Другіе бросились на куръ, безпечно расхаживавшихъ по улицамъ; третьи забирали городской скотъ, не успѣвшій выйти изъ города на пастбище, и живьемъ перевозили на корабли. Хозяевъ, защищавшихъ свою собственность, прогоняли прикладами, или приставляли къ груди штыкъ. Въ этомъ пріятномъ занятіи участвовали не одни рядовые, и офицеры принесли свою посильную лепту содѣйствія общему дѣлу. Такъ, одинъ офицеръ преслѣдовалъ четверть часа курицу на набережной, вогналъ ее въ магазинъ графа

Потоцкаго и нѣсколько разъ кортикомъ разсѣкалъ воздухъ, но счастливица ускользала отъ гибельнаго удара, пока подоспѣвшій матросъ не полонилъ ее разомъ. Но и тутъ бѣда: офицеръ потребовалъ у солдата своей добычи, а тотъ, лучше понимая право собственности, бѣжалъ, ощипывая на бѣгу несчастную жертву. Другой офицеръ, командовавшій при загонѣ скота, видя, что корова прорвалась сквозь цѣпь и не имѣетъ расположенія къ морскимъ путешествіямъ, храбро бросился на уходившаго врага, схватилъ на бѣгу за рогъ, но корова мотнула головой, и преслѣдователь растянулся на землѣ. Эти оба храбрые француза имѣли неровные эполеты: на одномъ плечѣ толстые, на другомъ маленькіе.—Когда на рѣкѣ и по улицамъ не стало непріятеля, поле подвиговъ перенесено было:

2) *Въ дворы и дома.* Здѣсь участь домашнихъ животныхъ была та же: взято все, что можно взять. Вѣроятно, непріятели выгрузились съ тощими желудками, потому что многіе, поймавъ птицу, тутъ же обрывали перья, не заходя далеко, разводили огонь, гдѣ нашлись дрова или щепки, и, поджаривъ ее слегка, съѣдали съ жадностью. Какъ хотите, а быть въ дворѣ и не сдѣлать визита въ домъ невѣжливо. Кто изъ хозяевъ былъ дома, долженъ былъ принимать гостей; по требованію ихъ отворять шкафы, коммоды, сундуки. Все они осматривали съ любопытствомъ, все нужно было имъ видѣть. Оружіе въ домахъ и порохъ, если находили, забирали. Впрочемъ, при хозяевахъ не брали ничего изъ вещей. Кто выѣхалъ изъ города, того домъ былъ въ полномъ ихъ распоряженіи: они разбивали двери, разламывали коммоды и шкафы, вынимали всѣ вещи и брали, что нравилось. Съѣстное и вино уничтожались на мѣстѣ, варенья большею частію взяты были на корабли. Многія вещи, взятыя въ одномъ домѣ, найдены послѣ выхода ихъ въ другомъ домѣ, связанными въ узлы. Въ моемъ домѣ было 5 офицеровъ и до 70 рядовыхъ; первые пили мое вино, послѣдніе ходили съ обыскомъ по дому, и оставили въ немъ такой порядокъ, какой бывалъ на Руси послѣ французовъ: двери разбиты, кладовая съ разломанною дверью совершенно очищена, коммоды и шкафы пусты,

картины перебиты, посуда исчезла, и даже мои служебныя бумаги изорваны и разбросаны. Здѣсь кстати замѣтить, что въ моемъ домѣ квартировалъ командиръ англійской эскадры. Французскій адмиралъ останавливался въ домѣ княгини Гагариной, что показывалъ флагъ на кровлѣ дома. Не выиграли и тѣ жители, которые остались въ городѣ, но во время разстановки часовыхъ не были въ своихъ домахъ, или, хотя и были, но вышли поглазѣть на диковинку; они не были впущены часовымъ даже на дворъ свой, чтобъ не мѣшать гостямъ хозяйничать. Нужно было отыскать офицера, который бы приказалъ часовому впустить хозяина въ домъ; кто успѣлъ это сдѣлать, и въ скорости, тотъ заставалъ домъ свой очищеннымъ. Лавки и магазины, въ теченіе двухъ дней, испытывали вѣрность слова, обезпечившаго неприкосновенность частной собственности, но объ этомъ послѣ. Г. *Ларье*, передъ вечеромъ встрѣтивъ адмирала, сталъ жаловаться, что англо-французы народъ образованный, а не держатъ слова, и жестоко грабятъ жителей. За это адмиралъ назвалъ его грубіяномъ, и велѣлъ взять на корабль, гдѣ продержали его 18 часовъ; на всѣ просьбы и мольбы объ освобожденіи, отвѣчали совѣтомъ вступить во французскую службу, и только заступничеству коммисара, принявшаго въ немъ участіе, онъ обязанъ свободою.

3) *Въ церкви*. Въ 9 часовъ утра, протоіерей ялтинской церкви, возвращаясь изъ Массандры, куда ходилъ за приказаніями къ благочинному, увидѣлъ съ горы толпу людей вокругъ церкви, заглядывавшихъ въ окна, и поспѣшилъ туда. Недалеко отъ церкви, онъ замѣтилъ всадника, по костюму не русскаго, подозвалъ и спросилъ его по-русски: что это за люди и что имъ нужно? Всадникъ издали отвѣчалъ, также по-русски: это англичане. Тогда протоіерей, назвавъ себя, подошелъ къ толпѣ, отдалъ честь офицеру, поднявшему пальцы къ козырьку, и пошелъ къ церкви. Кружки у церкви были разбиты, иконы брошены, небольшой шкафчикъ въ притворѣ разломанъ; вещи, бывшія въ немъ, лежали тутъ же; дверь въ церковь была обозначена слѣдами насилія, но не подалась; висячій замокъ испор-

ченъ. Онъ хотѣлъ отпереть, но ключъ не входилъ. Достали напилокъ перепилить дужку замка, но безъ успѣха. Пока трудились надъ замкомъ, унтеръ-офицеръ, указывая на слѣды насилія, сказалъ «О френшъ, френшъ! Инглезъ нѣтъ». Священникъ предложилъ разломать замокъ, они согласились; но до того сталъ просить знаками уважить святыню, называя ихъ христіанами. Они обѣщали, вошли съ нимъ въ церковь, осмотрѣли все съ любопытствомъ, и вышли, не взявъ ничего. Возвратясь домой, священникъ нашелъ у себя слѣды непрошенныхъ гостей, и отправился въ Аутку ночевать, а на другой день нашелъ церковную дверь отпертою, но, благодаря Бога, взято немного.

4) *На дачѣ князя Дондукова-Корсакова*. Около обѣда вышелъ одинъ отрядъ на ближайшую дачу князя Дондукова. Здѣсь господскій домъ со службами былъ мигомъ обысканъ; все, попавшее имъ на глаза, взято; двери въ подвальномъ этажѣ разломаны, вся посуда столовая и чайная разобрана по рукамъ гостей. Семейство управителя, собравшись бѣжать, связало всѣ лучшія и необходимыя вещи въ узлы. Эти узлы были взяты. За отказъ его выдать серебро, они изрыли весь подвалъ, взяли экономическихъ воловъ и все вино изъ подвала и бросились на виноградникъ, гдѣ поработали лучше всякой саранчи. 23-го числа цѣлый день возили и носили на корабли виноградъ.

5) *Въ Ливадіи*. Отрядъ французовъ, въ 400 человѣкъ, прибылъ къ ливадскому погребу въ 12 часовъ, потребовалъ у винодѣла пробы винъ, назначилъ мѣломъ бочки, въ которыхъ вино понравилось; велѣлъ наполнить всю мелкую посуду этимъ виномъ, а рядовымъ дать по два стакана вина тутъ же, и затѣмъ арестовалъ винодѣла, который, за конвоемъ, между трехъ штыковъ, отведенъ въ Ялту и свезенъ на корабль. Здѣсь ему предложили, на выборъ: свободу, когда будетъ вино доставлено, или плѣнъ, въ случаѣ отказа. Винодѣлъ оправился и объявилъ: пока я здѣсь, вина не будетъ; тамъ никто, кромѣ меня не разольетъ его. «Идите и пришлите вино; если же наше требованіе не будетъ исполнено, то мы прійдемъ и камня на

камнѣ не оставимъ». Въ заключеніе адмиралъ потребовалъ для себя букетъ цвѣтовъ на память о Ливадіи. 23-го числа 7 человѣкъ французовъ пришли пить вино въ погребъ. Бывшій съ ними офицеръ, въ сопровожденіи татаръ, посѣтилъ господскій домъ; здѣсь онъ сорвалъ занавѣсы, очистилъ коммоды, выбралъ лучшія книги въ библіотекѣ, взялъ старую хрустальную и фаянсовую посуду, старые подсвѣчники, четыре головки сахару, небольшія картинки, хлыстики; глаза его разбѣгались: казалось, онъ взялъ бы весь домъ, еслибъ могъ. Проходя чрезъ буфетъ, онъ замѣтилъ еще четверть головки сахару, и этимъ кускомъ заключилъ свой подвигъ. Потомъ потребовалъ отвезти добычу въ Ялту, и, видя, что большая половина награбленнаго не помѣстилась на тачкахъ, сказалъ: «Это ничего, я завтра прійду и возьму остальное». Во все время онъ не выпускалъ ружья изъ рукъ и, хозяйничая, старался передать смотрителю дома, что французы народъ добрый: они возьмутъ, что имъ понравится; англичане варвары—все истребятъ.

Часа въ 4 послѣ обѣда, небольшой отрядъ двинулся въ Ливадскій лѣсъ; эта экспедиція назначена была противъ уцѣлѣвшаго утромъ городскаго скота, который былъ пригнанъ и перевезенъ на корабли, а чтобъ онъ не исхудалъ, изъ разбитаго казеннаго магазина взяли 120 четвертей ржаной муки; въ пріемѣ выдали вахтеру квитанцію и сверхъ того, росписались въ шнуровой книгѣ. Вечеромъ пробили сборъ; всѣ сбѣжались на набережную; многіе, бросивъ большую часть добычи, выстроились и, снявъ пикеты и часовыхъ, отправились ночевать на корабли. Въ это время почти всѣ они были слишкомъ *огорчены*.....

Комическую картину представлялъ ихъ строй: почти у каждаго солдата въ ружейный стволъ воткнутъ былъ букетъ цвѣтовъ, а сзади у сумки висѣла общипанная курица или гусь. Всю ночь канонерскія лодки ходили у береговъ.

Утромъ 23-го сентября, вновь вышли на берегъ, оцѣпили городъ и пошли по домамъ доканчивать вчерашнее разореніе. Одни бросились на магазинъ князя Воронцова, и начали переносить оттуда каменный уголь, ясеневый и

дубовый лѣсъ; другіе стали выкатывать бочки съ виномъ изъ магазина графа Потоцкаго, забирать въ бутылкахъ вино и все что тамъ было, а отрядъ англичанъ, въ 300 человѣкъ двинулся на фуражировку въ Массандру, князя Воронцова. Здѣсь осмотрѣли квартиру управляющаго, обобрали конторщика, разбили магазинъ, въ которомъ выпустили бочку постнаго масла, разбросали необходимыя хозяйственныя вещи, и бросились на 128 головъ сахару. Въ мигъ наполнилъ отрядъ свои мѣшки сахаромъ, а остальной сахаръ нагруженъ на телѣгу. Впрочемъ командиръ отряда разсудилъ подарить телѣгу съ сахаромъ эконому, у котораго потребовали скота, сперва ласково, а потомъ приставивъ къ груди штыкъ. За отказъ его арестовали, отвели въ плѣнъ, и на кораблѣ, цѣною свободы, назначили немедленный пригонъ скота. За 14 коровъ экономъ былъ освобожденъ. Эти фуражиры промѣняли свой сахаръ въ Ялтѣ евреямъ на мыло, отдавая по 3 и по 4 фунта за кусокъ мыла въ 1/4 или 1/8 фунта.

Около 3 часовъ пополудни, одинъ фрегатъ повелъ на буксирѣ десятка два лодокъ къ Массандрскому парку, и высадилъ болѣе 200 вооруженныхъ солдатъ, которые вскорѣ возвратились, взбѣшенные напраснымъ трудомъ. „И было отчего взбѣситься: вмѣсто 600 коровъ нашли тамъ 600 даніелекъ, въ родѣ дикихъ козъ. Какой-то татаринъ тихонько сказалъ переводчику: въ паркѣ Воронцова 600 сыгынъ, а тотъ передалъ адмиралу 600 сыгырь. Сыгынъ значитъ олень, сыгырь корова. Сначала къ татарамъ они были внимательны, ходили съ ними подъ руки и старались склонить ихъ на свою сторону; но вскорѣ начали обращаться съ ними наравнѣ съ прочими жителями Ялты: собравъ, будто бы для перевозки только добычи, нѣсколько татарскихъ воловьихъ маджаръ, друзья луны предпочли не изнурять скота, отпрягли воловъ, перевезли ихъ на корабли и въ вознагражденіе дали хозяевамъ по 15 р. сер. Вечеромъ въ этотъ день сняли пикеты и часовыхъ, переѣхали на корабли, а въ 9 часовъ снялись съ якорей и изчезли.

Я указалъ на подвиги англо французовъ въ отношеніи

къ обѣщанной неприкосновенности частной собственности: теперь остается сказать, что значитъ, въ англо-француз скомъ смыслѣ, условленная цѣна, по которой они должны были покупать необходимую провизію:

1) Въ городѣ истреблена вся птица, и только одному хозяину, за 45 гусей и 49 утокъ, дали 5 франковую монету (1 р. 25 к. с.).

2) Городскаго скота взяли до 30 коровъ, и заплатили тремъ хозяевамъ 45 руб.

3) За массандрскій скотъ, каменный уголь (слишкомъ 2,500 пуд.), ясеневыя и дубовыя доски, взятыя въ магазинѣ князя Воронцова, за вино графа Потоцкаго, до 500 ведеръ, заплатили свободою эконома и винодѣла. Послѣднему на дорогу подарили палочку шоколада въ золоченой бумажкѣ. За 15 ведеръ стараго вина у князя Дондукова 1847 года дали 10 франковъ (2 р. 50 к.).

4) За приготовленный для дома княгини Гагариной лѣсъ, стоившій слишкомъ 150 р. сер., давали 22 р.

5) Въ лавкахъ и магазинахъ брали что хотѣли, и платили что вздумали: такъ, 11 арш. фланели оцѣнили въ 10 франковъ (2 р. 50 к.), пудъ мыла въ 2 франка (50 к. с.), мѣшокъ крупчатки 2 р. сер.; не говорю о томъ, что изъ 28-ми мѣшковъ взятыхъ заплатили только за два мѣшка.

Кто требовалъ больше денегъ, или товаръ обратно, тому приставляли къ груди штыкъ или пистолетъ, или обнажали сабли; сверхъ того, одинъ торгуетъ, а другіе берутъ даромъ. Тяжело вычислять всѣ мелочи, да и боюсь надоѣсть подробнымъ описаніемъ коммерческой дѣятельности, бывшей въ Ялтѣ въ эти четыре дня. Многіе скажутъ, что офицеры останавливали грабителей и защищали жителей отъ насилія. Это правда: они оказывали защиту, но только тѣмъ, которые жаловались на грабежъ. Этою защитою, впрочемъ, никто не могъ воспользоваться, потому что никто не могъ указать нумера обидчика, а если указывали, напримѣръ, № 37, имъ отвѣчали, что и у французовъ, и у англичанъ есть № 37; гдѣ же не было жалобъ, тамъ хладнокровно смотрѣли на дѣйствія солдатъ. Вотъ вамъ подвиги англо-французовъ, прогостившихъ въ

Ялтѣ 22-го и 23-го сентября и пришедшихъ съ запада просвѣщать сѣверныхъ варваровъ!

Г. Ялта, 12-го декабря 1854 года.

Житель г. Ялты Зеленкевичъ.

P. S. Я забылъ упомянуть о нашествіи ихъ на греческую деревню Аутку, гдѣ, по бѣдности жителей, они не могли отличиться. Здѣсь они посѣтили карантиннаго врача; выпили у него вино, и приглашали его пріѣхать къ нимъ въ гости, *черезъ восемь дней въ Севастополь*... Теперь прошло уже слишкомъ восемьдесятъ; видно, тамъ отъ холода не созрѣлъ виноградъ!

II.

Рига 25-го октября. Въ «Rigasche Zeitung» пишутъ: «Мы сейчасъ получили изъ Ялты слѣдующее письмо:

Ялта 28-го сентября 1854 года. «Прочитавъ въ разныхъ газетахъ разсказы о геройскихъ подвигахъ французовъ и англичанъ въ нашемъ мирномъ Балтійскомъ морѣ, долженъ я, къ сожалѣнію, сообщить моимъ любезнымъ лифляндцамъ о такихъ же грабительскихъ сценахъ и въ Черномъ морѣ, которыхъ я самъ былъ очевидцемъ.

«22-го сентября, въ половинѣ шестаго по утру, усмотрѣно было значительное число большихъ кораблей, идущихъ отъ Севастополя и держащихъ курсъ къ Ялтѣ, куда они и прибыли въ 8 часовъ. Это были 3 двухъ-дечные корабля со 140 пушками, 4 французскіе и 3 англійскіе парохода-фрегата, всѣ винтовые. Всѣ жители нашего беззащитнаго города бѣжали; немногіе, у которыхъ не достало средствъ или времени, были принуждены покориться судьбѣ и ждать дальнѣйшихъ событій. Когда эти 10 кораблей бросили якорь у Ялты, множество большихъ и малыхъ гребныхъ судовъ подошли къ берегу. На одномъ изъ нихъ былъ французскій адмиралъ (я потомъ узналъ, что фамилія его *Жарме*, Jarmer). Онъ велѣлъ прочесть прокламацію, въ которой было сказано: «жители могутъ спокойно оставаться въ своихъ домахъ и квартирахъ. Фран-

цузы пришли только для закупки съѣстныхъ припасовъ на наличныя деньги, и никому не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда». Послѣ сего адмиралъ отправился обратно на свой корабль. Немедленно по прочтеніи прокламаціи, непріятели заняли всѣ выходы изъ города, и ясно выказали все своё человѣколюбіе.

«Главное вниманіе ихъ было, по-видимому, направлено на рогатый скотъ. Гдѣ только видѣли они скотину, тотчасъ же забирали ее, принуждая хозяевъ продавать по цѣнѣ, назначаемой самими покупщиками. Такъ, напримѣръ, за быковъ, за коровъ платили по 5-ти франковой монетѣ (1 р. 25 коп. сер.), а если щедро, то по 20 франковъ (5 руб. сер.), и уже противъ этого не было никакихъ возраженій, иначе обнажались сабли. За 45 гусей и 30 утокъ заплачено было 5 франковъ 50 сант. (1 р. 38 коп. сер.). Кусокъ фланели, понравившійся одному англійскому офицеру, проданъ былъ насильно за 10 франк. ($2^1/_2$ руб. сер.). Матросы убивали саблями или камнями дворовыхъ птицъ, бродившихъ по улицамъ. Казенный хлѣбный магазинъ, въ которомъ было до 600 четвертей хлѣба, былъ очищенъ, а съ почтоваго двора взяты были почтовыя тележки, конская сбруя, сѣдла и пр., и свезены на суда. Каждый выбиралъ себѣ любое и отвозилъ на корабль. Амбаръ графа Потоцкаго, въ которомъ было нѣсколько сотъ ведеръ вина въ бочкахъ и бутылкахъ, былъ очищенъ: непріятели принудили прикащика тщательно уложить бутылки въ ящики. Въ другомъ амбарѣ, князя Воронцова, нашли большую партію каменнаго угля, и захватили его. У жителей, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, *покупали* сапоги, рубахи, платье и пр., и платили за эти вещи или обнаженною саблею, или пистолетомъ, приставленнымъ къ груди. Окна и двери были выломаны, и осмотрѣны домы всѣхъ бѣжавшихъ, причемъ, разумѣется, ничего не осталось въ цѣлости.

Эти завоевательныя сцены продолжались и на другой день. Непріятели отправились въ православную церковь, и, не найдя въ скорости священника, грозили выломать дверь. По прибытіи священника, они удовольствовались вскры-

тіемъ церковныхъ кружекъ и присвоеніемъ себѣ денегъ, а также взяли образа, висѣвшіе надъ кружками. Отворивъ двери церкви, священникъ ввелъ ихъ: французы и англичане вошли въ храмъ, не снимая шапокъ. Священникъ, говорившій хорошо по-французски, замѣтилъ имъ это, и напомнилъ, гдѣ они находятся, прибавивъ, что если эта церковь не католическая и не реформатская, то одно названіе церкви равно стоитъ для христіанъ, и что они христіане, а не магометане. Рѣчь его смутила нашихъ любезныхъ непріятелей: они тотчасъ же сняли шапки. Но нѣкоторые изъ нихъ зарились на образа въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, и выражали желаніе взять ихъ. Священникъ, просьбами и представленіями, съ трудомъ удержалъ ихъ отъ исполненія этого намѣренія. Наконецъ оставили они церковь, и ее вновь заперли. Однако же на другое утро оказалось, что церковная дверь взломана; я не могъ узнать, что было похищено.

«Послѣ этого 200 человѣкъ произвели разбойничій набѣгъ на Массандру (помѣстье князя Воронцова). Другая такая же партія пошла къ Ливадіи (имѣніе графа Потоцкаго). Прибывъ въ Массандру, взломали они запасные магазины и нашли тамъ до 120-ти головъ сахару, вина и пр.; все было взято. Потомъ потребовали рогатаго скота, и когда имъ сказали, что скотъ, принадлежащій къ мызѣ, бѣжалъ въ горы (нѣсколько коровъ и 2 быка), и нельзя его поймать, они очень дурно обошлись съ писаремъ и взяли его въ плѣнъ. Но прежде того принудили его приказать своимъ людямъ отыскать скотъ. До вечера былъ онъ въ плѣну на кораблѣ, и не прежде получилъ свободу, какъ пригналъ до 20 головъ скота.

«Въ Ливадіи потребовали они вина, скота и живности. Скота и живности не оказалось: они удовольствовались виномъ (около 120—160 ведеръ). Геройскіе подвиги ихъ были произведены на пространствѣ 4 верстъ; оставалось еще много другихъ помѣстій, которыхъ они не успѣли посѣтить.

«Ужасно было смотрѣть на эти сцены грабежа и разрушенія. Почти ни въ одномъ домѣ не осталось ни дверей,

ни оконъ. И дѣти, и взрослые бѣгали по улицамъ рыдая: непріятели забрали все что нашли, не смотря на то, кому принадлежитъ имущество, и какъ велика его цѣнность. Уѣздный стряпчій подвергся одинаковой участи съ прочими жителями города. Непріятели вошли къ нему въ домъ, осмотрѣли его вездѣ, забрали рубашки, платье, шубы, словомъ, все что у него было. Потомъ, поймавъ на дворѣ нѣсколько птицъ, убили ихъ саблями, ощипавъ и очистивъ, сжарили на огнѣ, разведенномъ изъ судебныхъ бумагъ, за неимѣніемъ дровъ.

«Одного странствующаго художника, который, на бѣду свою, ѣхалъ вдоль морскаго берега верхомъ въ городъ, непріятели задержали, принудили сойти и взяли лошадь на корабль. Въ самой Ялтѣ, въ имѣніи графа Мордвинова, управитель онаго, французъ, угощалъ своихъ земляковъ сколько могъ, и исполнялъ всѣ ихъ требованія. Пропировавъ полторы сутокъ, они доказали ему свою благодарность, отнявъ у него все имущество и продержавъ два дня въ плѣну на кораблѣ; послѣ того освободили его, и онъ поспѣшно бѣжалъ въ Судакъ. Я встрѣтилъ его на дорогѣ изъ Ялты въ Никиту; онъ разсказывалъ мнѣ со слезами эту сцену, и описывалъ какъ своихъ соотечественниковъ, такъ и англичанъ, самыми черными красками.

«Слава Богу, что это неожиданное посѣщеніе прошло безъ особыхъ преступленій! Да избавитъ насъ Богъ отъ другаго подобнаго набѣга (1)!»

III.

Корреспондентъ газеты «Chronicle» такимъ образомъ описываетъ экспедицію союзниковъ къ Ялтѣ: «По предложенію французскихъ генераловъ, сообщенному британскому главнокомандующему, 2-го октября отправлена была къ небольшому городку Ялтѣ соединенная экспедиція, состоя-

(1) „Сѣв. Пч.“ 1854 г. № 254. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г. № 252. «Московскія Вѣдомости» № 136.

щая изъ французскихъ линейныхъ кораблей «Napoléon», «Pomona» и «Megère» и англійскихъ кораблей «Sanspareil», «Tribune» и «Vesuvius». Цѣль этой экспедиціи заключалась въ томъ, чтобъ захватить для французскихъ войскъ нѣсколько быковъ и другихъ необходимыхъ предметовъ, въ томъ числѣ вина. Экспедиція прибыла къ мѣсту своего назначенія 4-го числа, часовъ въ девять утра, не встрѣтила никакого сопротивленія, высадила отрядъ морскихъ солдатъ и стрѣлковъ и завладѣла городомъ. Англичане заняли правую сторону, а союзники ихъ лѣвую. Первые помѣстились на плоскомъ возвышеніи, господствующемъ надъ входомъ въ городъ и надъ самимъ городомъ, а французы выслали небольшой отрядъ на дорогу для развѣдокъ и проч. Всѣ казенныя имущества были заблаговременно вывезены русскими изъ города и должностныя лица удалились. Ни вина, ни быковъ не найдено и такимъ образомъ экспедиція не удалась. Въ 8 часовъ пополудни отряды посажены на суда, а поутру 5-го снова перевезены на берегъ. Нѣсколько времени шли они во внутрь страны, не встрѣчая предметовъ, которыхъ отыскивали. Наконецъ они достигли до небольшаго загороднаго дома князя *Воронцова*, гдѣ сложили оружіе и сдѣлали привалъ. Страна, черезъ которую проходили отряды, отличалась повсюду превосходной обработкой полей. Едва ли можно найти болѣе прелестную и разнообразную мѣстность! Поля покрыты табакомъ и виноградниками; яблони и орѣшники до того обременены плодами, что сучья гнутся до земли. Домъ расположенъ посреди самой живописной мѣстности; сады отдѣланы на англійскій манеръ. Лѣсъ, простирающійся до самаго берега, наполненъ множествомъ оленей; въ немъ повсюду аллеи; всѣмъ извѣстная щедрость владѣльца простиралась даже до того, что устроенъ небольшой госпиталь на 8 кроватей, снабженный всѣмъ нужнымъ медицинскимъ устройствомъ. Помѣстье это не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ помѣстьемъ князя *Воронцова*—Алупкой. Это, повидимому, загородный охотничій домъ, рѣдко посѣщаемый, но устроенный съ необыкновеннымъ вкусомъ и роскошью. Нѣсколько англійскихъ и морскихъ солдатъ поставлены были

въ домъ, чтобъ воспрепятствовать грабежу и разрушенію, но, не смотря на это, сильно пострадали амбары, которые были взломаны и кругомъ обшарены нашими союзниками. Послѣ полудня войска возвратились въ городъ, и видя, что всѣ старанія достать вина или быковъ тщетны, въ 8 часовъ вечера пересѣли на суда, и корабли возвратились къ своимъ стоянкамъ» ([1]).

IV.

Въ «Journal de Saint-Pétersbourg» напечатано:

«Мы получили изъ Москвы, отъ 25-го ноября (ст. ст), письмо на англійскомъ языкѣ, съ означеніемъ имени и мѣста жительства автора. Сообщаемъ переводъ этого письма:

«М. г. Я читалъ въ «Galignani's» (Messenger), отъ 25-го октября (нов. ст.), статью, содержащую въ себѣ самыя лживыя извѣстія о Крымѣ и князѣ *Воронцовѣ*. Такъ какъ этой ложью стараются увѣрить западную Европу, что въ Россіи нѣтъ ни правосудія, ни общественнаго порядка, и что, перейдя подъ владычество этой державы, провинціи сіи подверглись грубому тиранству русскаго правительства, то я почелъ приличнымъ адресовать къ издателю этого журнала письмо, которое при семъ прилагаю. Онъ напечаталъ отрывокъ изъ него, какъ вы можете убѣдиться, взглянувъ на нумеръ «Galignani's» (Messenger) отъ 24-го сего мѣсяца (нов. ст.), но заблагоразсудилъ выпустить изъ него большую часть, касающуюся до поведенія союзниковъ. Въ такихъ обстоятельствахъ прошу васъ, м. г., отдать справедливость мнѣ, какъ и Россіи, напечатавъ все письмо мое въ вашемъ уважаемомъ журналѣ, съ подписью заглавныхъ буквъ моего имени и означеніемъ моего адреса. Имѣю честь быть, и проч.

Москва, на Трехъ-Холмахъ, въ домѣ Прохорова.

Англійскій подданный Дж. Т. Б.

([1]) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 238.

М. г. Я прочелъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, въ вашемъ журналѣ отъ 25-го октября, статью, въ которой увѣряютъ, будто бы въ одномъ помѣстьѣ, въ Крыму, именно въ Массандрѣ, принадлежащемъ князю *Воронцову*, владѣлецъ приказалъ умертвить всѣхъ татаръ, которые находились тамъ безъ позволенія. Надъ подобнымъ утвержденіемъ можно было посмѣяться, если бы въ западной Европѣ не распространяли тысячи другихъ, не менѣе баснословныхъ, о той же самой странѣ. Но, м. г., тѣ, которые имѣютъ честь знать князя *Воронцова*, знаютъ какъ-нельзя лучше, что это добрѣйшій (Kindest hearted) и самый любезный человѣкъ въ мірѣ, что онъ никогда не могъ дать подобное приказаніе, которое, смѣю сказать, не могло даже присниться ему; никто не могъ рѣшиться на подобный поступокъ въ надеждѣ на его поддержку, и если бы вслѣдствіе подобнаго приказанія, совершено было убійство, то князь *Воронцовъ*, или виновникъ этого преступленія, подвергся бы всей строгости законовъ, точно такъ же, какъ если бы это преступленіе было совершено во Франціи или Англіи. Притомъ факты вполнѣ противоположны этому, потому что татаринъ, который безъ позволенія зашелъ бы въ это помѣстье, не потерпѣлъ бы ничего, кромѣ приказанія удалиться, точно такъ же, какъ съ нимъ поступили бы въ другой странѣ.

«Въ той же статьѣ сказано, что татары кажутся племенемъ униженнымъ, убитымъ, «до чего они доведены тиранствомъ и желѣзнымъ управленіемъ своихъ московитскихъ властителей», или что-то подобное. Я долго жилъ въ Крыму, м. г., хорошо знаю и его, и татаръ, и справедливость заставляетъ меня рѣшительно опровергнуть подобное увѣреніе; я не обинуясь утверждаю, что татары ни при одномъ изъ своихъ хановъ не пользовались такою высокою степенью политической свободы, какъ при русскомъ правительствѣ; это фактъ несомнѣнный, который можетъ засвидѣтельствовать всякій джентльменъ, знакомый съ дѣломъ. Но, м. г., дѣло въ томъ, что татары народъ не предусмотрительный, безпечный, лѣнивый; русскіе старались внушить имъ наклонность къ занятію торговлею и

земледѣліемъ; но какъ неоднократныя ихъ усилія всегда оставались тщетными, то они принуждены были предоставить татаръ ихъ привычкамъ, которыя состоятъ въ томъ, что они живутъ по своимъ деревнямъ въ сонливой бездѣйственности, выказывая при всякомъ случаѣ свое отвращеніе отъ какой бы то ни было работы, если только не принуждены къ тому крайнею необходимостію. Однимъ словомъ, они сидятъ по турецки, съ трубкою въ рукахъ, и толкуютъ между собою: въ этомъ всѣ ихъ занятія и удовольствіе. У нихъ свои собственные муллы и начальники деревень, которые и завѣдуютъ ихъ внутреннимъ управленіемъ; и если только они не совершили какого нибудь преступленія, не нарушили уголовныхъ законовъ, то русское правительство никогда не вмѣшивается въ ихъ дѣла.

«Говоря о Крымѣ, замѣчу мимоходомъ, что здѣсь сильно раздражены разнесшимся слухомъ, что буйные солдаты союзныхъ армій произвели, безъ всякой причины, множество опустошеній (much wanton devastation) на южномъ берегу этого полуострова. Въ западной Европѣ мы хвастаемся цивилизаціею, до которой будто бы не дошли даже и высшіе классы русскихъ подданныхъ. Поэтому англо-французы обязаны были подавать примѣръ этой цивилизаціи, о которой мы такъ громко разглагольствуемъ. Сверхъ того, долгъ охранять такія восхитительныя мѣста, какъ Ливадія, Оріанда и Алупка, былъ еще вдесятеро обязательнѣе для англійскихъ офицеровъ и солдатъ, по той причинѣ, что весьма многіе изъ ихъ соотечественниковъ, въ томъ числѣ и я, наслаждались гостепріимствомъ и привѣтливостію благородныхъ и знатныхъ владѣльцевъ этихъ замковъ; всѣ тѣ, которымъ случалось бывать въ этихъ прекрасныхъ мѣстахъ и наслаждаться тамошними удовольствіями, не могутъ не сожалѣть глубоко о томъ, что буйныхъ солдатъ допустили опустошать прекрасныя мѣста, которыя должны бы приводить въ восторгъ любителей природы въ ея самыхъ возвышенныхъ и самыхъ привлекательныхъ формахъ.

«Въ статьѣ вашего журнала, о которой я говорю, прибавляютъ, что трудно предупредить подобное мародерство

между солдатами. Однакожъ герцогъ *Веллингтонъ* тотчасъ прекратилъ подобные поступки на полуостровѣ (Иберійскомъ), и я имѣю право думать, что нѣсколько сообщеній между главнокомандующими союзными арміями въ Крыму и ихъ военными полиціймейстерами (provostmarshals) вскорѣ прекратили бы подобное поведеніе, которое, не содѣйствуя цѣли войны, наноситъ обѣимъ націямъ сильное безчестіе» (1).

V.

ПИСЬМО ВЕТЕРАНА 1812 ГОДА О ДѢЙСТВІЯХЪ СОЮЗНИКОВЪ.

Въ «Journal de Francfort» напечатано слѣдующее письмо одного изъ подписчиковъ этой газеты, изъ Москвы, отъ 20-го ноября. «Г. редакторъ, я еще разъ обращаюсь къ вашему безпристрастію съ просьбою помѣстить въ столбцахъ вашей газеты энергическій протестъ противъ образа дѣйствій союзныхъ армій въ нынѣшнюю войну, протестъ, къ которому приступятъ, безъ сомнѣнія, всѣ благомыслящіе люди».

«Едва только англо-французы вышли на берегъ въ Крыму, какъ первою заботою ихъ было стараться возмутить татарское населеніе, которое пользуется, подъ скипетромъ нашихъ монарховъ, благосостояніемъ, ему дотолѣ невѣдомымъ. Что могло возникнуть отъ этихъ попытокъ возбужденія? Только то, что неблагоразумные и легкомысленные, которые соблазнились коварными словами людей, разсчитывавшихъ на возстаніе цѣлаго населенія, навлекли на себя всю строгость военныхъ законовъ. Когда такъ мало уважаютъ общественный порядокъ въ странѣ, въ которую вторгаются, то отъ этого недалеко и до святотатства. Число церквей греко-россійскаго православнаго исповѣданія, находившихся на пути союзныхъ армій, къ счастью не велико; но тамъ, гдѣ наши непріятели встрѣчали ихъ, они завладѣвали всѣми священными предметами, имѣвши-

---

(1) „Спб. Вѣд.“ 1854 г. № 271.

ми какую-либо цѣнность. Сосуды, дискосы, даже святыя плащаницы, предметы, выставляемые на поклоненіе православнымъ во время богослуженій въ пятницы и субботы на Страстной недѣлѣ, однимъ словомъ все, что только есть самаго святаго и уважаемаго въ предметахъ греко-россійскаго исповѣданія, все послужило къ удовлетворенію святотатственнаго хищничества людей, называющихъ себя христіанами. Турки въ этомъ отношеніи не заходили такъ далеко, какъ ихъ христіанскіе союзники.

«Англо-французы высаживаются въ Ялтѣ, небольшомъ городѣ, на такъ-называемомъ южномъ берегу Крыма. Начальники тотчасъ провозглашаютъ уваженіе къ собственности, и вслѣдъ за тѣмъ великолѣпная вилла графа Льва *Потоцкаго*, расположенная на разстояніи около полуторы мили отъ Ялты, предается разграбленію. Завладѣваютъ библіотекой, хрусталемъ и всей мебелью этой прелестной дачи; погреба опоражниваются до послѣдней бутылки вина; однимъ словомъ это помѣстье совершенно раззорено. Съ противоположной стороны Ялты, прекрасная дача, принадлежащая князю *Воронцову*, Массандра, подверглась той же участи; и тамъ происходили тѣ же сцены опустошенія и грабежа; къ счастью, опасеніе слишкомъ удалиться отъ своихъ кораблей и потерять, такимъ образомъ, плодъ своего грабежа, принудило господъ англо-французовъ поскорѣе убраться, а не то намъ было бы еще хуже».

Французскіе журналы утверждали, что, во время этой высадки, союзники платили чистыми деньгами за все, что брали; вотъ, что есть справедливаго въ этомъ увѣреніи. Въ одной татарской деревнѣ, находящейся близъ Ялты и посѣщенной ими, они дѣйствительно назначили цѣну за извѣстные припасы, которые имъ нравились. Но когда владѣлецъ дѣлалъ возраженія на счетъ маловажности цѣны, то у него отнимали припасы, не заплативъ за нихъ ни копейки. Военные вторгаются въ ялтскую церковь, съ фуражками на головахъ. Священникъ, единственный житель города не обратившійся въ бѣгство, видя такую непочтительность, проситъ ихъ снять фуражки, изъ уваженія къ дому Господню. Они исполняютъ, правда, это требованіе,

но уносятъ съ собою кружку, въ которой содержались дары православныхъ. Если мы присоединимъ къ этой картинѣ все, что происходило прошлымъ лѣтомъ, въ сѣверныхъ моряхъ, грабежъ, святотатство и даже похищенія людей, на союзныхъ корабляхъ, послѣ взятія Аланда ([1]) въ глазахъ и съ вѣдома начальниковъ, то, право, нельзя не спросить, принадлежатъ ли къ цивилизованнымъ націямъ военные, которые ведутъ себя такимъ образомъ. Я того мнѣнія, что, въ подобномъ случаѣ, крикъ негодованія, повторяемый всей Европой, долженъ раздаться теперь же, потому что — нечего себя обманывать — *война только еще начинается*, а общественная нравственность, равно какъ и достоинство правительствъ уважающихъ себя, требуютъ, чтобы подобныя злодѣянія бо ѣе не повторялись и были подавляемы негодованіемъ и отвращеніемъ, которое внушаютъ, гораздо болѣе, чѣмъ законами, почти всегда безсильными въ подобныхъ обстоятельствахъ, и особенно въ военное время.

«Пусть англійскіе министры, которые такъ поспѣшно превозносятъ на патріотическихъ банкетахъ высокія добродѣтели своихъ солдатъ, посреди восторженныхъ восклицаній гостей, потрудятся вникнуть въ сущность вещей, пусть изслѣдуютъ истину и послѣ того разскажутъ правдиво, что узнали; тогда эти самые гости — мы объ нихъ столь хорошаго мнѣнія, что въ этомъ увѣрены — замѣнятъ насмѣшливыми восклицаніями рукоплесканія, которыя исторгаются у ихъ довѣрчивости.

Примите и проч.

Ветеранъ 1812 года.

P. S. Вспомните, что въ одномъ изъ моихъ писемъ прошлаго лѣта, я вамъ предсказывалъ, г. редакторъ, что чѣмъ болѣе будутъ возбуждать враговъ противъ Россіи, тѣмъ болѣе удалятся отъ цѣли, которую провозглашаютъ—

([1]) На островѣ Аландѣ, всѣ взрослыя дѣвушки перевезены насильно на корабли, гдѣ провели шесть дней: нѣкоторые родители сошли отъ этого съума. Говорятъ, что на этотъ счетъ производится слѣдствіе, результатъ котораго будетъ обнародованъ.

мира. Къ 1-му будущаго апрѣля Россія вооружитъ двойную армію, потому что каждый полкъ будетъ состоять изъ 8 батальоновъ, въ томъ числѣ 4 дѣйствующихъ и 4 резервныхъ. Число полковъ не увеличено, но составъ ихъ удвоенъ. Si vis pacem para bellum. (Если хочешь мира, готовься къ войнѣ). Вотъ начало, которому должна слѣдовать Россія при всемъ томъ, что происходитъ (¹).

VI.

ЦИВИЛИЗОВАННЫЕ ВОИНЫ.

Письмо изъ Севастополя отъ 3-го ноября.

Къ намъ такъ поздно доходятъ газеты, особенно иностранныя, что «Journal des Débats» отъ $^{23}/_{11}$-го октября я получилъ только сегодня. Ну, мастерски лгутъ во Франціи, особенно офиціальныя газеты! Оно для насъ было бы неважно, еслибы эта газета, пользуясь старою своею славою, не имѣла нѣкоторой популярности въ Россіи, и, слѣдственно, не могла вводить въ заблужденіе и нашихъ соотечественниковъ. Въ упомянутомъ нумерѣ, подъ рубрикою Марсели $^{21}/_{9}$ октября, между прочимъ сказано:

«Союзная флотилія, состоящая изъ двухъ линейныхъ кораблей «Наполеонъ» и «Саппарель» и 6-ти фрегатовъ, сдѣлали 3 го октября (21-го сентября ст. ст.) высадку въ Ялтѣ. Наши моряки убѣдились, что магазиновъ съ продовольственными припасами, о которыхъ имъ говорили, не было тамъ; они посѣтили много великолѣпныхъ дачъ, не трогая ни чьей собственности, и платили за всѣ свои покупки respectant les propriétés et payant leurs achats».

Хотите ли теперь знать, какъ они щадили частную собственность? Послушайте сказанія очевидца, жителя Ливадіи, лучшей изъ дачъ южнаго берега Крыма, принадлежащей графу Л. С. Потоцкому. Вотъ что онъ пишетъ намъ отъ 1-го ноября: «Я уже вамъ писалъ о посѣщеніи Лива-

(¹). „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 285.

діи непріятелемъ. Это воры, а не военные, благородные люди. Хорошо, что мы имъ не довѣряли, и какъ бы по предчувствію все, что было получше, серебро, золотыя вещи, мраморы, вазы, античные бюсты, дорогія картины, сервизы и лампы уложили въ ящики и зарыли въ землѣ. Даже церковь (католическую часовню) мы убрали, оставивъ однѣ стѣны. Хорошо, говорю, мы сдѣлали. Когда явился непріятель изъ Ялты, онъ уже ничего почти не нашелъ. Только забралъ 500 ведеръ вина, книги изъ библіотеки, остатки макароновъ, старую посуду, которую мы нарочно уложили въ шкафахъ, мѣдные подсвѣчники, чайники аплике, рюмки, бокалы, стаканы и даже такія вещи, о которыхъ и писать не слѣдуетъ... а все спрашивали: гдѣ домашнее серебро? Но никто не измѣнилъ, даромъ что всѣ наши люди оставались въ имѣніи».

Быть можетъ, вы спросите: зачѣмъ въ Ливадіи убирали даже церковь?—непріятели вѣдь были христіане. Зачѣмъ?—а вотъ послушайте, что пишутъ съ аванпостовъ при Эвпаторіи (отъ 8 октября). «Здѣсь всѣ помѣщичьи селенія разграблены непріятелемъ (послѣ выхода у Эвпаторіи). Въ имѣніи же князя М. С. Воронцова Акъ-мечети [1]) не только разграблено все дочиста, скотъ и овцы угнаны, но и внутренность церкви расхищена, образа разбиты или изорваны, запрестольный образъ во многихъ мѣстахъ проколотъ. людей же отъ стараго до малаго избивали и подвергали всякаго рода оскорбленіямъ. И это дѣлали люди просвѣщенные «par excellence» — мнимые вожатаи западнаго образованія»... ([2])

А. С.

ЛОЖНОЕ ИЗВѢСТІЕ О ВЗЯТІИ СОЮЗНЫМИ ВОЙСКАМИ СЕВАСТОПОЛЯ.

Въ «Journal de St. Pétersbourg» напечатано: с.-петер-

([1]) Акмечетская бухта устроена и отлично обзаведена княземъ Воронцовымъ, которымъ тамъ даже построены на свой счетъ карантинныя, портовыя и таможенныя зданія.

([2]) „Одесскій Вѣстникъ" 1854 г. № 134.

бургская публика, при чтеніи газетъ, привезенныхъ двумя послѣдними иностранными почтами, не могла безъ удивленія видѣть содержащіяся въ нихъ извѣстія о побѣдахъ союзниковъ въ Крыму. Никогда, можетъ быть, не дѣйствовали такъ нагло на легковѣріе читателей газетъ. Пишутъ, что нашими войсками потеряны нѣсколько сраженій такого-то числа; Севастополь бомбардированъ, атакованъ и взятъ; флотъ истребленъ совершенно; гарнизонъ сдался: таковы блистательные трофеи, съ достовѣрностію торжественно провозглашенные нашими непріятелями! Извѣстія эти, безъ сомнѣнія, принесли пользу въ день ихъ обнародованія многимъ спекуляторамъ, ибо иногда бываетъ гораздо выгоднѣе взять Севастополь на биржѣ, нежели попытаться овладѣть имъ въ Крыму. Во всякомъ случаѣ первое гораздо легче. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, перепечатавъ слѣдующее письмо изъ Парижа, обнародованное въ одной бельгійской газетѣ: въ немъ описано весьма любопытнымъ образомъ впечатлѣніе, произведенное во Франціи этою великолѣпною мистификаціею.

Франція. Изъ Парижа, отъ 2-го октября, пишутъ въ бельгійской газетѣ: «Ничто не можетъ выразить нынѣшняго положенія Парижа. Дѣйствіе, произведенное вчерашними депешами, было огромное. Читатели вырывали другъ у друга изъ рукъ вечернія газеты. Въ два часа было продано 16,000 экземпляровъ журнала «la Presse». Сегодня поутру всѣ бросились за Монитеромъ, и крайне были разочарованы, найдя въ немъ только повтореніе этихъ частныхъ депешъ *безъ подтвержденія достовѣрности ихъ*, и болѣе ни слова. Нынѣшній день прошелъ въ невыразимомъ волненіи. Нѣкоторыя газеты, оговорками своими при обнародованіи этихъ телеграфическихъ депешъ, и въ особенности «Journal des Débats» своимъ толкованіемъ о дняхъ отправленія депешъ и о быстротѣ, съ какою совершилось это великое военное дѣйствіе, нѣсколько встревожили умы. Ежеминутно ожидали офиціальнаго сообщенія, но его еще не получено до сихъ поръ. Для публики взятіе города,

сдача гарнизона и флота остались событіемъ несомнѣннымъ, но люди благоразумные очень въ томъ сомнѣваются.

«Вотъ, съ моей стороны, всѣ свѣдѣнія, какія я могъ собрать: . . . .

«Въ пять часовъ вечера ни одна газета не получала новыхъ депешей. Турецкое посольство тоже ихъ не имѣло. Австрійское посольство утверждало, что ничего не знаетъ. Полуофиціальныя газеты осыпали министерство вопросами, и также не могли получить никакого подтвержденія. Въ «Pays» набирали и разбирали попеременно громогласную статью, которая въ теченіе дня была перемѣнена пять разъ, а къ вечеру перемѣнится, можетъ быть, еще столько же разъ. Электрическія депеши, отправляемыя изъ Парижа, были воспрещены правительствомъ, если въ нихъ *оффиціальнымъ образомъ* сообщали о взятіи Севастополя.

«Съ другой стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ разослало въ газеты ноту, въ которой объявляло, что не получало еще депешъ ни отъ одного изъ своихъ агентовъ, но что въ частныхъ депешахъ, полученныхъ сегодня, подтверждаются всѣ вчерашнія.

«Вотъ въ какомъ положеніи дѣла находятся сегодня ввечеру. Должно прибавить, что правительство, которое сегодня не допускаетъ слова *оффиціально*, само однако же объявило, при барабанномъ боѣ, это важное извѣстіе сентъ-денисскому, венсенскому и мецскому гарнизонамъ. Въ Сенъ-Клу, гдѣ ожидали императора, о сдачѣ Севастополя объявили при барабанномъ боѣ, по приказанію начальства. Жители были приглашены праздновать иллюминаціями торжество французской арміи. Ввечеру былъ наскоро составленъ въ паркѣ фейерверкъ.

«На биржѣ волненіе было чрезвычайное, и происходили жаркія пренія о достовѣрности извѣстій. Тамъ въ особенности господствовало лихорадочное нетерпѣніе въ ожиданіи оффиціальнаго извѣстія; но какъ это извѣстіе не являлось, то курсъ и не достигъ вполнѣ вчерашней цифры, и возвысился на одинъ франкъ. При закрытіи биржи, вслѣдствіе ли мистификаціи, или по заблужденію раздраженнаго воображенія, или, наконецъ, что также можетъ быть, вслѣд-

ствіе уловки, распространили слухъ, что съ инвалиднаго дома палятъ изъ пушекъ, и что на улицахъ прибиваютъ прокламацію правительства. Нѣсколько спекуляторовъ съ восторгомъ рукоплескали; другіе, осторожнѣйшіе, побѣжали къ биржевому коммисару, а онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. Начались толки о томъ, палятъ ли изъ пушекъ или нѣтъ. Одни ничего не слыхали, другіе утверждали, что слышали. Въ самомъ же дѣлѣ, пушки инвалиднаго дома безмолвствовали. Я забылъ сказать вамъ о восторгѣ одного биржеваго агента, который, размахивая тростью, вскричалъ съ важностью завоевателя: «Теперь на Рейнъ! и гибель Прусіи!» Вы видите, что успѣхъ дѣлаетъ воинственными и биржевыхъ людей»... [1])

Въ «Neue Preussische Zeitung» пишутъ изъ Парижа, отъ 6 октября: «Поговоримъ объ огромной мистификаціи, произведенной татариномъ и его вѣстью. Вы можете вообразить себѣ произведенное тѣмъ волненіе. Правительственныя газеты очень забавны: онѣ три дня сряду клялись, что Севастополь взятъ, и объявляли плохимъ патріотомъ всякаго, кто дозволялъ себѣ сомнѣваться въ этомъ отношеніи; а теперь съ самою простодушною наглостью увѣряютъ, что съ самаго начала почитали это извѣстіе невѣроятнымъ, и простираютъ свою дерзость до формальнаго осужденія публики за ея легковѣрность. Но публика не слушаетъ этого, и смѣется надъ несчастіемъ газетъ «Patrie», «Constitutionnel» и «Pays», которымъ остается только печальное утѣшеніе, что онѣ не однѣ попались въ эту сѣть, а вмѣстѣ съ ними *Ллойдъ* съ братіею. Объ этомъ не смѣются только въ предмѣстьяхъ. Жители ихъ пріуныли и, переходя отъ одной крайности въ другую, ожидаютъ гораздо большихъ потерь противъ тѣхъ, о которыхъ объявлено. Никогда, со времени декабрскихъ происшествій, не видалъ я на улицахъ предмѣстій столько народа, какъ вчера ввечеру. Увѣряютъ, что наше

---

[1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 219. Окончаніе статьи относится до раненія французскаго генерала Тома.

правительство предложило австрійскому произвести общее изслѣдованіе дѣла въ самомъ Константинополѣ. Здѣсь, кажется, вѣрятъ, что это была биржевая спекуляція въ большомъ размѣрѣ, а татаринъ былъ невиннымъ ея орудіемъ. Говорятъ, что Императоръ этимъ очень недоволенъ. Что же касается до провинцій, тамъ, вѣроятно, неудовольствіе будетъ еще сильнѣе, нежели въ столицѣ. Здѣсь, въ Парижѣ, по благоразумнымъ представленіямъ военнаго министра, воздержались, по крайней мѣрѣ, отъ оффиціальныхъ выраженій радости, а во многихъ департаментахъ были большіе парады, церковные торжества, банкеты и пр. Нансійскій префектъ-патріотъ возгласилъ даже въ прокламаціи: «наконецъ наши несчастія 1812 года отомщены благородно». Вчера взяли подъ стражу двухъ работниковъ, которые назвали одного полицейскаго агента *татариномъ*. Г. *Фульдъ* поручилъ было уже директору гипподрома поставить на сцену *взятіе Севастополя*» (1).

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа отъ 18 октября: биржа, извѣстная своими завоевательными фантазіями, потѣшалась сегодня извѣстіями о взятіи карантиннаго форта (въ Севастополѣ) и возвышеніемъ курса по случаю этого подвига, котораго честь до сихъ поръ принадлежитъ исключительно ей одной. Извѣстіе о взятіи въ расплохъ Севастополя, принятое за правду за нѣсколько дней передъ симъ, при всей своей невѣроятности, было по крайней мѣрѣ основано на многихъ депешахъ, единогласныхъ въ своемъ заблужденіи; но сегодня ни одна депеша, никакое извѣстіе не оправдываетъ слуха, давшаго движеніе публичнымъ фондамъ, и это вновь служитъ доказательствомъ, что средства къ счастливымъ спекуляціямъ на биржѣ (если они существуютъ) болѣе состоятъ въ искусствѣ изобрѣтать кстати небывалыя происшествія, нежели въ полученіи достовѣрныхъ извѣстій. Нынѣшній пуфъ тѣмъ непостижимѣе, что и въ полуофиціальныхъ обществахъ не скрываютъ необходимости вооружиться терпѣніемъ по во-

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 223.

сннымъ дѣйствіямъ, обращающимъ на себя всеобщее вниманіе (1).

Извѣстіе о небывалой побѣдѣ при Севастополѣ было здѣсь (въ Парижѣ) принято различно, смотря по партіямъ. Легитимисты упали духомъ, республиканцы не менѣе ихъ, хотя и по другимъ причинамъ; орлеанисты тоже съ неудовольствіемъ видятъ усиленіе новой наполеоновской славы; но какъ нѣтъ надежды на продолженіе династіи, то эта слава, въ существѣ, огорчаетъ ихъ очень мало.

Изъ Парижа, отъ 2-го октября, пишутъ въ «Neue Preussische Zeitung», что въ засѣданіи совѣта одинъ изъ министровъ (въ примѣчаніи называютъ военнаго министра маршала *Вальяна*) дозволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе на поспѣшность, съ какою Императоръ провозгласилъ въ лагерѣ знаменитый пуфъ о взятіи Севастополя и проч. Говорятъ, что префектъ полиціи обратилъ вниманіе правительства на возрастающее нетерпѣніе народа. «Сегодня, прибавляетъ корреспондентъ, подшучивали на биржѣ. Разсказывали, что татаринъ, привезшій извѣстныя депеши къ *Омеръ пашѣ*, былъ переодѣтый биржевой спекуляторъ (а можетъ быть и русскій агентъ) (2).

Парижъ 8-го октября. Легко представить себѣ, какое волненіе произвела въ Парижѣ колосальная мистификація турецкаго курьера. Забавны правительственныя газеты. Три дня онѣ увѣряли, что Севастополь взятъ, провозглашали дурными патріотами тѣхъ, которые сомнѣвались въ справедливости этого извѣстія, а теперь объявляютъ съ самымъ простодушнымъ безстыдствомъ, что съ самаго начала считали его невѣроятнымъ, и даже съ неслыханною дерзостію упрекаютъ публику въ легковѣріи! Но публика объ этомъ и слышать не хочетъ, а насмѣхается надъ неудачей газетъ, которымъ осталось только то утѣшеніе, что и газета *Ллойдъ* съ товарищами попала въ туже западню.

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 232.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 222.

Но въ предмѣстьяхъ люди не смѣются, а смотрятъ угрюмо и опасаются худшаго, чѣмъ-то, что объявлено. Говорятъ, что французское правительство предложило австрійскому нарядить общими силами слѣдствіе въ Константинополѣ; оно полагаетъ, что курьеръ былъ только невидимымъ орудіемъ громадной биржевой спекуляціи. Императоръ очень недоволенъ. Въ провинціяхъ всѣ еще болѣе упали духомъ, чѣмъ въ столицѣ. Въ Парижѣ не было, по крайней мѣрѣ, оффиціальныхъ демонстрацій, благодаря благоразумнымъ совѣтамъ военнаго министра, а во многихъ департаментахъ происходили парады, торжественные обѣды и проч. и префектъ въ Нанси воскликнулъ даже въ прокламаціи: «наконецъ заглажены пораженія наши въ 1812 году». Вчера взяли подъ стражу двухъ работниковъ, которые называли одного полицейскаго чиновника *турецкимъ курьеромъ*. Г. *Фульдъ* поручилъ-было директору ипподрома поставить насцену пьесу, подъ заглавіемъ: *взятіе Севастополя* (1).

Въ «Аугсбургской газетѣ» пишутъ изъ Парижа, отъ 6-го октября: Вѣнскій кабинетъ приглашенъ къ произведенію судебнаго слѣдствія объ источникахъ ложныхъ извѣстій о взятіи Севастополя. *Людовикъ Наполеонъ* былъ такъ твердо убѣжденъ въ справедливости этого извѣстія, что маршалъ *Вальянъ* съ большимъ трудомъ могъ убѣдить его не провозглашать мнимой побѣды пушечными выстрѣлами съ Инвалиднаго дома.

ДѢЛО СЪ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ СУДАМИ У ОЧАКОВА 22-го СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА.

I.

22-го сентября (4-го октября), въ 6 ч. утра, 4 непріятельскія паровыя судна, изъ коихъ 2 подъ англійскимъ,

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 220. Ср. съ помѣщенною на стр. 207.

а 2 подъ французскимъ флагами, приблизились къ Николаевской батареѣ, временно устроенной на Очаковскомъ мысѣ, для защиты входа въ Днѣпровскій лиманъ. Командующій отрядомъ, при Очаковѣ расположеннымъ, подполковникъ конной артиллеріи *Головачевъ*, принялъ немедленно мѣры къ отраженію непріятеля и встрѣтилъ его калеными ядрами изъ орудій батареи. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыла огонь и флотилія изъ 5-ти канонерскихъ лодокъ, стоявшая при Очаковѣ, подъ начальствомъ капитана 2-го ранга *Ендогурова*. Непріятельскіе пароходы, вооруженные значительнымъ числомъ орудій большихъ калибровъ, дѣйствовали на нашу батарею, въ продолженіе $3\frac{1}{2}$ часовъ, ядрами, бомбами и ракетами,—но значительнаго вреда ей не причинили; сами же, потерпѣвъ поврежденія, принуждены были одинъ за другимъ отойти изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Въ 10 часовъ утра все дѣло было кончено; прибрежные жители ясно видѣли, какъ потомъ пароходы подошли къ о. Березани и хоронили тамъ своихъ убитыхъ. Съ нашей стороны одинъ только рядовой раненъ и 4 нижнихъ чиновъ контужены.

Начальствующій очаковскимъ отрядомъ, подполковникъ *Головачевъ*, въ донесеніи своемъ, свидѣтельствуетъ о стойкости роты 6-го резервнаго баталіона Житомирскаго Егерскаго полка, находившейся при батареѣ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана *Терешова*, въ особенности же съ большою похвалою отзывается о хладнокровіи и мужествѣ прапорщика полевой артиллеріи *Крылова*, завѣдывавшаго батареею, а также о самоотверженіи благочиннаго очаковской церкви, священника Гавріила *Судковскаго*, который, добровольно прибывъ на батарею, съ крестомъ въ рукахъ, благословилъ ея защитниковъ, подъ непріятельскими выстрѣлами, и даже самъ помогалъ артиллеристамъ заряжать орудія (¹).

II.

Очаковъ. Сентября 22 го, въ 6 часовъ утра, англійскій

(¹) „Русск. Инвал." 1854 г. № 221.

28-ми-пушечный колесный пароходъ и 2 французскихъ: одинъ 16-ти-пушечный колесный, другой 12-ти-пушечный винтовой, подошли къ Николаевскому укрѣпленію, построенному на мысѣ идущемъ отъ Очакова при входѣ въ Днѣпровскій лиманъ. Пароходы стали на якорь по диспозиціи.

Въ 7 часовъ непріятельскія суда открыли канонаду ядрами и бомбами, по укрѣпленію и по канонерскимъ лодкамъ, расположеннымъ на фарватерѣ.

Начальникъ флотиліи, капитанъ 2-го ранга *Ендогуровъ*, приказалъ лодкамъ приблизиться къ непріятельскимъ пароходамъ и занять мѣста для выгоднѣйшаго дѣйствія по непріятельскимъ судамъ.—Лодки, расположившись по линіи, открыли огонь изъ 12-ти орудій.

Предполагая сражаться до послѣдней крайности, лодки примкнули къ мели, чтобы, въ случаѣ поврежденій, они могли, даже полузатонувши, продолжать сраженіе.

Не смотря на огромное разстояніе, наши ядра долетали до непріятеля, а жители Очакова утверждаютъ, что ядра съ лодокъ повредили: корму англійскаго парохода, бортъ французскаго парохода, кожухъ и бортъ винтоваго французскаго парохода. — Вскорѣ послѣдній пароходъ отошелъ и сталъ внѣ нашихъ выстрѣловъ; но мѣсто его занялъ прибывшій съ моря англійскій 16-ти пушечный пароходъ, который открылъ пальбу бомбами и ракетами; кажется, что этотъ пароходъ остался не безъ поврежденій.

Въ 10 часовъ пароходы, прекративъ пальбу, отошли сперва изъ подъ нашихъ выстрѣловъ, а потомъ и далѣе къ острову Березань.

Несмотря на большое число бомбъ, падавшихъ и разрывавшихся возлѣ лодокъ и чрезъ нихъ перелетавшихъ, ни убитыхъ, ни раненыхъ не оказалось, только лодка № 5-й получила подводную пробоину, а на прочихъ лодкахъ осколки бомбъ сдѣлали небольшія поврежденія.

Начальникъ флотиліи свидѣтельствуетъ о хладнокровіи и распорядительности командировъ лодокъ ([1]) и мужествѣ

([1]) Нумера лодокъ. Командиры лодокъ.

№ 1. 4 Флотскаго экипажа лейтенантъ баронъ Александръ Клабекъ.

нижнихъ чиновъ, въ точности исполнявшихъ приказанія начальства ([1]).

Извѣстіе изъ Очакова.

21-го сентября къ устью Днѣпровскаго лимана, въ теченіе дня, подошли, одинъ за другимъ, 3 непріятельскіе парохода и остановились на якорѣ. Въ слѣдующую ночь, въ 11 часу, часовой береговой цѣпи замѣтилъ подходившую къ очаковской батареѣ шестивесельную шлюпку: на окликъ часоваго отвѣта съ нея не было дано, почему онъ и сдѣлалъ по ней выстрѣлъ; съ шлюпки отвѣчали двумя выстрѣлами, и потомъ она удалилась къ сторонѣ, гдѣ стояли непріятельскіе пароходы; тогда изъ укрѣпленія сдѣланъ былъ по шлюпкѣ картечный выстрѣлъ и пущены три ядра, по-видимому не безъ успѣха, потому что на другой день найдено было на берегу три весла, изъ коихъ одно было пробито. Шлюпка подходила, вѣроятно, для дѣланія промѣровъ.—22-го сентября, въ 6 часовъ утра, означенные 3 парохода, снявшись съ якоря, приблизились къ Очакову и открыли огонь по укрѣпленіямъ; наша артиллерія отвѣчала изъ 4-хъ пушекъ, съ западной стороны Николаевской батареи, и съ стоявшихъ близъ укрѣпленія 5-ти канонерскихъ лодокъ. Мѣткіе выстрѣлы съ нашей стороны вскорѣ заставили непріятельскіе пароходы удалиться саженъ на 200; къ нимъ нѣсколько позже присоединился еще четвертый пароходъ, англійскій, и канонада продолжалась до 10 часовъ утра, когда непріятель первый прекратилъ огонь. Непріятельскою канонадою произведено нѣсколько незначительныхъ поврежденій въ береговомъ укрѣпленіи и въ казармѣ, ранено 2 и контужено 3 человѣка изъ артиллерійской прислуги; убитыхъ не было и въ

№ 2. 43 Флотскаго экипажа лейтенантъ Михайло Кумани.
— 3. 31 Флотскаго экипажа лейтенантъ Александръ Жеваховъ.
— 4. 43 Флотскаго экипажа лейтенантъ Илларіонъ Сарычевъ.
— 5. 45 Флотскаго экипажа лейтенантъ Егоръ Стамати-Михайли.

([1]) „Морск. Сборн." 1854 г. № 10.

городѣ Очаковѣ поврежденій не произошло. Дѣйствіемъ нашей артиллеріи сдѣлано нѣсколько пробоинъ въ одномъ изъ непріятельскихъ пароходовъ (изъ коихъ 2 были подъ французскимъ и 2 подъ англійскимъ флагомъ); объ убитыхъ и раненыхъ у непріятеля неизвѣстно, но полагаютъ, что были убитые, потому что въ слѣдующую ночь пароходы спускали шлюпки къ о. Березани и, по-видимому, погребали тамъ тѣла. Въ ночь съ 22-го на 23-е сентября одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ удалился въ море, а другіе 3 отошли къ Одессѣ.—По окончаніи перестрѣлки 22-го числа, въ 10 часовъ утра, совершено было у ретраншамента благодарственное молебствіе, къ которому прибылъ изъ Николаева г. генералъ-адъютантъ *Кнорришъ*, поспѣшившій выѣхать оттуда по первому извѣстію объ атакѣ. Въ укрѣпленіи начальствовалъ подполковникъ *Головачевъ*, бывшими въ дѣйствіи пушками управлялъ прапорщикъ *Крыловъ* (командовавшій батареею № 4 въ Одессѣ, 10-го и 11-го апрѣля), а канонерскими лодками командовалъ капитанъ 2-го ранга *Ендогуровъ*. Священникъ очаковской церкви *Гавріилъ Судковскій* прибылъ нарочно изъ города въ укрѣпленіе, въ началѣ боя, осѣнилъ молитвою сражавшихся и оставался тамъ во все время сраженія, воодушевляя и ободряя нижнихъ чиновъ; за нимъ слѣдовалъ и церковный староста, мѣщанинъ Григорій *Стацюра*; какъ онъ, такъ и мѣщанинъ *Галкинъ*, во время боя, подносили нижнимъ чинамъ принесенные ими съѣстные припасы (1).

Нѣсколько подробностей о дѣлѣ у Очакова 22-го сентября 1855 года

Небольшой отрядъ, состоявшій въ Очаковѣ, издали усматривая непріятеля, завидовалъ товарищамъ своимъ въ Крыму и особенно въ Севастополѣ. Непріятельскіе пароходы, являясь довольно часто въ виду Очакова, не подхо-

---

(1) „Одесск. Вѣстн." 1854 г. № 107.

дили на близкое разстояніе. Наконецъ давно желанная минута сразиться настала.

Но прежде описанія дѣла я замѣчу, что заштатный городокъ Очаковъ расположенъ на оконечности мыса, раздѣляющаго бассейнъ Днѣпровскаго лимана отъ водъ Чернаго моря, что этотъ городокъ имѣетъ десять каменныхъ зданій, каменную церковь, обращенную изъ мечети, и до сотни земляныхъ хижинъ. На острой низменной оконечности мыса стоитъ укрѣпленіе, орудія котораго, стрѣляя черезъ банкъ, могутъ свободно дѣйствовать и на лиманъ, и на море. У восточнаго берега мыса стоитъ флотилія.

Сентября 19-го мы увидѣли съ телеграфа 3 парохода, стоявшіе на якоряхъ въ 15-ти миляхъ къ югу отъ берега; 20-го числа пароходы оставались на томъ же мѣстѣ; но къ нимъ, отъ SW, въ 9 часовъ утра, прибылъ четвертый пароходъ, имѣвшій на буксирѣ русскій купеческій бригъ. Сентября 21-го утромъ непріятельскіе пароходы развели пары; 3 изъ нихъ, крейсеруя въ виду Очакова въ теченіе дня, вечеромъ стали на якорь, въ 4 миляхъ отъ входа въ лиманъ; и четвертый, зажегши купеческій бригъ, отправился къ W.

Свѣтлая лунная ночь дозволяла намъ слѣдить за дѣйствіями непріятеля. Въ 9 часовъ вечера часовой береговой цѣпи, замѣтивъ шлюпку на веслахъ, шедшую отъ Кинбурна къ зáмку, сдѣлалъ окликъ:—«Кто гребетъ?»—Нѣтъ отвѣта.

На ружейный выстрѣлъ часоваго послѣдовалъ выстрѣлъ со шлюпки, на который отвѣтили сперва картечью изъ крѣпостнаго орудія, а потомъ ядрами. На разсвѣтѣ принесенныя къ берегу три весла удостовѣрили въ вѣрности прицѣла орудій.

Сентября 22-го, въ 6 часовъ утра, пароходы, имѣя впереди шлюпку съ промѣромъ, медленно подвигались въ лиманъ и становились на якорь въ 600 саженяхъ отъ ближайшаго очаковскаго берега; въ то же время наши канонерскія лодки шли на веслахъ занять позицію у восточнаго берега мыса подлѣ зáмка.

По первому выстрѣлу англійскаго парохода, батарея

и лодки открыли огонь. Тутъ послѣдовала съ обѣихъ сторонъ учащенная пальба: непріятельскіе пароходы осыпали насъ градомъ бомбъ, ядеръ и конгревовыхъ ракетъ до 9 часовъ утра, когда 2 французскихъ парохода, получивъ поврежденія, отошли отъ позиціи, остановились въ разстояніи своего навѣснаго выстрѣла и открыли снова огонь. Потомъ четвертый паровой фрегатъ, подъ англійскимъ флагомъ, выйдя на позицію, занялъ мѣсто французскихъ. Бой закипѣлъ съ большею силою и продолжался до 10 часовъ, когда корма англійскаго фрегата получила нѣсколько пробоинъ, послѣ чего пароходы, поднявъ якоря, удалились. Напрасны были усилія непріятеля, видимо желавшаго сбить укрѣпленіе и свободно войти въ лиманъ, гдѣ стоялъ хорошій призъ—наша флотилія.

Въ единодушномъ отраженіи врага принимали добровольное участіе и частные люди:

Сосѣдніе городу помѣщики, отставные ротмистры Егоръ и Константинъ *Павловы*, явились во время канонады на батарею, гдѣ наводили орудія и подавали прислугѣ ядра; а священникъ Гавріилъ *Судковскій* все время съ крестомъ въ рукѣ ходилъ по укрѣпленію, благословлялъ людей и принималъ въ дѣлѣ личное участіе. А что за молодцы ребята наши подъ выстрѣлами: тяжело контуженный въ голову былъ облитъ водою, и когда пришелъ въ память, то, на вопросъ офицера:

— «Ну, что?»

Онъ отвѣчалъ: «оно ничево В. Б., да то плохо, что шинель пропала, а ей годъ еще дослуживать».

Убитыхъ съ нашей стороны не было; ранено 5 человѣкъ изъ прислуги у орудій; поврежденія незначительныя, хотя въ укрѣпленіи собрано тогда же до сотни ядеръ 96-ти фунтоваго калибра.

По окончаніи дѣла принесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ, за отраженіе врага и о дарованіи многолѣтія Государю Императору и всему Августѣйшему дому (1).

И. Макаровъ.

---

(1) „Морск. Сборн." 1854 г. № 11.

Высочайшая награда благочинному священнику очаковской соборной церкви Гавріилу Судковскому.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему донесенію г. оберъ-прокурора Святѣйшаго синода, въ 20-й день ноября 1854 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: благочиннаго священника очаковской соборной церкви Гавріила *Судковскаго*, согласно удостоенію святѣйшаго синода, наградить *золотымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ*, за похвальныя его дѣйствія при отраженіи, 22-го минувшаго сентября, непріятельскаго нападенія на Николаевскую батарею близъ г. Очакова (1).

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ КРЫМУ ВЪ ТЕЧЕНІИ СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА (2).

Санктпетербургъ, 25-го сентября. Генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* отъ 18 (30) сентября доноситъ Государю Императору, что, совершивъ свое фланговое движеніе отъ Севастополя къ Бакчисараю, онъ готовился, при первомъ благопріятномъ случаѣ, перейти въ наступленіе, но что союзники, избѣгая боя, оставили сѣверную сторону Севастополя и перешли на южную.

18-го числа, князь *Меншиковъ*, съ большею частію своихъ силъ, прибылъ къ сѣверному укрѣпленію и тамъ расположился, ожидая, чтобы намѣренія непріятеля обнаружились.

До 18-го же числа не было никакихъ дѣйствій.

Санктпетербургъ, 27-го сентября. По донесеніямъ, вновь полученнымъ отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, положеніе дѣлъ въ Крыму, до 21 сего сентября, не измѣнилось. Войска наши, занимая позицію между Инкерманомъ и Бельбекомъ, наблюдали за непріятелемъ, располо-

---

(1) „Одесск. Вѣстн." 1855 г. № 3.

(2) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 229. «Морской Сборникъ» 1854 г. № 10. «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 229.

женнымъ на пространствѣ между Черною рѣчкою, Балаклавою и Херсонесскимъ маякомъ. По вышеозначенное 21 число англо-французы ничего противъ города не предпринимали, и никакихъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ не происходило.

Сентябрь 1854 г. Журналъ военныхъ дѣйствій въ Крыму, только что полученный отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, заключаетъ въ себѣ слѣдующій перечень событій, происходившихъ тамъ съ 1-го сентября по 1-е октября.

1-го сентября, по первому извѣстію о появленіи многочисленнаго флота непріятельскаго въ виду мыса Лукулла, генералъ-адъютантъ князь *Меншиковъ* сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи на р. Альмѣ подвѣдомственныхъ ему войскъ. Пока войска эти стягивались съ разныхъ сторонъ полуострова къ избранной позиціи, значительныя союзныя силы, состоявшія изъ англійскихъ, французскихъ и турецкихъ войскъ, произвели 2-го сентября высадку у Соленыхъ озеръ, къ югу отъ Эвпаторіи, и, расположившись тутъ лагеремъ, ничего въ теченіе нѣсколькихъ дней не предпринимали.

Только 7-го сентября непріятель сдѣлалъ усиленную рекогносцировку къ р. Альмѣ. Противъ него высланы были 2-я бригада 17-й пѣхотной, 2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи и 9 сотенъ казаковъ, съ донскою конною батареею. Послѣ маловажной перестрѣлки, непріятель отступилъ къ р. Булганакъ, а наши передовыя войска, попрежнему, расположились на общей боевой позиціи за р. Альмою.

На другой день, 8-го сентября, непріятель всѣми своими силами атаковалъ эту позицію. Послѣ упорнаго боя, войска наши принуждены были уступить численному перевѣсу противника и отошли за р. Качу. Союзники почти не преслѣдовали ихъ, понеся въ сраженіи весьма значительный уронъ.

Чтобы дать нашимъ войскамъ оправиться и въ особенности пополнить заряды и запасы, князь *Меншиковъ*, 9-го числа, отвелъ ихъ, черезъ Инкерманскій мостъ, на южную

сторону Севастополя и оставался здѣсь въ теченіе трехъ дней. Въ это время непріятель передвинулся на Качу и Бельбекъ. Высланный, 11-го числа, на сѣверную сторону, авангардъ генералъ-лейтенанта *Кирьякова* встрѣтилъ значительныя силы союзниковъ, а потому отошелъ къ Инкерману.

12-го числа, князь *Меншиковъ*, видя, что непріятель можетъ стать на сообщенія его съ внутренностію Имперіи, рѣшился предупредить столь невыгодное послѣдствіе, и предпринялъ самое отважное и искусное движеніе. Оставивъ въ гарнизонѣ Севастополя только 8 резервныхъ бабатальоновъ и высаженныя съ флота морскія команды, онъ. съ большею частію своихъ силъ, всѣми обозами и паркомъ, выступилъ вечеромъ изъ города, перешелъ черезъ Черную рѣчку, поднялся на гору у Мекензіева хутора, и, слѣдуя всю ночь, благополучно дошелъ до р. Бельбека. Пробывъ сутки на этой рѣкѣ, у дер. Отаркой, князь *Меншиковъ*, 14-го числа, оставилъ тутъ авангардъ генералъ-маіора *Жабокрицкаго*, а съ главными силами продолжалъ движеніе до р. Качи и расположился въ 4-хъ верстахъ впереди Бакчисарая. Въ этомъ расположеніи онъ поджидалъ подвоза запасовъ изъ Симферополя и подкрѣпленій, слѣдовавшихъ какъ изъ Перекопа, такъ и съ генераломъ *Хомутовымъ* изъ Керчи. Съ прибытіемъ ихъ, князь *Меншиковъ* полагалъ непріятеля, стоявшаго на высотахъ передъ сѣвернымъ укрѣпленіемъ, атаковать во флангъ и тылъ.

Но въ то самое время, когда русскія войска совершали свое фланговое движеніе отъ Севастополя къ Бакчисараю, непріятель направился, фланговымъ же маршемъ, съ сѣверной стороны Севастопольской бухты на южную. 13-го числа, утромъ, передовыя англійскія войска, приблизившись къ Мекензіеву хутору, застигли тутъ неожиданно хвостъ русскихъ обозовъ и отбили нѣсколько отставшихъ парковыхъ повозокъ. Союзники продолжали движеніе по дорогѣ на Балаклаву, и, при содѣйствіи своего флота, заняли этотъ городокъ, не смотря на геройское, но тщетное сопротивленіе малочисленной команды балаклавскаго гре-

ческаго батальона. Получивъ, такимъ образомъ, новый опорный пунктъ на берегу моря. непріятельскія силы расположились на пространствѣ между Черной рѣчкой и Херсонескимъ мысомъ, начали укрѣплять Балаклаву, свозить съ кораблей осадную артиллерію и тяжести, а потомъ открыли траншейныя работы противъ южныхъ севастопольскихъ укрѣпленій.

Князь *Меншиковъ*, узнавъ о передвиженіи непріятеля, 16-го сентября прибылъ къ Бельбеку, а на другой день расположился съ главнымъ своимъ отрядомъ между этою рѣкою и Севастопольскою бухтою. занялъ спускъ къ Инкерману авангардомъ генералъ-маіора *Жабокрицкаго*. Часть войскъ введена была въ самый Севастополь для усиленія гарнизона его; всѣ мѣры приняты къ упорной защитѣ города; а для прегражденія непріятельскому флоту доступа въ бухту, при входѣ въ оную затоплено нѣсколько старыхъ судовъ.

Между тѣмъ ожидаемыя подкрѣпленія изъ Керчи и Перекопа постепенно присоединялись къ дѣйствующему отряду и дали возможность еще усилить гарнизонъ Севастополя. Сводная бригада резервной легкой кавалерійской дивизіи генералъ-лейтенанта *Рыжова* расположилась на Качѣ, для охраненія сообщенія отряда съ Симферополемъ; отъ нея же посланы легкіе отряды въ горы къ дер. Чоргуну, на р. Черной, и къ Байдарской долинѣ.

22-го числа, генералъ-маіоръ *Красновъ* былъ отправленъ на рекогносцировку къ Эвпаторіи, съ 8-ю сотнями донскихъ № 61-го и 67-го казачьихъ полковъ и доставилъ свѣдѣніе, что городъ этотъ приведенъ въ оборонительное положеніе, занятъ гарнизономъ изъ турокъ, арабовъ и 1,000 чел. англо-французскихъ войскъ, а съ моря прикрытъ эскадрою. Казаки, при этомъ поискѣ, отбили скотъ, пригнанный къ Эвпаторіи изъ окрестныхъ деревень для передачи на суда.

Съ другой стороны, легкій отрядъ генералъ-маіора *Тимофеева*, состоящій изъ 2-хъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, 2-хъ сотенъ казаковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ, направленъ былъ въ Байдарскую долину, съ тою

цѣлью, чтобы воспрепятствовать непріятелю забирать тамъ запасы, и въ особенности скотъ и фуражъ. Съ тѣхъ поръ союзники посылали за фуражемъ лишь малыя партіи къ Черной рѣчкѣ; но вскорѣ и здѣсь подступъ былъ имъ прегражденъ.

22-го же числа, часть англо-французскихъ войскъ, прибывъ къ Ялтѣ на 10 пароходахъ, вышла на берегъ, грабила болѣе сутокъ какъ городъ, такъ и окрестныя имѣнія, въ томъ числѣ Массандру и Ливадію, а 24-го числа, оставивъ эти опустошенныя мѣста, возвратилась къ Балаклавѣ.

Для обозрѣнія непріятельскаго расположенія между Севастополемъ и Балаклавою, 25-го числа выдвинута была къ Черной рѣчкѣ почти вся кавалерія наша, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта *Рыжова*. Съ разсвѣтомъ, 2-я бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи перешла черезъ рѣчку, поднялась на высоты лѣваго берега ея, отогнала стоявшіе здѣсь англійскіе аванпосты и благополучно возвратилась за Черную рѣчку. При этомъ поискѣ, лейбъ-гвардіи крымско-татарскій полуэскадронъ снялъ англійскій пикетъ гвардейскихъ драгунъ.

За тѣмъ большая часть кавалеріи, поступившей подъ общее начальство генералъ-лейтенанта *Рыжова*, для удобнѣйшаго довольствованія ея, отведена къ прежнему мѣсту на р. Качѣ, наблюдая однимъ полкомъ морской берегъ между Качею и Альмою. Сверхъ сего почти ежедневно отряжались небольшіе летучіе отряды для поисковъ въ тылу непріятеля со стороны Черной рѣчки и Байдарской долины.

Эти дѣйствія, угрожая сообщеніемъ непріятеля съ Балаклавою, отвлекали вниманіе его отъ осадныхъ работъ, предпринятыхъ противъ укрѣпленій севастопольскихъ съ южной стороны. Траншеи, заложенныя въ двухъ мѣстахъ, лѣвѣе французами, а правѣе—англичанами, но въ довольно дальнемъ разстояніи отъ нашихъ укрѣпленій, подвигались весьма медленно. Все, что въ теченіе ночи непріятель успѣвалъ устраивать съ помощію привезенныхъ имъ фашинъ и мѣшковъ съ землею, было утромъ разрушаемо мѣткими выстрѣлами крѣпостной нашей артиллеріи. Каж-

дую ночь высылаемые изъ города охотники и малые отряды тревожили противника въ траншеяхъ и наносили ему значительный вредъ.

28-го сентября, начальникъ авангарда, генералъ-маіоръ *Жабокрицкій*, замѣтивъ, что непріятель началъ строить батарею надъ Инкерманскимъ спускомъ, близъ каменоломни, расположилъ въ инкерманскихъ развалинахъ штуцерныхъ стрѣлковъ, которые мѣткими выстрѣлами немедленно принудили осаждающаго удалиться. Ночью и на другой день, нѣсколько разъ непріятель пытался возобновить эту работу, но каждый разъ былъ отгоняемъ удачнымъ дѣйствіемъ нашихъ штуцерныхъ и батарей.

Съ *24-го сентября* постепенно начали проходить черезъ Перекопъ части войскъ, посланныя на помощь въ Крымъ изъ Одессы и Бессарабіи. Резервная уланская дивизія, направленная отъ Перекопа къ Эвпаторіи, для наблюденія за находившимися тамъ непріятельскими войсками, приблизилась къ этому городу *30-го сентября*. Передовыя части ея, встрѣченныя толпами арабской и татарской конницы, послѣ незначительной перестрѣлки, вогнали ихъ въ городъ. Съ этого времени Эвпаторія совершенно обложена нашею кавалеріею съ сухаго пути, и непріятель лишенъ всякой возможности получать запасы изъ окрестныхъ татарскихъ селеній (1).

СТАТЬИ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЪ О ПОЛОЖЕНІИ И ДѢЙСТВІИ СОЮЗНИКОВЪ ПОДЪ СЕВАСТОПОЛЕМЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА.

Въ Мониторѣ пишутъ: маршалъ военный министръ получилъ отъ главнокомандующаго восточною арміею депеши отъ 3-го октября. Со времени занятія Балаклавы не произошло никакого новаго военнаго событія. Обѣ арміи стояли въ превосходной военной позиціи. Англійская армія получаетъ свои снаряды и припасы изъ Балаклавы, а фран-

(1) «Морск. Сборн.» 1854 г. № 10.

цузская изъ двухъ небольшихъ бухтъ къ сѣверу отъ Херсонесскаго мыса. По этой позиціи обѣихъ армій опредѣлено размѣщеніе ихъ передъ Севастополемъ: во время осады, французская армія будетъ производить атаки съ лѣвой стороны, отъ моря до южнаго форта, а англійская съ правой, отъ южнаго форта до развалинъ Инкермана. Наша (французская) армія раздѣлена на два корпуса. Первый, подъ начальствомъ генерала *Форе*, состоящій изъ 3-й и 4-й дивизій, будетъ производить осаду. Второй, подъ командою генерала *Боске*, изъ 1-й и 2-й дивизій, составитъ обсерваціонный корпусъ. Турецкая дивизія станетъ въ резервѣ, чтобы дѣйствовать по обстоятельствамъ. Англійская армія приняла такія же мѣры. Часть дивизій ея будетъ участвовать въ атакахъ противъ крѣпости. Остальная будетъ обсерваціоннымъ корпусомъ, въ связи съ корпусомъ генерала *Боске* (¹).

Въ «Chronicle» пишутъ изъ Крыма: «Холера свирѣпствуетъ въ нашей арміи злѣе, нежели прежде. Въ одномъ изъ двухъ балаклавскихъ госпиталей лежатъ 216 больныхъ. Умерли, сколько я знаю: полковникъ *Гоей*, капитанъ *Фрименъ*, поручикъ *Грантъ* и капелланъ *Морли*, о которомъ всѣ сожалѣютъ. Изъ солдатъ едва ли одинъ здоровъ совершенно. У кого нѣтъ ни поноса, ни лихорадки, тотъ страждетъ ревматизмомъ».—Вообще (сказано въ «Herald») англичане теряютъ много людей. Полковникъ *Бѣквитъ*, капитанъ *Коксъ* и многіе другіе офицеры сдѣлались жертвою эпидеміи» ¹).

Въ нынѣшнемъ нумерѣ «Times» вновь напечатаны длинныя письма восточныхъ корреспондентовъ сей газеты. Между прочимъ пишутъ изъ Балаклавы, отъ 21, 22 и 23 сентября (3, 4 и 5 октября): «Со времени высадки въ Крыму, потеряли мы столько же людей отъ холеры, сколько убито въ дѣлѣ при Альмѣ. Холера продолжается: мы ежедневно

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 232.
(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 234.

теряемъ по 25 человѣкъ изъ фронта, и силы наши значительно ослабли. Городъ Балаклава въ ужаснѣйшей нечистотѣ. Лордъ *Рагланъ* приказалъ очистить его, но нѣтъ никого ни для исполненія этого приказанія, ни для надсмотра за исполненіемъ».

«Сегодня (5-го) присланы большіе запасы снарядовъ. Говорятъ однако же, что нашъ запасъ бомбъ не весьма изобиленъ, и что мы могли бы имѣть безъ излишества нѣсколько больше ядеръ. До сихъ поръ не устроено еще траншей. Фашины и туры рѣдки; трудно найти земли для наполненія ихъ. Сегодня саперы начали вести линіи и проводить параллели. Нѣсколько 84-хъ-фунтовыхъ ядеръ попали сегодня въ лагерь 2-й дивизіи. Сообщаемъ еще нѣкоторыя выписки изъ «Times»: «Изъ Балаклавы пишутъ: сегодня прибылъ сюда пароходъ «Сити-офъ-Лондонъ» изъ Варны съ лошадьми для англійскаго штаба и привезъ непріятныя извѣстія. Транспортныя суда должны бороться съ сильными бурями. На «Варъ-Клудѣ» было 80 лошадей: изъ нихъ уцѣлѣли только 2. На «Вильсонъ-Кеннеди» погибло 100. Горькое извѣстіе. — Это потеря незагладимая» (1).

По письмамъ съ востока, напечатаннымъ въ англійскихъ газетахъ, невозможно разсчитывать на дѣятельное содѣйствіе флотовъ въ бомбардировкѣ Севастополя. Свойство береговъ дозволяетъ употреблять только весьма малое число судовъ вдругъ, и огонь съ нихъ не произведетъ достаточнаго дѣйствія, тогда какъ сухопутныя батареи могутъ имъ много вредить. Посему наши корабли, равно какъ и французскіе, высадили на берегъ часть своей тяжелой артиллеріи и экипажей.

Въ одномъ изъ писемъ въ «Times», изъ Балаклавы, сообщаютъ слѣдующія подробности:

«Мы должны были отправить всѣ наши военные снаряды моремъ, и кое-какъ выгрузить ихъ на берегъ. Послѣ выгрузки начались затрудненія для перевозки ихъ на тѣ

---

(1) „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 235. „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 233.

пункты, гдѣ они были нужны. Всѣ эти огромныя массы металла должно было тащить на рукахъ на разстояніи 8-ми миль (12 верстъ) съ помощію немногихъ лошадей, которыми мы могли располагать, по крутизнамъ и оврагамъ, по дурнымъ и испортившимся дорогамъ. Чтобъ дать понятіе о трудности этого дѣла, довольно сказать, что, въ день 10 октября, не менѣе 33-хъ лошадей, употреблявшихся для перевозки тяжестей, пали, или были въ такомъ истощеніи, что надобно было убить ихъ. Траншейныя работы встрѣчаютъ также чрезвычайныя препятствія; поверхность почвы окрѣпла, а подъ нею попадается камень, или громады камней волканической формаціи, которыхъ не могутъ пробить лучшіе инструменты. Это заставляетъ приносить землю въ корзинахъ издалека, чтобъ наполнять ею туры и мѣшки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя достать ее въ надлежащемъ количествѣ, чтобъ построить малѣйшій брустверъ.

«Кромѣ лошадей, погибшихъ на судахъ «Вильсонъ-Кеннеди» и «Симла», потеряно 50 на «Рипъ-фанъ-Винклѣ» и 70 на «Варъ-Клоудѣ»

«Вмѣсто того, чтобъ прислать въ Крымъ ветерановъ *Омеръ-паши*, турецкое правительство отправило къ намъ 8,000 новобранцевъ послѣдняго набора, взятыхъ изъ цирюльниковъ, портныхъ и мелочныхъ сидѣльцевъ. Эти 8,000 человѣкъ были высажены на берегъ безъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ, и со времени дѣла при Альмѣ, до 10-го октября, какъ увѣряютъ самымъ достовѣрнымъ образомъ, эти несчастные получили только по два сухаря на человѣка. Они питаются въ англійскомъ лагерѣ и подбираютъ объѣдки солдатской пищи».

Сообщаемъ нѣкоторыя извѣстія о состояніи арміи союзниковъ въ Крыму.

Въ «Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа отъ 30-го октября: «Съ сожалѣніемъ признаемся, что смертность въ англійскомъ лагерѣ очень велика. Говорятъ, что въ день умираетъ по 150 человѣкъ отъ эпидеміи и отъ лишеній всякаго рода. Во французскомъ лагерѣ, какъ кажется, уми-

раетъ гораздо меньше. Наши войска, бывшія въ Африкѣ, привыкли къ трудамъ и къ перемѣнамъ климата. Притомъ же и медицинское, и интендантское управленія у насъ лучше.—Англійское и французское правительства крайне озабочиваются продовольствіемъ своихъ армій. Посылаютъ двойное количество съѣстныхъ припасовъ, опасаясь, что бури могутъ прекратить подвозъ» (1).

Частный корреспондентъ газеты «Daily-News» сообщаетъ любопытныя подробности о внутреннемъ состояніи англійскаго и французскаго лагерей и о различіи дисциплины въ обѣихъ арміяхъ:

«Возвѣщено было (говоритъ корреспондентъ) о приближеніи значительнаго отряда русской арміи. Лордъ *Рагланъ* тотчасъ же оставилъ свою главную квартиру въ Балаклавѣ; французскій генералъ вышелъ изъ палатки, и оба генерала, съ своими адъютантами, въѣхали на возвышеніе, съ котораго могли обозрѣть окрестности. Бригада кавалеріи и дивизія легкой пѣхоты тотчасъ же вступили подъ ружье, а артиллерійская батарея получила приказаніе идти на непріятеля. Два часа спустя, генералы, адъютанты ихъ и разные отряды войскъ возвратились въ Балаклаву. Оказалось, что это была пустая тревога.

«Любопытно видѣть (продолжаетъ корреспондентъ), какъ мало французы заботятся о вступленіи въ бой. Должно было полагать, что русская армія получила подкрѣпленія, и что мы будемъ атакованы значительными силами. Французы продолжали стряпать свой обѣдъ, какъ прежде; они, кажется, и не воображали, что на нихъ могутъ напасть. И однако же, еслибъ ихъ потребовали въ дѣло, они были бы готовы такъ же скоро, какъ и мы. У насъ все идетъ иначе: прекратили всякую работу, свернули одѣяла, плащи, застегнулись съ головы до ногъ, и войска стали неподвижно, какъ статуи, въ ожиданіи приказанія идти впередъ.

«Эти фальшивыя тревоги и ложныя извѣстія происходятъ довольно часто и весьма утомляютъ солдатъ. Каждое

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 241.

утро съ разсвѣта вся дивизія стоитъ подъ ружьемъ, и до вечера продолжаются ученья, парады, движенія и передвиженія.

«Подступы къ городу довольно трудны; дорога, разумѣется, преузкая, наполнена солдатами, идущими въ провіянтскія депо и возвращающимися оттуда; на каждомъ шагу встрѣчаются они подъ тяжелыми ношами. Одни несутъ большіе куски соленой свинины или говядины, другіе тащатъ кулья сухарей, боченки рома, ящики съ чаемъ, мѣшки съ кофе и сахаромъ. Движеніе это безпрерывное. Берегитесь столкнуться съ тяжелыми пушками, которыя тащатъ изъ города; съ лошадьми, которыхъ ведутъ на водопой, съ телѣгами дровъ. Вы на каждомъ шагу сталкиваетесь съ генералами, офицерами, адъютантами, безпрерывно разъѣзжающими изъ города въ лагерь и изъ лагеря въ городъ.

«Ноша французскаго солдата тяжеле, нежели у англичанъ. У французовъ хорошіе мулы; на нихъ везутъ инструменты піонеровъ; на нашихъ грузъ слишкомъ тяжелъ.

«Французскій солдатъ несетъ на себѣ съѣстныхъ припасовъ на 6 дней. У англичанина не бываетъ болѣе какъ на 3. Припасы у французовъ уложены тщательнѣе, нежели у насъ».

Изъ Балаклавы, отъ 26-го сентября (8 октября), пишутъ въ «Standard», что цѣны на водку, на сигары, на сухіе овощи и на всѣ предметы европейской роскоши, считая въ томъ одѣяла и восковыя свѣчи, чрезвычайно высоки. За свѣчу платятъ по 2 шиллинга (60 к. с.), а за бутылку водки 17 шиллинговъ (5 р. 10 к. с.). Къ одѣяламъ нѣтъ приступу: за старое, истертое до нитокъ, заплачено было 2 фунт. 10 шиллинговъ (15 р. с.) [1].

Лордъ *Рагланъ*, въ дневномъ приказѣ 11-го октября, отозвался весьма строго о медицинской части въ восточной арміи. Не смотря на точныя приказанія, данныя въ свое время, по привезеніи больныхъ изъ севастопольскаго лагеря

---

[1] „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 238. „Русск. Инв.“ 1854 г. № 238.

въ Балаклаву, тамъ не было приготовлено ничего къ принятію ихъ. Они оставались на улицѣ нѣсколько часовъ, подвергаясь всѣмъ суровостямъ непогоды. Офицеръ, виновный въ этомъ важномъ нерадѣніи, извѣстенъ главнокомандующему, но онъ не рѣшается назвать его, предупреждая, чтобы впредь не встрѣтилось подобнаго нарушенія дисциплины ([1]).

Въ «Монитерѣ», 15-го октября, напечатанъ перечень письма изъ Константинополя, отъ 30-го сентября. Видимъ изъ него, что по сіе число поступило во французскіе госпитали сей столицы 1,350 раненыхъ французовъ, а въ англійскіе госпитали 2,0(0 англичанъ ([2]).

Въ «Times» пишутъ изъ Константинополя, отъ 28-го сентября:

«Холера и лихорадка производятъ въ Крыму большія опустошенія въ нашихъ войскахъ. Эпидемія усиливается. Инженерный генералъ *Тильденъ* умеръ почти скоропостижно. Ничто не возвѣщаетъ наступленія болѣзни: она вспыхиваетъ съ чрезвычайною жестокостью, и въ нѣсколько часовъ похищаетъ больнаго. Госпитальная служба производится въ англійской арміи весьма дурно по недостаточному числу врачей. Ихъ было только четверо на транспортахъ, изъ которыхъ на каждомъ помѣщено было слишкомъ по 400 раненыхъ и больныхъ. Многіе умерли отъ недостатка въ помощи...» ([3])

Корреспондентъ газеты «Times» пишетъ изъ Севастополя, отъ 21-го сентября (3-го октября): русскіе ввели нѣсколько войска въ городъ съ сѣверной стороны. Ядра и гранаты непріятеля цѣлый день держали легкую дивизію въ готовности къ битвѣ. Русскіе бросаютъ теперь гранаты на разстояніи 4,500 ярдовъ, прямо въ нашъ лагерь.

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 242.

([2]) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 228.

([3]) Окончаніе статьи относится до устройства почты между Крымомъ и Константинополемъ. *Ред.*

Состояніе здоровья нашихъ артиллеристовъ очень хорошо; отсутствіе между ними холеры приписываютъ тому, что у нихъ есть палатки; наши же линейные полки до сихъ поръ не получили еще палатокъ.

22-го сентября (4-го октября). Такъ какъ французы оставили слишкомъ мало мѣста для дѣйствія на нашемъ лѣвомъ крылѣ, то 2-я дивизія двинулась сегодня съ своей позиціи, перешла ровъ направо, и стала подлѣ 4-й дивизіи. Французы тотчасъ же отправили часть своихъ войскъ занять очищенную нами мѣстность. Цѣлый день русскіе неутомимо трудились надъ сооруженіемъ батарей, и безпрерывно осыпали гранатами наши передовые посты. Судя по калибру пушекъ, мы предполагаемъ, что въ Севастополь доставлены тяжелыя орудія. Одна граната упала въ палатку, въ которой находилось нѣсколько солдатъ 63-го полка, и убила сержанта и двухъ солдатъ. Палатка эта находилась на разстояніи около 4,000 ярдовъ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ ни одной пушки, чтобы отвѣчать имъ, потому что лордъ *Рагланъ* хочетъ открыть всѣ наши батареи въ одно и то же время. Круглый фортъ направо почти скрылся за огромными земляными насыпями, которыя русскіе возвели прошлою ночью и сегодня. Прибылъ изъ Варны пароходъ «City of London» съ лошадьми для штаба. Онъ привезъ очень дурныя извѣстія. Какъ кажется, 178 лошадей двухъ драгунскихъ полковъ были поставлены въ Варнѣ на два корабля и отправлены въ Балаклаву. Во время переѣзда, поднялась сильная буря, продолжавшаяся около двухъ сутокъ. Море вздымалось высоко и корабли сильно бросало. Всѣ снаряды, которые поддерживали лошадей, оборвались и послѣднія очутились на палубѣ. Капитанъ не былъ въ состояніи предпринять что-нибудь для спасенія драгоцѣнныхъ животныхъ, ввѣренныхъ его попеченію и всѣ лошади, за исключеніемъ семи, погибли. Холера продолжается.

23-го сентября (5-го октября). Сегодня лордъ *Рагланъ* направился къ одной мызѣ, находящейся миляхъ въ четырехъ съ половиною отъ Балаклавы, и расположилъ здѣсь свою главную квартиру. Штабъ главнокомандующаго раз-

мѣстился вокругъ него. Сегодня по-утру прибылъ «Terrible» и бросилъ здѣсь якорь въ небольшой гавани. Разсказывають, что одинъ офицеръ 55-го полка, перешедшій за линію прошлую ночь, не возвратился до сихъ поръ. Казаки сегодня выказываютъ большую дѣятельность. Непріятель стрѣляетъ изъ пушекъ большаго калибра, ядрами и повременамъ гранатами. Докторъ *Томсонъ* и лекарскій помощникъ *Ридъ* умерли сегодня отъ холеры. Въ одной легкой дивизіи 170 человѣкъ больныхъ. Желавшихъ поступить въ госпиталь сегодня было немного, но число больныхъ въ городѣ и лагерѣ весьма значительно. Лордъ *Кардиганъ* нездоровъ; поговариваютъ, что ему придется удалиться на корабль. На долю кавалеріи достались утомительныя, но неважныя обязанности. Она не оправдала ожиданій, и въ сраженіи при Альмѣ находилась почти въ бездѣйствіи. Потеря 170 лошадей для насъ весьма важна, и, что всего хуже, непоправима въ настоящее время. «Bealge» прибылъ сегодня ко входу въ гавань. Множество 84-фунтовыхъ ядеръ прокатились сегодня чрезъ лагерь 2-й дивизіи. Около полудня мы выслали баталіонъ 2-й дивизіи направо, чтобъ занять возвышеніе, господствующее надъ водопоемъ. Русскіе выдвинули два баталіона съ пушками. Мы сочли благоразумнѣе отвести назадъ наши войска. Наши саперы, ведущіе линію, находились сегодня на разстояніи полмили отъ русскихъ, но послѣдніе не прерываютъ ихъ работы. Въ лагерѣ на нашу бѣду появилось нѣсколько маркитантовъ, вслѣдствіе чего сегодня впервые встрѣчаются на улицахъ пьяные» (1).

Корреспондентъ газеты «Chronicle» пишетъ, отъ 3-го октября, изъ Балаклавы: «Съ тѣхъ поръ какъ непріятельскія силы сошлись лицомъ къ лицу, времени не теряютъ ни съ той, ни съ другой стороны. Русскіе работали день и ночь, чтобы усилить укрѣпленія Севастополя. Воздвигнуты новые редуты, построены брустверы; каменныя башни, наиболѣе подверженныя нашимъ выстрѣламъ, почти

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 235. „Моск. Вѣдом." № 128.

изчезли подъ насыпями. Непріятель заслуживаетъ величайшую похвалу своею энергіею. Съ нашей стороны въ Балаклавѣ окончена выгрузка осадной артиллеріи. Сорокъ двѣ 8-ми-дюймовыя пушки и мортиры находятся въ разстояніи мили отъ той позиціи, которую они займутъ. Шестнадцать другихъ пушекъ съ 60-ю тридцати-двухъ фунтовыми, выгруженными съ кораблей, послѣдуютъ за ними сегодня. Нынѣшнюю ночь начнутъ копать землю и, вѣроятно, завтра или послѣ завтра 120 орудій откроютъ огонь противъ Севастополя. Очень многое будетъ зависѣть отъ свойства почвы, гдѣ будутъ устраивать параллели, а наши инженерные офицеры находятъ почву эту самою неблагопріятною, потому что она камениста и только немного покрыта землей. Землю начнутъ рыть въ разстояніи 540 ярдовъ отъ города. Боюсь, что при этихъ работахъ мы будемъ имѣть большую потерю въ людяхъ. Корабельными орудіями будутъ управлять матросы и около 600 изъ нихъ высажены вчера на берегъ съ кораблей «Agamemnon» и «Sanspareil». Телѣги и арбы, наполненныя амуниціей и боевыми снарядами, тянутся медленно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находится артиллерія. По случаю огня, открывшагося съ одной русской батареи, построенной необыкновенно быстро, 2-я и 4-я дивизіи отступили на нѣсколько сотенъ ярдовъ, правѣе той позиціи, которую занимали близъ стѣнъ. Русскіе стрѣляли хорошо: нѣкоторые выстрѣлы перелетали черезъ дивизію, а одну гранату разорвало посреди 68-го полка. Вчера по полудни, 4-я дивизія обмѣнялась мѣстами съ третьей, которая заняла авангардъ. Наши дивизіи расположены теперь въ слѣдующемъ порядкѣ: близъ угла города—легкая дивизія, на лѣво 3-я и 2-я дивизіи, нѣсколько на право отъ 3-й поставлена 4-я дивизія. Первая дивизія расположена въ Балаклавѣ, а въ промежуткѣ между этимъ городомъ и остаткомъ нашихъ войскъ стоитъ кавалерія. Послѣдняя усилена прибытіемъ 4-го, 5-го и 6-го драгунскихъ полковъ изъ Варны. Переѣздъ былъ очень труденъ, лошади сильно пострадали и теперь кажутся очень исхудалыми. Одинъ 4-й полкъ лишился 14 лошадей. Французы до сихъ поръ заняты выгрузкой своихъ орудій; ра-

бота эта подвигается, кажется, нѣсколько медленно. Корабли ихъ стоятъ на якорѣ, немного на сѣверъ отъ Балаклавы, около Херсонесскаго мыса. Сначала назначено было нашимъ союзникамъ занимать крайній правый флангъ позиціи, но потомъ планъ этотъ измѣненъ и французскія пушки будутъ дѣйствовать на лѣво отъ британскихъ. Турецкая дивизія, я думаю, составитъ центръ. Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что холера самымъ ужаснымъ образомъ опустошаетъ ряды нашей арміи, и, кажется, усилила еще свои дѣйствія. Въ Балаклавѣ устроены два госпиталя; въ одномъ изъ нихъ находятся 216 человѣкъ больныхъ холерою. Многіе достойные офицеры сдѣлались жертвою этого бича. Нѣсколько дней назадъ умеръ въ Балаклавѣ г. Морлей, священникъ 3-й дивизіи. Смерть его возбуждаетъ всеобщее сожалѣніе. Едва ли найдется одинъ офицеръ, который былъ бы совершенно здоровъ. Кто не страдаетъ отъ припадковъ холеры, простуды, у того навѣрное ревматизмъ. Надо сказать правду—британская армія много вытерпѣла (1).

Въ «Daily News» пишутъ изъ Балаклавы, отъ 3-го октября (21-го сентября): «Непростительныя ошибки, открывающіяся почти по каждой части управленія нашей арміи, очевидны всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые въ нихъ виноваты. Съ тѣхъ поръ, какъ мы произвели высадку, интендантство воспрепятствовало только, чтобы войска рѣшительно не умерли съ голода; между тѣмъ несомнѣнно то, что наше войско, находясь въ одной изъ богатѣйшихъ странъ свѣта и сопровождаемое главнымъ нашимъ депо и флотомъ, болѣе пострадало, нежели иное войско, разбитое и на отступленіи. О баранахъ и телятахъ интендантство, конечно, озаботилось (этого иначе и не могло быть), потому что вездѣ, куда мы ни приходили, мы встрѣчали большія стада. Войско получало также раціоны сухарей. Но до сихъ поръ, не смотря на то, что холера и поносъ свирѣпствуютъ между нашими войсками, интендантство еще

(1) «С.-Петерб. Вѣдом.» 1854 г. № 232. „Моск. Вѣдом.“ 1854 г. № 126.

не успѣло довести до того, чтобъ офицеры и солдаты имѣли потребное количество соли для варки пищи. Этотъ необходимый и легко добываемый матеріялъ у насъ очень рѣдокъ. Я говорю прямо и не скрываю, что оказавшійся въ арміи недостатокъ соли долженъ быть названъ постыднымъ нерадѣніемъ со стороны чиновниковъ провіянтскаго вѣдомства. Сверхъ того, долженъ я упомянуть о любопытной ошибкѣ, случившейся при размѣщеніи одной нашей дивизіи. Вотъ въ чемъ дѣло. Когда дивизіи размѣщены были по мѣстамъ, назначеннымъ для нихъ около Севастополя, одинъ изъ корпусныхъ командировъ выбралъ себѣ для лагеря такое мѣсто, которое находилось подъ выстрѣлами русскихъ бомбъ. На этомъ же пространствѣ долженъ былъ находиться и пороховой складъ. Это было бы исполнено дѣйствительно, еслибъ не увѣдомили о томъ генерала *Бургоина* (а онъ вообще поправляетъ всѣ ошибки, которыя только можно поправить). Генералъ заставилъ, по крайней мѣрѣ, перенести складъ пороха на безопасное разстояніе. Что же касается до войскъ, то они остались на той же позиціи, гдѣ они безполезны, и гдѣ, для разсѣянія скуки лагернаго однообразія, могутъ имѣть удовольствіе варить себѣ пищу и спать въ такомъ мѣстѣ, куда каждую минуту можетъ прилетѣть русская бомба. Разумѣется, что друзья генерала стараются извинить его тѣмъ, что онъ не инженеръ. и потому нельзя требовать, чтобъ онъ имѣлъ понятіе о дальности выстрѣловъ изъ тяжелыхъ орудій Несчастная дивизія, осужденная стоять лагеремъ подъ русскими выстрѣлами. освобождена была наконецъ изъ своего опаснаго и безполезнаго положенія, но только послѣ продолжительныхъ передвиженій. Дивизія была выдвинута слишкомъ впередъ. Всякій обыкновенный человѣкъ отвратилъ бы это зло просто тѣмъ, что заставилъ бы перенести лагерь на нѣсколько сотъ шаговъ назадъ. Но такая простая и практическая мѣра слишкомъ походила бы на внушеніе здраваго смысла, притомъ же она была и опасна, угрожая опровергнуть теорію англичанъ, о военной непогрѣшимости, и потому несчастная дивизія была переведена на противоположный конецъ нашей ли-

ніи, и для того сдѣлала переходъ въ 13 миль (20 верстъ), а дивизія, стоявшая тамъ, должна была занять мѣсто прежней, только внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. Пока наши дивизіи такимъ образомъ передвигались, русскіе безпрестанно стрѣляли въ нихъ бомбами. Но какъ войска наши были уже внѣ выстрѣла, то и не понесли вреда» (1).

Балаклавскій корреспондентъ газеты «Morning Herald» сообщаетъ, что, 3-го (21-го) октября, холера еще сильно свирѣпствовала между союзниками и скорѣе усиливалась, нежели ослабѣвала. Англичане теряли много людей. Полковники Беквитъ и Гой, капитанъ Коксъ, поручикъ Грантъ и многіе другіе офицеры пали жертвами эпидеміи. Корреспондентъ жалуется, что въ англійскихъ войскахъ не встрѣтишь почти ни одного солдата, совершенно здороваго: у кого нѣтъ поноса и лихорадки, тотъ страдаетъ отъ ревматизма (2).

Семь столбцовъ газеты «Times» наполнены 20-го октября письмами крымскихъ ея корреспондентовъ, сообщающихъ самыя мельчайшія подробности всѣхъ движеній англійской арміи, начиная съ высадки ея до занятія Балаклавы. Послѣднее письмо отъ 2-го октября. Палатки мало по малу выгружаются, «и очень пора», говоритъ корреспондентъ, «потому что холера начинаетъ производить страшныя опустошенія. Много больныхъ ежедневно умираетъ въ балаклавскомъ госпиталѣ. Въ газетѣ «Daily News» жалуются на то, что интендантство не позаботилось снабдить войска, находящіяся въ Балаклавѣ, потребнымъ для пищи количествомъ поваренной соли (3).

Въ «Courrier de Merseille» говорятъ, что въ Черномъ морѣ свирѣпствовали жестокія бури. Вотъ подробности,

---

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 234. „Московскія Вѣдомости“ 1854 г, № 126. См. также „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 234.

(2) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 234.

(3) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 232.

сообщаемыя корреспондентомъ сей газеты изъ Константинополя, отъ 5-го октября.

«Неожиданный случай принудилъ англійскій транспортъ «Вильсонъ-Кеннеди» укрыться въ Босфорѣ. Этотъ корабль вышелъ изъ Варны 25-го сентября въ Балаклаву съ 99 лошадьми, принадлежащими англійскимъ драгунамъ. Разразился ураганъ. Судно, гонимое яростнымъ моремъ, бросалось во всѣ стороны. При одномъ сильномъ ударѣ, произведенномъ огромною волною, часть лошадей оторвалась. Тогда на палубѣ «Вильсонъ-Кеннеди» произошла неописанная суматоха. Освободившіяся лошади въ бѣшенствѣ бросились на тѣхъ, которые еще были привязаны ремнями. Всѣ усилія офицеровъ, солдатъ и экипажа были безсильны, чтобъ укротить этихъ животныхъ. Онѣ бросались другъ на друга съ слѣпою яростью. Многія лошади перескочили за бортъ и исчезли въ волнахъ. Невозможно было управлять судномъ при этой безурядицѣ. Палуба покрылась мертвыми и изуродованными лошадьми. «Вильсонъ-Кеннеди» не могъ продолжать пути, и вышелъ въ Босфоръ. Онъ привезъ только четырехъ лошадей живыхъ и цѣлыхъ (¹).

Въ «Fremdenblatt» помѣщены слѣдующія извѣстія изъ Константинополя, отъ (н. ст.) 9-го октября.

«По письмамъ изъ Крыма, отъ *27-го сентября (7-го октября)*, происходилъ наканунѣ въ главной квартирѣ лорда *Раглана* военный совѣтъ, въ которомъ присутствовали и адмиралы соединеннаго флота, равно какъ и всѣ генералы и штабъ-офицеры сухопутной союзной арміи. Въ англо-французско-турецкой арміи въ Крыму собственно такъ называемаго главнокомандующаго нѣтъ. *Канроберъ* начальникъ французскихъ войскъ, *Рагланъ*—англійскихъ. Всѣ движенія и военныя дѣйствія исполняются по плану, предварительно (?) утвержденному. Главный штабъ дѣйствуетъ и работаетъ общими силами. На полѣ сраженія лордъ *Рагланъ* постоянно командуетъ правымъ кры-

(¹) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 233.

ломъ, а генералъ *Канроберъ*, при которомъ находится начальникъ главнаго штаба—лѣвымъ. Союзники не заблагоразсудили двинуться къ Бакчисараю, и предоставили все въ распоряженіе генерала управляющаго осадными работами. Уже три дня ждутъ почтоваго парохода. Это замедленіе доказываетъ, что союзнымъ генераламъ нечего сообщать [1]».

Корреспондентъ газеты «Daily News» пишетъ изъ Балаклавы: *октября 5-го* (*сентября 23-го*). Рыть землю еще не начинали; между тѣмъ очень пора приняться за дѣло: по всему видно, что погода, до сихъ поръ отличная, измѣнится къ худшему. Хотя дни ясны и свѣтлы, но ночи бурны, даже въ здѣшнемъ защищенномъ скалою уголкѣ; каждую ночь нѣсколько часовъ льется дождь, заставляющій дрожать всѣмъ тѣломъ тѣхъ изъ нашихъ бѣдныхъ солдатъ, которые расположены бивуаками безъ палатокъ. Весьма многіе изъ нихъ находятся еще въ этомъ незавидномъ положеніи, потому что хотя палатки выгружены на берегъ, но нѣтъ средствъ перевезти ихъ до лагеря. Всѣ эти лишенія бивуачной жизни отозвались на войскахъ, ослабѣвшихъ уже отъ болгарскихъ квартиръ. Еще пагубнѣе отразились онѣ на прибывшихъ вновь прямо изъ Англіи. Я только что получилъ нѣсколько печальныхъ статистическихъ свѣдѣній о потеряхъ 21-го полка, оставившаго Англію позднѣе другихъ. Онъ достигъ Каламиты 18-го (6-го) сентября и присоединился къ экспедиціи. Въ полку находилось 1,004 человѣка. Изъ нихъ одинъ солдатъ погибъ при Альмѣ. Смертность началась въ полку во время движенія къ Балаклавѣ. Къ 4-му октября полкъ уменьшился до 700 челов., т. е. 303 человѣка или умерли, или заболѣли въ какіе нибудь 16 дней. Замѣтьте, что смертность въ этомъ полку до сихъ поръ еще не прекратилась. Такимъ образомъ безовсякихъ сраженій очень не мудрено, что, пока солдаты не освоятся съ климатомъ, число ихъ уменьшится до половины. Не нужно ходить въ госпитали

[1] „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 235.

или на госпитальные корабли; тому, кто зналъ англійскихъ солдатъ прежде, достаточно простаго взгляда на нихъ, чтобы убѣдиться, какимъ лишеніямъ они подвергались. Внѣшній видъ ихъ самъ говоритъ за себя. Всѣ они похудѣли и ходятъ какъ больные. За исключеніемъ гардероба генераловъ и нѣкоторыхъ штабъ-офицеровъ пользующихся наибольшимъ значеніемъ, во всей арміи не найдется и дюжины чистыхъ рубашекъ. Одинъ офицеръ, разсказывалъ мнѣ, что онъ цѣлую недѣлю не мылъ уже рукъ; что же касается до того, чтобы мыть лицо, то о такой роскоши нечего и думать. Съѣстные припасы поставляются войску довольно исправно. Хлѣбъ и мясо, безъ сомнѣнія, главныя средства жизни, но они далеко не удовлетворятъ еще всѣмъ потребностямъ. Офицеры то и дѣло отправляются изъ лагеря въ Балаклаву, причемъ каждый получаетъ отъ товарищей, остающихся въ лагерѣ, сотни порученій Офицеры переходятъ съ транспорта на транспортъ, освѣдомляясь, не продаютъ ли капитаны чего нибудь. Членамъ общества трезвости будетъ прискорбно узнать, что, по случаю холеры и дурнаго качества воды, на водку и хересъ большой запросъ. Слухъ, что, послѣ крымской экспедиціи, армія отправится на зимнія квартиры въ Скутари, поддерживается съ большимъ упорствомъ, а потому даже самые невѣрующіе, начинаютъ думать, что извѣстіе это не безъ основанія. Отличительной чертой нашей экспедиціи можетъ служить, между прочимъ, то, что никому достовѣрно неизвѣстно, кто отвѣтственное въ ней лицо. Послѣ высадки, когда съѣдены были трехдневныя порціи, взятыя съ кораблей, почти вся армія находилась безъ пищи въ продолженіе 48 часовъ. Кто отвѣчалъ или отвѣчаетъ за это? На чью голову падетъ болѣзнь и смертность, порожденная такимъ продолжительнымъ воздержаніемъ? Никто не въ состояніи отвѣчать на такой вопросъ. Одно только извѣстно всѣмъ, потому что всякій чувствуетъ это: военная наша машина, въ настоящемъ своемъ составѣ, не способна дѣйствовать безъ огромнаго пожертвованія матеріяловъ, тогда какъ полученные нами результаты далеко не соотвѣтствуютъ огромнымъ нашимъ потерямъ. Возьмемъ примѣръ.

Числительная сила нашей пѣхоты, со включеніемъ вновь прибывшихъ изъ Англіи полковъ, простирается до 17,000 человѣкъ; если присоединить артиллерію и кавалерію, то число это увеличится до 22,000 человѣкъ. Сравните это число съ числомъ войскъ, посланныхъ, начиная съ прошлаго февраля, изъ Англіи и колоній. Приблизительно число это простирается до 30,000 человѣкъ слишкомъ. Такимъ образомъ 3,000 убито или ранено въ сраженіи съ непріятелемъ, а остальныя 5,000 сдѣлались жертвами болѣзней, погребены въ Монатерѣ, Серай-Базарѣ. Давно, Аладдинѣ, Варнѣ, Коломитѣ, на берегахъ Альмы, въ волнахъ Чернаго моря, въ балаклавскихъ ущельяхъ или борются со смертью въ госпиталяхъ или на госпитальныхъ корабляхъ.

Октября 7-го. Въ четвергъ вечеромъ въ Севастополь вступили 3,000 человѣкъ пѣхоты, пришедшіе изъ Бакчисарая. Съ лѣваго фланга ихъ прикрывали 3,000 человѣкъ казаковъ. 3,000 челов. пѣхоты вступили въ городъ и приняты были съ громкими восклицаніями. Казаки уже возвратились къ арміи князя *Меншикова* въ Бакчисарай. Отдѣльныя партіи казаковъ избѣгаютъ нашихъ кавалерійскихъ патрулей, но представляютъ преграды фуражировкамъ нашего коммисаріата, шныряютъ въ тылу лагеря, особенно по ночамъ, и заставляютъ иногда дивизію, а иногда двѣ, взяться за оружіе и простоять часъ или два на холодномъ утреннемъ воздухѣ. Присутствіе князя *Меншикова* въ тылу у насъ безпокоитъ насъ и можетъ причинить намъ много вреда. Сегодня поутру остановлена перевозка военныхъ припасовъ, потому что, по слухамъ, казаки заняли дорогу изъ Балаклавы въ лагерь. Мы боимся, что русскіе займутъ возвышенія, господствующія надъ Балаклавой. Тогда наши линейные корабли и транспорты, стоящіе въ гавани, будутъ находиться въ томъ же положеніи, какъ пароходъ «Тигръ» близъ береговъ Одессы; полдюжины 12-ти фунт. пушекъ и гаубицъ безъ затрудненія, сожгутъ ихъ. Въ Балаклавѣ много войскъ, отсталыхъ отъ разныхъ дивизіи, но отъ нихъ нельзя ожидать единодушнаго сопротивленія, потому что они никогда не

дѣйствовали вмѣстѣ. Единственныя двѣ улицы, существующія въ городѣ, до того заставлены телѣгами и военными снарядами, что войску здѣсь нѣтъ возможности выстроиться. Эти двѣ улицы единственное ровное мѣсто между моремъ и крутыми скалами. Въ теченіе дня 1,200 морскихъ солдатъ разставлены на возвышеніяхъ вокругъ Балаклавы; дорога въ лагерь и Черная рѣчка заняты сильными отрядами драгунъ и конною артиллеріею; «Agamemnon» поставленъ такъ, чтобы господствовать надъ возвышенною дорогою ведущею въ городъ, а королевскіе инженеры получили приказаніе безотлагательно приступить къ постройкѣ нѣкотораго числа батарей.

Корреспондентъ газеты «Herald» пишетъ отъ *8-го октября:* «Русскія батареи не даютъ покою ни днемъ, ни ночью войскамъ, расположеннымъ подъ прикрытіемъ возвышеній окружающихъ Севастополь. Ядра и гранаты безпрерывно перелетаютъ чрезъ возвышеніе и падаютъ вблизи нашихъ солдатъ. Нельзя показаться двумъ-тремъ солдатамъ, чтобы форты не намекнули имъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ, что имъ лучше оставаться подъ прикрытіемъ. Благодаря этой неумолкаемой канонадѣ, никому не дозволяется ходить къ передовымъ пикетамъ, кромѣ тѣхъ, которымъ это необходимо по службѣ; потому что подобное нескромное любопытство не только подвергаетъ опасности жизнь ихъ самихъ, но, что важнѣе, войска, которыя находятся позади. Три дня тому назадъ одна граната ударилась прямо въ наши ряды, убивъ двухъ солдатъ и ранивъ опасно двухъ другихъ спавшихъ вокругъ разложеннаго огня. Нѣтъ сомнѣнія, что блескъ пламени способствовалъ вѣрности прицѣла. Кромѣ этого у насъ много солдатъ болѣе или менѣе сильно раненыхъ осколками гранатъ. Капитанъ 55 полка 4 дивизіи, находясь ночью на караулѣ на одномъ изъ передовыхъ постовъ, прячась за камнями подошелъ слишкомъ близко къ русскимъ траншеямъ чтобы сдѣлать рекогносцировку. Одинъ изъ непріятельскихъ пикетовъ замѣтилъ его, выстрѣлилъ и смертельно ранилъ его пулею. Прошлою ночью нѣкоторые изъ русскихъ пикетовъ стрѣляли по нашимъ, думаю, чтобъ произвести тревогу въ

лагерѣ и заставить насъ взяться за оружіе. Наши пикеты отвѣчали выстрѣлами же и съ полчаса продолжалась небольшая ружейная перестрѣлка. Но пикеты такъ хорошо скрыты за камнями, что ни одного человѣка не ранено съ нашей стороны, да и со стороны русскихъ, сколько мы знаемъ, тоже. Во все время перестрѣлки войска оставались спокойными. Въ первое время послѣ высадки, довольно было одного ружейнаго выстрѣла, чтобы поднять на ноги всю армію. Теперь мы болѣе свыклись съ этимъ, и непріятель стрѣляетъ цѣлую ночь, не нарушая ни чьихъ сновидѣній. На слѣдующее утро послѣ этой перестрѣлки (7-го числа) нашими кавалерійскими аванпостами данó знать, что русскіе приближаются къ намъ съ тылу. Вскорѣ послѣ того показались тысячи двѣ казаковъ и регулярной кавалеріи, 8,000 пѣхоты и девять или десять орудій, двигавшіяся вдоль возвышеній къ долинѣ, находящейся у насъ въ тылу. Какъ скоро русскіе увидѣли нашъ лагерь, они остановились и 500 или 600 казаковъ разсыпались по равнинѣ. Къ несчастію, поиски ихъ за англичанами увѣнчались успѣхомъ: они напали на трехъ драгуновъ, которые, вопреки приказаніямъ, удалились на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря. Тѣло одного изъ этихъ бѣдняковъ найдено близъ небольшаго ручья; два другіе драгуна пропали безъ вѣсти: вѣроятно, казаки захватили ихъ въ плѣнъ. Какъ скоро непріятель остановился, наша конная артиллерія и кавалерія двинулись къ нему на встрѣчу. Тогда русскіе удалились. Вслѣдствіе этого движенія непріятеля, до самаго полудня прервано было сообщеніе по главной дорогѣ, чрезъ которую мы получаемъ снаряды изъ Балаклавы (1)».

Газетѣ «Daily News» пишутъ изъ Балаклавы, отъ 7 *октября*: холера и усталость очень подѣйствовали на англійскую армію; ежедневно то тотъ, то другой полкъ уменьшается; дождливое время года, по какому-то чуду, еще не наступало, палатки для большей части войскъ ле-

---

(1) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1854 г. № 238.

жали еще въ Варнѣ или на судахъ, а между тѣмъ начальники медлили. Даже красивые гвардейскіе офицеры, цвѣтъ фешенебельности, были похожи на вороньихъ пугалъ, по вест-эндскимъ понятіямъ; по цѣлымъ недѣлямъ они не мѣняли бѣлья и не мыли лицъ: въ карманахъ золото, а комфорта нѣтъ никакого. Лагерная жизнь становится столь скучною, что потребность въ книгахъ дѣлается ощутительною. У корреспондента было небольшое изданіе одного романа Больвера, и онъ увѣряетъ, что въ 33-мъ полку нѣтъ офицера, который бы не прочиталъ этой книги разъ или два. Нѣкоторые лейтенанты, которымъ рѣшительно нечего было дѣлать, углублялись въ чтеніе брошюры: «о гомеопатическомъ леченіи дѣтскихъ болѣзней», хотя ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ въ виду сдѣлаться когда-либо отцемъ семейства. Той же газетѣ пишутъ, что англичане гораздо болѣе дѣлаютъ приготовленія къ сраженію, чѣмъ французы, и что багажъ у французовъ тяжелѣе, чѣмъ у англичанъ. Французскій солдатъ носитъ съ собою провіантъ на шесть дней, а англійскій только на три, и провіантъ у французовъ лучше уложенъ, чѣмъ у англичанъ [1]).

Въ новой прусской газетѣ отъ 8-го октября пишутъ: «Послѣ того, какъ телеграфъ съ невѣроятнымъ безстыдствомъ засыпалъ насъ лжами, онъ предлагаетъ намъ теперь для разнообразія загадку. По извѣстію, сообщаемому въ офиціальной лондонской газетѣ: союзники избрали 28 (16) сентября въ основаніе своихъ дѣйствій Балаклаву, чтобы немедленно двинуться оттуда къ Севастополю» — что въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ о принцессѣ Турандо. Балаклава лежитъ почти въ трехъ миляхъ къ юго-востоку отъ Севастополя, тогда какъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, союзники находились на сѣверѣ отъ этой крѣпости. Если принять помянутое извѣстіе въ буквальномъ смыслѣ, то выйдетъ, что вся экспедиція садится опять на суда и производитъ высадку при Балаклавѣ, чтобы дѣйствовать оттуда противъ южнаго фронта Севастополя. Это должно неминуемо вести

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 235 „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 237.

къ потерѣ времени, которое осенью и на берегахъ Понта Эвксинскаго еще опаснѣе, нежели при всякихъ другихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, это было бы рѣшительнымъ осужденіемъ системы, какой слѣдовали до сего времени, и, въ то же время, сознаніемъ, что сраженіе при р. Альмѣ вовсе не имѣло тѣхъ рѣшительныхъ послѣдствій, какія придавали ему». Потомъ, сообщивъ официальное извѣстіе о высадкѣ англичанъ въ Балаклавѣ и о присоединеніи къ нимъ французовъ, покинувшихъ безъ боя позицію, занятую ими на сѣверѣ отъ Севастополя, Новая Прусская Газета присовокупляетъ: «Эта депеша нѣсколько объясняетъ шагъ союзниковъ, хотя все еще дѣло остается отчасти непонятнымъ. По крайней мѣрѣ теперь можно сказать навѣрное одно, а именно: что атака Севастополя съ сѣверной стороны показалась союзникамъ невозможною, что они начали новую операцію, не смотря на всю опасность перемѣнить свой планъ въ началѣ похода, и что они потеряли безъ всякой пользы почти двѣ недѣли съ 14 (2) по 28 (16) сентября, потому что еслибы дѣло при р. Альмѣ доставило бы имъ какія нибудь выгоды, то, безъ сомнѣнія, они воспользовались бы ими [1]).

Французскій Монитеръ въ нумерѣ 21 (9) октября, обнародываетъ депешу, которою генералъ *Канроберъ* извѣщаетъ военнаго министра, что со времени высадки союзниковъ при Старомъ-Укрѣпленіи по 7 октяб. (25 сентяб.) французская армія получила 10 тысячь чел. подкрѣпленія. По официальнымъ донесеніямъ отъ тогоже генерала, доходящимъ до 3 октября (21 сент.) французы составляютъ лѣвое, а англичане правое крыло арміи, дѣйствующей подъ Севастополемъ. Французскія войска раздѣлены на два корпуса, изъ которыхъ одинъ (3 и 4-я дивизія), подъ начальствомъ генерала *Форе*, должна заняться осадою, а другая (1 и 2-я дивизіи), подъ начальствомъ генерала *Боске*, служитъ наблюдательнымъ корпусомъ. Турецкая дивизія стоитъ въ резервѣ, чтобы дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ.

([1]) „Русск. Инвал.“ 1854 г. № 221.

Лордъ *Рагланъ* сдѣлалъ подобныя же распоряженія: часть англичанъ должна заниматься осадою, а другая часть, образуя наблюдательный корпусъ, присоединится къ корпусу генерала *Боске*. По послѣднимъ французскимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, сила союзниковъ простиралась до 80 тысячъ человѣкъ съ 200 пушками. Къ арміи присоединены морскія войска, съ частью морской артиллеріи. По телеграфической депешѣ изъ Константинополя, отъ 9-го октября (27-го сентября), союзники перевезли на берегъ съ кораблей 250 пушекъ. Генералъ *Канроберъ* перемѣнилъ планъ маршала *Сентъ-Арно*. Медленность этой осады приписываютъ этой перемѣнѣ, а также холерѣ, свирѣпствующей между союзниками. Тунисскія войска прибыли 1-го октября (19 го сентября) въ Требизондъ. По другой телеграфической депешѣ изъ Константинополя, отъ того же числа, тамъ получены извѣстія изъ Крыма, доходящія до 7 октября (25 сентября). Наканунѣ въ главной квартирѣ лорда *Раглана* происходило военное совѣщаніе, въ которомъ участвовали адмиралы соединенныхъ флотовъ и всѣ генералы и штабъ-офицеры сухопутныхъ армій. Англо-французско-турецкая армія въ Крыму не имѣетъ, собственно говоря, главнокомандующаго. *Канроберъ* начальствуетъ надъ французскими, а лордъ *Рагланъ* надъ англійскими войсками; всѣ движенія и дѣйствія производятся по предварительно начертанному плану. 9-го октября (27-го сентября) прибыло въ Босфоръ судно съ 900 человѣкъ больныхъ изъ крымской арміи, между которою холера опять распространилась, хотя дѣйствуетъ не такъ жестоко, какъ дѣйствовала въ Варнѣ.

Аугсбургской газетѣ пишутъ изъ Парижа: Депеши, полученныя во Франціи изъ Крыма съ пароходомъ «Бертолетъ» подаютъ немного надежды на успѣхъ экспедиціи. Черное море съ каждымъ днемъ становится болѣе бурнымъ, и если купеческимъ судамъ, служащимъ транспортными судами экспедиціи, будетъ невозможно долѣе оставаться на якорѣ у береговъ Крыма (Балаклавская гавань слишкомъ мала для ихъ помѣщенія), то положеніе нашей арміи должно становиться опаснѣе день-отъ-дня. Отъ этого про-

исходитъ, что каждый новый день уноситъ съ собою частицу надежды на успѣхъ экспедиціи. Генералы уже требуютъ немедленной присылки новыхъ подкрѣпленій. Все свидѣтельствуетъ, что положеніе *Людовика-Наполеона* зависитъ отъ результата крымской экспедиціи. Франціи достаточно одной Москвы; другой мы не желаемъ. Говорятъ, виновникъ экспедиціи (маршалъ *де-Сентъ-Арно*) умеръ именно вслѣдствіе кризиса, произведеннаго въ немъ убѣжденіемъ, что его предпріятіе кончится дурно ([1]).

Вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» пишутъ изъ Бургаса, отъ 9-го октября (27-го сентября), французская кавалерійская дивизія, подъ начальствомъ генерала *Морриса*, отправилась на англо-французскихъ судахъ къ Балаклавѣ; но вотъ уже два дня, какъ на Черномъ морѣ свирѣпствуетъ ужасная буря. Австрійскій пароходъ «Фіуме» лишь съ большимъ трудомъ могъ найти убѣжище въ Каггисвелоскѣ, гдѣ должны были искать спасенія и другія суда, почему въ тамошней гавани стоятъ не только многія военныя суда, назначавшіяся для Крыма, но и цѣлый купеческій флотъ. Странно, что ужасныя бури часто смѣняются прекрасною погодою, вполнѣ благопріятною для судоходства; но рѣдкое судно отваживается выходить въ открытое море, зная, что буря скоро можетъ заставить его снова искать убѣжища въ булгарскихъ гаваняхъ. Если эта погода продлится, то въ ней нельзя не видѣть зловѣщаго предвѣщенія для большой крымской экспедиціи ([2]).

По извѣстіямъ, сообщаемымъ австрійскою газетою «Soldatenfreund», силы союзниковъ были расположены въ послѣднее время передъ Севастополемъ такъ: на правомъ крылѣ стояла англійская армія, въ центрѣ турецкая, съ дивизіею англо-французскихъ войскъ, а на лѣвомъ крылѣ французская. Путь отступленія къ Кадыкіою и Балаклавѣ былъ прикрытъ дивизіею, составленною изъ раз-

---

([1]) „Русск. Инвал." 1854 г. № 232.
([2]) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 234.

ныхъ частей войскъ. Французскій мониторъ флота сообщаетъ, что 5-я французская дивизія отправилась 9-го октября (27-го сентября) изъ Варны въ Крымъ, что наканунѣ туда же отправлено отъ 6 до 8.000 турокъ, и что 11-го числа (29-го сентября) за ними послѣдовалъ иностранный легіонъ, изъ Галлиполи. Морскія силы союзниковъ, по словамъ этой газеты, раздѣлены на нѣсколько дивизій: одна дивизія, состоящая изъ 5-ти парусныхъ судовъ и изъ 10 пароходовъ, занимается перевозкою резервовъ изъ Варны и Бургаса; другая, изъ 5 линейныхъ кораблей, подъ начальствомъ самого вице-адмирала *Гамелена*, стоитъ передъ Качею, къ сѣверу отъ Севастополя; третья прикрываетъ выгрузку на берегъ военныхъ снарядовъ на югѣ отъ этой крѣпости: четвертая, составленная изъ судовъ «Наполеонъ», «Помона», «Уллоа», и «Мегера», крейсеруетъ между Балаклавою и Ялтою. Одинъ италіянскій полковникъ, состоящій въ турецкой службѣ, пишетъ вѣнской газетѣ съ бивуака, при Херсонесскомъ мысѣ, отъ 10-го октября (28-го сентября): «со вчерашняго дня я нахожусь въ лагерѣ французско-турецкой резервной дивизіи. Переѣздъ моремъ былъ весьма затруднителенъ. Сѣверные вѣтры сильно дули 6 и 7 чиселъ (24 и 25 сентября) и нѣсколько утихли лишь третьяго дня, почему нашъ пароходъ и могъ вчера войти въ бухту Херсонесскаго мыса. Этому направленію слѣдуютъ всѣ французскія суда съ войсками, военными и съѣстными запасами, потому что французская армія снабжается отсюда всѣмъ необходимымъ и отсюда же отправляются въ Константинополь ея больные. Балаклавская гавань служитъ для той же цѣли исключительно англійской арміи.

На открытомъ морѣ мы обогнали многія транспортныя суда съ подкрѣпленіями: нѣкоторыя изъ нихъ идутъ прямо изъ Франціи и Англіи. Продовольствіе войскъ приведено на дняхъ въ порядокъ, и они уже не нуждаются теперь въ соли, въ которой прежде былъ большой недостатокъ. Французско-турецкія войска питаются предпочтительно бараниною съ рисомъ; французы вымѣниваютъ у турокъ

водку на сухари. Должно замѣтить, что изъ трехъ больныхъ всегда двое французовъ и одинъ турокъ» ([1]).

Корреспондентъ газеты «Times» прислалъ слѣдующій дневникъ осаднымъ работамъ союзниковъ подъ Севастополемъ.

25-го сентября (7-го октября). Сегодня поутру, въ 6 часовъ, пушечные выстрѣлы на нашемъ правомъ крылѣ и въ тылу подняли всѣхъ на ноги въ главной квартирѣ. Послѣ 15 или 20 залповъ огонь прекратился; мы остались въ недоумѣніи. Вскорѣ узнали причину тревоги. Патруль 4-го драгунскаго полка, производившій разъѣзды на правомъ крылѣ и въ тылу, захваченъ былъ въ расплохъ непріятельскою кавалеріею, которая воспользовалась утреннимъ туманомъ. Трое изъ находившихся въ послѣднихъ рядахъ или убиты, или взяты въ плѣнъ. Остатки патруля отступили. Наша кавалерія приготовилась-было встрѣтить непріятеля, но увидала, что у русскихъ 3,500 или 4,000 кавалеріи, которую поддерживаютъ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты. Явился капитанъ *Маудъ* съ своей батареей конной артиллеріи и открылъ огонь. Тогда русскіе удалились. Судя по направленію этого нападенія или рекогносцировки, можно предполагать, что непріятельскій отрядъ явился съ сѣвера и, вѣроятно, принадлежитъ къ корпусу, находящемуся на дорогѣ въ Симферополь. Въ Севастополѣ мы замѣтили сегодня обширный лагерь; кажется, непріятель получилъ сильное подкрѣпленіе. Этотъ лагерь расположенъ напротивъ французскаго центра и защищенъ старой куртиной и новыми земляными работами — рвомъ и брустверомъ съ 10-ю амбразурами, между которыми я могъ разсмотрѣть орудія, поставленныя тамъ по видимому со вчерашняго дня. Нѣтъ сомнѣнія, что французы поведутъ атаку на лѣвое крыло, а англичане на правое. Надѣемся, что въ слѣдующій понедѣльникъ откроется огонь вдоль линій. Нынѣшнею ночью окончено будетъ обложеніе города съ южной стороны. Наши линіи будутъ вести на право и зам-

---

([1]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 238.

кнутся съ сѣверу. Мѣра эта совершенно необходима, чтобы дать возможность нашимъ инженерамъ назначать линіи и измѣрять землю. Говорятъ, что наша параллель будетъ находиться въ разстояніи 3,000 ярдовъ отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Чтобы огонь нашихъ тяжелыхъ орудій былъ дѣйствителенъ противъ каменныхъ фортовъ, мы должны подвести наши параллели на разстояніе 800 или 600 ярдовъ. Мы не можемъ обложить Севастополя со всѣхъ сторонъ, не можемъ загородить его съ сѣверной стороны. Особенность нашихъ операцій состоитъ въ томъ, что намъ не придется дѣлать проломовъ. Городъ почти открытъ съ южной стороны, и всѣ сооруженія—наступательнаго свойства, какъ, напримѣръ, форты и батареи.

26-го сентября (8-го октября). Въ ночь даны приказанія окончить обложеніе съ южной стороны, но, неизвѣстно по какой причинѣ, предписанія эти неисполнены, и обложеніе до сихъ поръ не окончено. Однако же, въ продолженіе ночи, наши возвели батарею для ланкастерской пушки въ разстояніи около 3,000 ярдовъ ([1]) отъ русскаго праваго крыла. Пушка еще не поставлена и работа прервана, чтобъ непріятель насъ не примѣтилъ. Русскіе открыли огонь по французскому правому крылу и англійскому лѣвому изъ пушекъ очень большаго калибра. Пушки эти находятся на передовыхъ земляныхъ укрѣпленіяхъ. Мы хранимъ до сихъ поръ могильное молчаніе. Болѣзнь въ лагерѣ уменьшается; погода стоитъ прекрасная; не смотря на то, со времени моего послѣдняго письма, мы оплакиваемъ смерть нѣсколькихъ офицеровъ и множества солдатъ.

27-го сентября (9-го октября). Весь нынѣшній день прошелъ въ перевозкѣ въ лагерь пушекъ и боевыхъ снарядовъ. Съ парохода «Himalaya» перевезенъ на берегъ госпитальный корпусъ. Гдѣ они находились въ ночь послѣ битвы при Альмѣ и въ два страшные дня, которые за нимъ послѣдовали? Необъяснимая вещь, что люди, имѣющіе назначеніемъ подавать помощь, именно въ такихъ случаяхъ оставлены назади въ Варнѣ. Русскіе усердно ра-

([1]) Ярдъ составляетъ около аршина съ четвертью.

ботали надъ бѣлымъ фортомъ и возвели передъ нимъ большія земляныя насыпи, а также на краю лѣваго крыла, противъ французовъ. Цѣлый день, чрезъ каждыя 10 минутъ, непріятель стрѣлялъ ядрами и гранатами, и иногда надѣлялъ ими лагери 2-й и легкой дивизій. Онъ наградилъ также 3-ю и 4-ю дивизіи нѣсколькими залпами. Непріятельскія ядра падали прямо на палатки коммисаріятскихъ офицеровъ послѣдней дивизіи, хотя онѣ находились вдали. Солдаты наши возвели сегодня земляную насыпь для батареи въ 4 орудія, въ разстояніи 2,500 ярдовъ отъ русскихъ линій. Она назначена для ланкастерскихъ и десятидюймовыхъ пушекъ. Русскіе не обращали сперва, по видимому, вниманія, но потомъ открыли огонь съ земляной насыпи, находящейся налѣво отъ Бѣлой башни. Нынѣшнюю ночь не отправлено никакихъ рабочихъ партій. Французы присылали сказать, что начнутъ работы сегодня вечеромъ. Лордъ *Рагланъ* и сэръ Джонъ *Бургоинъ* осматривали сегодня мѣстность во фронтѣ. Поразительны молчаніе и угрюмость нашего лагеря сравнительно съ дѣятельностью и суматохой, господствующей во французскомъ лагерѣ. У насъ ни слышно ни барабаннаго боя, ни звука трубы, ни какой-либо другой музыки, тогда какъ у нашихъ сосѣдей не перестаютъ бить дробь, раздаются сигналы трубъ, а по вечерамъ играютъ полковые оркестры. Дѣло въ томъ, что большая часть нашихъ инструментовъ оставлены съ обозомъ, и полковые оркестры разстроились, потому что составлявшія ихъ лица ходятъ за больными. Судя по себѣ самому и по отзыву другихъ, отсутствіе музыки къ лагерѣ влечетъ за собою болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ какъ кажется съ перваго взгляда. Каждый военный знаетъ, что полки, послѣ утомительнаго марша, смотрятъ гораздо веселѣе при звукахъ своихъ оркестровъ; что они строятся и маршируютъ съ большимъ одушевленіемъ и силою, когда играетъ музыка.

28-го сентября (10-го октября). Вскорѣ послѣ разсвѣта русскія батареи окрыли сильный огонь направо отъ насъ. При захожденіи солнца 4 баталіона французовъ, всего 2,400 человѣкъ, отправились во фронтъ на нашемъ лѣ-

вомъ крылѣ и въ 9 часовъ начали работу. До разсвѣта они окончили ровъ и брустверъ въ 1,200 метровъ ([1]), длиною на разстояніи 200 метровъ отъ непріятельской линіи. Сперва работавшіе встрѣтили твердую и каменистую почву, но, проникнувъ на $1\frac{1}{2}$ или 2 фута въ землю, открыли пластъ глины. Съ конца рва можно сосчитать 76 пушекъ въ амбразурахъ необыкновенно-сильнаго русскаго форта, который господствуетъ надъ этою мѣстностью. Французы перетащили 46 пушекъ и положили ихъ за насыпью, чтобъ поставить, когда будутъ приготовлены платформы и сдѣланы амбразуры. Пушки по большей части мѣдныя, по крайней мѣрѣ я знаю, что весьма многія изъ пушекъ, выгруженныхъ на берегъ, сдѣланы изъ этого металла. Вслѣдствіе этого огонь время отъ времени долженъ ослабѣвать, потому что отъ частыхъ выстрѣловъ эти пушки нагрѣваются. Теперешняя линія французовъ на 200 или 300 ярдовъ ближе къ непріятелю, чѣмъ наша, но большій калибръ нашей осадной артиллеріи вознаграждаетъ насъ за различіе разстоянія. Завтра по утру или сегодня вечеромъ наши начнутъ работать на лѣвой сторонѣ. Они отправляются вскорѣ послѣ солнечнаго заката и возвращаются на разсвѣтѣ, чтобъ достигнуть лагеря прежде, чѣмъ непріятель увидитъ ихъ. Послѣднія двѣ ночи стоялъ сильный холодъ, вѣтеръ былъ пронзителенъ и дулъ прямо съ сѣвера. Онъ принесъ съ собою простуды, горячки, лихорадки и сильно увеличилъ нашъ огромный списокъ больныхъ. Страшно произнести число, сколько осталось у насъ въ настоящее время въ строю людей. Едва ли повѣрятъ мнѣ, да притомъ подобное извѣстіе не принесетъ никому пользы. Смертность отъ холеры уменьшилась съ 26 до 10 въ день. Подъ-вечеръ русскіе открыли страшный огонь огромными ядрами и гранатами по нашей новой батареѣ, на которой находился капитанъ *Кольвилъ* и его рота стрѣлковой бригады. Непонятно, какъ могли они спастись. Наша кавалерія много разъѣзжаетъ, но ничего не дѣлаетъ. О новыхъ продѣлкахъ казаковъ что-то не слышно. Въ по-

([1]) Метръ составляетъ около аршина и шести вершковъ.

ловинѣ пятаго огонь такъ былъ силенъ, что одинъ офицеръ 20-го полка нашелся принужденнымъ отвести назадъ свою рабочую команду. Онъ явился къ сэру *Эвансу* и сказалъ ему, что непріятель открылъ по немъ такой сильный огонь, что онъ не могъ оставаться долѣе на своемъ постѣ. Французы лишились одного инженернаго капитана, подававшаго большія надежды, который былъ убитъ въ то время, какъ производилъ осмотръ.

29-го сентября (11-го октября). Прошлою ночью британскія войска взрыли землю передъ Севастополемъ, на крайней правой сторонѣ и въ центрѣ нашей позиціи. Непріятель непрерывно слѣдилъ за нашими движеніями и производилъ страшный огонь по возвышеніямъ, находящимся впереди легкой и 2 дивизій. Гранаты и 32, 56, 68 и даже 84-хъ фунтовыя ядра неслись черезъ каждую четверть минуты съ русскихъ батарей и бороздили землю во всѣхъ направленіяхъ. Русскіе, которые съ закатомъ солнца прекращали обыкновенно свой огонь, прошлую ночь не замолкали ни на минуту и почти безпрерывно продолжали огонь по всей нашей линіи. Каждую минуту мѣстность озарялась блескомъ выстрѣла, какъ будто молніею, потомъ все снова погружалось въ мракъ, и чрезъ нѣсколько секундъ слабый свѣтъ указывалъ то мѣсто, гдѣ разорвало гранату. Отъ нечего—дѣлать, мы брали въ руку часы, считали секунды отъ выстрѣла до разрыва гранаты и такимъ образомъ опредѣляли разстояніе и калибръ орудія. Молчаніе англійскаго лагеря составляло странный контрастъ съ ревомъ русскихъ батарей и музыкой, звуками трубъ и шумомъ въ лагерѣ нашихъ союзниковъ. По наступленіи совершенной темноты, центральныя русскія батареи открыли такой яростный огонь, что мы думали, не прикрываетъ ли непріятель вылазку, и въ лагерѣ все были въ готовности. Въ 10 часовъ вечера лордъ *Рагланъ*, въ сопровожденіи генералъ-квартирмейстера и другихъ офицеровъ, отправился вдоль линій, тщательно осматривая состояніе и позицію полковъ и работы. Онъ возвратился въ часъ по полуночи. Вскорѣ по наступленіи темноты 800 чел. вышли потихоньку на лѣвый фронтъ и начали первую британскую

траншею предъ Севастополемъ. Сдѣлано около 1,200 ярдовъ траншеи. Во время работы встрѣчены величайшія трудности, по случаю каменистаго свойства почвы. Траншеи эти тотчасъ будутъ превращены въ батареи, какъ скоро изготовятъ платформы. Сегодня прибылъ адмиралъ *Лайонсъ* и осматривалъ линіи вмѣстѣ съ лордомъ *Рагланомъ*. Адмиралъ осмотрѣлъ также французскія и англійскія апроши. Прибылъ пароходъ «Simla» съ 320 африканскими стрѣлками. Полковникъ, капитанъ и лейтенантъ 50 полка ранены сегодня вечеромъ гранатой.

30-го сентября (12-го октября). Прошлую ночь русскія батареи хранили молчаніе. Въ молчаніи этомъ было что-то зловѣщее, и мы были въ полномъ убѣжденіи, что непріятель сдѣлаетъ вылазку. Распространился также слухъ, что русскіе сдѣлаютъ нападеніе на Балаклаву, а греки намѣрены помочь имъ тѣмъ, что зажгутъ городъ. Начальство наше рѣшилось на крайнюю мѣру и приказало грекамъ, мужчинамъ и дѣтямъ, оставить городъ, что и было въ точности исполнено до наступленія темноты. Капитанъ *Гордонъ* началъ вести траншею на правомъ крылѣ, вскорѣ послѣ сумерекъ. 400 человѣкъ отправлено на работы изъ 2-й и легкой дивизій, и посланы большіе отряды для прикрытія ихъ. Въ продолженіе ночи проведено 363 ярда траншеи. Предполагалось было, чтобы подобныя же партіи начали работы на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, но, благодаря одному изъ тѣхъ случаевъ, которые неизбѣжны въ ночныхъ работахъ, саперы сбились съ дорогъ и наткнулись на непріятельскую линію. Они были замѣчены однимъ непріятельскимъ постомъ, который по видимому составлялъ авангардъ вылазки. Русскіе открыли по нимъ ружейный огонь въ близкомъ разстояніи. Выстрѣлы освѣтили мѣстность, и наши солдаты увидали, что отрядъ русской пѣхоты тихо приближается къ нашимъ работамъ. Тотчасъ же дано знать дивизіи, которая находилась позади. Въ двадцать пять минутъ втораго непріятель открылъ сильную канонаду. 2-я и легкая дивизіи построились, къ нимъ присоединены полевыя орудія и начали огонь по непріятелю. Отряды, высланные для прикрытія, получили при-

казаніе отступить къ линіямъ, что они исполнили, за исключеніемъ одной роты стрѣлковъ, которая крѣпко держалась. Русскіе выслали полевыя орудія, чтобы поддержать нападеніе. Находящіяся за ними батареи то и дѣло озарялись выстрѣлами; свистъ ядеръ и гранатъ, смѣшанный съ несмолкаемыхъ визгомъ ружейныхъ выстрѣловъ наполнялъ воздухъ. Весь лагерь поднялся на ноги. Налѣво отъ насъ французы взялись за оружіе; барабанный бой, пронзительные звуки трубъ слышались посреди свиста ядеръ и пуль. Около получаса продолжалась эта сумятица. Наконецъ русскіе удалились подъ прикрытіе своихъ батарей. Какъ скоро тревога кончилась, всѣ возвратились къ своимъ бивуакамъ. Трудно описать нашу позицію безъ помощи карты, но, предполагая, что каждый изъ нашихъ читателей имѣетъ передъ собою хорошій планъ Севастополя, я укажу въ общихъ выраженіяхъ занимаемую нами мѣстность. Въ разстояніи около 700 ярдовъ отъ южной оконечности карпинской (?) бухты возвышается круглая башня, вокругъ которой русскіе возвели очень обширныя укрѣпленія, вооруженныя тяжелыми орудіями. По откосу того возвышенія, на которомъ поставлена эта башня, находится лагерь пѣхоты и кавалеріи, тысячъ въ десять или двѣнадцать человѣкъ. Круглая башня снабжена орудіями, которыя, вмѣстѣ съ разставленными на земляныхъ сооруженіяхъ, находящихся внизу, бросаютъ ядра и гранаты прямо въ наши передовые посты и въ рабочія команды, а иногда чрезъ возвышенія, находящіяся предъ нашимъ фронтомъ, внизъ въ нашъ лагерь. Наши первыя батареи будутъ возведены въ разстояніи 1,200 ярдовъ отъ этой круглой башни, почти въ прямомъ направленія SS. W. Лѣвое наше крыло простирается къ откосу рва, который отдѣляетъ французовъ отъ англичанъ, и который идетъ по направленію S. E. отъ конца адмиралтейской бухты до нашей главной квартиры въ Кугарѣ. Близъ рва находится батарея въ 8 ланкастерскихъ и десяти-дюймовыхъ пушекъ, поставленныхъ на разстояніи 2,500 ярдовъ отъ непріятельской линіи. Оконечность французскаго праваго крыла помѣщается въ разстояніи около 2½ миль отъ оконечности

британскаго лѣваго крыла. На югъ отъ кладбища, по спуску къ карантинной гавани и къ колодезямъ прѣсной воды, тянутся французскія линіи. Операціонная линія обѣихъ армій отъ моря до Черной простирается на $7^1/_2$ или 8 миль. Дорага изъ Кадыкіоя въ Камары и южныя ущелья горъ укрѣплена въ трехъ мѣстахъ, чтобы сдѣлать ихъ недоступными пѣхотѣ и артиллеріи. На возвышеніяхъ, господствующихъ надъ дорогою, поставлены тяжелыя пушки. На высотахъ на восточной сторонѣ Балаклавы стоятъ палатки человѣкъ тысячи морскихъ солдатъ съ разныхъ кораблей и нѣсколько 24 или 32-фунтовыхъ гаубицъ. Въ Кадыкіоѣ, на юго-западъ, расположенъ лагерь около 800 человѣкъ матросовъ съ тяжелыми орудіями и съ временнымъ паркомъ для артиллеріи и корабельными пушками сзади нихъ. Отъ Кадыкіоя къ Трактиру идетъ гористая или, лучше сказать, чрезвычайно холмистая мѣстность. Между этими кряжами находятся обширныя долины, чрезъ которыя проходятъ съ одной стороны дорога князя *Воронцова*, дорога въ Инкерманъ, оттуда въ Севастополь, длиннымъ поворотомъ на бакчисарайскую дорогу, и наконецъ дорога въ Трактиръ. На пути изъ этихъ холмистыхъ возвышеній, господствующихъ надъ балаклавскою дорогою, партія турокъ въ 2,000 человѣкъ дѣятельно возводитъ, подъ руководствомъ капитана *Вагмана*, земляные редуты. На каждомъ изъ этихъ редутовъ поставлены будутъ по двѣ тяжелыя пушки и по 250 человѣкъ турокъ. Эти бѣдняки неутомимо работаютъ, хотя принуждены были вынести самыя ужасныя лишенія. 8,000 человѣкъ этихъ несчастныхъ высадили въ Крымъ, не позаботясь нисколько о средствахъ къ ихъ существованію. Послано только имъ на берегъ нѣсколько марсельскихъ сухарей. Сухари скоро израсходованы, и у турецкихъ солдатъ не осталось ничего болѣе. Съ Альмы до 10 октября имъ пришлось по два сухаря на каждаго. Они существовали какъ могли; нерѣдко видѣли мы, что они бродили вокругъ нашего лагеря и отыскивали не попадется ли гдѣ огрызка сухаря. Наконецъ англичане взяли ихъ на свое пропитаніе. Они лакомятся теперь кофеемъ, сахаромъ, рисомъ, сухарями, но косятся на нашу

солонину, подозрѣвая, что подъ этимъ видомъ кроется свинина. Эти пять батарей неоцѣненны для защиты дороги въ Балаклаву, а турки за подобными сооруженіями будутъ биться до послѣдней крайности. На возвышеніяхъ надъ этими батареями и сзади нихъ французы строятъ двѣ линіи земляныхъ укрѣпленій. Матросскій лагерь устроенъ близъ артиллерійскаго парка лѣваго крыла, подлѣ линій 3-й дивизіи. Матросовъ находится теперь на берегу до 2.000 человѣкъ. Корабельныхъ пушекъ перевезено на берегъ 51. Капитанъ *Гапманъ* съ 800 солдатами и капитанъ *Гордонъ* съ 400 продолжали работы. Около 40 платформъ доставлены вчера къ траншеямъ. Мѣста пушекъ и батарей назначены [1])».

Въ письмахъ отъ 9-го октября (27-го сентября), полученныхъ газетою «Copirte Zeitungs-Correspondenz» прямо изъ Крыма, приписываютъ замедленіе атаки Севастополя, во-первыхъ, движенію, произведенному княземъ *Меншиковымъ* отъ Бакчисарая къ югу и заставившему союзниковъ произвести и съ ихъ стороны движенія, чтобы обезопасить ихъ флангъ, а, во-вторыхъ, неизбѣжной потерѣ времени, съ какою было сопряжено снабженіе англо-французскихъ войскъ въ Балаклавѣ запасами всякаго рода на четыре недѣли.

Въ извѣстіяхъ изъ Крыма, отъ 5-го октября (23-го сентября), говорилось только о приготовленіяхъ къ бомбардированію Севастополя. Въ то же время союзники принимали мѣры къ огражденію себя отъ нападенія со стороны подкрѣпленій, прибывающихъ въ Крымъ. Большія транспортныя суда постоянно проходили черезъ Босфоръ съ запасами для союзныхъ армій, безпрестанно получавшихъ подкрѣпленія.

Въ газетѣ «Standart» пишутъ изъ Константинополя, отъ 4-го октября (22-го сентября): французскій пароходъ «Индъ», прибывшій третьяго дня изъ Варны, привезъ съ собою извѣстія, что флотъ, на которомъ отправлялась въ

---

[1]) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 241.

Крымъ остальная часть экспедиціонной арміи, не могъ выйти въ море по причинѣ бурной погоды. Люди и лошади много терпѣли отъ сильной качки, продолжавшейся уже болѣе недѣли. (Потомъ, какъ видно изъ донесенія генерала *Канробера*, эти подкрѣпленія перевезены на берега Крыма). Генералъ *Эспинасъ* прибылъ 4-го октября (22-го сентября), въ Константинополь и въ тотъ же день отправился въ Крымъ ([1]).

Парижъ, 18-го октября. Пишутъ изъ Тулона, отъ 10-го сего мѣсяца (28-го сентября): Назначеніе южнаго лагеря, казавшееся доселѣ довольно загадочнымъ, начинаетъ объясняться: онъ долженъ служить резервомъ крымской арміи. Вотъ списокъ цѣлыхъ полковъ или батальоновъ, составляющихъ теперь этотъ лагерь: 10-й, 11-й, 57-й и 61-й линейные полки, 10-й легкій, 17-й батальонъ пѣшихъ егерей, 3-я и 6-я роты инженернаго полка и 5-е отдѣленіе обоза. Кромѣ того, многіе полки восточной арміи имѣютъ въ этомъ лагерѣ свои запасныя части (dépots). Наличное число всѣхъ этихъ войскъ простирается до 300 офицеровъ и 12.785 человѣкъ нижнихъ чиновъ ([2]).

Парижъ, 18-го октября. ....Мѣры для подкрѣпленія флота и арміи дѣйствующихъ на востокѣ принимаются дѣятельно какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, и, чтобы не терять времени, оба правительства уговорились между собою отсылать англійскія военныя суда для починки въ Тулонъ ([3]).

Въ парижской газетѣ «Presse» пишутъ изъ Константинополя, отъ 10 го октября: Здѣсь распространился слухъ, что по востребованію генераловъ, адмиралы высадили около 25,000 матросовъ. Эта цифра кажется преувеличенною. Одинъ изъ офицеровъ судна «Гарпія» увѣряетъ, что съ кораблей взяли только число людей, потребное для при-

---

([1]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 233.
([2]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 230.
([3]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 231.

слуги у морскихъ артиллерійскихъ орудій. Дѣйствительно, въ письмѣ изъ Балаклавы въ «Times» формально говорятъ, что высажены тысяча матросовъ, подъ командою капитана *Люшингтона* ([1]).

Въ письмахъ англійскихъ корреспондентовъ изъ Севастополя находятся нѣкоторыя подробности бивуачной жизни подъ непріятельскимъ огнемъ. Одинъ офицеръ пишетъ въ газетѣ «Globe» отъ *29-го сентября* (*11-го октября*). Я проспалъ 11 ночей подъ небольшой моей палаткой, рисунокъ которой прилагаю. Много съѣлъ я въ это время огороковъ, сыру, винныхъ ягодъ, овощей въ уксусѣ и сухарей. Большой мой мѣхъ съ водкой выпитъ мародерами въ мое отсутствіе. Пропала также моя лошадь, доставлявшая мнѣ много хлопотъ. Каждую ночь убѣгала она у меня въ отдаленныя поля, чтобы поживиться травой, и каждое утро мнѣ приходилось за нею охотиться. У насъ была прекраснѣйшая погода, исключая запрошедшей ночи и всего вчерашняго дня, когда стоялъ страшный холодъ, моросилъ дождь, свинцомъ лежалъ густой туманъ, все грозило снѣгомъ, который, казалось, медленно, тяжелыми массами спускался къ намъ съ горъ. Это было горькимъ предзнаменованіемъ того, что ожидаетъ насъ, когда наступитъ зима. За то съ какою благодарностью встрѣтили мы теплое солнце, когда оно явилось сегодня поутру! Въ настоящую минуту я очень комфортабельно сижу въ своей палаткѣ. Русскія ядра съ ревомъ падаютъ вокругъ нашихъ траншей. мы же до сихъ поръ еще не открывали огня. Говорятъ, что у насъ все готово, но мы ожидаемъ французовъ. Мнѣ кажется, что мы уже слишкомъ медленно дѣлаемъ наши приготовленія. Лордъ *Рагланъ* очень много заботится о сохраненіи жизни своихъ солдатъ, а потому приближается осторожно и съ надлежащею постепенностью. Но если захватитъ насъ суровая погода, потеря времени можетъ сдѣлаться равнозначительна съ потерею жизни, и, что еще важнѣе, будетъ имѣть пагубное вліяніе на духъ и энергію

([1]) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 235.

арміи, которая сильно утомлена ночными тревогами и лишеніями. Каждый день ожидаемъ мы, что откроютъ огонь, и каждый разъ намъ говорятъ по секрету, что огонь откроютъ завтра. Въ прошлое воскресенье, когда я варилъ кофе у огня сэра *Джоржа Броуна*, раздался очень громкій взрывъ, потомъ послышался продолжительный визгъ, который все приближался, пока большое ядро не просвистало ярдахъ въ пяти надъ моею головою и не упало ярдахъ въ 25 отъ моей палатки. Это было самое близкое разстояніе, въ которомъ ядру удалось упасть отъ меня, въ продолженіе 10 или 12 дней, когда я находился подъ непріятельскими выстрѣлами. Вся легкая дивизія собралась какъ-то въ церковь и ожидали священника. Ядра и гранаты начали падать въ такомъ близкомъ разстояніи отъ нея, что признали за лучшее перенести ее на нѣсколько сотенъ ярдовъ назадъ. Наконецъ явился священникъ и началъ божественную службу звучнымъ голосомъ, который не измѣнялся и не ослабѣвалъ и въ то время, когда слышался визгъ пролетавшаго мимо ядра. Въ подобныхъ обстоятельствахъ божественная служба производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе. Мы дожидали, что начнемъ сражаться на слѣдующій день, и мысль, что, можетъ быть, это послѣдняя божественная служба, при которой многіе изъ насъ присутствуютъ, что какая-нибудь щепотка пороха можетъ послать въ среду насъ гранату и оставить на мѣстѣ 50 или 60 человѣкъ убитыми, придавала особое значеніе изрѣченіямъ о бренности жизни. Проповѣдь была не многословна. Въ воскресенье ночью лордъ *Рагланъ* объѣхалъ лагерь, и передвинулъ насъ нѣсколько назадъ, поставивъ внѣ выстрѣловъ. Во время холодной ночи, я просидѣлъ нѣсколько времени спиною къ двери палатки, и простудилъ себѣ правую челюсть. Я чувствовалъ себя такъ дурно, что думалъ было возвратиться въ Балаклаву, но когда хватился своей лошади, то оказалось, что у меня ее украли. Мы облагаемъ только одну сторону Севастополя, которая составляетъ не болѣе какъ треть всей его окружности (1).

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 246.

«Journal des Débats» сообщаетъ нѣсколько писемъ французскихъ офицеровъ, находящихся въ Крыму. Свѣдѣнія, въ нихъ содержащіяся, не важны для насъ, потому что мы имѣемъ извѣстія гораздо позднѣйшія, но тѣмъ не менѣе любопытны. Одинъ молодой офицеръ пишетъ, между прочимъ, изъ-подъ Севастополя, отъ 30-го сентября (12-го октября): «Вотъ уже 12 дней, какъ мы поглядываемъ на Севастополь и не сдѣлали еще по немъ ни одного выстрѣла, а между тѣмъ этотъ добрый городъ, предметъ всѣхъ нашихъ желаній, забавляется ежедневно новымъ упражненіемъ по нашимъ головамъ. То онъ подчуетъ насъ изъ огромныхъ пушекъ, которыя берутъ на баснословное разстояніе, почти въ 4 километра (нѣсколько менѣе 4-хъ верстъ); то небольшими бомбами, или просто зажигательными, или съ пулями, которыя производятъ такое смертоносное дѣйствіе; наконецъ, сегодня онъ началъ привѣтствовать насъ самыми огромными бомбами, разнообразя свои посылки тѣмъ, что направляетъ ихъ, то подальше, на наши лагери, то поближе, на нашихъ рабочихъ. Но, видно, ко всему можно привыкнуть: не смотря на тысячи смертоносныхъ снарядовъ, которые летаютъ вокругъ насъ, и, можно сказать, заслоняютъ солнце, каждый спитъ спокойно, когда есть время; каждый работаетъ, не думая о будущемъ, какъ будто у себя, во Франціи. Не думайте однакожъ, чтобъ мы въ эти 12 дней ничего не дѣлали. 10-го числа вечеромъ стало очень холодно, потому что вѣтеръ уже почти цѣлыя сутки дулъ съ сѣвера и мы ожидали снѣга. Въ этотъ вечеръ мы открыли свою первую траншею, въ которой находятся наши первыя батареи».—Другой корреспондентъ говоритъ: «Передовые посты находятся иногда въ какихъ-нибудь 100 метрахъ (около 47 саж.) другъ отъ друга; тѣ и другіе прячутся за камнями и зорко сторожатъ непріятеля. Ночи теперь лунныя, свѣтло почти какъ днемъ, и потому первый, кто высунулъ голову изъ-за камня, тотчасъ дѣлается мишенью для дюжины карабиновъ. Впрочемъ, теперь уже мы привыкли къ тревогамъ и онѣ безпорядка не производятъ. На бивуакахъ всякій спитъ на своемъ мѣстѣ въ ряду, такъ что въ минуту все на ногахъ

и все въ порядкѣ».—Приготовленія къ осадѣ были гораздо затруднительнѣе для англичанъ, чѣмъ для французовъ, потому что они гораздо дальше ихъ отъ моря. Французы занимаютъ самый берегъ и имъ стоило только вывезти свою артиллерію на землю; англичане, напротивъ того, должны были выгрузить свои орудія въ Балаклавѣ, потомъ перевезти ихъ въ лагерь, который они устроили направо отъ города. А отъ Балаклавы до главной квартиры сэра Джоржа *Бургоина*, главнаго начальника инженеровъ, 6 миль (около 9 верстъ) и дороги весьма дурныя. Всѣ средства къ перевозкѣ, всевозможныя телѣги и особенно руки флотскихъ экипажей, употреблены были для перевозки въ лагерь орудій, военныхъ снарядовъ, туровъ и пр. Эти длинные караваны производили въ маленькомъ городкѣ Балаклавѣ такую тѣсноту, какую можно найти только въ самыхъ людныхъ переулкахъ въ Парижѣ и Лондонѣ. Другое неудобство позиціи англійской арміи состоитъ въ томъ, что такъ какъ всѣ средства перевозки употреблены на артиллерію и военные снаряды, то палатки нельзя было перевезти въ лагерь, и потому солдаты и офицеры проводили очень сырыя и весьма холодныя ночи на чистомъ воздухѣ. Смертность чрезвычайно сильна.—Одинъ англійскій корреспондентъ пишетъ: «Всѣ наши солдаты очень исхудали; пыль и потъ, накопившіеся на нихъ въ теченіе долгаго времени, придаютъ имъ самый невзрачный видъ. Платья ихъ, которыхъ они не перемѣняли уже нѣсколько недѣль, невозможно и отчистить. Какъ прикажете мыться, когда воды такъ мало, что и пить нечего? Блестящіе офицеры линейныхъ и гвардейскихъ полковъ далеко не похожи на то, чѣмъ были прежде. Это было бы весьма забавно, еслибъ не было очень важно. Они вышли на берегъ только съ тѣмъ, что было на нихъ, и потому уже недѣли три не снимали своихъ мундировъ: въ нихъ они дѣлали переходы, въ нихъ сражались, въ нихъ и спали. Само собой разумѣется, что красное сукно полиняло, золото, шитье поблекли. Запачканный, изорванный киверъ, красная шаль вокругъ груди, очень полезная, хотя и запрещенная, сумка съ раціономъ, сухарями и, когда можно, съ

лакомствами, то есть съ яйцами, медомъ, живностію, а иногда, послѣ удачной экспедиціи, живой гусь, котораго держатъ за лапки,—вотъ зрѣлище, которое представляютъ англійскіе офицеры». Въ томъ же письмѣ разсказываютъ самые забавные эпизоды лагерной жизни, именно охоты за домашней птицей.—«Какъ скоро гдѣ-нибудь покажутся курица или гусь, всѣ пускаются за ними въ погоню, и счастливый побѣдитель съ торжествомъ несетъ свою добычу къ себѣ. Когда офицерамъ случается быть въ Балаклавѣ, они берутъ лодку и отправляются на флотъ, добывать припасовъ. Бутылка хересу стоитъ 6 шиллинговъ (около 2-хъ рублей), что очень дорого, потому что вино привозится изъ Мальты; соль, перецъ въ страшной цѣнѣ, также какъ сахаръ и мыло; фланели и найдти нельзя; зажигательныя спички продаются по 3 франка (75 к.) коробочка. Мелкіе торговцы могли бы нажиться во французскомъ и англійскомъ лагерахъ въ Крыму. Книгопродавцамъ, которые не могутъ сбыть съ рукъ своего хлама, тоже было бы тамъ очень выгодно, равно какъ и писателямъ, которые не находятъ читателей — въ чемъ, впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не признается. Тамъ на книги рѣшительный голодъ. Какъ скоро какая-нибудь книга попала въ лагерь, она переходитъ изъ рукъ въ руки, изъ баталіона въ другой, и читается до тѣхъ поръ, покуда совсѣмъ не уничтожится (1).

«Journal des Débats» сообщаетъ любопытныя подробности о положеніи медицинской части во французской и англійской арміяхъ на Востокѣ. «Изъ всѣхъ донесеній съ Востока, говоритъ авторъ статьи, извѣстный Джонъ *Лемоанъ*, видно, что раненые и больные во французской арміи, къ счастію, находятъ госпитальную часть, превосходно-устроенную для перевязки и пріема ихъ; сожалѣемъ, что, какъ видно изъ всѣхъ англійскихъ корреспонденцій, армія нашихъ союзниковъ, болѣе насъ потерпѣвшая въ битвѣ (на Альмѣ), должна была потомъ много терпѣть отъ непостижимаго несовершенства въ врачебныхъ пособі-

(1) „С.-Петерб. Вѣдом." 1854 г. № 237. „Моск. Вѣдом." № 128.

яхъ. У англичанъ, какъ кажется, не достаетъ хирурговъ-фельдшеровъ, даже корпіи, и при томъ не только на полѣ битвы, но даже и въ константинопольскихъ госпиталяхъ. Всю ночь 8-го (20-го) сентября, послѣ битвы, и день и ночь 21-го, занимались переноскою больныхъ къ берегу и оттуда на корабли. Въ одномъ письмѣ сказано: «У насъ нѣтъ никакихъ средствъ перевозки. Если бъ не адмиралъ *Лайонсъ* съ своими матросами, то не знаю, что бы съ нами было. Они приходили съ койками и веслами, на которыхъ и переносили раненыхъ на суда; офицеры и матросы работали день и ночь. У французовъ, напротивъ, эта часть устроена превосходно. Вездѣ были врачи и священники. Генералы, *Канробертъ* первый, и офицеры наблюдали за перевязкой. У нихъ были мулы съ постелями и висячими креслами. Я говорю вамъ то, что самъ видѣлъ. Для довершенія несчастія, наша 4-я дивизія стояла въ весьма-нездоровомъ мѣстѣ, отчего холера въ ней очень усилилась.—«Никогда», говоритъ другой корреспондентъ, «никогда видѣвшіе это не забудутъ страданій несчастныхъ, которые, въ ночи 20-го и 21-го чиселъ, лежали на голой землѣ, безъ палатокъ, покрытые только шинелью или какимъ-нибудь одѣяломъ; одни только изувѣченные могутъ сказать, что они вытерпѣли, когда ихъ трясли на койкахъ и въ телѣгахъ, между тѣмъ какъ ихъ мучила лихорадка и раны ихъ засохли». — Одинъ англійскій хирургъ пишетъ: «Эти два дня я рѣшительно купался въ крови. Никакое описаніе не можетъ передать всѣхъ ужасовъ этого поля сраженія; мертвые, умирающіе, лошади, ружья, лафеты, тѣла безъ головъ, туловища безъ ногъ, раны такія, что у меня кровь стынетъ въ жилахъ при одномъ воспоминаніи объ нихъ. Самыя жалкія лачуги и сараи были превращены въ клиническіе амфитеатры, и мы принуждены были кое-какъ дѣлать самыя ужасныя операціи. О томъ, какъ проворно должны были мы работать, вы можете судить по тому, что я менѣе чѣмъ въ 3 часа извлекъ 23 пули. Что касается до перевязокъ, то объ этомъ нечего было и думать. Наши хирургическіе бивуаки легко было узнать по тому, что вездѣ вокругъ нас валялись на землѣ

отнятыя руки и ноги. Право, я ни съ чѣмъ не могу лучше сравнить поле битвы въ эти два дня, какъ съ бойнею. Помощникъ мой, который долженъ былъ сжимать артеріи, не могъ продолжать, и я принужденъ былъ ожидать, чтобъ кто-нибудь занялъ его мѣсто. Не знаю, что сталось съ тѣми, у кого я отнималъ члены, потому что какъ скоро я кончалъ операцію, раненаго переносили на солому и предоставляли его vis medicatrix naturae (цѣлительной силѣ природы). Въ редутахъ мертвые и раненые лежали одни на другихъ цѣлыми грудами. Когда я проходилъ между ранеными, мольбы ихъ раздирали мнѣ сердце, и, пока я занимался однимъ изъ нихъ, двадцать другихъ съ отчаяніемъ призывали меня къ себѣ».

«Еще прежде сраженія англичане потеряли много людей отъ холеры. Извѣстно, что первая ночь послѣ высадки была ужасна; что англичане не успѣли перевезти съ кораблей всѣ свои палатки и принуждены были лежать въ водѣ. Но больные и раненые всего болѣе пострадали при перевозкѣ съ Альмы въ Константинополь; въ англійскихъ журналахъ, въ которыхъ все говорится невозбранно, подробно описаны всѣ ужасы этой перевозки. На одномъ кораблѣ «Вулканъ» было 300 раненыхъ и 170 холерныхъ, и на всѣхъ этихъ больныхъ только 4 врача. Раненые цѣплялись за ихъ платья, хватали ихъ за ноги, и врачи принуждены были вырываться, отталкивать ихъ отъ себя. Но все это еще ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что вытерпѣли несчастные, находившіеся на *Colombo*. Тутъ мы предоставляемъ говорить константинопольскому корреспонденту: «Это судно вышло изъ Крыма 24-го сентября. Два дня перевозили на него раненыхъ, и когда подняли якорь, на кораблѣ было 553 человѣка раненыхъ. Половина ихъ, съ самаго сраженія, врача въ глаза не видала. На все это было только 4 хирурга, считая въ томъ числѣ и корабельнаго, которому и безъ того было много дѣла съ однимъ экипажемъ. Судно было рѣшительно покрыто тѣлами, лежащими на полу, такъ что матросамъ почти невозможно было работать; офицерамъ нельзя было сходить внизъ за своими инструментами, чтобъ управлять кораб-

лемъ; поэтому онъ оставался въ пути 12 часовъ лишнихъ. Самые больные лежали на палубѣ, которая въ два дня превратилась въ гніющую массу. Раны, произведенныя огнестрѣльнымъ оружіемъ, не обмытыя и не перевязанныя, породили червей, которые ползали повсюду и даже попадали въ пищу. Гніющія животныя вещества производили такія испаренія, что офицеры и матросы не могли дышать; капитанъ и теперь еще болѣнъ отъ слѣдствій этого пятидневнаго переѣзда. Всѣ одѣяла, которыхъ было слишкомъ 1.500, надо было бросить въ море, потому что они никуда уже не годились. 30 человѣкъ умерли во время переѣзда. Врачи дѣлали что могли; но ихъ было слишкомъ мало, и многіе раненые были осмотрѣны не ранѣе, какъ черезъ 6 дней послѣ сраженія. Теперь этотъ корабль моютъ, чистятъ и окуриваютъ, чтобъ избѣжать тифа. *Colombo* велъ на буксирѣ 2 транспорта, которые были почти въ такомъ же положеніи».

Это уже довольно печальный разсказъ; но вотъ что еще непостижимѣе, и что мы, однакожь, почти буквально заимствуемъ изъ англійскихъ писемъ: даже въ Константинополѣ, въ Скутари, гдѣ находятся госпитали, медицинская часть у англичанъ также плоха, какъ въ Крыму и на корабляхъ; у нихъ не доставало даже корпіи и бинтовъ для перевязокъ. Впрочемъ, госпитали были, разумѣется, устроены какъ слѣдуетъ, но слишкомъ недостаточны. «Французы, говоритъ одинъ корреспондентъ, много превосходятъ насъ въ этомъ отношеніи; ихъ устройство превосходно: врачей у нихъ несравненно болѣе, чѣмъ у насъ, и притомъ у нихъ весьма много *сестеръ милосердія*, которыхъ они привезли съ собою». Другой говоритъ: «Я былъ во французскомъ госпиталѣ въ Метиджіе: ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ нѣтъ заведенія, лучше этого устроеннаго. Я видѣлъ тамъ 3 или 4,000 желѣзныхъ кроватей, съ тюфяками, одѣялами, подушками и проч., даже съ пологами для офицеровъ. Сестры милосердія бѣгаютъ во всѣ стороны, нагибаются, какъ ангелы-хранители, надъ больными, пользуютъ ихъ и лекарствами, и словами утѣшенія». Англичане при всякомъ

случаѣ восхваляютъ сестеръ милосердія: за ихъ больными ходятъ одни мужчины.

«Вы никакъ не угадаете, какихъ сидѣлокъ англійское правительство придумало послать на Востокъ. Въ Лондонѣ есть убѣжище для ветерановъ, нѣчто въ родѣ инвалиднаго дома: это Чельсійскій госпиталь. Министерству вздумалось употребить этихъ старыхъ солдатъ съ пользою, назначивъ ихъ ходить за больными. Ихъ отправили въ армію. «Но», говоритъ одинъ англійскій корреспондентъ, «вскорѣ замѣтили, что эти бѣдные инвалиды не только не могутъ ходить за больными, но что еще за ними надобно ходить; въ Галлиполи и въ Болгаріи многіе изъ нихъ умерли, а остальные были такъ слабы, что не въ состояніи исправлять самыхъ легкихъ работъ» Такимъ образомъ эти люди сдѣлались безполезнымъ бременемъ для арміи, и теперь солдаты принуждены прислуживать другъ другу: выздоравливающіе ходятъ за больными. Повторяемъ, что мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія единственно изъ англійскихъ источниковъ, и потому отнюдь не помышляли о критикѣ. Союзники, конечно, воспользуются обоюдными примѣрами и будутъ заимствовать другъ у друга все хорошее. Но у насъ есть учрежденіе, котораго англичане не могутъ завести у себя: сестеръ милосердія у нихъ не будетъ, потому что это учрежденіе не въ духѣ англійской религіи».

Одинъ изъ англійскихъ офицеровъ пишетъ изъ Варны: «Я снова очутился въ этомъ ужасномъ городѣ. Что мы дѣлали съ тѣхъ поръ, какъ оставили его, какъ тяжело быть свидѣтелемъ всего этого. 24-го и 25-го сентября (12-го и 13-го октября) я сѣлъ съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ на корабль. (14-го) 26-го числа, мы, то есть, тяжелая бригада, вышла изъ Варнскаго залива съ тремя дивизіями, подъ прикрытіемъ парохода *Spiteful*. Къ вечеру начался сильный вѣтеръ, а въ полночь поднялась буря. Меня извѣстили, что лошади сорвались и попадали на полъ. Надо вамъ сказать, что на кораблѣ у насъ находилось 100 лошадей, хотя мѣста было только для 56, въ слѣдствіе чего мы не имѣли возможности помѣстить ихъ со-

вершенно надежнымъ образомъ. Кромѣ того между палубами корабля находилось еще 18 подъемныхъ лошадей. Я тотчасъ же отправился внизъ и увидалъ страшную картину; всѣ почти лошади лежали на полу, нѣкоторыя изъ нихъ подъ досками. Я употребилъ всѣ усилія, чтобъ поднять несчастныхъ животныхъ на ноги, но тщетно, потому что корабль съ каждою минутою качало все болѣе и болѣе. Мы сами едва не попадали между лошадей, которыя ржали и бились. Болѣе четырехъ часовъ оставался я посреди этой ужасной сцены, каждую минуту опасаясь потерять равновѣсіе, упасть и быть затоптану. Наконецъ сдѣлалось невозможнымъ оставаться внизу долѣе, и мы принуждены были оставить бѣдныхъ животныхъ лягать и бить другъ друга. Войдя на палубу, мы увидали, что нашъ корабль оторвался отъ парохода, который велъ его на буксирѣ. Такимъ образомъ мы оставлены были на произволъ волнѣ и вѣтра. Я думалъ сойти на слѣдующее утро, чтобъ отдѣлить живыхъ лошадей отъ убившихся, но буря все еще продолжалась и мы принуждены были оставить ихъ до вчерашняго дня, то есть, 28-го числа. Наконецъ я сошелъ внизъ, когда представилась къ тому возможность, и увидалъ, что 71 лошадь лежали кучей, изуродованныя самымъ ужаснымъ образомъ. Въ числѣ ихъ находились и мои три бѣдныя животныя. Съ большимъ трудомъ выбросили мы ихъ наконецъ за бортъ, и какъ нельзя болѣе во-время, потому что онѣ легко могли заразить воздухъ. Что мы будемъ дѣлать безъ лошадей, не знаю. Не могу болѣе писать, такъ поразило меня постигшее насъ несчастіе» (¹).

Высочайшій указъ о правахъ, присвоенныхъ генералъ-адъютанту князю Горчакову и о губерніяхъ и войскахъ, подчиненныхъ ему князю Горчакову, генералъ-адъютанту князю Меншикову и генералъ-адъютанту Хомутову.

Въ Высочайшемъ указѣ, 26-го сентября, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ правительствующему сенату, изображено: «Назна-

---

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 241.

чивъ командующаго войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, Нашего генералъ-адъютанта, генерала отъ артиллеріи князя *Горчакова* 2-го, главнокомандующимъ Нашею южною арміею. Мы предоставляемъ ему права, присвоенныя главнокомандующему арміею въ военное время, по уставу для управленія арміями 5-го декабря 1846 года. Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ подчинить ему, генералъ-адъютанту князю *Горчакову* 2-му, на предоставляемыхъ ему правахъ главнокомандующаго: 1) губерніи Подольскую, Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, съ Таганрогскимъ градоначальствомъ, Херсонскую, — сѣверную часть Таврической до Перекопскаго перешейка и Бессарабскую область; 2) всѣ войска, въ сихъ губерніяхъ и области расположенныя, кромѣ резервныхъ и запасныхъ войскъ кавалеріи и конной артиллеріи въ округахъ военнаго поселенія, которыя должны оставаться по прежнему подъ непосредственнымъ начальствомъ инспектора резервной кавалеріи. За симъ западная часть Крымскаго полуострова отъ Перекопа до Ѳеодосіи и Арабата и войска, тамъ находящіяся, остаются подъ начальствомъ командующаго войсками, въ Крыму расположенными, Нашего генералъ-адъютанта князя *Меншикова*, на присвоенныхъ ему правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время, а восточная часть Крымскаго полуострова отъ Ѳеодосіи и Арабата до Керченскаго пролива, съ состоящими тамъ войсками, подъ начальствомъ наказнаго атамана Войска Донскаго, генерала отъ кавалеріи *Хомутова*, также на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время. На тѣхъ же правахъ, но подъ главнымъ начальствомъ главнокомандующаго южною арміею, оставляется въ вѣдѣніи генерала отъ кавалеріи *Хомутова* Екатеринославская губернія. Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить распоряженіе къ приведенію сего въ исполненіе» (1).

---

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 221.

Назначеніе генералъ адъютанта князя Меншикова главнокомандующимъ военными сухопутными и морскими силами въ Крыму.

а, Извлеченіе изъ Высочайшаго приказа отъ 30-го сентября 1854 года.

Начальникъ главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, финляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, адмиралъ князь *Меншиковъ* назначается главнокомандующимъ военными сухопутными и морскими силами, въ Крыму находящимися, со всѣми правами, властію и преимуществами, главнокомандующему арміею въ военное время предоставленными, а также съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и должностяхъ ([1]).

б. Высочайшій рескриптъ, данный на имя начальника главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества, финлядскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта, адмирала, свѣтлѣйшаго князя Меншикова.

Князь *Александръ Сергѣевичъ*! Указомъ правительствующему сенату и приказами по арміи и флоту, Мы назначили васъ главнокомандующимъ военными сухопутными и морскими силами, въ Крыму находящимися, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и должностяхъ, и предоставили вамъ всѣ права, власть и преимущества, присвоенныя главнокомандующему арміею въ военное время уставомъ для управленія арміями 5-го декабря 1846 года, подчинивъ также вамъ, на тѣхъ же правахъ главнокомандующаго, крымскій полуостровъ. Мы останемся увѣрены, что, съ распространеніемъ правъ и власти вашей, вы оправдаете вполнѣ дѣлаемое Нами вамъ довѣріе.

Пребываемъ навсегда къ вамъ благосклонны ([2]).

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ.“

Гатчино, 30-го сентября 1854 г.

([1]) „Русскій Инвалидъ“. 1854 г. № 221.
([2]) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 222.

Обзоръ военныхъ дѣйствій въ Крыму съ 1 го по 6-е октября 1854 года.

1 го октября, генералъ-адъютантъ, князь *Меншиковъ* имѣя цѣлью угрожать сообщеніямъ непріятеля съ Балаклавою, сдѣлалъ распоряженіе о занятіи частію нашей пѣхоты дер. Чоргунъ, въ долинѣ Черной рѣчки. Направленный туда отрядъ постепенно былъ подкрѣпляемъ (4-го и 5-го) вновь прибывшими войсками и подчиненъ командиру 1-й бригады 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору *Семякину*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, 3 числа, выдвинута въ Байдарскую долину часть кавалеріи, которая, помощью разъѣздовъ и летучихъ отрядовъ, вошла въ связь съ войсками, занимавшими Чоргунъ. Разставленные вдоль Черной рѣчки аванпосты наши имѣли, по временамъ, перестрѣлку съ непріятелемъ и не допускали его къ водопою.

Въ расположеніи главныхъ непріятельскихъ силъ передъ Севастополемъ замѣчено, со 2-го числа, что онъ усиливалъ свое правое крыло и открывалъ новыя траншеи противъ Малаховой башни. Дѣйствіе крѣпостной нашей артиллеріи продолжало замедлять осадныя его работы; но въ ночь, съ 4-го на 5-е число, ему удалось наконецъ прорѣзать въ своихъ траншеяхъ амбразуры и поставить значительное число орудій. Съ утра же 5-го числа имъ открытъ на всей его линіи сильный огонь по севастопольскимъ укрѣпленіямъ (¹).

— Въ письмахъ изъ Константинополя, отъ 15 го (3) октября, сообщаютъ, что, по плану союзниковъ, бомбардированіе Севастополя должно было начаться уже 10 числа (28 сентября), но что удачное дѣйствіе русской артиллеріи замедлило его на цѣлую недѣлю. Полагали, что для возведенія на крайнемъ лѣвомъ флангѣ большой 25-ти пушечной батареи, которая должна была прикрыть работавшихъ въ шанцахъ, будетъ достаточно 48-ми часовъ; но огонь русской артиллеріи былъ такъ силенъ, что союзники были

(¹) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 229. «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 229.

принуждены прерывать свою работу, и батарея поспѣла только къ 13-му (1-му) октября. Генералъ *Канроберъ* разсчитывалъ, что Севастополь можно будетъ взять приступомъ черезъ четыре или, много, черезъ пять дней по открытіи бомбардированія (!). Въ тѣхъ же письмахъ сообщаютъ, что войска союзниковъ много повредили себѣ, на переходѣ къ Балаклавѣ, неумѣреннымъ употребленіемъ свѣжихъ овощей, плодовъ и особенно арбузовъ. Въ австрійской газетѣ «Soldatenfreund» пишутъ: «Бурная пора на Черномъ морѣ, которой такъ страшатся купеческія суда, наступила. Вслѣдствіе этого сообщеніе между Константинополемъ, Варною и Таврическимъ полуостровомъ стало чрезвычайно затруднительнымъ. Даже пароходы опаздываютъ своимъ приходомъ и входятъ въ гавани поврежденными» (1).

Въ депешахъ, привезенныхъ пароходомъ «Бертоллетъ», мало надежды на счастливый исходъ крымской экспедиціи. Кажется, что обложеніе крѣпости и удачное исполненіе осады зависитъ отъ того, будетъ ли Черное море становиться бурнѣе, и если купеческія суда, служащія транспортами для экспедиціи, не будутъ въ состояніи держаться на якорѣ близъ берега, если гавань балаклавская окажется для нихъ слишкомъ тѣсною, положеніе нашихъ армій будетъ становиться со дня на день опаснѣе. Князь *Меншиковъ* постарается, во всякомъ случаѣ, замедлять рѣшеніе дѣла, ибо съ каждымъ днемъ подходятъ къ нему новыя подкрѣпленія, которыя затрудняютъ положеніе союзниковъ. Командующіе обѣими арміями не разъ уже собирались въ военномъ совѣтѣ, и, какъ слышно, адмиралъ *Гамеленъ* изложилъ предъ ними вновь свои важныя опасенія. Вѣроятность счастливаго успѣха уменьшается съ каждымъ днемъ. Генералы требовали немедленной присылки подкрѣпленія войскомъ. Хотя доселѣ еще нѣтъ рѣчи объ оставленіи Крыма, но, можетъ быть, въ скоромъ времени лучше будетъ рѣшиться на добровольное, повидимому, отступленіе, не-

---

(1) „Русск. Инвал." 1854 г. № 239.

жели отваживаться на то, чтобъ союзники были принуждены къ отступленію ужасными потерями. Мы не преувеличиваемъ, утверждая, что положеніе *Людовика Наполеона* зависитъ отъ успѣха крымской экспедиціи. Франціи довольно одного отступленія отъ Москвы: втораго она не желаетъ. Говорятъ, что виновникъ экспедиціи умеръ отъ кризиса, причиненнаго убѣжденіемъ въ невозможности предпринять что-либо важное противъ Севастополя. По мнѣнію генераловъ, нельзя ожидать результата до исхода октября (нов. ст.) даже предположивъ, что работы будутъ идти безъ помѣхи. Биржевыя дѣла совершенно остановились, и опасаются, что, въ случаѣ полученія перваго неблагопріятнаго извѣстія распространится паническій страхъ, ибо на биржѣ уже разсчитали послѣдствія взятія Севастополя. Всѣ были увѣрены въ справедливости извѣстія, потому что правительственныя газеты говорили о немъ положительно ([1]).

По письму изъ Крыма отъ 13 октября, сообщаютъ въ «Morning Post»: «Наступила холодная погода; лошади падаютъ; изъ трехъ тысячъ человѣкъ, составляющихъ гвардейскую бригаду, осталось подъ ружьемъ только 10. Изъ 40 офицеровъ только 14 могутъ исправлять службу ([2]).

Парижъ, 21 октября. Въ Аугсбургской газетѣ пишутъ изъ Парижа отъ 16 октября: «На дняхъ напечатана въ Миланской газетѣ (полуофиціальной) статья, произведшая сильное удивленіе слѣдующимъ отзывомъ: еслибъ успѣхи англо-французовъ придали войнѣ слишкомъ жестокій характеръ и усилили ихъ требованія за извѣстную, уже опредѣленную мѣру, то Россія можетъ найти союзниковъ между государствами, которыя до сихъ поръ желали успѣха западнымъ державамъ... Правительство занимается проектомъ отправить на востокъ весь южный лагерь, и роты депо получили приказаніе сформировать солдатъ для замѣщенія

([1]) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 232.
([2]) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 212.

отправляемыхъ войскъ, чтобы батальоны всегда оставались въ комплектѣ (¹).

Донесенія князя Меншикова о бомбардированіи Севастополя 5-го и 6-го октября 1854 года.

Отъ 5-го (17-го) октября.

Въ теченіе ночи, съ 4-го на сіе 5-е число, непріятель прорѣзалъ амбразуры въ устроенныхъ имъ траншеяхъ и съ 6-ти часовъ сего утра открылъ сильный и непрерывавшійся огонь противу нашихъ батарей и бастіоновъ, которые отвѣчали усиленно и довольно успѣшно.

Орудія на башнѣ Малахова кургана къ полдню были сбиты; батареи же, устроенныя въ этой части, и всѣ бастіоны не переставали дѣйствовать, и столь удачно, что подъ-вечеръ у англичанъ осталось только два орудія для продолженія огня.—Французскія батареи замолкли гораздо прежде, вслѣдъ за взорвавшимся у нихъ пороховымъ складомъ.

Потеря съ нашей стороны, сколько я полагаю, до полученія еще подробныхъ съ каждаго бастіона и батарей свѣдѣній, едва ли значителена,—но, къ истинному сожалѣнію, велика тѣмъ, что генералъ-адъютантъ *Корниловъ*, раненый ядромъ въ ногу, вскорѣ умеръ.

Въ половинѣ 1-го часа пополудни, когда бомбардировка съ траншейныхъ батарей еще продолжалась, непріятельскіе корабли открыли сильный, и безпрерывными залпами, огонь противу батарей: № 10-го, Александровской и Константиновской, отвѣчавшихъ непріятелю столько же учащенными выстрѣлами. Густота дыма, при мертвомъ штилѣ и необыкновенномъ жарѣ, совершенно, можно сказать, закрыла все море, такъ что нельзя было разсмотрѣть ни вреда нашимъ батареямъ, ни вреда непріятельскимъ

(¹) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 234.

судамъ, которыхъ число, повидимому, первоначально простиралось до 14-ти.

Только съ наступленіемъ ночи огонь началъ прекращаться.

Не имѣя еще свѣдѣній о результатахъ бомбардировки, я не смѣю не поспѣшить довести обо всемъ происходившемъ сего числа до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества.

Во время бомбардировки я былъ въ Севастополѣ и видѣлъ войско; передалъ ему неизрѣченно милостивыя слова рескрипта Вашего Величества (привезеннаго ко мнѣ флигель-адъютантомъ *Альбединскимъ*), присовокупивъ, что, послѣ бомбардировки, ему придется, можетъ быть, рукопашнымъ боемъ отстаивать Севастополь отъ штурма.

Надѣюсь, что войско явитъ себя достойнымъ ожиданій Вашего Величества.

Донесеніе генералъ-адъютанта князя Меншикова.

Отъ 6 (18) октября.

Не прерывавшійся вчера, отъ восхода солнца до наступленія ночи, поразительный массою и громомъ, огонь съ непріятельскихъ батарей и судовъ оказался не такъ разрушителенъ, какъ бы можно было ожидать.

Александровская батарея, а также батарея № 10-го, за которую болѣе всего должно было опасаться, повреждены весьма мало. Въ Константиновской оказалось болѣе повреждeній.

Изъ бастіоновъ же, дѣйствовавшихъ противу траншейныхъ батарей непріятеля, многіе вовсе не тронуты, кромѣ бастіона № 3, котораго почти всѣ 33 орудія были сбиты и гдѣ мы понесли главнѣйшую потерю въ людяхъ.

Хотя подробныхъ, поименныхъ списковъ объ убитыхъ и раненыхъ мнѣ еще не доставлено, но изъ общихъ, собранныхъ на мѣстахъ, свѣдѣній утѣшительно видѣть, что вся потеря наша, выбывшими изъ строя, едва ли простирается до 500 человѣкъ.

Въ числѣ раненыхъ находятся: вице-адмиралъ *Нахимовъ* и капитанъ 1-го ранга *Ергомышевъ*,—но первый весьма легко.

Въ ожиданіи бомбардировки на сіе 6-е число, въ Севастополѣ всю ночь работали по исправленію поврежденій, и замѣнили всѣ подбитыя орудія. Бастіонъ же № 3-го усиленъ противу прежняго пристроенною къ фланґу его батареею.

Сего 6 числа весь непріятельскій огонь устремленъ былъ противу башни на Малаховомъ курганѣ и батарей, устроенныхъ въ этой части. Башня осталась безъ особенно значительныхъ поврежденій, а батареи отстрѣливались съ успѣхомъ.

Огонь съ англійскихъ батарей, вообще не столь сильный какъ вчера, сталъ, послѣ полудня, замѣтно уменьшаться, вѣроятно вслѣдствіе того, что генералъ-маіоръ *Семякинъ* съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, двинулся, по приказанію моему, изъ дер. Чоргунъ на балаклавскія высоты и, показавшись въ тылу англійскаго лагеря, произвелъ тамъ нѣкоторое замѣшательство, такъ что войско спѣшило строиться и выступило по направленію къ Балаклавѣ. Этою демонстраціею отдѣльнаго отряда, достигнута имѣвшаяся въ виду цѣль: отвлечь непріятеля отъ крѣпости. Французскія батареи почти вовсе по Севастополю 6 числа не дѣйствовали.

Бомбардировавшія вчера суда и, какъ кажется, одни только французскія, сего утра отошли къ Херсонескому маяку.

Вчера за дымомъ, а сегодня за утреннимъ туманомъ въ морѣ, нельзя было разглядѣть: какой вредъ нанесенъ судамъ. Казалось, что у одного корабля подбитъ рангоутъ, и будто бы 2 другіе загорались отъ каленыхъ нашихъ ядеръ, но съ достовѣрностію утверждать этого не могу.

Второе донесеніе генералъ-адъютанта князя Меншикова отъ 6 (18) октября.

Въ дополненіе ко всеподданнѣйшему донесенію моему

отъ сего числа, обязываюсь довести до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что морскіе чины—отъ офицера до матроса, которымъ исключительно ввѣрена защита города съ батарей и бастіоновъ, явили 5-го числа, во время бомбардировки, примѣрное и достохвальное мужество и стойкость.

На бастіонѣ № 3-го, три раза орудійная прислуга была замѣняема, а между тѣмъ люди, съ весельемъ и пѣснями, соперничая другъ предъ другомъ, исполняли свое дѣло.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть о вице-адмиралѣ *Нахимовѣ*, который, дѣятельностію и распорядительностію своею, подвигалъ, какъ эти нравственныя средства, такъ и матеріяльныя, къ упорному и успѣшному отраженію ударовъ непріятеля (¹).

Высочайшій приказъ съ изъявленіемъ монаршей признательности войскамъ, составлявшимъ гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія сего города.

Государь Императоръ, получивъ отъ генералъ-адъютанта князя *Меншикова* донесеніе о непоколебимомъ мужествѣ, примѣрной стойкости и достохвальномъ самоотверженіи, оказанныхъ всѣми морскими и сухопутными войсками, составлявшими гарнизонъ Севастополя во время бомбардированія этого города англо-французами, 5 и 6 числа сего октября, объявляетъ искреннюю душевную признательность всѣмъ чинамъ означенныхъ войскъ отъ генерала до рядоваго, за блистательный ихъ подвигъ, коимъ они вполнѣ оправдали Высочайшее довѣріе къ нимъ Его Величества. — Государь Императоръ изволилъ оставаться въ убѣжденіи, что они и впредь не престанутъ отличать себя доблестною храбростію и всѣми достоинствами, одушевляющими истинныхъ сыновъ Россіи (²).

(¹) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г., № 220. „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 229.
(²) „Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 221.

5 (17) ОКТЯБРЯ—ПЕРВОЕ БОМБАРДИРОВАНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

(По Кинглэку).

Отступленіе русскихъ войскъ послѣ альмскаго сраженія давало полное основаніе предполагать, что союзники немедленно подойдутъ къ сѣверной сторонѣ Севастополя и попытаются овладѣть ею.—*Рагланъ* считалъ всю экспедицію какимъ-то сюрпризомъ, нечаянностію, предпринятою очертя голову, безъ малѣйшаго изслѣдованія страны, а также силъ и средствъ непріятеля, находилъ, что единственное, что союзникамъ положительно извѣстно относительно Крыма и Россіи, состоитъ въ томъ, что они одержали при Альмѣ верхъ надъ русскими, и что наибольшее вѣроятіе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ союзниковъ заключается въ быстромъ преслѣдованіи русскихъ и въ возможно скорѣйшемъ, внезапномъ овладѣніи сѣверною стороною Севастополя.* Поэтому онъ предлагалъ *Сентъ-Арно* немедленно идти къ Бельбеку, перейдти его и атаковать укрѣпленія сѣверной стороны.—Но французскій маршалъ рѣшительно воспротивился этому плану, ссылаясь сперва на усталость войска, а потомъ на то, что русскіе воздвигли большія укрѣпленія на Бельбекѣ, взятіе которыхъ будетъ сопряжено съ слишкомъ значительною потерею войскъ. *Рагланъ*, желая по возможности скорѣе подойдти къ Севастополю, предложилъ новый планъ дѣйствій, который давалъ возможность избѣгнуть укрѣпленій сѣверной стороны; именно, онъ предложилъ перейдти на южную сторону Севастополя. Однако пока планъ этотъ былъ принятъ, союзная армія стояла на Альмѣ, не зная что дѣлать, не имѣя никакого руководящаго плана дѣйствій.— Принятіе этого плана, въ свою очередь, влекло за собою болѣе продолжительное пребываніе на Альмѣ, по той причинѣ, что необходимо было перевезти на корабли больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было оставить безъ помощи въ странѣ непріятельской; взять же ихъ съ собою и сдѣлать съ ними переходъ съ сѣверной стороны Севастополя на южную, было очень затруднительно по той причинѣ, что число больныхъ и раненыхъ было довольно зна-

чительно. Обстоятельство это задержало союзниковъ на Альмѣ до 23-го сентября; а промедленіе на Альмѣ нѣсколькихъ дней лишило ихъ возможности взять въ скоромъ времени Севастополь.

23-го сентября утромъ союзники двинулись къ Альмѣ и вскорѣ спустились въ долину Качи, встрѣчая по временамъ испуганныхъ обитателей, которые имъ сообщили, что русская армія поспѣшно отступала.—24-го числа, невдалекѣ отъ Мекензіева хутора, лордъ *Луканъ*, которому поручено было занять деревню Дуванку, близъ Бельбека, замѣтилъ русскіе отряды въ значительномъ разстояніи, и вскорѣ затѣмъ вся армія союзниковъ, готовившаяся идти къ Бельбеку, остановилась.—Французы составляли правое крыло арміи, ближайшее къ морю, а потому имъ по самому положенію, надлежало атаковать укрѣпленія на Бельбекѣ. Между тѣмъ дошелъ слухъ, что русскіе устроили батареи, обстрѣливавшія устье Бельбека, и заградили входъ въ севастопольскую бухту, потопивъ нѣсколько кораблей. Послѣ нѣсколькихъ часовъ совѣщаній, рѣшено было идти къ Бельбеку, не дѣлая ни малѣйшаго нападенія на укрѣпленія сѣверной стороны.—Проходя по высотамъ, отдѣляющимъ рѣку Качу отъ Бельбека, союзники пожирали взорами главную и единственную цѣль всей экспедиціи—Севастополь, его доки и укрывшійся въ бухтѣ черноморскій флотъ, но немедленно атаковать его не рѣшались: вновь воздвигнутыя сооруженія устрашили ихъ. Поэтому союзники понемногу стали отклоняться отъ берега и спустились въ долину Бельбека.

Еще задолго военныхъ дѣйствій капитанъ *Друммондъ* и *Виллисъ* высказали рѣшительно ту мысль, что атаковать Севастополь должно съ сѣверной стороны, сдѣлавъ на южной сторонѣ только демонстрацію. Овладѣвъ восьмиугольнымъ укрѣпленіемъ, находившимся въ то время на сѣверной сторонѣ, союзники могли разрушить Севастополь и сжечь весь флотъ, стоявшій въ бухтѣ. Укрѣпленіе это, предназначенное исключительно для усиленія обороны приморскихъ флотовъ, находившихся на сѣверной сторонѣ бухты, и для дѣйствія противъ непріятельскаго флота, не

представлялось грознымъ для арміи, подходящей съ сухаго пути, съ сѣвера, и не было въ состояніи долго ей противиться. Основываясь на авторитетѣ генерала *Тотлебена*, можно сказать, что немедленный приступъ союзниковъ увѣнчался бы полнымъ успѣхомъ.

Нельзя привести въ извиненіе союзниковъ то обстоятельство, что они не знали дѣйствительной слабости находившихся предъ ними укрѣпленій сѣверной стороны. *Лайонсу* удалось сдѣлать на весьма близкомъ разстояніи полную рекогносцировку на небольшомъ пароходѣ, и онъ замѣтилъ, что вновь воздвигнутыя укрѣпленія еще не вполнѣ вооружены. Онъ сообщилъ объ этомъ *Сентъ-Арно*, который, однако, не рѣшился произвести немедленной атаки. *Рагланъ*, не имѣя возможности идти на приступъ одинъ, долженъ былъ, по необходимости, отказаться отъ своего первоначальнаго плана и присоединиться къ плану французскаго главнокомандующаго.

Должно откровенно сказать, что ни французы, ни англичане не имѣли точныхъ и положительныхъ свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ Севастополя съ сухаго пути и объ ихъ вооруженіи. *Мэкинтошъ* въ 1835 году описалъ укрѣпленія этого города, причемъ замѣтилъ, что, въ случаѣ осады, главная борьба должна произойдти на Малаховомъ курганѣ; другихъ описаній въ этомъ отношеніи никакихъ не имѣлось. До начала войны *Олифантъ*, какъ туристъ, посѣтилъ Севастополь и въ своихъ замѣткахъ высказалъ, что, не смотря на всѣ приморскія укрѣпленія Севастополя, ничто не препятствуетъ какой либо арміи высадиться нѣсколько южнѣе, въ одной изъ близъ лежащихъ бухтъ, подойдти къ городу, разбить армію непріятельскую, если таковая покажется, и уничтожить какъ самый городъ, такъ и флотъ. Замѣтки эти распространили въ публикѣ англійской мысль о беззащитности Севастополя съ сухаго пути, которая долго не покидала союзниковъ. Высадились же они съ сѣверной стороны города единственно потому, что не оказалось, какъ они предполагали, удобнаго мѣста для высадки на южной сторонѣ; впослѣдствіи же, какъ мы увидимъ, оказалось на южной сторонѣ нѣсколько весьма удобныхъ мѣстъ

для этого. Поэтому, какъ скоро французы отказались отъ немедленнаго приступа на сѣверное укрѣпленіе, *Рагланъ* предложилъ перейдти со всею арміею на южную сторону города. Исполнить это можно было не иначе, какъ растянувъ на большое разстояніе всю армію, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ сутокъ подыматься медленно невѣдомымъ лѣсомъ, имѣя на флангѣ непріятельскую армію, которая, какъ предполагали союзники, укрывалась въ Севастополѣ. Подобное движеніе было сопряжено съ большою опасностью. Русскіе во всякое время могли напасть на любой отрядъ союзниковъ и прорвать ихъ линію; кромѣ того, по выходѣ изъ лѣса, союзники могли встрѣтить русскую армію, съ которою должны были бы опять вступить въ бой, или надлежало обезпечить себѣ сообщеніе съ моремъ, отъ чего зависѣло самое существованіе арміи. Кромѣ того, прежде чѣмъ приступить къ осадѣ южной стороны Севастополя, укрѣпленія которой имъ были неизвѣстны, имъ необходимо было занять высоты Сапунъ горы.—Это было очень опасное движеніе, которое отчасти вызвано было отказомъ *Сентъ-Арно* немедленно атаковать сѣверную сторону.

Рагланъ находилъ, что движеніе это, хотя и довольно отважное, дастъ возможность въ возможной скорости начать атаку противъ Севастополя съ наиболѣе удобнаго пункта. Извѣстный генералъ *Бургоинъ*, отличавшійся въ испанской войнѣ 1809 года, находилъ вполнѣ благоразумнымъ предпринять движеніе, съ цѣлью, обогнувъ Севастопольскую бухту, осадить городъ съ южной его стороны. *Сентъ-Арно* въ это время опасно занемогъ и не въ состояніи былъ бы начальствовать тою частію арміи союзниковъ, которая должна немедленно атаковать сѣверное укрѣпленіе; предлагаемое же *Рагланомъ* движеніе на южную сторону, возлагая на англичанъ всѣ трудности его исполненія, позволяло вмѣстѣ съ тѣмъ маршалу *Сентъ-Арно* сохранить номинально свое званіе главнокомандующаго. — Рѣшено было обогнуть Севастопольскую бухту, взобраться на Мекензіевы высоты, затѣмъ спуститься въ долину рѣки

Черной и занять Балаклаву, съ цѣлью имѣть обезпеченное сообщеніе съ моремъ.

25-го сентября, въ 8 часовъ утра, союзники двинулись, не имѣя никакихъ свѣдѣній о положеніи русской арміи; предполагая, что армія эта невдалекѣ, союзники вовсе не знали, гдѣ она находится. Подвигаясь впередъ, союзники все болѣе удалялись отъ моря, и могли ежеминутно ожидать нападенія русскихъ. Войско не мало терпѣло отъ жажды, къ тому же и холера была довольно сильна. Невдалекѣ отъ Мекензіева хутора авангардъ союзниковъ наткнулся на небольшой русскій отрядъ, сопровождавшій обозъ, который отдыхалъ. Это была незначительная часть арьергарда арміи русской. Обѣ стороны были поражены и озадачены подобною встрѣчею. Послѣ незначительной перестрѣлки, русскіе отошли, потерявъ обозъ и нѣсколько человѣкъ убитыми и плѣнными. Вскорѣ послѣ этого англичане появились на высотѣ и за тѣмъ спустились къ Черной, около того мѣста, гдѣ находился мостъ близъ трактира, и расположились бивуаками. Французы же въ это время успѣли достигнуть только Мекензіева хутора; отрядъ же *Каткарта*, прикрывавшій движеніе, находился еще на Качѣ. Такимъ образомъ армія союзниковъ была до крайности растянута, и положеніе ея было бы очень опасно, если бы только русскіе вздумали сдѣлать на нее нападеніе. На другой день *Ригланъ* двинулся снова впередъ, перешелъ Воронцовскій мостъ и, занявъ Кадыкіой, подошелъ къ Балаклавѣ. Мѣстные жители говорили ему, что Балаклава незащищена; но вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ изъ стараго укрѣпленія и за нимъ еще другіе. *Ригланъ* былъ изумленъ и приказалъ занять окружающія высоты артиллеріею.

Вскорѣ однако послышался гулъ, происходящій отъ стрѣльбы изъ орудія большаго калибра. Это стрѣлялъ *Лайонсъ*, подошедшій съ моря къ Балаклавѣ, какъ это условлено было между нимъ и *Рагланомъ*. Комендантъ Балаклавы, *Манто*, имѣя въ своемъ распоряженіи незначительный гарнизонъ и не находя возможнымъ съ успѣхомъ сопротивляться союзникамъ, вскорѣ сдался, такъ что *Ра-*

гланъ немедленно вступилъ въ городъ, въ слѣдъ за нимъ *Лайонсъ* съ флотомъ занялъ и гавань. На другой день подошла дивизія французовъ, которая пыталась протестовать противъ занятія Балаклавы одними англичанами. Городъ этотъ долженъ былъ находиться въ рукахъ той части арміи, которая составляла правый флангъ; а до сихъ поръ на правомъ флангѣ находились французы, а на лѣвомъ англичане. Неудобно и неловко было бы предложить англичанамъ, занявшимъ Балаклаву, очистить ее для того, чтобы ее заняли французы. Не имѣя въ то время понятія объ удобствахъ, представляемыхъ бухтами Камышъ и Казачь, союзники очень дорожили занятіемъ Балаклавы. Желая удержать этотъ городъ за англичанами, *Рагланъ* рѣшился занять правый флангъ арміи, принявъ на себя вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ трудности и опасности этой позиціи; французы же согласились перейдти на лѣвый флангъ; начальство надъ ними перешло въ это время къ *Канроберу*. Должно сказать, что во время ночлега на Черной, маршалъ *Сентъ-Арно* сдѣлался до того слабъ и болѣнъ, что доктора потеряли надежду его вылѣчить. Узнавъ, что ему необходимо спокойствіе и отдыхъ, *Сентъ-Арно* передалъ командованіе *Канроберу*, которому самъ *Наполеонъ* далъ секретное приказаніе принять начальство надъ арміею, если того потребуютъ обстоятельства. *Сентъ-Арно* перенесли на корабль, на которомъ онъ и умеръ 29-го сентября.

Должны ли были союзники немедленно идти на штурмъ южной стороны Севастополя, или надлежало начать правильную осаду противъ этого города? Вотъ вопросъ, предстоявшій немедленному разрѣшенію союзниковъ.

27-го сентября, въ первый разъ осматривая находившіяся передъ ними укрѣпленія, союзники увидѣли ту усиленную дѣятельность, съ которою севастопольскій гарнизонъ трудился надъ усиленіемъ своей обороны. *Лайонсъ* и *Рагланъ* предлагали немедленно атаковать городъ. *Бургоинъ* не допускалъ возможности идти съ успѣхомъ на штурмъ укрѣпленій, не разрушивъ ихъ предварительно тяжелою артиллеріею. *Канроберъ* также былъ одного мнѣнія съ *Бургоиномъ*. Поэтому союзники, 28-го сентября, приступили къ

выгрузкѣ осадной артиллеріи. Другими словами, они рѣшились принять ту мѣру, которая, не будучи рѣшительною, вліяла чрезвычайно на весь исходъ экспедиціи тѣмъ, что отвлекала вниманіе союзниковъ отъ жизненнаго для нея вопроса—отъ времени, ту мѣру, которая, будучи на первый взглядъ очень удобною и разумною, тѣмъ не менѣе могла подвергнуть ихъ большой опасности. Мы имѣемъ подъ рукою всю нашу осадную артилерію: зачѣмъ не воспользоваться ею; зачѣмъ не обстрѣлять и не разрушить непріятельскія укрѣпленія; зачѣмъ не облегчить самый штурмъ, не уменьшить неизбѣжныя приономъ потери, зачѣмъ не обезпечить успѣхъ штурма? Какъ не согласиться съ основательностію подобныхъ разсужденій, какъ скоро не придаютъ особеннаго значенія вопросу о томъ, сколько времени необходимо для того, чтобы всю осадную артиллерію съ ея снарядами выгрузить съ кораблей, перевезти на берегъ, втащить на высоты, прикрыть батареями, соединить ихъ траншеями и т. д.—Между тѣмъ союзники, рѣшившись воспользоваться своею осадною артиллеріею, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшили вопросъ о необходимости пожертвовать на это не мало времени. Время же было чрезвычайно дорого защитникамъ Севастополя: они имъ вполнѣ воспользовались. Посмотримъ же теперь, что дѣлалось въ то время въ этомъ городѣ, — въ этой цѣли всей экспедиціи?

Городъ Севастополь, расположенный при обширной и удобной бухтѣ Чернаго моря на югозападной оконечности Крыма, былъ главнымъ военнымъ портомъ имперіи на Черномъ морѣ. Онъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ большой бухты, которая по обоимъ своимъ берегамъ имѣетъ нѣсколько меньшихъ бухтъ, какъ, напримѣръ, карантинная, артиллерійская, южная, корабельная, киленбалочная; изъ нихъ наибольшая южная, раздѣляетъ, городъ на двѣ части: сѣверную и южную.

Южная часть раздѣляется особою небольшою бухтою на двѣ части: на *Городскую* сторону и *Корабельную*; сообщеніе между этими двумя частями производилось по дорогѣ, пролегавшей у вершины южной бухты и называемой

Пересыпь; на лѣвой сторонѣ городской части находилась артиллерійская слободка.

Расположенный амфитеатромъ, городъ представлялъ весьма живописный видъ, но, за исключеніемъ двухъ главныхъ улицъ: Екатерининской и Морской, очень широкихъ и покрытыхъ щебнемъ, остальныя были узки, проходили по крутизнамъ и не были мощены. Кромѣ оборонительныхъ казармъ и укрѣпленій въ городѣ, изъ казенныхъ зданій замѣчательны были на сѣверной сторонѣ—сухарный заводъ и старые провіантскіе магазины, на корабельной сторонѣ—новое адмиралтейство, сухіе доки, морскіе провіантскіе магазины, морскія казармы. морской госпиталь; на городской сторонѣ—старое адмиралтейство, окружной арсеналъ, дѣловой дворъ инженернаго и магазины сухопутнаго артиллерійскаго вѣдомства, сухопутный госпиталь, морская библіотека, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, разныя морскія учрежденія. Всѣхъ жителей было до 42,000, изъ которыхъ 35,000 мужскаго населенія по преимуществу состояло изъ войска и разнаго рода командъ морскаго вѣдомства.

Мѣстность, окружающая южную сторону Севастополя, имѣетъ видъ треугольника, который омывается съ двухъ сторонъ водами бухты и моря, съ третьей прилегаетъ къ высотамъ, окружающимъ Балаклаву, и къ долинамъ Балаклавской и Черной рѣчки. Мѣстность эта, извѣстная подъ именемъ Херсонесскаго полуострова, постепенно поднимаясь къ югу, оканчивается обрывами, которые образуютъ сильную позицію, называемую Сапунъ-гора; мѣстность эта изрѣзана оврагами, глубокими балками. Почва представляетъ пласты твердаго степнаго известняка, мѣстами обнаженые, мѣстами покрытые тонкимъ слоемъ глины и растительной землей; ложбины балокъ покрыты наплывною землею. Растительность вообще бѣдна, вода же добывается изъ колодцевъ и рудниковъ Сапунъ-горы. За исключеніемъ килеиболочной высоты и верховьевъ доковой и лабораторныхъ балокъ, покрытыхъ дубняками, а мѣстами фруктовыми деревьями, пространство это представляетъ голую степь. По долинѣ, ограниченной съ одной стороны усту-

нами Сапунъ-горы, а съ другой Инкерманскими и Мекензіевыми высотами, течетъ рѣка Черная, впадающая въ южную бухту, въ самой вершинѣ ея, въ такъ называемую Инкерманскую бухту.

Въ то время городъ вмѣстѣ съ слободами имѣлъ около 42-хъ тысячъ жителей, изъ которыхъ 35,000 принадлежали къ военному или морскому вѣдомству. Еще въ 1828 году, графъ *Поццо-ди-Борго* указывалъ на возможность нападенія на Севастополь англійскаго флота; указаніе это не осталось безъ послѣдствій. Въ слѣдующіе годы воздвигнутъ былъ длинный рядъ сильныхъ укрѣпленій по обѣимъ сторонамъ бухты, заграждавшей входъ въ оную. Всѣ эти форты имѣли до 611 орудій большаго калибра, не считая сѣвернаго укрѣпленія. Черноморскій флотъ, укрывшійся въ бухтѣ, состоялъ изъ 14 линейныхъ кораблей, 7 фрегатовъ, 11 военныхъ пароходовъ, 2 бриговъ, корвета и еще нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Онъ имѣлъ всего 1,908 орудій и 18,500 матросовъ. Моряки эти проникнуты были любовью къ своему дѣлу и глубокимъ убѣжденіемъ въ силѣ своего флота: отличный военный духъ связывалъ ихъ въ одно цѣлое; храбрость же, съ которою моряки, подъ начальствомъ *Корнилова*, защищали городъ, покинутый *Меншиковымъ* и его арміею, даетъ полное основаніе заключать, что черноморскій флотъ выдержалъ бы самую отчаянную битву и на водахъ Севастополя. Входъ въ бухту прегражденъ былъ желѣзными цѣпями; послѣ же альмскаго сраженія съ этою же цѣлію затоплено было нѣсколько кораблей.

Число орудій на всѣхъ укрѣпленіяхъ южной стороны доходило до 151, въ томъ числѣ 23 орудія находились въ Корабельной слободѣ. Всѣхъ войскъ въ Крыму было до 76,000 человѣкъ. Именно 38,500, подъ непосредственнымъ начальствомъ князя *Меншикова*, стояли вблизи Севастополя; 12,000, подъ начальствомъ *Хомутова*, охраняли юго-восточную часть полуострова; двѣ дивизіи черноморскаго флота, подъ командою *Корнилова* и *Нахимова*, заключали въ себѣ 18,501 матроса и 2,666 десантныхъ войскъ; кромѣ этого 2,708 человѣкъ крѣпостной и 1,000 полевой

артиллеріи. Севастополь снабженъ былъ въ изобиліи всякаго рода военными припасами и принадлежностями.

Узнавъ 13-го сентября о приближеніи непріятельскаго флота, *Меншиковъ* сдѣлалъ распоряженія, чтобы собрать войско на Альмѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ усиленно укрѣплять какъ сѣверную сторону, такъ и южную. По уходѣ *Меншикова* на Альму, въ Севастополѣ остались только моряки (8,501 ч.), дессантъ (2,666 чел.), крѣпостная артиллерія (2,706), четыре баталіона ополченія (3.000) и 5,080 рабочихъ.

20-го сентября телеграфъ извѣстилъ жителей Севастополя, что сраженіе при Альмѣ началось. *Корниловъ* вмѣстѣ съ *Тотлебеномъ* направились по направленію выстрѣловъ. По мѣрѣ ихъ приближенія, выстрѣлы стихали, и скоро они могли замѣтить, что русскіе отступаютъ. Вскорѣ имъ попался на встрѣчу и самъ князь *Меншиковъ*, совсѣмъ утомленный. Онъ приказалъ заградить входъ въ севастопольскую бухту, затопивъ нѣсколько кораблей. Такимъ образомъ черноморскій флотъ,—плодъ гигантскихъ усилій цѣлаго поколѣнія, унаслѣдованный отъ предковъ, оружіе для будущихъ завоеваній, гроза мусульманъ и надежда христіанъ, живущихъ на востокѣ—долженъ былъ измѣнить своему назначенію при первой встрѣтившейся опасности и на всегда отказаться отъ плаванія по морскимъ волнамъ. Къ тому же приведеніе въ исполненіе такого неумолимаго приговора возлагалось на то самое лицо, которое столько лѣтъ трудилось и хлопотало объ улучшеніи черноморскаго флота — на *Корнилова*. Видя разстройство *Меншикова*, *Корниловъ* лично тогда не возразилъ ему на подобное распоряженіе, и вернулся въ Севастополь. Вслѣдъ за нимъ прибылъ и *Меншиковъ*. Онъ хотѣлъ сперва дать новый отпоръ союзникамъ на Качѣ, но убыль офицеровъ лишала возможности предпринять какое либо военное дѣйствіе. Это заставило *Меншикова* занять позицію около Бельбека, которая давала ему возможность угрожать флангу непріятельской арміи, сохраняя за нимъ свободное сообщеніе съ Россіею по дорогѣ на Бакчисарай. Поэтому онъ поручилъ *Тотлебену* сдѣлать осмотръ мѣстности около Бель-

бека и пріискать удобную позицію для арміи. Въ Севастополь стали привозить раненыхъ въ альмскомъ сраженіи, и вѣсть о проигрышѣ этой битвы быстро разнеслась по городу. . . . .

На другой день собранъ былъ *Корниловымъ* военный совѣтъ, въ которомъ князь *Меншиковъ* не присутствовалъ. *Корниловъ* предлагалъ выйдти въ море и сразиться съ непріятельскимъ флотомъ. При благопріятномъ исходѣ битвы непріятельскій флотъ будетъ уничтоженъ, а при неуспѣхѣ онъ значительно будетъ ослабленъ побѣдою и не въ состояніи идти на атаку Севастополя, взять который невозможно безъ содѣйствія флота. Русская же эскадра всегда имѣетъ возможность отступить и укрыться въ Севастополѣ.

На это предложеніе возразили, что удобная минута для морскаго сраженія упущена, что надо было сразиться во время самой высадки союзныхъ войскъ, когда суда союзниковъ были нагружены войсками, а экипажи кораблей заняты высадкою. . . . .

Предложеніе *Корнилова* не было принято, и въ слѣдъ за нимъ сдѣлано было *Зоринымъ* другое, тождественное съ приказаніемъ *Меншикова Корнилову*, т. е. *Зоринъ* предлагалъ потопить нѣсколько кораблей при входѣ въ севастопольскую бухту и усилить гарнизонъ города моряками, находящимися на корабляхъ. Горестно было слушать подобное предложеніе, тяжело было морякамъ покидать свои суда. *Корниловъ* прекратилъ совѣщанія, объявивъ, чтобъ флотъ готовился выступить въ море, и самъ отправился къ *Меншикову*, чтобы сообщить о своемъ намѣреніи.

Меншиковъ повторилъ опять данное имъ прежде уже приказаніе, чтобы потопить корабли. *Корниловъ* отказался исполнить это. Тогда *Меншиковъ* предложилъ ему, оставивъ Севастополь, отправиться въ Николаевъ. Не находя возможнымъ оставить Севастополь въ минуту опасности, *Корниловъ* согласился исполнить приказаніе *Меншикова*. 22-го числа приступлено было къ потопленію семи кораблей, причемъ *Корниловъ* произнесъ небольшую рѣчь морякамъ, въ которой сказалъ, что должно подчиниться неумолимой необходимости, что Москва была сожжена, но чрезъ

это Россія не только не погибла, но еще усилилась. и т. д. Корабли стали понемногу погружаться въ воду, одинъ только 130-пушечный корабль «Три Святителя» долго не опускался; но пушечные выстрѣлы съ парохода-фрегата «Громоносецъ» наконецъ потопили и его.

Мѣра эта, погубившая только семь кораблей и заградившая входъ въ севастопольскую бухту, сама по себѣ положила конецъ существованію черноморскаго флота, и обращала черноморскихъ моряковъ въ солдатъ. Моряки сознавали очень хорошо все значеніе этой мѣры: въ этомъ заключается причина ихъ глубокаго нерасположенія къ этой мѣрѣ, которую нельзя не признать очень разумною. Ею достигались двѣ цѣли. Она преграждала союзному флоту всякое вступленіе въ севастопольскую бухту. Съ другой стороны, она предоставляла для обороны города 18,000 отважныхъ моряковъ и тѣ почти неистощимыя матеріяльныя средства, которыя были въ распоряженіи черноморскаго флота; она обращала матросовъ въ солдатъ тѣмъ только, что опускались на дно нѣсколько кораблей. Мѣра эта всецѣло принадлежитъ мысли князя *Меншикова.*

Тотлебенъ не нашелъ около Бельбека удобной и вполнѣ безопасной позиціи для русской арміи, которая между тѣмъ стекалась въ Севастополь и расположилась за городомъ на Куликовомъ полѣ. Не имѣя предъ собою русскихъ отрядовъ, союзная армія могла бы легко занять линію сообщеній князя *Меншикова* съ Россіею, двинувъ небольшой отрядъ на бакчисарайскую дорогу. Между тѣмъ, союзники не сдѣлали этого, какъ мы уже видѣли. *Меншиковъ* рѣшился обезпечить себѣ сообщеніе съ Россіею и задумалъ ночью вывесть свою армію изъ Севастополя, двинуться по долинѣ рѣки Черной къ Мекензіевымъ высотамъ, и занять дорогу, ведущую изъ Бахчисарая въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ городу принять положеніе, на столько сильно угрожающее флангу непріятельской арміи, что она не въ силахъ будетъ предпринять что-либо рѣшительное противъ сѣверной стороны Севастополя. Но тѣмъ не менѣе, по этому плану, защита Севастополя ввѣрялась преимущественно морякамъ, по той при-

чинѣ, что, за исключеніемъ 5,000 ополченія и одного баталыона саперъ, *Меншиковъ* намѣревался вывести всѣ остальныя войска изъ города.

Корниловъ не раздѣлялъ этого плана и находилъ, что невозможно защищать Севастополь безъ войскъ, что горсть моряковъ не можетъ долго противиться всей арміи союзниковъ, и что взятіе сѣверной стороны повлечетъ за собою и сдачу южной.

Чтобы осуществить свой планъ, *Меншиковъ* выслалъ *Кирьякова* съ небольшимъ отрядомъ къ Бельбеку, для наблюденія за движеніемъ непріятельской арміи. *Кирьяковъ* подошелъ довольно близко къ Бельбеку, такъ что имѣлъ возможность видѣть на другой сторонѣ рѣки англійскую кавалерію, шедшую подъ начальствомъ *Лукана* къ Дуванкамъ. Послѣ этого *Кирьяковъ* у Инкерманскаго моста переправился чрезъ Бельбекъ и, взойдя на Сапунъ-гору, снова спустился въ долину рѣки Черной, переправился чрезъ эту рѣку, взобрался на Мекензіеву гору и шелъ по той же дорогѣ, какъ и вся русская армія, которая, выступивъ 24-го сентября ночью, направлялась чрезъ Черную къ высотамъ Мекензіевой горы. *Меншиковъ*, 25-го числа рано утромъ, прибылъ въ Отарки, въ деревню на Бельбекѣ, въ то самое время, когда союзники стояли въ недальнемъ разстояніи отъ Бельбека; совершая свой переходъ, онъ могъ очень легко сдѣлать нападеніе на союзниковъ и нанести имъ пораженіе или, по крайней мѣрѣ, замедлить значительно ихъ движеніе. Но 25-го числа, онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о движеніи непріятельской арміи до шестидесяти тысячъ человѣкъ и не подозрѣвалъ, что она останавливалась въ получасовомъ переходѣ отъ него. Онъ былъ очень доволенъ выборомъ своей позиціи и рѣшился, завтра, 26-го числа, собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Въ то самое время, какъ англичане были очень близко отъ *Меншикова*, онъ писалъ *Корнилову* въ Севастополь, 13-го сентября, изъ деревни Отарки: «Мы прибыли сюда въ 8 часовъ утра и выслали впередъ нѣсколько казаковъ. Послѣдующія наши движенія зависятъ отъ движенія непріятеля. Поэтому полезно получать по временамъ

изъ Севастополя свѣдѣнія о положеніи нашихъ противниковъ. Здѣсь мы не видимъ непріятеля, и ничего о немъ не слышимъ». Далѣе онъ прибавляетъ: «Я полагаю, что завтра передовые отряды (аванпосты) сдѣлаютъ первую рекогносцировку».

Нѣсколько часовъ позже *Меншиковъ* узналъ о стычкѣ, происшедшей близъ Мекензіева хутора, между частью русскаго арріергарда и англійскою кавалеріею, о которой мы выше уже говорили. Онъ счелъ это за стычку съ однимъ изъ англійскихъ патрулей.

Онъ не уяснилъ себѣ движенія, совершаемаго союзниками, и продолжалъ пребывать въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что цѣлый день вся армія союзниковъ пробиралась постепенно въ весьма незначительномъ разстояніи отъ его главной квартиры, съ помощью компаса!

На другой день, оставивъ отрядъ на Бельбекѣ, *Меншиковъ* отступилъ къ Качѣ, гдѣ и оставался не малое время, не предпринимая ничего для защиты Севастополя. Даже самый гарнизонъ севастопольскій нѣсколько дней не зналъ, гдѣ находился съ своею арміею *Меншиковъ*, который не только самъ не зналъ, гдѣ находится непріятель, но просилъ севастопольскій гарнизонъ сообщить ему свѣдѣнія о мѣстопребываніи союзной арміи.

Выступивъ изъ Севастополя, *Меншиковъ* поручилъ завѣдываніе моряками, взятыми съ кораблей для защиты южной части города, вице-адмиралу *Нахимову*. Онъ былъ храбрый морякъ, но не имѣвшій достаточно самоувѣренности, чтобы принять на себя главное начальство въ затруднительномъ положеніи. Поэтому, объявивъ *Меншикову*, что онъ готовъ умереть для блага своей родины, *Нахимовъ* добавилъ, что охотно станетъ подъ команду лица моложе его чиномъ, если только этимъ можетъ сколько нибудь служить общему дѣлу, но что онъ не въ состояніи быть хорошимъ генераломъ. Слова эти не заставили *Меншикова* измѣнить сдѣланнаго имъ назначенія.

Вице-адмиралу *Корнилову*, который былъ начальникомъ штаба черноморскаго флота и начальникомъ одной изъ дивизій, поручено было *Меншиковымъ* завѣдываніе всѣми

сухопутными и морскими силами, назначенными для обороны сѣверной части Севастополя, на которую, какъ полагали, союзники сдѣлаютъ немедленно нападеніе.

Какъ начальникъ штаба, *Корниловъ* въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ имѣлъ въ рукахъ своихъ почти все высшее управленіе черноморскимъ флотомъ и въ это время онъ имѣлъ случай развить въ морякахъ необычайную къ себѣ привязанность и довѣріе, а также и усердіе къ дѣлу, въ силу которыхъ, въ минуту дѣйствительной опасности, собралась около него толпа моряковъ, рѣшившаяся не покидать своего любимаго начальника. Онъ былъ проникнутъ до чрезвычайности чувствомъ, такъ сказать, религіознаго патріотизма и можно сказать, что, повидимому, главный источникъ его энергіи заключался въ православной вѣрѣ. Онъ надѣялся много на божественную помощь, которая, по его убѣжденію, принимаетъ участіе въ судьбахъ Святой Руси. Въ одномъ изъ его писемъ встрѣчаемъ мы выраженіе: «Да благословитъ Господь наше дѣло. Сколько мы можемъ понять—это дѣло правое. Конечно, все зависитъ отъ Бога. Богъ не покинетъ правыхъ». Такимъ образомъ всякимъ мірскимъ заботамъ и невзгодамъ *Корниловъ* могъ во всякое время противопоставить сильную вѣру, которая проистекла изъ безконечнаго мистицизма. Чѣмъ сильнѣе становилось испытаніе, которому онъ подвергался, тѣмъ болѣе уповалъ онъ на помощь свыше. Нельзя сказать, чтобы *Корниловъ* обладалъ геніальностію или даже особенно бойкимъ умомъ: онъ былъ хорошій администраторъ, и хорошо зналъ все, касавшееся до управленія морскою частію. Но онъ умѣлъ вселять храбрость и преданность въ окружавшихъ его лицахъ до такой степени, что не только уныніе, причиненное пораженіемъ русской арміи, но даже мысль о томъ, что армія покинула и пожертвовала городомъ съ моряками, уступили быстро мѣсто чувству военной гордости, пылкому желанію сразиться и дѣятельности необычайной, можно даже сказать, радостной и оживленной. Въ минуту, когда повидимому только отчаяніе и смятеніе должны были господствовать въ городѣ, *Корниловъ* пріобрѣлъ то нравственное превосходство, которое дало

ему возможность сообщить свою геройскую рѣшимость всѣмъ жителямъ города безъ различія—обывателямъ, морякамъ и солдатамъ. Конечно, вся сѣть мелкихъ разнообразныхъ формальностей, которыя до сего время господствовали въ служебныхъ сношеніяхъ и могли до крайности стѣснять его дѣятельность, немедленно разлетѣлась и исчезла.

Но создателемъ системы обороны Севастополя былъ г. *Тотлебенъ*, находившійся сперва въ дунайской арміи у князя *Горчакова*. Замѣтивъ дарованія этого офицера и зная какую важную роль могутъ играть инженерныя работы въ предстоящей борьбѣ за Севастополь, князь *Горчаковъ* послалъ *Тотлебена* въ Крымъ, къ князю *Меншикову*, указавъ ему, что офицеръ этотъ можетъ быть ему очень полезенъ. *Тотлебенъ* прибылъ въ Севастополь еще до высадки союзниковъ. *Меншиковъ* не вѣрилъ въ возможность высадки; онъ находилъ, что время года не позволяетъ уже сдѣлать съ успѣхомъ высадку. Однако онъ поручилъ *Тотлебену* осмотрѣть оборонительныя средства Севастополя, но оставилъ безъ вниманія представленіе его о недостаткѣ шанцеваго инструмента и необходимости заготовить таковой. Мало того: чтобы успокоиться, *Меншиковъ* предложилъ *Тотлебену* оставить Крымъ, которому однако удалось на нѣсколько дней отложить необходимость отъѣзда; вскорѣ затѣмъ, когда появился флотъ союзниковъ, *Тотлебенъ* остался защищать Севастополь. Воздавая должную хвалу нашему славному соотечественнику, которую мы не передаемъ читателямъ единственно изъ опасенія этимъ хотя сколько нибудь затронуть чувство скромности знаменитаго защитника Севастополя, *Кинглэкъ* говоритъ, что долгое время въ Европѣ думали, что *Тотлебенъ* сдѣлалъ какія нибудь открытія, которыя измѣняютъ или расширяютъ старыя правила инженерной науки.

Но предположеніе это не совсѣмъ основательно. *Тотлебенъ* имѣлъ необычайную способность примѣнять правила науки къ условіямъ дѣйствительной жизни, очень часто совсѣмъ новымъ и часто измѣняющимся; онъ тотчасъ усматривалъ и постигалъ тѣ матеріяльныя условія,

подъ вліяніемъ которыхъ необходимо было принять ту или другую мѣру. Онъ ясно понималъ, что для Севастополя весьма важное значеніе имѣетъ время, и никогда не упускалъ этого изъ виду.

24-го сентября, когда армія союзниковъ шла къ Бельбеку съ намѣреніемъ напасть на сѣверное укрѣпленіе Севастополя, *Тотлебенъ* находился съ *Корниловымъ* на сѣверной сторонѣ и распоряжался работами, хотя и не надѣялся съ успѣхомъ противиться цѣлой арміи въ 50—60 тысячъ человѣкъ. *Корниловъ* также не предвидѣлъ успѣха; онъ самъ говорилъ: «отступленіе съ сѣверной стороны невозможно; мы всѣ тутъ ляжемъ. Смерть меня не страшитъ, но быть взяту въ плѣнъ, это ужасно»!

Утромъ 25-го числа незамѣтно было какого либо движенія союзниковъ къ сѣверному укрѣпленію, какъ этого ожидали защитники Севастополя; только въ полдень они, кажется, узнали о новомъ планѣ дѣйствій союзниковъ, и то случайно, потому что князь *Меншиковъ*, выйдя изъ Севастополя, забралъ съ собою всю кавалерію, которая могла бы развѣдывать о движеніяхъ непріятеля и сообщать о нихъ гарнизону. Нѣсколько офицеровъ находились на бельведерѣ морской библіотеки, возвышавшейся на одномъ изъ холмовъ города, и смотрѣли на высоты, лежащія невдалекѣ отъ конца рейда. Вдругъ они завидѣли множество красныхъ мундировъ, которые вдоль по опушкѣ лѣса подвигались на Мекензіеву гору и спускались въ долину Черной. Шествіе это продолжалось цѣлый день, съ тою разницею, что подъ конецъ шли войска уже не въ красныхъ мундирахъ, а темныхъ шинеляхъ. Нельзя было сомнѣваться, что это было за шествіе. Очевидно, что союзники направлялись на южную сторону Севастополя, и сѣверная сторона, ожидавшая скорой гибели, была на долго освобождена отъ опасности.

На южной сторонѣ начальство надъ моряками принадлежало *Нахимову*; ихъ было очень немного, потому что большая ихъ часть была переведена на сѣверную сторону. *Нахимовъ* былъ храбрый морякъ, но, не имѣя средствъ къ успѣшному сопротивленію, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы

имѣть возможность немедленно, въ случаѣ надобности, потопить суда ввѣренной ему флотской дивизіи, а матросами усилить гарнизонъ. Онъ полагалъ, что *Корниловъ*, которому поручена была оборона сѣверной стороны, не только тамъ останется, но и удержитъ у себя ввѣренныя ему войска, которыя могли бы легко на паромахъ въ полъчаса перейдти съ сѣверной стороны на южную и обратно, тогда какъ союзники, если бы вздумали перемѣнить планъ атаки и перенести его съ сѣверной на южную сторону города, могли бы совершить этотъ переходъ съ одной стороны на другую не ранѣе, какъ въ теченіе двухъ дней.

Конечно, придерживаясь буквально даннаго ему приказанія защищать сѣверную сторону, *Корниловъ* могъ бы спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ до полученія новыхъ приказаній. Но ему было очевидно, что союзники намѣрены атаковать южную сторону города, и что сѣверная на время въ безопасности, что опасность грозитъ южной сторонѣ, и что флотъ можетъ погибнуть. Все это заставило *Корнилова*, поручивъ сѣверную сторону города *Бартеневу*, отправиться съ 11 батальонами моряковъ на южную сторону на помощь *Нахимову*. Послѣ совѣщанія о защитѣ города и арсенала, *Нахимовъ* и *Моллеръ*, заботясь исключительно о благѣ общаго ихъ отечества и забывая всѣ различія ранговъ и чиновъ, поручили *Корнилову* принять на себя распоряженіе о мѣрахъ къ защитѣ города. Такимъ образомъ, главное начальство въ Севастополѣ перешло къ *Корнилову*: *Нахимовъ* остался по прежнему начальникомъ флотской дивизіи.

Моллеръ издалъ приказъ, которымъ всѣ распоряженія и приказанія *Корнилова* дѣлались обязательными и для сухопутныхъ войскъ. Такимъ образомъ, благодаря политической храбрости и великодушному самоотреченію отдѣльныхъ командировъ, достигнуто было единство начальствованія, столь необходимое въ минуту опасности.

Корниловъ приказалъ пріостановить до особаго приказанія распоряженія *Нахимова* о погруженіи въ воду его дивизіи, и принялся со всею энергіею за устройство обо-

роны на южной сторонѣ. Центральный бастіонъ былъ оконченъ, но Малахова башня до 25-го сентября представляла собою буквально башню, безъ гласиса, безъ фланговой обороны и безъ всѣхъ сооруженій, воздвигнутыхъ впослѣдствіи, короче сказать—на всемъ протяженіи линіи южной стороны, только незначительная часть отъ артиллерійской бухты до центральнаго бастіона была укрѣплена удовлетворительно; вся же остальная часть—могла быть легко взята приступомъ.

Артиллерійской прислуги было достаточно повидимому, но для защиты, въ случаѣ штурма, всей этой линіи укрѣпленій было не болѣе 16,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 5,000 ополченія и одинъ саперный батальонъ. Остальные были матросы, изъ которыхъ многіе были плохо обучены пѣхотному строю и плохо вооружены. Съ такимъ гарнизономъ трудно было съ успѣхомъ сопротивляться нападенію союзной арміи, тѣмъ болѣе, что военная гавань и глубокій оврагъ раздѣляли на части этотъ и безъ того слабый гарнизонъ и не давали ему возможности скоро собраться въ мѣстѣ, которому грозила опасность. *Тотлебенъ* полагалъ, что самая упорная оборона не въ силахъ отразить нападенія союзниковъ.

Однако 26-е число прошло безъ всякихъ видимыхъ приготовленій союзниковъ, взявшихъ въ тотъ день Балаклаву, къ нападенію на Севастополь, который не имѣлъ свѣдѣній о русской арміи. «Мы ничего не знаемъ о князѣ *Меншиковѣ*», писалъ *Корниловъ* 26-го числа.

27-е число также не принесло никакихъ извѣстій объ арміи, выступившей изъ Севастополя. Защитники не могли расчитывать на какую нибудь помощь; имъ оставалось только геройски умереть на мѣстѣ, ввѣренномъ ихъ храбрости.

Въ этотъ день происходило торжественное молебствіе, послѣ котораго *Корниловъ* сказалъ войску, что Государь надѣется, что они не покинутъ Севастополя; что, впрочемъ, они не имѣютъ возможности отступить, имѣя впереди непріятели, а позади—море; что *Меншиковъ* обошелъ непріятеля, и, въ случаѣ ихъ атаки на Севастополь, онъ

сдѣлаетъ нападеніе на нихъ; что надо оставить всякую мысль объ отступленіи: музыка должна забыть играть отступленіе; въ случаѣ штурма, принять надо непріятеля по русски, въ штыки.

Войска воодушевились, пришли въ восторгъ и огласили воздухъ громкими криками. Хотя имъ было непріятно, что армія *Меншикова* покинула ихъ въ такую минуту, но сознаніе, что они покинуты и принесены, такъ сказать, въ жертву, не только не раздражило ихъ, но придавало имъ справедливую гордость, и вселяло въ нихъ любовь и удивленіе къ начальнику.

Но тѣмъ не менѣе лица, знакомыя съ инженерною наукою, очень хорошо понимали, что усилія гарнизона, хотя бы и самыя геройскія, не могутъ имѣть успѣха въ борьбѣ съ рѣшительною осадою; что необходимо соорудить укрѣпленія въ возможно скорѣйшемъ времени, хотя и не вполнѣ совершенныя: что необходимо приготовиться по всей линіи и быть въ состояніи отразить штурмъ на любомъ пунктѣ, что надо имѣть возможность вездѣ осыпать приближающагося непріятеля убійственнымъ градомъ картечи.

Рѣшено было производить работы одновременно по всей линіи, и вести ихъ такимъ образомъ, чтобы сооруженія, сдѣланныя сегодня, въ состояніи были бы завтра же принимать участіе въ оборонѣ и оказывать свое содѣйствіе при защитѣ въ случаѣ нападенія. Необходимо было по всей линіи перемѣнить вооруженіе, замѣнивъ полевыя орудія морскими орудіями большаго калибра, взятыми съ кораблей. Это могло быть сдѣлано безъ того, чтобы союзники могли замѣтить.

Въ распоряженіе инженеровъ были предоставлены всѣ возможные склады всякаго рода вещей, которыми изобиловалъ Севастополь; все зависѣло теперь отъ времени, которое дадутъ союзники.

Телѣги, лошади и тому подобныя перевозочныя средства, принадлежащія частнымъ жителямъ, были употреблены на перевозку предметовъ на батареи. По словамъ очевидцевъ, матросы съ веселіемъ тащили сами тяжелыя

орудія съ кораблей по землѣ, а жители, безъ различія пола и возраста, работали на укрѣпленіяхъ. Тысячъ до 6 ти человѣкъ съ разсвѣта начинали работу по укрѣпленіямъ и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ. Всякій работалъ отъ души, понимая ясно цѣль работъ и сознавая самъ, что онъ долженъ работать.

Не смотря на это, не имѣя извѣстій о князѣ *Меншиковѣ*, *Корниловъ* отчаявался за успѣхъ обороны. По слухамъ онъ узналъ, что *Меншиковъ* отступилъ къ Бакчисараю—на слишкомъ значительное разстояніе отъ Севастополя, чтобы имѣть возможность воспрепятствовать союзникамъ во время штурма ихъ на Севастополь.

«Мы укрѣпляемъ нашу позицію, писалъ *Корниловъ* въ своемъ дневникѣ, на сколько мы въ силахъ. Но, имѣя горсть войска, разбросаннаго на огромной линіи, что можемъ мы ожидать, кромѣ пораженія? Что значатъ сооруженія, воздвигнутыя въ нѣсколько дней? Если бы я это могъ предвидѣть, то не согласился бы никогда потопить корабли: я предпочелъ бы сразиться въ открытомъ морѣ—хотя бы съ вдвое большимъ непріятелемъ. Даже самая отчаянная битва не поможетъ намъ. Войско горитъ желаніемъ сразиться, но это только увеличитъ рѣзню и не помѣшаетъ успѣху враговъ. Все готово, чтобы потопить остальной флотъ. Пусть непріятель овладѣваетъ развалинами».

Но союзники медлили, давали еще отсрочку. 27-го числа они показались на Херсонессѣ, но не пытались сдѣлать атаку. То же самое было и 28-го числа: они сдѣлали рекогносцировку укрѣпленіямъ, но очевидно было, что штурма не будетъ и въ этотъ день.

Наконецъ 28-го сентября покинутый гарнизонъ получилъ извѣстіе изъ арміи. *Меншиковъ* былъ до того въ полномъ невѣдѣніи о движеніи союзниковъ, что и не предполагалъ даже того, что они перешли съ сѣверной стороны Севастополя на южную. Онъ послалъ наконецъ *Стеценко* узнать, что дѣлается въ Севастополѣ? *Стеценко* безъ затрудненій прибылъ въ Севастополь, сообщилъ, что

Меншиковъ получилъ подкрѣпленіе въ 10 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ *Хомутова*, и ожидаетъ еще другія, и что онъ намѣренъ занять позицію на Бельбекѣ.

Корниловъ увидѣлъ безнадежность своего положенія; севастопольскій гарнизонъ могъ расчитывать только на помощь неба, потому что русская армія, стоя около Бельбека, была раздѣлена дальними и тяжелыми переходами отъ арміи союзниковъ, и не могла принять никакого участія въ непосредственной борьбѣ за Севастополь. Однако, чтобы поддержать духъ войска, *Корниловъ* поѣхалъ вмѣстѣ съ *Стеценко* по укрѣпленіямъ и, показывая его войскамъ, говорилъ, что онъ привезъ хорошія извѣстія отъ *Меншикова*, который очень скоро сдѣлаетъ нападеніе па союзниковъ. Вечеромъ же, *Корниловъ* въ своемъ журналѣ записалъ, что Меншиковъ занимаетъ позицію на высотахъ Бельбека между Отаркой и Шули, и добавилъ какъ бы съ проніею: «а между тѣмъ непріятель идетъ на Севастополь; есть три или четыре способа легко овладѣть имъ, потому что число защитниковъ его незначительно: 10,000 моряковъ и 5,000 ополченія. Да благословитъ и укрѣпитъ насъ Господь».

На другой день, 29-го сентября, союзники опять сдѣлали рекогносцировку, но все воздерживались отъ нападенія. Жители и гарнизонъ Севастополя начали понемногу пріобрѣтать надежду изъ новаго и благодѣтельнаго источника. Видъ сооруженій, возведенныхъ руками ихъ, ободрялъ ихъ; дѣйствительно, результаты ихъ трудовъ были столь значительны, что они казались многимъ волшебными. За исключеніемъ инженеровъ, немногіе въ состояніи были составить себѣ заранѣе ясное представленіе о томъ количествѣ работы, которое могутъ сдѣлать въ три дня нѣсколько тысячъ человѣкъ, работая день и ночь, подъ руководствомъ до того искуснымъ, что ни малѣйшій трудъ не пропадалъ напрасно.

Вооруженіе всей оборонительной линіи приняло совсѣмъ другой видъ; орудія полевой артиллеріи были замѣнены повсюду морскими орудіями. Кромѣ того, нѣкоторые корабли разставлены были въ небольшихъ бухтахъ, чтобы

обстрѣливать рвы и овраги, спускавшіеся въ Севастополь. Для облегченія сообщенія, между городомъ и Корабельною слободою былъ устроенъ мостъ, а между всѣми главными пунктами оборонительной линіи для ускоренія сообщеній были устроены сигналы.

Сколько мы знаемъ, ничего не было позабыто и ничего не упущено. Гарнизонъ воспользовался четырьмя днями, чтобы наилучшимъ образомъ, на сколько позволяло ему это короткое время, распорядиться оборонительными средствами. Но очевидно, что сооруженія, воздвигнутыя съ такою поспѣшностію, не могли обратить городъ въ крѣпость: они обратили его въ укрѣпленную позицію, простиравшуюся на семь верстъ длины. Для защиты ея требовалась армія, чтобъ съ успѣхомъ сопротивляться сильной арміи, рѣшившейся взять эту позицію; армія, если и не равная въ числѣ, то, по крайней мѣрѣ, достаточно сильная, чтобы сразиться. Но арміи не было для защиты Севастополя, потому что 16,000 гарнизонъ его нельзя было назвать арміею, и онъ не въ силахъ былъ противиться союзникамъ.

Меншиковъ по прежнему не хотѣлъ послать въ Севастополь подкрѣпленіе. Только 29-го числа получено было извѣстіе, что авангардъ арміи, подъ командою *Жабокрицкаго*, вступитъ на сѣверную сторону Севастополя, куда *Меншиковъ* приказалъ собрать весь обозъ, оставленный арміею въ городѣ предъ выходомъ изъ онаго.

30-го сентября войска *Жабокрицкаго* вернулись въ сѣверное укрѣпленіе и встрѣчены были съ большою радостію. Жители полагали, что они пришли защищать ихъ. Въ этотъ день *Меншиковъ* самъ посѣтилъ Севастополь, но только сѣверную его часть, видѣлъ *Корнилова* и сообщилъ, что армія его довольно еще слаба, что непріятель, какъ онъ полагаетъ, очень силенъ, что онъ намѣренъ предпринять движеніе и предоставить Севастополь самому себѣ.

«Если это случится, воскликнулъ *Корниловъ*, Севастополь погибъ; если союзники рѣшатся на смѣлую попытку, они насъ раздавятъ!» *Меншиковъ* отвѣчалъ на это, что созоветъ военный совѣтъ.

Выступленіе изъ Севастополя и все фланговое движеніе было предпринято княземъ *Меншиковымъ*, какъ онъ самъ говорилъ, съ цѣлію дѣйствовать противъ фланга армій союзниковъ. Но онъ уклонялся значительно отъ своей задачи. Онъ покинулъ своихъ храбрыхъ моряковъ, нѣсколько дней былъ вдалекѣ отъ театра войны, не тревожился, не видѣлъ и не зналъ даже, гдѣ находятся непріятельскія войска, и не освѣдомлялся даже объ ихъ пребываніи и ихъ позиціи. Гарнизонъ же, оставленный для защиты Севастополя, въ эти шесть дней обнаружилъ всю свою храбрость и преданность, хотя дни эти протекли безъ сраженія, безъ пальбы и безъ штурма. Севастополь, должно признаться, все время съ начала до конца осады, защищался храбро, упорно, съ рѣдкимъ искуствомъ. Но въ послѣдніе дни осады сила гарнизона соотвѣтствовала вполнѣ возложенной на него задачѣ; въ первые же шесть дней, о которыхъ мы только что говорили, это было иначе. Армія ушла тихонько ночью, и нѣсколько дней не было о ней никакихъ извѣстій. Флотъ, можно сказать, погибъ, ибо былъ обреченъ на бездѣйствіе. Попытку защищать Севастополь приняли на себя нѣсколько человѣкъ ополченія, матросы и рабочіе, изъ которыхъ очень многіе не были знакомы съ пѣхотною службою. Но всѣ они составляли часть народа, подвластнаго одному Монарху, принадлежащаго одной вѣрѣ, имѣющаго одинъ языкъ и одушевленнаго одною народною жизнію, проникнутаго одною волею. По этой то причинѣ отступленіе арміи въ то время, какъ подходилъ непріятель, не повлекло за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе, немедленную сдачу города. Стойкій и рѣшительный народъ оставался защищать городъ, покинутый главнокомандующимъ вмѣстѣ съ его арміею. Блистательная декорація рухнула, но позади ея очутились гранитныя стѣны. *Корниловъ* не могъ сказать защитникамъ, что подъ рукою, на случай надобности, находится армія или флотъ, но онъ справедливо могъ сказать, что городъ будетъ защищаться по русски.

Начальники хорошо знали, что упорная оборона, противопоставленная упорной атакѣ, будетъ имѣть неизбѣж-

нымъ послѣдствіемъ избіеніе гарнизона, но они готовились къ этой борьбѣ съ тѣмъ рвеніемъ и энергіею, которыя выказываютъ люди, преисполненные надежды и силы. Гарнизонъ имѣлъ право думать, что армія его покинула, но онъ не роптал на свою жестокую участь и возвышалъ свой голосъ только для того, чтобы привѣтствовать любимаго начальника, или дать клятву защищать Севастополь до гроба. Патріотизмъ, восполнившій пробѣлъ, происшедшій отъ отступленія арміи, вызвалъ также начальника въ то время какъ настоящій начальникъ, начальникъ по приказанію, удалился. Въ нѣкоторомъ отношеніи случай создалъ начальника, но нельзя не видѣть великодушія и патріотизма въ самоотреченіи, заставившемъ лицъ, хотя и высшихъ чиномъ, повиноваться *Корнилову*—избранному ихъ диктатору.

Такъ какъ береговая оборона представляла гораздо болѣе важности чѣмъ сухопутная, то на нее и обращено было главное вниманіе, и къ концу 1852 г. всѣ предположенныя съ этою цѣлью работы были окончены уже. Оборона эта состояла изъ восьми весьма сильныхъ батарей, изъ коихъ были только три земляныя, а остальныя каменныя; они находились: пять, № 10, Александровская, № 8 въ связи съ 7 бастіономъ; Николаевская и Павловская — на южной сторонѣ, а Константиновская и Михайловская, № 4 — на сѣверной. Всѣ они обстрѣливали взморье и рейдъ и могли поражать непріятельскій флотъ встрѣчнымъ, фланговымъ и тыльнымъ огнемъ.

Предположено было обнести и южную сторону съ сухаго пути непрерывною оборонительною линіею, которая, примыкая съ одной стороны къ № 8 береговой батареи, оканчивалась бы на противоположной сторонѣ немного далѣе Ушаковой балки и должна была имѣть восемь бастіоновъ, по четыре въ каждой части города; длина этой линіи должна была простираться до семи верстъ. Но изъ всѣхъ предположенныхъ сухопутныхъ укрѣпленій къ началу войны были построены только три оборонительныя казармы, назначенныя для закрытія горжей предположенныхъ бастіоновъ № 1, 3, 7, которые не были сооружены

еще, оборонительныя стѣнки между 5, 6 и 7 бастіонами и одинъ бастіонъ № 7, примыкавшій къ береговой батареѣ № 8; позади этихъ двухъ укрѣпленій построена была оборонительная линія, примыкавшая къ нимъ обоимъ; она замкнула сзади (съ горжи) какъ бастіонъ № 7, такъ и батарею № 8. Къ постройкѣ прочихъ бастіоновъ не было приступлено. На сѣверной сторонѣ было одно старинное сѣверное укрѣпленіе.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, для усиленія обороны рейда, сооружены были *Меншиковымъ* двѣ батареи на сѣверной сторонѣ бухты, парижская и двѣнадцати-апостольская, а на южной святославская. Названія свои они получили по именамъ кораблей, съ которыхъ команды ихъ строили. Къ сѣверу отъ Константиновской батареи, на крутомъ берегу у телеграфа, была построена также новая батарея Карташевскаго, а къ сѣверу отъ нея, на высокой скалѣ, гдѣ морской берегъ дѣлаетъ заворотъ къ востоку, построена была малая башня Волохова для дѣйствія по якорнымъ мѣстамъ въ тылу Константиновской батареи и обстрѣливанія морскаго берега до устья Бельбека (эту батарею звали batterie de guêpe — Wasp, а Карташевскаго telegraph).

Для обезпеченія Севастополя съ сухаго пути съ западной стороны и предохраненія батареи № 10, всего болѣе удаленной отъ города и наиболѣе угрожаемой непріятелемъ, заложенъ былъ люнетъ, названный впослѣдствіи редутъ Шварца (№ 1), начали насыпать лѣвую половину бастіона № 6, на фланкахъ оборонительной стѣнки между № 5 и 7 бастіонами поставили 14 орудій, береговую батарею № 10 усилили капонирами и палисадомъ.

Ко дню высадки сухопутныя укрѣпленія Севастополя были въ слѣдующемъ состояніи: № 6 бастіонъ, начатый зимою, еще далеко не оконченный, представлялъ въ это время самое сильное изъ всѣхъ сухопутныхъ укрѣпленій; по устройству № 5 бастіона ничего не было сдѣлано; воспользовались казармою бастіона и вооружили ее; редутъ Шварца (№ 1) былъ оконченъ и вооруженъ; для огражденія пространства между этимъ редутомъ и бастіономъ № 4 устрое-

но было три завала. Правый фасъ бастіона 4 былъ почти готовъ, а лѣвый фасъ и флангъ представляли еще едва замѣтную насыпку. Отъ этого бастіона, вдоль окраины большаго бульвара, устроена слабая батарейка, а у вершины южной бухты, на Пересыпи, четыре казармы въ видѣ каменныхъ заваловъ. На мѣстѣ, назначенномъ для постройки № 3 бастіона, была только батарея въ видѣ реданта съ отрѣзомъ, а для фланкированія ея фаса позади, у сада Прокофьева, устроена въ видѣ каменнаго завала батарея Будищева. На Малаховомъ курганѣ устроена на счетъ городскаго купечества малая башня въ 7 саженъ, съ двумя закрытыми ярусами, примѣненная къ ружейной оборонѣ и съ открытою батареею. Это была Малахова башня. Влѣво отъ нея, на мѣстахъ 1 и 2 бастіоновъ, были возведены двѣ батареи и казарма 1 бастіона были вооружены орудіями. Всѣ укрѣпленія, на протяженіи болѣе $6^1/_2$ верстъ, были слабы, имѣли много частныхъ недостатковъ, не могли обстрѣливать сосредоточенными выстрѣлами впереди лежащую мѣстность; были промежутки, которые вовсе не обстрѣливались. Всѣхъ орудій было 145. У *Меншикова* было 38,597 человѣкъ подъ непосредственнымъ его начальствомъ. Во флотскихъ экипажахъ было 18,501 человѣкъ.

Послѣ высадки, и въ особенности альмскаго сраженія, когда всѣ средства были обращены на сѣверную сторону, какъ наиболѣе угрожаемую, работы на южной сторонѣ были почти прекращены и въ промежутокъ времени отъ 2-го (14-го)—14-го (26-го) сентября на южной сторонѣ сдѣлано было очень немного; можно сказать, что вооруженіе южной стороны въ это время увеличилось только 27-ю орудіями и состояло 14-го (26-го) сентября изъ 172-хъ орудій.

Увидѣвъ, что непріятель избралъ южную часть города для атаки, русскіе со всею энергіею приступили къ оборонѣ этой части Севастополя. Не передавая читателямъ нашимъ подробнаго перечня всѣхъ работъ, сдѣланныхъ въ нѣсколько дней доблестными защитниками Севастополя, скажемъ только, основываясь на такомъ достовѣрномъ

источникѣ, какъ «Описаніе обороны Севастополя», изданное подъ редакціею генерала *Тотлебена*, что съ 14-го сентября по 5-е октября русскіе построили болѣе 20 батарей; увеличили число орудій съ 172 до 341, замѣнивъ многіе изъ прежнихъ орудій другими лучшими. Работы производились безостановочно днемъ и ночью; въ нихъ участвовали всѣ войска гарнизона, всѣ вольные мастеровые и рабочіе, городскіе обыватели, женщины и даже дѣти. Отъ порта отпускалось все, что требовалось; всѣ средства города были также обращены на содѣйствіе рабочимъ, частныя подводы возили снаряды, матеріялы. Граждане образовали милицію для содержанія городскихъ карауловъ. По всему Севастополю кипѣла неимовѣрная дѣятельность. Любовь къ отечеству проявилась въ полномъ своемъ величіи. Ежедневно утромъ выходило на работу отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которыхъ вечеромъ смѣняли другіе. Для сообщенія Корабельной слободы съ Городскою устроенъ былъ мостъ изъ судовъ и плотовъ чрезъ бухту. Вскорѣ всѣ батареи были почти окончены и вооружены; всѣ укрѣпленія и траншеи получили надлежащіе размѣры, устроены засѣки, заряжены фугасы и сосредоточенъ болѣе или менѣе сильный огонь на всѣ окружающія высоты, выгодныя для расположенія осадныхъ батарей непріятеля, который не рѣшался идти на штурмъ прямо, но строилъ батареи съ цѣлію сбить артиллерію Севастополя и облегчить себѣ взятіе города. Работы союзниковъ подвигались медленно. Англичане устраивали батареи противъ бастіона № 3 и Малахова кургана, на высотахъ отъ Сарандинаковой балки до обрывовъ Сапунъ-горы; французы же сооружали батареи около хутора Уптона и Рудольфа, противъ бастіоновъ № 4 и 5. Союзникамъ достаточно было прочно утвердиться на одномъ какомъ либо пунктѣ, напр. бастіонѣ 3, 4, 5 или Малаховомъ курганѣ; тогда какъ русскіе должны защищать все пространство длиною семь верстъ. Союзники скоро отвели воду, проведенную отъ Чаргуна и Сарандинаковой балки къ докамъ и фонтанамъ, такъ что для гарнизона остались только одни колодцы.

Вскорѣ насталъ наконецъ и рѣшительный день—день перваго бомбардированія 5-го (17-го) октября.

Имѣя на своихъ батареяхъ 126 орудій, въ томъ числѣ 18 большихъ мортиръ, осаждающіе надѣялись заставить замолчать укрѣпленія Севастополя, на южной сторонѣ котораго хотя и было 341 орудіе, но изъ нихъ только 118 могли дѣйствовать по батареямъ союзниковъ. Нельзя не замѣтить, что русскіе обладали значительными запасами пороха, снарядовъ, орудій, матеріаловъ всякаго рода, необходимыхъ при оборонѣ, а также продовольствія, и что въ городѣ находилось не мало рабочихъ рукъ, которыя въ состояніи были въ скоромъ времени не только исправлять всякія поврежденія въ сооруженныхъ уже укрѣпленіяхъ, но также воздвигать новыя по усмотрѣнію. Уже съ разсвѣтомъ до сигнала русскіе могли примѣтить, что на батареяхъ непріятельскихъ прорѣзаны амбразуры и поставлены орудія. Началась небольшая перестрѣлка; отрядъ французскихъ стрѣлковъ подвинулся къ укрѣпленіямъ Севастополя, въ которомъ ударили тревогу. Въ это время поданъ былъ условный знакъ и сильная пальба началась по всей линіи. Происходящій отъ этого ужасный оглушительный трескъ и гулъ по временамъ еще увеличивался залпами съ кораблей, открывшихъ огонь по фортамъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, люди, участвовавшіе въ облакахъ дыма, ежеминутно ожидали смертельнаго удара, безстрашно заряжали орудія, исправляли наскоро поврежденія, тушили огонь по временамъ загоравшихся фашинъ, убирали убитыхъ и раненыхъ. Положеніе русскихъ было хуже. Укрѣпленія, прикрывавшія ихъ орудія, построенныя наскоро, покрытыя сухою землею, принесенною не безъ труда, которая не успѣла слежаться въ твердую массу, быстро разрушались отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Амбразуры были также слабы и, за недостаткомъ фашинъ, были одѣты мѣшками съ землею, глиною и досками, и нерѣдко загорались и обваливались; нѣкоторыя амбразуры были безъ всякой одежды. Требовалась героическая настойчивость, чтобы долгое время жертвовать жизнью множества людей, назначенныхъ постоянно исправлять сооруженія, такъ живо

разрушавшіяся. Но гарнизонъ севастопольскій, сознавая необходимость поддерживать укрѣпленія въ возможно исправномъ видѣ, часто высылалъ людей починять таковыя, подвергая рабочихъ почти явной смерти. Кромѣ того, русскіе всякую минуту должны были быть готовы къ тому, чтобы отразить штурмъ непріятелей, и, подъ вліяніемъ этой мысли, имъ по временамъ казалось, что эта рѣшительная минута настаетъ. Они стрѣляли тогда залпами, картечью и твердо стояли, ожидая встрѣтить непріятеля грудью. Это тревожное ожиданіе штурма, заставляя имѣть подъ рукою значительныя войска для его отраженія, было причиною болѣе значительной потери въ людяхъ у русскихъ, нежели у союзниковъ, имѣвшихъ полную возможность держать свои войска въ возможно дальнемъ разстояніи.

Услыхавъ пальбу, *Корниловъ* поскакалъ на бастіонъ. Густой дымъ почти скрывалъ отъ взоровъ непріятельскія линіи и застилалъ даже солнце, принявшее видъ огненнаго шара. Французскія батареи обстрѣливали съ фронта и батарея Чапмана продольными выстрѣлами поражала его съ праваго фланга. Обойдя всѣ орудія по бастіону, *Корниловъ* пошелъ къ Пересыпи и вернулся опять къ *Нахимову*, стоявшему въ мундирѣ на бастіонѣ, подъ градомъ всякаго рода ядеръ и гранатъ. Многіе пытались уговорить *Корнилова* уйдти, но безуспѣшно. «Это мой долгъ все видѣть, что тутъ происходитъ», сказалъ *Корниловъ*. Лейтенантъ *Ильинскій*, уговаривая его оставить батарею, прибавилъ, что постарается и безъ его присутствія исполнить надлежащимъ образомъ свою обязанность. «А если вы намѣрены исполнять вашу обязанность, возразилъ ему *Корниловъ*, то зачѣмъ же вы хотите препятствовать мнѣ выполнить мою»? Осмотрѣвъ батарею, *Корниловъ* пошелъ къ центральному бастіону, приказалъ принести воды людямъ, томившимся жаждою, написалъ письмо женѣ и, вручивъ его вмѣстѣ съ часами курьеру, отправлявшемуся въ Николаевъ, сказалъ: «передайте моей женѣ часы, которые должны принадлежать моему сыну; я боюсь, что мнѣ ихъ здѣсь разобьютъ», добавилъ онъ.

Вскорѣ прибылъ *Крюднеръ*, съ донесеніемъ отъ *Исто-*

мина, командовавшаго на Малаховомъ курганѣ, что все идетъ хорошо; при этомъ *Истоминъ* просилъ *Корнилова* беречь свою жизнь, не подвергать ее напрасной опасности, а потому не ѣздить на Малаховъ курганъ. *Корниловъ* сдѣлалъ распоряженіе о постоянномъ снабженіи батареи снарядами, но, тѣмъ не менѣе, посѣщеніе батареи произвело на него тяжелое впечатлѣніе. Я опасаюсь, сказалъ онъ, въ частномъ разговорѣ, что нѣтъ средствъ, ни силы устоять противъ такой бомбардировки. Ходъ дѣла пока отчасти оправдывалъ такой взглядъ. До сихъ поръ не удалось, какъ предполагалось, заставить замолчать французскія батареи, дѣйствуя противъ нихъ большимъ числомъ орудій. Между тѣмъ отъ французскихъ выстрѣловъ значительно пострадали не только русскія укрѣпленія, но и самая городская стѣна, мѣстами разрушившаяся совсѣмъ. Съ другой же стороны, у Корабельной слободы англичане одержали значительно верхъ, благодаря числу и превосходству своихъ орудій. Реданъ и Малахова башня очень сильно пострадали отъ огня англичанъ, который производилъ также сильное опустошеніе въ рядахъ войскъ, стоявшихъ не вдалекѣ отъ укрѣпленій, въ ожиданіи штурма. Но вскорѣ на французской батареѣ послѣдовалъ страшный взрывъ; русскимъ удалось, какъ оказалось впослѣдствіи, взорвать французскій порохой погребъ; а послѣдовавшій въ скоромъ времени другой удачный выстрѣлъ поднялъ на воздухъ зарядный ящикъ. Паническій страхъ овладѣлъ французами, и французскія батареи вскорѣ, около десяти съ половиною часовъ утра, принуждены были замолчать. Англичане же поддерживали стрѣльбу до конца дня. Въ началѣ бомбардированія *Меншиковъ* лично находился въ Севастополѣ; осматривалъ укрѣпленія Корабельной слободы и, переговоривъ съ *Корниловымъ*, въ десять часовъ утра отправился на сѣверную сторону. *Корниловъ* же, проводивъ его до переправы и въ послѣдній разъ съ нимъ простившись, поѣхалъ назадъ къ Театральной площади и оттуда къ бастіону, встрѣчая на каждомъ шагу носилки съ убитыми или тяжело ранеными, которые почти наполняли собою весь бастіонъ. Въ это время, какъ кажется, *Корниловъ*

узналъ въ первый разъ о взрывахъ, послѣдовавшихъ на французскихъ батареяхъ; нисколько, повидимому, не подозрѣвая послѣдовавшаго затѣмъ упадка духа французовъ, *Корниловъ* направился къ Корабельной слободѣ, не смотря на убѣжденія *Жандра* не ходить туда. Что подумаютъ обо мнѣ солдаты, если они меня сегодня не увидятъ? замѣтилъ ему *Корниловъ* и направился къ Пересыпи, гдѣ и встрѣтился съ *Тотлебеномъ*, возвращающимся изъ слободы. Получивъ подробныя и самыя свѣжія извѣстія о положеніи дѣлъ на Редапѣ, *Корнилову* не-зачѣмъ было туда ходить, но онъ хотѣлъ непремѣнно достичь того, чтобы солдаты вездѣ могли видѣть своего начальника. Онъ скоро дошелъ до Редана, убѣдился лично въ удовлетворительномъ состояніи этого укрѣпленія, хотя и подверженнаго перекрестному огню непріятельскихъ батарей, и намѣревался идти къ Малахову кургану. Его уговаривали оставить это намѣреніе. «Отъ пули никуда не убережешься, сказалъ *Корниловъ*, и, въ сопровожденіи казака, адъютанта *Жандра*, пошелъ по тропинкѣ и, не смотря на сильный непріятельскій огонь, дошелъ до Малахова кургана. Матросы, завидѣвъ любимаго начальника, громко стали его привѣтствовать, но *Корниловъ* приказалъ замолчать и, указавъ на непріятельскія батареи, сказалъ: «когда онѣ будутъ молчать, подобно французамъ, тогда мы будемъ ликовать, но не ранѣе». Орудія на башнѣ были сбиты и оставлены, и на сильный непріятельскій огонь *Истоминъ* отвѣчалъ только стрѣльбою изъ орудій, бывшихъ на земляныхъ укрѣпленіяхъ, окружавшихъ Каменную башню. Приказавъ въ нижней ея части устроить перевязочный пунктъ, *Корниловъ* намѣревался идти къ мѣсту расположенія Бутырскаго и Бородинскаго полковъ, а оттуда домой чрезъ госпиталь. Постоявъ немного — было одиннадцать съ половиною часовъ — *Корниловъ* началъ спускаться къ тому мѣсту, гдѣ стояла его лошадь, но едва онъ успѣлъ сдѣлать четыре шага, какъ ядро раздробило ему лѣвую ногу. *Корниловъ* упалъ, но могъ еще говорить. Онъ воспользовался этимъ, чтобы сказать: «защищайте Севастополь, не отдавайте его». Затѣмъ вскорѣ онъ уже былъ въ безпамятствѣ. Его снесли

на ближайшій перевязочный пунктъ, гдѣ, придя нѣсколько въ себя, онъ причастился святыхъ тайнъ. Его снесли въ госпиталь. Рана его причиняла ему страшныя мученія. Въ нѣсколько менѣе мучительныя минуты онъ сказалъ окружавшимъ его лицамъ: «какъ сладко умирать съ спокойною совѣстью». Онъ вспомнилъ свою жену и дѣтей и по временамъ повторялъ: «Господи, благослови Россію и Государя! спаси Севастополь и флотъ». Онъ сталъ по видимому дремать; но когда взошелъ въ комнату офицеръ съ извѣстіемъ, что англичане прекратили стрѣльбу, и что только два орудія стрѣляютъ, то *Корниловъ*, узнавъ объ этомъ, собрался съ силами и закричалъ ура, ура! Вскорѣ онъ потерялъ сознаніе и чрезъ нѣсколько минутъ скончался. Приняты были мѣры, чтобы, по возможности, скрыть это печальное событіе отъ войска, и часть гарнизона, дѣйствительно, только къ концу дня узнала объ этомъ. Моряки и солдаты горько оплакивали потерю любимаго ими начальника, вліяніе котораго приковывало ихъ къ орудіямъ въ то время, когда по видимому флотъ и армія были вдалекѣ отъ воинственной отваги. Нѣтъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы утверждать, что *Корниловъ* обладалъ всѣми разнообразными качествами, необходимыми для великаго полководца, но достаточно было протекшихъ 26 дней, чтобы упрочить за нимъ не малую извѣстность. *Корниловъ* жилъ до той минуты, когда опасность, угрожавшая Севастополю, требовала присутствія героя. Если бы даже защита Севастополя была до того обезпечена, что успѣхъ ея не находился бы въ зависимости отъ энтузіазма гарнизона и романтическаго самопожертвованія *Корнилова*, тѣмъ не менѣе до дня штурма необходимо было присутствіе начальника, которому всѣ бы одинаково повиновались съ полнымъ довѣріемъ и преданностію. Со смертію *Корнилова* никто изъ начальниковъ не пользовался въ такой мѣрѣ властію и авторитетомъ, какъ онъ. Главнокомандующимъ надъ морскими и сухопутными силами въ Крыму считался князь *Меншиковъ*, но онъ находился внѣ осажденнаго города. Со смертью *Корнилова* начальство надъ морскою частью перешло къ *Нахимову*, а надъ сухопутными войсками къ

Моллеру, и единство власти, столь необходимое, было раздѣлено.

Какое же участіе принималъ флотъ союзниковъ въ этой бомбардировкѣ, столь безплодно окончившейся? Капитаны англійскихъ кораблей полагали за лучшее отложить дѣйствіе флота до дня рѣшительнаго штурма. Начальники сухопутныхъ войскъ полагали, что стрѣльба флотовъ увеличитъ нравственное вліяніе бомбардированія съ сухаго пути. Съ этою цѣлію согласились открыть огонь какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря одновременно въ $6^1/_2$ часовъ утра. Корабли должны были, проходя мимо фортовъ, стрѣлять по нимъ залпами одинъ за другимъ. Но 17 числа, въ семь часовъ утра *Гамеленъ*, къ изумленію *Дондаса*, пріѣхалъ къ нему и сообщилъ, что онъ составилъ новый планъ атаки, по которому весь флотъ долженъ былъ выстроиться въ одну линію, стать на якорь передъ фортами и открыть по нимъ огонь; что французскіе корабли займутъ мѣсто отъ Херсонесскаго залива до половины Севастопольской бухты, а затѣмъ далѣе на сѣверо-востокъ должны стать англичане. *Гамеленъ* далъ понять, что на какой-либо другой планъ атаки онъ не согласенъ. *Дундасъ* былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе; онъ долженъ былъ или принять планъ атаки, отъ которой трудно было ожидать успѣха, или, отказавшись отъ него, вызвать неудовольствіе, которое могло бы имѣть пагубное вліяніе на союзъ Англіи и Франціи. Видя, что *Гамеленъ* настойчиво поддерживаетъ свой планъ и не желаетъ принять какой-либо другой, *Дундасъ* согласился. Онъ долженъ былъ снова созвать *Лайонса* и прочихъ капитановъ кораблей, и переговорить съ ними. Они всѣ сознавали безполезность подобной атаки и считали даже очень опасною для кораблей. Нѣсколькимъ судамъ предоставлено было право не становиться въ одну общую линію, а дѣйствовать по усмотрѣнію и особенно оказывать помощь судамъ поврежденнымъ.

Этотъ новый планъ *Гамелена* предполагалъ необходимымъ выстроить суда въ одну линію, на что требовалось не мало времени. Этимъ и объясняется, почему флотъ открылъ огонь по городу позже, чѣмъ было предназначено,

именно въ часъ дня, т. е. въ то время, когда французскія батареи замолчали. Дѣйствіе французовъ противъ фортовъ Карантиннаго и Александровскаго не имѣло успѣха: они стрѣляли съ слишкомъ значительнаго разстоянія отъ фортовъ, чтобы разрушить ихъ. Англичане же дѣйствовали по преимуществу противъ Константиновскаго форта, защищавшаго вмѣстѣ съ Александровскимъ фортомъ входъ въ бухту. Длинная отмель тянулась впереди форта, но англичанамъ удалось ночью сдѣлать промѣръ, давшій возможность двумъ кораблямъ, «Агамемнону» и «Сан-Парель», не только подойти очень близко къ форту, но и зайдти ему почти въ тылъ. Верхнія батареи форта скоро принуждены были замолчать, но противъ казематированныхъ батарей дѣйствіе флота было безуспѣшно. Корабли не мало терпѣли сами отъ огня русской артиллеріи. Каленыя ядра произвели пожаръ на кораблѣ «Британнія», на которомъ сильно повреждены были мачты и снасти. «Аретуза» едва не потонула отъ разрыва бомбъ. «Альбіонъ» получилъ множество поврежденій и подвергался крайней опасности. «Лондонъ» и «Сан-Парель» принуждены были отступить; наконецъ на «Агамемнонѣ» также вспыхнулъ пожаръ. Остальные корабли эскадры шли къ нему на помощь. Но «Беллерофонъ» вскорѣ загорѣлся тоже отъ непріятельскихъ ядеръ. Тоже случилось и съ «Королевою». «Родней» сѣлъ на мель, но продолжалъ стрѣлять, оставаясь подъ огнемъ форта болѣе двухъ часовъ, когда, съ помощью двухъ пароходовъ, ему удалось сняться съ мели. Французскіе корабли еще ранѣе начали свое отступленіе, за ними послѣдовали и англичане.

Такъ кончилась эта безплодная атака союзниковъ. 1100 тяжелыхъ орудій стрѣляли противъ фортовъ, которые могли отвѣчать имъ только 152 орудіями нѣсколько часовъ, и притомъ очень сильно. Достаточно сказать, что два корабля только выпустили до 7000 снарядовъ. Но потери русскихъ были ничтожны: у нихъ выбыло изъ строя не болѣе 138 человѣкъ, тогда какъ союзники потеряли до 520, не считая турокъ. Но союзники понесли еще болѣе значительную потерю, потерю нравственную. Атака эта разсѣяла иллю-

зію о всесокрушающемъ дѣйствіи союзнаго флота на севастопольскіе форты и укрѣпила мысль о неприступности Севастополя со стороны моря. Атака эта была вполнѣ неудачна, потому что не произвела никакой диверсіи, какъ предполагалось, въ планѣ осаждающихъ. Она началась, можно сказать, въ то время, когда бомбардированіе съ сухаго пути почти совсѣмъ прекратилось.

Мы выше сказали, что французскія батареи совсѣмъ смолкли въ десять съ половиною часовъ. Англичане же продолжали стрѣлять. Огонь съ батарей *Чапмана* и *Гордона*, вооруженныхъ орудіями большаго калибра, причинялъ страшный вредъ русскимъ укрѣпленіямъ. Реданъ былъ значительно разрушенъ; одна треть орудій сбита; но войска, воодушевленныя примѣрами такихъ офицеровъ, какъ *Лесли*, *Ергомышевъ*, *Рачинскій* и другіе, храбро и стойко держались и продолжали дружно отстрѣливаться, не смотря на все видимое превосходство англичанъ, которые не могли заставить Реданъ замолчать. Но вдругъ удачно пущенная бомба взорвала пороховой погребокъ и обратила Реданъ въ груду развалинъ, покрытую обезображенными трупами. Войска, стоявшія около него для прикрытія, отступили немного. Невозможно было долѣе держаться на этомъ мѣстѣ и можно было ожидать, что англичане воспользуются этимъ успѣхомъ и кинутся на штурмъ, сдѣлавъ послѣдній усиленный залпъ. *Бургоинъ* такимъ образомъ исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ разрушилъ русскія укрѣпленія, пробилъ брешь, достаточно великую для штурма. Но очевидно, что англичане не могли идти на штурмъ одни. По предшествовавшему соглашенію, англичане должны были идти на штурмъ Редана въ то же время, какъ французы двинутся на штурмъ бастіона. Между тѣмъ неуспѣхъ французовъ и происшедшіе у нихъ взрывы заставили ихъ прекратить огонь; идти на штурмъ они не думали и подавно. *Рагланъ* былъ въ отчаяніи при подобной неудачѣ. Бомбардированіе это, стоившее столько средствъ, а, главное, столько времени, было безплодно вполнѣ; оно нисколько не подвинуло союзниковъ къ достиженію ихъ цѣли. Слѣ-

дующій день показалъ, какими средствами располагаютъ осажденные. Въ одну ночь они исправили большую часть своихъ укрѣпленій, за исключеніемъ Редана, и въ состояніи были, снова открывъ вездѣ огонь, отвѣчать на стрѣльбу союзниковъ, которая была не слишкомъ велика 18 октября. Въ этотъ день въ первый разъ замѣчено было движеніе русскаго отряда подъ начальствомъ *Липранди*, невдалекѣ отъ Чоргуна, направлявшагося по видимому къ Балаклавѣ.

По видимому союзникамъ предстояло начать правильную осаду Савастополя, что влекло за собою неизбѣжную зимовку въ Крыму. «Армія нуждалась въ отдыхѣ, писалъ *Рагланъ* къ *Ньюкэстлю*; войска очень измучены. Ежедневная, настоятельная потребность добывать воду и топливо очень изнуряетъ солдатъ, на которыхъ сильно вліяетъ климатъ. Холера не покидаетъ армію, и кромѣ ея въ лагерѣ не мало разнаго рода больныхъ». Наступленіе зимы должно было естественно ввергнуть армію въ еще болѣе печальное положеніе. Неуспѣхъ 17 (5) октября заставилъ союзниковъ принять другой планъ дѣйствій. Они рѣшились начать правильную осаду противъ Севастополя, вести апроши и въ то же время продолжать бомбардировку. По этому до 25 числа союзники всякій день открывали сильный огонь, на который русскіе отвѣчали съ неутомимою энергіею. Оборона русскихъ была болѣе нежели упорная; они не только быстро исправляли всѣ поврежденія въ своихъ укрѣпленіяхъ и поддерживали ихъ въ исправности, но и постоянно воздвигали новыя, устроивали траверсы, дѣлали вылазки и тревожили постоянно осаждающихъ ([1]).

([1]) «Заря» 1870 г. № 9. Окончаніе статьи относятся до сраженія 13-го октября и будетъ помѣщено въ 4 выпускѣ.

Ред.

АТАКА СЕВАСТОПОЛЯ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ 1854 ГОДУ И ЕЯ СООТНОШЕНІЕ КЪ СОСРЕДОТОЧЕНІЮ ОРУДІЙ СЪ БЕРЕГОВЫХЪ БАТАРЕЙ.

На войнѣ все что не просто—невозможно. Самыя блестящія, самыя удивительныя изобрѣтенія мирнаго времени жалко рушатся во время войны, если они строго несогласованы съ практичностью, удобствомъ и простотою дѣйствія.

Трошю.

Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей нашей артиллеріи, въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ еще въ 1867 году, доказалъ, что примѣненіе способа сосредоточенной стрѣльбы къ приморскимъ батареямъ составляетъ эпоху въ береговой оборонѣ, и что значеніе сосредоточенія для береговой артиллеріи такъ же важно, какъ и введеніе нарѣзныхъ орудій, такъ какъ безъ него нарѣзныя орудія не имѣли бы и десятой части своей дѣйствительности. Онъ заявилъ также, что, для окончательнаго примѣненія этого способа, слѣдуетъ только обработать практическую сторону сосредоточенной стрѣльбы, ознакомившись предварительно съ тактикою флота при атакѣ береговыхъ батарей (1).

Въ самомъ дѣлѣ, рѣшеніе вопроса о томъ, какъ должна быть производима атака приморскихъ батарей флотомъ, можетъ быть только практическимъ, основаннымъ на опытѣ, на подробномъ изученіи береговыхъ атакъ прежняго времени, съ примѣненіемъ однако къ современному состоянію флота и приморскихъ укрѣпленій. Представленія о боѣ, неоснованныя на фактахъ, какъ бы они ни казались раціональными, всегда останутся только представленіями, принадлежащими къ области фантазіи, къ области вымысловъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, а потому непри-

---

(1) „Артил. Журналъ" 1867 г. № 4. Отдѣлъ неоффиціальный, стр. 575—591

годныхъ для руководства. Но и практическое, основанное на фактахъ, рѣшеніе такого вопроса, требуетъ строгой осторожности и полнаго безпристрастнаго обсужденія со всевозможныхъ сторонъ, безъ всякаго увлеченія или предубѣжденія, въ пользу одной какой либо стороны, безъ всякой предвзятой идеи, безъ всякихъ самообольщеній.

Къ сожалѣнію, мы часто видимъ противное. Часто мнѣнія о родѣ того или другаго боя, о способѣ того или другаго дѣйствія въ бою, слагаются изъ одностороннихъ представленій о немъ, изъ увлеченій предвзятою идеею, даже просто изъ *esprit de corps*, изъ естественной приверженности къ своему роду оружія.

Особенно бросаются въ глаза, своею шаткою неопредѣленностію и крайностями, представленія объ атакѣ флотомъ приморскихъ батарей. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо являются увлеченія и предвзятыя идеи. Здѣсь-то особенно выказывается во всей полнотѣ *esprit de corps* двухъ сильнѣйшихъ родовъ военнаго оружія: артиллеріи и флота.

Морякъ, привыкнувъ побѣждать въ борьбѣ даже стихіи и сознавая чудовищную силу громаднаго вооруженія, сосредоточеннаго на небольшомъ пространствѣ корабля, способнаго при томъ къ быстрому передвиженію, пріобрѣтаетъ большую самоувѣренность. Онъ убѣжденъ въ возможности форсировать рейды и защищенные проходы и атаковать съ успѣхомъ сильныя батареи. Потому онъ обыкновенно горячо отстаиваетъ свое убѣжденіе и старается доказать, во что бы то ни стало, что флотъ можетъ забомбардировать крѣпость, срыть батареи и прорваться въ проходы, не смотря ни на какія средства артиллеріи.

Артиллеристъ, обладающій не меньшею энергіею, еще болѣе сознаетъ силу своего оружія. Онъ знаетъ, какъ велико превосходство положенія орудій на неподвижной основѣ батарей, противу положенія ихъ на кораблѣ, колеблющемся даже отъ собственныхъ выстрѣловъ. Онъ можетъ подробно изучить мѣстность предъ батареями, имѣетъ болѣе простора для дѣйствій и, наконецъ, можетъ сосредоточивать огонь своихъ орудій болѣе правильно, спокойно и хладнокровно. Потому онъ еще болѣе самоувѣренъ, нежели

морякъ, и, повторяя презрительно французскую пословицу: *les vaisseaux ne sont que de batteries*, доказываетъ, что береговая артиллерія въ бою всегда будетъ имѣть перевѣсъ надъ кораблемъ, и что она потопитъ и сожжетъ атакующій флотъ, если онъ приблизится на разстояніи около 300 саженъ (1).

Доказательства, что и морякъ, и артиллеристъ одинаково правы, легко найдутся въ примѣрахъ недавнихъ войнъ.

Морякъ укажетъ на Копенгагенъ, Алжиръ, Сенъ-Жанъ-д'Анжели, Сенъ-Жанъ-д'Акръ, Синопъ и выведетъ общее правило, что въ морскомъ бою выигрываетъ тотъ, кто съ близкаго разстоянія, въ одно и то же время, выпускаетъ наибольшее по вѣсу количество чугуна. Было даже время, когда это общее правило было возведено въ принципъ, считалось непреложнымъ закономъ, служило основаніемъ при проектированіи судовъ въ нѣсколько дековъ и ихъ вооруженіи. Оно вызвало даже подражаніе въ постройкѣ и вооруженіи многоярусныхъ береговыхъ батарей и въ ихъ расположеніи. Теперь мы знаемъ уже, что это пресловутое правило не болѣе какъ увлеченіе, предвзятая идея, самообольщеніе. Успѣхъ флота въ названныхъ пунктахъ объясняется прямо неподготовленностію, или нравственнымъ ничтожествомъ оборонявшихся. Быстрота же стрѣльбы, обусловливающая наибольшій выпускъ чугуна въ данное время, ведетъ только къ такимъ капитальнымъ ошибкамъ, какъ введеніе корронадъ для флота, многоярусная форма судовъ и батарей и атака береговыхъ укрѣпленій въ Севастополѣ: *remarquable par sa nullité*, по выраженію Джустиніани, приведенному г. Зиновьевымъ.

Артиллеристъ укажетъ на успѣшную борьбу съ кораблями и фрегатами двухъ-орудійныхъ батарей: на Неаполитанскомъ берегу, у мыса Линоза въ 1806 г., и на Шельдѣ въ 1814 году, и даже одного орудія съ башни Мортелло на берегу Корсики въ 1794 году. Онъ приведетъ, какъ доказательства: взрывъ въ 1849 году датскаго корабля

(1) «Артил. Журналъ» 1861 г. № 7, отд. учен. и технич., публичныя лекціи, читанныя поручикомъ Зиновьевымъ.

Христіанъ VIII четырьмя 18-ф. пушками шлезвигъ-голштейнской батареи и сильныя поврежденія, нанесенныя кораблямъ «London», «Arethusa» и «Albion», четырьмя орудіями съ батареи Карташевскаго и пятью съ башни Волохова въ Севастополѣ. Отсюда выводится убѣжденіе въ непреложности другой французской пословицы: *un canon à terre vaut un vaisseau de mer*, и въ возможности успѣшно дѣйствовать по кораблю, даже и въ такомъ случаѣ, когда онъ вовсе невидимъ.

Но не трудно убѣдиться, что и все это также не болѣе, какъ увлеченія своимъ *esprit de corps* и предвзятыя идеи. Для такого убѣжденія нужно только прослѣдить начала, изъ которыхъ возникла и на которыхъ основалась система стрѣльбы по невидимой прислугою цѣли. Начала эти предложены моряками и примѣнены сперва на флотѣ. Но какимъ образомъ? При какихъ условіяхъ?

При всей увѣренности въ громадной силѣ многоярусного деревяннаго корабля, моряки сознавали однако неспособность его къ продолжительному сопротивленію непріятельскимъ выстрѣламъ, особенно же въ бою на близкомъ разстояніи. Они сознавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что главныя боевыя качества паровага судна — быстрота и удобоподвижность и старались пользоваться исключительно этими качествами. Бой на ходу, появленіе на флангѣ или въ тылу непріятеля, и вообще тамъ, гдѣ корабль наименѣе всего могъ быть ожидаемъ, для моряковъ составляетъ совершенство морскаго искуства. Вотъ почему способъ сосредоточенной стрѣльбы на ходу, по извѣстнымъ мѣткамъ на палубѣ и по индикатору, наводимому самимъ командиромъ судна, былъ вполнѣ желаемъ и даже совершенно необходимъ для кораблей. Онъ давалъ возможность командиру управлять одновременно движеніемъ судна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, направленіемъ и дѣйствіемъ его выстрѣловъ. Удобство въ высшей степени очевидное.

Соединеніе управленія движеніемъ судна съ направленіемъ съ него выстрѣловъ дастъ такое важное преимущество движущемуся судну предъ неподвижною батареею, что моряки, конечно, не откажутся отъ него и по замѣнѣ

деревянныхъ судовъ броненосцами. Но сопровождающія обыкновенно начала всякаго нововведенія, несовершенства, ошибки и неудачи заставили предложившаго систему стрѣльбы по мѣткамъ, лейтенанта *Леваля*, ограничиться покуда указаніемъ на нее, какъ на возможность наводить орудія, даже въ такомъ случаѣ, когда цѣль, которая была однако хорошо видима прежде, скроется въ дыму отъ выстрѣловъ. Главнѣйшимъ же образомъ предполагалось наводить орудія по мѣткамъ на ходу, когда цѣль еще не видна, или находится еще въ неудобномъ положеніи относительно судна, съ тѣмъ, чтобы, приведя судно, на извѣстномъ разстояніи, въ выгодное положеніе къ цѣли, сдѣлать залпъ не иначе, какъ видя самую цѣль, и потому, двигаясь впередъ, вновь ставить орудія на мѣтки и повторять тотъ же маневръ. Въ обоихъ случаяхъ цѣль бываетъ *видима* или до первоначальнаго наведенія орудій, или же становится *видимою* уже по наведенію орудій предъ самимъ выстрѣломъ. Стрѣльбы исключительно по невидимой цѣли, напоминающей лишь игру въ жмурки, не бываетъ и быть не можетъ. Повторяемъ, что только несовершенство предложеннаго способа сосредоточенія орудій, начальныя ошибки и неудачи—быть можетъ собственно по причинѣ колеблемости судна и недостатка средствъ къ опредѣленію дистанцій — заставили ограничиться наведеніемъ по мѣткамъ, для того, чтобы сдѣлать стрѣльбу независимою отъ большей или меньшей видимости цѣли до боя, или во время самаго боя.

Если въ прежнее время случаи, въ которыхъ цѣль была вовсе невидимою, повторялись довольно часто, то эти случаи были не болѣе какъ чудовищныя ошибки, напоминающія лишь приводимое г. Зиновьевымъ предложеніе одного изъ англійскихъ моряковъ: «защищать портсмутскую гавань одними холостыми выстрѣлами», т. е. дѣлая не только цѣль, но и стрѣляющія батареи совершенно невидимыми. Какъ ни эксцентрично такое предложеніе, но и оно имѣло нѣкоторую основу и оправданіе въ минувшихъ войнахъ. Моральное дѣйствіе звуковъ пальбы, соединенное съ дымомъ, закрывающимъ батареи и входъ порта, можетъ,

конечно, заставить корабли напрасно растратить свои заряды, при дѣйствіи по батареямъ, какъ это и случилось подъ Севастополемъ, не смотря на глубокообдуманный планъ атаки и особенно выгодное расположеніе кораблей, что мы докажемъ ниже. При рѣшимости же форсировать проходъ внутрь порта, въ густомъ дыму корабли могли бы сталкиваться между собою, или же попадать подъ выстрѣлы другихъ своихъ же кораблей, что неоднократно случалось въ морскомъ бою и заставило сознать необходимость для кораблей наводки по условнымъ мѣткамъ. Хотя такая наводка предназначалась преимущественно для управленія стрѣльбою на ходу, при форсированіи проходовъ, или движеніи, при выборѣ наиболѣе удобнаго для пораженія батарей пункта, но она дѣлала также возможною стрѣльбу и въ тѣхъ случаяхъ, когда батарея, или другая цѣль, скрываясь въ дыму, дѣлалась невидимою. Подобные случаи, благодаря старому правилу, обусловливающему наибольшій выпускъ чугуна въ данное время, какъ мы сказали уже, повторялись довольно часто. Но будутъ ли они повторяться и впредь? Можетъ ли быть допущенъ батальный огонь изъ нарѣзныхъ орудій, подобный пальбѣ холостыми зарядами? Благоразумно ли выбрасывать лишь какъ можно больше снарядовъ, составляющихъ въ наше время уже не просто чугунъ, а десятки и сотни тысячи рублей? Вотъ вопросы, которыхъ, какъ кажется, еще не затрогивали ни моряки, ни артиллеристы, а отъ рѣшенія ихъ зависитъ возможность или невозможность существованія невидимой цѣли и, слѣдовательно, надобность или ненадобность въ примѣненіи собственно къ ней системы сосредоточенной стрѣльбы.

Въ предположеніи, что вопросы эти могутъ быть разрѣшены только отрицательно, въ статьѣ моей: «система естественнаго сосредоточенія выстрѣловъ», напечатанной въ № 4 Артиллерійскаго Журнала за 1866 годъ, была сдѣлана попытка доказать необходимость и возможность сосредоточенной стрѣльбы не по невидимой только, но и по видимой цѣли, по неподвижной и по находящейся въ движеніи. Считая невидимость цѣли лишь случайностью, едва

ли могущею имѣть мѣсто въ будущихъ атакахъ съ моря, а сосредоточеніе орудій общимъ совокупнымъ дѣйствіемъ ихъ, направляемыхъ, по желанію командира крѣпостной артиллеріи, на тотъ или другой изъ избранныхъ имъ пунктовъ, я развилъ въ названной статьѣ свои предположенія къ осуществленію такого сосредоточенія. Статья эта вызвала возраженіе въ № 2 Артиллерійскаго Журнала за 1867 годъ, написанное г. *Леваневскимъ*, сущность котораго заключалась только въ томъ, что предположенія мои, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могутъ быть правильны, въ другихъ нѣтъ, и что вычисленія мои, о соотношеніи дугъ сосредоточенія къ поворотнымъ дугамъ платформъ, очень любопытны. И только! Въ какихъ именно случаяхъ мои предположенія правильны и въ какихъ нѣтъ, и почему вычисленія только любопытны, г. *Леваневскій* ничего не объяснилъ, потому возраженіе его имѣетъ болѣе видъ косвеннаго подтвержденія моей статьи...

Замѣчательно, что г. *Леваневскій* увѣряетъ, что въ бою съ судномъ всегда могутъ быть *видимы* по крайней мѣрѣ верхушки мачтъ, что, при наведеніи на отблескъ выстрѣловъ, можно по ошибкѣ принять выстрѣлы двухъ близкихъ судовъ за выстрѣлы одного судна, и что, наконецъ, невѣроятно, чтобы, при атакѣ батарей, суда находились въ движеніи, а не останавливались для болѣе вѣрнаго дѣйствія. Все это сказано именно для того, чтобы убѣдить меня въ дѣйствительной возможности существованія *невидимой* цѣли, которое я оспаривалъ, и доказать неправильность представленія мною боеваго дѣйствія кораблей противу укрѣпленій. Но, вслѣдъ за этимъ, г. *Леваневскій* приводитъ мои слова, доказывающія, что я не представлялъ себѣ, т. е. не вымышлялъ, а описывалъ севастопольскій бой, какъ ближайшій его очевидецъ и участникъ.

Изъ такихъ описаній было бы очевидно, что верхушки мачтъ (брамъ-стеньги, а иногда и стеньги) для боя опускаются въ ростры или снимаются, даже и во взаимномъ бою парусныхъ кораблей между собою, чтобы, уменьшеніемъ рангоута, уменьшить величину поражаемости судна. При атакѣ Севастополя, были сняты всѣ части мачтъ, до

самыхъ марсовъ ([1]), что уменьшило рангаутъ на двѣ трети его высоты; при той же атакѣ, по случаю густаго дыма, окружавшаго корабли, можно было наводить только на отблескъ ихъ выстрѣловъ. Выстрѣлы производились залпами, поочередно, съ трехъ дековъ корабля, потому огонь появлялся длинными полосами, такъ опредѣленно и часто, что нельзя было ошибиться въ мѣстѣ корабля, особенно наводя на центръ огня, въ середину его полосъ, а не въ промежутки между огнями кораблей, по мысли г. *Леваневскаго*. Наконецъ, если, при закрытомъ затопленными судами входѣ въ севастопольскую бухту, корабли союзнаго флота, большею частію парусные, съ трудомъ буксируемые, бокъ о-бокъ связанными съ ними пароходами, двигались, приближаясь и удаляясь, появлялись на траверсѣ и даже въ тылу батарей, то неужели, при открытомъ входѣ въ бухту и при собственномъ паровомъ двигателѣ, они только стояли бы, подвергаясь пораженію сосредоточенныхъ выстрѣловъ. При атакѣ Одессы и Свеаборга, по увѣренію г. *Зиновьева*, въ приводимыхъ выше лекціяхъ (стр. 440), корабли также находились въ движеніи, дѣйствуя на ходу и препятствуя своимъ движеніемъ правильному прицѣливанію береговыхъ орудій.

Маневръ атаки Севастополя, сдѣланный вице-адмираломъ *Корниловымъ*, въ октябрѣ 1853 года, показалъ намъ, что нѣкоторые изъ кораблей дѣйствительно останавливаются предъ батареями. Но для чего? Для того, чтобы, обративъ на себя ихъ выстрѣлы—занять ихъ, доставляя притомъ возможность прочимъ кораблямъ войти въ бухту и атаковать размѣщенную въ ней эскадру. Непріятелю ничего не остается желать болѣе, какъ сосредоточенія выстрѣловъ съ батарей, именно на эти остановившіеся корабли. А когда они за дымомъ сдѣлаются невидимыми, то, обращенная исключительно на нихъ, сосредоточенная стрѣльба по невидимой цѣли какъ нельзя болѣе услужитъ

([1]) Марсы—родъ балкона у вершины нижней части мачты, надъ которою ставится средняя часть мачты, и затѣмъ верхнія — стеньги и брамъ-стеньги.

видамъ непріятеля, оставляя возможность для свободнаго прохода въ портъ быстро движущимся судамъ непріятельскаго флота.

Маневръ *Корнилова*, и въ особенности самая атака Севастополя союзнымъ англо-французскимъ флотомъ, служатъ прямымъ. фактическимъ указаніемъ на способъ дѣйствія судовъ противу приморскихъ укрѣпленій. Послѣ нихъ, всякія представленія подобнаго боя дѣлаются излишними и ненужными, такъ какъ факты говорятъ сами за себя.

Но, къ сожалѣнію, доселѣ не существуетъ даже хотя приблизительно вѣрнаго описанія атаки Севастополя. Въ лекціяхъ г. *Зиновьева* сказано о морской атакѣ Севастополя лишь нѣсколько словъ, заимствованныхъ изъ французскихъ и англійскихъ источниковъ. А источники эти, по увѣренію самого г. *Зиновьева*, не отличаются безпристрастіемъ. Французы и англичане весьма неохотно, и только какъ бы вскользь, упоминаютъ объ этой атакѣ, изъ естественнаго нежеланія сознаться въ неудачѣ Потому то и у г. *Зиновьева* многое основано на догадкахъ, или на свѣдѣніяхъ, намѣренно извращенныхъ иностранцами. Такъ, самая цѣль и способъ атаки остаются совершенно непонятными и необъясненными, атакующіе корабли размѣщены на приложенномъ планѣ безъ всякаго боеваго порядка и обращены бортами къ пустому входу въ бухту, какъ будто непріятель намѣревался дѣйствовать по рыбамъ въ этой бухтѣ, а не по укрѣпленіямъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что потомки знаменитыхъ моряковъ Англіи и Франціи вовсе не могли утратить знакомства съ боевыми правилами и энергіи, свойственной морякамъ вообще. Они, конечно, не направляли свои выстрѣлы только на воздухъ и въ воду, противу рыбъ и птицъ, и не думали нанести серьезный вредъ батареямъ, стрѣляя съ разстоянія 750—1000 саж., показаннаго на планѣ. Наконецъ, неужели неслыханная до того въ исторіи войнъ, по продолжительности времени боя, числу и величинѣ судовъ, по громадности средствъ и количеству выстрѣловъ, атака приморскихъ батарей была не больше какъ демонстраціею, пустымъ громомъ, безъ цѣли и разумнаго соображе-

нія. Ничего не было подобнаго, и хотя неудача флота подъ Севастополемъ была полною и совершенною, но очевидецъ обязанъ засвидѣтельствовать, что предначертанія къ атакѣ и самое веденіе ея отличались искусствомъ и знаніемъ, энергіей и мужествомъ, достойными наслѣдниковъ славы извѣстнѣйшихъ моряковъ въ мірѣ.

То же самое размѣщеніе непріятельскаго флота, заимствованное, по всей вѣроятности, изъ тѣхъ же иностранныхъ источниковъ, показано и на планѣ, приложенномъ къ «Описанію обороны Севастополя», составленному генералъ-адъютантомъ Тотлебеномъ. Въ описаніи этомъ, объ атакѣ приморскихъ батарей Севастополя 5-го октября 1854 года, сказано весьма немного—нѣсколько строкъ. Мы приведемъ ихъ почти полностію:

«Еще въ 10-мъ часу, когда въ морѣ разсѣялся туманъ, видно было съ городскаго телеграфа движеніе непріятельскихъ судовъ, приближавшихся къ Качи. Около 12½ часовъ, суда эти начали выходить подъ выстрѣлы передовыхъ приморскихъ батарей. Впереди шли французскіе корабли, затѣмъ турецкіе и англійскіе. Во то же время нѣсколько французскихъ кораблей начали занимать свои мѣста, означенныя наканунѣ буйками. По нимъ былъ открытъ огонь изъ нѣкоторыхъ орудій съ батарей Константиновской и № 10-го».

«Такъ какъ въ морѣ стоялъ въ это время мертвый штиль, то, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, дымъ закрылъ непріятеля и наблюдать за дальнѣйшимъ движеніемъ его было невозможно».

«Непріятельскій флотъ занялъ позицію впереди рейда на протяженіи отъ Херсонесской бухты до Волоховой башни. Правый флангъ его составляли французскія суда, расположившіяся по дугѣ круга, на среднемъ разстояніи около 750 саж. отъ батареи № 10 (правильнѣе отъ входа въ бухту), англійскіе же корабли, образовавшіе лѣвый флангъ, расположились, по направленію къ Константиновской батареѣ, на болѣе близкихъ разстояніяхъ отъ нашихъ приморскихъ батарей».

«Было что то торжественное въ эти минуты ожиданія;

всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ, но въ то же время съ твердостію готовились встрѣтить ужасное, неслыханное въ военныхъ лѣтописяхъ, морское бомбардированіе. Наконецъ, въ началѣ втораго часа, загремѣли залпы съ непріятельскаго флота. Ему тотчасъ же стали отвѣчать всѣ орудія, которыя могли быть направлены въ море съ батарей: № 10. Александровской, Константиновской, Карташевскаго и Волоховой башни. Батареи № 8 и 7-й бастіонъ также открыли огонь, но вскорѣ замолчали, когда оказалось, что выстрѣлы ихъ не достигаютъ до непріятельскихъ судовъ. Даже внутреннія батареи: Николаевская, Михайловская и № 4, изъ опасенія, чтобы непріятель не прошелъ на рейдъ, сдѣлали въ началѣ боя по нѣскольку выстрѣловъ (стр. 306, 308 и 309)».

Изъ этихъ словъ, конечно, нельзя составить себѣ полнаго понятія о томъ, какимъ образомъ велась атака союзнаго флота противъ севастопольскихъ укрѣпленій, и какъ дѣйствовали въ бою корабли и батареи. Причины этого пояснены далѣе:

«Наблюдая за ходомъ дѣла съ 7-го бастіона, при громѣ и дымѣ морской и сухопутной канонады, нельзя было ни видѣть батарею № 10 (не только непріятельскій флотъ, бывшій за нею), ни различать ея выстрѣлы. Непріятельскіе снаряды, перелетая черезъ нее, рекошетировали на мѣстности и ложились передъ 6 и 7 бастіонами, въ такомъ огромномъ количествѣ, что прекратили съ нею всякое сообщеніе».

«Не имѣя никакихъ свѣдѣній съ этой батареи, можно было думать, что она уничтожена, что орудія ея, дѣйствовавшія черезъ банкъ, сбиты, а прислуга съ прикрытіемъ, состоявшимъ изъ двухъ ротъ, неимѣвшихъ безопаснаго помѣщенія, погибла. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было опасаться, чтобы непріятель, пользуясь дымомъ и разобщеннымъ положеніемъ этой батареи, не занялъ ее съ сухаго пути, что позволило бы ему подойти съ своими судами ближе къ городу и бомбардировать его съ большею дѣйствительностію. Вслѣдствіе этого опасенія у воротъ оборонительной стѣны, между 6-мъ и 7-мъ бастіонами, постав-

лены два батальона съ цѣлью выбить непріятеля, еслибы онъ покусился на батарею съ сухаго пути (стр. 309 и 310)».

«Въ сумерки возвратился съ батареи № 10 вызвавшійся добровольно узнать объ участи ея лейтенантъ *Троицкій*, и къ общему удивленію донесъ, что батарея эта потерпѣла только незначительныя поврежденія и понесла небольшія потери въ людяхъ (стр. 313)».

Отсюда становится понятнымъ, что если даже самая батарея № 10 не могла быть видима и наблюдаема, то тѣмъ менѣе можно было видѣть и наблюдать дѣйствіе флота, находившагося еще около версты за этою батареею.

Вотъ почему, какъ ближайшій очевидецъ и участникъ этого боя, заслужившій въ немъ крестъ Св. Георгія, я рѣшился представить здѣсь описаніе морской атаки Севастополя, такъ какъ я видѣлъ ее. Находясь на окраинѣ самаго ближайшаго къ непріятелю атакованнаго пункта, именно въ лѣвомъ исходящемъ закругленномъ углу батареи № 10, я слѣдилъ за атакою, съ увлеченіемъ и любопытствомъ, свойственными первой молодости и первому участію въ военномъ дѣлѣ. Ближе и, слѣдовательно, яснѣе меня никто не видѣлъ этого боя и не могъ слѣдить за нимъ во все его продолженіе. Подробности, которыя не могли быть замѣчены съ окраины батареи № 10, по случаю дыма, скрывавшаго окрестность, сообщены мнѣ въ частныхъ разговорахъ непосредственными распорядителями этого боя, еще въ то время, когда всѣ воспоминанія были у нихъ въ свѣжей памяти.

Но, чтобы лучше познакомиться съ средствами и духомъ оборонявшихся, скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ устройства и вооруженія приморскихъ батарей Севастополя, а также объ орудійной прислугѣ и о приготовленіяхъ къ бою.

Морское правило о близкомъ боѣ и быстротѣ стрѣльбы, условливающей наибольшій выпускъ чугуна въ кратчайшее время было причиною, что нормальнымъ вооруженіемъ береговыхъ батарей считались тогда удобоподвиж-

ныя 24 ф. пушки и 1 пуд. единороги. Для достиженія наибольшей быстроты дѣйствія, на береговое вооруженіе допускались даже 18 ф. пушки и $^1/_2$ пуд. единороги. Болѣе тяжелыя орудія становились также, какъ и на корабляхъ, въ нижнихъ ярусахъ, а болѣе легкія въ верхнихъ, хотя батареи вовсе не нуждались въ уравновѣшеніи ихъ центра тяжести, подобно кораблю, и хотя лучшія и сильнѣйшія орудія на открытыхъ фасахъ верхнихъ батарей были бы несравненно полезнѣе, нежели за амбразурами казематовъ. Бомбовыя 3 пуд. пушки, наисильнѣйшія въ то время береговыя орудія. ставились на внѣшнихъ батареяхъ открыто. только въ самомъ ничтожномъ числѣ, для дѣйствія по отдѣльнымъ судамъ, чтобы воспрепятствовать приближенію ихъ къ батареямъ. Но на внутреннихъ батареяхъ число такихъ пушекъ увеличивалось, вмѣстѣ съ отдаленіемъ ихъ отъ входа, для содѣйствія, какъ предполагалось, передовымъ батареямъ, при отраженіи врывающихся судовъ. На внутреннихъ батареяхъ бомбовыя пушки помѣщались исключительно въ казематахъ. для дѣйствія сквозь амбразуры, которыя стѣсняли ихъ обстрѣлъ и мѣшали возможности давать имъ наибольшія возвышенія.

Такимъ образомъ были вооружены и приморскія батареи Севастополя. Изъ числа 508 орудій собственно береговаго вооруженія (не считая горжевыхъ и для сухопутной обороны), болѣе одной трети (174), составляли 24 ф. пушки, другую треть (163) пудовые единороги, около $^1/_7$ части (71) пушки 36 фун., по $^1/_{25}$—пушки 30 ф. (20) и 18 фун. (19), и лишь по $^1/_{20}$ части—мортиры 5 пуд. (26) и бомбовыя 3 пуд. пушки (28). Единороговъ $^1/_2$ пуд. на береговомъ вооруженіи оставалось во время войны 7, но сверхъ того, еще весною 1854 г., на верхней площади Александровской батареи. защищающей самый входъ въ бухту и дѣйствующей встрѣчными выстрѣлами по фарватеру и въ открытое море, стояли 13 единороговъ $^1/_2$ пуд., которые замѣнены потомъ пудовыми единорогами (9) и 18 фун. пушками (4). Бомбовыхъ пушекъ, на внѣшнихъ батареяхъ Севастополя. было всего только 4. Изъ нихъ двѣ на батареѣ № 10 и двѣ на Александровской. На внутрен-

нихъ же батареяхъ ихъ было 24, но, по отдаленности отъ входа и по случаю размѣщенія въ казематахъ за амбразурами, всѣ онѣ не могли принять ни малѣйшаго участія въ бою 5-го октября.

Таково было вліяніе предвзятой идеи о морскомъ боѣ на вооруженіе приморскихъ батарей вообще и севастопольскихъ въ особенности. Обычай же моряковъ врываться въ порты, получившій еще болѣе шансовъ несомнѣннаго успѣха по введеніи быстродвижущихся паровыхъ судовъ, былъ причиною совершеннаго пренебреженія внѣшнею обороною портовъ. Потому для внѣшней обороны севастопольской бухты предназначались только три батареи: № 10, Константиновская и Александровская. Но и на нихъ только немного болѣе половины орудій было обращено въ море, для встрѣчнаго дѣйствія, именно на первой 34 орудія изъ 58, на второй—33 изъ 94, на третьей—47 изъ 56, всего же 117 орудій изъ числа 208, а остальныя 91 орудіе служили для обстрѣливанія собственно входа въ бухту и для тыльнаго дѣйствія по вошедшимъ уже въ нее непріятельскимъ судамъ.

Изъ внѣшнихъ батарей самая передовая, совершенно отдѣленная отъ двойнаго ряда внутреннихъ укрѣпленій, *батарея № 10*, построенная на берегу карантинной бухты, на двухъ выдающихся мысахъ, оставалась въ томъ же первобытномъ видѣ, какой былъ данъ ей по проекту, составленному за полвѣка до войны, т. е. еще въ 1805 году. Она занимала протяженіе по берегу на 200 саж. и предназначалась для защиты карантинной бухты, и дѣйствія во флангъ и тылъ кораблей, приближающихся по фарватеру ко входу въ главную севастопольскую бухту. Батарею эту составляли двѣ исходящія закругленныя части, соединенныя ломаною куртиною, состоявшія изъ земляныхъ брустверовъ, слабой профили (отъ 16 до 20 фун.). Со стороны горжи окружала эту батарею весьма низкая земляная насыпь полевой профили, съ бревенчатымъ палисадомъ, въ которомъ были прорѣзаны бойницы для ружей.

На самомъ возвышенномъ пунктѣ батареи, въ углу об-

разуемомъ двумя сухопутными фасами, находился кавальеръ, вооруженный тремя $^1/_2$ пуд. единорогами, дѣйствовавшими чрезъ банкъ по мѣстности между карантиномъ и городомъ.

На фасѣ къ сторонѣ карантина, для обстрѣливанія карантинной бухты и мѣстности за нею стояли четыре $^1/_2$ пуд. единорога и двѣ 5-пуд. мортиры. Для обстрѣливанія рва предъ этими орудіями, предъ наступленіемъ войны, построенъ выдающійся полукруглый бревенчатый капониръ, состоявшій изъ 2 ярусовъ. Въ нижнемъ ярусѣ были помѣщены двѣ небольшія карронады, обстрѣливавшія ровъ, а въ верхнемъ были прорѣзаны бойницы для штуцерныхъ стрѣлковъ.

Отъ капонира внизъ, къ береговому фасу, тянулся высокій брустверъ, прикрывавшій главный пороховой погребъ и составлявшій какъ бы горжу лѣвой исходящей части батареи, съ узкими входами у капонира и у входящаго угла, при соединеніи этой части съ куртиною, вооруженною шестью 36-фун. пушками. Закругленный уголъ и правый фасъ лѣвой исходящей части батареи № 10 были вооружены пудовыми единорогами, изъ которыхъ, впрочемъ, только 5 могли быть направлены въ открытое море, а остальные 6 могли дѣйствовать лишь по направленію къ городу и Константиновской батареѣ. Въ томъ же направленіи могли стрѣлять 3 пушки 36-фун. и 2 единорога въ закругленіи правой исходящей части батареи. Прочіе фасы этой части и куртины были вооружены 26 пушками 36-фун., дѣйствовавшими въ море. Туда же могли быть направлены, предназначенныя для навѣсной стрѣльбы, двѣ бомбовыя 3-пуд. пушки и три 5-пуд. мортиры, стоявшія позади орудій внизу за валгангомъ. Одна 5-пуд. мортира стояла на насыпи надъ пороховымъ погребомъ.

Для помѣщенія снаряженныхъ снарядовъ служила блиндированная часть сарая во дворѣ батареи, недалеко отъ входа въ нее; прислуга же помѣщалась въ казармѣ съ особымъ отдѣленіемъ для офицеровъ; какъ блиндированный сарай, такъ и казарма, находившіеся на возвышенной мѣстности, превышавшей бруствера, были совершенно

открыты съ моря. Вообще возвышенная площадь батареи была причиною, что не только вся внутренность ея могла быть обстрѣливаема съ моря, но и самые фасы съ орудіями могли подвергаться анфиладному и даже тыльному огню, почти на всемъ ихъ протяженіи.

Въ сторонѣ передъ входомъ въ батарею находился старый деревянный не вооруженный блокгаузъ.

Александровская батарея, на выдающемся мысѣ у самаго входа въ Севастопольскую бухту, состояла изъ двухъ земляныхъ фасовъ, закругленнаго и кремальернаго, обращенныхъ къ открытому морю, имѣвшихъ протяженіе до 70 саж. и такую же слабую профиль, какъ и на батареѣ № 10. На вооруженіи этихъ фасовъ находилось: пушекъ бомбовыхъ 3-пуд. двѣ, 36-фун. 11 и единороговъ 1-пуд. 4, изъ нихъ два служили для обстрѣливанія мѣстности въ тылу батареи № 10 и участвовали потомъ въ перестрѣлкѣ съ непріятельскою батареею на херсонесскихъ высотахъ. Правый флангъ этой батареи, назначавшійся преимущественно для обстрѣливанія входа въ бухту и фланкированія Константиновской батареи, состоялъ изъ каменной казематированной казармы, длиною 36 саж., о 13 казематахъ, вооруженныхъ 24-ф. пушками. На платформѣ надъ этими казематами, за каменнымъ парапетомъ, стояли четыре пушки 18-ф. и девять единороговъ 1-пуд. Къ казармѣ съ правой стороны ея примыкала двухъ-ярусная башня въ діаметрѣ 11 саж. съ тремя 24-фун. пушками въ нижнемъ ярусѣ, для тыльнаго дѣйствія и съ 6-ю единорогами 1-пуд., въ верхнемъ ярусѣ, изъ которыхъ 2 могли быть направлены въ море, а остальные внутрь бухты и въ тылъ батареи. Въ башнѣ этой находились пороховые погреба для зарядовъ и снаряженныхъ снарядовъ. Четыре мортиры стояли за орудіями: двѣ за землянымъ валганомъ и двѣ позади казематовъ. Съ горжи батарея защищалась каменною стѣнкою съ бойницами и блокгаузомъ у входа. Офицеры помѣщались въ небольшомъ флигелѣ во дворѣ батареи, прислуга въ казематахъ казармы.

Константиновская батарея, построенная также на выдающемся мысѣ, у входа въ Севастопольскую бухту, за-

нимая протяженіе по окружности 88 саж., состояла изъ двухъ ярусовъ каменныхъ казематовъ и платформы, съ каменнымъ парапетомъ, надъ ними. Общій видъ этой батареи напоминалъ форму подковы, или, правильнѣе, 3-хъ дечнаго каменнаго корабля, съ флангомъ и тыломъ, обращенными къ открытому морю, но съ расположеніемъ орудій собственно для дѣйствія по фарватеру и входу въ бухту; оба яруса ея были вооружены 24-фунтовыми пушками, по 25 въ каждомъ; на платформѣ же находилось 27 единороговъ 1-пуд. На обоихъ флангахъ батареи были 4-хъ угольныя башни, въ которыхъ помѣщались пороховые погреба. Двѣ отлогія апарели, около башенъ, шли на платформу батареи. Какъ бы для довершенія сходства съ кораблемъ, батарея эта имѣла даже офицерскіе флигеля въ горжѣ, не только напоминавшіе каюты офицеровъ въ кормѣ корабля, но и вооруженные, по корабельному, едва лишь не многими орудіями. Флигеля состояли изъ трехъ казематовъ въ срединѣ и четырехъ казематовъ на каждомъ изъ фланговъ, составляющихъ съ срединою тупые углы. На правомъ флангѣ находилось 4 единорога 1-пуд., для дѣйствія по взморью къ сторонѣ фарватера, на лѣвомъ 3 единорога для дѣйствія внутрь бухты. Съ средняго флигеля три ½ пуд. единорога служили для защиты батареи съ сухаго пути. Всѣ орудія стояли только въ верхнихъ ярусахъ флигелей, въ нижнихъ частяхъ ихъ находились ворота и были прорѣзаны бойницы для ружейной обороны.

Батареи для внутренней защиты бухты были расположены несравненно удобнѣе и вооружены гораздо сильнѣе. Изъ нихъ принимали нѣкоторое участіе въ бою 5-го октября только *батареи № 7 и 8*, составлявшія бастіонный фронтъ, протяженіемъ въ 185 саж., хотя и состоявшій изъ земляныхъ брустверовъ, но находившійся очень высоко надъ уровнемъ моря, именно отъ 70 до 90 футъ, на скалистомъ берегу. На береговомъ вооруженіи этихъ батарей находилось пушекъ 3-пуд. двѣ, 36-ф. девять, 24-фун. 18, единороговъ 1-пуд. 11 и мортиръ 5-пуд. 4.

Прочія внутреннія батареи (кромѣ одной батареи № 4 только облицеванной снаружи камнемъ), были казематированныя

рованныя каменныя. На южной сторонѣ *Николаевская* изъ двухъ фланговъ, лѣваго 2-хъ яруснаго и праваго 3-хъ ярус- наго, соединявшихся между собою подъ тупымъ угломъ, съ круглою башнею у правой оконечности, для обстрѣли- ванія южной бухты. Батарея эта занимала протяженія по фасаду 227 саж. и состояла болѣе нежели изъ 200 казе- матовъ, вооруженныхъ впрочемъ только 105 орудіями. Въ числѣ ихъ было встрѣчныхъ: на лѣвомъ флангѣ пушекъ 3-пуд. бомбовыхъ 10, 24-ф. 22 и единороговъ 1-пуд. 32, и тыльныхъ пушекъ 24-фун. на правомъ флангѣ 36, а въ закругленіи и въ башнѣ 15. *Павловская* батарея у око- нечности Павловскаго мыса, на противоположной сторонѣ южной бухты, 3-хъ-ярусная, 42 саж. по фасаду, съ платфор- мою. Она состояла также изъ двухъ, соединенныхъ подъ тупымъ угломъ, фасовъ: встрѣчнаго, вооруженнаго въ ниж- немъ ярусѣ 4-мя 3-хъ пуд. пушками, въ среднемъ четырьмя 30-ф. и въ верхнемъ четырьмя 18 фун., а на платформѣ пятью 18-ф. и тыльнаго фаса дѣйствующаго поперегъ бухты, изъ казематовъ 15-ю 1-пуд. единорогами и съ платформы 2-я 18 фун. пушками, всего же 34-мя орудіями.

На сѣверной сторонѣ бухты *Михайловская* батарея двухъ-ярусная, длиною 96 саж., съ платформою, по 31 ка- земату въ ярусѣ, вооруженная для встрѣчнаго дѣйствія въ нижнемъ ярусѣ пушками 3-пуд. 8 и единорогами 1-пуд. 10, въ верхнемъ ярусѣ единорогами 1 — пуд. 18 и на платформѣ за каменнымъ парапетомъ 16-ю 36-ф. пушками. На двухъ загнутыхъ подъ прямымъ угломъ флан- гахъ этой батареи находилось для дѣйствія поперегъ рейда 12-ть 24-фун. пушекъ и для горжевой обороны съ сухаго пути 13-ть $^1/_2$-пуд. единороговъ. Фланги были соединены между собою каменною оборонительною стѣнкою съ ру- жейными бойницами. Наконецъ *батарея № 4*, на выдаю- щемся мысѣ, состоявшая изъ двухъ частей, нижней и верх ней. Нижняя часть, длиною 93 саж., состояла изъ 4-хъ фа- совъ: кремальернаго для встрѣчнаго дѣйствія, вооружен- наго восемью 30-ф. пушками — и прямаго также встрѣчнаго, вооруженнаго пятью 1-пуд. единорогами; третій фасъ, пред- назначенный для обстрѣливанія южной бухты, былъ воо-

руженъ четырьмя 1-пуд. единорогами, а четвертый 6-ю 24-ф. пушками для тыльнаго дѣйствія. Верхнюю часть батареи составляли два сходящіеся фаса: одинъ встрѣчный для дѣйствія пушками 36-ф. 8-ю и 24-ф. 4-мя и тыльный съ 4-мя—24-ф. и 4-мя 18-ф. пушками. Для сухопутной обороны съ горжи служила оборонительная стѣнка, вооруженная тремя единорогами $^1/_2$ пуд. калибра.

Прислугу на батареѣ № 10 составляли двѣ роты № 2 и № 3 севастопольскаго артиллерійскаго гарнизона, численностію до 300 человѣкъ. Собственно артиллерійскою частію на батареѣ завѣдывалъ командовавшій ротою № 2 подпоручикъ Левъ Григорьевичъ *Зякинъ*—молодой, энергическій, преданный своему оружію офицеръ—но, по молодости его и незначительному чину, комендантомъ батареи былъ назначенъ флота капитанъ-лейтенантъ *Андреевъ*, командовавшій потомъ на Малаховомъ курганѣ, при занятіи его французами.

На Александровской батареѣ прислуга была: отъ роты № 4 и полуроты № 5 севастопольскаго артиллерійскаго гарнизона; командиръ роты № 4, капитанъ Парамонъ Анисимовичъ *Козловскій* [1], замѣчательный пунктуальною точностію въ исполненіи служебныхъ обязанностей и отличною чистотою и порядкомъ, которыя онъ соблюдалъ на батареѣ даже и во время войны. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантомъ батареи. Прикомандированный къ батареѣ для наблюденій за движеніями флота, капитанъ-лейтенантъ *Леоновъ* не вмѣшивался ни въ какія распоряженія на батареѣ.

На Константиновской батареѣ прислуга состояла изъ роты № 1, того же гарнизона. Но артиллеристовъ одной роты въ составѣ до 170 человѣкъ едва было достаточно на одну треть вооруженія этой батареи, потому къ ней были прикомандированы въ необходимомъ числѣ, обученные дѣйствію при орудіяхъ, нижніе чины резервныхъ батальоновъ 13-й пѣхотной дивизіи, составлявшіе почти двѣ трети орудійной прислуги. Командиръ артиллерійской роты,

[1] Умеръ въ Севастополѣ, по окончаніи войны.

№ 1 Сергѣй Θомичъ *Шемякинъ*, былъ комендантомъ батареи.

На батареяхъ № 7 и 8 завѣдывалъ матеріяльною частью артиллеріи командиръ артиллерійской роты № 3—поручикъ Константинъ Ивановичъ *Шеверинъ*. Комендантъ же батареи, офицеры и прислуга, были на нихъ, также какъ на прочихъ внутреннихъ батареяхъ: Николаевской, Павловской, Михайловской и № 4 отъ флота. Но прислуга эта состояла не изъ матросовъ дѣйствующаго флота, а была собрана изъ ластовыхъ и рабочихъ экипажей, большею частію изъ мастеровыхъ, незнакомыхъ вовсе съ орудіями и ихъ употребленіемъ. За годъ передъ войною приступили къ обученію ихъ при орудіяхъ, для чего они освободились отъ работъ въ мастерскихъ и высылались на батареи по два раза въ недѣлю. Обученіе ихъ, нестѣсненное никакою формальностію, ограничивалось, по собственному наставленію князя *Меншикова*, лишь выполненіемъ простѣйшихъ дѣйствій, по самымъ простымъ приказаніямъ: «*подай братецъ, вложи братецъ, пали братецъ!*» Необходимыя прислугѣ знанія артиллерійской части вообще также объяснялись имъ самымъ простѣйшимъ образомъ, напримѣръ, въ родѣ, предложеннаго вице-адмираломъ *Нахимовымъ*, объясненія различія ядра отъ бомбы: «*ядро—хлѣбъ, булка; бомба—пирогъ съ начинкой*» (1).

Такая-то прислуга, изъ собранныхъ командъ, была преобладающею на приморскихъ батареяхъ Севастополя. Изъ 2708 человѣкъ до трехъ четвертей, именно около 2000, было изъ сборныхъ командъ и пѣхоты, едва умѣвшихъ зарядить орудіе и выстрѣлить. Остальную четверть составляли крѣпостные артиллеристы, извѣстные еще тогда подъ именемъ *гарнизонныхъ*. Къ этому нужно прибавить еще, что духъ касты, *esprit de corps*, былъ сильно развитъ и въ сборныхъ командахъ, оттого артиллеристы не были

(1) Эта сборная прислуга, на безцеремонномъ языкѣ матросовъ и артиллеристовъ, носила оригинальное названіе, соотвѣтствующее французскому *санкюлоты* (безштанная команда — безштанники), такъ какъ они большею частію не носили брюкъ, а ходили въ засмоленныхъ и засаленныхъ рабочихъ рубахахъ и нижникахъ, изрѣдка набрасывая сверху форменную шинель.

распредѣлены какъ бы слѣдовало, хотя бы по одному на орудіе на всѣ батареи, а находились на своихъ отдѣльныхъ батареяхъ, именно на внѣшнихъ, а сборная команда, съ своими же сборными офицерами, на своихъ—на внутреннихъ батареяхъ.

Но и самые артиллеристы были обучены стрѣльбѣ по односторонней, рутинной системѣ. Плавучая мишень, или парусинный щитъ на плоту, съ веревочными сѣтями по сторонамъ, длиною 6, высотою 2 сажени, вывозили на фарватеръ и устанавливали неподвижно на якоряхъ, саженяхъ въ 500 — 650 отъ передовыхъ батарей, въ прямомъ направленіи орудій, избранныхъ для практики. Орудія направлялись въ окрашенную на срединѣ щита бѣлую полосу, между двумя черными, съ чернымъ же яблокомъ въ центрѣ. Почиталось за особенное искуство попасть въ яблоко, или сбить щитъ надъ поверхностью воды. Такая стрѣльба вовсе не давала понятія о дѣйствіи противу корабля, при которомъ наиболѣе успѣшными выстрѣлами могли быть только тѣ, которые попадали въ подводную часть.

Мишени никогда не ставились ближе или дальше къ батареямъ, противу однажды-принятаго на глазомѣръ разстоянія; направленіе стрѣльбы никогда не измѣнялось, заряды и даже орудія всегда употреблялись одни и тѣ же. Предполагалось, что непріятель могъ атаковать батареи не иначе, какъ только съ якоря, или шпринга, то есть недвижно, что онъ будетъ подходить къ батареямъ, не иначе какъ по главному фарватеру и непремѣнно по срединѣ его; что слишкомъ близко къ батареямъ онъ не посмѣетъ подойти, ибо будетъ разбитъ въ щепы, а слишкомъ далеко на 700—800 с. и стрѣлять не слѣдуетъ, такъ какъ дѣйствіе гладкостѣнныхъ орудій на этомъ разстояніи совершенно невѣрно, и потому безполезно. На практическихъ ученьяхъ стрѣляли только неразрывными бомбами, которыя легко проницали сквозь парусину и веревочныя сѣти щитовъ, попадая же въ раму, опрокидывали всю мишень. Это преувеличивало понятіе о дѣйствіи выстрѣловъ прямымъ полетомъ, а тѣмъ болѣе разрывомъ. Отсюда непра-

вильное представленіе возможности легко разбить корабль въ щепу, взорвать и потопить его нѣсколькими удачными выстрѣлами. Неподвижность же цѣли и увѣренность, что она не только не уйдетъ изъ-подъ выстрѣловъ, но даже не передвинется нисколько, давала возможность наводить орудія весьма медленно, кромѣ № 4, орудійному фейерверкеру и взводному офицеру. Это лишало наводчиковъ самостоятельности и увѣренности, необходимыхъ въ дѣйствительномъ бою. Стрѣляли обыкновенно не тотчасъ, какъ орудіе было наведено, а спустя нѣкоторое время, по особой командѣ *орудіе* или № *орудія*, внесенной въ уставъ орудійнаго ученья, по которому трубка вставлялась въ запалъ не прежде, какъ по наведеніи орудія; но въ дѣйствительномъ бою непримѣнимость къ дѣлу такихъ пріемовъ, при движеніи судна, заставляла или особенно спѣшить выполненіемъ ихъ, или, пренебрегая ими, какъ непригодными къ дѣлу, дѣйствовать по своему. Въ обоихъ случаяхъ не сохранялось ни спокойствія, ни хладнокровія, необходимыхъ для точности и самоувѣренности дѣйствія, а появлялись вмѣсто ихъ суетливость и увлеченіе. Опытъ научилъ насъ впослѣдствіи слѣдить наведеннымъ орудіемъ за движеніемъ судна, чтобы, выискавъ удобный моментъ, дѣлать выстрѣлъ и исправлять послѣдующіе за тѣмъ выстрѣлы по дѣйствіямъ первыхъ. Не доставало только возможности употребить мѣтки, чтобы, при повтореніи того же дѣйствія, при тѣхъ же условіяхъ стрѣльбы, не терять времени и зарядовъ на новую пристрѣлку, какъ это дѣлали мы потомъ на сухопутныхъ батареяхъ, и въ особенности при мортирахъ, наведеніе которыхъ по кольямъ и треногѣ было совершенно замѣнено мѣтками на платформахъ, выбитыми самимъ станкомъ при выстрѣлахъ.

Но, до наступленія войны, дѣйствія изъ мортиръ въ море не только никогда не испытывалось, но, по малому числу и разрозненному положенію ихъ на севастопольскихъ батареяхъ по одной, или не болѣе двухъ вмѣстѣ, самая мортирная стрѣльба находилась въ младенчествѣ. Обучали только примѣрному заряжанію, употребляя вмѣсто мортиръ боченки, а вмѣсто банниковъ палки съ навязанною тряп-

кою. Правда, на учебной сухопутной батареѣ, устроенной за городомъ для дѣйствія калеными ядрами, стрѣляли изъ двухъ мортиръ по земляному городку бомбами, но для этой стрѣльбы приготовлялось не болѣе двухъ, трехъ смотровыхъ смѣнъ, т. е. отъ 20 до 30 человѣкъ въ ротѣ. Оттого многіе изъ прислуги не имѣли даже понятія о дѣйствительномъ заряжаніи, а тѣмъ менѣе о наведеніи мортиръ. При такихъ условіяхъ мортиры вовсе не могли быть употреблены, хотя съ какою-либо надеждою на успѣхъ, противу движущихся судовъ флота. Они находились на береговыхъ батареяхъ для дѣйствія по эскадрѣ, ставшей на якорь вблизи батарей, и только въ такомъ случаѣ, когда по дѣйствію другихъ орудій опредѣлится разстояніе непріятельскихъ судовъ, но и въ этомъ случаѣ правильное направленіе мортиръ могло быть провѣрено нѣсколькими пробными выстрѣлами, отъ которыхъ судно, по всей вѣроятности, поспѣшило бы уклониться безъ малѣйшаго замедленія. Потому дѣйствіе изъ мортиръ въ море могло быть лишь рѣдкою случайностью, а возможность попасть въ корабль такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, почти чудомъ, на которое вовсе нельзя было разсчитывать, въ особенности же при движеніи судна.

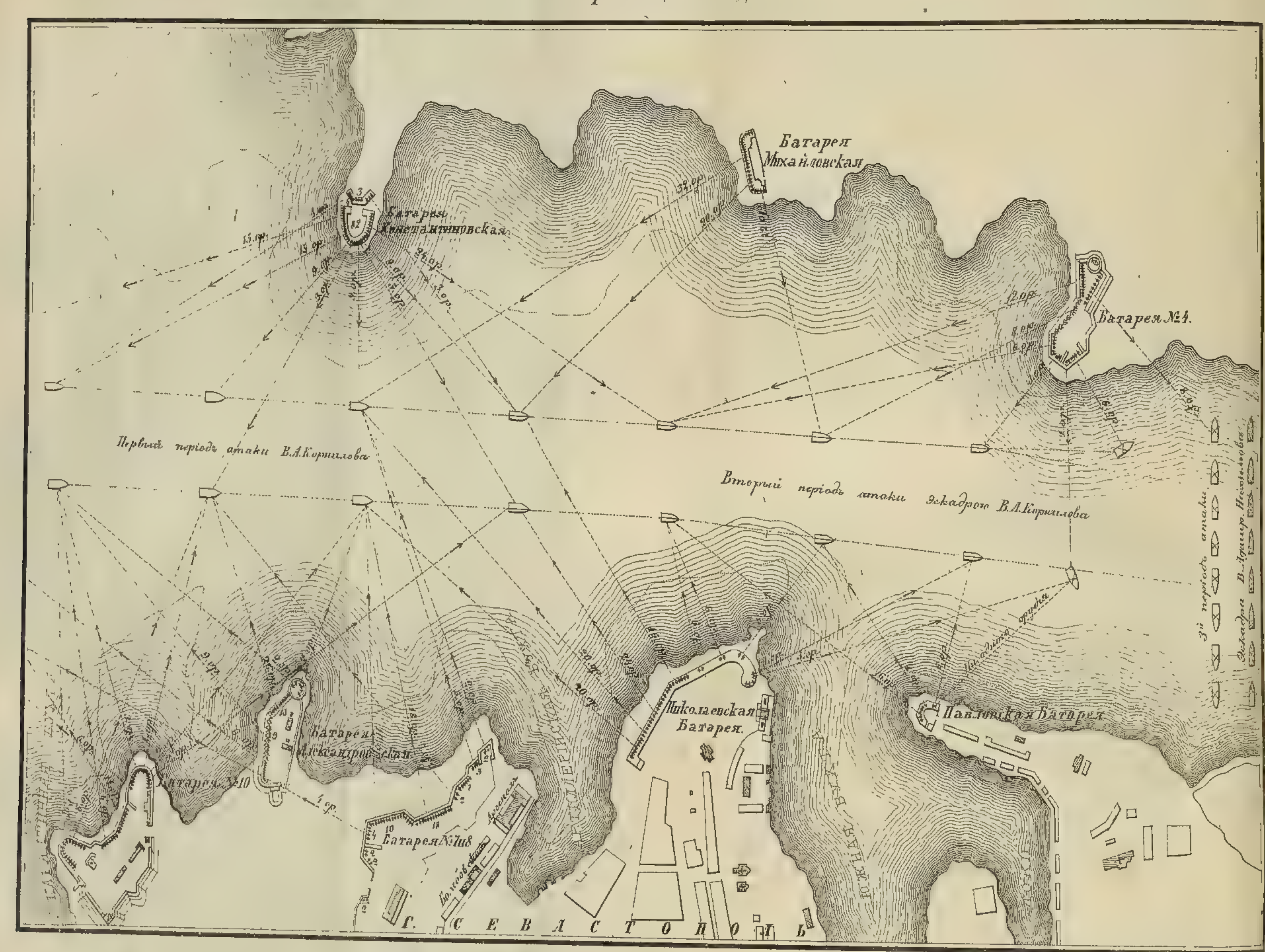
Вообще о стрѣльбѣ по движущейся цѣли артиллеристы вовсе не имѣли тогда ни малѣйшаго понятія. Сознавая необходимость, хотя по крайней мѣрѣ испытать подобный родъ стрѣльбы, не задолго передъ войною назначили одинъ изъ пароходовъ пробуксировать старую негодную баржу мимо передовыхъ батарей, которыя должны были стрѣлять въ нее при движеніи. По новости дѣла и по неопытности прислуги результатъ оказался весьма плачевный. Снаряды пролетали такъ близко къ пароходу, что онъ предпочелъ отрубить буксиръ и ускользнуть поскорѣе отъ выстрѣловъ, ссылаясь потомъ, что буксиръ перебило выстрѣломъ. Остановившаяся баржа хотя и была повреждена порядкомъ, но пережила эту катастрофу и разрушена уже впослѣдствіи, при испытаніи взрыва подводной мины, чрезъ посредство электрическаго тока.

Другой опытъ примѣрной стрѣльбы по подвижной цѣли былъ сдѣланъ въ октябрѣ 1853 года, употребляя, вмѣсто

ПЛАНЪ

Примѣрнаго форсированія Севастопольской бухты Эскадрою Вице-Адмирала Корнилова,

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1853 года.



дѣйствія съ зарядами, стрѣльбу только съ одними трубками, но съ выполненіемъ, впрочемъ, всѣхъ пріемовъ дѣйствительнаго заряжанія и наведенія. Такая примѣрная стрѣльба была сдѣлана по эскадрѣ вице-адмирала *Корнилова*, атаковавшей въ севастопольской бухтѣ другую эскадру, подъ начальствомъ вице-адмирала *Нахимова*, расположенную поперегъ бухты за батареями Павловской и № 4. Этотъ маневръ атаки такъ поучителенъ, представляетъ такое наглядное указаніе способа форсированія рейдовъ и вообще морскихъ проходовъ, что мы находимъ совершенно необходимымъ разсмотрѣть его подробно.

Эскадра вице-адмирала *Корнилова*, изъ 6 кораблей, 2 фрегатовъ и 2 пароходовъ, подошла къ севастопольской бухтѣ въ двѣ линіи, въ разстояніи около кабельтова между линіями, и двинулась попарно, кабельтова на два, пара отъ пары (какъ показано на планѣ № 1), среднимъ ходомъ на парусахъ, въ бухту, строго сохраняя какъ разстояніе между отдѣльными парами судовъ, такъ и между обѣими линіями ихъ. При такомъ порядкѣ слѣдованія, кромѣ раздѣленія огня батарей сѣверныхъ на сѣверную линію судовъ и южныхъ на южную линію—что уменьшало этотъ огонь на половину—эскадра сохраняла одинъ изъ своихъ бортовъ отъ батарейныхъ выстрѣловъ для предстоящаго дѣйствія по кораблямъ противной эскадры, къ которой она приближалась.

Спокойно, съ грознымъ величіемъ и въ строжайшемъ порядкѣ, двигались корабли мимо батарей. Суетливо и безпорядочно встрѣчали ихъ примѣрными выстрѣлами съ батарей съ артиллерійскою прислугою поорудійно, а съ батарей съ сборною прислугою залпами, — по морскому. Одни преслѣдовали усиленною канонадою исключительно передовыя суда, перенося огонь свой на шедшія за ними лишь тогда, когда переднія выходили изъ сферы дѣйствія батарей. Другіе дѣйствовали только прямо, выжидая суда на однихъ и тѣхъ же пунктахъ и предоставляя затѣмъ проходящія далѣе—дальнѣйшимъ батареямъ. Не было ни единства, ни общаго порядка, ни даже общей идеи въ направленіи выстрѣловъ съ батарей, потому что не было

единой власти, управляющей ими, ни возможности передавать указанія этой власти на батареи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что парусный флотъ не могъ иначе рѣшиться на атаку, какъ при направленіи вѣтра въ бухту, слѣдовательно, въ настоящемъ бою, дымъ безпрерывной пальбы, относимый въ бухту, прикрывалъ бы входящіе корабли все болѣе и болѣе, по мѣрѣ сближенія ихъ съ слѣдующими батареями, и увеличивалъ бы трудность правильнаго наведенія съ нихъ орудій, что облегчило бы возможность форсированія рейда.

Пройдя батареи № 4-го и Павловскую, *В. А. Корниловъ* остановилъ два парохода, слѣдовавшіе въ хвостѣ эскадры противу этихъ батарей съ тыла. Они открыли по батареямъ пальбу залпами, для отвлеченія на себя ихъ выстрѣловъ, которые безъ того были бы направлены на атакующую эскадру и поставили бы ее между двухъ огней. Затѣмъ эскадра *Корнилова*, повернувшись бортомъ, противоположнымъ обращеннымъ до того къ батареямъ, открыла батальный огонь по стоявшей въ бухтѣ на якорѣ *Нахимовской* эскадрѣ, которая отвѣчала ей такимъ же огнемъ.

Что такое же спокойное и грозно величественное движеніе кораблей, въ совершенномъ порядкѣ и стройности, не отвѣчая батареямъ ни однимъ выстрѣломъ, не было только учебнымъ маневромъ, а могло бы совершиться и въ дѣйствительномъ бою, подъ сильнымъ огнемъ неумолкаемой канонады, доказано потомъ на дѣлѣ *П. С. Нахимовымъ* при форсированіи синопскаго рейда. Двинувшись съ эскадрою даже не въ двѣ, а только въ одну линію, въ совершенномъ молчаніи и въ полномъ порядкѣ, онъ, презирая усиленнымъ огнемъ турецкихъ батарей и флота, превосходившаго его эскадру въ числѣ судовъ, вошелъ въ портъ; занявъ удобную позицію на ближайшей дистанціи къ непріятельскому флоту и укрѣпясь на шпрингахъ, въ два часа уничтожилъ и батареи, и эскадру непріятеля.

Правда, севастопольскій портъ былъ въ десять разъ сильнѣе Синопа, но и соединенные англійскій, французскій и турецкій флоты, своею силою, не менѣе, какъ въ 10

разъ превосходили силу Нахимовской эскадры, разгромившей Синопъ.

Мы не говоримъ здѣсь о возможности совершенной побѣды непріятеля. *Esprit de corps* не дозволяетъ намъ и тѣни подобной мысли, но за то мы вполнѣ сознаемъ вѣроятность такого образа дѣйствій. Его сознавали также даже такіе авторитеты въ морскомъ дѣлѣ, какъ князь *Меншиковъ* и адмиралы *Корниловъ* и *Нахимовъ*. Они не только вѣрили въ возможность форсированія проходовъ, даже деревянными судами, но и принимали противу него энергическія мѣры. Такъ, князь *Меншиковъ* рѣшился пожертвовать нѣсколькими кораблями, затопленными для загражденія входа въ севастопольскую бухту. *В. А. Корниловъ* дѣлалъ описываемый нами учебный маневръ форсированія рейда, конечно предполагая подобную атаку возможною и стоившею изученія, а *П. С. Нахимовъ*, атаковавшій такимъ образомъ Синопъ, считалъ только такую атаку достойною флота воинственной націи.

Еще большимъ доказательствомъ увѣренности ихъ въ возможности форсированія севастопольскаго рейда, служитъ сдѣланное ими, вскорѣ послѣ сего маневра, именно въ январѣ 1854 года, распоряженіе о постройкѣ вновь еще трехъ батарей позади Павловской и № 4. Первая изъ нихъ, построенная на сѣверной сторонѣ далѣе батареи № 4, въ саженяхъ въ 400 и названная *Двѣнадцати-Апостольскою* по имени корабля, съ котораго взяты были орудія съ прислугою къ нимъ, состояла изъ двухъ фасовъ и была вооружена 18 пушками 36-фун. и 2 карронадами 36-фун. Вторая далѣе ея въ 300 саж., на мысу, *Парижская*, съ ломаными фасами и вооруженіемъ, состоявшимъ изъ пушекъ 36 ф. 17, карронадъ 68 ф. 3, 36 фун. 2 и мортиры 3 пуд. 1. Третья батарея на южной сторонѣ за Павловскою батареею въ 600 саж. *Святославская*, также изъ двухъ фасовъ, вооруженная пушками 36-ф. 14 и единорогами 1-пуд. 3.

Эти новыя батареи, съ 59-ю орудіями, предназначались именно для дѣйствія по тѣмъ судамъ непріятельскаго флота, которыя могли ворваться въ бухту и, обойдя нашъ флотъ, размѣститься на противоположной сторонѣ его и поста-

вить наши суда между двухъ огней. Самое размѣщеніе нашихъ кораблей въ бухтѣ, предъ наступленіемъ осады, служитъ очевиднымъ указаніемъ на приготовленія къ отраженію такой атаки, которая имѣла бы цѣлью форсированіе рейда. Наконецъ, и со стороны англо-французовъ атака 5-го октября, какъ мы увидимъ ниже, была не иначе, какъ первымъ вступительнымъ актомъ обширной программы такого форсированія, заранѣе предначертаннаго и глубоко обдуманнаго моряками, но не приведеннаго въ исполненіе, по случаю затопленія судовъ, заградившихъ входъ въ бухту, и по случаю совершенной неуспѣшности предварительнаго морскаго бомбардированія, которое должно было уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить передовыя батареи.

На возраженіе, что такое форсированіе было бы чрезвычайно рискованнымъ для кораблей, которые могли быть при этомъ взорваны, сожжены, потоплены, разбиты въ щепы,—очевидецъ дѣйствительнаго морскаго боя обязанъ сказать, что это такое же преувеличеніе, какъ и увѣренность со стороны моряковъ въ возможности взрыва, приведеніе въ молчаніе, или даже совершеннаго уничтоженія береговыхъ батарей. Всѣ эти представленія, принадлежащія къ области фантазіи, предвзятыя идеи, самообольщеніе. Осада и оборона Севастополя, морская атака Синопа и бой парохода «Владиміръ» съ пароходомъ «Перваз-Бахри» показали намъ, что точно также какъ батарея, отъ нѣсколькихъ тысячъ выстрѣловъ, не уничтожается совершенно, не исчезаетъ съ лица земли и не умолкаетъ—потерпѣвъ даже два, три взрыва и потерявъ девять десятыхъ своей прислуги и вооруженія;—точно также корабль не уничтожается, не исчезаетъ и не превращается въ щепы, отъ нѣсколькихъ сотенъ попавшихъ въ него снарядовъ и отъ потери большей половины своего экипажа и снастей. Взрывъ же корабля и его сожженіе или потопленіе обусловливаются преимущественно моральнымъ ничтожествомъ, неопытностію и неэнергичностію корабельнаго экипажа, а не числомъ попадающихъ выстрѣловъ. Кто видѣлъ наши корабли, съ сотнями пробоинъ, воротившіеся изъ Синопа, и пароходъ «Перваз-Бахри», съ отверстіями отъ разрыва

бомбъ, заткнутыми подушками, тюфяками и всякимъ хламомъ, благополучно доведенный чрезъ все Черное море отъ Анатолійскихъ береговъ до Севастополя, кто видѣлъ наконецъ, какъ медленно и съ какою трудностію тонулъ корабль «Три Святителя» съ прорубленнымъ дномъ и подпиленными мачтами, послѣ 20—30 сдѣланныхъ по немъ, почти въ упоръ, выстрѣловъ изъ бомбовой пушки парохода «Громоносецъ», тотъ не можетъ не сознать, на сколько трудно на самомъ дѣлѣ затопленіе судна, обладающаго притомъ искуснымъ энергическимъ экипажемъ, средствами къ выходу изъ боя независимо отъ вѣтра и парусовъ, и къ задѣлыванію пробоинъ, а также къ тушенію пожаровъ, тотчасъ же какъ они замѣчены. Еще менѣе шансовъ на потопленіе, если по кораблю дѣйствуютъ преимущественно пушки, стрѣляющія ядрами, отъ коихъ пробоины въ дубовомъ деревѣ закрываются его волокнами такъ, что легко могутъ быть забиты простымъ нагелемъ.

Все это не мѣшало, однако, извращеннымъ представленіямъ о возможности потопленія судна. Были даже и въ Севастополѣ такія личности, которыя дивились, какъ купеческое судно, нагруженное прессованнымъ сѣномъ, занесенное вѣтромъ подъ выстрѣлы батарей, и потому брошенное экипажемъ, не потонуло мгновенно предъ батареями отъ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣловъ, пронизывающихъ его насквозь, а пронеслось, на парусахъ, въ Песочную бухту и тамъ легло на отмели близъ берега. Не хотѣли даже сообразить, что для наполненія судна водою необходимо нѣсколько часовъ времени, и что съ такимъ легкимъ грузомъ, какъ сѣно, судно не можетъ потонуть вовсе, хотя бы наполнилось водою до самой палубы.

Но если, прикрываемое благороднымъ именемъ *esprit de corps*, самолюбіе, или, вѣрнѣе, самообольщеніе, заставляло, пренебрегая указаніями опыта, приписывать сверхъестественную силу и невозможную мгновенность дѣйствія собственнымъ выстрѣламъ, то это еще понятно, хотя и неизвинительно. Однако трудно понять, почему на чертежахъ огневымъ линіямъ Севастополя, орудіямъ береговыхъ батарей приписывалась совершенно невозможная мѣткость и

вовсе неупотребительная дальность выстрѣловъ. Это оправдывается развѣ только тѣмъ, что огневыя линіи наносились инженерами, безъ всякаго участія артиллеристовъ, а потому безъ полнаго знакомства съ артиллерійскою спеціальностію. Въ самомъ дѣлѣ изъ артиллерійскихъ руководствъ (1) извѣстно, что на разстояніи 700—800 саж., изъ орудій прежняго нормальнаго вооруженія береговыхъ батарей и изъ самой 3-пуд. бомбовой пушки, наисильнѣйшаго въ то время орудія, при стрѣльбѣ бомбами (2), попадаетъ, даже на практикѣ, въ площадь щита въ 12 квадратныхъ саженъ, изъ 100 выстрѣловъ отъ 6 до 15. Даже въ рѣдкихъ случаяхъ настильно рикошетной стрѣльбы, возможной лишь при совершенно гладкой, безъ всякихъ волнъ и зыби, поверхности моря, эта мѣткость достигается на практикѣ только съ 800—900 саж. Въ дѣйствительномъ бою этотъ процентъ, по причинѣ возбужденнаго состоянія прислуги, дыма и другихъ сопровождающихъ боевую стрѣльбу неблагопріятныхъ обстоятельствъ, еще болѣе уменьшается. Обыкновенно въ бою съ 700—800 саж., даже въ такую большую цѣль, какъ 3-дечный корабль, можетъ попадать едва ли больше 6—15%. Стрѣльба же изъ гладкостѣнныхъ мортиръ, по движущемуся судну, тогда не только не предполагалась и не испытывалась, но была вовсе немыслимою.

Очевидно, что все это не давало права включать въ таблицу совокупнаго дѣйствія приморскихъ батарей на створную линію севастопольскаго рейда, извлеченную изъ чертежа огневымъ линіямъ и приложенную также къ описанію обороны Севастополя, предположеніе, что въ 1,200 саж. разстояніе отъ входа—встрѣчалъ приближающагося непріятеля огонь четырехъ 3 пуд. пушекъ, съ 1,000 саж. огонь 4-хъ тѣхъ же пушекъ и 6-ти 5-пудовыхъ мортиръ и т. д., какъ показано въ первыхъ графахъ прилагаемой

(1) Руководство для артиллерійской службы, стр. 635. Справочная книжка для артиллерійскихъ офицеровъ, стр. 481, и Руководство для практическихъ занятій въ прибрежныхъ крѣпостяхъ, изданное главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ въ 1867 году §§ 30 и 36.

(2) Ядра къ 3-пуд. пушкамъ въ то время еще не были отливаемы и, кажется, еще не существовали даже въ проектѣ.

таблицы. На самомъ дѣлѣ, дѣйствительная возможность начать стрѣльбу, съ нѣкоторой вѣроятностію попасть въ корабль, предстояла для всѣхъ крѣпостныхъ пушекъ, въ томъ числѣ и бомбовыхъ, лишь съ разстоянія 800 — 900 саж. Съ обращеніемъ же изъ нихъ двухъ въ навѣсныя на элеваціонныхъ станкахъ, они, подобно мортирамъ, вовсе не могли входить въ расчетъ орудій, могущихъ дѣйствовать по движущемуся кораблю. За исключеніемъ ихъ, а также мортиръ и 2-хъ бомбовыхъ пушекъ, снятыхъ съ батарей № 7 и 8, предъ самою атакою, — встрѣчное вооруженіе Севастополя состояло изъ орудій, показанныхъ во вторыхъ графахъ прилагаемой таблицы.

(См. таблицу, страницы 342, 343, 344, 345, 346, 347.)

Изъ таблицы этой видно, что по предположенію, заимствованному изъ чертежей огневымъ линіямъ береговыхъ батарей Севастополя, могло быть сосредоточено на движущійся по створной линіи корабль, во все время его движенія на трехъ-верстномъ пространствѣ, среднимъ числомъ отъ 146 до 147 орудій, съ средней дистанціи 535 саженъ, съ которой изъ гладкихъ орудій могло попадать около 20%. Въ томъ числѣ съ батарей сѣверныхъ 56 и 57 орудій съ дистанціи 530 саж. и съ южной 90 орудій съ средней дистанціи 535 саж. По исключеніи же снятыхъ съ вооруженія и обращенныхъ въ навѣсныя или элеваціонныя бомбовыхъ пушекъ, а также мортиръ, не могшихъ дѣйствовать по движущейся цѣли, и съ принятіемъ дальностей, на которыхъ стрѣльба изъ гладкостѣнныхъ орудій имѣла шансы хотя нѣкоторой дѣйствительности, по створной линіи, какъ видно изъ вторыхъ графъ таблицы, могли дѣйствовать среднимъ числомъ не 146, а только 114 орудій, съ средней дистанціи 475 саж., на которой попадетъ около 25%. Въ этомъ числѣ съ сѣверной стороны 42 и съ южной 72. Но и это число орудій могло дѣйствовать только въ такомъ случаѣ, если бы севастопольскую бухту атаковалъ только одинъ корабль, чего, конечно, не могло никогда случиться. Если же атака была бы ведена такимъ образомъ, какъ показалъ намъ В. А. *Корниловъ* своимъ примѣрнымъ маневромъ, то противу каждаго корабля дѣй-

На разстояніяхъ отъ входа въ бухту по створной линіи.	Предположенное по чертежамъ огневыхъ линій; число орудій, дѣйствующихъ по створной линіи.						Число орудій, ность дѣйст	
			Изъ нихъ. Съ сѣверной стороны.		Изъ нихъ. Съ южной стороны.			
	Число орудій.	Средняя дистанція, съ которой они дѣйствуютъ.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.
На 800 саж. отъ входа въ бухту . .	Всѣ калибры орудій.		Съ Константин. батарей.		Съ батар. № 10		Пушки 36 и 24 фунт.	
	81	850	30	800	30	700	37	800
					Александр.			
					19	850		
					Батар. № 7 и 8			
					2	1100	Всѣ калибры орудій.	
600 саж. . .			Константинов.		Батар. № 10			
	126	800	34	600	28	550	62	600
			Михайловск.		Александр.			
			8	1150	34	700		
					Батар. № 7 и 8			
					12	900		
					Николаевск.			
					10	1100		
500 — . . .			Константинов.		Батар. № 10			
	132	750	22	550	31	500	91	600
			Михайловск.		Александр.			
			8	1050	39	600		
					Батар. № 7 и 8			
					22	850		
					Николаевск.			
					10	1000		
400 — . . .			Константинов.		Батар. № 10			
	146	700	22	450	37	450	95	500
			Михайловск.		Александр.			
			8	950	47	500		
					Батар. № 7 и 8			
					22	750		
					Николаевск.			
					10	900		
300 — . . .			Константинов.		Батар. № 10			
	206	600	22	450	33	400	130	560
			Михайловск.		Александр.			
			52	850	45	500		
					Батар. № 7 и 8			
					28	650		
					Николаевск.			
					32	850		
200 — . . .			Константинов.		Батар. № 10			
	229	500	25	250	21	425	151	475
			Михайловск.		Александр.			
			52	750	45	400		
					Батар. № 7 и 8			
					22	550		

дѣйствительно имѣвшихъ возможность дѣйствовать по движущемуся по створной линіи судну.				Число орудій, дѣйствующихъ по каждому кораблю, при атакѣ бухты отдѣльными парами судовъ.					
Изъ нихъ.						Изъ нихъ.			
Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.				Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.	
Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.
Пушки Конста 16	36 фун. нтинов. 800	Бата № 17 Алек 4	рея 10 700 сандр. 850	—	—	—	—	—	—
Конста 28	нтинов. 600	Батар. 22 Алек 12	№ 10 550 сандр. 650	8	550	—	—	Батар. 8	№ 10 550
Конста 16	нтинов. 500	Батар. 31 Алек 39 Батар. 5	№ 10 500 сандр. 500 № 7 и 8 850	26	475	Конста 15	нтинов. 500	Батар. 11	№ 10 450
Конста 16	нтинов 450	Батар. 31 Алек 43 Батар. 5	№ 10 450 сандр. 500 № 7 и 8 750	21	425	Конста 15	нтинов. 400	Батар. 6	№ 10 450
Конста 17 Михай 16	нтинов. 350 ловск. 850	Батар. 17 Алек 40 Батар. 16 Никола 24	№ 10 400 сандр. 400 № 7 и 8 600 евск. 800	25	375	Конста 12	нтинов. 325	Батар. 4 Алек 9	№ 10 350 сандр. 450
Конста 19 Михай 24	нтинов. 250 ловск. 750	Батар. 15 Алек 41 Батар. 20	№ 10 350 сандр. 300 № 7 и 8 350	26	325	6	250	Батар. 2 Алек 18	№ 10 400 сандр. 320

На разстояніяхъ отъ входа въ бухту по створной линіи.	Предположенное по чертежамъ огневыхъ линій число орудій, дѣйствующихъ по створной линіи.						Число орудій ... ность дѣйст	
	Число орудій.	Средняя дистанція, съ которой они дѣйствуютъ.	Изъ нихъ. Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.		Число орудій.	Средняя дистанція.
			Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.		
100 — . . .	208	400			Николаевск. 64	750	163	400
			Константинов. 11	200	Батар. № 10 17	350		
			Михайловск. 52	650	Александр. 20	250		
					Батар. № 7 и 8 44	450		
Входъ въ бухту . .	203	500			Николаевск. 64	600	183	400
			Константинов. 10	200	Батар. № 10 13	500		
			Михайловск. 52	600	Александр. 16	250		
					Батар. № 7 и 8 44	450		
Внутри бухты за входомъ въ 100 саж. .	195	450			Николаевск. 64	550	181	450
					Павловск. 4	850		
			Константинов. 11	200	Батар. № 10 5	450		
			Михайловск. 52	500	Александр. 3	250		
					Батар. № 7 и 8 44	400		
200 — . . .	247	450			Николаевск. 64	500	205	450
					Павловск. 16	700		
			Константинов. 34	250	Батар. № 10 5	500		
			Михайловск. 52	400	Александр. 3	300		
			Батар. № 4 29	750	Батар. № 7 и 8 40	350		
300 — . . .	162	525			Николаевск. 64	400	156	450
					Павловск. 20	650		
			Константинов. 29	350	Батар. № 10 3	600		
			Батар. № 4 29	600	Александр. 3	400		
					Батар. № 7 и 8 14	375		

дѣйствительно имѣвшихъ возмож-вовать по движущемуся по створной линіи судну.				Число орудій дѣйствующихъ по каждому кораблю, при атакѣ бухты отдѣльными парами судовъ.					
Изъ нихъ.						Изъ нихъ.			
Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.				Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.	
Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.
		Никола 32	евск. 700						
Конста 11 Михай 24	нтинов. 200 ловск. 650	Батар. 11 Алек 14 Батар. 39 Никола 64	№ 10 350 сандр. 250 № 7 и 8 450 евск. 600	26	275	Конста 6	нтинов. 173	Батар. 6 Алек 14	№ 10 350 сандр. 250
Конста 6 Михай 52	нтинов. 200 ловск. 600	Батар. 7 Алек 16 Батар. 38 Никола 64	№ 10 450 сандр. 250 № 7 и 8 450 евск. 550	37	275	Конста 9	нтинов. 125	Батар. 2 Алек 6 Батар. 20	№ 10 400 сандр. 400 № 7 и 8 375
Конста 11 Михай 52	нтинов. 200 ловск. 500	Батар. 5 Алек 3 Батар. 39 Никола 64 Павло 4	№ 10 450 сандр. 250 № 7 и 8 400 евск. 500 вск. 700	71	340	Конста 6 Михай 26	нтинов. 175 ловск. 450	Батар. 19 Никола 20	№ 7 и 8 325 евск. 400
Конста 9	нтинов. 250	Батар. 3 Алек 3 Батар. 34 Никола 64 Павло 20	№ 10 500 сандр. 300 № 7 и 8 350 евск. 400 вск. 650	84	300	Конста 14 Михай 26	нтинов. 240 ловск. 375	Никола 44	евск. 310
Конста 29 Батар. 25	нтинов. 350 № 4 600	Батар. 3 Алек 1 Батар. 14	№ 10 600 сандр. 375 № 6 и 8 375	26	250	Конста 14	нтинов. 275	Никола 12	евск. 260

На разстояніяхъ отъ входа въ бухту по створной линіи.	Предположенное по чертежамъ огневыхъ линій; число орудій, дѣйствующихъ по створной линіи.						Число орудій ность дѣйст	
			Изъ нихъ.					
			Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.			
	Число орудій.	Средняя дистанція, съ которой они дѣйствуютъ.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.
400 —. . .	123	400	Конста 26 Михай 4 Батар. 29	нтинов. 450 ловск. 300 № 4 550	Никола 64 Павло 20 Батар. 3 Алек 1 Батар. 14	евск. 300 вск. 550 № 15 600 сандр. 450 № 7 и 8 400	117	400
500 —. . .	87	450	Конста 25 Михай 12 Батар. 29	нтинов. 550 ловск. 300 № 4 450	Никола 26 Павло 20 Алек 1 Павло 20	евск. 250 вск. 450 сандр. 550 вск. 400	87	450
600 —. . .	89	400	Конста 25 Михай 12 Батар. 29	нтинов. 600 ловск. 300 № 4 350	Алек 1 Никола 2 Павло 20	сандр. 625 евск. 200 вск. 350	86	400
700 —. . .	57	375	Конста 24 Михай 4 Батар. 13	нтинов. 700 ловск. 300 № 4 250	Павло 16	вск. 250	49	375
800 —. . .	53	400	Конста 24 Михай 4 Батар. 4	нтинов. 800 ловск. 450 № 4 150	Никола 7 Павло 14	евск. 300 вск. 250	29	290
Среднимъ числомъ .	146—147	535	56—57	530	90	535	114	475

дѣйствительно имѣвшихъ возмож- вовать по движущемуся по створной линіи судну.				Число орудій дѣйствующихъ по каждому кораблю, при атакѣ бухты отдѣльными парами судовъ.					
Изъ нихъ.						Изъ нихъ.			
Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.				Съ сѣверной стороны.		Съ южной стороны.	
Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.	Число орудій.	Средняя дистанція.
Конста 22 Михай 4 Батар. 29	нтинов. 450 ловск. 300 № 4 560	Никола 64 Павло 20 Батар. 1 Алек 1 Батар. 14	евск. 300 вск. 550 № 10 600 сандр. 450 № 7 и 8 400	12	250	—	—	Никола 6 6	евск. 290 225
Конста 25 Михай 12 Батар. 29	нтинов. 550 ловск. 300 № 4 450	Никола 26 Павло 20 Алек 1 Павло 20	евск. 250 вск. 450 сандр. 550 вск. 400	27	250	Михай 12	ловск. 200	Никола 6 Павло 9	евск. 200 вск. 340
Конста 22 Михай 12 Батар. 29	нтинов. 600 ловск. 300 № 4 350	Алек 1 Никола 2 Павло 20	сандр. 625 евск. 200 вск. 350	20	275	Батар. 12	№ 4 290	Павло 8	вск. 260
Конста 16 Михай 4 Батар. 13	нтинов. 700 ловск. 300 № 4 250	Павло 16	вск. 250	21	175	Батар. 5 8	№ 4 150 180	Павло 8	вск. 200
Михай 4 Батар. 4	ловск. 450 № 4 150	Никола 7 Павло 14	евск. 300 вск. 250	12	200	Батар. 1	№ 4 130	Никола 3 Павло 8	евск. 330 вск. 150
42	460	72	485	29—30	300	13	270	17	330

ствовало бы не 147, даже не 114, а только отъ 29 до 30 орудій, съ средней дистанціи 325 саж., что видно изъ третьихъ графъ таблицы и чертежа I. Это число составляетъ ровно въ пять разъ меньше противу предположеннаго по чертежамъ огневымъ линіямъ Севастополя. Вотъ осязательное доказательство того, какимъ образомъ распадаются иллюзіи, какъ уничтожаются предвзятыя идеи, самообольщенія, даже примѣрнымъ практическимъ указаніемъ маневра. Въ дѣйствительномъ бою, по ослабленіи и раздѣленіи огня передовыхъ батарей предварительною атакою, въ родѣ англо-французской атаки 5-го октября 1854 года, и это число орудій могло быть уменьшено почти на половину. Впрочемъ даже огонь 15 — 20 орудій, съ разстоянія 300 саж., на которомъ попадаетъ около 90%, былъ бы еще довольно грозенъ для деревяннаго корабля, если бы онъ направлялся совершенно вѣрно, съ точно опредѣленнаго разстоянія, по заранѣе опредѣленнымъ мѣткамъ, какъ для горизонтальнаго, такъ и для вертикальнаго направленія. Три очереди выстрѣловъ съ такого разстоянія, изъ этого числа орудій, совершенно вѣрно направленныхъ, нанесли бы весьма порядочный вредъ деревянному кораблю и привели бы его въ полное разстройство, или даже и въ совершенную невозможность состязаться съ нашими кораблями въ бухтѣ.

Но, къ сожалѣнію, примѣрное форсированіе севастопольской бухты не принесло севастопольцамъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшей пользы и нисколько не увеличило опытности батарейной прислуги. Скорость и неожиданность форсированія не дали возможности объяснить: ни удобнѣйшее направленіе орудій, ни вѣрное опредѣленіе разстояній, по мѣрѣ сближенія корабля. Не сосчитали даже, сколько выстрѣловъ могло бы сдѣлать орудіе по каждому изъ проходящихъ кораблей, и не позаботились объ единствѣ и общности направленія огня, предоставляя прислугѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію и соображенію, не пріучивъ ее однако къ полной самостоятельности практическими упражненіями въ мирное время.

Для участвовавшихъ въ примѣрномъ отраженіи этого фор-

спрованія, осталось смутное только понятіе о послѣдовательности появленія каждаго изъ судовъ, сперва въ направленіи амбразурныхъ щекъ, ближайшихъ ко входу въ бухту, потомъ на директрисѣ орудій и, наконецъ, въ направленіи противоположныхъ щекъ каждой амбразуры на батареѣ. Для внимательно слѣдящаго съ батареи за движеніемъ судна, ясно опредѣлялись три послѣдовательные момента. Начало дѣйствія или время перваго выстрѣла, обусловливаемое появленіемъ судна въ крайнемъ направленіи орудія у щеки амбразуры, ближайшей ко входу въ бухту, т. е. въ крайнемъ направленіи наружной стороны амбразуры. Потомъ моментъ, когда корабль былъ въ прямомъ направленіи орудія, на его директрисѣ, и наконецъ моментъ послѣдняго выстрѣла, когда корабль находился въ крайнемъ направленіи внутренней стороны амбразуры. Такая послѣдовательность постепеннаго появленія судовъ въ полѣ обстрѣла амбразуръ, одинаковая для цѣлаго ряда батарей, какъ южной, такъ и сѣверной стороны бухты, само собою наводила на мысль, что если бы эти послѣдовательности одновременнаго появленія, на противоположныхъ направленіяхъ орудій изъ амбразуръ съ двухъ сторонъ бухты, какъ на пересѣченіяхъ прямыхъ линій, были бы точно наблюдены и отмѣчены на поворотныхъ дугахъ платформъ, то онѣ послужили бы къ весьма точному опредѣленію разстояній и дали бы возможность совершенно вѣрнаго дѣйствія изъ орудій, по каждому изъ проходящихъ кораблей, по крайней мѣрѣ на три, заранѣе изученныя и обозначенныя мѣтками разстоянія.

Мысль о возможности опредѣленія разстоянія по направленіямъ орудій съ разныхъ фасовъ береговыхъ укрѣпленій положена въ основѣ системы естественнаго сосредоточенія орудій съ крѣпостныхъ верковъ, изложенной въ статьѣ моей, напечатанной въ № 4 Артиллерійскаго Журнала за 1866 годъ. Но въ 1855 и 1854 годахъ, подобная мысль сознавалась еще только весьма смутно и неопредѣленно. Правда, на поворотныхъ дугахъ платформъ и дугообразныхъ колодахъ подъ ними были сдѣланы мѣтки, соотвѣтствующія тѣмъ направленіямъ орудія, при которыхъ

выстрѣлы его могли попадать въ наши же батареи на противоположной сторонѣ бухты. Такія мѣтки стояли въ закраскѣ бѣлою краскою тѣхъ частей дугообразныхъ колодъ и полосъ подъ роульсами поворотныхъ платформъ, положеніе орудія надъ которыми соотвѣтствовало пространству занимаемому противоположными береговыми батареями. Но если бы отъ этихъ закрашенныхъ пространствъ сдѣлать еще нѣсколько мѣтокъ, соотвѣтствующихъ разстояніямъ отъ противоположныхъ батарей вправо и влѣво, хотя, напримѣръ, въ 100, 200, 300 и 400 саж. (если было бы затруднительно, но отнюдь не невозможно сдѣлать такія мѣтки чрезъ каждыя 25 саж. или еще менѣе), то какъ бы легко и удобно опредѣлилось нѣсколько положеній приближающагося или удаляющагося судна, разстояніе до которыхъ могло бы быть заранѣе повѣрено съ точностію, изучена и, слѣдовательно, кромѣ направленія орудія, могла быть опредѣлена заранѣе и соотвѣтственная высота прицѣла. Эта мысль такъ проста, такъ практична, что удивляешься, какъ она не пришла въ голову распорядителямъ закраски пространствъ, занимаемыхъ противоположными батареями, тотчасъ же вслѣдъ за этою закраскою. Даже просто однимъ взглядомъ можно было различить, что эти закрашенныя пространства у каждаго орудія, напр., на Павловской и Николаевской батареяхъ, въ отношеніи къ Константиновской и Михайловской, и обратно, — занимали постепенно подающуюся вправо или влѣво, уменьшающуюся или увеличивающуюся часть дугообразныхъ полосъ, а это указывало прямо на зависимость этихъ закрашенныхъ частей какъ отъ направленія каждаго орудія, такъ и отъ разстоянія его отъ предмета, въ который оно направлено. Отсюда уже не далеко до простаго практическаго способа опредѣленія разстояній для каждаго орудія и высотъ прицѣла для наведенія его, на всемъ пространствѣ между противоположными батареями и внѣ ихъ за входомъ въ бухту. Эта идея практически сознана и развита только въ настоящее время, въ статьѣ г. полковника *Шварца*: «Значеніе навѣснаго огня мортиръ большаго ка-

либра въ береговой оборонѣ» (Артил. Журналъ 1868 года № 6).

Причина, что эта идея появилась только такъ недавно, заключается въ общей судьбѣ идей наиболѣе простыхъ и практичныхъ. На нихъ обыкновенно, по чрезвычайной простотѣ ихъ, никто не обращаетъ вниманія. Возражалъ же г. *Леваневскій* на мое предложеніе о сосредоточеніи орудій не по инструментамъ, а по собственному наведенію ихъ, что въ предлагаемыхъ мною случаяхъ можно ограничиться *простою наводкою* орудій. Да что же такое и предлагалъ я, какъ не простую наводку орудій, осмысленную впрочемъ подробнѣйшимъ изученіемъ всѣхъ особенностей этой наводки: по направленію вертикальному (по прицѣлу) и горизонтальному (въ стороны по мѣткамъ на платформѣ).

Въ статьѣ моей я разсматривалъ наиболѣе сложный и затруднительный способъ простой наводки, именно въ томъ случаѣ, когда предъ батареями, какъ напр., въ Керчи, находится открытое море и нѣтъ впереди ни одного предмета, по которому было бы можно повѣрить наведеніе. Къ тому же море предъ батареями никогда не замерзаетъ, и потому не можетъ быть подраздѣляемо на квадраты, или подобные тому участки. Тамъ артиллерійскій вопросъ, дѣлается вполнѣ артиллерійскимъ, такъ какъ помощь геодезіи и мензульныхъ планшетовъ оказывалась несостоятельною. Оттого тамъ простая наводка орудій и могла быть повѣряема неиначе, какъ только сама собою, т. е. средствами собственно простой наводки, изучаемой въ подробности, такъ сказать шагъ за шагомъ, чрезъ каждую сотню и полусотню саженъ разстоянія, и съ каждымъ полуградусомъ передвиженія орудія вправо или влѣво. Изысканіе средствъ къ сосредоточенію орудій въ Керчи и было исключительно причиною появленія моей статьи о естественномъ сосредоточеніи выстрѣловъ.

Извиняясь за уклоненіе отъ главной цѣли описанія Севастополя, продолжаемъ это описаніе.

Маневръ *В. А. Корнилова* практически указалъ не только на неправильное представленіе силы вооруженія, но и на нѣкоторые недостатки севастопольскихъ укрѣпле-

ній. Такъ, прежде всего бросалась въ глаза беззащитность Константиновской батареи со стороны открытаго моря. Въ виду этой беззащитности, главнокомандующій князь *Меншиковъ* приказалъ поставить на ней 10 бомбовыхъ 3-пуд. пушекъ, какъ для встрѣчнаго дѣйствія, такъ и для защиты батареи съ моря, но это, къ сожалѣнію, не могло быть выполнено, по узкости амбразуръ въ казематахъ и по большой высотѣ парапета платформы, а можетъ быть также и по недостаточной прочности сводовъ.

Для защиты этой батареи съ тыла, построены въ апрѣлѣ 1854 года: квадратная башня, извѣстная подъ именемъ Волоховой, обнесенная валомъ, прикрывающимъ ее со всѣхъ сторонъ, и вооруженная восемью 36-фунт. пушками, въ углахъ и на серединахъ фасовъ поставленными на вращающихся кругомъ платформахъ. Впрочемъ только 5 изъ нихъ съ трехъ угловъ и двухъ фасовъ могли быть одновременно направлены въ одну и ту же сторону, какъ для сухопутной стрѣльбы, такъ и для дѣйствія въ морѣ.

Между Волоховою и Константиновскою батареями возведена небольшая батарея № 12, или *Карташевскаго*, вооруженная тремя единорогами 1-пуд. и двумя орудіями на флангахъ, именно: одною 36-фунт. пушкою на лѣвомъ и однимъ $^1/_2$ пуд. единорогомъ на правомъ флангѣ. Орудія эти назначались для фланкированія батарей Константиновской и Волоховой.

Для фланкированія же Константиновской батареи, на верхней площадкѣ казематированной части Александровской батареи: $^1/_2$ пуд. единороги, какъ мы сказали уже, были замѣнены пудовыми и отчасти 18-фунт. пушками. Для этого же предназначались орудія, изогнутыхъ къ сторонѣ бухты, фасовъ, исходящихъ частей батареи № 10. Но это фланкированіе, весьма мало дѣйствительное съ разстоянія свыше 700 саж., на которомъ находились фланкирующія части, ограничивалось притомъ участкомъ моря только весьма близкимъ къ Константиновской батареѣ, именно не далѣе 200—300 с. отъ нея, и потому вовсе не обезпечивало ее отъ нападенія съ фланга и тыла, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы сами фланкирующія части не

были анфилированы сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, какъ это случилось въ бою 5 октября.

Для фланкированія батареи № 10, расположенной почти совершенно открыто на склонѣ берега, постепенно понижающагося къ морю, ничего не было сдѣлано, въ предположеніи вѣроятно, что отмели у береговъ препятствуютъ приближенію къ нимъ не только корабля, но и болѣе мелкихъ судовъ флота. Впрочемъ, на ней было насыпано нѣсколько траверсовъ и сдѣлано нѣсколько блиндированныхъ погребовъ, помѣщавшихъ по одному или по два крѣпостныхъ зарядныхъ ящика, съ зарядами (1). Для защиты съ тыла назначались три ½ пуд. единорога. Для фланговой же обороны лѣваго фаса батареи № 10, обращеннаго къ сторонѣ карантина, былъ построенъ, какъ сказано выше, изъ поставленныхъ стоймя бревенъ полукруглый двухъярусный капониръ съ бойницами для штуцерныхъ стрѣлковъ въ верхнемъ ярусѣ и съ двумя карронадами въ нижнемъ, для стрѣльбы картечью вдоль рвовъ. А чтобы еще болѣе увеличить оборону этого фаса, къ четыремъ полупудовымъ единорогамъ, назначеннымъ для обстрѣливанія карантинной бухты и мѣстности за нею, а также для навѣсной картечной стрѣльбы, въ случаѣ приближенія по ея берегу непріятельскихъ войскъ, прибавлены, взятыя съ приморскаго вооруженія, двѣ 5-пуд. мортиры.

---

(1) По новому положенію о матеріяльной части крѣпостной артиллеріи зарядные ящики предположено исключить изъ вооруженія и содержать лишь временно до устройства погребковъ. Но въ чемъ будутъ лежать заряды въ погребкахъ? Если на стеллажахъ, то они далеко не такъ хорошо будутъ охранены отъ взрывовъ и даже отъ сырости, какъ въ ящикахъ. Стелажи будутъ стоить едвали дешевле ящиковъ, но далеко не такъ безопасны отъ всевозможныхъ случайностей боя и небрежности обращенія съ зарядами, какъ въ ящикахъ, которые можно держать во время боя полуотворенными на зубчатой полосѣ и быстро закрывать при малѣйшей опасности. У насъ на батареѣ № 10, во время затишья непріятельской пальбы, были выложены, однажды, близъ двери главнаго пороховаго погреба, для просушки, отсырѣвшіе въ дождевую ночь въ орудіяхъ почти совершенно мокрые заряды. Неожиданно брошенная непріятелемъ бомба зажгла эти заряды. Къ счастію, при взрывѣ ихъ газами захлопнуло снаружи дверь погреба и тѣмъ спасло всю батарею отъ взрыва. Такъ иногда во-время затворенная дверь, или захлопнутая крышка ящика, могутъ противодѣйствовать неизбѣжному взрыву.

Въ апрѣлѣ 1854 года показался впервые подъ Севастополемъ непріятельскій флотъ, за два дня передъ тѣмъ бомбардировавшій Одессу. Вдали, верстахъ въ сорока, едва виднѣлись на горизонтѣ паруса многихъ судовъ и дымъ пароходовъ, но они не выходили на видъ батарей и скоро ушли въ море. Въ началѣ іюля три большіе парохода прошли верстахъ въ 20 въ виду Севастополя; на встрѣчу къ нимъ были высланы семь нашихъ маленькихъ пароходовъ, но только одинъ пароходъ «Владиміръ» могъ приблизиться къ нимъ на столько, чтобы обмѣняться нѣсколькими выстрѣлами. 14 іюля три парохода, преслѣдуя купеческое судно, подошли довольно близко къ Волоховой башнѣ. Она открыла огонь изъ своихъ 36-фунт. пушекъ, но ни одинъ, изъ числа 10—20 выстрѣленныхъ снарядовъ не долетѣлъ до пароходовъ. Когда же непріятельскій пароходъ отвѣчалъ ей своимъ выстрѣломъ, то брошенный съ него снарядъ не только перелетѣлъ за башню, но и чрезъ всю мѣстность Константиновскаго мыса за нею, и упалъ въ серединѣ Севастопольской бухты.

Такая изумительная дальность поразила насъ; она показала намъ, съ какими орудіями мы будемъ имѣть дѣло. Не смотря на общую энергію, въ высшей степени возбужденную недавнимъ боемъ Щеголевской батареи въ Одессѣ и подстрекаемую безнаказанными появленіями непріятельскихъ судовъ въ виду Севастополя, — орудійная прислуга, радостно привѣтствовавшая первые выстрѣлы изъ Севастополя—снятіемъ фуражекъ и крестомъ, знаменующимъ начало всякаго желаннаго дѣла на православной Руси — не могла не призадуматься. Такая громадная несоотвѣтственность нашего вооруженія съ непріятельскимъ конечно могла повліять на духъ артиллеристовъ, на увѣренность ихъ, хотя бы въ возможности, не только въ успѣшности состязанія съ непріятелемъ, вооруженнымъ несравненно сильнѣе.

Такъ выразилась, съ первымъ же появленіемъ непріятеля, неправильность распредѣленія орудій на береговыхъ батареяхъ, по предвзятой идеѣ морскаго правила о близкомъ боѣ. И вотъ обѣ бомбовыя 3-пуд. пушки, единствен-

ныя сильныя орудія на батареѣ № 10, перекладываются съ обыкновенныхъ удобныхъ для дѣйствій лафетовъ на проектированные на-скоро, неуклюжіе ящики, названные элеваціонными станками, и ставятся въ нихъ подъ угломъ въ 45°. Дальность получилась удивительная, кажется верстъ пять, если не больше; но возможность попасть въ цѣль и, слѣдовательно, употребить съ пользою въ дѣйствительномъ бою эти орудія, сдѣлалась столько же удивительною, если не вовсе немыслимою. Кромѣ того у трехъ 1-пуд. единороговъ, на самой окраинѣ лѣваго закругленія батареи № 10, первыхъ, встрѣчающихъ непріятеля, по приближенію его къ фарватеру, отрѣзали верхнюю половину бруса вмѣстѣ съ подъемнымъ винтомъ и его маткою, для того, чтобы придавать этимъ орудіямъ самое большое возвышеніе. На случай же дѣйствія въ близкомъ бою, винтъ замѣнили кускомъ 4-хъ-граннаго бруса, и простымъ деревяннымъ клиномъ, подававшимся и даже выскакивавшимъ при выстрѣлахъ. Бомбы къ этимъ единорогамъ, для приданія имъ большей тяжести, наполнили пескомъ и, забивъ очко деревяннымъ нагелемъ, превратили въ ядра [1]. Этими приспособленіями, такъ рѣзко напоминающими извѣстный Тришкинъ кафтанъ, достигнута возможность дальней стрѣльбы, пугавшей подходившія издали отдѣльныя непріятельскія суда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность правильнаго боя съ атакующимъ на близкую дистанцію непріятелемъ.

Нужно же было случиться, что только эти двѣ бомбовыя пушки, превращенныя въ первобытныя баллисты, однѣ изъ числа 28, бывшихъ въ Севастополѣ, могли бы принести пользу своимъ участіемъ въ бою 5-го октября, еслибы не были лишены возможности такого участія самими же

---

[1] Нѣсколько такихъ бомбъ, изъ числа сложенныхъ при орудіяхъ на случай стрѣльбы по подходящимъ издали судамъ, было употреблено въ бою 5-го октября, когда подвоска снаряженныхъ бомбъ, изъ главнаго бомбоваго склада на батареѣ, замедлялась подъ весьма сильнымъ огнемъ непріятельскаго флота; эти-то бомбы, найденныя, вѣроятно, на кораблѣ Шарлемань, дали поводъ французамъ, какъ о томъ писали тогда въ газетахъ, къ заключенію о недостаткѣ въ Севастополѣ пороха.

оборонявшимися. Нужно же было случиться, что именно эти три, искалеченные пудовые единорога, съ однимъ полупудовымъ, возможность участія котораго во встрѣчномъ бою даже и не подозрѣвалась, должны были, преимущественно предъ всѣми орудіями, выдержать самый ближайшій и наиболѣе ожесточенный бой съ непріятельскимъ трехъ-дечнымъ кораблемъ «Charlemagne», не имѣя притомъ возможности ни увеличить, ни уменьшить возвышеніе, однажды приданное орудіямъ.

Существовало общее мнѣніе, предвзятая идея, что высадка большихъ массъ войска, со времени гибели испанской армады, сдѣлалась невозможною; поэтому всѣ ожидали только мелкихъ высадокъ, попытокъ съ сухаго пути на незащищенные коммерческіе порты и слабо укрѣпленные пункты, какъ это и оправдывалось потомъ дѣйствіями англо-французовъ въ моряхъ Балтійскомъ и Бѣломъ. Въ виду этого предвзятаго мнѣнія объ оборонѣ Севастополя съ сухаго пути почти и не думали. Готовились къ энергической оборонѣ порта, къ защитѣ бухты отъ форсированія, повторявшагося со временъ чесменскаго боя въ Копенгагенѣ, Сенъ-Жанъ д'Акрѣ, Сенъ-Жанъ д'Анжели и въ Синопѣ, и сдѣлавшагося не только обычаемъ, но какъ бы неизмѣннымъ закономъ для моряковъ. Моряки и артиллеристы въ Севастополѣ одинаково желали такого боя и ждали его съ нетерпѣніемъ, вполнѣ увѣренные въ собственной энергіи и въ силѣ своихъ батарей и флота.

Но вотъ, 2 сентября, громадный непріятельскій флотъ, конвоировавшій множество купеческихъ судовъ, высадилъ 62,000-й дессантъ англо-французскихъ и турецкихъ войскъ на берега Крыма.

Сентября 8-го мы услышали далекіе звуки выстрѣловъ альминскаго, или, какъ называли у насъ, бурлюкскаго боя. Болѣзненно отдавались они въ сердцахъ севастопольцевъ, томимыхъ неизвѣстностію происходящаго. Скоро, однако, неудачный исходъ этого боя, обусловленный превосходнымъ вооруженіемъ непріятельской пѣхоты, сдѣлался извѣстенъ. Онъ поразилъ и огорчилъ всѣхъ севастопольцевъ, но не ослабилъ ихъ мужества и энергіи. Готовность отстаивать

родной Севастополь, до последней крайности, была общею и удесятеряла ихъ энергію. Закипѣли усиленныя работы. Начали насыпать бруствера батарей и вооружать ихъ вмѣсто корронадъ и фальконетовъ, назначавшихся для отбитія мелкихъ высадокъ, орудіями большаго калибра. Въ работахъ участвовали не только жители, мѣщане и ремесленники, но даже женщины и дѣти.

Но одной энергіи было недостаточно. При несовершенствѣ ручнаго оружія нашей пѣхоты, при несоразмѣрномъ превосходствѣ численности непріятельскихъ войскъ предъ нашими, о дѣйствіяхъ открытою силою невозможно было и думать. Предстояло только обороняться до времени прибытія новыхъ подкрѣпленій, но обороняться упорно и продолжительно, такъ какъ подкрѣпленія могли прибыть не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Непріятельская армія приближалась съ сѣвера, отрѣзывая сообщеніе Севастополя съ Россіей и даже съ другими мѣстностями Крыма. Двигаясь по морскому берегу, обстрѣливаемому многочисленною артиллеріею флота, она могла удобно приблизиться къ сѣвернымъ батареямъ, защищеннымъ съ сухаго пути самымъ ничтожнымъ числомъ орудій, и, занявъ ихъ, или же принудивъ взорвать (какъ это и было уже распоряжено въ Севастополѣ) атаковать нашъ флотъ внутри бухты своими многочисленными кораблями и, уничтоживъ его, овладѣть Севастополемъ.

Подобный исходъ борьбы за Севастополь былъ не только возможенъ, но и неизбѣженъ. Противу него требовалось энергическое противодѣйствіе. Этимъ противодѣйствіемъ могло быть лишь загражденіе входа въ бухту — затопленіемъ кораблей, исполненнымъ по приказанію главнокомандующаго князя *Меншикова*.

Такую мѣру вице-адмиралъ *Корниловъ* назвалъ самоубійствомъ. Такъ ли это? Не были ли слова эти только слѣдствіемъ высокаго *esprit de corps*, полнаго убѣжденія въ торжествѣ и энергіи своихъ моряковъ и желанія помѣряться силами съ пресловутыми моряками западныхъ державъ, называющихъ себя по преимуществу морскими? Предположеніе возможности такого увлеченія, такой истинно

мужественной самоувѣренности, не только не нарушаетъ полнаго уваженія къ высокой личности и достоинствамъ знаменитаго адмирала, но усиливаетъ его. *Esprit de corps* здѣсь такъ тѣсно связывался съ высокимъ патріотизмомъ, исходилъ изъ такого чистаго источника, былъ такъ близокъ къ героизму, что горячее желаніе борьбы и побѣды естественно обращалось въ убѣжденіе въ возможности осуществленія ихъ на самомъ дѣлѣ, хотя бы вопреки холодной осторожности и спокойнаго безпристрастія.

На убѣжденіе въ справедливости подобнаго предположенія наводитъ насъ урокъ, данный севастопольцамъ самимъ же *В. А. Корниловымъ*. Онъ указалъ намъ на дѣлѣ, какъ можно тогда ошибаться, преувеличивая свои средства.

Приведенная выше таблица орудій, дѣйствующихъ по створной линіи севастопольской бухты, служитъ доказательствомъ, что средства защиты этой бухты были преувеличены впятеро. Каковы же были бы эти средства, еслибы въ случаѣ наступленія непріятеля съ сѣвера были взорваны нами же самими сѣверныя батареи: Михайловская и № 4, а Константиновская могла быть приведена въ молчаніе—атакою съ моря, подобною атакѣ, выполненной 5-го октября и подкрѣпленной притомъ дѣйствіемъ непріятельской полевой артиллеріи съ сухаго пути. Внѣшнія батареи № 10 и Александровская также могли быть ослаблены усиленнымъ бомбардированіемъ съ кораблей подобнымъ октябрскому.

Тогда проходящій по бухтѣ флотъ подвергался бы огню лишь на одинъ бортъ, только съ трехъ батарей южной стороны, съ дистанціи 400—500 саж., и, конечно, могъ бы форсировать бухту. Затѣмъ, пользуясь содѣйствіемъ полевыхъ орудій съ сѣвернаго берега, онъ могъ бы атаковать нашъ флотъ внутри бухты превосходными силами. Два, три судна, вошедшія въ артиллерійскую бухту подъ высокимъ берегомъ батарей № 7 и 8, могли бы разрушить артиллерійскій арсеналъ и главный бомбовый складъ при немъ, а также дѣйствовать съ тыла, по Николаевской батареѣ и площади за нею, парализируя тѣмъ огонь сильнѣй-

шихъ береговыхъ батарей въ Севастополѣ: Николаевской и № 7 и 8.

Потому-то такая мѣра, какъ затопленіе судовъ, для загражденія входа въ бухту, заставившая непріятельскую армію перейти на южную сторону Севастополя, едва ли могла быть названа самоубійствомъ. Она дала возможность Севастополю существовать еще 11 мѣсяцевъ и получить для сухопутныхъ батарей артиллерійскую прислугу изъ матросовъ, безъ чего оборона Севастополя была бы невозможною. потому что собственно артиллеристовъ въ Севастополѣ было не болѣе, какъ по одному на два орудія.

Какъ бы то ни было, но въ то время затопленіе судовъ отозвалось также болѣзненно въ сердцахъ севастопольцевъ, какъ и альминская неудача. Предназначенные къ затопленію корабли на другой день альминскаго боя, 9-го сентября, стали на якоряхъ въ прямую линію, поперегъ входа въ бухту, между Александровскою и Константиновскою батареями. Трехъ-дечный корабль «Три Святителя» былъ поставленъ первоначально не въ серединѣ этой линіи, а перпендикулярно къ ней, какъ бы для фланкированія узкаго прохода, остававшагося между кораблями. Для обстрѣливанія же этого прохода продольными выстрѣлами, у носовой части корабля «Три Святителя», былъ поставленъ перпендикулярно къ нему другой корабль. Въ такомъ порядкѣ корабли простояли почти весь денв 10 сентября. Къ вечеру корабль «Три Святителя» занялъ середину общей линіи, а фланкировавшій его корабль отосланъ въ бухту.

Три непріятельскіе парохода, крейсировавшіе въ виду Севастополя, слѣдили за этимъ непонятнымъ для нихъ построеніемъ нашихъ кораблей у входа въ бухту.

Въ 8 часовъ вечера на обреченныхъ въ жертву корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю и опустили флаги. Ничто не напоминало ихъ близкаго потопленія, только когда уже совершенно стемнѣло, экипажи ихъ съѣхали на берегъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ плакали: имъ было жаль, что корабли, на которыхъ было проведено лучшее время ихъ жизни, вся ихъ

служба, гибли, не помѣрявшись силами съ врагомъ отечества въ честномъ бою, но отъ собственныхъ же рукъ своихъ экипажей, какъ жертвы одной лишь предосторожности. Не менѣе сожалѣлъ о нихъ и вице-адмиралъ *Корниловъ*. Здѣсь рушились всѣ лучшія его мечты, убивалась его надежда, въ близкой отчаянной схваткѣ съ врагами, доказать цѣлому міру храбрость и искусство русскихъ моряковъ, отвагу и мужество черноморскаго флота. Вотъ почему жестокая мѣра затопленія кораблей, для В. А. *Корнилова* и для моряковъ вообще, была въ самомъ дѣлѣ самоубійствомъ, если не въ дѣйствительномъ, то въ моральномъ отношеніи.

Въ полночь на 11 сентября глухой трескъ и клокотаніе воды возвѣстили гибель обреченныхъ на жертву кораблей. Они потонули. Не потонулъ только корабль «Три Святителя», упорно отстаивавшій свое мѣсто и существованіе, согласно съ желаніями В. А. *Корнилова*, надѣявшагося, выигравъ время, убѣдить въ необходимости свободнаго выхода изъ бухты. Но воля главнокомандующаго оставалась неизмѣнною и потопленіе корабля «Три Святителя» было рѣшено окончательно. Около 9 часовъ утра пароходъ «Громоносецъ» подошелъ къ нему на разстояніи ближе 100 саж. и сдѣлалъ отъ 20 до 30 выстрѣловъ изъ бомбовой пушки. Тогда только корабль началъ тонуть, но такъ медленно, въ такой борьбѣ съ враждебною стихіею, какъ борется герой, отстаивающій отъ неминуемой гибели ужъ не самого себя, а свою славу, свое прошлое величіе. Два часа онъ наполнялся водою, прорывавшеюся съ правой стороны корабля въ громадныя отверстія, пробитыя бомбами. По мѣрѣ наполненія подводной части корабля, вода, принимавшая въ немъ горизонтальное положеніе, клонила его все болѣе и болѣе направо. Отъ этого перемѣщенія центра тяжести, наклонившіяся мачты, быть можетъ предварительно подпиленныя, одна вслѣдъ за другою обломились у своихъ основаній и съ трескомъ рухнули въ бухту. Неприкрѣпленныя пушки лѣваго борта скатились направо, и корабль почти легъ на правую сторону. Но вотъ вода, хлынувшая сквозь лѣвые порты широкими струями, опять

повернула его и снова поставила въ горизонтальное положеніе, въ которомъ онъ и опустился на дно моря, ровно въ 12 часовъ утра. Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ и другихъ снастей, вмѣстѣ съ грохотомъ скатывающихся пушекъ, сопровождали эту борьбу съ моремъ—корабля владыки моря. Не одну слезу сожалѣнія и не у однихъ только моряковъ извлекла эта печальная сцена

По переходѣ непріятельской арміи на южную сторону, 13 сентября, Севастополь былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. 15 числа духовенство, съ хоругвями и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ жителей Севастополя, обошло всѣ укрѣпленія и окропило ихъ и войска, готовившіяся къ ихъ защитѣ, святою водою. Религіозный обрядъ этотъ, много-знаменательный для русскаго православнаго воинства, подкрѣпляетъ его готовность погибнуть, защищая родную землю, или отстоять свой родной городъ и славу своего отечества и потомъ, и кровію.

Непріятельскіе корабли и пароходы, безпрестанно сновавшіе въ виду береговыхъ батарей, не приближались однако къ нимъ даже на разстояніе выстрѣла изъ элеваціонной бомбовой пушки. Только два очень маленькіе парохода, вооруженные ланкастерскими пушками, едва замѣтные надъ водою, какъ ползущіе на ней, и потому прозванные у насъ *ползунами*, бросали иногда къ намъ, съ неимовѣрной дали, цилиндровальныя кверху коническія бомбы, нѣсколько напоминавшія своею формою сахарную голову. Бомбы эти имѣли сложныя ударныя трубки. Онѣ, по большей части, падали бокомъ, и потому не разрывались, и не наносили никакого вреда. Точно также безвредны были пароходамъ и наши выстрѣлы изъ элеваціонныхъ орудій, съ тою только разницею, что наши снаряды, въ большинствѣ случаевъ, не долетали до нихъ, а брошенные съ пароходиковъ-ползуновъ не только перелетали чрезъ передовыя батареи, но падали иногда даже въ городѣ.

Впрочемъ 17 сентября эти пароходики-ползуны, при содѣйствіи четырехъ большихъ пароходовъ (стрѣлявшихъ впрочемъ съ такого дальняго разстоянія, что ни одинъ выстрѣлъ ихъ не долеталъ), сдѣлали нѣсколько удачныхъ

выстрѣловъ изъ ланкастерскихъ пушекъ, по батареѣ № 10. Одна изъ продолговатыхъ бомбъ попала въ ровъ позади батареи и разорвалась въ немъ; другая, ударившись въ край дула орудія и скользнувъ по немъ, попала трубкою въ верхнюю оковку лѣвой станины лафета и также разорвалась въ мелкіе осколки. Осколками этими, изъ числа орудійной прислуги, стоявшей на мѣстахъ своихъ, согласно строеваго устава (хотя орудіе, по дальности разстоянія, еще не дѣйствовало и не могло дѣйствовать), убитъ канониръ 3-й роты Петръ *Клюрфельдъ* и раненъ опасно въ голову канониръ *Шайкинъ*, умершій потомъ въ госпиталѣ. Это были первыя жертвы севастопольскаго боя. Прочіе три номера прислуги были также переранены, но, въ виду близкаго серьезнаго боя, не пожелали идти въ госпиталь, а остались на батареѣ, употребивъ домашнія средства леченій, съ тѣмъ чтобы изъ за небольшихъ ранъ не лишиться участія въ бою, желанномъ и ожидаемомъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Самая пушка, отъ удара бомбы, получила значительную ссадину на лѣвой сторонѣ дульной части и такой сильный толчекъ, отъ послѣдовавшаго въ тотъ же моментъ разрыва бомбы, что, опрокинувшись направо вмѣстѣ съ лафетомъ, неминуемо упала бы и задавила остальную, стоявшую, по правиламъ устава, на правой сторонѣ орудія, прислугу. Но паденіе ея совершенно случайно было удержано брустверомъ, въ который она уткнулась дуломъ и, такимъ образомъ, удержалась въ наклонномъ положеніи, съ отдѣлившимся уже, отъ лѣваго бруса поворотной платформы, колесомъ лафета.

На батареѣ № 10, какъ мы уже сказали, комендантомъ въ то время былъ флотскій штабъ-офицеръ и въ началѣ осаднаго положенія, для обороны ея съ сухопутной стороны, былъ назначенъ одинъ изъ флотскихъ экипажей. Изъ этого экипажа, по основанному на морскомъ *esprit de corps* предположенію, что моряки искуснѣе артиллеристовъ, комендантъ батареи назначилъ къ береговымъ орудіямъ наводчиковъ, называемыхъ по флотски *комендорами*, изъ кондукторовъ морской артиллеріи и унтеръ офицеровъ флота. Искуство ихъ выказалось однако далеко не съ блестящей

стороны. когда, 23 сентября, восемь непріятельскихъ пароходовъ, дѣлая рекогносцировку мѣстности, заняли позицію саженяхъ въ 1200—1500 отъ батареи, полукругомъ отъ Херсонесской бухты до Константиновской батареи, и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, далеко недоставши до батареи № 10. Понятно, что выстрѣлы эти имѣли цѣлію только вызвать отвѣтный огонь съ батарей и опредѣлить по немъ ихъ силу и дальность полета снарядовъ. Командовавшій артиллеріею па батареѣ, поручикъ *Зякинъ*, распорядился сдѣлать по этимъ пароходамъ два—три выстрѣла изъ элеваціонныхъ пушекъ. Услышавъ звукъ выстрѣловъ съ батареи, комендоры, вѣрные своей привычкѣ къ быстротѣ стрѣльбы, безъ всякаго приказанія или команды, подчиняясь лишь собственному увлеченію, открыли батальный огонь по пароходамъ, хотя снаряды ложились почти на половинѣ разстоянія между батареею и пароходами. Усмиривъ энергически неумѣстную горячность комендоровъ, г. *Зякинъ* настоялъ потомъ, чтобы артиллеристы дѣйствовали самостоятельно, не подчиняясь непрошенному вмѣшательству моряковъ, что и осталось неизмѣннымъ до конца осады Севастополя.

Для дѣйствія по пароходамъ пытались употреблять также и мортиры. Такъ, 25-го сентября, когда небольшой французскій пароходъ съ дессантомъ прошелъ почти у самаго берега изъ камышевой бухты въ херсонесскую, въ разстояніи отъ батареи на 1200 саж., т. е. внѣ сферы дѣйствія направленныхъ въ эту сторону $^1/_2$ пуд. единороговъ, — вице-адмиралъ *Корниловъ*, пріѣхавшій на батарею № 10, приказалъ сдѣлать нѣсколько навѣсныхъ выстрѣловъ изъ 5 пуд. мортиры по херсонесской бухтѣ, чрезъ Херсонесскій мысъ. Стоя шагахъ въ 10 отъ мортиры у бруствера, съ генералъ-маіоромъ *Пихельштейномъ*, онъ слѣдилъ за дѣйствіемъ выстрѣловъ, которые, по совершенной неизвѣстности разстоянія, конечно не могли быть удачны, и хотя съ сѣверныхъ батарей: Константиновской, Карташевскаго и Волоховой, можно было наблюдать паденіе нашихъ снарядовъ въ этой бухтѣ, но, при несуществованіи системы сигналовъ для передачи результатовъ дѣлаемыхъ

наблюденій, это не принесло никакой пользы. При третьемъ или четвертомъ выстрѣлѣ, бомбу разорвало при самомъ вылетѣ ея изъ дула мортиры. Многочисленные осколки разлетѣлись вокругъ адмирала и орудійной прислуги, не нанеся, впрочемъ, вреда никому. Только одинъ осколокъ, пронесшійся мимо номера съ пальникомъ, стрѣлявшаго изъ этой мортиры, разрѣзалъ у него надъ животомъ, вѣроятно острымъ угломъ — шинель и даже рубаху, но не только не ранилъ, а даже и не оцарапалъ его ([1]). Причиною такого разрыва предполагали не плотно державшуюся въ очкѣ трубку, отъ усушки дерева — при долгомъ храненіи. Поэтому съ этого времени, при каждомъ заряжаніи, особенно тщательно удостовѣрялись, не шатается ли въ очкѣ снаряда трубка, и вообще совершенно ли плотно она въ немъ держится.

Въ другой разъ, 28 го сентября, непріятельскій пароходъ, желая воспрепятствовать насыпанію на батареѣ № 10 новаго бруствера, на фасѣ къ сторонѣ карантина, установясь на продолженіи этого фаса, болѣе нежели въ 1,200 саж., открылъ огонь изъ бомбовой пушки большаго калибра. Выстрѣлы его не достигали однако до батареи. Не достигали также до него выстрѣлы нашихъ элеваціонныхъ единороговъ, не дозволявшіе ему однако подойти ближе къ батареѣ. Желая испытать, не могутъ ли мортиры стрѣлять далѣе длинныхъ орудій, лейтенантъ *Папа-Егоровъ*, командовавшій лѣвымъ флангомъ батареи № 10, приказалъ навести на этотъ пароходъ одну изъ бывшихъ на лѣвомъ фасѣ 5 пуд. мортиръ. Шомполовъ, или желѣзныхъ прутьевъ, для наведенія, мортиръ тогда еще не употребляли. Приборъ съ діоптрами существовалъ только на чертежахъ ([2])

([1]) Замѣчательно, что, кромѣ этого случая, угрожавшаго жизни В. А. Корнилова, онъ подвергался подобной же опасности еще лѣтомъ 1854 года. Во время практическаго ученья сборныхъ морскихъ командъ, на батареѣ № 8, въ присутствіи князя Меншикова и В. А. Корнилова, разорвало пушку и убило близъ адмирала барабанщика, а также и лошадь подъ адмираломъ. Такъ судьба, готовившая смерть знаменитаго патріота въ первый день бомбардированія Севастополя, неодновратно угрожала ему гибелью еще до начала осады и самой войны.

([2]) Руководство для артиллерійской службы, стр. 207, чертежъ 36, фиг. 3.

и требовалъ медленной установки до приведенія его въ вертикальное положеніе. Колья же невозможно было воткнуть въ твердый щебнистый грунтъ бруствера. Фейерверкеръ и за нимъ два рядовыхъ вскочили на брустверъ, чтобы тесаками пробить мѣсто для кольевъ. По этой группѣ людей на брустверѣ, пароходъ сдѣлалъ выстрѣлъ, недолетѣвшій однако саженъ на 20, но, замѣтивъ потомъ колья, означавшіе наведеніе мортиры, прекратилъ стрѣльбу и отошелъ поспѣшно въ море. Таково было нравственное вліяніе мортиры, хотя пробный выстрѣлъ показалъ намъ, что бомба, при зарядѣ наполнявшемъ всю камору, по меньшей мѣрѣ саженъ на 300 не долетѣла бы до парохода.

Мы приводимъ эти примѣры только для того, чтобы показать какое вліяніе имѣетъ вообще на стрѣльбу: недостатокъ боевой опытности, пренебреженіе подробнымъ изученіемъ мѣстности, заблаговременно, до наступленія боя, невозможность вѣрнаго опредѣленія разстояній, и сношеній батарей между собой условленными сигналами, въ особенности же невозможность для начальника артиллеріи управлять стрѣльбою батарей. Если бы мѣстность была хорошо изучена и существовала возможность скоро опредѣлять разстояніе по наведенію самихъ орудій, или по какому либо инструменту, то вовсе не было бы случаевъ открытія пальбы на недосягаемыя разстоянія, выказывавшихъ лишь недостаточную силу и дурное расположеніе поверкамъ нашего вооруженія. Если бы наблюденія за стрѣльбою однѣхъ батарей съ другихъ, находящихся въ сторонѣ и внѣ дѣйствія, могли бы передаваться по телеграфу или сигналами, тотчасъ же, то первые пробные выстрѣлы могли бы быть исправляемы точнѣе и хорошіе результаты достигались бы вѣрнѣе и скорѣе. Наконецъ, если бы начальникъ береговой артиллеріи могъ управлять огнемъ батарей, по извѣстнымъ сигналамъ, то онъ имѣлъ бы возможность сдерживать увлеченія не только прислуги, но и частныхъ начальниковъ, дозволяя открывать огонь лишь въ то время, когда можно было надѣяться на нѣкоторую его дѣйствительность.

Недостатокъ боевой опытности выразился неудачнымъ употребленіемъ мортиръ, безъ предварительнаго подготовленія ихъ къ этому, недостаточною осмотрительностію при заряжаніи и разстановкою орудійной прислуги по уставу, задолго до надобности въ томъ для боя, что служило лишь къ удобнѣйшему пораженію ея непріятельскими снарядами. Было принято за правило, чтобы, при примѣрныхъ тревогахъ, дѣлавшихся еще въ то время, когда непріятель находился въ Константинополѣ, прислуга, выбѣгавшая къ орудіямъ, занимала мѣста по уставу, безъ шума, въ совершенномъ молчаніи и въ строжайшемъ порядкѣ, и непремѣнно съ надѣтою принадлежностію. При этомъ № 4, ставъ за орудіемъ, зажималъ запалъ большимъ пальцемъ правой руки, готовый вложить трубку и скомандовать *пли*,—такъ какъ орудіе было уже заряжено, накочено и направлено въ море. Сохрани Богъ, если кто не успѣвалъ надѣть галстухъ или застегнуть крючекъ воротника или же стоялъ на мѣстѣ не выровнявшись, какъ для осмотра. Часто солдаты даже спали не только въ обуви, но и въ шинеляхъ и фуражкахъ, при галстукахъ и съ пристегнутыми къ поясу трубочниками. Эта парадная пунктуальность оказалась однако вовсе ненужною въ военное время. Артиллеристы были не только безъ галстуховъ, но по большей части безъ шинелей, одѣты въ чемъ случилось и какъ удобнѣе, потому что мундирную одежду они сберегали въ ротныхъ цейхаузахъ, чтобы не запачкать ея въ бою. Мѣста занимали они въ тѣхъ случаяхъ, когда не стрѣляли, гдѣ и какъ случилось, хотя и не отлучались отъ орудій и цѣлый годъ не знали другаго крова, кромѣ свода небеснаго, и другой постели, кромѣ сырой земли или жесткой платформы. Заряжались орудія только на ночь, и только на тѣхъ фасахъ, которые могли быть угрожаемы штурмомъ съ сухаго пути, или нечаяннымъ нападеніемъ непріятельскихъ шлюпокъ. Строгое молчаніе также не сохранялось и не могло быть сохраняемо. Часто, въ сумерки, раздавалась удалая воинская или даже и плясовая пѣсня, иногда съ акомпаниментомъ кларнета и скрипки. Еще чаще, даже во время боеваго дѣйствія, сыпались шутки и присловья;

иногда — преимущественно ночью, говорились сказки, съ примѣненіемъ къ случаямъ боя. «Вотъ летитъ змѣй-горынычъ—шумитъ, гремитъ, точь въ точь какъ эта бомба» говаривалъ разсказчикъ, указывая на пролетавшую надъ головами бомбу. Но чаще всего раздавались возгласы: *«бомба справа»* или *«слѣва»*, или же *«берегись темная»*— и съ свистомъ проносилось невидимое ядро, опрокидывая предъ собою все встрѣченное.

Въ первое время многіе изъ новичковъ въ бою невольно наклонялись при свистѣ ядра, не привыкнувъ замѣчать еще по звуку, далеко ли или близко оно несется. «Не наклоняйся» — подшучивали бывалые—«всякому ядру кланяться—свихнешь шею: погоди, коли попадетъ, само сломитъ».—Но предъ упавшею вблизи бабушкой-бомбой преклонялись какъ бывалые, такъ и небывалые. Лежа на землѣ шагахъ въ 10 и болѣе отъ мѣста ея паденія, и подшучивая другъ надъ другомъ, ждали обыкновенно ея взрыва, привѣтствуя этотъ взрывъ общимъ хохотомъ, когда онъ обдавалъ всѣхъ землей, пескомъ и щебнемъ. Большинство, болѣе благоразумное и дѣльное, почитало вообще глупымъ удальствомъ, пустымъ самохвальствомъ, не отдать почетнаго поклона старушкѣ-бомбѣ, и подвергаться изъ пустаго ухарства вѣрной гибели. Но были и такіе удальцы-самодуры, которые оставались на ногахъ вблизи упавшей бомбы. Иные даже пытались остановить ногой катившееся на излетѣ ядро, или проплясать въ присядку на кронѣ бруствера, подъ штуцерными пулями, и, конечно, поплачивались за эту неразумную удаль оторванною ногою и жизнію. Въ противоположность имъ были и такіе, преимущественно новички, которые, вмѣсто того, чтобы спокойно прилечь или посторониться, суетились и бросались какъ угорѣлые въ разныя стороны, увидя упавшую бомбу, или же бѣжали отъ прыгавшей или катившейся гранаты, часто въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ она прыгала и катилась; они также, по большей части, гибли жертвами своей суетливости. Наблюдая спокойно, въ короткое время, можно было привыкнуть различать по звуку полета: вправо или влѣво, впереди или сзади упадетъ бомба и въ какомъ

именно направленіи и даже въ какомъ числѣ и въ какіе промежутки времени летятъ, по большей части, гранаты и ядра съ извѣстныхъ батарей, обстрѣливающихъ ту или другую мѣстность. Сообразно съ этимъ предпринимались предосторожности дѣлались и спокойно, и самоувѣренно тѣ или другія передвиженія и отклоненія отъ угрожающей опасности.

Однако все это было уже гораздо позже. Предъ наступленіемъ же 5-го октября 1855 года, мы всѣ были болѣе или менѣе новички въ военномъ дѣлѣ, не только еще не обстрѣленные, но и мало знакомые съ дѣйствіемъ выстрѣловъ и даже съ самою стрѣльбою въ бою.

Съ разсвѣтомъ 5-го октября, осадныя батареи открыли огонь по Севастополю. Обороняющія городъ батареи отвѣчали неумолкаемымъ батальнымъ огнемъ, оправдываемымъ только энтузіазмомъ, въ которомъ находилась орудійная прислуга изъ матросовъ съ морскими кондукторами и офицерами. Они отстаивали свой родной портъ, свои семейства, славу своего флота. Съ неменьшимъ энтузіазмомъ, ожидала своей очереди участія въ бою и артиллерійская прислуга береговыхъ батарей. Но непріятельскій флотъ двигался подъ парами еще очень далеко, дѣлая непонятныя для насъ эволюціи. Осадныя батареи, дѣйствовавшія по городу, также находились внѣ выстрѣловъ съ береговыхъ батарей. Не будучи психологомъ, трудно описать чувства, волновавшія всѣхъ въ то время. Горькое сознаніе невозможности участія въ общемъ бою, подавленное самолюбіе, неудовлетворенная жажда мести, такъ томительны, такъ тяжелы, что нужны были не человѣческія усилія, чтобы сдерживать ихъ въ самомъ себѣ.

За то, когда, около 9 часовъ утра, 4-хъ орудійная непріятельская батарея, на Херсонесскомъ мысѣ, снявъ туры, маскировавшіе ея амбразуры, открыла огонь по бастіону № 6; орудійная прислуга батареи № 10, съ воплемъ какой то дикой радости, съ какою то лихорадочною живостію, бросилась къ орудіямъ сухопутнаго фаса. На каждый выстрѣлъ непріятеля она отвѣчала двумя или тремя выстрѣлами. Всѣ, кто не могъ принять прямаго участія

въ стрѣльбѣ, слѣдили за дѣйствіемъ выстрѣловъ; каждый попавшій снарядъ производилъ общій восторгъ, былъ привѣтствуемъ общими одобрительными восклицаніями, какъ будто-бы этими выстрѣлами рѣшалась судьба общаго боя, вопросы: быть или не быть Севастополю. По недостатку ли опытности, или по общему увлеченію, никто не думалъ, что и сегодня, и завтра, и потомъ почти цѣлый годъ, будетъ продолжаться этотъ же самый бой, оставаясь все еще нерѣшительнымъ. Впослѣдствіи, когда всѣ, что называется пристрѣлялись, мы уже не увлекались такъ, не горячились, не бросали снарядъ за снарядомъ безъ счета. Спокойно и медленно мы отвѣчали едва однимъ выстрѣломъ на пять непріятельскихъ, и не иначе, какъ совершенно точно наведя орудіе и обусловивъ всѣ шансы наилучшаго дѣйствія выстрѣла. Но такая опытность пріобрѣтена нами лишь послѣ нѣсколькихъ недѣль боя. Въ первомъ же дѣлѣ увлеченіе было чрезмѣрно, страсти находились въ полномъ разгарѣ. Однако, при всемъ увлеченіи, не смотря на разстояніе—свыше 600 саж., на которомъ изъ $^1/_2$ пуд. единорога, даже на практикѣ попадаетъ едва $10^0/_0$, не смотря на весьма косвенное расположеніе непріятельской батареи, прикрываемой притомъ съ фланга, какъ бы башнею, громадною круглою печью для выжиганія извести,—три орудія этой батареи, не болѣе какъ чрезъ часъ, были уже сбиты. Но одно орудіе, ближайшее къ печи, и потому наилучше прикрытое со стороны батареи № 10, оставалось еще болѣе часу, хоть стрѣляло только изрѣдка, какъ бы украдкой, когда огонь нашей батареи смолкалъ, чтобы дать разойтись дыму и посмотрѣть гдѣ и что дѣлаютъ корабли. Артиллеристы нашей батареи прозвали орудіе въ шутку «запечнымъ сверчкомъ», и когда раздавался снова свистъ вылетающаго изъ него снаряда, говорили: «сверчекъ-то нашъ еще посвистываетъ», и опять наводили туда три или четыре орудія и забрасывали его снарядами. Но, какъ только умолкала пальба, сверчокъ вновь отзывался изъ за своей печи и снова вызывалъ противъ себя учащенные выстрѣлы ([1]). Въ 12 ча-

([1]) На третій день, 7-го октября, по возобновленіи бомбардировки (кото-

совъ прекратился огонь непріятельскихъ батарей съ сухаго пути, но со стороны моря приближались корабли въ очень большомъ числѣ. Сколько именно—мы не считали, потому что было некогда, да и не къ чему. О соразмѣрности силъ невозможно было и думать: слѣдовало сражаться съ врагами, сколько бы ихъ ни было.

Корабли, сблизившись съ батареями на самый далекій выстрѣлъ, именно до 1,500 саж., разсыпались вѣеромъ и подходили въ разныхъ направленіяхъ, при чемъ паровые корабли шли впереди всѣхъ, чтобы занять основную линію общей позиціи боеваго порядка, заранѣе предположенной и избранной для атакующаго флота ([1]). У всѣхъ кораблей, въ томъ числѣ даже и у парусныхъ, рангоутъ былъ снятъ на двѣ трети высоты, т. е. до самыхъ марсовъ. Паруса и прочія снасти, для управленія ими, были также совершенно сняты. Для буксированія парусныхъ кораблей, къ каждому изъ нихъ, были принайтовлены съ боку ([2]), съ лѣвой стороны, пароходы, такимъ образомъ, что только носовая часть парохода выдавалась немного изъ за носо-

---

рой 6-го октября не было), херсонесская батарея взорвана удачно попавшими въ нее, одна въ слѣдъ за другою, двумя 5-пуд. бомбами. Бомбы эти были брошены почти одновременно съ батареи № 10 и бастіона № 6, а потому взрывъ приписывали себѣ оба эти укрѣпленія, и георгіевскіе кресты за него были высланы и въ то, и въ другое. Объ этомъ взрывѣ не упоминается, однако, въ „Описаніи обороны Севастополя“, а сказано только на страницѣ 340, что батарея эта не открывала огня и, повидимому, была оставлена, по невыгодному своему положенію. Съ батареи Херсонесскаго мыса дѣйствовали морскія орудія съ прислугою изъ моряковъ. Одного изъ нихъ я встрѣтилъ, по окончаніи войны, посѣщая городокъ у Камышевой бухты, устроенный французами изъ деревянныхъ бараковъ и названный ими „Camiech“, въ которомъ находилось множество café chantant и магазиновъ съ разнаго рода товарами, церковь и театръ. Французъ-морякъ остановилъ меня, любопытствуя узнать, какой у меня крестъ и гдѣ я заслужилъ его. Когда я сказалъ ему, что заслужилъ крестъ св. Георгія на батареѣ № 10, или на карантинномъ фортѣ, какъ называли его французы, на которомъ находился 11 мѣсяцевъ, то морякъ, заявивъ, что и онъ также 11 мѣсяцевъ находился на батареѣ противу этого форта, съ увлеченіемъ, свойственнымъ французу, не находилъ словъ, чтобы выразить мнѣ свое сочувствіе. Трудно представить себѣ пріемъ болѣе задушевный. Онъ былъ такъ обрадованъ, какъ будто встрѣтилъ стараго друга, съ которымъ провелъ лучшіе дни своей жизни, дѣлилъ опасность и славу.

([1]) См. планъ II.

([2]) Принайтовлены—морской терминъ, означающій скрѣплены, связаны.


ПЛАНЪ
Атаки Севастопольскихъ батарей,
Французскимъ, Англійскимъ и Турецкимъ флотамъ;
5 Октября 1854 года.
Объясненіе плана:
Корабли въ движеніи до атаки
при началѣ атаки
при вторичной атакѣ
Затопленные корабли
Направленіе выстрѣловъ съ кораблей
съ батарей
Направленіе движенія кораблей
Орудія на батареяхъ
Мортиры
Паровые
Буксируемые съ боку Пароходами
Альбіонъ
Лондонъ
Терполь
Аретуза
Самсонъ
Санспарейль
Агамемнонъ
Родней
Беллерофонъ
Куинъ
Вандженсъ
Трафальгаръ
Британія
Везувій
Батарея Карташевскаго.
Батарея Константиновская.
ГЛАВНАЯ
СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ
БУХТА
Затопленные корабли
Шерифъ
Махмудъ
Юпитеръ
Наполеонъ
Баяръ
Генрихъ IV
Сюффренъ
Вальми
Жанъ-Баръ
Г. Парижъ
Маренго
Фридландъ
Алжиръ
Монтебелло
Шарлемань
Батарея Александровская
Батарея № 10
Кавальеръ
Батарея Шемякина
Батарея № 7
ГОРОДЪ
СЕВАСТОПОЛЬ
Бастіонъ № 6.
Французск. Херсонесская Батарея.

вой части корабля. Для связи корабля съ пароходомъ служили, по всей вѣроятности, снятыя части мачтъ, переложенныя изъ корабельныхъ портовъ на палубу парохода и достаточно укрѣпленныя, какъ на кораблѣ, такъ и на пароходѣ. Чрезъ это корабль составлялъ одно цѣлое съ пароходомъ и двигался вмѣстѣ съ нимъ довольно свободно, хотя, конечно, далеко не такъ скоро и не съ такою поворотливостію, какъ паровой корабль.

Первымъ вступилъ въ сферу выстрѣловъ паровой корабль «Шарлемань», приближавшійся къ лѣвому флангу батареи № 10, придерживаясь такъ близко къ берегу, какъ позволяла только глубина моря. Здѣсь онъ могъ подвергаться огню только трехъ орудій лѣваго исходящаго закругленнаго угла этой батареи. У орудій этихъ, для стрѣльбы на элевацію, были отрѣзаны до половины средніе лафетные брусья съ подъемными винтами и ихъ матками. Быть можетъ отраженія лучей свѣта у берега, освѣщавшее весьма ясно корабль, было причиною, что онъ казался намъ несравненно ближе, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Корабли, обыкновенно проходившіе по фарватеру, не далѣе какъ въ 500 саженяхъ отъ батарей, никогда не были видимы нами такъ ясно, съ такою отчетливостію подробностей, какъ непріятельскій корабль у берега: между тѣмъ даже снаряды орудій, поставленныхъ на элевацію, едва доставали до этого корабля. Но корабль продолжалъ еще подвигаться впередъ и саженяхъ въ 700, когда огонь батареи сдѣлался осязательнымъ, чтобы не подвергать себя продольнымъ выстрѣламъ, поворотился кормою къ берегу и подходилъ все ближе и ближе къ батареѣ, подвигаясь косвенно къ ней, то заднимъ ходомъ, подвигая впередъ корму, то давая опять обыкновенный ходъ, чтобы податься къ батареѣ носовою частію.

Предвидя бой на близкую дистанцію, нужно было установить подъ орудія бруски и клинья, замѣнявшіе отрѣзанный винтъ. Работа эта отняла у насъ столько времени, сколько необходимо было кораблю для приближенія на разстояніе 450—500 саж. отъ батареи, въ такомъ направленіи, что противъ него было можно стрѣлять съ батареи

№ 10 только изъ трехъ 1-пуд. единороговъ и одного ½-пуд., предназначеннаго для обстрѣливанія карантинной бухты.

Въ то же время подходили и другіе паровые корабли и занимали позицію каждый съ заранѣе опредѣленною цѣлію. Такъ, 90-пушечный корабль «Шарлемань» имѣлъ цѣлію подойти какъ можно поближе, со стороны берега, къ лѣвому флангу батареи № 10-й, чтобы обстрѣливать ее съ тыла и уничтожить сообщенія ея съ городомъ и даже съ главнымъ хранилищемъ снаряженныхъ бомбъ, находившемся внутри двора батареи саж. въ 50—100 позади орудій. Корабль этотъ, съ вооруженіемъ одного борта въ 45 орудій, имѣлъ дѣло только съ четырьмя нашими орудіями. Но къ нему присоединился еще 80-пушечный парусный корабль «Марсель», буксированный съ боку пароходомъ «Панама», неимѣвшій противу себя ни одного дѣйствующаго орудія. Такимъ образомъ, отъ 85 до 87 орудій, считая и орудія носовой части парохода «Панама», поражали батарею № 10-й въ тылъ и флангъ, имѣя противъ себя лишь 4 единорога, т. е. по одному противъ 21 — 22 орудій непріятельскаго флота.

Паровой 120-пушечный корабль «Монтебелло», подошедшій вслѣдъ за кораблемъ «Шарлемань», имѣлъ противъ себя только 7 орудій лѣваго фаса правой исходящей части батареи № 10, отстоявшихъ отъ него въ 525—550 саж. Между тѣмъ, онъ самъ, ставъ по продолженію праваго фаса лѣвой исходящей части батареи, могъ анфилировать его по всему протяженію, лишь съ разстоянія 450 саженъ.

Лѣвѣе «Монтебелло», въ разстояніи отъ него въ 100—150 саж., прямо противъ середины батареи № 10, въ 500 саж. отъ нея, помѣстились паровые корабли, «Городъ Парижъ» (120 орудій) и «Жанъ-Баръ» (90 орудій); второй изъ нихъ имѣлъ цѣлію взять во флангъ и въ тылъ Александровскую батарею, также какъ корабль «Шарлемань» батарею № 10; первый предназначался анфилировать лѣвый фасъ лѣвой исходящей части батареи № 10 и демонтировать ея средніе фасы. Этотъ корабль, имѣвшій на одномъ бортѣ 60 орудій, подвергался огню лишь 11 пу-

шекъ 36 фунт., съ средняго фаса батареи № 10, противоположнаго входу въ батарею, стрѣлявшихъ только ядрами, слѣдовательно, безъ разрывнаго дѣйствія, могущаго наносить ощутительный вредъ кораблямъ. Противъ втораго могли дѣйствовать лишь 6 орудій прямаго средняго фаса батареи № 10 и одинъ единорогъ съ закругленія правой исходящей части ея. Съ Александровской батареи могло быть направлено противу перваго не болѣе двухъ орудій съ закругленной части земляного фаса на ея лѣвомъ флангѣ и 5-ти съ того же фаса противу корабля «Жанъ Баръ». Но, замѣтивъ на кораблѣ «Парижъ» флагъ адмирала, большинство этихъ орудій сосредоточило свои выстрѣлы исключительно на немъ.

Еще лѣвѣе на 200 саж. паровой корабль «Наполеонъ», о 92 орудіяхъ, занялъ позицію въ 650 саж. противу земляныхъ фасовъ Александровской батареи, съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя чрезъ эти фасы въ тылъ батареи, уничтожить сообщеніе ея съ городомъ и, отвлекая на себя огонь этихъ фасовъ, не допустить Александровскую батарею дѣйствовать противу кораблей, атакующихъ батарею № 10-го. Противу корабля «Наполеонъ» могло быть направлено 9 орудій съ земляного фаса Александровской батареи (¹), два орудія изъ казематовъ Константиновской батареи и два или три съ ея платформы, а также одно орудіе съ закругленія лѣвой исходящей части батареи № 10. Другое орудіе съ этого закругленія, направленное въ него, было подано на столько влѣво, что, послѣ каждаго выстрѣла, лѣвый роульсъ подъ его поворотною плаформою соскакивалъ съ дугообразной полосы и колоды подъ нею, угрожая при дальнѣйшей стрѣльбѣ опрокинутіемъ орудія, почему стрѣльба изъ него была остановлена. При первыхъ выстрѣлахъ съ кораблей у орудія этого раздробило лѣвую вертикальную станину лафета, и хотя орудіе удерживалось

(¹) Орудія изъ казематовъ Александровской батареи и съ платформы надъ ними не могли быть направлены на столько влѣво, чтобы дѣйствовать по кораблю „Наполеонъ". Онъ установился именно такимъ образомъ, чтобы быть внѣ выстрѣловъ изъ этихъ казематовъ и съ платформы.

еще на оковкѣ, обнимавшей станину, но уже вовсе не могло служить для стрѣльбы.

Отъ батарей № 7 и 8 подошедшіе непріятельскіе корабли находились въ разстояніи 850—900 саж., съ котораго огонь ихъ могъ имѣть только ничтожную дѣйствительность. Кромѣ того, стрѣльба ихъ чрезъ Александровскую батарею съ тыла надъ головами прислуги сильно безпокоила эту прислугу, считавшую себя далеко небезопасною, по недовѣрію къ искуству и сдержанности сборныхъ командъ, дѣйствовавшихъ при орудіяхъ на батареяхъ № 7 и 8.

Такимъ образомъ, даже для встрѣчнаго дѣйствія противу каждаго изъ подходившихъ первыхъ кораблей, могло быть сосредоточиваемо среднимъ числомъ не болѣе 10 орудій съ средняго разстоянія 550 саж. Но огонь и этихъ немногихъ орудій не былъ дѣйствителенъ на столько, какъ это могло бы быть при извѣстномъ разстояніи до непріятеля и при его остановкѣ. Чтобы раздѣлить и затруднить огонь съ батарей, корабли входили подъ выстрѣлы постепенно съ лѣваго фланга, какъ бы эшелонами и въ значительномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Немногіе пробные выстрѣлы, которые успѣвали сдѣлать при этомъ батареи, разсѣевались на большомъ пространствѣ. По случаю же скораго хода кораблей, для каждаго послѣдующаго выстрѣла приходилось пріискивать новый уголъ возвышенія и измѣнять не только высоту прицѣла, но и направленія орудія въ стороны по горизонту. Даже по сближеніи съ батареями на желаемую дистанцію, корабли не только не становились на якорь или шпрингъ, а уменьшали лишь пары и продолжали передвигаться то впередъ, то назадъ, то въ сторону, для выбора себѣ наиудобнѣйшей позиціи въ отношеніи къ батареямъ.

Между тѣмъ въ сферу дѣйствія батарей входили постепенно парусные корабли, буксируемые пароходами, которые, пользуясь тѣмъ, что выстрѣлы батарей были направлены исключительно на подошедшіе уже паровые корабли, могли подойти несравненно ближе къ батареямъ, не подвергаясь продольному огню съ батарей, особенно вредоносному для корабля. При направленіи же огня и на

нихъ, кромѣ разсѣянія выстрѣловъ, терялась бы возможность пристрѣлять орудія, то есть опредѣлить по нѣсколькимъ начальнымъ выстрѣламъ разстояніе до кораблей и зависящую отъ него высоту прицѣла, а также удобнѣйшее направленіе орудій въ сторону по горизонту. Нужно прибавить еще, что подобная разсыпная атака кораблей вовсе не ожидалась и никѣмъ не была предвидима, потому не было сдѣлано заранѣе никакихъ распоряженій или наставленія орудійной прислугѣ. Общая же команда батареею и даже отдѣльными фасами ея, стрѣлявшими въ разныхъ направленіяхъ, въ этомъ случаѣ была невозможною и едва ли могла быть услышана за непрерывною пальбою. Поэтому каждый наводчикъ дѣйствовалъ или какъ ему вздумается, или просто какъ попало. Офицеровъ на 8 или 9 отдѣльныхъ частей батареи № 10 и 58 орудій вооруженія было не болѣе, какъ 4 или 5, считая и коменданта батареи. Даже фейерверкеровъ было не больше, какъ по одному на 3, 4 и 5 орудій. Слѣдовательно, большинство наводчиковъ дѣйствовало самостоятельно и независимо [1]. Подобная-то общая неподготовленность, при неожиданности и быстротѣ нападенія, была основою убѣжденія моряковъ въ возможности форсированій и побѣдъ надъ сухопутными батареями, объясняемыхъ, впрочемъ, короче и прямѣе всего русскою пословицею: *смѣлость города беретъ*.

Скоро промежутки между паровыми кораблями заняли парусные, буксируемые бокъ о бокъ связанными съ ними пароходами. «Марсель» съ «Панамой», какъ мы сказали уже, сталъ между кораблями «Шарлемань» и «Монтебелло», Между этимъ послѣднимъ и кораблемъ «Парижъ» заняли мѣсто корабли «Алжиръ» (80 оруд.), «Фридландъ» (120) и «Маренго» (80), буксируемые пароходами «Магелланъ»

---

(1) Отсюда само собою вытекаетъ заключеніе о необходимости наибольшаго индивидуальнаго развитія крѣпостнаго артиллериста, не только въ боевомъ, но и въ обще-образовательномъ значеніи. Необходимо, чтобы вся орудійная прислуга была, по крайней мѣрѣ, грамотною, хорошо знакомою съ цифрами и счетомъ и находчивою для случаевъ независимаго дѣйствія, могущихъ часто повторяться въ артиллерійскомъ бою, въ особенности же на береговыхъ батареяхъ.

(14 оруд.), «Вобанъ» (20) и «Лабрадоръ». Всѣ эти корабли и пароходы, не менѣе какъ съ 307 орудіями вооруженія одного борта, назначались анфилировать батарею № 10 съ фланга и дѣйствовать по ней фронтально. Противъ нихъ, съ укрѣпленій Севастополя, дѣйствовали, какъ сказано выше, всего только 12 орудій, направленныхъ собственно въ паровые корабли «Шарлемань» и «Монтебелло». Прочіе затѣмъ не имѣли противу себя ни одного дѣйствующаго съ батарей орудія.

Корабль «Парижъ» (120 ор.) и «Жанъ-Баръ» (90) дѣйствовали во флангъ и тылъ Александровской батареи, и фронтально по батареѣ № 10. Помѣстившіеся между ними и кораблемъ «Наполеонъ» парусные корабли: «Вальми» (120), «Сюффренъ» (90), «Генрихъ IV» (100) и «Бояръ» (90), буксируемые съ боку пароходами: «Декартъ» (20 ор.), «Альбатусъ», «Канада» и «Ореноко», съ неизвѣстнымъ числомъ орудій, дѣйствовали первые по батареѣ № 10 съ фронта, а послѣдніе два по Александровской батареѣ съ фланга, не менѣе какъ 314 орудіями одного борта. Противу нихъ стрѣляли, какъ сказано уже, 18 орудій съ батареи № 10 и 6 съ Александровской, всего 24 орудія, направленныя также исключительно на паровые корабли «Парижъ» и «Жанъ Баръ». Противу прочихъ кораблей не было ни одного стрѣлявшаго орудія.

Наконецъ за кораблемъ «Наполеонъ» (92 оруд.) заняли позицію парусные корабли: французскій «Юпитеръ» съ 90 орудіями, буксируемый пароходомъ «Коломбъ», и турецкіе 80 ор. «Махмудъ» и «Шерифъ», также буксируемые пароходами, имена и вооруженія которыхъ намъ неизвѣстны. Всѣ эти корабли, носившіе на одномъ бортѣ не менѣе 180 орудій, назначались для обстрѣливанія косвенно — фронтальными выстрѣлами Александровской батареи. По кораблю «Наполеонъ», какъ сказано, стрѣляли: 9 орудій съ батареи Александровской, 3 съ № 10 и 4 съ Константиновской. По кораблямъ «Юпитеръ», «Махмудъ» и «Шерифъ» могли открыть огонь съ разстоянія 650—700 саж. 26 орудій казематированной части Александровской батареи и еще 4 орудія съ закругленія, четыре съ праваго крыла офицер-

скаго флигеля Константиновской батареи, всего до 33 орудій. Но корабли эти подошли послѣдними предъ самымъ открытіемъ общаго огня съ флота, почему не было времени хотя сколько-нибудь пристрѣлять наши орудія, дѣйствовавшія съ весьма большихъ дистанцій невѣрно и безъ всякой возможности исправить наведеніе по результатамъ первыхъ выстрѣловъ. Сюда же могли быть направлены до 8 орудій съ одного изъ фасовъ батареи № 8, но огонь ихъ съ разстоянія болѣе 850 саж., при невозможности провѣрить наведеніе, дававшій едва ли болѣе двухъ-трехъ процентовъ попадавшихъ выстрѣловъ, былъ болѣе нежели ничтоженъ. Между тѣмъ снаряды, бросаемые съ кораблей противу батарей № 10 и Александровской и перелетавшіе черезъ нихъ, рикошетируя по мѣстности, попадали въ громадномъ числѣ на батареи № 7 и 8, какъ бы сосредоточивались въ нихъ и поражали орудія и прислугу.

Расположеніе кораблей и направленіе съ нихъ огня, а также направленія выстрѣловъ съ различныхъ фасовъ батарей по кораблямъ показаны на прилагаемомъ планѣ № 2.

На планѣ этомъ ясно видно расположеніе французскихъ кораблей, охватывающее двѣ южныя батареи почти со всѣхъ сторонъ и дающее притомъ возможность сосредоточивать направленные противу нихъ выстрѣлы на третьей батареѣ. Такое расположеніе нельзя не признать чрезвычайно выгоднымъ, глубоко обдуманнымъ и отлично выполненнымъ. Очевидна также и цѣль этого расположенія. Шестнадцать линейныхъ кораблей, большею частію 3-хъ дечныхъ, съ 11 буксирующими пароходами, носящихъ вооруженіе свыше 1,600, а на одинъ бортъ не менѣе 800 орудій были противопоставлены едва 73 и считая 11 орудій сѣверной стороны и дѣйствовавшія безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ 8—12-фунт. орудій батареи № 8—всего 92—960 орудіямъ. Будучи отъ 8 до 10 разъ сильнѣе батарей, непріятельскій флотъ, конечно, имѣлъ возможность, если не вовсе уничтожить, то совершенно ослабить обѣ внѣшнія батареи № 10 и Александровскую, нанеся вмѣстѣ съ тѣмъ значительное пораженіе и батареямъ № 7 и 8. Притомъ большинство выстрѣленныхъ снарядовъ, проно-

спвшееся за батареи, совершенно отрѣзывало сообщенія этихъ батарей съ городомъ и давало возможность, при успѣхѣ бомбардированія, легко овладѣть ими, а въ особенности батареею № 10, съ сухаго пути, пользуясь содѣйствіемъ флота. Колоссальная сила въ 50 или 60 тысячъ выстрѣловъ, преимущественно разрывными снарядами, казалась на столько громадною, шансы на успѣхъ на столько вѣрными, что предполагалось излишнимъ, дѣйствуя съ болѣе близкаго разстоянія, подвергать корабли неминуемымъ поврежденіямъ выстрѣлами съ батарей. Считали достаточнымъ занять позицію на средней дистанціи 450—650 саж., съ которой выстрѣлы, противу такой громадной цѣли какъ батарея, еще достаточно дѣйствительны, тогда какъ дѣйствительность выстрѣловъ съ батареи, на этомъ разстояніи, уменьшалась по крайней мѣрѣ на половину. Притомъ каждому изъ кораблей былъ приданъ паровой движитель, дававшій возможность выводить его изъ боя при сколько нибудь значительныхъ поврежденіяхъ или передвинуться съ боевой линіи, уклоняясь съ мѣста, на которомъ наиболѣе сосредоточиваются выстрѣлы съ батарей. Для этого, чтобы не стѣснять дѣйствія другъ друга, корабли построились въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ, какъ показано на планѣ, что дѣлало выходъ изъ линіи и вообще движеніе каждаго корабля совершенно свободнымъ и независимымъ.

Съ подобною же цѣлію, такъ же выгодно и глубоко обдуманно, но еще съ большимъ знаніемъ дѣла и съ большими шансами на несомнѣнный успѣхъ, расположилась англійская эскадра, атаковавшая сѣверныя внѣшнія батареи

Противу Константиновской батареи заняли позицію, въ среднемъ разстояніи 550 саж., парусные корабли: «Британія (120 орудій), «Трафальгаръ» (120), «Венджэнсъ» (84), «Кинъ» (116) и «Беллерофонъ», буксируемые съ боку пароходами: «Фюріусъ» (16 оруд.), «Ретребюшенъ» (28), «Гигорлеръ» (21), «Везувій» (6) и «Циклопъ» (6). Всего 595 орудій, или на одинъ бортъ не менѣе 280 орудій. Противу нихъ могло быть обращено съ Константиновской батареи только не болѣе 18 орудій, т. е. въ 15 разъ меньше.

Хотя такое превосходство въ числѣ орудій само собою вполнѣ гарантировало несомнѣнный успѣхъ для флота, но, чтобы еще болѣе увеличить его, отдѣльная эскадра судовъ была направлена со стороны мыса Лукуллъ къ батареямъ Волоховой и Карташевскаго, какъ для отвлеченія огня этихъ батарей отъ главной эскадры, такъ и для дѣйствія по Константиновской батареѣ съ фланга и съ тыла.

Изъ нихъ корабль «Альбіонъ» (90 оруд.), буксируемый пароходомъ «Фиребрандъ», ставъ въ 350 саж. отъ Волоховой башни, противу ея фронта, обстрѣливалъ ее изъ 45 орудій своего борта. Ему могли отвѣчать только пять орудій: съ двухъ угловъ и трехъ сторонъ этой башни. Остальныя три орудія, стоявшія за парапетомъ на поворотныхъ платформахъ съ полнымъ круговымъ оборотомъ, хотя и могли быть направлены къ сторонѣ моря, но употреблять ихъ къ бою было невозможно, такъ какъ пришлось бы стрѣлять черезъ головы прислуги переднихъ орудій, въ 15—20 саж. отъ нея, рискуя поражать ее, если не самыми снарядами, то дѣйствіемъ газовъ, весьма сильнымъ на такомъ маломъ разстояніи.

Корабль «Лондонъ» (90), буксируемый пароходомъ «Нигеръ» съ 14 орудіями, ставъ на продолженіи праваго фаса Константиновской батареи, анфилировалъ платформу этого фаса надъ казематами во всю ея длину изъ 45—50 орудій одного борта, подвергаясь огню лишь одного правофланговаго орудія съ батареи Карташевскаго. Фрегатъ «Аретуза» (50), буксируемый пароходомъ «Тритонъ» (3), занялъ позицію противу фронта батареи Карташевскаго, дѣйствуя по ней фронтально 25 орудіями противу трехъ; корабль «Родней» (90), буксируемый пароходомъ «Спитефэалъ» (6), паровые корабли «Агамемнонъ» (90) и «Санпарель» (81), а также пароходы «Террибль» (20) и «Самсонъ (6), занявъ секторъ позади Константиновской батареи, почти вовсе не обстрѣливаемой орудіями съ берега, дѣйствовали по этой батареѣ изъ 147 — 150 орудій одного борта. Изъ нихъ только по кораблю «Санпарель» могло дѣйствовать одно орудіе съ батареи Карташевскаго и три съ тыльной части лѣваго крыла офицерскаго флигеля Константиновской бата-

реи. Но, по высокому положенію мѣстности предъ ними, не дававшей возможности понижать орудія, выстрѣлы попадали только въ верхнюю часть корабля, поражая по преимуществу его прислугу, а не корпусъ. Вотъ почему на этомъ кораблѣ, при маломъ числѣ пробоинъ въ корпусѣ, произошла значительная потеря въ людяхъ.

На корабли «Роднеи», «Санпарель» и «Агамемнонъ» могли быть направлены 28 орудій съ батареи № 7 и 8, но какъ батареи эти отстояли на 900—1000 саж., то огонь ихъ былъ уже самъ по себѣ совершенно ничтоженъ. Кромѣ того онъ былъ затрудненъ еще тѣмъ, что корабли подошли къ Константиновской батареѣ уже въ то время, когда французская эскадра открыла усиленный огонь по южнымъ батареямъ изъ 800 орудій своего борта. Въ дыму выстрѣловъ такой многочисленной артиллеріи, движенія и дѣйствія судовъ, атаковавшихъ сѣверныя батареи, вовсе не были видимы батареями южной стороны. Оттого съ праваго фаса лѣвой исходящей части батареи № 10, находившейся также въ 900—1000 саж. отъ англійской эскадры, не было и не могло быть сдѣлано по ней ни одного выстрѣла. По цѣли, находившейся въ такомъ громадномъ разстояніи, и притомъ совершенно невидимой, стрѣльба съ названнаго фаса, фланкированнаго во всю его длину, съ дистанціи 450 саж., двумя или тремя кораблями, было бы не только безполезнымъ расходомъ зарядовъ и снарядовъ, но и людей, гибель которыхъ въ этомъ случаѣ была-бы неизбѣжною; потому они, какъ необходимыя при другихъ орудіяхъ, защищавшихъ собственную батарею, были сведены съ этого фаса въ самомъ началѣ боя.

Такъ же точно и по тѣмъ же самымъ причинамъ и Александровская батарея не могла обратить своего огня на весьма дальніе и притомъ невидимые корабли англійской эскадры, будучи сама поражаема болѣе близкими къ ней французскими кораблями и отбиваясь отъ нихъ всѣми своими средствами, и безъ того далеко уступавшими громаднымъ средствамъ непріятеля. Даже французскіе корабли, расположенные слишкомъ косвенно къ ней, на столько скрывались въ дыму выстрѣловъ, что она по временамъ

умѣряла свой огонь, чтобы разглядѣть непріятеля, и дѣйствовала гораздо медленнѣе, нежели другія передовыя батареи. Изъ участвовавшихъ въ бою 41 орудія, она сдѣлала около 3,500 выстрѣловъ, т. е., среднимъ числомъ, около 85 выстрѣловъ на орудіе. Батареи же № 10 и Карташевскаго выпустили среднимъ числомъ отъ 200 до 240 выстрѣловъ изъ каждаго орудія, а Константиновская и Волохова, не смотря на стѣсненія дѣйствія изъ орудій въ казематахъ, сквозь узкія амбразуры и на тѣсной платформѣ за парапетомъ — отъ 100 до 140 выстрѣловъ на орудіе.

Еще гораздо медленнѣе и нерѣшительнѣе была стрѣльба съ батарей № 7 и 8. Онѣ сдѣлали среднимъ числомъ едва по 45 выстрѣловъ изъ орудія, въ теченіе 6 часовъ боя. Эти батареи дѣйствовали усиленно, лишь въ самомъ началѣ боя, при общемъ увлеченіи прислуги; по распространеніи дыма, при совершенной неизвѣстности результатовъ стрѣльбы, они ограничивались только рѣдкими выстрѣлами по направленію фарватера, чтобы не допустить непріятельскіе корабли, пользуясь дымомъ, слишкомъ много приблизиться къ бухтѣ и передовымъ батареямъ. Однимъ словомъ, дѣйствіе этихъ батарей, также какъ и внутреннихъ, Николаевской, Михайловской, № 4 и Павловской,— было только, такъ сказать, охранительное, на всякій случай, безъ ясно опредѣленной цѣли и результата. Стрѣльба, вызванная въ началѣ только однимъ увлеченіемъ прислуги, была остановлена на дальнихъ батареяхъ, но съ № 7 и 8 продолжалась, по временамъ учащаясь при осязательномъ усиленіи непріятельскаго огня, когда снаряды во множествѣ попадали на батарею, или перелетали, черезъ нее, и уменьшаясь при уменьшеніи полета ихъ. Вводить орудія батарей № 7 и 8 въ счетъ дѣйствовавшихъ по непріятельскому флоту, было бы также неправильно, какъ и считать, что внутреннія батареи, Николаевская, Михайловская и другія, принимали участіе въ атакѣ 5-го октября. Мортиры, для наведенія которыхъ въ подвижную цѣль не было рѣшительно никакихъ средствъ, а для пристрѣлки, до закрытія кораблей дымомъ, было очень мало

времени, хотя и стрѣляли также въ этомъ бою, именно съ батареи № 10 и 4, сдѣлавшіе по 30 — 40 выстрѣловъ и съ № 8 и 10 — по 12 — 13 выстрѣловъ, но они стрѣляли тоже совершенно на удачу, на случай, на авось, а потому въ разсчетъ дѣйствовавшихъ орудій вводимы быть не могутъ. Тоже должно сказать и объ элевационныхъ бомбовыхъ пушкахъ, стрѣлявшихъ съ батареи № 10 ([1]).

Для большей наглядности, изобразимъ средства обоихъ сражавшихся сторонъ въ видѣ параллельной таблицы. Въ ней показаны только тѣ орудія батарей, которыя дѣйствительно принимали серьезное участіе и причислены къ стрѣлявшимъ съ флота орудіямъ носовой части буксирныхъ пароходовъ, примѣрно по три, хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли вооруженіе въ 20 и болѣе орудій.

Правый флангъ непріятеля. ФРАНЦУЗСКАЯ ЭСКАДРА.	Число орудій одного борта.	По какимъ батареямъ и съ какого разстоянія дѣйствовали.	Съ какихъ батарей сколько дѣйствовало противъ нихъ орудій.		Съ какого разстоянія.
Паровой корабль Шарлемань	45	По батареѣ № 10 съ разстоянія 450 саж. во флан. и тылъ.	Съ № 10	4	450 с.
Парусный кор. Марсель	40		Ни одного орудія.		
Буксирный пароходъ Панама съ носовой части	3				
Паровой кор. Монтебелло.	60		Съ № 10	1	450 с
				7	525—550 с.
Парусный кор. Алжиръ	40	По той же батареѣ съ разстоян. 500 саж. во флан.	Ни одного орудія.		
Буксирный парох. Магеллanъ	3				
Парусный кор. Фридландъ.	60				
Буксирный пар. Вобанъ	3				
Парусный кор. Маренго	40				
Буксирный пароходъ Лабрадоръ	3	По батареѣ № 10 съ разстоянія 500 с. во флангъ.	Ни одного орудія.		

([1]) Единственная услуга ихъ заключалась, быть можетъ, въ томъ, что непріятель, далекими ихъ выстрѣлами, былъ приведенъ въ заблужденіе и, ошибаясь въ разстояніи, занялъ позицію внѣ удачнаго дѣйствія своихъ гладкостѣнныхъ орудій. Можно полагать, что это одна изъ вѣрныхъ причинъ атаки съ разстоянія 450—650 саж., объясняемой гораздо проще ошибкою, нежели намѣреніемъ.

Паровой кор. Парижъ	60	Фронтально по батареѣ № 10 съ 500 с. и во флангъ ея.	Съ № 10 1 11 Съ Александровской 6	450 с. 500 с. 650 с.
Парусный кор. Вальми	60	По батареѣ № 10 съ средняго разстоянія 525 саж. фронтально.	Ни одного орудія	
Буксирный пар. Декартъ	3			
Парусный кор. Сюффрелъ	45			
Буксирный парох. Альбатрусъ	3			
Парусный корабль Генрихъ IV	50			
Буксирный пар. Канада	3			
Парусный кор. Баяръ	45			
Буксирный пар. Ореноко	3			
Паровой корабль Наполеонъ	46	По Александровской б. съ 625 саж. во флангъ.	Съ № 10 2 Съ Александровской 9 Съ Конст. 4	575—600 с. 625 с. 625 с.
Паровой корабль Жанъ-Баръ	45	По Александровской батар. съ 650 с. во флангъ.	Съ № 10—6—550 саж.	
Парусный кор. Юпитеръ	45	По Александровской батареѣ съ 650 675 саженъ фронтально.	Ни одного орудія.	
Буксирный пар. Коломбъ	3			
Турецкій парусный кор. Махмудъ	40		Съ Александровской 20	675 с.
Буксирный пароходъ	3			
Турецкій парусный кор. Шерифъ	40		Съ Константиновск. 4	600 „
Буксирный пароходъ	3		3	625 „
Всего	794	Съ средн. разстоянія 545 с.	Всего 84	Съ средн. разстоянія 600 с.

Изъ этой таблицы видно, что противу 794 орудій одного борта французской эскадры, обстрѣливавшей южныя батареи, съ средняго разстоянія 545 саж., дѣйствительно могли участвовать въ бою только 84 орудія, съ средняго разстоянія 600 саж. Если же прибавить къ нимъ еще 12 орудій съ батарей № 7 и 8, выстрѣлы которыхъ случайно могли долетать до флота, съ разстоянія свыше 850 саж., то дѣйствіе южныхъ батарей, по французской эскадрѣ, выразится числомъ 96 орудій и среднимъ разстояніемъ 630 саженъ.

Такимъ образомъ, превосходство непріятельскаго флота заключалось не только въ одномъ числѣ орудій, превышавшемъ отъ 8 до 9 разъ число орудій на батареяхъ, но и въ среднемъ разстояніи, съ котораго дѣйствовали корабли, и, наконецъ, въ калибрахъ орудій и охватывающемъ расположеніи ихъ, дававшемъ возможность кораблямъ, стрѣляя

по батареѣ № 10 и Александровской, поражать въ тоже время и тѣми же самыми выстрѣлами батареи № 7 и 8.

Еще изумительнѣе было превосходство англійской эскадры, атаковавшей сѣверныя батареи. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

Лѣвый флангъ непріятеля. Главная англійская эскадра. *парусные корабли.*	*буксирные пароходы.*	Число орудій одного борта.	По какимъ батареямъ и съ какого разстоянія стрѣляли.	Съ какихъ батарей и сколько дѣйствовало противъ нихъ орудій.	Съ какого разстоянія.
Британія		60	По Константиновской батареѣ съ разстоян. 500 саж. косвенно фронтальными выстрѣлами.	Съ Константиновск. батареи 15	
	Фюріусъ	3			
Трафальгаръ		60			
	Ретребюшенъ	3			
Венедженсъ		42			
	Гигфлеръ	3			
Ксенъ		58			500 с.
	Везувій	3			550 с.
Беллерофонъ		39			
	Циклопъ	3			
Отдѣльная эскадра.					
Альбіонъ		45	По Волоховой башнѣ съ 325 саженъ фронтально.	Съ Волоховой баши. 5	325 с.
	Фиребрандъ	3			
Лондонъ		45	По Константиновск. батареѣ въ 500 с. во флангъ.	Съ батареи Карташевскаго. 1	300 с.
	Нигеръ	3			
Аретуза		25	По батареѣ Карташевскаго съ 275 с. фронтально.	Съ батареи Карташевскаго. 3	275 с.
	Тритонъ	3			
Родней		45	По Константиновск. батареѣ съ 330 саж. въ тылъ.	Ни одного орудія.	
	Спитефааль	3			
Агамемнонъ		45	По Константиновск. батареѣ съ 350 с. въ тылъ.	Съ батареи Карташевскаго. 1	325 с.
Санпарель		41		Съ Константиновск. батареи. 3	375 с.
	Террибль	11		Ни одного орудія.	
	Самсонъ	3			
	Всего	546	Съ ср. разстоян. 430 с.	Всего 31	Съ разстоянія 445 саж.

Такимъ образомъ число орудій обѣихъ англійскихъ эскадръ было болѣе числа орудій на сѣверныхъ батареяхъ почти въ 18 разъ. Если же считать 28 орудій съ батарей № 7 и 8, случайные выстрѣлы которыхъ могли долетать до главной англійской эскадры съ разстоянія 950—1,000 саж., то дѣйствіе батарей противу кораблей выразится числомъ 59 орудій и среднимъ разстояніемъ до 700 саж. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ, число орудій флота почти въ 10 разъ превосходило число ихъ на батареяхъ при среднемъ разстояніи въ полтора раза меньшемъ и при расположеніи, дававшемъ возможность поражать Константиновскую батарею изъ необстрѣленнаго позади ея сектора во флангъ и въ тылъ.

Въ общемъ итогѣ обѣихъ эскадръ выходитъ, что 1,340 орудій непріятельскаго флота, съ средней дистанціи около 500 саж., имѣли дѣло лишь съ 153 орудіями батарей, дѣйствовавшими съ средняго разстоянія 655 саж., или правильнѣе только съ 115 орудіями, съ средней дистанціи 560 саж., занимая притомъ положеніе охватывающее, дававшее возможность поражать батареи сосредоточенно, дѣйствуя при томъ во флангъ и тылъ ихъ. Въ такомъ положеніи флотъ былъ по меньшей мѣрѣ въ 12 разъ сильнѣе батарей.

Подобное расположеніе и употребленныя непріятелемъ громадныя средства вполнѣ оправдываютъ выраженіе наше въ началѣ этой статьи, что предначертанія къ атакѣ Севастополя 5-го октября и самое веденіе ея отличались искуствомъ и знаніемъ достойными славы моряковъ, называющихъ собя первенствующими. Энергія же и мужество ихъ доказываются дальнѣйшимъ продолженіемъ самаго боя, къ описанію котораго мы обращаемся снова.

Приблизясь къ батареямъ на желаемую дистанцію и остановясь на выгоднѣйшихъ пунктахъ, только подъ паромъ, а не на якоряхъ или шпрингахъ, какъ это дѣлали суда безъ пароваго двигателя, паровые корабли сохраняли совершенное молчаніе, хотя и были поражаемы выстрѣлами съ батарей, мало по малу пріобрѣтавшими достаточную дѣйствительность. Однимъ изъ выстрѣловъ, направ-

ленныхъ изъ лѣваго исходящаго закругленія батареи № 10, былъ сбитъ 3-хъ-цвѣтный національный флагъ надъ кормою корабля «Шарлемань». На батареѣ прокричали «ура!», но корабль тотчасъ же поднялъ другой флагъ на гафелѣ. Корабль этотъ находился такъ близко къ закругленію батареи, что не только цвѣта флага: красный, бѣлый и синій могли быть видимы совершенно ясно, но на палубѣ можно было даже различать людей не вооруженнымъ глазомъ. Возвышеніе по прицѣлу, приданное орудіямъ, при которомъ снаряды ложились въ корабль, соотвѣтствовало разстоянію 450 саж.

Мы не считали портовъ противупоставленнаго намъ корабля, но видѣли, что будемъ имѣть дѣло съ 3-хъ дечнымъ, т. е. приблизительно 100-пушечнымъ кораблемъ, или 50 орудіями одного борта, противу которыхъ у насъ было только 4 орудія, именно три единорога 1 пуд. и одинъ полупудовой.

Скоро къ кораблю «Шарлемань» присоединился еще корабль «Марсель», прибуксированный пароходомъ «Панама». Силы непріятеля удвоились. Четыремъ орудіямъ предстояло защищаться противу 80—90 орудій. Бой предстоялъ рѣшительный, отчаянный, — бой на жизнь и смерть, съ непріятелемъ не только несравненно сильнѣйшимъ, но искуснымъ и мужественнымъ. Самый вопросъ о жизни и смерти дѣлался здѣсь какъ бы второстепеннымъ. Смерть въ бою — славная благородная смерть: ея не боялись, а жаждали. Предстояло гораздо больше. Наша гибель, при легкой побѣдѣ непріятеля, доказала бы міру, что флотъ сильнѣе батарей, моряки выше артиллеристовъ, англо-французы мужественнѣе русскихъ. Слѣдовало защищать честь оружія, духъ войска, свой *esprit de corps*, честь и славу отечества. Нужны были неимовѣрныя усилія, сверхъестественныя средства. Неудивительно, что сердца забились скорѣе, кровь взволновалась сильнѣе, страсти закипѣли, энтузіазмъ достигъ самой высокой степени напряженія. Человѣкъ перересталъ быть человѣкомъ—онъ весь обратился въ увлеченіе. Это увлеченіе было такъ велико, что прислуга для ускоренія стрѣльбы порѣшила вовсе не прикрываться

брустверомъ. Смутно сознавалось, что, при такой громадной силѣ непріятеля, брустверъ былъ ничтожною защитою. Заряжать прикрываясь имъ было бы и безполезно, и неудобно, и медленно, — тогда какъ настояла необходимость стрѣлять какъ можно скорѣе, чтобы быстротою стрѣльбы вознаградить слишкомъ малое число орудій. Сознавалось, что ежели надлежало погибнуть неминуемо, то слѣдовало погибнуть достойно и мужественно, не разсчитывая ни на прикрытія, ни на соразмѣрность силъ, а нанося врагу возможно большее пораженіе, въ высшей степени ускоренною пальбою изъ тѣхъ немногихъ орудій, которымъ приходилось отбиваться отъ непріятеля.

Сознаніе это возникло само собою и также мгновенно выполнено самою прислугою, безъ всякаго посредства или вмѣшательства начальниковъ, безъ всякаго приказанія или наставленія. По свойственной простому русскому человѣку находчивости, артиллерійскіе солдаты мгновенно придумали ускоренный способъ стрѣльбы, избѣгнувъ накатыванія орудій. Послѣ выстрѣла они не подкладывали вовсе гандшпиговъ на боковые брусья поворотныхъ платформъ, для задержанія откатившагося орудія, на такомъ разстояніи, которое необходимо для заряжанія его, прикрываясь брустверомъ. Извѣстно, какъ много труда и усилій, а самое главное времени, совершенно пассивнаго страдательнаго положенія прислуги, бываетъ нужно для того, чтобы накатить заряженное такимъ образомъ орудіе и потомъ, когда оно будетъ уже накачено на мѣсто, навести его и затѣмъ уже сдѣлать выстрѣлъ. Не подкладывая же гандшпиговъ, достигали того, что откатившееся орудіе само собою, по собственной тяжести, накатывалось на мѣсто къ брустверу по наклоннымъ рельсамъ поворотной платформы, такъ скоро, что № 1 съ банникомъ успѣвалъ лишь вскочить на крону бруствера и въ туже секунду начиналъ банить орудіе. За нимъ всходилъ № 2, подававшій зарядъ и снарядъ, по досылкѣ которыхъ орудіе было уже совершенно готово къ выстрѣлу, потому что оно, находясь на мѣстѣ, наводилось во время самаго заряжанія. Чрезъ это достигалась возможность дѣлать выстрѣлы весьма часто, такъ

что въ минуту, или даже скорѣе, успѣвали дѣлать по выстрѣлу всѣ четыре орудія, а въ 6 часовъ времени было сдѣлано отъ 240 до 300 выстрѣловъ каждымъ изъ этихъ орудій. Но нумера прислуги 1-й и 2-й оставались при этомъ почти во все время боя, на кронѣ бруствера, подъ безчисленными выстрѣлами непріятельскихъ батарей, соскакивая съ него лишь въ моментъ производства выстрѣла заряженнымъ ими орудіемъ. Кромѣ величайшей опасности, этотъ способъ стрѣльбы былъ слишкомъ утомителенъ для орудійной прислуги; но ни объ опасности, ни объ утомленіи, въ то время никто не думалъ и не могъ думать.

Приказать прислугѣ дѣйствовать такимъ образомъ, было не только невозможно, но даже и неблагоразумно. Точно также было невозможно и еще болѣе неблагоразумно воспретить такой способъ дѣйствія, какъ единственный, гарантирующій возможность состязанія съ несоразмѣрно сильнѣйшимъ непріятелемъ. Предположеніе, что въ жаркомъ бою, когда страсти находятся въ полномъ разгарѣ, увлеченіе доходитъ до безграничности, можно въ самомъ дѣлѣ что либо приказывать, или воспретить — совершенно неосновательно. Мгновенная рѣшимость самихъ солдатъ, главнѣйшей дѣйствующей силы, обыкновенно сама собою опредѣляетъ тотъ или другой родъ дѣйствія. Управлять ими можно только до начала самаго боя, но когда бой въ разгарѣ, управленіе дѣлается совершенно невозможнымъ, если оно не основано на точныхъ, заранѣе условленныхъ и механически усвоенныхъ людьми еще въ мирное время, сигналахъ или другихъ указаніяхъ. Но въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы такіе сигналы, или указанія, были примѣнены ко всевозможнымъ видоизмѣненіямъ и случайностямъ боя, заранѣе предусмотрѣннымъ и обусловленнымъ совершенною простотою и несложностію дѣйствій. Въ противномъ случаѣ попытка къ такому управленію, отнимающая самостоятельность у частныхъ начальниковъ, и въ особенности у самой орудійной прислуги, будетъ болѣе вредною, нежели полезною.

Такой же способъ ускоренной стрѣльбы, стоя открыто на брустверѣ, былъ употребленъ, кромѣ батареи № 10, и

на батареѣ Карташевскаго, сдѣлавшей въ 6 часовъ по 240 — 290 выстрѣловъ изъ орудія. Въ одномъ только бѣльѣ, сбросивъ шинели, потому что и безъ нихъ было жарко, не смотря на октябрскій холодъ, орудійная прислуга, почти несходившая съ бруствера, усердно работала при орудіяхъ. Выстрѣлы гремѣли за выстрѣлами неумолкаемо, но непріятель не отвѣчалъ до окончательнаго построенія своихъ боевыхъ линій.

Не болѣе какъ въ полчаса съ открытія первоначальнаго огня по кораблямъ, непріятельскій флотъ занялъ предположенную позицію. Мы насчитали 16 линейныхъ кораблей, съ 11 буксирными пароходами, огибавшихъ правильнымъ полукругомъ батарею № 10, съ ея фронта. Корабли, расположенные въ двѣ линіи, въ шахматномъ порядкѣ, находились такъ близко одинъ къ другому, что съ батареи казалось, что они составляютъ какъ бы одну сплошную линію безъ всякихъ промежутковъ. Между линіями оставалось не болѣе разстоянія какъ на длину корабля. Это было необходимо для безпрепятственнаго поворота кораблей и выхода изъ линіи—назадъ, въ случаѣ значительныхъ поврежденій, или впередъ къ батареямъ, въ случаѣ успѣха, при ослабленіи огня съ батареи, чтобы довершить ихъ пораженія. Расположеніе это обозначено на прилагаемомъ планѣ, такъ какъ мы видѣли его, находясь на самомъ ближайшемъ къ непріятелю береговомъ пунктѣ, именно въ лѣвомъ исходящемъ закругленіи батареи № 10.

Англійская эскадра, атаковавшая Константиновскую батарею съ фронта, не могла быть видима съ названнаго нами пункта, за французскими кораблями, заграждавшими ее. А отдѣльная эскадра, дѣйствовавшая впослѣдствіи во флангъ и тылъ Константиновской батареи, находилась въ это время еще въ движеніи со стороны мыса Лукулла.

Какъ только окончилось построеніе французской эскадры, съ адмиральскаго корабля «Городъ Парижъ» былъ сдѣланъ первый выстрѣлъ. Вслѣдъ за нимъ открылась общая канонада съ кораблей залпами, сначала нѣсколько безпорядочно и неправильно. Это доказывало, что и фран-

цузы были въ такомъ же, или даже еще въ болѣе взволнованномъ состояніи, какъ и русскіе. Пресловутая Fourìa Françaisea бросала ихъ изъ лихорадки въ горячку и обратно. Но потомъ залпы каждаго изъ дековъ начали слѣдовать одинъ за другимъ, въ правильномъ порядкѣ, чрезъ промежутки не болѣе секунды.

Густой дымъ, вырываясь изъ портовъ клубами бѣлыхъ облаковъ, началъ постепенно закрывать корабли, снизу вверхъ отъ корпусовъ къ мачтамъ. Прекрасна и величественна была картина начала боя. При совершенно тихой погодѣ, чистомъ и ясномъ небѣ, при блескѣ полуденнаго солнца, на темносинемъ фонѣ моря, мгновенно заклубились и заколыхались густые неправильные облака бѣлаго дыма, красиво обрамлявшіе суда непріятельскаго флота. Прикрывая мало по малу, корабли прихотливыми фестонами, слегка прорѣзываемые отблесками выстрѣловъ каждаго дека сверкавшими подобно отдаленной молніи, облака эти поднимались все выше и выше, какъ бы затопляя собой корабли. Чрезъ нѣсколько мгновеній дымъ скрылъ совершенно корабли со всѣмъ ихъ рангоутомъ. Стелясь по поверхности моря, подобно густому туману, онъ скоро достигъ батареи № 10 и скрылъ, въ непроницаемомъ мракѣ, не только всѣ батареи и всю окрестность, но даже и самое солнце. Оно казалось раскаленнымъ шаромъ, или кровавымъ кругомъ, медленно опускавшимся на горизонтѣ. Свѣтъ его померкнулъ, хотя было еще только за полдень. Во ста и даже въ пятидесяти шагахъ предъ батареею, и позади ея, въ дыму, какъ въ самомъ густомъ туманѣ, не стало видно ровно ничего. Только блескъ отъ выстрѣловъ съ кораблей залпами мелькалъ вдали, подобно зарницѣ, или тускло блестящей молніи, какъ бы полосами, начинаясь у носовой части корабля и исчезая у кормы, или обратно; этотъ блескъ указывалъ намъ мѣста, занимаемыя кораблями, въ которыя и направлялись наши выстрѣлы.

Воздухъ, пропитанный исключительно дымомъ, не совмѣщалъ уже въ себѣ звуковъ. Хотя одновременно стрѣляло около 1,500 орудій, но звукъ ихъ не былъ громоподобенъ—онъ превратился въ глухой рокотъ, какъ бы въ

клокотанье, покрываемое свистомъ и визгомъ снарядовъ въ несчетномъ множествѣ проносившихся надъ нами. Только ревъ собственнаго орудія при выстрѣлѣ рѣзко выдѣлялся въ этомъ морѣ несвязныхъ звуковъ и царилъ надъ ними до своего повторенія. Этотъ смѣшанный глухой рокотъ, въ которомъ безразлично тонули всѣ прочіе звуки, и густой дымъ, задернувшій непроницаемою пеленою и море, и берега его, и батареи, заставилъ вице-адмирала *Нахимова*, съ любопытствомъ истаго моряка, слѣдившаго за боемъ съ бастіона № 6, предположить, что батарея № 10 разрушена, орудія ея сбиты и прислуга погибла. *Esprit de corps* истаго моряка превращалъ это предположеніе въ увѣренность, тѣмъ болѣе, что всѣ шансы несомнѣнной побѣды, полное превосходство во всемъ, были видимо на сторонѣ флота. Это превосходство конечно не могъ не понять, не могъ не оцѣнить такой искусный и опытный морякъ, какъ *Нахимовъ*. Съ средствами въ пятеро меньшими, онъ уничтожилъ Синопъ, со всѣми его батареями, потому уничтоженіе батареи № 10 казалось для него совершенно несомнѣннымъ. Онъ вызвалъ охотниковъ матросовъ, изъ орудійной прислуги бастіона № 6, которые, съ храбрымъ лейтенантомъ *Троицкимъ*, пробрались къ намъ подъ тысячами непріятельскихъ снарядовъ, скрещивавшихся на мѣстности, отдѣлявшей батарею № 10 отъ бастіона № 6. Подвигъ достойный удивленія, хотя неимѣвшій послѣдствій. Моряки оставались праздными зрителями боя, достойно начатаго и упорно доведеннаго до конца артиллеристами. Съ тѣхъ поръ, между моряками и артиллеристами въ Севастополѣ, водворилось взаимное уваженіе, не переходившее однако на войска другихъ оружій; *esprit de corps* препятствовалъ этому.

Вообще положеніе батареи № 10 внушало всѣмъ живѣйшія опасенія—по видимому оно казалось совершенно отчаяннымъ, безнадежнымъ. Опасаясь, чтобы непріятель, пользуясь дымомъ и разобщеннымъ положеніемъ этой батареи, не занялъ ея съ сухаго пути, у стѣнки между 6 и 7 бастіонами было приготовлено два баталіона пѣхоты, на случай надобности выбить оттуда непріятеля.

Каково же было общее удивленіе, когда, по окончаніи боя, оказалось, что батарея № 10 не только не была уничтожена или занята непріятелемъ, но и понесла сравнительно ничтожныя поврежденія и потери. На сторонѣ флота были всѣ шансы полнаго и совершеннаго успѣха, какъ-то: громадное превосходство не только въ числѣ и калибрахъ орудій, но и въ выгодномъ расположеніи ихъ, наконецъ даже въ разстояніи, съ котораго производилась стрѣльба. Мужество, энергію и искусство орудійной прислуги предполагаемъ одинаковыми. Но у батареи № 10 былъ только одинъ изъ шансовъ успѣха, имѣвшій однако первостепенное значеніе, почти уничтожавшій всѣ шансы непріятеля. Это возможность заблаговременно, еще въ началѣ самаго боя, до закрытія кораблей дымомъ, навести орудія и пристрѣлять ихъ, т. е. приблизительно опредѣлить разстояніе и мѣсто непріятеля. Когда все изчезло въ дыму, батареи, пользуясь указаніемъ первыхъ выстрѣловъ, дѣйствовали съ нѣкоторою успѣшностію, не смотря на густоту дыма и передвиженія судовъ, чтобы уклониться отъ попадающихъ снарядовъ. Блескъ огня корабельныхъ выстрѣловъ, появляющійся мелькающими полосами, указывалъ на эти перемѣщенія.

Мы сказали уже, что общая цѣль непріятеля заключалась въ намѣреніи уничтожить, или, покрайней мѣрѣ, на столько ослабить передовыя батареи, защищавшія Севастополь съ моря, и въ особенности батарею № 10, чтобы овладѣть ими, или, по самой меньшей мѣрѣ, получить возможность подойти ближе къ городу и бомбардировать его съ флота еще съ большею дѣйствительностію.

Число непріятельскихъ кораблей, спокойно и мужественно, подъ огнемъ нашихъ орудій, занявшихъ свои мѣста безъ выстрѣла, громадное превосходство ихъ вооруженія и выгоднаго расположенія, однимъ словомъ все заставляло предполагать, что подобная цѣль будетъ легко достигнута. Но это-то преувеличенное сознаніе собственнаго превосходства и увеличеніе своимъ esprit de corps, короче самообольщеніе, совершенно повредило вполнѣ вѣрному успѣху.

Во первыхъ, слишкомъ понадѣясь на колоссальную силу вооруженія, превосходство позиціи, энергію и искусство матросовъ, корабли стали въ такомъ разстояніи отъ батарей (450 — 650 саж.), на которомъ, изъ гладкостѣнныхъ орудій, въ цѣль обыкновенныхъ размѣровъ попадаетъ лишь отъ 15 до 20%. На земляныхъ же батареяхъ орудія, стрѣляющія чрезъ банкъ, обыкновенно располагаются такъ рѣдко и представляютъ такую малую цѣль, что собственно въ орудія и ихъ прислугу, съ такого разстоянія, могла попадать едвали десятая доля показаннаго числа процентовъ. Во вторыхъ, при неимѣніи другихъ средствъ къ опредѣленію дистанцій, кромѣ исправленій послѣдующихъ выстрѣловъ, по дѣйствіямъ первыхъ, корабли, неимѣвшіе возможности пристрѣлять орудія, не могли навести правильно. Глазомѣрное же опредѣленіе разстоянія, въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи орудійной прислуги, поражаемой учащенными выстрѣлами, и по цѣли, закрываемой дымомъ, было нетолько затруднительнымъ, но и совершенно невозможнымъ. Въ третьихъ, громадное число 800 орудій, на одномъ бортѣ эскадры, съ 60.000 снарядовъ, давало такую самоувѣренность французамъ, что они предположили одновременно достигнуть нѣсколькихъ цѣлей. Такъ, вмѣсто исключительнаго дѣйствія по орудіямъ береговыхъ батарей, чтобы сбить ихъ и заставить умолкнуть, они намѣревались, кромѣ того, срыть выстрѣлами бруствера и, бомбардируя внутренность батарей и мѣстность за ними, не только нанести полнѣйшее пораженіе батареямъ, но и уничтожить всякую возможность поддержать ихъ подкрѣпленіями изъ города. Въ такомъ предположеніи, наиболѣе сильныя орудія нижнихъ корабельныхъ дековъ, преимущественно бомбовыя пушки, были направлены въ бруствера, чтобы срыть ихъ. Средніе деки назначались для демонтированія орудій на батареяхъ, а верхніе деки для бомбардированія внутренности батарей и мѣстности за ними.

Разсчетъ казался довольно вѣрнымъ, но случилось совершенно противное. Неизвѣстность разстоянія и черезъ то невозможность правильнаго наведенія, а также желаніе

достигнуть разомъ многихъ цѣлей, были причиною ошибочнаго направленія выстрѣловъ. Снаряды съ нижняго дека кораблей попадали не въ брустверa, а гораздо ниже, въ скалистый берегъ, и отражаясь отъ него, падали въ море, обдавая насъ только брызгами морской воды. Снаряды среднихъ дековъ, направленные по орудіямъ на батареяхъ, проносились нѣсколько выше надъ нами и падали внутри батареи, далеко за орудіями, или пролетали за батарею. Мы собрали потомъ внутри батареи № 10—2700 ядеръ и неразорванныхъ непріятельскихъ бомбъ, кромѣ громаднаго числа осколковъ отъ разорвавшихся снарядовъ. Наконецъ, съ 3-го или верхняго дека непріятельскихъ кораблей, снаряды, направленные очень высоко, ложились на мѣстности за батареями № 10 и Александровскою и долетали рикошетами на батареи № 7 и 8 и къ оборонительной стѣнкѣ между ними и бастіономъ № 6, буквально устилая чугуномъ всю эту мѣстность. Только случайные выстрѣлы, составлявшіе лишь рѣдкое исключеніе, попадали удачно, поражая орудія, лафеты и прислугу.

Тѣмъ не менѣе, неумолкаемый визгъ снарядовъ надъ головами и вокругъ орудійной прислуги не могъ не производить на нее поражающее впечатлѣніе. Сравниваютъ положеніе новичка, попадающаго подъ сильный перекрестный огонь съ положеніемъ человѣка, внезапно окачиваемаго кипяткомъ. Это сравненіе, какъ по силѣ, такъ и по мгновенности впечатлѣнія, кажется намъ довольно вѣрнымъ. Нѣкоторое время дѣйствія орудійной прислуги были безсознательны, машинальны, но скоро она, овладѣвая собою, дѣйствовала хотя съ неестественною энергіею и увлеченіемъ, но спокойно и даже весело. Я говорю о большинствѣ, конечно есть исключенія и крайности въ лучшую и худшую стороны.

Многія изъ числа заряжавшихъ орудія, сознавая, какъ важно правильно выбанить орудіе и хорошо дослать зарядъ и снарядъ, и не вполнѣ довѣряя себѣ, при возбужденномъ состояніи, считали шопотомъ выполняемые пріемы, чтобы именно въ свое время повернуть банникъ и нажать снарядъ. Нѣкоторые, когда свистъ и визгъ проносящихся со

всѣхъ сторонъ снарядовъ достигалъ высшей степени, становился ужасающимъ, какъ бы невольно знаменовали себя крестомъ, и еще усиленнѣе, еще энергичнѣе выполняли свою работу.

Особенно жутко было тѣмъ, кто, не участвуя непосредственно въ самомъ бою, долженъ былъ оставаться, подъ неумолкаемыми выстрѣлами, въ совершенномъ бездѣйствіи. Въ такомъ положеніи обыкновенно находилось пѣхотное прикрытіе батарей, для котораго не было особыхъ закрытій; у насъ его помѣстили въ ровъ, окружающій батарею съ сухаго пути, гдѣ оно, хотя не было вполнѣ безопасно, но и не подвергалось прямому пораженію, какъ на городскихъ линіяхъ, гдѣ войска въ первое время были разставлены вдоль линій у бойницъ и земляныхъ мѣшковъ за брустверами, подвергаясь продольному дѣйствію непріятельскихъ орудій, анфилировавшихъ верки съ сухаго пути.

Въ такомъ же страдательномъ бездѣйствіи находилась и артиллерійская прислуга праваго фаса лѣвой исходящей части батареи № 10. Орудія этого фаса, обращеннаго къ городу, были предназначены дѣйствовать въ тылъ судамъ, приближающимся къ самому входу въ севастопольскую бухту,—противу же кораблей, атаковавшихъ батарею слѣва, они вовсе не могли быть направлены. Между тѣмъ фасъ этотъ, по всему его протяженію, былъ анфилируемъ съ корабля «Монтебелло», не имѣя возможности не только отвѣчать ему, или защищаться, но и стрѣлять хотя-бы въ другіе какія либо корабли. Первыми непріятельскими выстрѣлами, изъ числа прислуги этого фаса, убитъ канониръ 3 роты *Демьянъ Прокопенко* (1), подносившій заряды изъ погребка для скорости безъ кокора прямо на рукахъ. Онъ былъ разорванъ въ мелкіе куски, попавшею ему въ грудь бомбою. Отъ него остались только сапоги съ частями ногъ, въ нихъ вдѣтыми, кровью же и внутренностями его

(1) Имена, первоначально павшихъ въ севастопольскомъ бою, людей 3-й артиллерійской роты, въ которой я служилъ, глубоко врѣзались въ моей памяти. Считаю священнымъ долгомъ заявить ихъ печатно, какъ дань памяти храбрыхъ сослуживцевъ, сдѣлавшихся какъ бы искупительною жертвою за всѣхъ участвовавшихъ въ бою.

обдало почти всю платформу орудія. Смерть мгновенная, но ужасающая. Прочая прислуга, не предвидя для себя никакого дѣла при орудіяхъ этого фаса, такъ какъ входъ въ бухту былъ загражденъ затопленными судами, чтобы не оставаться въ бездѣйствіи, подвергаясь напрасному избіенію, отошла къ стрѣлявшимъ орудіямъ и распредѣлилась частью при нихъ, въ помощь прислугѣ, частью для подноски бомбъ къ дѣйствующимъ орудіямъ изъ блиндированнаго помѣщенія внутри батареи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что собственно при береговыхъ орудіяхъ находилось не болѣе какъ по 20 снаряженныхъ бомбъ. Подноска же ихъ съ разстоянія отъ 300 до 500 шаговъ, подъ сотнями перекрещивающихся вдоль и поперегъ батареи непріятельскихъ снарядовъ, составляла подвигъ самоотверженія, равносильный непосредственному участію въ самомъ бою. Не только одни артиллеристы, но и пѣхотинцы изъ батарейнаго прикрытія и частію даже рекруты, еще необмундированные въ солдатскую форму, участвовали въ этой подноскѣ съ усердіемъ и самоотверженіемъ, дѣлавшими честь ихъ мужеству.

Борьба батарей и флота продолжалась болѣе часа, безъ ощутительнаго перевѣса той или другой стороны. Изъ числа орудій лѣвой исходящей части батареи № 10, дѣйствовавшей по кораблю «Шарлемань», какъ мы сказали уже, подбито одно орудіе и убитъ одинъ рядовой. Но корабль «Шарлемань», потерпѣвъ значительныя поврежденія и потерю въ людяхъ, принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія и выйдти изъ линіи. Выходъ и удаленіе его, въ густомъ дыму отъ выстрѣловъ, не были замѣчены сначала, съ исходящаго угла батареи № 10, все еще продолжавшаго дѣйствовать въ томъ же направленіи. Скоро однако, по прекращеніи блеска выстрѣловъ и полета снарядовъ, со стороны этого корабля, стало понятно, что онъ двинулся съ мѣста, но куда именно: впередъ ли, для того, чтобы еще болѣе сблизиться съ батареею, или назадъ, чтобы уклониться отъ ея выстрѣловъ, было неизвѣстно, и потому огонь съ батареи, еще нѣкоторое время, продолжался по тому же направленію, хотя

гораздо рѣже, пока, по продолжительной безотвѣтности корабля, не опредѣлилось ясно, что онъ совсѣмъ удалился.

Въ это время, примѣрно часа черезъ два отъ начала боя, грохотъ пальбы со всѣхъ кораблей началъ какъ бы постепенно удаляться. Снаряды уже не проносились надъ нами и не падали у берега моря подъ брустверомъ, какъ прежде, когда они обдавали насъ брызгами. Наконецъ, даже отблескъ выстрѣловъ пересталъ быть видимымъ. Корабли очевидно удалялись, но звуки пальбы не прекращались, хотя отдавались болѣе глухо и отдаленно, но съ прежнею безпрерывностію, походившею на рокотъ или клокотаніе. Было ли это эхо прежнихъ выстрѣловъ, отдававшихся еще долго по окончаніи пальбы, продолжали ли стрѣлять корабли, проходя мимо Константиновской батареи, оставалось неизвѣстнымъ. Первое предположеніе кажется намъ наиболѣе вѣрнымъ. Возникали даже догадки, что непріятель стрѣляетъ холостыми зарядами, но это было неправдоподобно, и не оправдывалось какою либо разумною цѣлью. За дымомъ, въ 20 шаговъ отъ бруствера, ничего не было видно, и не только мачты не выдавались подъ дымомъ, а, какъ мы сказали, уже и солнце, и весь горизонтъ, и самыя батареи, казались совершенно утонувшими въ немъ.

Мало по малу, дымъ сталъ проноситься и рѣдѣть. Понятно было, что корабли удалились, но куда именно, съ какимъ намѣреніемъ, за дымомъ было вовсе невидно. Прислуга нѣкоторыхъ орудій на закругленіи Константиновской батареи, и въ особенности съ батарей Карташевскаго и Волоховой, находившихся въ сторонѣ, противоположной главной атакѣ и на очень высокой мѣстности, безъ сомнѣнія могла видѣть это передвиженіе, направленіе его и назначеніе, но не могла передать о томъ батареямъ южной стороны по неимѣнію условныхъ сигналовъ. Потому южныя батареи, по неизвѣстности мѣста и намѣренія непріятеля, хотя не прекращали огня, изъ опасенія быть застигнутыми неожиданно въ расплохъ, но стрѣляли рѣдко и совершенно на удачу.

Въ такіе то именно моменты общаго недоумѣнія и не-

извѣстности, дѣлаются возможными форсированія рейдовъ и проходовъ, и отважныя нападенія судовъ на батареи съ самой близкой дистанціи. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ четверть часа, на мѣстѣ корабля «Шарлемань», но ближе саженъ на 100, появился другой неизвѣстный корабль. Темный силуэтъ его едва могъ быть замѣчаемъ въ дыму, и притомъ такъ неопредѣленно, что нельзя было различить, паровой ли онъ или буксированный пароходомъ. Скоро корабль этотъ открылъ усиленную стрѣльбу по нашей батареѣ, за нимъ открыли огонь и прочіе корабли всей линіи. Снаряды понеслись надъ нами еще сильнѣе, чѣмъ при первоначальномъ нападеніи, визгъ ихъ былъ рѣзче и яснѣе. Однимъ словомъ, было ощутительно, что корабли дѣйствовали съ разстоянія гораздо болѣе близкаго нежели прежде. Сколько ихъ было въ это время, откуда, какъ и въ какомъ порядкѣ они подошли, никто не зналъ и не видѣлъ. Дымъ, маскировавшій приближеніе кораблей, далъ имъ возможность незамѣченно подойти ближе и установиться, не подвергаясь учащенному огню, предварительно наведенныхъ и пристрѣленныхъ, какъ прежде, до накопленія дыма, орудій. Эта цѣль была, дѣйствительно, достигнута и, конечно, входила въ планъ дѣйствій, въ дислокацію атаковавшей эскадры. Корабли подошли къ батареямъ ближе, а по неожиданности и неопредѣленности приближенія ихъ въ дыму, орудія съ батарей не могли быть наведены на нихъ и хотя нѣсколько пристрѣлены, какъ въ началѣ боя, и такимъ образомъ единственный шансъ нѣкотораго успѣха батарей былъ уничтоженъ передвиженіемъ кораблей. Послѣ него батареи могли стрѣлять только на удачу, точно также, какъ и корабли, не имѣя возможности наблюдать паденія своихъ снарядовъ и хотя сколько нибудь исправлять по нимъ выстрѣлы.

Мы остались въ недоумѣніи какіе именно корабли атаковали насъ въ это время. Заявляли предположеніе, что французскіе корабли были смѣнены англійскими. Но очевидно, это была не смѣна судовъ, а вторичное возобновленіе прежней атаки, по всей вѣроятности тѣми же кораблями и въ томъ же боевомъ порядкѣ. По выходѣ изъ

линіи поврежденныхъ кораблей: «Парижъ», «Шарлемань» и другихъ, на которыхъ произошли пожары, линія атакующихъ судовъ совершенно разстроилась и ослабилась на половину. Вступленіе въ нее вновь кораблей, погасившихъ пожары и исправившихъ поврежденія, въ густомъ дыму, было весьма затруднительно и опасно, такъ какъ они могли столкнуться съ другими кораблями или попасть подъ ихъ выстрѣлы. Потребовалось вновь построить корабли въ правильную боевую линію и ввести ихъ снова въ бой въ правильномъ порядкѣ сблизившись какъ можно болѣе съ батареями. Если бы огонь батарей былъ ослабленъ первою атакою, то, при вторичной атакѣ, корабли, конечно, подошли бы еще ближе къ батареѣ № 10, и, конечно, довершили бы ея разстройство и затѣмъ, обстрѣливая мѣстность между нею и городомъ, дѣйствительно дали-бы возможность своимъ войскамъ занять эту батарею съ сухаго пути.

Но неудача перваго періода атаки отразилась вполнѣ и на второмъ періодѣ ея. Огонь кораблей былъ такъ же мало дѣйствителенъ, и пораженіе, наносимое батареямъ, совершенно ничтожно. Въ лѣвомъ исходящемъ закругленіи батареи № 10, наиболѣе близкомъ къ атакующей эскадрѣ, снова подбито одно орудіе и убитъ одинъ рядовой: канониръ *Юзефъ Мазуркевичъ.* Ядро снесло у него половину черепа сзади, когда, подавъ зарядъ и бомбу, стоявшему на брустверѣ № 1, и сходя внизъ, онъ ступилъ на платформу. Одно мгновеніе онъ оставался еще на ногахъ и потомъ медленно, но безъ всякого стона упалъ на землю. Чтобы трупъ его не мѣшалъ заряжанію, его приняли и положили на валгангѣ за орудіями, лицомъ къ небу. Еще долго въ глазахъ его были замѣтны признаки угасающей жизни.

Трупъ этотъ нѣкоторое время производилъ поражающее впечатлѣніе на подносившихъ снаряды рекрутъ: они останавливались невольно въ нерѣшимости подойти къ орудіямъ, и только нѣсколько освоясь, пробѣгали быстро мимо него.

Орудія съ нашихъ батарей, во второмъ періодѣ атаки, стрѣляли также учащенно, какъ и въ первомъ. Разгоряче-

ніе орудій отъ частой стрѣльбы было такъ велико, что у казенной части невозможно было держать руки. Потому, изъ опасенія преждевременнаго выстрѣла, отъ чрезмѣрнаго разгоряченія, банники смачивали послѣ каждаго выстрѣла и нѣсколько разъ обдавали водою самыя орудія; но смоченные при этомъ рельсы и раскатавшіяся лафетныя колеса были причиною, что лафетъ съ орудіемъ, накатившись самъ собою, сохранялъ еще столько движущей впередъ силы, что хоботъ приподнимался и орудіе, быстро наклоняясь впередъ, удерживалось только уткнувшись дуломъ въ брустверъ. Чтобы отвратить это, рельсы посыпались пескомъ и № 4 съ трубками вскакивалъ на платформу и становился на полку у хоботовой части лафета, пока онъ еще не накатился до бруствера. Несчастныхъ случаевъ отъ скорой стрѣльбы не было, потому что главнѣйшія дѣйствія заряжанія, какъ мы сказали уже, выполнялись не только тщательно, но при малѣйшемъ недовѣріи къ себѣ, даже со счетомъ пріемовъ. Солдаты знали и помнили, что нужно было хорошо выбанить орудіе, правильно вложить и дослать зарядъ и снарядъ, плотно закрывать запалъ и, по возможности, вѣрно наводить орудіе. Они это и дѣлали. Остальные пріемы, какъ не пригодные въ бою, были отброшены. Команда: *жай*, *пли*, не выкрикивалась вовсе; банникъ и прибойникъ подавались на брустверъ, безъ красивыхъ вывертовъ, а № 5 вовсе не участвовалъ въ заряжаніи, такъ какъ едва успѣвалъ подносить заряды въ кокорахъ, по два разомъ. Обязанности его при орудіи исполняли № 2 и 3, но дѣло шло и скоро и споро, замедлялась только подноска бомбъ и тогда шли въ дѣло насыпанныя пескомъ для элеваціонныхъ единороговъ бомбы съ нагелями, употреблявшіяся какъ ядра.

По истеченіи еще около получаса, былъ замѣченъ съ батареи № 10, въ разрѣженномъ дыму, за Херсонесскимъ мысомъ, 3-хъ мачтовый корабль, со сбитою среднею мачтою, по всей вѣроятности это былъ «Шарлемань», вошедшій въ Херсонесскую бухту для исправленія поврежденій. Противъ него было сдѣлано два выстрѣла изъ 5-пуд. мортиры, направленной къ карантину, зарядомъ, наполняв-

нимъ всю камору. Послѣ втораго выстрѣла, корабль поспѣшно удалился. Любопытно было бы знать, въ это ли время попала въ него бомба, пробившая всѣ три его палубы, или это случилось ранѣе, когда онъ находился еще въ общей линіи. Второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе. Мортира, стоявшая на насыпи надъ главнымъ пороховымъ погребомъ и стрѣлявшая по линіи кораблей въ близкомъ къ нему направленіи, могла попасть въ него случайно, или же онъ самъ, передвигаясь, попалъ подъ ея бомбу. Во всякомъ случаѣ, попала ли бомба въ корабль, или онъ самъ попалъ подъ бомбу, но этотъ одинъ нечаянный ударъ имѣлъ такое моральное дѣйствіе, что услышавъ потомъ шумъ падающей бомбы за Херсонесскимъ мысомъ, по всей вѣроятности, далеко недолетѣвшей, корабль удалился съ величайшею поспѣшностію, доказывающею, какъ велико было опасеніе, внушаемое навѣсно брошенною бомбою (1).

При стрѣльбѣ изъ мортиры по кораблю въ Херсонесской бухтѣ, по недостатку свободной запасной прислуги, участвовалъ въ заряжаніи ея пѣхотный часовой, стоявшій

(1) Считаю себя вправѣ выразиться, что корабль самъ попалъ подъ бомбу, потому что для наведенія мортиры, непристрѣленной заблаговременно, на неизвѣстное точно разстояніе, рѣшительно не было никакихъ средствъ. Употребленіе кольевъ или шомполовъ, съ треногою для горизонтальнаго направленія мортиры и отмѣриваніе зарядовъ пороховыми мѣрками, въ видѣ кружекъ, для измѣненія траекторіи въ вертикальномъ направленіи или въ дальностяхъ, были крайне несовершенны. Впослѣдствіи, при стрѣльбѣ по сухопутной непріятельской батареѣ на Херсонесскомъ мысѣ, разстояніе до которой было уже извѣстно и мортиры достаточно пристрѣлены, не употребляли ни кольевъ, ни особого прибора для наведенія мортиръ, ни даже шомполовъ. Всѣ они способствуютъ обыкновенно наведенію своихъ орудій, столько же какъ и непріятельскихъ, такъ какъ ими на брустверѣ опредѣляется мѣсто и направленіе собственныхъ орудій, даже болѣе чѣмъ непріятельскихъ; наведеніе по громоздкой треногѣ, было вообще неудобно и кропотливо. Потому у насъ наводили по мѣткамъ, выбитымъ при выстрѣлахъ, на платформѣ, самимъ мортирнымъ станкомъ, употребляя для дополненія зарядовъ заимствованную отъ флота пороховую мѣрку, съ подвижнымъ дномъ, которою отмѣривались золотники отъ 1 до 24. Установя станокъ на мѣткѣ соотвѣтствующей наивыгоднѣйшему направленію при прежнихъ выстрѣлахъ и дополнивъ зарядъ числомъ золотниковъ пороха, соотвѣтственнымъ состоянію атмосферы, держали пари, что попадутъ въ извѣстный пунктъ непріятельской батареи и попадали съ большою точностію.

у входа въ батарею, при стеклянныхъ ручныхъ гранатахъ, хранившихся въ будкѣ для часоваго, въ небольшомъ ящикѣ, на случай отраженія нечаяннаго штурма батареи № 10 со стороны карантина. Еще въ началѣ боя, непріятельская бомба, попавшая въ будку, уничтожила ее и взорвала бывшія въ ней гранаты, не нанеся однако никакого вреда часовому, стоявшему противъ него шагахъ въ 20 у бруствера, близъ мортиръ. Хотя постъ этого часоваго уничтожился, но онъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, подъ тысячами выстрѣловъ, съ ружьемъ у ноги, какъ несмѣненный еще ефрейторомъ. Соскучась однако въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ просилъ, какъ милости, дозволить ему участвовать, хотя при заряжаніи мортиры. Къ сожалѣнію имя этого часоваго осталось неизвѣстнымъ, а добросовѣстное исполненіе имъ своей обязанности незамѣченнымъ и ненагражденнымъ.

Кромѣ взрыва ручныхъ гранатъ, на батареѣ № 10 было взорвало еще два ящика съ бомбами, стоявшими открыто на валгангѣ за орудіями. Взрывъ ихъ не нанесъ тоже вреда и даже не былъ замѣченъ и слышанъ большинствомъ прислуги въ грохотѣ неумолкаемой канонады. Вообще опасности на открытыхъ батареяхъ было несравненно меньше, и самыя дѣйствія гораздо удобнѣе, нежели въ казематахъ. Снаряды, пролетавшіе на одинъ футъ лѣвѣе, правѣе или же выше орудія и каждаго изъ нумеровъ прислуги, не причиняя никакого вреда, проносились мимо далеко за орудія, и разрывались тамъ также почти совершенно безвредно для прислуги. Дымъ отъ своихъ орудій проносился лучше и менѣе закрывалъ непріятеля; самые взрывы ящиковъ со снарядами и зарядами и даже небольшихъ пороховыхъ погребковъ не были особенно вредоносны. Напротивъ, въ казематированныхъ батареяхъ, дымъ собственной стрѣльбы часто совершенно застилалъ амбразуры и, наполняя казематы все болѣе и болѣе, затруднялъ не только наведеніе орудій, но даже и самое дыханіе прислуги. Непріятельскіе снаряды, по громадности цѣли, представляемой многоярусной казематированною батареею, поч-

ти вовсе не проносились мимо и, попадая въ щеки и края амбразуръ, поражали прислугу каменьями и осколками ихъ.

Разрывавшіяся внутри казематовъ бомбы, по тѣснотѣ пространства, производили губительное дѣйствіе. Даже и тѣ снаряды, которые разрывались въ дворѣ батареи, далеко за орудіями, могли поражать прислугу осколками, сквозь огромныя отверстія для оконъ позади орудій, предназначенныя для выхода дыму, но обыкновенно очень плохо выполнявшія и это назначеніе. Дѣйствіе при орудіяхъ въ казематахъ вообще болѣе стѣснено и заряжаніе не могло быть такъ ускорено, какъ на открытыхъ батареяхъ. Затруднительнѣе же всего была подноска зарядовъ и снарядовъ, изъ пороховыхъ погребовъ, расположенныхъ на оконечностяхъ батареи, съ весьма узкими входами, въ которыхъ должны были толпиться подносчики отъ 13 — 14 орудій. Это послѣднее неудобство заставило поставить на Константиновской батареѣ, нѣсколько зарядныхъ ящиковъ во дворѣ ея, такъ какъ въ самихъ казематахъ, служившихъ казармами нижнимъ чинамъ и кухнями для нихъ, помѣщеніе такихъ ящиковъ было неудобно и небезопасно; высота же двухъ ярусовъ казематовъ, съ парапетомъ платформы достигавшая 80 ф., казалось, хорошо охраняла эти ящики отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Но это только казалось. Бомба съ непріятельскаго парохода, дѣйствовавшаго въ тылъ Константиновской батареи, взорвала одинъ изъ этихъ ящиковъ, за которымъ въ тотъ же моментъ взлетѣли на воздухъ и прочіе ящики. Взрывъ этихъ ящиковъ оказалъ ужасающее дѣйствіе. Онъ произвелъ обвалъ одной изъ внутреннихъ стѣнъ казематовъ, опрокинулъ и повредилъ почти всѣ орудія верхней платформы. Прислуга, бывшая при этихъ орудіяхъ отъ резервной пѣхоты, по большой части переранeнная, принуждена была оставить платформу. На ней уцѣлѣлъ только одинъ крайній 1-пуд. единорогъ, изъ котараго стрѣлялъ только одинъ человѣкъ, не оставившій своего мѣста, не смотря ни на какія опасности. Это былъ фельдфебель 3-й артиллерійской роты, *Григорій Брилевичъ.* Онъ приносилъ для себя заряды по десятку, и болѣе въ полахъ шинели, заряжалъ орудіе, стоя

на скользкомъ, весьма наклонномъ къ сторонѣ моря, каменномъ парапетѣ, въ 78 футахъ надъ берегомъ, покрытымъ глыбами острыхъ неправильнаго вида камней. Для зажиманія запала при заряжаніи, ему служилъ кусокъ кирпича, обвернутый лоскуткомъ сукна, оторваннымъ отъ полы шинели. Въ награду за подвигъ этотъ, *Брилевичъ* былъ представленъ къ прощенію штрафа, за который онъ содержался подъ арестомъ на Константиновской батареѣ, но не дожилъ до его полученія.

Взрывъ, происшедшій на Константиновской батареѣ, былъ замѣченъ съ непріятельскихъ судовъ; но какъ батарея все еще продолжала отстрѣливаться, то, чтобы удостовѣриться въ степени ея поврежденія и по возможности довершить его, корабль «Агамемнонъ» обошелъ англійскую эскадру и, пройдя мимо фланга французской, смѣло вышелъ изъ сферы дыма и, оставаясь въ виду всѣхъ передовыхъ батарей Севастополя на продолженіе лѣваго фаса Константиновской батареи, открылъ съ одного борта продольный огонь по платформѣ этого фаса, дѣйствуя въ то же время, съ другаго борта, въ тылъ исходящей части лѣваго фланга батареи № 10, чрезъ ея пониженный 6-орудійный фасъ. Снаряды, брошенные съ него, рикошетируя внутри батареи, попадали въ бревенчатый капониръ и, расщепляя бревна, засѣдали въ нихъ, или, отражаясь отъ нихъ, проносились далѣе. По кораблю этому открыли огонь нѣсколько орудій съ закругленія Константиновской батареи, а также нѣкоторыя орудія съ батареи № 7 и 8, и частью съ Александровской и № 10. Съ шести-орудійнаго фаса батареи № 10, по недостатку свободной орудійной прислуги, могла быть открыта стрѣльба только изъ одного орудія. Нельзя было не сознать, какъ былъ бы полезенъ при этомъ хотя траверсъ съ закрытымъ помѣщеніемъ для прислуги, но его не было и прислуга этого фаса, размѣщенная при прочихъ орудіяхъ батареи, не могла быть собрана къ этимъ орудіямъ; такимъ образомъ утрачивался одинъ изъ наилучшихъ моментовъ для дѣйствія.

Упорно и мужественно, почти около четверти часа,

корабль этотъ отстаивалъ занятую имъ позицію, дѣйствуя съ обоихъ бортовъ по батареямъ Константиновской и № 10, и потомъ медленно, какъ бы неохотно, уступая превосходной силѣ, онъ началъ отодвигаться назадъ и скрылся наконецъ въ сферѣ дыма. Здѣсь то именно корабль «Агамемнонъ» получилъ свои опасныя поврежденія. Онъ могъ бы быть совершенно уничтоженъ, еслибы существовала возможность быстро опредѣлить разстояніе до корабля и, зная его, безошибочно наводить орудія и передавать о томъ, тотъ же часъ, и другимъ батареямъ. Здѣсь могли бы поражать этотъ корабль, съ разстоянія 600—700 саж., даже батареи Николаевская и Михайловская, вооруженныя въ этомъ направленіи 116 орудіями, въ числѣ которыхъ 18 бомбовыхъ 3-пуд. пушекъ. Къ сожалѣнію, батареи эти не замѣтили корабля, и единственный моментъ удобнѣйшаго его пораженія былъ утраченъ. Такъ вообще удаются обыкновенно въ бою смѣлыя, отважныя и неожиданныя движенія и дѣйствія, послужившія основою старой русской пословицѣ: *смѣлость города беретъ*. Подобныя движенія и дѣйствія, по своей быстротѣ и неожиданности, особенно поражаютъ морально, по неподготовленности къ нимъ отражающей стороны, и бываютъ тѣмъ болѣе удачны, чѣмъ болѣе они смѣлы и рискованы. Смѣлость и неожиданность появленія кораблей и неподготовленность къ тому батарей, были причиною, что и самыя передовыя батареи могли дѣйствовать по немъ только немногими орудіями. Большинство орудій было отвлечено борьбою съ другими кораблями; для орудій же, неучаствовавшихъ въ стрѣльбѣ съ начала боя, какъ мы сказали уже, не доставало прислуги. Къ этому надобно прибавить общее возбужденное состояніе прислуги, неизбѣжную торопливость, усиливаемую желаніемъ нанести непріятелю наибольшій вредъ въ скорѣйшее время, и наконецъ дѣйствіе на угадъ, безъ заранѣе условленныхъ мѣтокъ и предварительно изученнаго наведенія орудій.

Но не одни наши артиллеристы были подвержены этому недостатку: храбрый экипажъ корабля «Агамемнонъ» былъ еще въ болѣе тревожномъ состояніи, а потому выстрѣлы

его проносились надъ нами, не задѣвая никого и ничего, если не считать нѣсколькихъ кусковъ, отбитыхъ отъ бревенъ капонира, не потерпѣвшаго однако серьезныхъ повреждений.

Для такихъ то случаевъ, впослѣдствіи, сознана на флотѣ необходимость наведенія по индикатору и условнымъ мѣткамъ, на которыя заранѣе наведено орудіе, что дѣлало бы стрѣльбу независимою отъ моральнаго состоянія прислуги и, напротивъ, зависящею отъ знанія и опытности командира судна. Столько же, если не болѣе, необходимо это для орудій на береговыхъ батареяхъ и начальниковъ береговой артиллеріи въ крѣпости.

Во время боя съ кораблями въ Севастополѣ, на Александровской батареѣ, находились нѣкоторые изъ высшихъ артиллерійскихъ начальниковъ. Подвергаясь всѣмъ опасностямъ боя, наравнѣ съ орудійною прислугою, они могли только раздѣлять съ нею эти опасности, но руководить боемъ, прилагая притомъ свои знанія, опытность и энергію, для нихъ не было рѣшительно никакой возможности.

Съ каждымъ часомъ огонь кораблей становился слабѣе и слабѣе, отъ того что тѣ изъ нихъ, которые получали сколько нибудь значительныя поврежденія, тотчасъ же выходили изъ линіи и уже болѣе не возвращались въ нее. Хотя видѣть это въ дыму съ батареи № 10 было невозможно, но прекращеніе блеска выстрѣловъ и вообще ослабленіе огня, въ томъ или въ другомъ направленіи, дѣлали ощутительнымъ такое удаленіе. Даже самый дымъ становился рѣже, какъ бы прозрачнѣе. Съ батарей, находившихся въ сторонѣ, такія передвиженія могли быть замѣчаемы. Такъ, съ батареи № 10, Александровской и № 8 былъ видимъ предъ окончаніемъ боя, въ разрѣженномъ дыму, темный силуетъ корабля «Роднэй», со сбитою среднею мачтою, стоявшій на мели за Константиновскою батареею. Корабль этотъ хотя и находился въ направленія нѣкоторыхъ орудій изъ этихъ батарей, но онъ былъ такъ далекъ отъ нихъ, что стрѣльба противъ него была бы совершенно напрасною тратою пороха и снарядовъ, какъ по неопредѣ-

ленности разстоянія, такъ и потому, что и самый корабль былъ едва замѣтенъ въ дыму.

Корабль «Родней» попалъ на мель, постепенно приближаясь къ Константиновской батареѣ, вмѣстѣ съ другими паровыми судами, дѣйствовавшими по этой батареѣ съ тыла, для того чтобы нанести ей рѣшительное пораженіе стрѣльбою съ самой близкой дистанціи. Только 3 орудія праваго крыла офицерскаго флигеля Константиновской батареи и одно съ батареи Карташевскаго могли стрѣлять по гребнымъ судамъ, спущеннымъ съ корабля «Родней» для завоза верповъ, чтобъ снять съ мели. Одна изъ этихъ шлюпокъ была потоплена выстрѣлами, направленными въ нихъ, изъ опасенія, что они намѣреваются свозить дессантъ, для овладѣнія батареею съ сухаго пути. Такое овладѣніе было бы, въ самомъ дѣлѣ, совершенно возможнымъ и даже неизбѣжнымъ, если бы названныя три орудія, въ офицерскомъ флигелѣ, стоявшія въ амбразурахъ, обращенныхъ къ сторонѣ города, не были перемѣщены не задолго передъ тѣмъ въ противоположную сторону для защиты батареи, съ тыла. Не случись этого перемѣщенія, произведеннаго въ виду ожидаемаго нападенія на батареи сѣверной стороны, по переходѣ нашихъ войскъ на южную, то бездѣйствіе Константиновской батареи, противу спущенныхъ гребныхъ судовъ, показало бы непріятелю, что онъ находится въ секторѣ вовсе необстрѣленномъ, и, конечно, навело бы его на мысль высадить здѣсь хотя небольшой дессантъ для овладѣнія Константиновскою батареею. Находясь внѣ выстрѣловъ батареи, въ тылу ея, не болѣе 150 саж. отъ берега, гребныя суда могли бы легко сдѣлать подобную высадку небольшаго отряда, который также легко могъ пробраться незамѣченнымъ въ ровъ батареи у горжи и въ самую батарею. Замѣшательство, произведенное на батареѣ взрывомъ зарядныхъ ящиковъ, и сильное пораженіе внутренности батареи непріятельскими снарядами, заставили пѣхотное прикрытіе ея размѣститься совершенно разрозненно, чтобы хотя сколько нибудь укрыться отъ пораженія выстрѣлами;—артиллеристы же были заняты у орудій и не имѣли при себѣ ручнаго оружія. Вне-

запность и смѣлость нападенія, имѣющія громадное моральное вліяніе, могли бы рѣшить участь Константиновской батареи. Но три орудія, случайно и совершенно для иной цѣли, перемѣщенныя на батареѣ и прислуга ихъ, обязательно слѣдившая за происходящимъ въ морѣ и у его берега, могла предотвратить подобное нападеніе.

Отсюда очевидно, какъ важно заранѣе изслѣдовать направленія каждаго изъ орудій въ приморской крѣпости, изучить мало обстрѣливаемыя или вовсе необстрѣливаемыя пространства, чтобы заблаговременно приготовить ихъ оборону. Столько-же важно и необходимо имѣть, непремѣнно при каждомъ орудіи, хотя одного изъ наиболѣе опытныхъ артиллеристовъ, преимущественно наводчиковъ, для того чтобы, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ направленіяхъ, слѣдить за всѣми видоизмѣненіями боя и никогда нигдѣ не быть застигнутымъ въ расплохъ.

Скоро наступили сумерки. Когда совершенно стемнѣло, корабли французской эскадры прекратили бомбардированіе и отошли отъ батарей. Проходя мимо Константиновской батареи, каждый изъ нихъ дѣлалъ залпъ, конечно на удачу. Съ батареи № 10, во время этого послѣдняго передвиженія кораблей, сдѣлано нѣсколько рѣдкихъ выстрѣловъ, на блескъ непріятельскаго огня, просто изъ желанія показать непріятелю, что батарея не только существуетъ, но и дѣйствуетъ по прежнему.

Такъ и кончился около $6^1/_2$ часовъ вечера, памятный для насъ бой 5-го октября. Нѣкоторыя изъ артиллерійской прислуги, истомленныя 6-ти часовымъ физическимъ и моральнымъ напряженіемъ, бросились въ изнеможеніи на землю, въ нѣсколькихъ шагахъ за орудіями, чтобы перевести духъ, отдохнуть хотя нѣсколько минутъ. Другіе, еще невыбившіеся изъ силъ отошли, чтобы удовлетворить требованіямъ голода и жажды, потому что съ самаго утра, съ открытія стрѣльбы по Херсонесской батареѣ, никто не бралъ въ ротъ ни куска хлѣба, ни капли воды. Чувства у всѣхъ были такъ взволнованы, страсти столько возбуждены, что требованія физическаго существованія были со-

вершенно забыты. Ненормальное состояніе уничтожало нормальныя потребности человѣка.

Страшный бой кончился и не повторялся болѣе. Страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ, говоритъ русская пословица. Въ самомъ дѣлѣ, страшнымъ тяжелымъ сномъ промелькнули для насъ событія этого дня, а также какъ сонъ, они остались безъ видимыхъ, безъ осязательныхъ послѣдствій. Вокругъ все тоже, что и было прежде. Таже батарея,—правда кое гдѣ взрытая непріятельскими снарядами; тѣже орудія,—кромѣ двухъ трехъ убылыхъ, убыль которыхъ не казалось даже неестественною; наконецъ тоже самое солнце, также свѣтло и радостно, и даже еще свѣтлѣе и радостнѣе чѣмъ прежде, блиставшее надъ нами; тотъже воздухъ, такъ-же ясный и чистый, какъ и вчера до боя. Все тоже-же самое. Что-же случилось такое? Неужели это былъ только сонъ,—страшный, тревожный, но мимолетный, безслѣдный сонъ.

Точно такимъ же тревожнымъ сномъ промелькнуло это событіе и для англо французскихъ моряковъ, но послѣдствія его были осязательнѣе въ существенныхъ потеряхъ и еще ощутительнѣе въ моральномъ значеніи. Гигантскій, чудовищный ударъ колоссальной силы, казалось, былъ направленъ такъ вѣрно, нанесенъ такъ искусно; но онъ упалъ не только не раздробивъ, не уничтоживъ противоположную силу, а такъ же безсильно, безслѣдно, какъ падаетъ ударъ, наносимый во снѣ, оставляя наносящаго этотъ ударъ въ тревожномъ сознаніи чего то непостижимаго, невѣроятнаго, и потому ужаснаго. Въ этомъ моральномъ значеніи и побѣда батарей надъ флотомъ была полною и совершенною.

Мы не описываемъ здѣсь взаимныя потери и поврежденія судовъ и батарей, чтобы не повторять приведеннаго уже подробно въ «Описаніи обороны Севастополя», въ которомъ свѣдѣнія о потеряхъ извлечены изъ оффиціяльныхъ русскихъ и иностранныхъ источниковъ. Скажемъ только, что, по числу убитыхъ и раненыхъ, по большей или меньшей серьезности поврежденій, нельзя еще составить вѣр-

наго заключенія о дѣйствительныхъ результатахъ борьбы. Обыкновенно бой 5-го октября считаютъ для обѣихъ сторонъ нерѣшительнымъ, не дающимъ никому права побѣды. Если судить только по матеріяльнымъ послѣдствіямъ, по цифрамъ потерь въ людяхъ и утратѣ въ средствахъ борьбы—это, пожалуй, и такъ. Батареи не были уничтожены, не взлетѣли на воздухъ, не стерты съ лица земли, наконецъ даже не приведены въ молчаніе. Корабли не были также потоплены или взорваны, не сгорѣли, не превратились въ щепы. Они были только отражены съ урономъ, конечно далеко меньшимъ, нежели предполагалось, преувеличивая, по недостатку боевой опытности, понятія о дѣйствіи выстрѣловъ.

Но, тѣмъ не менѣе, моральная побѣда батарей была полною и совершенною. Это побѣда надъ идеею, надъ самообольщеніемъ, надъ предразсудками—укорененными вѣками. А такая моральная побѣда не рѣшительнѣе ли всякой матеріальной? Результаты такой побѣды именно были достигнуты боемъ 5-го октября. Въ этомъ отношеніи атака Севастополя замѣчательна не по ничтожности, какъ говоритъ Джустиніани, а по противоположности ея результатовъ съ тѣмъ, что ожидалось отъ нея. Она убѣдила моряковъ, вопреки ихъ вѣковымъ, основаннымъ на историческихъ фактахъ, преданіямъ, что флотъ безсиленъ противу батарей.

Съ тѣхъ поръ, громадный непріятельскій флотъ, бывшій подъ Севастополемъ, почти цѣлый годъ оставался лишь празднымъ зрителемъ сухопутной борьбы, не рѣшаясь ни на какое, хотя бы второстепенное участіе въ ней. Послѣ 5-го октября, только два раза, въ самую глухую темную ночь, одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ рѣшался приблизиться къ береговымъ батареямъ, чтобы сдѣлать въ потьмахъ два-три залпа съ борта, большею частію по своимъ же траншеямъ, такъ какъ на батареяхъ не держали никакого огня и опредѣлить ихъ мѣста съ моря не было никакой возможности. Но, при второмъ изъ такихъ нападеній, на пароходѣ разорвало орудіе, что и

положило конецъ всѣмъ предпріятіямъ противу Севастополя съ моря (1).

Съ тѣхъ же поръ, вопреки вѣковой самоувѣренности моряковъ, сознано вполнѣ, что деревянныя суда вовсе неспособны къ борьбѣ съ береговыми батареями, сколько нибудь значительной силы. Такъ, послѣ севастопольскаго урока, даже такая ничтожная крѣпостца, какъ Кинбургъ, вооруженная преимущественно 18-фунтовыми пушками, была бомбардирована тройнымъ рядомъ судовъ. Передній рядъ составляли плавучія батареи, обшитыя желѣзомъ и стрѣлявшія притомъ съ такого разстоянія, до котораго не долетали снаряды даже съ самой передовой Кинбургской батареи, устроенной на косѣ, выдающейся въ море (2).

Нерѣшимость атаковать Кронштадтъ, отборнѣйшими эскадрами англо-французовъ, послѣ кичливаго заявленія сэра Чарльза *Непира* завтракать въ немъ и потомъ обѣдать въ Петербургѣ, было, конечно, результатомъ, какъ бы отголоскомъ севастопольскаго боя. Въ Севастополѣ были убиты и похоронены вѣковыя предубѣжденія моряковъ, ихъ предвзятыя идеи, ихъ самообольщеніе.

Прибавимъ еще, что день 5-го октября памятенъ артиллеристамъ батареи № 10, не только по впечатлѣнію, которое онъ оставилъ по себѣ, но и по наградамъ, которыя онъ принесъ имъ за собою.

Первою наградою для насъ былъ похвальный отзывъ, выраженный вице-адмираломъ *Нахимовымъ*, этимъ хра-

(1) Мы не поняли назначенія такихъ ночныхъ покушеній. Были ли это упражненія въ стрѣльбѣ по невидимой цѣли, нарочно дѣланныя когда цѣль въ темнотѣ ночи была вовсе невидима. Была ли это просто забава, нѣчто въ родѣ игры въ жмурки, вызовъ ли на стрѣльбу съ батарей, чтобы заставить ихъ растрачивать напрасно заряды. Не знаемъ. Пароходамъ этимъ обыкновенно отвѣчали неохотно, двумя, тремя пробными выстрѣлами, собственно для опредѣленія разстоянія ихъ отъ батареи, такъ какъ другихъ средствъ къ опредѣленію разстояній въ то время вовсе не существовало.

(2) Заимствуемъ это изъ разсказа очевидца, командовавшаго этою батареею, прапорщика *Лаврикова* (нынѣ поручикъ, въ отставкѣ, въ Буятаршинекѣ). Онъ особенно порицалъ устроенныя надъ орудіями его батареи непрочныя деревянныя блиндажи. Они не только не предохраняли орудія, но напротивъ, обваливаясь, заграждали лишь амбразуры и самую батарею, лишая возможности дѣйствовать съ нея по непріятелю.

брѣйшимъ изъ храбрыхъ моряковъ, компетентнымъ судьею морскаго боя. Мы сказали уже, что онъ, съ любопытствомъ истаго моряка, слѣдилъ за ходомъ боя съ бастіона № 6, видѣлъ число и выгодное расположеніе непріятельскихъ кораблей и, конечно, не могъ не оцѣнить искусства и мужества оборонявшихся. На другой же день, 6-го октября, онъ пріѣхалъ на батарею № 10 и приказавъ собрать обѣ роты артиллеристовъ, съ свойственною ему простотою и энергіею сказалъ имъ: «Вы защищались, какъ герои, — вами гордится, вамъ завидуетъ Севастополь. Благодарю васъ. Если мы будемъ дѣйствовать такимъ образомъ, то непремѣнно побѣдимъ непріятеля. Благодарю, отъ всей души благодарю васъ». Громкое «рады стараться» и восторженное *«ура!»* были отвѣтомъ храброму адмиралу. Каждый солдатъ, если не выросъ при этомъ въ буквальномъ смыслѣ, за то возвысился въ собственномъ мнѣніи. Въ немъ развилось и выросло чувство собственнаго достоинства. Слова эти глубоко врѣзались въ памяти всѣхъ кто удостоился ихъ слышать.

Другою почестью, для артиллеристовъ батареи № 10, было предпочтеніе, оказанное имъ предъ всѣми севастопольцами, въ Высочайшей наградѣ за 5-е октября. Они получили по три руб. серебромъ, тогда какъ всѣмъ прочимъ сухопутнымъ и морскимъ батареямъ въ Севастополѣ назначено лишь по два руб. сер. Предпочтеніе это вызвано выраженіемъ главнокомандующаго князя *Меншикова*, въ донесеніи о боѣ 5-го октября: *«Наиболѣе всего я опасался за батарею № 10»*.

Донесенія князя вообще отличались краткостію и лаконизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, бой 5-го октября, и вообще заслуги севастопольцевъ, вовсе не требовали никакихъ возгласовъ и краснорѣчія. Факты говорили сами за себя, не требуя украшенія пышными фразами утонченнаго самохвальства.

Но высшею наградою было для насъ простое русское спасибо отъ имени Государя Императора, переданное намъ лично Государями Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами. Посѣтивъ батарею № 10, чрезъ

мѣсяцъ послѣ боя, именно 7-го ноября 1854 г., ихъ Высочества видѣли число набросанныхъ на батарею непріятельскихъ снарядовъ, и, конечно, оцѣнили заслугу артиллеристовъ, защищавшихъ батарею. Слова: «Государь прислалъ вамъ спасибо за вашу молодецкую службу» произнесенныя яснымъ и звучнымъ голосомъ, глубоко отозвались въ сердцѣ у каждаго, а привезенные Великими Князьями знаки военнаго ордена сдѣлали этотъ день ихъ посѣщенія драгоцѣннѣйшимъ днемъ въ жизни тѣхъ, кому выпала завидная доля украсить свою грудь однимъ изъ этихъ знаковъ.

Быть можетъ спросятъ: что же общаго имѣетъ атака Севастополя деревянными кораблями, съ предстоящею на будущее время атакою батарей броненосцами? Деревянный флотъ дѣйствовалъ иначе, значеніе же броненосцевъ въ береговой войнѣ еще не опредѣлилось.

Это справедливо. Но не трудно, однако, предначертать съ достаточною вѣрностію это значеніе, на основаніи опыта извлеченнаго изъ атаки Севастополя. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о томъ, какимъ образомъ броненосныя, или вообще непріятельскія суда, могутъ атаковать батареи, основываясь на севастопольскомъ опытѣ, рѣшается точно такъ же, какъ и вопросъ: какимъ образомъ вообще атакующій непріятель можетъ напасть на обороняющагося. Отвѣтъ несомнѣнно можетъ быть только слѣдующій: *Всякая атака должна и можетъ выполняться всѣми возможными средствами, при всевозможномъ разнообразіи, должна быть ведена со всевозможныхъ сторонъ, и преимущественно слабѣйшихъ, въ особенности же съ тѣхъ, на которыя она менѣе всего ожидается обороняющимися.* Это общее правило одинаково какъ для армій, такъ и для флотовъ, какъ для сухопутныхъ, такъ и для береговыхъ атакъ. Намъ кажется, что именно это совершенно вѣрно уясняется боемъ подъ Севастополемъ. Слабѣйшими пунктами были тамъ внѣшнія батареи, слабѣйшими же сторонами этихъ пунктовъ—незащищенныя ихъ части съ тыла и съ фланговъ, существовавшія на батареяхъ Константиновской и № 10, по непростительному предубѣжденію въ справедливости

предвзятой идеи, что атака может быть ведена только по фарватеру. На эти то пункты была именно направлена атака 5-го октября. Къ счастію, что и у моряковъ существовало тогда свое предубѣжденіе, своя предвзятая идея, или правильнѣе, самообольщеніе. Вопреки исторически-выработавшейся, вообще для каждаго боя, необходимости дѣйствовать обдуманно и спокойно, и употреблять лишь вѣрныя средства, англо-французы открыли неумолкаемую канонаду, быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ залпами, изъ 1,500 орудій, съ разстоянія, которое не было опредѣлено заранѣе и превосходило предѣлъ совершенно вѣрнаго дѣйствія изъ гладкостѣнныхъ орудій. Оправданіемъ здѣсь можетъ служить: только необходимость скрыть въ дыму собственныхъ выстрѣловъ корпуса деревянныхъ судовъ, недостаточно устойчивыхъ противу дѣйствія направленныхъ въ нихъ снарядовъ, особенно разрывныхъ. Съ судами броненоснаго флота уже нѣтъ никакой надобности прятать себя въ густомъ дыму, лишаясь главнаго преимущества артиллерійской стрѣльбы — возможности вѣрнаго наведенія орудій.

Потому не остается никакого сомнѣнія, что на будущее время, при броненосномъ флотѣ, примѣры такого дѣйствія, напоминающаго лишь игру въ жмурки, никогда не повторятся. Слѣдовательно, совершенно невидимой цѣли никогда не будетъ и быть не можетъ. Быстрая, неумолкаемая пальба, обусловливавшая невидимость цѣли, окончила свое существованіе, одновременно съ деревянными кораблями. Безполезность ея окончательно рѣшена севастопольскимъ боемъ.

Съ замѣною парусныхъ деревянныхъ кораблей паровыми броненосцами, со введеніемъ нарѣзныхъ орудій и индикатора, дающаго возможность наводить орудія при движеніи судовъ, характеръ боеваго дѣйствія ихъ, очевидно, долженъ измѣниться. Измѣненія эти безъ сомнѣнія, будутъ сообразны со вновь пріобрѣтенными флотомъ средствами. Такъ: паръ и броня даютъ ему возможность двигаться быстро и безопасно подходить къ батареямъ на довольно близкія разстоянія. Нарѣзныя же орудія дозволяютъ съ достаточною вѣрностію дѣйствовать издали, и индикаторы

дѣлаютъ возможною стрѣльбу во время самаго движенія. Было бы совершенно неосновательно предполагать, что флотъ не захочетъ воспользоваться этими новыми своими средствами, а станетъ дѣйствовать по прежнему, лишь издали, съ шпринга или якоря, или же, приблизившись, молча, подъ учащенными выстрѣлами, съ батарей, откроетъ потомъ быструю пальбу на удачу, въ взволнованномъ состояніи прислуги, только для того, чтобы самому спрятаться въ собственномъ дыму и представлять изъ себя невидимую цѣль.

Изъ атаки Севастополя видно, что, уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ, моряки, сознавая необходимость передвиженія судовъ при атакѣ береговыхъ батарей, связали громадные парусные корабли съ небольшими пароходами. Хотя это превращало корабли, гордость моряковъ, въ неуклюжія и неповоротливыя массы, но давало имъ возможность передвигаться въ бою независимо вѣтра, выходить изъ линіи при поврежденіяхъ и снова возвращаться, по исправленіи ихъ. Собственно паровые корабли, двигающіеся свободно и обладающіе возможностію скорѣе выйдти изъ боя, смѣло вступили первыми подъ выстрѣлы батарей, чтобы занять удобнѣйшія для пораженія ихъ мѣста, послужившія основаніемъ общей боевой линіи. Потомъ, передвигаясь, какъ «Санпарель», «Террибль» и «Самсонъ», изыскивали наиболѣе слабые и даже совершенно необстрѣленные пункты, для пораженія Константиновской батареи. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, именно «Агамемнонъ», только для того, чтобы убѣдиться въ результатахъ борьбы англійской эскадры съ этой батареей, смѣло появился на одномъ изъ наиболѣе обстрѣливаемыхъ сотнями орудій пунктовъ и, поражаемый со всѣхъ сторонъ, отошелъ назадъ не прежде, какъ сдѣлавши съ обоихъ бортовъ десятка два залповъ по батареямъ Константиновской и № 10. Такимъ образомъ, дѣйствовали и двигались корабли, еще не защищенные панцырями, по большей части парусные. Съ желѣзною броней и съ собственными паровыми двигателями, они могутъ и будутъ двигаться несравненно свободнѣе и дѣйствовать еще рѣшительнѣе, съ большею самоувѣренностію и отвагою.

Потому то теперь, болѣе чѣмъ когда либо, береговыя батареи должны быть готовы къ борьбѣ съ непріятельскими судами, на всевозможныхъ пунктахъ, въ близкомъ и дальнемъ разстояніи, какъ при неподвижномъ положеніи ихъ, такъ и при самомъ движеніи болѣе или менѣе быстромъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, слѣдуетъ озаботиться, чтобы стрѣльба съ батарей была вполнѣ дѣйствительною и наведеніе орудія точнымъ, независимо того, совершенно ли ясно видима цѣль, или же она болѣе или менѣе скрыта въ дыму. Потому то исключительная заботливость только о стрѣльбѣ по невидимой цѣли, существованіе которой въ будущемъ болѣе нежели сомнительно, кажется намъ одностороннею.

Неоспоримо, что и стрѣльба по видимой цѣли, или такъ называемая простая наводка, далеко еще неусовершенствована. по неимѣнію точныхъ средствъ къ безошибочному опредѣленію разстояній, а не научась вѣрно попадать въ цѣль видимую, нельзя и думать еще объ удачномъ пораженіи цѣли невидимой. Результаты борьбы батарей съ кораблями въ Севастополѣ оказались не вполнѣ рѣшительными и не соотвѣтствующими ожиданіямъ, именно только по несовершенству простой наводки, чрезъ невозможность быстро и правильно опредѣлять разстоянія.

При обыкновенной простой наводкѣ по глазомѣру, основанному на большей или меньшей остротѣ зрѣнія, на большемъ или меньшемъ упражненіи въ наблюденіи надъ предметами, различно удаленными отъ батарей, опредѣляется примѣрное разстояніе приближающагося или удаляющагося, движущагося мимо или уже остановившагося предмета. Не говоря уже о томъ, что такія опредѣленія разстояній могутъ быть лишь примѣрныя, дѣлаемыя на угадъ, они бываютъ всегда на столько же разнообразны, какъ разнообразны острота зрѣнія и навыкъ употребленія его у разныхъ отдѣльныхъ личностей, какъ разнообразны состоянія атмосферы, степень освѣщенія предмета и другія мѣстныя условія. Отъ того-то, какъ бы ни былъ искусенъ наводчикъ, дѣйствительно вѣрное разстояніе опредѣлится лишь послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, дѣлаемыхъ какъ бы

для опыта, т. е. по предварительной пристрѣлкѣ, вполнѣ возможной однако и дающей точные результаты, только при неподвижности цѣли. Но если цѣль движется, или же болѣе или менѣе скрыта въ дыму, предварительная пристрѣлка дѣлается затруднительной, такъ какъ при этомъ нужно принимать въ разсчетъ движеніе предмета и большую или меньшую его видимость. Въ дѣйствительномъ бою такія затрудненія, отъ моральнаго возбужденія прислуги, возрастаютъ еще несравненно болѣе. Изъ описанія севастопольскаго боя видно, какъ утрачивались, вслѣдствіе необходимости пристрѣлки, самые выгоднѣйшіе моменты для наибольшаго пораженія непріятельскихъ судовъ, и что собственно возможность предварительной пристрѣлки и вѣрнаго опредѣленія разстоянія, еще до начала боя, была единственнымъ шансомъ успѣха батарей надъ кораблями, уравнивавшимъ далеко несоразмѣрныя ихъ силы.

Отсюда очевидно, на сколько полезно и желательно увеличеніе средствъ скораго и вполнѣ вѣрнаго наведенія орудій береговаго или вообще крѣпостнаго вооруженія.

Въ крѣпостяхъ это не только необходимо, но и вполнѣ возможно. Крѣпостныя орудія дѣйствуютъ обыкновенно при условіяхъ несравненно болѣе выгодныхъ, нежели полевая и корабельная артиллерія.

На кораблѣ орудія хотя и помѣщены болѣе однообразно, но, перемѣщаясь вмѣстѣ съ судномъ, дѣйствуютъ также по цѣлямъ весьма разнообразнымъ. Опредѣленіе разстояній съ корабля можетъ быть также только глазомѣрное, т. е. болѣе или менѣе гадательное; однако зависимость положенія орудій отъ передвиженія судна даетъ возможность, съ помощію индикатора и условныхъ мѣтокъ для горизонтальнаго направленія, улучшить нѣсколько простую наводку и сосредоточенное или совмѣстное дѣйствіе орудіями на ходу, или при измѣненіи положеній судна къ цѣли, а также и при закрытіи цѣли дымомъ выстрѣловъ.

Положеніе осадной и крѣпостной батареи остается совершенно неизмѣннымъ, предметы стрѣльбы (траншеи и мѣстныя батареи) также неподвижны. Это даетъ возможность, изучивъ и даже измѣривъ мѣстность, еще до боя,

спокойно пристрѣлять орудія въ самомъ бою и сдѣлать соотвѣтствующія мѣтки какъ для горизонтальнаго наведенія (на платформѣ), такъ и для вертикальнаго (на лафетѣ, винтѣ, или подъемномъ клинѣ). Такія мѣтки не только сдѣлаютъ наводку совершенно точною, но и даютъ возможность безошибочно наводить орудія даже и въ то время когда цѣль, какъ напримѣръ ночью, совершенно невидима. Они особенно полезны и даже ничѣмъ не замѣнимы, при наводкѣ мортиръ, и замѣняютъ копотливое и далеко не совершенное употребленіе громоздкихъ треногъ, а также кольевъ или приборовъ на брустверѣ, служащихъ для наведенія непріятельскихъ орудій, гораздо болѣе и лучше, нежели для собственныхъ.

Орудія береговой артиллеріи находятся также на батареяхъ, всегда сохраняющихъ одно и то же положеніе. Мѣстность передъ ними также неизмѣнна, и также можетъ быть изучена и точно измѣрена. Но атакающія суда могутъ подходить и удаляться очень быстро, или же двигаться постоянно, не давая времени не только для предварительной пристрѣлки орудій, но и для продолжительной, сколько нибудь точной, простой наводки, по одному только прицѣлу. Здѣсь условныя мѣтки для горизонтальнаго наведенія не только полезны, но и совершенно необходимы, ничѣмъ незамѣнимы, потому что безъ нихъ правильное и сколько нибудь вѣрное опредѣленіе разстоянія, отъ самаго орудія, при движеніи судна, совершенно невозможны, немыслимы.

Въ самомъ дѣлѣ, при неимѣніи времени для пристрѣлки и даже для продолжительнаго достаточно вѣрнаго наведенія, не остается ничего инаго, какъ обусловить, заранѣе изученою системою мѣтокъ на платформахъ, возможность наведенія орудій еще до появленія судовъ въ сферѣ выстрѣловъ батарей, постепенно въ соотвѣтственности съ направленіемъ ихъ приближенія. Система мѣтокъ, конечно, должна охватывать все пространство мѣстности предъ батареями и служить одинаково для наведенія каждаго орудія и для опредѣленія разстояній, какъ до цѣли видимой, появляющейся на мѣстности, соотвѣтствен-

ной этимъ мѣткамъ, такъ и для случаевъ, когда цѣль, скрываясь въ дыму, могла бы сдѣлаться невидимою. Эта же система мѣтокъ можетъ служить и для сосредоточенія орудій нѣсколькихъ или всѣхъ батарей, по сигналамъ командующаго крѣпостою артиллеріею, на одинъ извѣстный пунктъ, для достиженія наивыгоднѣйшихъ результатовъ борьбы.

Не нужно доказывать, что система мѣтокъ не должна служить исключительно только для одного какого либо рода дѣйствія, напримѣръ, для стрѣльбы лишь по невидимой цѣли. Получивъ возможность по такимъ мѣткамъ съ достаточною точностію наводить въ видимую цѣль, мы, конечно, будемъ имѣть возможность успѣшно дѣйствовать и тогда, когда цѣль, скрываясь въ дыму, дѣлается невидимою. Потому то намъ кажется преждевременною заботливость собственно о дѣйствіи по невидимой цѣли, тогда какъ стрѣльба по видимой остается еще въ первобытномъ состояніи простой наводки по глазомѣру, т. е. на угадъ, на удачу. Также преждевременна мысль о возможности сосредоточенія орудій на предметъ невидимый, если ничего еще не сдѣлано для сосредоточенія ихъ, когда цѣль видима.

Преслѣдуя собственно средства для дѣйствія по невидимой цѣли, придумали систему мѣтокъ и родъ сосредоточенной стрѣльбы, хотя весьма оригинальныя, но едва ли вполнѣ практичныя. Закрывъ амбразуры, наводятъ орудія назадъ на извѣстныя мѣтки и ожидаютъ, пока непріятельское судно придетъ само на то мѣсто, на которое наведено уже орудіе, или же, по сигналамъ командира крѣпости, приступаютъ къ наводкѣ только тогда, когда судно остановится на какомъ либо пунктѣ. Говорятъ, что такое наведеніе, на практическихъ ученіяхъ въ мирное время, даетъ чудесные результаты. Но въ дѣйствительномъ бою намъ кажется вовсе не возможнымъ и не практичнымъ ждать прихода судна на извѣстный пунктъ, на который, въ 9 случаяхъ изъ 10, оно можетъ не придти вовсе, а для наведенія на остановившееся судно нужно, чтобы оно дѣйствительно остановилось, и, остановясь, поджидало, пока на него наведутъ и сосредоточатъ орудія.

Бой въ Севастополѣ и примѣрное форсированіе севастопольской бухты вице-адмираломъ *Корниловымъ*, если можно такъ выразиться, осязательно навели насъ на слѣдующіе практическіе выводы:

1) Атаку непріятеля слѣдуетъ ожидать не въ одномъ только какомъ либо направленіи, а тѣмъ менѣе на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ, а со всевозможныхъ сторонъ и на всѣхъ пунктахъ, не только не исключая и самыхъ слабѣйшихъ, но преимущественно обращая на нихъ вниманіе, чтобы нигдѣ не быть застигнутымъ въ расплохъ.

2) При ожиданіи нападенія, всѣ орудія непремѣнно должны быть наведены, еще до появленія непріятельскихъ судовъ въ сферѣ выстрѣловъ, въ ту сторону, откуда они ожидаются. При разнообразіи положенія батарей, въ отношеніи къ рейду или проходу, данное имъ при этомъ наведеніе будетъ также разнообразно. Такъ, орудія батарей съ лѣвой стороны входа будутъ наведены въ крайнемъ направленіи влѣво, на сколько допускаетъ щека абразуры, или конструкція установки при стрѣльбѣ чрезъ банкъ. Орудія на батареяхъ правой стороны получатъ наведеніе въ крайнемъ направленіи вправо. Съ батарей же, противоположныхъ входу, орудія наведутся прямо по ихъ директрисамъ. Такое разнообразное наведеніе даетъ возможность слѣдить отъ всѣхъ орудій, на всѣхъ береговыхъ батареяхъ, за движеніемъ судовъ, сколько бы ихъ ни было, и, по мѣрѣ появленія ихъ на направленіи двухъ какихъ нибудь орудій, опредѣлять мѣсто и разстояніе каждаго приближающагося судна, наведеніемъ самихъ орудій, по предлагаемой мною системѣ.

3) Наблюденіе отъ всѣхъ орудій за движеніемъ судовъ, гдѣ бы они ни появились, съ требованіемъ при этомъ совершеннаго спокойствія, хладнокровія и наибольшей точности наведенія, давая каждому наводчику осмысленное занятіе и непосредственное участіе, въ приложеніи своей спеціальности, еще до боя, постепенно подготовляетъ его къ самому бою, безъ всякой ажитаціи и суетливости, а, главное, безъ всякой поразительной неожиданности со сто-

роны непріятеля, имѣющей такое роковое значеніе въ бою. При такомъ наведеніи вовсе не могутъ имѣть мѣста ни преждевременное открытіе огня, ни утрата момента удобнѣйшаго и своевременнаго его открытія. Всѣ слѣдятъ за наступленіемъ своей очереди, не съ томительнымъ волненіемъ неизвѣстности, не съ тревожнымъ преждевременнымъ увлеченіемъ, внушающимъ нетерпѣніе и недовѣріе къ распоряженіямъ начальниковъ, при кажущихся замедленіяхъ, а съ полнымъ сознаніемъ всего происходящаго, по непосредственному наблюденію надъ собственнымъ орудіемъ. Какъ это существенно важно въ дѣйствительномъ бою, очевидно изъ приведеннаго описанія атаки Севастополя.

4) Каковы бы ни были случайности боя, наблюденіе отъ всѣхъ орудій, со всевозможныхъ пунктовъ, нѣсколькихъ сотенъ глазъ, дающее при томъ и непосредственное указаніе разстоянія, при каждыхъ двухъ совпадающихъ наведеніяхъ, дастъ возможность не только замѣчать всѣ видоизмѣненія боя и передвиженія судовъ, несравненно лучше нежели съ нѣкоторыхъ только весьма немногихъ пунктовъ, хотя-бы и снабженныхъ самыми точными инструментами ([1]), но и открывать огонь тотчасъ же, какъ послѣдовали эти измѣненія, съ увѣренностію достаточно вѣрно поражать непріятеля, не утрачивая при томъ ни одного удобнаго момента.

5) Орудія, которыя расположены такъ, что приближающееся или проходящее мимо судно, съ появленіемъ на ихъ крайнихъ направленіяхъ или директрисахъ, не будетъ еще находиться отъ нихъ на разстояніи вѣрнаго выстрѣла, могутъ быть передвигаемы, слѣдя за движеніемъ судна, до того пункта, на которомъ, по желанію командира артиллеріи, долженъ быть сосредоточенъ огонь извѣстнаго числа орудій. Сдѣлавъ одновременно съ другими выстрѣлъ, наводчикъ, по сигналу командира, можетъ или преслѣдовать судно постепеннымъ наведеніемъ, до окончанія заряжанія,

---

([1]) Инструменты необходимы, однако, для совершенной точности опредѣленія разстояній, возможнаго въ началѣ боя, и для повѣрки разстояній въ тѣхъ случаяхъ, когда командиръ артиллеріи признаетъ это необходимымъ.

чтобы сдѣлать снова выстрѣлъ, когда орудіе будетъ готово, или же, оставя орудіе въ томъ же положеніи, выжидать приближенія на тотъ же пунктъ другаго, слѣдующаго за первымъ, судна и дѣйствовать по немъ, сосредоточенно съ другими орудіями, по новому сигналу.

Употребленіе простой наводки для сосредоточенія орудій и опредѣленія ею же разстоянія можетъ послужить къ улучшенію способовъ этой наводки. Оно дастъ средство къ составленію таблицъ, примѣненныхъ не только къ каждой батареѣ, но къ каждому ихъ фасу или даже къ каждому орудію. Сосредоточеніе орудій, при вѣрномъ наведеніи ихъ непосредственно въ самую цѣль, сдѣлаетъ дѣйствіе нарѣзныхъ орудій въ 10 разъ болѣе успѣшнымъ, а употребленіе мортиръ въ береговой войнѣ не только возможнымъ но и достигающимъ поразительныхъ результатовъ. Наведеніе же назадъ, лишая наводчиковъ сознательнаго участія въ бою и самостоятельной дѣятельности, обращаетъ ихъ изъ людей въ машины, для выполненія мановеній волшебнаго жезла начальника, едва ли возможныхъ и практически примѣнимыхъ въ дѣйствительной войнѣ. Кромѣ того, оно ставитъ ихъ, во время боя, въ неестественное положеніе, заставляя не только не слѣдить за непріятелемъ, не наблюдать его движенія, а, повернувшись тыломъ къ нему, наводить лишь на извѣстную мѣтку на стѣнѣ или рейкѣ; такое положеніе въ состояніи убить во всякомъ духъ, энергію и способность дѣйствовать. Оно соотвѣтствуетъ вполнѣ положенію приговореннаго къ смерти, повернувшагося тыломъ къ палачу и, зажмуривъ глаза, ожидающагося роковаго удара. А въ подобномъ положеніи невозможны не только проявленія отваги и разумной самодѣятельности, но и процессъ самой простой работы.

Въ заключеніе повторимъ основы предлагаемой нами системы естественнаго сосредоточенія орудій, приведенные въ нашей статьѣ 1866 года: 1) Наводимое орудіе должно быть вмѣстѣ съ наводящимъ инструментомъ; 2) сосредоточеніе батарей можетъ быть только естественное, свойственное ихъ начертанію, и потому не должно быть изобрѣтаемо, а только подробно изучено и примѣнено непосредственно къ

самимъ орудіямъ; 3) крайнія и среднія направленія орудій, съ ломаныхъ и изогнутыхъ фасовъ, даютъ пересѣченія на разныхъ разстояніяхъ, которыя, по изслѣдованіи и группировкѣ ихъ, послужатъ основою сѣти сосредоточенія и таблицъ для наведенія каждаго орудія; 4) при существованіи подобной сѣти, выражаемой таблицами наведенія и мѣтками на платформахъ, или поворотной дугѣ, съ помощію сигналовъ флагами или по электрическому телеграфу,—батареи будутъ находиться въ прямомъ распоряженіи командира укрѣпленій и могутъ быть руководимы его опытностію и отвѣтственностію; 5) боевое употребленіе крѣпостныхъ орудій, при осуществленіи правильной простой наводки и опредѣленіи непосредственно его разстояній, будетъ болѣе осмыслено и поведетъ къ успѣхамъ вполнѣ вѣрнымъ, а не гадательнымъ, какъ при глазомѣрномъ опредѣленіи дистанцій.

Развитіе подробностей системы естественнаго сосредоточенія зависитъ отъ одобренія началъ его, изложенныхъ въ статьѣ 18-6 года и сопоставленныхъ въ видѣ практическаго примѣненія къ фазисамъ севастопольскаго боя, въ настоящей статьѣ. Вопросъ же объ индивидуальномъ развитіи солдата необходимъ не только для правильнаго и разумнаго примѣненія предполагаемой нами системы, но и вообще для артиллерійской службы, и разрабатывался нами въ теченіе болѣе шести лѣтъ. Результаты разработки этого вопроса, тѣсно связаннаго съ ускореннымъ и правильнымъ распространеніемъ грамотности въ народѣ, составляетъ предметъ особой нашей статьи ([1]) и упрощеннаго учебника грамотности для солдатъ и простолюдиновъ вообще, предлагаемаго нами для солдатскихъ и народныхъ школъ.

Кто видѣлъ русскаго солдата въ самые ужасающіе моменты боя, въ самые критическія минуты жизни, тотъ не можетъ не оцѣнить его глубокаго самоотверженія, разумной находчивости и простаго, но здраваго смысла. Кто видѣлъ близко дѣятельность солдата въ бою, тотъ не мо-

---

([1]) „Артиллерійскій Журналъ“ 1869 г. № 9.

жетъ не сознать, что не только не слѣдуетъ связывать его, обращать въ бездушную машину, требуя дѣйствій механическихъ и подчиняя ихъ лишь указаніямъ инструмента, напротивъ, слѣдуетъ вполнѣ осмыслить самодѣятельность солдата, дать ей разумныя основы, согрѣть чувствомъ собственнаго достоинства, какъ человѣка, солдата и артиллериста; только эти чувства могутъ быть главнѣйшими двигателями въ бою и никакой инструментъ не замѣнитъ въ немъ человѣка-солдата, хотя бы по одной только численной силѣ, не говоря уже о разумномъ примѣненіи этой силы. Наблюденіе тысячъ глазъ, съ нѣсколькихъ сотъ пунктовъ, всегда будетъ несравненно вѣрнѣе и примѣнимѣе ко всѣмъ видоизмѣненіямъ боя, нежели употребленіе немногихъ, хотя бы и самыхъ точныхъ инструментовъ. Если же такое наблюденіе съ многочисленныхъ пунктовъ соединено съ наведеніемъ самихъ орудій и опредѣленіемъ разстоянія до непріятеля, именно по этому наведенію, то готовность орудій къ дѣйствію тотчасъ же даетъ еще болѣе преимуществъ такому способу, предъ употребленіемъ инструментовъ, при которомъ требуется еще время для обратной наводки орудій, по указаніямъ инструмента.

Но для самостоятельнаго дѣйствія орудійной прислуги, необходимо хотя сколько нибудь самостоятельное индивидуальное развитіе артиллерійскаго солдата. Вотъ почему, заявивъ еще въ 1866 году предположенія свои о сосредоточеніи орудій и опредѣленіи разстояній простою наводкою, я до сихъ поръ не развивалъ далѣе этихъ предположеній, а занялся исключительно изысканіемъ средствъ индивидуальнаго развитія солдата и, только достигнувъ нѣкоторыхъ практическихъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ, я снова предъявляю мои предположенія, основывая ихъ на опытѣ севастопольскаго боя.

При описаніи этого боя, я старался выставить солдата, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, при всемъ недостаткѣ развитія и самодѣятельности, чтобы показать, чего можно ожидать отъ него при соотвѣтственномъ развитіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я старался дать сосредоточенію орудій значеніе про-

стой наводки, поставить вопросъ о немъ исключительно на практическую почву, отклоняя увлеченіе предвзятыми идеями, а тѣмъ болѣе непрочное самообольщеніе видимостью—невидимой цѣли и возможностью—невозможнаго дѣйствія. Знаменитый практикъ *Трошю* не напрасно сказалъ: «На войнѣ все что не просто—невозможно; самыя блестящія, самыя удивительныя изобрѣтенія мирнаго времени — жалко рушатся во время войны, если они строго не согласованы съ практичностью, удобствомъ и простотою дѣйствія» (1).

П. Бабенчиковъ.

КОНСТАНТИНОВСКАЯ БАТАРЕЯ Г. СЕВАСТОПОЛЯ ВЪ МИНУВШУЮ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ.

Во время высадки англо-турецко-французскихъ войскъ на берега Крымскаго полуострова, 1-го сентября 1854 года, укрѣпленія собственно морскаго берега сѣверной стороны Севастополя состояли изъ Константиновской батареи на мысѣ, между моремъ и рейдомъ, земляной батареи Карташевскаго въ 5 орудій, на возвышенности у телеграфа, и Волоховой башни на исходящемъ углу берега моря, въ 8 орудій, изъ которыхъ къ морю могло быть обращено, вслѣдствіе устройства круглыхъ платформъ, 7 орудій въ разныя стороны; по одному же направленію могли дѣйствовать только 3 или 4 орудія.

Со дня высадки непріятеля приступлено было къ возведенію батареи капитана-лейтенанта *Алексѣева* въ 8 орудій, для обстрѣливанія устья р. Бельбека и для защиты сѣвернаго укрѣпленія, отстоявшаго въ этомъ мѣстѣ отъ берега моря почти на 250 саж., и батареи лейтенанта *Ворожейкина* на 10 орудій во входящемъ углу берега, между батареей *Алексѣева* и Волоховой башнею. Кромѣ того же назначенія, какое имѣла и батарея *Алексѣева*, батарея *Ворожейкина* должна была лѣвымъ флангомъ об-

(1) „Артиллерійской Журналъ“ 1870 № 1, 2 и 3

стрѣливать ближайшее пространство у отвѣсныхъ береговъ возвышенности, на которой расположена Волохова башня, остававшееся мертвымъ, по невозможности давать орудіямъ башни нужнаго для того угла наклоненія.

Въ такомъ состояніи было укрѣпленіе собственно морскаго берега сѣверной стороны Севастополя передъ бомбардированіемъ его съ моря 5-го октября 1854 года.

Константиновская батарея, о которой мы будемъ говорить, — каменная, сводчатая, съ трехъ-ярусной обороной; два нижніе этажа ея покрыты сводами, а верхній—открытый, съ каменнымъ парапетомъ. Батарея состоитъ изъ двухъ фасовъ, изъ которыхъ правый обращенъ къ морю, а лѣвый къ рейду и городу; оба фаса соединяются закругленною частью, такъ что вся батарея такимъ образомъ имѣетъ видъ подковы.

Въ двухъ казематированныхъ этажахъ находились для каждаго по одной ядрокалительной печи, отъ которыхъ трубы, какъ и отъ всѣхъ нагрѣвательныхъ печей, были выведены на верхнюю площадку, возвышаясь надъ нею кирпичной кладкой до 3 фут., а частію проведены были въ тумбы рѣшетки, находящейся у наружнаго края верхней площадки. Сообщеніе съ верхнимъ, открытымъ ярусомъ батареи производилось посредствомъ двухъ аппарелей позади погребовъ.

Для обезпеченія батареи съ тыла, сзади нея находился двухъ-этажный сводчатый флигель, называемый *офицерскимъ*, состоявшій изъ трехъ фасовъ; верхній его этажъ съ амбразурами, и вооруженъ былъ орудіями, а нижній имѣлъ бойницы для ружейной обороны. Въ среднемъ фасѣ расположены были ворота. Батарея во всю высоту замыкалась каменными стѣнами, которыя шли отъ наружныхъ угловъ фасовъ къ исходящимъ угламъ офицерскаго флигеля, и имѣли бойницы для ружейной обороны, съ прислоненнымъ деревяннымъ банкетомъ. Передъ флигелемъ обдѣлана натуральная возвышенность на подобіе гласиса съ каменнымъ контръ-эскарпомъ. Крыша надъ пороховыми погребами и флигелемъ была, сверхъ земляной насыпи, покры-

та черепицей. Во внутренней стѣнѣ батареи и средняго фаса офицерскаго флигеля расположены были окна.

Орудія лѣваго фаса офицерскаго флигеля обращены были на рейдъ, почему, по высадкѣ непріятеля, тотчасъ пришлось пробить амбразуры въ противоположной стѣнѣ, обращенной къ морю; при этомъ надъ амбразурами, вмѣсто сводчатыхъ перемычекъ, употребили брусья, толщиною до 6 вершк. въ квадратѣ, кладя ихъ въ одинъ рядъ.

Хотя при проектированіи и постройкѣ Константиновской батареи были соблюдены всѣ правила, опредѣленныя теоріей, но недостатки ея какъ въ общемъ расположеніи, такъ и въ частностяхъ, вполнѣ обнаружились во время бомбардированія 5-го октября 1854 года.

Когда французскій флотъ, заходя отъ Камышевой бухты, началъ бомбардировать приморскія батареи южной стороны Севастополя и самаго города, а англійскій, подходя отъ устьевъ р. Качи, изъ носовыхъ орудій посылалъ пробные выстрѣлы,—всѣ орудія Константиновской батареи открыли огонь калеными ядрами. Но первые ея выстрѣлы, какъ тоже, можно сказать, пробные, были невѣрны. Отчасти это можно объяснить особеннымъ состояніемъ духа артиллерійской прислуги, бывшей не изъ матросовъ, а изъ Минскаго резервнаго батальона—людей едва только поступившихъ въ службу, и, слѣдовательно, еще неопытныхъ и не нюхавшихъ пороховаго дыма. Вслѣдствіе этого небольшое число каленыхъ ядеръ, какое оказалось возможнымъ заготовить, было выкинуто безъ большой пользы. — Калить ядра вновь было невозможно, потому что первые непріятельскіе снаряды разбили выходившія надъ парапетомъ кирпичныя трубы ядрокалительныхъ печей, а отъ этого дымовые каналы такъ засорились и забились, что для очистки ихъ впослѣдствіи приходилось разбирать часть стѣнъ. Но если бы даже и не было этого, то слѣдующія каленыя ядра получились бы только къ концу бомбардированія, какъ и было на Волоховой башнѣ.

Непріятельскія суда, дѣйствовавшія по Константиновской батареѣ на болѣе близкомъ разстояніи, становились

не противъ ея праваго фаса, а въ косвенномъ направленіи. съ обѣихъ сторонъ, а потому орудія двухъ казематированныхъ ярусовъ оставались почти въ бездѣйствіи, исключая закругленной части, такъ какъ щеки амбразуръ не позволяли дать орудіямъ нужный поворотъ вправо и влѣво. Противъ фаса же находились мелкія суда, стрѣлявшія навѣсно и стоявшія въ такомъ разстояніи, что наши орудія могли бы достать до нихъ, дѣйствуя лишь подъ большимъ угломъ возвышенія, котораго, по устройству амбразуръ, имъ также нельзя было дать. Хотя нѣкоторые артиллеристы потомъ и находили возможнымъ дѣйствовать на этомъ разстояніи рикошетными выстрѣлами, чему способствовала бывшая въ то время совершенно тихая погода, но командиръ батареи, капитанъ *Темкинъ* (1), не употребилъ этого способа, и орудія молчали. Батарея *Карташевскаго* и *Волохова* башня перестрѣливались съ стоявшими противъ нихъ судами. Батарея *Ворожейкина*, по расположенію непріятельскихъ кораблей. дѣйствовала только двумя орудіями лѣваго фланка, помогая Волоховой башнѣ, а прочія ея орудія, также какъ и батарея *Алексѣева*, совершенно молчали, потому что орудія ихъ, по положенію фасовъ батарей, не могли принимать участія въ бою.

Судамъ, дѣйствовавшимъ противъ Константиновской батареи, могли отвѣчать только орудія верхняго открытаго яруса праваго фаса и 3 орудія офицерскаго флигеля,—но и это было не надолго.

Пользуясь общимъ разгаромъ дѣла и подъ прикрытіемъ пороховаго дыма, который, по совершенному безвѣтрію, закрывалъ собою все, одинъ изъ англійскихъ кораблей подошелъ къ самому берегу противъ *Карташевскаго* батареи, и, ставъ на продолженіи перваго фаса Константиновской батареи, открылъ по ней самый усиленный огонь. Корабль этотъ подошелъ такъ близко къ берегу, что ни батарея *Карташевскаго*, ни Волохова башня, расположенная на самомъ высокомъ мѣстѣ, не могли по немъ дѣйствовать, по невозможности дать орудіямъ необходимый

---

(1) Нынѣ умершій

для того уголъ наклоненія. Отъ батареи *Ворожейкина* корабль этотъ закрытъ былъ самою мѣстностью, и потому противъ него могли только дѣйствовать 3 орудія [1] офицерскаго флигеля, но они передъ тѣмъ уже нѣсколько часовъ отвѣчали на пальбу нѣсколькихъ сотъ непріятельскихъ орудій, чѣмъ были и въ это время заняты, находясь между прочимъ въ самомъ разстроенномъ положеніи и дѣйствуя чрезъ разбитыя амбразуры. Вслѣдствіе этого англійскій корабль находился почти внѣ всякой опасности. Послѣ первыхъ нѣсколькихъ залповъ фланковая стѣнка была разбита, и всѣ орудія верхняго, открытаго этажа перваго фаса, какъ говорится, были счищены. Неизвѣстно, что сдѣлалъ бы этотъ корабль, дѣйствуя орудіями огромнаго калибра безнаказанно на разстояніи ближайшаго картечнаго огня, если бы изъ Михайловской батареи не замѣтили его, не смотря на всю густоту пороховаго дыма. Замѣтивъ его, Михайловская батарея тотчасъ открыла по немъ огонь изъ орудій верхняго открытаго этажа праваго фланка, и какъ сама не была собственно бомбардируема и имѣла артиллерійскую прислугу отъ флота, то могла производить самую правильную пальбу. Выстрѣлы были такъ вѣрны, что корабль долженъ былъ вскорѣ удалиться.

Три зарядные ящика находились на дворѣ у внутренней стѣны, и, по неизвѣстной причинѣ—такъ какъ положеніе ихъ, казалось, совершенно обезпечивало ихъ отъ непріятельскихъ снарядовъ—взорвались, отчего произошелъ было пожаръ, который однакоже, въ слѣдствіе особой храбрости, энергіи и распорядительность командира батареи, былъ скоро потушенъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Когда по окончаніи бомбардированія я, какъ завѣдывавшій укрѣпленіями сѣверной стороны, пошелъ осмотрѣть и исправить всѣ поврежденія, то нашелъ слѣдующее.

1) *Батарея Ворожейкина.* — Убитыхъ и раненыхъ не было; повреждена была только правая щека отъ лѣваго

---

[1] Орудія средняго фаса офицерскаго флигеля не могли и по этому кораблю дѣйствовать, по невозможности дать имъ надлежащій поворотъ влѣво, чему мѣшали щеки амбразуръ.

фланка амбразуры, что было тотчасъ же исправлено самою артиллерійскою прислугой, подъ присмотромъ сапернаго унтеръ-офицера.

2) *Волохова башня.*—20 человѣкъ нижнихъ чиновъ ранены, большею частію осколками камней; кромѣ того командиръ батареи лейтенантъ *Швендеръ* тяжело контуженъ и лейтенантъ *Коровaевъ* получилъ четыре раны; бывшій тамъ для перевязки младшій докторъ 6-го сапернаго баталіона *Мясковскій* контуженъ ядромъ, влетѣвшимъ въ средній сводчатый этажъ, разбивъ острые углы одной изъ ружейныхъ бойницъ. Поврежденія были слѣдующія: двѣ круглыя платформы и одинъ лафетъ подбиты; тонкія стѣнки парапета въ мѣстахъ, гдѣ устроены навѣсныя бойницы, были совершенно разбиты. Подбитыя платформы и лафетъ ночью же были исправлены, а частію замѣнены новыми; разбитыя стѣнки тоже по возможности исправлены, а выемы для навѣсныхъ бойницъ задѣланы кулями съ землей. Кромѣ того, съ слѣдующаго же утра приступлено было къ возвышенію части гласиса, обращенной къ морю, для прикрытія стѣнъ средняго этажа башни, ослабленныхъ устройствомъ бойницъ.

3) *Карташевскаго батарея.* Убитыхъ и раненыхъ, а также и никакихъ поврежденій не было.

4) *Константиновская батарея.* Убитыхъ было 5; тяжело и легко-раненыхъ 45 человѣкъ артиллерійской прислуги, большею частію осколками камней и черепицъ отъ крышъ. Вообще батарея представляла собой страшный видъ разрушенія, такъ что трудно было тогда же, за темнотою ночи, разсмотрѣть всѣ поврежденія, которыя, по осмотрѣ ихъ на другой день, оказались въ слѣдующемъ: всѣ орудія верхняго открытаго этажа совершенно сбиты: праваго фаса продольными выстрѣлами, а лѣваго съ тыла, снарядами, перелетавшими чрезъ парапетъ праваго фаса. Три амбразуры лѣваго фаса офицерскаго флигеля разрушены, и брусья, замѣнявшіе перемычки, разбиты; кромѣ того, повреждены амбразуры: одна нижняго и одна средняго этажей, причемъ въ послѣдней ударомъ ядра сдвинутъ одинъ изъ клиньевъ сводчатой перемычки. Весь па-

рапетъ и фланковая стѣнка праваго фаса избиты; всѣ дымоводныя трубы и 23 тумбы бывшей желѣзной рѣшетки у внутренняго края площадки — совершенно разрушены. Выбоинъ въ стѣнахъ было: въ наружной праваго фаса до 460, величиною отъ 3-хъ до 6-ти квадр. фут. и до 300 меньшей величины, всѣ глубиною отъ 2-хъ дюйм. до $1^1/_4$ фут.; во внутреней стѣнѣ лѣваго фаса, разной величины, до 160, причемъ три сквозныя въ отдушинахъ пороховаго погреба. Въ верхней башнѣ пороховаго погреба праваго фаса разрушенъ наружный уголъ задней стороны; въ стѣнкѣ, соединяющей правый фасъ батареи съ флигелемъ, разрушены въ 8 мѣстахъ три верхніе ряда каменной кладки; оказалось 6 сквозныхъ пробоинъ чрезъ бойницы, повреждено болѣе или менѣе 8 бойницъ и сдѣлано до 86 выбоинъ различной величины и глубины. Въ стѣнкѣ, соединяющей лѣвый фасъ батареи съ флигелемъ, разрушенъ въ 4-хъ мѣстахъ верхній рядъ каменной кладки, и сквозныхъ пробоинъ чрезъ бойницы — 10; повреждено 12 бойницъ и избиты болѣе или менѣе 7 среднихъ рядовъ каменной кладки, по сложной длинѣ выбоинъ каждаго ряда до 8 фут. Во флигелѣ выбоинъ разной величины и глубины: въ наружной стѣнѣ праваго фаса — 18, въ задней поперечной стѣнѣ того же фаса — 6, въ наружной стѣнѣ средняго фаса—2, въ наружной стѣнѣ лѣваго фаса, обращенной къ морю — 7, и въ задней поперечной того же фаса—2; въ аппарели лѣваго фаса батареи—5 выбоинъ, и находящійся подъ нею сводчатый входъ въ отхожее мѣсто сильно поврежденъ. Оконъ разбито: въ среднемъ этажѣ лѣваго фаса 3 и во флигелѣ 1; въ нижнемъ этажѣ лѣваго фаса 3 и въ правомъ 3; эти послѣднія—отъ взрыва пороховыхъ ящиковъ, при чемъ и внутренняя стѣна праваго фаса, по длинѣ трехъ казематовъ, внизу значительно повреждена, а вверху отклонилась во внутрь и отошла отъ сводовъ обоихъ этажей отъ $^1/_4$ до $^3/_4$ дюйм.; наружныя и внутреннія полотна воротъ были пробиты.

Сравнивая поврежденія каменныхъ и земляныхъ батарей, взявъ также въ разсчетъ ничтожную потерю въ людяхъ и орудіяхъ на трехъ большихъ батареяхъ: № 10,

Александровской и № 8, и слабое сопротивленіе дѣйствію снарядовъ каменной башни на Малаховомъ курганѣ и оборонительныхъ казармъ 5-го и 6-го бастіоновъ, легко понять огромный вредъ, сопряженный съ каменными парапетами, и безполезность каменныхъ построекъ, не прикрытыхъ надлежащимъ образомъ земляными насыпями.

Въ такомъ положеніи была Константиновская батарея послѣ прекращенія знаменитаго бомбардированія 5-го октября 1854 года.

Не было никакой возможности приступить тотчасъ къ исправленію батареи, потому что прежде надо было убрать убитыхъ и раненыхъ и очистить батарею отъ подбитыхъ орудій и осколковъ. Вслѣдствіе этого ограничились исправленіемъ амбразуръ лѣваго фаса флигеля, для чего тотчасъ были присланы изъ команды 10 человѣкъ каменьщиковъ и плотниковъ изъ военно-рабочихъ, и абразуры были къ утру готовы.

Между тѣмъ, на другой день ожидали новаго бомбардированія, и потому необходимо было привести батарею къ утру по крайней мѣрѣ въ возможность отражать непріятеля, и исправить недостатки ея, выказавшіеся во время бомбардированія. Для этого съ разсвѣтомъ подбитыя орудія верхняго открытаго яруса были замѣнены новыми [1]. Чтобы непріятель не могъ снова дѣйствовать вдоль праваго фаса, исправлена по возможности фланковая стѣнка и насыпанъ на фасѣ земляной траверсъ, который въ послѣдствіи доведенъ былъ до 10 фут. высоты, 15 фут. толстоты и 12 фут. длины; для сообщенія оставленъ былъ между траверсомъ и пороховымъ погребомъ проходъ, шириною до 4 фут. Крутости траверса обдѣлали кулями, по неимѣнію туровъ (заготовка ихъ началась только 6-го числа утромъ; инженеръ штабсъ-капитанъ *Казначеевъ* командированъ былъ на Инкерманскія высоты плести туры и вязать фашины). Въ послѣдствіи кули замѣнены турами и боченками. Черепица съ крышъ была снята.

---

(1) Орудія эти взяты были изъ нижнихъ этажей лѣваго фаса, обращеннаго къ городу.

Такъ какъ находились мѣста, на которыхъ суда непріятельскія, по положенію нашихъ батарей, были внѣ ихъ выстрѣловъ, то, пользуясь мѣстностью, на мысѣ Константиновской батареи поставили 6 орудій. Кромѣ того, къ лѣвому фасу батареи Карташевскаго присыпали еще новую на 4 орудія, направленныя для обстрѣливанія Константиновской батареи и находящагося возлѣ нея мыска, на который непріятель легко могъ высадить дессантъ и такимъ образомъ занять наши батареи, не защищенныя ничѣмъ съ тыла.

Производство работъ на Константиновской батареѣ не могло идти очень успѣшно, отъ вмѣшательства многихъ постороннихъ лицъ въ это дѣло. Отъ невозможности согласить нерѣдко противорѣчащія мнѣнія, приходилось не разъ исполнять то, въ чемъ не было особой необходимости.

Такъ, напримѣръ, утромъ на другой день, т. е. 6-го октября, прійдя на Константиновскую батарею, я нашелъ, что часть рабочихъ, насыпавшихъ траверсъ, снята и обращена на постановку, между орудіями по избитому парапету, кулей съ землей. Дѣлать было нечего; пришлось продолжать эту работу. Эти кули съ землею, высотою и толстотою въ діаметрѣ до $2^1/_2$ фут., приносили дѣйствительно нѣкоторую пользу противъ штуцерныхъ пуль; но что могли они сдѣлать противъ огромныхъ снарядовъ морской артиллеріи? Для прислуги хорошаго прикрытія они не доставляли, а между тѣмъ, образуя мерлоны съ амбразурами, они стѣсняли кругъ дѣйствія орудій и замедляли производство стрѣльбы, когда приходилось скидывать ихъ, чтобы дать орудію большій поворотъ въ сторону. Кромѣ того, разбитый снарядомъ куль могъ засорять землею и муссоромъ рельсы высокихъ крѣпостныхъ лафетовъ, а это также замедляло дѣйствіе батареи. И, несмотря на то, сколько было употреблено напрасныхъ трудовъ для подноски земли въ мѣшкахъ съ морскаго обрыва, съ подъемомъ ея на сложную высоту до $9^1/_2$ саж., тогда какъ на главнѣйшую работу, т. е. на устройство траверса, мало обращали вниманія! Старые кули отъ тяжести,

земли, въ нихъ находящейся, лопались; земля высыпалась подъ лафеты, и постоянно нужно было замѣнять эти кули такими же негодными. Впослѣдствіи кули эти были оштукатурены глиною подъ вертикальную плоскость и представляли какъ бы каменные мерлоны, толстотою и высотою въ $2^1/_2$ фута,—и все это въ защиту противъ морской артиллеріи!

Поздно утромъ 6-го числа батарея была въ возможной готовности встрѣтить непріятеля,—по крайней мѣрѣ орудія снова всѣ были на мѣстахъ; траверсъ праваго фаса наконецъ былъ выведенъ на столько, что могъ доставить нѣкоторое прикрытіе; кромѣ того сзади батареи, на уступѣ, было постановлено 6 большихъ орудій, а, слѣдовательно, непріятельскій корабль не могъ уже отважиться на вчерашній маневръ.

Такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, союзники намѣрены были снова предпринять бомбардированіе съ моря (что подтвердилось 28-го марта и чему помѣшала только бурная погода), то слѣдовало немедленно приступить къ окончательному исправленію недостатковъ батареи, выказавшихся вполнѣ во время бывшаго дѣла.

Вотъ въ чемъ заключались оказавшіеся недостатки и предложенныя исправленія:

1) *Непріятель могъ безнаказанно брать во флангъ батарею.*—Для предупрежденія этого необходимо было поставить орудія на уступѣ, сзади батареи. Поставлено было 6 орудій, а въ послѣдствіи еще 6, и при нихъ устроена небольшая ядрокалительная печь. Батарея эта была сильнѣйшая, потому что брустверъ ея составляла скала, а позади ея былъ отвѣсный морской берегъ; слѣдовательно разрушить ея не было средствъ, а разрывные снаряды, коль скоро перелетали черезъ узкую площадку батареи, падали въ море.

2) *Осколки каменнаго парапета, разлетаясь во всѣ стороны, не только били прислугу стоявшихъ за нимъ орудій, но и людей на другомъ фасѣ, даже во всѣхъ ярусахъ, влетая въ оконныя отверстія.*—Для уничтоженія этого недостатка было предложено снять часть парапета на всемъ

протяженіи праваго фаса и насыпать земляной брустверъ толстотою до $17\frac{1}{2}$ фут., послѣ чего осталось бы еще позади орудій достаточное пространство для сообщенія и перетаскиванія орудій въ случаѣ нужды; а чтобы не обезоруживать батареи, предполагалось произвести эту работу постепенно, снимая по одному орудію. Работа эта однако же не была произведена.

3) *На лѣвомъ фасѣ также снять часть парапета и насыпать земляной брустверъ, но тоньше предъидущаго, потому что противъ этого фаса могли только дѣйствовать врывавшіеся корабли, и, слѣдовательно, огонь ихъ былъ бы не такъ продолжителенъ и вѣренъ. Орудія прикрыть съ тыла отъ моря продольнымъ траверсомъ. Для уменьшенія же высоты и длины этого траверса замѣнить орудія, бывшія на высокихъ крѣпостныхъ лафетахъ, морскими 24-хъ-фунтовыми пушками-карронадами короткаго чертежа, которыя не имѣютъ большаго отката. Хотя въ этомъ случаѣ онѣ должны были бы дѣйствовать чрезъ амбразуры, но за то выигрывалась возможность уменьшить высоту траверса до $10\frac{1}{2}$ фут. и устроить его сплошь изъ туровъ для уменьшенія его заложенія.* — Работа эта къ сожалѣнію, была отказана и вмѣсто ея рѣшено было вывести одинъ только продольный траверсъ, безъ употребленія туровъ, въ которыхъ оказывался нѣкоторый недостатокъ даже для оборонительныхъ работъ южной стороны. Траверсъ этотъ, при опредѣленной широтѣ мѣста и возможномъ заложеніи крутостей, не могъ быть надлежащей высоты даже при небольшой толстотѣ вверху, по совершенному неимѣнію туровъ, и потому принуждены были съ наружныхъ сторонъ сыпать глину и плотно уколачивать, для приданія надлежащей толстоты вершинѣ траверса; но при этомъ крутость ко двору батареи имѣла заложеніе менѣе $\frac{1}{4}$ высоты, а крутость, обращенная къ орудіямъ, имѣла заложеніе не болѣе $\frac{1}{16}$. Естественно, что такія крутые откосы требовали ежедневныхъ починокъ, и, конечно, во время бомбардированія траверсъ былъ бы скоро разрушенъ и засыпалъ бы круги и рельсы поворотныхъ платформъ орудій.

4) *Снять среднее орудіе праваго фаса верхней батареи и насыпать поперечный траверсъ, который былъ необходимъ для полнаго дефилированія этого фаса.*—Вмѣсто этого, чтобы не лишить батареи одного орудія, рѣшено было устроить два траверса, не снимая орудій, — одинъ посрединѣ праваго фаса батареи, а другой посрединѣ закругленной ея части. Для обдѣлки крутостей этихъ траверсовъ, по неимѣнію туровъ, употребили старые боченки морскаго вѣдомства, въ которыхъ обыкновенно хранится на корабляхъ разная провизія. Орудія стояли такъ близко одно отъ другаго, что заднія дуги платформъ соединялись; почему траверсы, толстотою въ 9 фут., такъ плотно прилегали къ орудіямъ, что нужно было отпилить у лафетовъ подножки, и, слѣдовательно, здѣсь сохранялось полное число орудій только для фронтальной обороны; въ стороны же могли дѣйствовать все таки однимъ орудіемъ меньше, а между тѣмъ траверсы вышли слишкомъ тонки и, конечно, не принесли бы никакой пользы, а, будучи разрушены первыми непріятельскими снарядами, завалили бы смежныя орудія. Употребленіе боченковъ вмѣсто туровъ оказалось весьма неудобнымъ. Всѣ боченки были стары; желѣзные на нихъ обручи, особенно крайніе, спадывали, и потому, когда ихъ ставили въ три ряда одинъ надъ другимъ, то средніе врѣзывались въ нижніе, или на оборотъ; отъ этого боченокъ наклонялся, нарушалась общая связь, и потому нужно было безпрестанно дѣлать исправленія, перемѣняя боченки. Для верхняго же ряда они вполнѣ замѣняли туры. Вмѣсто анкеровъ, для привязыванія туровъ къ кольямъ, употреблялось желѣзо обручей, и къ этому они оказались весьма удобными.

5) *Къ каменной стѣнѣ, соединяющей правый фасъ батареи съ офицерскимъ флигелемъ, присыпать съ наружной стороны брустверъ, а съ внутренней барбетъ; въ стѣнѣ пробить амбразуры и образовать батарею. Для прикрытія отъ могущихъ падать сверху камней сдѣлать легкій блиндажъ; вмѣсто засыпаемой части аппарели присыпать эту часть вдоль погреба, дѣлая ее въ два перелома.* Работа эта не была исполнена.

6) *Вмѣсто каменныхъ трубъ, выходящихъ на площадку верхней батареи, сдѣлать трубы изъ листоваго желѣза.*— Это было исполнено.

Кромѣ того были произведены слѣдующія работы:

1) Поврежденная отъ взрыва внутренняя стѣна праваго фаса батареи по всей высотѣ и шириной на 3 казомата разобрана и сложена вновь.

2) Въ пороховыхъ погребахъ лѣваго фаса, въ которые чрезъ отдушины влетѣло три непріятельскихъ снаряда, что, по обыкновенному только счастію, осталось безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, эти отдушины задѣланы и выведены внутри новыя стѣнки изъ штучнаго камня; а какъ эти погреба не имѣли ни одной безопасной отъ выстрѣловъ стѣны, то они и остались вовсе безъ отдушинъ.

3) Въ окна, вмѣсто рамъ, сдѣланы щиты изъ $2^1/_2$ дюймовыхъ досокъ, въ которыхъ было вырѣзано по два просвѣта, и въ нихъ вставлены рамочки со стеклами. Въ амбразурахъ сдѣланы были такіе же щиты, но съ однимъ просвѣтомъ, въ которомъ была также рамочка со стекломъ. Къ этимъ щитамъ были придѣланы ручки, съ помощію которыхъ во время стрѣльбы они должны были сниматься, и оттого образовалось большое теченіе воздуха, способствующее къ вытягиванію пороховаго дыма изъ казематовъ.

4) Всѣ выбоины въ стѣнахъ задѣланы и парапетъ исправленъ заново; печи также исправлены.

За этимъ до конца кампаніи собственно на Константиновской батареѣ не производилось уже никакихъ работъ [1].

А. Т. ***

Отрывки изъ писемъ доктора [2]

Севастополь, 4-го октября.

«...Поздравляю васъ съ счастливымъ для насъ оборо-

---

[1] „Инженерный Журналъ“ 1860 г. № 6.

[2] См. статью А. Скальковскаго „Русскіе крестовые рыцари въ войну 1854—1855 годовъ“ „С.-Петерб. Вѣдомости“ 1855 г. № 124.

томъ дѣлъ: Севастополь нашъ успѣлъ укрѣпиться такъ, что непріятелю теперь не осталось никакой возможности предпринять штурмъ: 340 орудій корабельныхъ составляютъ теперь непрерывную цѣпь, защищающую нашъ городъ. До сего времени мы еще допускали возможность потерпѣть отъ бомбардировки, но теперь и того мало опасаемся. Въ ночи на 26-е число сентября началъ производить непріятель окопы на высотѣ по сю сторону хутора Шпаковскаго и противъ Малахова кургана. Это многихъ встревожило; но когда противъ этихъ работъ поставили 68-ми-фунтовыя орудія, которыхъ число день-ото-дня прибавляется, то опять всѣ успокоились. 2-го числа октября бомбы и тяжеловѣсныя ядра наши въ нѣсколько часовъ разрушили то, надъ чѣмъ французы трудились нѣсколько дней. Вчера они принялись опять исправлять разрушенное, но уже замѣтно, что не съ прежнею дѣятельностью и охотою, а потому ихъ мало тревожили; но въ истекшую ночь успѣли было достаточно исправить: за то сегодня часу въ 10-мъ начавшаяся съ нашихъ бастіоновъ канонада, продолжавшаяся часа $1^1/_2$, не болѣе, опять у нихъ все сбила и разрушила и при этомъ не обошлась имъ и безъ значительной потери людей, потому что канонада отъ насъ произведена вдругъ и, быть можетъ, такъ, какъ они не ожидали — изъ 60-ти бомбическихъ орудій перекрестнымъ и усиленнымъ огнемъ. Съ бастіона № 5-й видно было, какъ непріятель нестройными толпами и въ разсыпную сбѣгалъ съ высотъ и укрывался въ глубину балки и въ каменоломни Шпаковскаго. И такъ близкое сосѣдство непріятеля сначала намъ не нравилось, даже очень многихъ перепугало, въ особенности дамъ, которыя изъ Севастополя бѣгутъ сами не зная куда, платятъ страшныя деньги до Симферополя за фургонъ — по 100 и 150 р. сер.; но послѣ сегодняшней канонады должны убѣдиться въ томъ, что хотя французы и великіе инженеры, однакожъ съ нашимъ грунтомъ не управятся и батареи свои противъ нашихъ бастіоновъ утвердятъ не легко; слѣдовательно съ сухаго пути бомбардировка отъ нихъ не очень опасна, тѣмъ болѣе, что къ такому заключенію есть еще особенныя об-

стоятельства, для насъ весьма благопріятныя, которыя такъ заставляютъ думать и предполагать въ нашу пользу, и вотъ именно почему: Сентъ-Арно, точно, умеръ; оставшіеся полководцы, кажется, не въ состояніи теперь распутать тѣхъ плановъ, какіе имъ составлены; непріятель занимаетъ позицію, съ которой ничего предпринять не можетъ, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе стѣсняется; сообщеніе его ограничивается отъ Балаклавы до Камышевой бухты; что на корабликахъ къ нему доставятъ, тѣмъ и довольствуется; окрестныя деревни всѣ у него отрѣзаны— поживиться нечѣмъ; въ водѣ также недостатокъ; казацкія нагайки и пики взяли преимущество надъ французскимъ обоняніемъ. Въ Балаклавѣ имъ такъ тѣсно, что рѣшились выпустить всѣхъ балаклавцевъ, исключая носившихъ оружіе, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы выпущенные размѣстились въ окрестныхъ деревняхъ и не смѣли бы уходить въ Севастополь или Бакчисарай; но какъ деревни теперь отрѣзаны у нихъ, то выпущенные и пустились въ разсыпную. Явившіеся первоначально карантинный коммиссаръ и священникъ передали намъ много интересныхъ свѣдѣній и, между прочимъ, о томъ, что 15-го числа Сентъ-Арно привезенъ былъ изъ лагеря въ Балаклаву, а 16-го умеръ; но относительно смерти его приняты были мѣры сохранить въ тайнѣ предъ войсками. Сначала распространили слухъ, что онъ сильно боленъ, и что по роду болѣзни его необходимо отправить въ Константинополь: и точно 17-го числа назначенный пароходъ повезъ не больнаго Сентъ-Арно, а бальзамированный трупъ его. Но вскорѣ слухъ о смерти полководца разнесся въ войскахъ; затѣмъ бездѣйствіе, нерѣшительность начальниковъ, давшихъ всевозможныя средства намъ войти въ свои силы, произвели у нихъ теперь уныніе, ропотъ, безнадежность воспользоваться хоть тѣнью той славы, о которой мечтали. Больныхъ у нихъ много, въ особенности раненыхъ, съ той поры, какъ затѣяли они производить окопы; а бомбы не то, что пули: коли зацѣпитъ, то вѣрно наповалъ. Ружейная съ ними перестрѣлка была только 27-го сентября. Одинъ баталіонъ пѣхоты и одинъ баталіонъ матросовъ выводимы были сбить цѣпь непріятельскую.

Завязалась перестрѣлка довольно жаркая; у насъ выбыло 26 убитыми и 11 ранеными. Я былъ въ числѣ зѣвакъ, но такъ близко, что мимо меня просвистала штуцерная пуля и попала въ капитанъ-лейтенанта *Тироля*, который чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Въ этомъ дѣлѣ французы, въ свою очередь, попали подъ наши батареи, и, при всемъ томъ, что держались въ разсыпную, у нихъ выбыло болѣе 60 человѣкъ на лѣвомъ флангѣ; а сколько на правомъ, о томъ неизвѣстно. Это передали намъ переметчики, въ числѣ 11 чел., въ слѣдующую затѣмъ ночь къ намъ перешедшіе. Посланные въ ночи подобрать раненыхъ, въ числѣ разныхъ вещей, подняли 21 французскій штуцеръ. Наши штуцерные берутъ преимущество надъ французами. Нѣсколько мелкихъ встрѣчъ постоянно возстановляютъ духъ нашихъ солдатъ, истинно проявляющихъ примѣры самоотверженія. Но что же теперь мы—севастопольцы? Мы нѣсколько опасаемся съ моря. Хотя до сего времени громадные ихъ корабли затѣвали перестрѣлку, но всегда держались на деликатную дистанцію, такъ что ни ихъ, ни наши снаряды не могли быть опасными; но чортъ ихъ знаетъ! можетъ быть, наконецъ, дернетъ нечистая сила стать подъ батареи наши; тогда могутъ залетать и бомбы, и гранаты, и ракеты если не въ середину, то въ край нашего Севастополя—да и только. Что же касается до чего прочаго, то мы рѣшительно подымаемся на дыбы, какъ сѣверный медвѣдь, который уже осмотрѣлъ, переломилъ нанесенную на него рогатину и теперь заноситъ тяжелую лапу на врага, нарушившаго его спокойствіе. Много, много надо ловкости увернуться отъ когтей, и счастье, если расквитаемся клочкомъ синяго кафтана; а то пожалуй, чего добраго, чтобы не пришлось поплатиться и говядиною. Въ Севастополѣ, при нашихъ громадныхъ батареяхъ, насчитываютъ до 46 тысячъ штыковъ; прочія войска занимаютъ опредѣленныя имъ позиціи».

10-го октября.

4-го октября, я къ вамъ писалъ столько утѣшительнаго въ отношеніи безопасности Севастополя, а 5-го числа съ разсвѣтомъ непріятель, казавшійся столь нерѣшительнымъ,

вдругъ открылъ страшную канонаду. Нѣтъ словъ описать вамъ этотъ адъ. Можете вообразить только, въ какой степени былъ оглушительный трескъ орудій, дѣйствовавшихъ съ обѣихъ сторонъ числомъ болѣе, нежели до тысячи. Съ нашей стороны въ этотъ страшный день потеря въ людяхъ оказалась не столь большою, какъ можно было ожидать: всего около 480 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ; но въ этотъ роковой день тяжела была для насъ потеря въ одномъ человѣкѣ. Владиміръ Алексѣевичъ *Корниловъ* какъ будто искалъ смерти и нашелъ ее на батареѣ Малахова кургана. Не имѣю времени передать вамъ подробности о его кончинѣ—можетъ быть, вы отчасти ихъ знаете—но когда, Богъ благословитъ, увидимся, тогда разскажу. Теперь уже седьмой день, какъ нашъ Севастополь держится въ огнѣ, и день ото-дня намъ кажется не легче и не безопаснѣе сопротивляться силамъ и рѣшительности врага. Онъ, кажется, рѣшился не отстать отъ своего предпріятія до крайняго истощенія или своихъ, или нашихъ силъ; но Богъ милостивъ: силы нашы растутъ, а его постепенно истощаются. Если городъ нашъ дней 5 или 6 продержится, тогда врагу будетъ плохо, а не удержимся, то поминайте какъ звали. Князь твердо рѣшился выждать присоединенія идущихъ къ намъ 10 или 11 дивизій и, до прибытія ихъ, не рѣшается произвесть на ихъ войска нападенія; слѣдовательно Севастополь нашъ долженъ до того времени управляться собственными силами батарей и гарнизона, въ немъ находящагося».

Письмо изъ Севастополя отъ 24 октября 1854 г.

Пишу вамъ, милостивый государь, подъ выстрѣлами непріятельскихъ ядеръ, бомбъ и картечи. Благодареніе Господу Богу—мы существуемъ, хотя англо-французы и употребляютъ всѣ свои силы и всевозможныя средства насъ уничтожить; мы твердо стоимъ и будемъ драться до послѣдней капли крови; мы крѣпко надѣемся на милость Всевышняго, что ихъ храбро и мужественно отразимъ.

Вамъ уже извѣстно о сраженіяхъ 8 сентября, на Альмѣ, и 13 октября у Балаклавы, я о нихъ не буду вамъ говорить, а скажу нѣсколько словъ о бомбардированіи Севастополя 5 октября. Въ этотъ день, съ 6 часовъ утра, былъ открытъ самый сильный огонь съ непріятельскихъ батарей, построенныхъ съ южной стороны противъ города; наши батареи упорно имъ отвѣчали. Въ часъ пополудни подвинулся къ укрѣпленіямъ и непріятельскій флотъ, и открылъ по нашимъ страшную пальбу. Закипѣлъ бой ужасный: застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море; вообразите только, что изъ 1,000 орудій съ непріятельскихъ кораблей, пароходовъ и съ сухопутныхъ батарей, а въ то же время и съ нашихъ батарей разразился адскій огонь: непріятельскіе корабли и пароходы стрѣляли въ наши батареи залпами; бомбы, каленыя ядра, картечи, брандскугели и конгревовы ракеты сыпались градомъ; трескъ и взрывы были повсемѣстны; все это сливалось въ страшный и дикій гулъ; нельзя было различить выстрѣловъ, было слышно одно только дикое и ужасающее клокотаніе; земля, казалось, шаталась подъ тяжестью сражающихся. И я видѣлъ это неимовѣрно жестокое сраженіе; ничего подобнаго въ жизнь свою я и не думалъ видѣть, ни о чемъ подобномъ не слыхалъ, и едва ли когда-нибудь читывалъ. И этотъ свирѣпый бой не умолкалъ ни на минуту, продолжался ровно 12 часовъ, и прекратился тогда лишь, когда совершенно смерклось... Мужество нашихъ артиллеристовъ было невыразимо. Они видимо не дорожили жизнью, и бились до смерти за каждый зарядъ; они дрались за Царя, за свое отечество—Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную вѣру! Казалось, что и прахъ отцевъ нашихъ въ могилахъ громко вопіялъ о мщеніи и мужествѣ. Густой дымъ заступилъ мѣсто безоблачнаго голубаго неба; сѣдыя облака клубились надъ нашими головами и заслоняли солнце; сдѣлалось совершенно темно, даже комнаты наполнились дымомъ. Всѣ мы думали, что на нашихъ батареяхъ не останется и камня на камнѣ: вообразите же наше удивленіе, когда на другой день утромъ мы увидѣли всѣ наши батареи въ цѣлости, и орудія всѣ

на мѣстѣ... Но описать этотъ страшный бой невозможно; я сдѣлалъ только очеркъ его. Наши батареи, повторяю, устояли! Мы благословляли Бога, что убитыхъ у насъ на батареяхъ очень мало; у непріятеля погибло гораздо больше, а флоту его досталось такъ больно, что онъ во второй разъ не подходилъ уже къ намъ. И такъ, не смотря на жестокій натискъ христіанскихъ державъ, поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ, мы уповаемъ на Бога, на его чудотворную святую силу, видимо подъ несь, укрывающую насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, густымъ дождемъ носящихся надъ нашими головами. Въ чувствахъ вѣрноподданнической преданности и любви къ престолу великаго и единаго православнаго подъ солнцемъ, нашего Монарха, мы молимъ Бога, да сохранитъ Онъ Помазанника Своего, подвизающагося за православіе, за святую вѣру отцевъ нашихъ, да не постыдимся вовѣки! Сегодня уже *двадцатый* день, какъ непріятель громитъ насъ день и ночь, бросаетъ въ городъ бомбы, каленыя ядра и конгревовы ракеты, но пожаровъ, благодареніе Богу, значительныхъ нѣтъ. 16-го числа, въ 8 часовъ утра, влетѣла бомба въ залу офицерской морской библіотеки; тамъ ее разорвало и произвело не мало вреда, но пожара не было. Съ 16-го на 17-е число октября, въ 11 часу вечера, было ощущено здѣсь легкое землетрясеніе, съ сильнымъ подземнымъ гуломъ, отъ сѣвера къ югу; съ 10 часовъ вечера 16-го числа сталъ дуть сильный, холодный сѣверный вѣтеръ; низшая температура на воздухѣ 17-го числа предъ утромъ была + 4° по Р (1).

Г. Славови.

Артиллерійская прислуга на 4-мъ бастіонѣ севастопольскихъ укрѣпленій.

Въ октябрѣ 1854 года, послѣ усиленнаго перваго бом-

---

(1) „Одесскій Вѣстникъ“ 1854 г. № 120. „Москов. Вѣдом.“ № 144. „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 265.

бардированія, сдѣлано было общее по севастопольскому гарнизону распоряженіе, чтобы прислуга на батареяхъ, изъ флотскихъ экипажей составленная, смѣнялась днемъ и ночью, для отдыха. При объявленіи о семъ нижнимъ чинамъ флота, принадлежавшимъ къ 4-му бастіону, всѣ они единодушно просили позволенія оставаться при своихъ орудіяхъ безсмѣнно, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.

Командовавшій 4-ю дистанціею, вице-адмиралъ *Новосильскій*, тогда же донесъ о томъ формально командовавшему войсками въ городѣ Севастополѣ, генералъ-лейтенанту *Моллеру*, нижеслѣдующимъ рапортомъ, отъ 24-го октября 1854 года за № 200.

«Въ слѣдствіе распоряженія вашего превосходительства, для отдохновенія нижнихъ чиновъ, днемъ и ночью дѣйствовавшихъ на батареяхъ ввѣренной мнѣ дистанціи, изъ флотскихъ экипажей, имъ назначена была смѣна; но прислуга изъявила единодушное желаніе остаться при своихъ орудіяхъ, изъявляя готовность защищаться и умереть на своихъ мѣстахъ.

«О чемъ вашему превосходительству имѣю честь донести и покорнѣйше просить этотъ достохвальный поступокъ не оставить довести до свѣдѣнія высшаго начальства» ([1]).

Иностранныя извѣстія о бомбардированіи Севастополя 5-го (17-го) октября 1854 года.

Донесеніе адмирала Гамелена о бомбардированіи Севастополя, произведенномъ союзными флотами 5 (17) октября.

Изъ моего послѣдняго донесенія отъ 13 октября (н. с.) видно, что я со своимъ штабомъ находился на фрегатѣ «Mogador», съ намѣреніемъ, сколь возможно ближе, находиться къ главной квартирѣ французскаго главнокомандующаго, на тотъ предметъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ со-

(1) „Морск. Сборн." 1859 г. № 9.

ставить планъ общаго одновременнаго нападенія на Севастополь, какъ съ берега, такъ и съ моря, въ тотъ день, когда осадныя батареи союзниковъ начнутъ свои дѣйствія. 14-го октября, я имѣлъ свиданіе съ г. *Канроберомъ*, котораго планъ дѣйствій согласовался совершенно съ моимъ. 15-го происходило общее собраніе союзныхъ адмираловъ на фрегатѣ «Mogador»; всѣ распоряженія къ атакѣ, составленныя съ общаго одобренія, были потомъ представлены на разсмотрѣніе начальствующихъ сухопутными силами и приняты ими съ восторгомъ.

Эту атаку предположено произвести 5 (17) октября, въ день открытія огня осадными батареями. Эскадры должны были дѣйствовать слѣдующимъ образомъ:

Французская—расположиться по краю отмели, идущей отъ южнаго берега входа, и занять позицію въ разстояніи около 7 кабельтовъ противъ 350 орудій: Карантинной батареи, Александровскаго форта и Артилерійской батареи. Англійская—занимаетъ мѣсто по краю отмели, идущей отъ сѣвернаго берега, въ томъ же разстояніи противъ 130 орудій: Константиновской батареи, Телеграфной батареи и Максимильяновской башни.

Если умственно провести линію, вдоль входа въ Севастополь, на O и W, то она раздѣлитъ мѣстность на двѣ части: къ N отъ этой линіи располагаются англичане, къ S французы.

Турецкій адмиралъ, съ своими двумя кораблями, долженъ бросить якорь къ N отъ французской эскадры т. е. посрединѣ между англичанами и французами.

5-го (17-го) по утру, открытъ огонь съ осадныхъ батарей; но такъ какъ въ это время былъ штиль, то надлежало прибѣгнуть къ помощи паровыхъ фрегатовъ, дабы буксировать парусныя суда, и такимъ образомъ развернуть предъ Севастополемъ силу въ 26 кораблей союзныхъ эскадръ. Не смотря однакожъ на состояніе вѣтра и на раздѣленіе французской эскадры, частію стоявшей въ Качѣ, а частію въ Камышѣ ([1]), я имѣлъ удовольствіе видѣть,

---

([1]) Камышевая бухта.

какъ корабли нашей первой линіи, около половины перваго часа по полудни, подходили уже къ своимъ мѣстамъ, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, на которой даже и не отвѣчали съ полчаса времени. Нѣсколько минутъ спустя, корабли эти, ставъ на шпрингъ, открыли сильный огонь по батареямъ, но, по малочисленности своей, много потерпѣли отъ огня русскихъ. Потомъ, по мѣрѣ приближенія французскихъ и англійскихъ кораблей, сраженіе сдѣлалось общимъ.

Около $2^1/_2$ часовъ по полудни огонь съ русскихъ батарей сталъ замедляться и даже прекратился съ Карантинной, что и составляло предметъ усилій французовъ, которыхъ огонь въ это время удвоился и продолжался до наступленія ночи.

При отправленіи этой депеши я не знаю еще успѣха нашихъ береговыхъ осадныхъ батарей, прежде нашего начавшихъ громить русскія укрѣпленія съ сухаго пути.

Если бы русскіе не заградили входъ въ Севастопольскую гавань, затопивъ пять своихъ кораблей и два фрегата, я не сомнѣваюсь, чтобъ союзный флотъ, послѣ перваго выдержаннаго имъ огня, не проникъ туда съ успѣхомъ, и не вступилъ изъ глубины бухты въ сообщеніе со своими арміями; корабли наши потеряли бы немногимъ болѣе въ людяхъ противъ того, сколько мы ихъ потеряли теперь.

Но эти чрезвычайныя мѣры, принятыя непріятелемъ, заставили насъ ограничиться пяти-часовымъ дѣйствіемъ противъ морскихъ его батарей, съ цѣлью заставить ихъ умолкнуть на болѣе или менѣе продолжительное время, удержать у орудій большую часть его гарнизона, и тѣмъ оказать существенную помощь осаждающимъ.

По моему мнѣнію, дѣло подъ Севастополемъ 5-го (17-го) октября приноситъ большую честь французскому флоту. Прилагаю при этомъ имянной списокъ убитыхъ и раненыхъ на каждомъ кораблѣ.

	Убито.	Ранено.
«LaVille-de-Paris»	3 офиц. и 2 матр.	8 офиц. и 33 матроса.
«Le Valmy» . . .	» » 4 »	» » 26 »

«Le Friedland» . .	»	офиц. и	11	матр.	»	офиц.	33	матроса.
«Le Henri IV» .	»	»	нѣтъ	»	»	»	15	»
«Le Suffren». . . .	»	»	нѣтъ	»	»	»	4	»
«Le Montébello» .	1	офиц. и	5	»	»	»	26	»
«Le Charlemagne»	»	»	2	»	»	»	35	»
«Le Jean-Bart». .	»	»	1	»	»	»	1	»
«Le Canada». . .	»	»	1	»	»	»	5	»
«Le Primaugnet».	»	»	1	»	»	»	нѣтъ	»

При началѣ дѣла энтузіазмъ былъ всеобщій, въ продолженіе сраженія упорство не уменьшалось. Предъ вступленіемъ въ бой я сдѣлалъ сигналъ «Франція смотритъ на васъ» (la France vous regarde!)

Донесеніе адмирала Дондаса о бомбардированіи Севастополя, произведенномъ 5-го (17-го) октября союзными флотами. Осадныя батареи открыли свой огонь по Севастопольскимъ южнымъ укрѣпленіямъ 5-го (17-го) октября, около $6^1/_2$ часовъ утра, съ большимъ успѣхомъ и малыми потерями.

По неотступнымъ требованіямъ лорда *Раглана* и генерала *Канробера*, союзные адмиралы рѣшились со своими флотами, для вспомоществованія осаждающимъ, завязать дѣло съ сѣверными и южными севастопольскими приморскими укрѣпленіями, для чего и предположили построить свои корабли въ одну линію; но разныя обстоятельства содѣлали необходимою перемѣну въ предполагаемой диспозиціи. Сраженіе продолжалось съ половины перваго до шести съ половиною часовъ вечера; съ наступленіемъ ночи корабли удалились.

Мы не можемъ, конечно, имѣть какія либо вѣрныя свѣдѣнія о потерѣ, понесенной русскими, а равно и о поврежденіяхъ, понесенныхъ фортомъ «Константинъ» и батареями. Сраженіе, столь продолжительное, противъ страшныхъ укрѣпленій такъ хорошо вооруженныхъ, не могло быть выдержано безъ значительныхъ потерь: число убитыхъ у насъ простирается до 44 человѣкъ и раненыхъ — до 266. Корабли, мачты, реи и все вооруженіе болѣе или менѣе пострадали, преимущественно отъ бомбъ и каленыхъ ядеръ.

«Albion» много потерпѣлъ въ корпусѣ и рангоутѣ; «Rodney»—въ рангоутѣ; этотъ послѣдній корабль приткнулся къ мели, съ которой былъ снятъ пароходомъ «Spiteful» съ большимъ трудомъ, при чемъ пароходъ понесъ чувствительную потерю въ людяхъ. За исключеніемъ «Albion'а» и «Arethus'ы», посланныхъ для исправленія поврежденій въ Константинополь, я надѣюсь, что черезъ 24 часа англичане будутъ въ состояніи дѣйствовать. Предвидя, что мы, вѣроятно, потерпимъ много отъ огня русскихъ батарей, я приказалъ всѣмъ кораблямъ оставить брамъ-стенги и запасныя реи у парохода «Vulcan».

Храбрость и искусство выказаны въ этомъ дѣлѣ нашими союзниками, понесшими не маловажную потерю въ людяхъ.

Я также долженъ выразить мою благодарность турецкому адмиралу *Ахмедъ-пашѣ* за его поведеніе въ этомъ дѣлѣ.

Частный разсказъ объ этомъ же дѣлѣ и подробности дѣйствій французскаго флота. Всѣ журналы разсказываютъ о взрывѣ бомбы на кораблѣ «Ville-de-Paris» и ея ужасномъ дѣйствіи, только одинъ Гамеленъ не говоритъ объ этомъ ни слова, и ни слова о той опасности, которой онъ подвергался и которой избѣгнулъ какимъ-то чудомъ.

Мы отъ всего сердца отдаемъ должную справедливость адмиралу, пишутъ въ «Moniteur de la Flotte». По долгу же справедливости, представляемъ нашимъ читателямъ различныя подробности этого дѣла, извлеченныя изъ достовѣрныхъ частныхъ писемъ: свѣдѣнія эти дополняютъ такимъ образомъ официальное донесеніе.

Французскіе корабли, какъ помнятъ, 17-го октября стали на якорь частію въ Камышѣ, а частію передъ Качей. Оттуда они должны были явиться предъ Севастополемъ и сражаться противъ Карантинной батареи, вооруженной 50 пушками, противъ Александровской въ 104 пушки и противъ форта Св. Николая—191 пушки, всего 347 орудій.

Вотъ распоряженія, составленныя предварительно, для

дѣйствій нашей эскадры, по взаимному соглашенію главнокомандующихъ:

Было положено, чтобы нападеніе произвести 14-ю французскими кораблями, на разстояніи 8 кабельтовъ, и сражаться построясь въ двѣ линіи, вторая противъ интерваловъ первой. Къ N, па хвостѣ линій, должны были стать два корабля турецкихъ; къ NO отъ турецкихъ протягивалась линія англійскихъ судовъ. Самый дальній къ S корабль французской эскадры «Le Charlemagne» долженъ былъ стать на якорь въ Херсонесской бухтѣ, на краю къ отмели, къ WSW$^1/_4$W въ разстояніи около 7 кабельтовъ отъ Карантинной батареи. Прочіе французскіе корабли первой линіи должны были стать въ линію на NNO отъ «Le Charlemagne», имѣя разстоянія между судами одинъ кабельтовъ, въ слѣдующемъ порядкѣ отъ берега.

«Le Charlemagne».

. . . «L'Alger».

«Le Montebello».

. . . «Le Jean Bart».

«Le Fridland».

. . . «Le Marengo».

«La Ville-de-Paris».

. . . «La Ville-de-Marseille».

«Le Valmy».

. . . «Le Suffren».

«Le Henri IV».

. . . «Le Bayard».

«Le Napoléon».

. . . «Le Jupiter».

далѣе турец. «Махмудіе».

. . . *Турец. корабль.*

Изъ донесенія адмирала Гамелена видно, что 17-го октября былъ штиль, и потому, для постановки кораблей въ линію, необходимы были паровые фрегаты. Наканунѣ сраженія рѣшено, что каждому парусному кораблю дадутъ въ помощь пароходъ; эти пароходы поставятъ ихъ на свои мѣста, буксируя съ боку и со стороны дальнѣйшей отъ непріятеля въ слѣдующемъ порядкѣ:

Пар. фр.	«Vauban»	взялъ корабль	«Le Friedland».
»	«Mogador»	»	«La Ville-de-Paris».
»	«Descartes»	»	«Le Valmy».
»	«Canada»	»	«Le Henri IV».
»	«Magellan»	»	«L'Arger».
»	«Labladoг»	»	«Le Marengo».
»	«Panama»	»	«La Ville-de-Marseille».
»	«Albatros»	»	«Le Suffren».
»	«Christophe Colomb»		«Le Bayard».

Независимо отъ вышеозначенныхъ пароходовъ, «Le Pluton», «La Tisiphone», «Le Primauget», «L'Euménide», «Le Dauphin», «La Mouette» и «La Mégère» должны оставаться подъ парами, готовые подавать помощь по востребованію. Пароходамъ, назначеннымъ буксировать корабли, приказано не оставлять буксировъ и находиться возлѣ своихъ кораблей во все время дѣла, развѣ послѣдовалъ бы на то отмѣнительный сигналъ.

Заблаговременно приказано: при сигналѣ «стать на якорь», кораблямъ первой линіи выстраиваться въ линію фронта въ предписанномъ порядкѣ; приближаясь къ берегу, подъ непріятельскими выстрѣлами, равняться по кораблю «Le Charlemagne»; приходя на предписанныя мѣста, корабли бросаютъ одинъ изъ носовыхъ якорей; для предосторожности имѣть шпрингъ на оба якоря; шлюпки спустить и сдать на бакштокъ; на барказы положить по стопъанкеру и кабельтову; послѣдствія показали, что мѣра эта была не безполезна для «Montebello».

Корабли второй линіи въ предписанномъ порядкѣ, по мѣрѣ приближенія къ своимъ мѣстамъ, должны бросать якоря и становиться на шпрингъ въ интервалахъ первой линіи.

Всѣ эти мѣры, принятыя съ такимъ совершенствомъ, были исполнены не менѣе дружно и правильно; за исключеніемъ неважныхъ измѣненій, эскадра точно въ такомъ порядкѣ должна была сражаться на другой день. Наши читатели убѣдятся въ этомъ, прочитавши выписку изъ частнаго письма, которая, въ формѣ корабельнаго журнала, по-

казываетъ очень вѣрно разные случаи дня. Случаи эти замѣчались съ адмиральскаго корабля «Ville-de-Paris».

17-го октября, стоя на якорѣ передъ Качой:

6 ч. 15 м., утра, сигналомъ приказано спустить большія гребныя суда.

6 ч. 40 м., велѣно всѣ мелкія шлюпки и плоты отправить на «Dauphin».

6 ч. 45 м., приказано пароходамъ разводить пары. Наши осадныя батареи открыли живой огонь по городу; завязалась сильная канонада.

7 ч. 30 м., роздали завтракъ людямъ.

8 часовъ—подняли флаги.

8 ч. 5 м. — адмиралъ сигналомъ приказалъ эскадрѣ «приготовиться сняться съ якоря».

8 ч. 30 м., велѣно сняться съ якоря.

8 ч. 40 м., велѣно всѣмъ репетовать адмиральскіе сигналы: корабль «Ville-de-Paris» вступаетъ въ путь.

9 ч. 25 м., отправляется «Jupiter».

9 ч. 30 м., «Suffren».

9 ч. 45 м., «Marengo».

9 ч. 58 м., «Valmy».

10, отправляется «Henri IV». За нимъ слѣдуютъ остальные.

Всѣ идутъ на соединеніе съ эскадрою, стоящею въ Камышѣ; въ 10 ч. 20 м., увидѣли «Montebello», «Napoléon», «Jean-Bart», «Charlemagne» подъ парами у Камыша.

Въ 10 ч. 45 м., корабли почти всѣ соединились. Приказано всему флоту репетовать адмиральскіе сигналы. Вѣтеръ дѣлается довольно ровный отъ SO, но скоро стихаетъ.

11 ч. 50 м., увидѣли турецкіе корабли и англійскаго адмирала снимающагося изъ Качи. Береговыя батареи покрываются артиллеристами.

11 ч. 55 м., сигналомъ велѣно «приготовиться къ бою», и въ слѣдъ за симъ адмиралъ поднялъ сигналъ: «Франція смотритъ на васъ». Слышны со всѣхъ сторонъ крики экипажей. Корабли первой линіи выстроились въ линію, въ кильватеръ другъ-другу.

Полдень. Бомбарда «Vautour» начинаетъ огонь въ Карантинной бухтѣ.

12 ч. 30 м., велѣно построиться въ линію фронта на перпендикулярѣ курса.

12 ч. 35 м., велѣно увеличить скорость хода.

12 час. 50 м., велѣно стать на якорь по данной диспозиціи.

«Le Charlemagne» выходитъ быстро впередъ къ назначенному ему мѣсту, предшествуемый Pluton'омъ.

12 ч. 55 м. Карантинная батарея открываетъ огонь и за ней другія. Ядра начинаютъ достигать нашихъ кораблей.

Въ 1 часъ сигналомъ велѣно *начать бомбардированіе.*

«Le Charlemagne» и «Pluton» становятся на-якорь, за ними «Montebello», который и открываетъ тотчасъ огонь. «Le Charlemagne» также открываетъ огонь. «Le Friedland» направляется къ своему мѣсту, бросаетъ якорь, становится на шпрингъ и открываетъ огонь.

1 ч. 10 м., «Le Charlemagne» и «Montebello» становятся на шпрингъ.

1 ч. 20 м., «La Ville-de-Paris» занимаетъ свое мѣсто и открываетъ огонь, наводя орудія на 8 кабельтовъ.

1 ч. 50 м. «Le Valmy» становится на лѣвомъ траверсѣ «Ville-de-Paris».

«Le Jupiter» занимаетъ мѣсто «Marengo», между «Friedland'омъ» и «Ville-de-Paris», во второй линіи. Огонь очень живъ съ нашей стороны, орудія наводятся на 9 кабельтовъ.

1 ч. 55 м., два ядра и бомба одно за другимъ упадаютъ на ютъ «Ville-de-Paris»: бомбу разрываетъ въ каютѣ командира фрегата и взрываетъ ютъ. Весь штабъ адмирала (исключая самого его, начальника штаба и гардемарина) болѣе или менѣе переранен. Г. Соммелье пораженъ ядромъ.

2 ч. 5 м., «le Henri IV» становится на якорь, передъ носомъ Ville-de-Paris, оставляя мѣсто «Valmy». Наши ядра, кажется, въ большомъ числѣ достигаютъ Карантинной батареи и даже Александровской, которой огонь чувствитель-

по замедляется; дымъ мѣшаетъ совершенно разсматривать предметы:

2 ч. 30 м., увидѣли «Agamemnon», «Sanspareil» и другіе англійскіе корабли живо обстрѣливающіе сѣверные форты.—Максимильяновская башня дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ. — Взрывъ изъ Константиновской батареи. — Огонь нашъ удваивается.

2 ч. 45 м. «Britannia» проходитъ вдоль нашей линіи и, минуя «Valmy», дѣлаетъ нѣсколько выстрѣловъ.

3 ч. 10 м. «Махмудіе» проходитъ нашу линію и становится на якорѣ впереди «Valmy».—«La Ville-de-Paris» стрѣляетъ черезъ долгіе интервалы, дымъ мѣшаетъ видѣть крѣпости. — Южные корабли стрѣляютъ очень живымъ, бѣглымъ огнемъ. — Дѣлается легенькій вѣтерокъ отъ NW.—Увидѣли два англійскіе корабля, оставляющіе поле сраженія.—Сигналомъ приказано «Jupiter'у» идти въ Качу.—Кораблямъ велѣно сниматься съ якоря послѣдовательно; «Mogador'у» приказано взять на буксиръ «Marengo», котораго оставилъ «Lablador».—«Le Suffren» и «Le Jupiter» оставляютъ сраженіе.—Залпы нашихъ трехъ-дечныхъ кораблей быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ.—«Le Friedland», «La Pomone», «Le Roland» и «Le Charlemagne» выходятъ изъ линіи.

6 ч. 15 м. «La Ville-de-Paris» слѣдуетъ за ними, продолжая отстрѣливаться съ кормы; «Le Napoleon», «L'Alger», «Le Montebello» выходятъ также изъ линіи.

«Agamemnon» и «Sanspareil» продолжаютъ огонь противъ сѣверныхъ крѣпостей; но дѣлается темно, и мы продолжаемъ нашъ курсъ въ Качу со всѣми французскими и англійскими кораблями, за исключеніемъ винтовыхъ французскихъ судовъ, которыя идутъ въ Камышъ.—Зажгли отличительные огни.

Въ 8 часовъ стали на якорь. — «La Ville-de-Paris» имѣетъ 50 ядеръ въ корпусѣ, три—ниже ватерлиніи; три каленыхъ ядра, которыя произвели у него пожаръ, вскорѣ, впрочемъ, затушенный; 100 ядеръ въ рангоутѣ; гротъ и фокъ-мачты и одна марса-рея повреждены; нѣсколько бомбъ упало на ютъ, который совершенно разрушенъ.

Всѣ эти подробности касаются только отряда судовъ подъ непосредственнымъ начальствомъ адмирала *Гамелена*. Адмиралъ *Брюа* со своимъ отрядомъ, вышедшимъ изъ Камыша, дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ: дивизія его состояла изъ паровыхъ кораблей: «Le Montebello», «Le Napoléon», «Le Charlemange», «Le Jean-Bart» и парусныхъ: «La Ville-de-Marseille», «Le Bayard» и «L'Alger».

17-го, съ разсвѣтомъ, несмотря на густой туманъ, адмиралъ *Брюа* снялся съ якоря, и въ часъ пополудни, находясь на траверсѣ «Le Charlemagne», направился со своими кораблями полнымъ ходомъ къ мѣсту, назначенному ему въ линіи. Изъ предосторожности, паровой корветъ «Pluton» держался къ берегу отъ кораблей, служа вожатымъ и ограничивая глубину 6 саженъ.

«Le Charlemagne», благодаря своей ходкости, первымъ занялъ свое мѣсто, нѣсколькими минутами прежде другихъ. Онъ находился уже подъ выстрѣлами русскихъ батарей, когда «Montebello» становился на шпрингъ. Всѣ русскія батареи сосредоточили тогда свой огонь по этимъ двумъ кораблямъ: «Montebello» загорался два раза; шпрингъ его перебитъ черезъ пять минутъ. Стопъ-анкеръ, по счастію положенный на барказѣ, немедленно завезенъ, но корабль все-таки завернуло; надлежало отойдти за «Friedland», который въ эту минуту, съ удивительною ловкостію ставъ на якорь, открылъ славный огонь, благодаря которому «Montebello» поправился. За тѣмъ подошли «Le Jean-Bart», «Le Marengo» и «L'Alger».

Со своей стороны, нашъ великолѣпный корабль «Napoléon» съ живостію напалъ на южныя укрѣпленія, и въ продолженіе цѣлаго часа оставался одинъ, подвергаясь огню. Вездѣ нашъ огонь былъ живъ и хорошо направляемъ, между тѣмъ какъ огонь съ Карантинной батареи скоро уменьшился, и по временамъ, казалось, даже совсѣмъ прекращался. Дымъ мѣшалъ однакожь дѣйствію и нашихъ кораблей, дѣлая невѣрнымъ прицѣливаніе орудій, такъ что адмиралъ *Брюа* долженъ былъ также на нѣсколько времени совершенно прекращать огонь, ожидая прочищенія дыма, чтобъ лучше видѣть непріятельскія батареи.

Благодаря этимъ искуснымъ маневрамъ, большія поврежденія были причинены непріятельскимъ батареямъ (¹) съ малою потерею въ зарядахъ; ибо корабль «Montebello», напримѣръ, не выступилъ изъ своихъ трехъ батарей болѣе 42 ядеръ на-пушку и 38 ядеръ изъ кормоваго орудія. При солнечномъ закатѣ, эскадра адмирала *Брюа* снялась съ якоря, какъ мы уже сказали выше, и возвратилась на прежнее якорное мѣсто.

Наши храбрые союзники не оставались также въ бездѣйствіи, какъ увидятъ далѣе, и если адмиралъ *Дондасъ* могъ, по всей справедливости, хвалить, въ своемъ офиціальномъ донесеніи, блестящія дѣйствія французскихъ эскадръ, то нашъ флотъ не менѣе живо выражаетъ чувства удивленія и уваженія къ своимъ соревнователямъ.

Подробности о дѣйствіяхъ англійскаго флота 5-го (17-го) октября.

17-го октября въ 6 ч. утра пальба съ осадныхъ батарей возвѣстила начало столь давно ожидаемаго боя. Въ то самое время сдѣланъ сигналъ кораблямъ «приготовиться принять буксиры пароходовъ».

Около 9 часовъ пароходы развели пары и подняли якоря. Корабли спустили брамъ-стенги; безпрестанные сигналы слѣдовали одинъ за другимъ съ адмиральскаго корабля. Пароходы, подходя къ кораблямъ, брали ихъ на буксиръ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Пар.	фр.	«Vesuvius»	взялъ	на	буксиръ	корабль	«Queen»
»	»	«Highflyer»	»	»	»	»	«Vengeance»
»	»	«Firebrand»	»	»	»	»	«Albion»
»	»	«Furious»	»	»	»	»	«Britannia»
»	»	«Niger»	»	»	»	»	«London»
»	»	«Triton»	»	»	»	»	«Arethusa»
»	»	«Cyclops»	»	»	»	»	«Bellerophon»
»	»	«Spiteful»	»	»	»	»	«Rodney»
»	»	«Retribution»	»	»	»	»	«Trafalgar».

(¹) Смотрите донесеніе Его Свѣтлости генералъ-адъютанта князя Меншикова отъ 5-го (17-го) октября. *Ред.*

«Agamemnon», «Sanspareil», «Terrible», «Sampson» и канонерская лодка «Sphynx» (недавно прибывшая) имѣла отдѣльное назначеніе. Пароходы, взявъ парусныя суда на буксиръ, выстроились въ три линіи: правая линія имѣла въ головѣ корабль «Queen», лѣвая — корабль «Britannia»; пароходы, дѣйствующіе отдѣльно, находились еще лѣвѣе. Около 9 часовъ всѣ приготовленія кончились, и корабли подняли якоря. Французы шли впереди, за ними турки и наконецъ англичане. Такъ какъ невозможно было подойти къ сѣвернымъ батареямъ, не терпѣвъ большаго вреда отъ выстрѣловъ съ южныхъ, то положено французамъ и туркамъ атаковать южныя батареи, а англичанамъ сѣверныя.

Въ слѣдствіе сего, корабль «Napoléon», а за нимъ «Henri IV» буксируемый пароходомъ подъ сильнымъ огнемъ — пошли къ назначеннымъ имъ мѣстамъ. Около часа пополудни французы открыли огонь, а немного спустя и англичане приняли участіе въ бою.

Хотя былъ отданъ приказъ держаться на разстояніи 1,200 ярдовъ (1), но пароходы дѣйствовали отдѣльно, имѣя во главѣ «Agamemnon»; они, приблизясь къ батареямъ гораздо ближе, съ большимъ усердіемъ бросали бомбы и ядра. Примѣру «Agamemnon» послѣдовалъ «Queen», оставившій свое первоначальное мѣсто и прошедшій вдоль всѣхъ линій на соединеніе съ отдѣльно дѣйствующими пароходами. То же сдѣлалъ «Rodney», ставшій противъ форта Константинъ и не прекращавшій огня до самой ночи. Корабль «Queen» зажженный каленымъ ядромъ, принужденъ былъ удалиться для потушенія пожара....

Шествіе и приближеніе эскадръ къ непріятельскимъ батареямъ представляло великолѣпную картину. У нѣкоторыхъ кораблей (смотря съ береговой стороны) пароходы, ведшіе ихъ, столь хорошо были скрыты, что эти громадныя массы, казалось, двигались сами собою; и если это было величественное зрѣлище, то самое побудительное, было, безъ сомнѣнія, дѣйствіе первыхъ выстрѣловъ съ русскихъ батарей. Его можно уподобить дѣйствію электриче-

(1) 1,200 ярдовъ равняются 514 саженямъ.

ской искры, проникшей экипажи. Нетерпѣніе открыть поскорѣй огонь едва можно было сдержать, до той минуты, пока суда не заняли своихъ мѣстъ по диспозиціи.

Корреспондентъ англійской газеты Times пишетъ слѣдующее отъ 9-го (21-го) октября, изъ подъ Качи:

Флотъ нашъ снова погрузился въ бездѣйствіе, изъ котораго вывело его бомбардированіе Севастополя. Онъ занятъ теперь изглаживаніемъ *сувенировъ* ядеръ и бомбъ, соображеніемъ новой и лучшей атаки и разсказами о дѣлахъ разныхъ судовъ, участвовавшихъ въ послѣднемъ дѣлѣ. Представляю вамъ то, что я могъ собрать, частію какъ очевидецъ, частію изъ разсказовъ другихъ, потому что при дымѣ, составлявшемъ отличительную черту бомбардированія, только по временамъ можно было разсмотрѣть суда, которыя, какъ призраки, то скрывались, то снова показывались среди огня и грома артиллеріи. «Альбіону» и «Аретузѣ» досталась самая трагическая роль: первый былъ въ средней, послѣдній въ лѣвой дивизіи. Они смѣло подошли къ сѣверной батареѣ, и едва успѣли открыть огонь, какъ буксиры были перебиты русскими ядрами и суда эти остались безъ помощи буксировавшихъ ихъ пароходовъ въ то самое время, когда они наиболѣе подвергались огню непріятеля. «Альбіонъ» загорался въ трехъ мѣстахъ, и непремѣнно попалъ бы на мель, потому что былъ уже на пяти саженяхъ глубины, еслибы пароходъ «Кабрія» не вывелъ его изъ подъ убійственнаго огня, гдѣ онъ потерялъ однако 12 человѣкъ убитыми и 70 ранеными. Сегодня пароходъ «Ореноко» отводитъ «Альбіонъ» на буксирѣ въ Константинополь. Онъ сильно поврежденъ, особенно гротъмачта, а бизань-мачта также совершенно сбита. На «Аретузѣ» потеря въ людяхъ была менѣе (4 убитыхъ и 14 раненыхъ), но за то корпусъ потерпѣлъ гораздо сильнѣе. Сверхъ того находятъ, что въ ея наборѣ есть сухая гниль. Вчера вечеромъ она ушла отсюда, на буксирѣ у парохода. Оба эти корабля, отъ сильныхъ поврежденій, должны были въ скоромъ времени оставить мѣсто сраженія. «Родней» былъ всѣхъ счастливѣе, если не считать того выстрѣла,

которымъ онъ сбилъ гротъ-мачту у «Ретрибюшенъ». Въ концѣ боя онъ подошелъ вплоть къ фортамъ и набѣжалъ на мель, идущую отъ Константиновскаго мыса. Къ счастію, было уже темно и пароходъ «Коломбъ» могъ стащить его безъ большихъ поврежденій. Не такъ дешево отдѣлался «Спайтфуль», шедшій у него на буксирѣ. Онъ былъ такъ избитъ, что началъ тонуть, когда выведенъ былъ изъ боя и могъ держаться на водѣ только при неимовѣрныхъ усиліяхъ команды, безпрерывно работавшей у помпъ. Его исправляютъ наскоро и стараются привести въ такое положеніе, чтобы можно было отправить отсюда и исправить вполнѣ. «Беллерофонъ» и «Санпарель» также много потерпѣли; прочіе, хотя и не безъ потери, отдѣлались довольно счастливо. «Британія» сохранила свою позицію, не смотря на градъ ядеръ и бомбъ. Вмѣстѣ съ пароходомъ «Фюріусъ», который велъ ее на буксирѣ, она осыпала батареи ракетами. Самъ адмиралъ едва не былъ убитъ бомбою, которую разорвало за кормою.

Отдѣльные пароходы болѣе другихъ были въ дѣйствіи. Они поставлены были на позиціи сѣвернѣе отмели, идущей отъ мыса Фортъ (Cape Fort), между тѣмъ какъ прочія суда, подходя къ Карантинной бухтѣ, поворачивали и открывали огонь съ праваго борта; пароходы эти шли впередъ, держась вплоть къ берегу. Впереди были «Самсонъ», «Террибль» и «Трибюнъ», а за ними «Агамемнонъ» и «Санпарель». Послѣдніе два, подойдя къ форту Константинъ, завязали съ нимъ дѣло. «Агамемнонъ», въ восьмистахъ ярдахъ, «Санпарель», нѣсколько позади, выдерживали жестокій огонь непріятеля, между тѣмъ какъ паровые фрегаты держались около нихъ подъ парами. Положеніе этихъ двухъ винтовыхъ кораблей было самое критическое, подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ всѣхъ сѣверныхъ батарей, изъ внутренняго форта и изъ обращеннаго къ нимъ фаса форта Константинъ. Они уже два часа выдерживали этотъ ужасный огонь, когда корабль «Квинъ», оставя свое якорное мѣсто, куда въ замѣнъ его всталъ флагманскій турецкій корабль, перешелъ между другими парусными кораблями съ правой стороны на лѣвую и при-

крылъ собою два винтовые корабля. Адмиралъ *Лайонсъ* сигналомъ объявилъ ему благодарность. «Везувій» велъ его на буксирѣ. Къ несчастію, эта помощь была минутная, потому что, находясь только на шести саженяхъ глубины, «Квинъ» подвергался опасности попасть на мель, а отдать якорей онъ не могъ тѣмъ болѣе, что чрезъ нѣсколько минутъ каленое ядро произвело на немъ пожаръ и заставило отойдти. «Санпарель», имѣя дурную машину, которая всего хуже дѣйствуетъ, когда въ ней встрѣчается наиболѣе надобности, подвергался величайшей опасности, еслибы пароходъ «Шаркъ» не отбуксировалъ его въ сторону. Ловкость и искусство, показанное при этомъ случаѣ командиромъ этого парохода, выше всякой похвалы. Говорятъ, что адмиралъ *Лайонсъ*, посылая его на помощь къ «Санпарелю», сказалъ: «Ступайте, тамъ вы найдете или смерть, или чинъ».

Теперь уже дознано, что главная сила севастопольскихъ фортовъ состоитъ въ окружающихъ ихъ мелкостяхъ, которыя не дозволяютъ кораблямъ подойти на близкое растояніе и громить ихъ залпами. Дѣло ясно: корабельный залпъ дастъ сильнѣйшій сосредоточенный огонь, чѣмъ какіе бы то ни было форты: но бортъ корабля не въ состояніи такъ долго выдерживать огонь. Поэтому, чѣмъ ближе корабль подойдетъ къ батареѣ, тѣмъ выгоднѣе его положеніе, между тѣмъ какъ для него опасность уменьшается, потому что фортамъ труднѣе наводить орудія въ его корпусъ. Превосходное доказательство послѣдняго факта, именно, что опасность для корабля уменьшается на близкомъ разстояніи, представляли «Агамемнонъ» и «Санпарель». Корабли эти находились не болѣе, какъ въ 200 ярдахъ другъ отъ друга, и «Агамемнонъ», ближайшій къ форту, потерпѣлъ менѣе и въ людяхъ, и въ корпусѣ; сверхъ того, непріятельскіе выстрѣлы болѣе вредили его рангоуту, между тѣмъ какъ у «Санпареля» былъ избитъ корпусъ. Русскимъ это обстоятельство было очень хорошо извѣстно. Для этого они затопили нѣсколько судовъ при входѣ въ гавань по направленію отъ мели, идущей отъ Константиновскаго мыса до другой отмели, гдѣ построенъ фортъ Александръ.

Этимъ они не только остановили входъ на рейдъ, но и приближеніе къ фортамъ. Фортъ Константинъ прикрытъ сверхъ того съ сѣверной стороны другою мелью, идущею отъ мыса, на которомъ построенъ телеграфъ. Ночью, передъ бомбардированіемъ, шлюпка, съ обвернутыми веслами, послана была для промѣра этихъ двухъ мелей. Она подошла такъ близко, что гребцы могли слышать голоса на фортѣ. Два небольшіе русскіе парохода не замѣтили шлюпки, или приняли ее за свою. По промѣру оказалось, что глубина такъ измѣнчива и непостоянна, что большія суда не могутъ идти далѣе восьми саженъ глубины, что поставитъ ихъ въ 1,500 и 1,600 ярдахъ отъ форта (1). Изъ этого видно, что съ одними кораблями ничего нельзя предпринять противъ фортовъ съ моря. Только при помощи сухопутнаго войска корабли могутъ принести большую пользу, сдѣлавъ диверсію для атакующихъ и способствуя къ разрушенію батарей.

Не могу окончить письма, не сообщивъ вамъ другаго повода къ жалобамъ, котораго послѣдствія уже становятся слишкомъ ощутительными. Я говорю о недостаткѣ въ медикахъ. Вы помните, что они испрашивали дозволенія адмиралтейства пользоваться правами офицеровъ, и быть въ каютъ-компаніи; просьба весьма основательная, потому что медики прежде набиравшіеся изъ аптекарскихъ учениковъ, теперь получаютъ воспитаніе въ академіяхъ и принадлежатъ къ хорошему обществу. Адмиралтейство отказало, и теперь на флотѣ въ Черномъ Морѣ едва ли наберется до полдюжины хорошихъ докторовъ. Послѣ сраженія ихъ таскали съ одного корабля на другой, и раненые по нѣскольку часовъ оставались безъ перевязки. На другой день, по приказанію адмирала, всѣхъ раненыхъ перевезли на пароходъ «Вулканъ», отходившій въ Терапію. Тамъ они оставались цѣлый день безъ всякаго присмотра, такъ что многіе цѣлыя сутки ничего не ѣли,—и все это чрезъ предрадсудки (2).

---

(1) 1,600 ярдовъ составляютъ 4,800 футъ.

(2) „Морской Сборникъ“, 1854 г. № 11, Статья эта перепечатана въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1854 г. № 265 и 266.

Въ «Neue Preussische Zeitung» обнародовано слѣдующее письмо изъ Севастополя, отъ 12 (24) октября, полученное редакціею изъ С.-Петербурга:

«Послѣ восьмидневной бомбардировки городъ пострадалъ, но флотъ въ совершенной цѣлости. Одинъ пароходъ «Владиміръ» получилъ два ядра. Матросы, служащіе на укрѣпленіяхъ, построенныхъ полковникомъ *Тотлебеномъ*, переносятъ самые большіе труды. Сопротивленіе раздражаетъ осаждающихъ; уже два дня, какъ они стрѣляютъ калеными ядрами. Если бомбардировка продолжится еще нѣсколько дней, улицы южной части будутъ вымощены чугуномъ. Матросы и *Тотлебенъ* суть живыя ограды Крыма. Нельзя имъ надивиться! Адмиралъ *Нахимовъ*, который до сихъ поръ никогда не ѣзжалъ верхомъ, теперь не сходитъ съ лошади, и безпрестанно объѣзжаетъ линіи севастопольскихъ укрѣпленій. Краткими и выразительными словами одушевляетъ онъ матросовъ, которые питаютъ къ нему величайшее уваженіе. Такіе предводители нравственнымъ своимъ вліяніемъ оказываютъ величайшія услуги въ важныхъ событіяхъ...»

Въ той же газетѣ считаютъ, по офиціальнымъ даннымъ и донесеніямъ, что за вычетомъ потерь отъ сраженій и болѣзней и принимая съ другой стороны полученныя союзниками подкрѣпленія, силы ихъ передъ Севастополемъ могли составлять, 3 октября, не свыше пятидесяти трехъ тысячъ человѣкъ.

Въ «Times» отъ 5 октября (23 сентября), пишутъ: «Сегодня умерли отъ холеры д-ръ Томсонъ, 44 полка и г. Ридъ, ассистентъ медицинскаго штаба. Въ одной легкой дивизіи 170 человѣкъ больныхъ. Эпидемія свирѣпствуетъ какъ въ городѣ (Балаклавѣ) такъ и въ лагерѣ. Потеря 170 лошадей въ двухъ полкахъ (онѣ погибли въ морѣ, во время бури), пока незамѣнима. «Вообще изъ послѣднихъ писемъ полученныхъ газетою «Times», видно, что число больныхъ холерою въ англо-французской арміи уже про-

---

[1] «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 254. Сѣверная Пчела" 1854 г. № 254.

стирается до 2 тыс. человѣкъ. Въ тѣхъ же письмахъ сообщаютъ о разногласіи, возникшемъ между французскимъ и англійскимъ адмиралами: первый изъ нихъ не успѣвъ склонить адмирала Дондаса на атаку Севастопольской гавани обоими флотами, рѣшился попытаться на это съ одними французскими кораблями, что подало поводъ къ разнымъ неудовольствіямъ ([1]).

«Morning Chronicle» пишутъ, что союзные флоты потеряли въ этотъ день (5 декабря) 90 человѣкъ убитыми, и имѣли 300 раненыхъ. Въ «Morning Herald» замѣчаютъ, что русскіе могутъ извлечь большія выгоды для защиты Севастополя изъ артиллеріи своего флота. «Если союзники рѣшатся на штурмъ, сказано въ сей газетѣ, онъ будетъ самый упорный; мы не преувеличиваемъ, утверждая, что войска наши будутъ встрѣчены огнемъ изъ 2,000 пушекъ, какъ съ фортовъ, устроенныхъ по обоимъ берегамъ гавани, такъ и съ находящихся въ ней русскихъ кораблей» ([2]).

Парижъ, 27 октября. Безъ депешей князя *Меншикова* правительство и парижане не знали бы еще сегодня о начатіи бомбардированія Севастополя 17 числа. Но «Монитеръ не могъ обнародовать депеши князя *Меншикова*, не измѣнивъ ея. Въ ней исключено, что укрѣпленія мало потерпѣли, а изъ пятисотъ убитыхъ и раненыхъ русскихъ, сдѣлано 500 убитыхъ ([3]).

Въ вѣнской газетѣ «Presse» сообщаютъ извѣстіе о бомбардировкѣ Севастополя: 17 (5) октября, она продолжалась 12 часовъ безъ всякаго успѣха для союзниковъ. Говорили, что часть осадной ихъ артиллеріи подбита; что три военные корабля истреблены и нѣсколько другихъ сильно повреждены, а потеря русскихъ была относительно не важна. Въ тріестской газетѣ тоже говорятъ, что въ

([1]) „Русск. Инв." 1854 г. № 236.
([2]) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 242.
([3]) „Сѣверн. Пчела" 1854 г. № 240.

этотъ день бомбардировка съ суши и съ моря продолжалась 12 часовъ, и что союзники потерпѣли уронъ. Изъ 86 осадныхъ орудій ихъ были подбиты 82, а изъ 360 русскихъ было подбито только шесть. Сверхъ того потопленъ былъ одинъ непріятельскій пароходъ, а на четырехъ другихъ сбиты мачты (1).

Въ «Neue Preussische Zeitung», разсматривая событія въ Крыму, прибавляютъ къ тому слѣдующія размышленія:

«Нѣкоторые голоса несправедливо осуждаютъ русскаго главнокомандующаго за то, что онъ не воспрепятствовалъ высадкѣ союзныхъ войскъ. Мы съ самаго начала почитали это невозможнымъ, и притомъ этого нельзя было произвести потому, что невозможно было предвидѣть, чтобъ мѣстомъ высадки была избрана Эвпаторія. Сами союзники приняли на себя трудъ доказать, какъ мало этотъ выборъ могъ быть оправданъ, потому что рѣшились послѣ того произвесть одно изъ опаснѣйшихъ движеній, для перенесенія позорища войны въ юго-западную часть полуострова. Вообще имъ не доставало одного важнаго пособія, а именно точнаго познанія страны, а, главное, самаго предмета нападенія». Что же касается до самой атаки Севастополя, авторъ приводимой нами статьи находитъ, что здѣсь не можетъ быть вопроса объ осадѣ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. «Очевидно, говоритъ онъ, что союзники разсчитывали на весьма неважныя укрѣпленія, которыхъ артиллерія не въ состояніи будетъ противостать ихъ орудіямъ тяжелаго калибра. По сей причинѣ они, можетъ быть, надѣялись окончить дѣло бомбардировкою на большомъ разстояніи, что охранило бы ихъ отъ слишкомъ большихъ потерь. Но они ошиблись: это важное заблужденіе можетъ сдѣлаться для нихъ гибельнымъ. Съ неимовѣрною дѣятельностью воздвигли русскіе, съ южной стороны крѣпости, значительныя и выдававшіяся впередъ укрѣпленія, защищаемыя многочисленною корабельною артиллеріею самаго

(1) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 242.

тяжелаго калибра. Слѣдственно борьба почти равная: артиллерійскій бой на большомъ разстояніи, въ которомъ осаждающіе не будутъ имѣть другой выгоды, кромѣ огня сосредоточеннаго. Впрочемъ, съ матеріяльными средствами, которыми располагаютъ осажденные, мы ясно видимъ, что у нихъ нѣтъ недостатка и въ нравственной силѣ, необходимой для обороны. 33 орудія подбиты на одномъ укрѣпленіи, и прислуга ихъ смѣнена была трикратно. Такія событія превыше всякихъ похвалъ (1)»!

По письму съ Мальты, отъ 1-го ноября. «Альбіонъ» получилъ 93 ядра въ свой корпусъ при атакѣ морскихъ севастопольскихъ укрѣпленій 5-го (17-го) октября. Мачты его совершенно сбиты, и онъ возвращается въ Мальту для починокъ. Во время дѣйствій онъ бросилъ 873 пушечныя ядра и 925 бомбъ (2).

Въ Мониторѣ, 4-го ноября, напечатаны извѣстія изъ Константинополя не позже 20-го октября, а изъ Севастополя отъ 18-го. Въ прочихъ французскихъ газетахъ извѣстія изъ Тріеста простираются до 23-го числа изъ Константинополя и отъ 20-го изъ Крыма. Слѣдственно подробности, обнародованныя ими, относятся только до первыхъ дней бомбардировки. Мы видимъ изъ нихъ, что корабли «Санпарель», «Агамемнонъ», и «Вилль-де-Пари» были повреждены 17-го числа, особливо послѣдній, котораго *ютъ* разлетѣлся въ щепы отъ разрыва бомбы; осколками одинъ адъютантъ адмирала *Гамелена* и трое ранено. Самъ онъ спасся только чудомъ. На пароходѣ «Ретрибюшенъ» сбиты всѣ мачты. На французскихъ батареяхъ взорвало два пороховые погреба. Въ письмѣ изъ Константинополя, отъ 21-го числа, напечатанномъ въ Мониторѣ, сознаются, что дымъ отъ морской пальбы 17-го числа и послѣдовавшая за тѣмъ ночь воспрепятствовала въ

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 245.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 250.

точности разсмотрѣть повреждения, нанесенныя приморскимъ флотамъ Севастополя.

Въ «Allgemeine Zeitung» пишутъ:

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Одессы, отъ 23-го октября, во время бомбардировки Севастополя, 17-го октября, взлетѣлъ на воздухъ не англійскій, а французскій линейный корабль, и именно, какъ увѣряютъ въ Одессѣ, 120 пушечный «Шарлемань». Далѣе, въ дополненіе къ прежнимъ извѣстіямъ, сообщаютъ, что атака съ морской стороны произведена была 12 линейными кораблями и 9 паровыми фрегатами, большею частію подъ французскимъ флагомъ. Потери, понесенныя непріятельскимъ флотомъ, теперь показываются значительнѣйшими нежели въ первомъ донесеніи. Но какъ объ этомъ, такъ и о потеряхъ союзниковъ, на сухомъ пути, которые, какъ слышно, очень значительны, лучше подождать оффиціальныхъ донесеній съ обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, положеніе союзниковъ описывается весьма затруднительнымъ. Они стѣснены около Балаклавы, окруженной высокими горами на пространствѣ 9 верстъ. Всѣ сообщенія съ сосѣдственными деревнями, гдѣ они запасались водою и свѣжими припасами, отрѣзаны казаками. Недостатокъ въ прѣсной водѣ, которая вообще довольно рѣдка въ Крыму, становится въ особенности ощутителенъ и все ограничивается подвозомъ изъ Варны Чрезъ Одессу беспрерывно проходятъ войска въ Крымъ (1).

Въ телеграфной депешѣ изъ Тріеста отъ 2-го ноября, ввечеру полученной въ Берлинѣ, сообщаютъ: Запоздавшій левантскій пароходъ прибылъ сегодня съ письмами изъ Константинополя, отъ 23-го октября. Въ семъ городѣ были получены извѣстія изъ Крыма до вечера 20-го числа. Въ тріестской газетѣ говорятъ, что бомбардированіе Севастополя, 17-го числа, со стороны моря. продолжалось пять часовъ, и въ немъ принимали участіе 22 линейныхъ ко-

(1) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 246.

рабля. Винтовый корабль «Шарлемань» открылъ огонь и пострадалъ болѣе всѣхъ отъ огня осажденныхъ, такъ что теперь не можетъ продолжать службы. Адмиральскій корабль «Вилль-де-Пари» сильно поврежденъ бомбою, которою убило вдругъ—трехъ адъютантовъ адмирала *Гамелена*, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго вреда. Пароходъ «Ретрибюшенъ» и нѣкоторыя другія военныя суда находятся въ Константинополѣ для починокъ.

Другою телеграфическою депешею отъ 2-го ноября, изъ Землина (полученною также въ Берлинѣ) сообщаютъ, что съ сухопутною почтою получены извѣстія изъ Константинополя до 26-го октября. Извѣстія изъ Крыма простираются до 23-го. До сего числа не произошло передъ Севастополемъ ничего рѣшительнаго и поврежденія, произведенныя союзною артиллеріею, были незначительны. Множество кораблей англо-французскаго флота потерпѣли поврежденія. Съ поспѣшностью погружаютъ на суда боевые припасы. Атака союзниковъ со стороны моря прекратилась (¹).

Лондонъ 8-го ноября. Въ «Morning Post» пишутъ: «Публика, конечно, удивится неполученію депешей лорда *Раглана* съ пароходомъ, привезшимъ реляцію о нападеніи на Севастополь съ моря. Съ сожалѣніемъ сообщаемъ, что эти занимательные документы, ввѣренные лордомъ *Рагланомъ* лейтенанту *Гендерсону*, потеряны по какому-то непостижимому случаю. Лейтенантъ *Гендерсонъ* прибылъ въ Лондонъ, и, сколько мы узнали—самъ не знаетъ, какъ объяснить потерю депеши (²)».

Константинопольскій корреспондентъ «Times» пишетъ отъ 28-го октября: «Союзники неоспоримо имѣютъ нужду въ подкрѣпленіяхъ. Дѣйствительная сила англичанъ простирается не свыше 16,000 человѣкъ, до того уменьшили ее сраженія и болѣзни. Въ послѣднія 8 недѣль убито и выбыло изъ строя не менѣе 9,000 человѣкъ (³)».

(¹) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 244.
(²) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 251.
(³) «Сѣверная Пчела" 1854 г. № 251.

Извѣстія съ Востока, сообщаемыя въ послѣднихъ нумерахъ иностранныхъ газетъ, свидѣтельствуютъ, что флотъ союзниковъ потерпѣлъ 5-го (17-го) октября весьма чувствительный вредъ. Хотя эти извѣстія еще весьма кратки и неопредѣлительны, однакожъ почитаемъ не лишнимъ передать ихъ читателямъ, въ ожиданіи извѣстій болѣе подробныхъ. Въ телеграфической депешѣ изъ Вѣны, полученной въ Берлинѣ, сказано: «Многія суда союзниковъ сильно повреждены». Въ вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» пишутъ: «Насъ извѣщаютъ, что въ пороховую камеру одного изъ военныхъ судовъ союзнаго флота попало ядро, вслѣдствіе чего это судно съ страшнымъ громомъ взлетѣло на воздухъ. Два другіе парохода значительно повреждены этимъ взрывомъ. Море было покрыто трупами и обломками (1)».

Парижскій корреспондентъ газеты «l'Indépendance Belge», говоря о значительномъ вредѣ, понесенномъ французскими кораблями въ сраженіи 5-го (17-го) октября, приписываетъ этотъ вредъ преимущественно тому, что англійскіе корабли поздно явились на мѣсто боя, и вспоминаетъ, при семъ случаѣ, что англичане выказали такую же медлительность во время высадки на берега Крыма и въ дѣлѣ при Альмѣ. По словамъ этого корреспондента, адмиральскій корабль «Городъ Парижъ» долго служилъ цѣлью для русскихъ батарей; 3 или 4 бомбы въ одно и то же время упали на его ютъ, который и разрушенъ ими. 10 офицеровъ убито и ранено при этомъ случаѣ. Газета «la Patrie» сообщаетъ, что изъ всѣхъ французскихъ кораблей уцѣлѣлъ одинъ «Юпитеръ». Въ продолженіе 5-го (17-го) октября взорваны у союзниковъ, по словамъ той же газеты, 3 пороховые погреба: 2 у французовъ и 1 у англичанъ. По словамъ газеты «Constitutionnel», огонь русскихъ батарей былъ убійственный; изъ французскихъ кораблей всего болѣе пострадали «Городъ Парижъ», «Монтебелло», «Фридландъ», «Наполеонъ» и «Шарлемань»; изъ англій-

(1) „Русскій Инвалидъ“ 1854 г. № 241.

скихъ — «Саппарель» и «Альбіонъ». Англійская газета «Globe» сообщаетъ, что мачты сбиты не на одномъ «Ретрибюшенѣ», но и на «Лондонѣ», то и другое изъ этихъ судовъ, какъ равно и французское судно «Лабрадоръ», загорались (1).

Газетѣ «Observatoire Triestino» пишутъ изъ Константинополя, отъ 11-го (23-го) октября, что корабль «Агамемнонъ» спасся лишь какимъ-то чудомъ: капитанъ его былъ такъ неостороженъ, что сталъ на якорь слишкомъ близко къ русскимъ батареямъ, и корабль его пробитъ ядрами, какъ рѣшето. «Альбіонъ» поврежденъ до того, что лишь съ величайшимъ трудомъ могли поддерживать его на водѣ. «Тріестская Газета» сообщаетъ о поврежденіяхъ, нанесенныхъ судамъ союзныхъ флотовъ, слѣдующее: «Едва ли хотя одно судно осталось неповрежденнымъ. Одна изъ бомбъ, упавшихъ на адмиральскій корабль «Городъ Парижъ», произвела страшное опустошеніе: она упала на ютъ, пробила его до трюма, лопнула тамъ и разрушила ютъ. На ютѣ находился адмиралъ *Гамеленъ*, посреди четверыхъ адъютантовъ. Всѣ они были завалены обломками. Адмиралъ остался невредимымъ; но одинъ изъ адъютантовъ разорванъ надвое, другому оторвало обѣ ноги, третій потерялъ обѣ руки, четвертый тяжело раненъ. «Шарлеманю» попала бомба въ машину, которая сдѣлалась отъ того совершенно негодною къ употребленію; у того же корабля дважды былъ сбиваемъ флагъ, послѣ чего капитанъ приказалъ поднять 4 флага. Въ продолженіе бомбардированія, при каждомъ линейномъ кораблѣ находился военный пароходъ, чтобы, въ случаѣ нужды, тотчасъ же взять его на буксиръ. Одинъ изъ этихъ пароходовъ, извѣстный «Ретрибюшенъ», прибылъ 10-го (22-го) октября въ Константинополь для починки: главная мачта его сбита бомбою. 11-го (23-го), въ Константинополь прибыло еще нѣсколько другихъ судовъ (въ томъ числѣ «Аретуза»),

---

(1) «Русскій Инвалидъ» 1854 г. № 216. Тоже „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 217.

которыя, по исправленіи самыхъ важныхъ поврежденій, должны возвратиться во Францію и Англію. Всѣ извѣстія кажутся вполнѣ достовѣрными (о поврежденіи машины «Шарлемания» пишетъ даже одинъ изъ офицеровъ этого корабля); напротивъ, слухи о взорваніи на воздухъ одного изъ кораблей союзниковъ едва-ли справедливы: адмиралы, безъ сомнѣнія, не умолчали бы о такомъ важномъ происшествіи.. Впрочемъ, безмолвіе французскаго адмирала относительно вреда, нанесеннаго его кораблямъ, весьма многозначательно. — Вѣнской газетѣ «Fremden-blatt» пишутъ изъ Варны, отъ 15-го (27-го) октября: «Сегодня утромъ прибылъ сюда изъ Балаклавы французскій паровой пакетботъ, начальникъ котораго разсказываетъ, что союзные флоты жестоко пострадали въ сраженіи 5-го (17-го) октября. Англійскій адмиралъ *Дондасъ*, какъ утверждаютъ, еще 4-го (16-го) числа рѣшительно возставалъ противъ атакованія севастопольскихъ укрѣпленій съ моря: но прочіе члены военнаго совѣта, особенно сэръ Эдмондъ *Лайонсъ*, не согласились съ его мнѣніемъ. Суда, наиболѣе поврежденныя, уже отведены на буксирѣ въ Буюкдере, откуда, по исправленіи самыхъ важныхъ поврежденій, отправятъ ихъ въ тулонскій арсеналъ. «Еще одно такое сраженіе», говоритъ начальникъ помянутаго пакетбота, «и половина нашего черноморскаго флота не будетъ годна ни къ чему (1)».

Парижъ 5-го ноября. Въ нынѣшнемъ Монитерѣ, по депешѣ изъ Вѣны, сообщаютъ извѣстія изъ Крыма только до 25-го октября и донесенія генерала *Канробера* и адмирала *Гамелена* о первомъ днѣ (17-го) бомбардировки Севастополя. Генералъ ни слова не говоритъ о своихъ потеряхъ; что же касается до адмирала, то къ донесенію его приложенъ имянной списокъ убитыхъ и раненыхъ на флотѣ. По сему списку оказывается, что изъ 24 кораблей, бывшихъ въ дѣлѣ, на десяти убито тридцать человѣкъ (въ

(1) „Руссвій Инвалидъ" 1854 г. № 247.

числѣ ихъ одинъ офицеръ и два кадета) и 180 ранено, въ числѣ ихъ пять офицеровъ и три кадета.

Въ одной французской газетѣ сказано, что въ числѣ англійскихъ кораблей, наиболѣе пострадавшихъ при атакѣ 17-го октября, морскихъ фортовъ Севастополя, на «Санъ-Парейль» убито 12 чел., ранено 60; на «Альбіонѣ» почти столько же убитыхъ и раненыхъ; на «Агамемнонѣ» убито 4, раненыхъ 22; на «Квинѣ» убитъ одинъ, ранено 11 и проч. (1).

6-го ноября. Донесеніе адмирала *Дондаса* объ атакѣ морскихъ фортовъ Севастополя 17-го октября нынѣ напечатано. Изъ 26 парусныхъ и паровыхъ кораблей, принимавшихъ въ ней участіе, «Альбіонъ» много потерпѣлъ въ килѣ и рангоутѣ, «Родней» въ рангоутѣ и проч. Первый изъ сихъ кораблей и «Аретуза» отправлены для починки въ Константинополь. Въ этомъ дѣлѣ въ англійскомъ флотѣ убито 44 человѣка, ранено 266 (2).

Сообщаемъ выписки изъ парижскихъ корреспонденцій, отъ 5-го ноября, въ «Indépendance Belge».

«Въ письмахъ и газетахъ, полученныхъ сегодня изъ Марсели, описываютъ въ великолѣпномъ видѣ морское сраженіе 17-го октября противъ Севастополя. Оба флота, ожесточенные противъ сихъ укрѣпленій, скрывавшихъ отъ нихъ русскую эскадру, истратили чрезвычайное множество снарядовъ. Говорятъ, что союзныя суда бросили 24,000 ядеръ, и хотя это количество кажется невѣроятнымъ, но сомнѣніе прекратится, когда узнаемъ, что одинъ адмиральскій корабль «Вилль-де-Пари» произвелъ 4,800 выстрѣловъ. Вы знаете, что два офицера убиты подлѣ адмирала *Гамелена* бомбою, разбившею въ щепы *ютъ* корабля. Адмиралъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, и одинъ лишній скачекъ губительнаго ядра могъ поразить его какъ Нельсона. Словомъ, верхнія батареи фортовъ и приморскихъ укрѣпленій были отчасти повреждены, но

(1) „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 247.
(2) „Сѣверная Пчела“ 1854 г. № 248.

вся масса вообще устояла противъ сей ужасной канонады. Чтобъ разрушить ихъ, должно подойти еще ближе, слѣдственно подвергнуться еще большимъ затрудненіямъ. Въ этотъ день, какъ говорится простонародно, всѣ дѣйствовали ощупью, и офицеры наши, въ письмахъ своихъ, прямодушно сознаются, что русскіе оказались гораздо выше тѣхъ понятій, которыя о нихъ господствовали. Пальба ихъ была самая живая; пушки ихъ бьютъ далеко, и если онп принуждены были прекратить огонь подъ градомъ ядеръ, бившихъ въ амбразуры, то потомъ возвращались къ своимъ постамъ, готовые возобновить бой. На другой день батареи карантина снова дѣйствовали по нашимъ кораблямъ, стоявшимъ на рейдѣ. Слѣдственно, этотъ день былъ только блистательною попыткою къ нападенію, въ который съ обѣихъ сторонъ испытывали силы другъ друга. Неутомимое сопротивленіе русскихъ доказало, что надъ ними не такъ легко торжествовать, какъ воображали ораторы въ кофейняхъ [1]».

Въ вѣнской газетѣ «Fremdenblatt» пишутъ: «Мы узнали, что русское ядро попало въ крюйтъ-камеру (пороховую казну) одного военнаго корабля союзниковъ, и что онъ съ ужаснымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ. Два другіе парохода были значительно повреждены симъ взрывомъ. Море было покрыто мертвыми тѣлами и обломками [2].

Одинъ изъ офицеровъ французскаго флота, присутствовавшій при атакованіи Севастополя союзными флотами, 5-го (17-го) октября, пишетъ, что въ этотъ день, съ одного адмиральскаго корабля «Городъ Парижъ» было произведено по 80-ти выстрѣловъ изъ каждаго орудія,—значитъ, всего 4,800 выстрѣловъ. Сообщая это, «Новая Прусская Газета» разсчитываетъ, что съ одной французской эскадры должно быть пущено около 50,000 ядеръ, и что если присоединить къ этому сухопутныя батареи, то очень

---

(1) „Сѣверная Пчела" 1854 г. № 249.
(2) «Сѣверная Пчела» 1854 г. № 241.

можетъ быть, что, въ первый день бомбардированія, противъ Севастополя и его внѣшнихъ верковъ брошено отъ 150 до 200,000 метательныхъ снарядовъ.—Газетѣ «l'Indépendance Belge» пишутъ изъ Парижа, отъ 5-го ноября (24-го октября): «Наши офицеры, находящіеся въ Крыму, единогласно сознаются въ своихъ письмахъ, что русскіе оставили далеко за собою составленное о нихъ понятіе. Огонь ихъ былъ убійственъ и мѣтокъ; ихъ пушки бьютъ на большое разстояніе, и если русскіе принуждены были на минуту прекращать огонь подъ градомъ метательныхъ снарядовъ, осыпавшимъ ихъ амбразуры, то они тотчасъ же возвращались опять на свои мѣста и возобновляли бой съ удвоеннымъ жаромъ. Неутомимость и упорное сопротивленіе русскихъ доказали, что восторжествовать надъ ними не такъ легко, какъ предсказывали намъ нѣкоторые газетчики (1)».

Лордъ *Рѣгланъ*, въ своемъ донесеніи, упоминаетъ о смерти полковника гвардейскихъ гренадеръ *Гуда*, убитаго 5-го (17-го) октября, и о взятіи русскими въ плѣнъ, утромъ 10-го (22-го) числа, капитана гольдстримской гвардіи лорда *Донклина* (Duncellin). Принцъ саксенъ-веймарскій *Эдуардъ*, состоящій въ маіорскомъ чинѣ, раненъ легко. — Не смотря на то, что генералъ *Канроберъ* говоритъ, въ своемъ донесеніи отъ 6-го (18-го) октября, только объ одномъ взрывѣ пороха во французскихъ батареяхъ, во всѣхъ письмахъ изъ-подъ Севастополя единогласно утверждаютъ, что у Французовъ взорваны два пороховые склада—одинъ въ 9 часовъ утра (имъ убито или ранено 30 артиллеристовъ и опрокинута батарея), а другой въ часъ по полудни, на одной изъ батарей морской артиллеріи. Общее число убитыхъ и раненыхъ этими взрывами опредѣляютъ во 100 чел. Батарея, поврежденная первымъ взрывомъ, могла возобновить свой огонь только 7-го (19-го) числа, но и то слабо. Сухопутная батарея, возведенная моряками противъ Карантиннаго форта, сильно пострадала отъ огня

(1) „Русск. Инвал“ 1854 г. № 219. Тоже «Сѣверн. Пчелѣ», 1854 г. № 249.

этого форта и была 7-го (19-го) числа обезоружена. На ней убиты въ этотъ день два артиллерійскіе капитана, *Массе* и *Вассеръ*, изъ которыхъ послѣдній палъ подлѣ генерала, начальствующаго надъ артиллеріею. Въ письмахъ отъ 9-го (21-го) октября, между прочимъ, сказано: «Сопротивленіе русскихъ обнаруживаетъ необыкновенную энергію и приноситъ величайшую честь гарнизону и офицерамъ, которые командуютъ имъ. Каждое утро предъ нами является какая нибудь новая батарея, какой-нибудь новый редутъ, возведенные въ продолженіе ночи. Огонь ихъ весьма мѣтокъ, и 5-го (17-го) числа они нанесли намъ много вреда... Всѣ моряки удивляются, какъ могъ адмиралъ *Гамеленъ* остаться въ живыхъ при взрывѣ бомбы на кораблѣ «Городъ Парижъ»: онъ былъ взброшенъ этимъ взрывомъ на воздухъ и потомъ упалъ на палубу. «Городъ Парижъ» будетъ отосланъ, для исправленія, во Францію. «Вальми», «Фридландъ» и «Монтебелло» тоже сильно пострадали. Мачты сбиты со многихъ французскихъ судовъ. Судно «Ламорисьеръ», нанятое французскимъ военнымъ министромъ, потерпѣло крушеніе въ виду Варны на пути изъ Балаклавы въ Константинополь, куда оно шло съ 500 больныхъ и раненыхъ (¹)».

Корреспонденты газеты «Times» сообщаютъ подробности бомбардированія Севастополя до вечера 18 (6) октября: *Лагерь предъ Севастополемъ 17-го октября, 10 часовъ по полудни.* Ночью 16 го числа рѣшено открыть на слѣдующее утро нашъ огонь по русскимъ линіямъ, такъ какъ непріятель работалъ съ большею дѣятельностью и сильно укрѣплялъ свою позицію. Не смотря на усилія нашихъ инженеровъ, работы наши были еще не совсѣмъ окончены и большая часть мортиръ не могла быть поставлена на батареи. 17-го въ половинѣ 7-го, по сигналу, начался огонь съ французскихъ и англійскихъ батарей, но, получасомъ раньше, русскіе открыли уже страшную пальбу по всѣмъ нашимъ батареямъ. Около двухъ часовъ продолжа-

(¹) „Русскій Инвалидъ" 1854 г. № 249.

лась съ обѣихъ сторонъ сильнѣйшая канонада. Наше лѣвое крыло состояло изъ 4-хъ батарей и 36 пушекъ; правое крыло изъ одной батареи въ 20 пушекъ. На нашемъ правомъ флангѣ находились также 2 ланкастерскія батареи и батарея изъ 4-хъ 68-фунтовыхъ орудій. У французовъ было около 46 пушекъ. Всего, какъ должно предполагать, у союзниковъ находилось въ дѣлѣ 117 пушекъ. Въ 8 часовъ оказалось, что французскія батареи на крайнемъ правомъ флангѣ, осиленныя русскимъ огнемъ и обстрѣливаемыя вдоль непріятельскими орудіями, очень ослабѣли; огонь ихъ съ каждою минутою становился тише. Въ половинѣ 9-го огонь ослабѣлъ-было на нѣсколько минутъ съ обѣихъ сторонъ, но потомъ снова начался съ страшною силою. Весь городъ и линіи осадныхъ работъ скрылись въ дыму. Въ 8 часовъ 40 минутъ, на крайней правой 12-ти пушечной батареѣ, взорвало съ оглушительнымъ трескомъ французскій пороховой магазинъ, причемъ убито и ранено 100 человѣкъ. Русскіе привѣтствовали это крикомъ «ура!», начали стрѣлять съ новою силою и заставили совершенно замолчать французскій огонь, такъ что французы могли дѣлать выстрѣлы только время отъ времени, чрезъ значительные промежутки, а въ 10 часовъ почти совсѣмъ замолкли на этой сторонѣ. Въ половинѣ 11-го огонь ослабѣлъ съ обѣихъ сторонъ, но чрезъ $^1/_4$ часа открылся съ новою силою. Мы отлично стрѣляли, но наши осадныя сооруженія изрыты выстрѣлами съ редута и сооруженій окружающихъ круглую башню на нашей крайней правой сторонѣ. Въ 12 часовъ 45 минутъ подошли французскіе линейные корабли и открыли огонь по батареямъ со стороны моря. Картина была поразительна. Русскіе сильно отвѣчали на нападенія съ суши и съ моря. Въ часъ 25 минутъ взорвало другой пороховой магазинъ на французскихъ батареяхъ. Канонада была оглушительна. Наши пушки разрушили (?) круглую башню, но не могли заставить замолчать окружающія ее сооруженія. Въ часъ 40 минутъ въ Севастополѣ послышался взрывъ, но и послѣ этого огонь русскихъ нисколько не ослабѣлъ. Ланкастерскія пушки стрѣляли дурно, и одну изъ нихъ разорвало. Въ 2 часа

55 минутъ взорвало пороховой магазинъ въ русскомъ редантъ-фортѣ (?). Не смотря на это, русскіе возвратились къ своимъ пушкамъ и продолжали стрѣлять. Канонада не прекращалась ни на минуту съ нашихъ кораблей и батарей, но дымъ не дозволялъ различить намъ, введенъ ли въ дѣло британскій флотъ. Въ половинѣ 4-го взорвало русскою гранатою пороховой запасъ внутри нашей морской батареи. Непріятельскія земляныя укрѣпленія были повреждены нашими выстрѣлами, но внутреннія сооруженія продолжали еще сильный огонь. Въ 4 часа корабли производили оглушительные залпы съ бортовъ по фортамъ и каменнымъ укрѣпленіямъ. Видѣнъ былъ одинъ французскій флагъ, англійскій же флотъ находился на противоположной сторонѣ гавани. Съ 4 часовъ до 5 часовъ 30 минутъ производилась съ нашихъ кораблей очень жаркая канонада. Русскіе по прежнему отвѣчали. Корабли посылали одинъ бортовой залпъ за другимъ по фортамъ Николаевскому и Константиновскому. Подъ-вечеръ огонь значительно ослабѣлъ, а съ наступленіемъ темноты вовсе прекратился. Русскіе дѣятельно занимаются исправленіемъ поврежденій. Мы дѣлаемъ то же, и ставимъ новыя пушки и мортиры для завтрашняго дня. Французы потеряли около 200 человѣкъ, преимущественно въ слѣдствіе взрывовъ; у насъ до 100 человѣкъ убито и ранено. Завтра мы открываемъ огонь на разсвѣтѣ. *18-го октября въ три часа пополудни.* Огонь открылся сегодня поутру вскорѣ послѣ разсвѣта. Французы были еще не въ состояніи помогать намъ. Ихъ крайняя лѣвая сторона до сихъ поръ хранитъ молчаніе. Они не будутъ готовы ранѣе 19-го или 20-го: такой сильный вредъ нанесъ имъ русскій огонь. Въ продолженіе ночи русскіе исправили поврежденія и втащили новыя пушки. Въ 10 часовъ поднялась тревога, потому что узнали, что русскіе заходятъ къ намъ съ тылу на балаклавской дорогѣ. Лордъ *Рагланъ*, съ штабомъ и многочисленнымъ французскимъ войскомъ, тотчасъ же двинулся туда, но русская кавалерія и два батальона пѣхоты съ одною пушкою, подходившіе было къ передовымъ нашимъ постамъ, удалились. Въ настоящую минуту (3 часа) рус-

siе тѣснятъ насъ сильно, возвращая три выстрѣла на наши два. Завтра флоты откроютъ снова огонь. На корабляхъ «Retribution» и «London» сбиты главныя мачты; суда эти вчера загорались. Корабль «Agamemnon» сильно пострадалъ. Холера уменьшилась. Редантъ-фортъ (?) флагштокъ-фортъ (?) и круглая башня до сихъ поръ производятъ сильный огонь. Мы достаемъ съ трудомъ снаряды для нашихъ пушекъ». Другой корреспондентъ той же газеты пишетъ отъ береговъ рѣки Качи, *18-го октября*. «Вчера поутру, на разсвѣтѣ, французы и англичане открыли огонь съ своихъ батарей по южной сторонѣ Севастополя. Наканунѣ поздно вечеромъ между союзными адмиралами и генералами условлено, чтобы флоты въ тотъ же день произвели сильную атаку на форты, находящіеся при входѣ въ гавань. Въ продолженіе ночи брамстенги спущены, лишніе баркасы прицѣплены къ кораблю «Vulcan», а рано поутру развели пары. Колесные и винтовые фрегаты прицѣплены вдоль бортовъ парусныхъ линейныхъ кораблей, и все приготовлено къ битвѣ. Французы должны были занять правую сторону, отъ входа въ гавань, то есть южную, а англичане лѣвую или сѣверную сторону; какъ тѣмъ, такъ и другимъ предписано выстроиться въ одну линію, въ разстояніи около 1,500 ярдовъ отъ берега. Французы первые заняли свои мѣста, около 12½ часовъ, и тотчасъ же открыли сильный огонь, на который жарко отвѣчали съ русскихъ батарей. Однако же разстояніе отъ берега было болѣе, чѣмъ предполагалось сначала, и, сколько я могу судить, составляло свыше 2,000 ярдовъ. Между тѣмъ англійскія суда постепенно занимали свои мѣста, бросая якори налѣво отъ французовъ. Впрочемъ «Agamemnon», «Sanspareil» и «London» (прикрѣпленный къ пароходу Niger) одно время случайно заняли мѣсто впереди, можетъ быть на разстояніи 1,000 ярдовъ отъ Константиновскаго форта. Въ скоромъ времени огонь принялъ страшные размѣры. Въ разстояніи 6 миль, канонада похожа была на тѣ звуки, которые издаетъ локомотивъ, когда онъ несется со всею быстротою, но, безъ сомнѣнія, громъ былъ несравненно сильнѣе. Погода въ этотъ день была необыкновен-

но тиха, такъ что густой дымъ тяжело висѣлъ надъ кораблями и батареями, препятствуя часто непріятелямъ видѣть одинъ другаго. Съ двухъ часовъ до сумерокъ (около 6-ти) продолжалась страшная канонада. Въ сумерки, когда корабли начали удаляться, огонь русскихъ сдѣлался сильнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ стемнѣлось и всѣ корабли возвратились къ своимъ якорнымъ стоянкамъ. Послѣ ослѣпительнаго солнца, дыма, взрывовъ, ядеръ, гранатъ, ракетъ и рева 10,000 пушекъ поразителенъ былъ переходъ къ тихой прохладѣ, небу, усыпанному блестящими звѣздами и отражавшемуся въ зеркальной поверхности моря. Не знаемъ, какъ великъ вредъ, нанесенный фортамъ. Три изъ нашихъ кораблей сильно пострадали; у англичанъ число убитыхъ простирается до 46, раненыхъ болѣе 250 человѣкъ (1).

Изъ Парижа пишутъ «Аугсбургской Газетѣ», отъ 4-го ноября: «Не смотря на оффиціальныя извѣстія о бомбардированіи Севастополя, 17-го и 18-го октября (н. ст.) дѣла на нашей биржѣ шли сегодня очень тихо, и это не трудно понять. Въ прежнихъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ отказывали русскимъ даже въ умѣньѣ стрѣлять; увѣряли, будто бы осажденные поддерживали постоянный огонь, но ихъ ядра всѣ пролетали мимо (!), потери же осаждающихъ, въ продолженіе всего времени, пока проводимы были траншеи, состояли только въ *одномъ* убитомъ и 20 раненыхъ! И вдругъ мы узнаемъ изъ новѣйшихъ извѣстій, что постройкѣ батарей съ 14-го по 16-е октября сильно препятствовалъ огонь крѣпостныхъ орудій... Что касается до двухдневнаго бомбардированія, то нельзя не замѣтить, что флотъ участвовалъ въ немъ только одинъ день. По словамъ французскаго оффиціальнаго донесенія, одинъ французскій пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ, въ слѣдствіе чего осадныя батареи французовъ должны были прекратить свой огонь; но мы не можемъ понять, почему истребленіе запаса пороха для одной батареи заставило и

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 248.

другія прекратить пальбу. Все это, конечно, нельзя назвать блестящими успѣхами». Отъ 5 ноября: «Донесенія генерала *Канробера* и адмирала *Гамелена* какъ нельзя лучше подтверждаютъ наше мнѣніе о ходѣ событій подъ Севастополемъ и объ «успѣхахъ» союзной арміи. По донесенію Канробера, бомбардированіе крѣпости въ первый день, 17-го октября, продолжалось лишь короткое время; конечно, «все шло хорошо», но взрывъ пороховаго погреба и «усиленіе непріятельскаго огня» «произвели нѣкоторое замѣшательство въ нападеніи», то есть, другими словами, сочли нужнымъ пріостановить огонь, чтобы исправить поврежденія и усилить средства нападенія новыми батареями. Въ донесеніяхъ именно говорится, что крѣпость «выдержала огонь лучше, нежели какъ можно было ожидать», и ея обширное протяженіе, защищаемое орудіями большаго калибра, «доставляетъ ей возможность продолжительной обороны». По донесенію адмирала *Гамелена*, корабли, которые сначала подвергались огню севастопольскихъ батарей, не будучи въ состояніи отвѣчать имъ, понесли такую потерю людьми, что попытка проникнуть въ гавань обошлась бы не дороже. Безъ сомнѣнія, не меньше потерпѣли и самые корабли, хотя въ донесеніи не говорится объ этомъ ни слова. Объ успѣхахъ и рѣчи нѣтъ: генералъ *Канроберъ* доноситъ, что ему еще неизвѣстно, что сдѣлалъ флотъ; а адмиралъ *Гамеленъ*, что онъ не знаетъ, что сдѣлала армія» (1).

По поводу разсказа о первыхъ дняхъ бомбардированія Севастополя, газета «Times» говоритъ слѣдующее: «Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ только весьма краткій отчетъ о второмъ днѣ бомбардированія, но онъ достаточно укажетъ на страшный характеръ предпріятія. Очевидно, что русскіе исправляютъ свои укрѣпленія съ неменьшей дѣятельностью, чѣмъ осаждающіе исправляютъ осадныя работы; и, дѣйствительно, относительно земляныхъ работъ нѣтъ причины, чтобъ они этого не дѣлали, пока

(1) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 249.

найдутся люди и матеріялы. Каменныя укрѣпленія не могутъ быть починиваемы такъ скоро. Но мы узнали, что во второй день, изъ поврежденныхъ фортовъ, которые нашъ огонь заставилъ умолкнуть наканунѣ, стрѣляли сильнѣе, чѣмъ когда-либо, въ то время, какъ съ нашей стороны продолжали съ трудомъ доставлять нашимъ пушкамъ боевые припасы». Далѣе въ «Times» пишутъ: «Ходъ осады доказываетъ, что Севастополь, какъ крѣпость и какъ арсеналъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали. Запасъ орудій, кажется, неистощимъ. Къ укрѣпленіямъ, и безъ того уже огромнымъ, безпрерывно присоединяются новыя батареи, которыя вооружаются новыми пушками, какъ скоро прежнія подбиты. Еще необыкновеннѣе то, что калибръ ихъ орудій по крайней мѣрѣ равенъ калибру нашихъ; что же касается боевыхъ припасовъ, то сотни пушекъ продолжаютъ извергать ядра безъ перерыва, безъ замедленія. Сила ихъ гарнизона не менѣе удивительна, или, по крайней мѣрѣ, сила арміи, которою они располагаютъ Должно сознаться, что сухопутная оборона Севастополя страшно усилена». Съ береговъ Качи пишутъ той же газетѣ, отъ 21-го октября: «Вамъ, конечно, любопытно будетъ узнать, что выиграли мы отъ бомбардированія. Какъ я уже писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, батареи замолкли только на нѣсколько минутъ, такъ что трудно опредѣлить, произошло ли это отъ поврежденій, или только съ цѣлью дать орудіямъ охладѣть. На другой день бомбардированія, «Sampson» отправился для рекогносцировки причиненныхъ фортамъ поврежденій. Они были точно какъ въ огнѣ, но я боюсь, что все это очень не важно, кромѣ сѣверной стороны форта на мысѣ, гдѣ двѣ пушечныя амбразуры обращены въ одну (¹)».

Въ «Neue Preussische Zeitung», 11-го ноября, напечатана большая статья, въ которой авторъ старается доказать, что атака союзнаго флота 17 (5) октября, была не успѣшна во всѣхъ отношеніяхъ, и что вообще осаждающіе

(¹) „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1854 г. № 249.

разсчитывали, по видимому, на какую нибудь случайность, которой однакоже не было. «Мы должны сказать, прибавляет авторъ въ концѣ статьи, что нападающіе отваживались на все и ничего не разсчитали, тогда какъ защитники Севастополя все разсчитали, и желали только возможнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что на войнѣ должно иногда пускаться на-авось, но и въ самыхъ случайностяхъ должна господствовать осторожность. Тотъ, кто лучше разсчитываетъ, со временемъ всегда побѣждаетъ,—вотъ слова Фридриха Великаго, съ которыми осаждающіе вовсе не сообразовались (1).

Въ «Neue Preussische Zeitung» говорятъ, что получены частныя извѣстія изъ Севастополя, въ которыхъ объявляютъ, что тамъ не было никакого значительнаго взрыва, и это, впрочемъ, можно ясно понять, потому что пороховые погреба находятся подъ сводами. Солдаты, служащіе не на валахъ, не подвержены бомбардировкѣ, потому что они прикрыты горою и, сверхъ того, помѣщены въ укрѣпленныхъ казармахъ. Женское народонаселеніе оставило городъ. Истребленный водопроводъ снабжалъ водою только доки, а въ самомъ городѣ всегда довольно воды въ колодцахъ и цистернахъ (2).

ДЕНЬ ПЕРВАГО БОМБАРДИРОВАНІЯ.

(5-го октября 1854 г.).

Не мало гарнизонъ (3) могучій
Тяжелыхъ дней ужъ пережилъ,
Какъ непріятель грозной тучей
Нашъ Севастополь обложилъ.
Мы ждали штурма, но напрасно:
Врагъ самъ чего-то выжидалъ;

---

(1) „Сѣверн. Пчела“ 1854 г. № 251.

(2) «Сѣверн. Пчела». 1854 г. № 256.

(3) Гарнизономъ называются войска, расположенныя въ городѣ или крѣпости, для защиты ихъ отъ непріятеля въ военное время и для охраненія общественнаго порядка и благоустройства въ мирное время.

А гарнизонъ межъ-тѣмъ мужалъ,
И городъ крѣпнулъ ежечасно.
Работы шли;—росли твердыни;
Морякъ, армеецъ и саперъ,
Во имя правды и святыни,
Врагу готовили отпоръ.
Невѣста, въ дорогомъ уборѣ,
Не такъ блистаетъ подъ вѣнцомъ,
Какъ Севастополь предъ концомъ
Блисталъ на сушѣ и на морѣ.
Какъ мать въ обновы для могилы
Рядитъ безцѣнное дитя,
Такъ, снарядивъ нашъ городъ милый,
Мы ждали роковаго дня.
Не долго былъ родной въ обновѣ!
Насталъ день пятый октября,
И только занялась заря,
Враги ужъ были наготовѣ.
Грозу предвидя и въ заботѣ
Врага подольше задержать,
Какъ прежде, по его работѣ
Съ разсвѣтомъ стали мы стрѣлять.
У нихъ все тихо. Вдругъ ракета.
Залпъ; канонада началась,
Огнемъ вся линія зажглась,
И врагъ потребовалъ отвѣта.
Войскамъ ударили тревогу,
Къ банкетамъ (1) ближе подвели;
И, помолившись дружно Богу,
Орудья смерти навели;
Огонь всей линіей открыли;
Окрестный воздухъ застоналъ,
И дымъ пороховой застлалъ
Кругомъ всю мѣстность. Наводили
Затѣмъ мы всѣ орудья прямо
По непріятельскимъ огнямъ;
И частая пальба упрямо
Шла безъ конца по всѣмъ мѣстамъ.
Напрасно, рѣже чтобъ стрѣляли,
Приказъ былъ отданъ морякамъ:
Въ порывѣ мщенія врагамъ,
Они приказъ позабывали.

---

(1) Банкетъ, небольшой приступокъ за бруствером (насыпью) для того, чтобъ можно было стрѣлять чрезъ насыпь.

II.

И получаса бой не длился,
Какъ на четвертый бастіонъ ([1])
Корниловъ ([2]) съ свитою явился.
Кругомъ его—и смерть, и стонъ,
А онъ, опасность презирая,
Войскамъ духъ мужества внушалъ;
И постоять имъ обѣщалъ
За уголокъ роднаго края.
Тутъ, все устроивъ, къ осажденнымъ
На пятый бастіонъ спѣшилъ,
Гдѣ ужь съ лицомъ окровавленнымъ
Пахимовъ ([3]) пушки наводилъ.
Здѣсь, въ смертномъ, адскомъ ураганѣ
Вожди сошлись въ послѣдній разъ;
Тамъ, на Малаховомъ курганѣ,
Ужь одного былъ близокъ часъ!
Предѣла храбрости не зная,
Истоминъ ([4]), правды идеалъ,
Курганъ Малаховъ защищая,
Примѣръ отваги подавалъ.
Герои! кто-бы могъ предвидѣть,
Что ваши дни ужь сочтены,
Въ васъ искупленья жертвы видѣть,
За честь и миръ родной страны.
Кто могъ сказать, что гроба двери,
Судьба всѣмъ тремъ спѣшитъ открыть,
И намъ придется пережить
Незамѣнимыя потери!

Часы идутъ; пальба грохочетъ,
На части воздухъ адски рветъ:
Онъ то русалкой захохочетъ,
То вдругъ медвѣдемъ заревётъ.
Страдаютъ сильно бастіоны,
За дымомъ меркнетъ Божій свѣтъ—
Вездѣ кровавой битвы слѣдъ;
Повсюду смерть, мольба и стоны.

([1]) Бастіономъ называются открытыя, огромныя (пушекъ на 20, на 40 и болѣе) особаго рода укрѣпленія, изъ самыхъ плотныхъ насыпей, съ широкимъ и глубокимъ рвомъ впереди ихъ.

([2]) Вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Владиміръ Алексѣевичъ, начальникъ штаба черноморскаго флота.

([3]) Адмиралъ, Павелъ Степановичъ Пахимовъ—раненъ смертельно въ голову 28-го іюня, на Малаховомъ курганѣ, умеръ 30-го іюня.

([4]) Контръ-адмиралъ, Владиміръ Ивановичъ Истоминъ—начальникъ 4-го отдѣленія оборонительной линіи, убитъ 7-го марта на Камчатскомъ люнетѣ.

Земля дрожитъ и солнце скрылось
Въ померкшихъ мутныхъ небесахъ;
И птица вольная, въ лѣсахъ,
Далеко, гдѣ-то притаилась.

Бушуетъ бой! Какъ величавый
Орелъ взлетаетъ къ облакамъ,
Тотлебенъ ([1]), гордость нашей славы,
Носился всюду. Здѣсь и тамъ,
Распорядительно и смѣло
Войска, орудья размѣщалъ,
И, дѣлу преданный всецѣло,
Работы дня распредѣлялъ.
Подъ грохотомъ бомбардировки,
Носившей смерть во всѣ концы,
Солдаты наши молодцы
Неутомимы были,—ловки.
Гдѣ только брустверъ ([2]) повреждали,
Тамъ подъ огнемъ работа шла;
Его мгновенно исправляли.
Картечи воля чтобъ была,
Когда штурмующихъ колоны,
Какъ ждали мы, пойдутъ на насъ,
Мы амбразуры ([3]) всякій разъ,
Лишь осыпались бастіоны
Всѣ расчищали. Убыль дня,
Какъ и отъ выстрѣловъ прицѣльныхъ,
Такъ и навѣснаго огня,
Не перечислить. Много дѣльныхъ
Друзей и братій потеряли,
Да, тяжко вспомнить и теперь
Про этотъ страшный день потерь.
Мы больше трехъ часовъ стояли;
Вдругъ, на французской батареѣ,
(Что на Рудольфовой горѣ),
Взорвало погребъ. Какъ въ игрѣ,
Какъ въ своенравной лоттереѣ,
Намъ счастье вышло;—взрывъ, другой,
На воздухъ погребъ вновь взорвало;

([1]) Полковникъ Эдуардъ Ивановичъ, завѣдывавшій инженерными работами при осадѣ Севастополя; нынѣ генералъ-адъютантъ, товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части.

([2]) Брустверомъ называется земляная насыпь, въ три аршина и болѣе толщины и почти такой же вышины, за которую становятся люди, или ставятся пушки, чтобъ закрытыми стрѣлять по непріятелю. Предъ брустверомъ обыкновенно бываетъ ровъ, изъ котораго берутъ землю для насыпи.

([3]) Амбразура, сквозное отверстіе, сдѣланное въ насыпи или въ стѣнѣ, для стрѣльбы изъ артиллерійскихъ орудій.

И русской грудью боевой
Ура! горсть храбрыхъ прокричала!

Два эти взрыва измѣнили
Не маловажно участь дня,
И всею линіей огня
Пальбу французы прекратили.
Достигнувъ полнаго успѣха,
Мы рѣже начали стрѣлять,
Лишь-бы врагамъ была помѣха
Ихъ поврежденья исправлять.
Но если тутъ мы устояли,
То съ моря угрожалъ намъ флотъ;
А третій бастіонъ съ высотъ
Намъ англичане разрушали.
Не внемля просьбамъ окружавшихъ,
Туда Корниловъ поскакалъ:
Онъ лично видѣть самъ желалъ
Героевъ, храбро умиравшихъ.
Твердыни рушатся. Пылаетъ
Огнемъ Малаховъ весь курганъ,
На немъ, горсть храбрыхъ убываетъ,
Защитниковъ рѣдѣетъ станъ.
Средь нихъ Корниловъ. Нераздѣльно
Быть съ моряками онъ привыкъ;
Но вдругъ зловѣщій, страшный крикъ;
И, въ ногу раненый смертельно,
Герой упалъ. «Предоставляю (¹)
«Нашъ Севастополь отстоять
«Вамъ, господа, и, умирая,
«Прошу его не отдавать»,
Сказалъ онъ громко. Чувствъ лишился,
И въ госпиталь морской, въ слезахъ,
Снесли героя на рукахъ.
Тамъ, въ страшныхъ мукахъ онъ томился,
И ужь, совсѣмъ изнемогая,
Собравъ остатокъ павшихъ силъ,
Герой Корниловъ, умирая,
Кругомъ стоявшимъ говорилъ:
«Ахъ! какъ пріятно, всѣмъ скажите (²)
«За честь отчизны умирать
«Съ спокойной совѣстью;—и знать,
«Что вы геройски постоите.
«Блюди Господь Россію строже,
«Благослови Царя, народъ;

(¹) Подлинныя слова В. А. Корнилова.
(²) Подлинныя слова.

«Спаси нашъ Севастополь, Боже!
«И славный черноморскій флотъ».
Замолкъ; ужь силъ не стало болѣ,
Главой поникнулъ онъ на грудь;
О! еслибъ жизнь въ него вдохнуть
Когда бы было въ нашей волѣ.....
Свершилось все..... Его не стало;
Миръ праху твоему, герой,
Ты славѣ нашей далъ начало
И обороны былъ душой!

III.

Какъ вереница каравана
Въ степи виднѣется вдали,
Съ утра сквозь пелену тумана
Вдругъ стали видны корабли;
Отъ Кэчи ([1]) шли они спокойно,
Какъ бы къ назначеннымъ мѣстамъ,
И по буйкамъ ([2]) и здѣсь, и тамъ
Въ ряды вытягивались стройно.
Штиль мертвый,—море будто спитъ;
Грозу затишье предвѣщаетъ;
Далеко дымъ густой стоитъ,
Движенье флота затмѣваетъ.
Мѣста ужь заняты: отъ Бухты
Что Херсонесскою зовутъ,
До башни Волоховой. Ждутъ,
Какъ-бы торжественной минуты,
Начала дѣла,—состязанья
Всѣхъ батарей береговыхъ
Съ союзнымъ флотомъ. Все вниманье
Устремлено теперь на нихъ.
Вотъ залпъ—и море застонало;
Бомбардировка началась
Морскою силой. Понеслась
Повсюду смерть. Все задрожало:
За залпомъ залпъ во слѣдъ гремитъ,
И, вторя грому канонады,
Бушуетъ море и кипитъ.
Великій, грозный часъ блокады;
Изъ тысячи двухъ-сотъ орудій
По бортамъ сильныхъ кораблей,
Несутся тысячи смертей,
Но ихъ встрѣчаютъ русской грудью

([1]) Рѣка.
([2]) Поплавки на водѣ для обозначенія мѣстъ.

Безъ содроганья. Битва длится
Ужь пять часовъ;—хоть въ восемь разъ,
Орудій менѣе у насъ
Гремитъ въ отвѣтъ. Кругомъ дымится
Вся мѣстность. Рушатся преграды,
На батареи штурма ждемъ;
Но громъ смолкаетъ канонады
И флотъ врага, часу въ шестомъ,
Поспѣшно съ якоря снимаясь,
Отходитъ прочь. Умолкнулъ бой;
Но гулъ протяжный и глухой,
Какъ эхо, тихо удаляясь,
Гудитъ еще. Высокомѣрный
Врагъ отошелъ, смирясь душой,
Покончивъ съ моря, безпримѣрный
Въ военныхъ лѣтописяхъ бой.

IV.

Но день не кончился кровавый,
Французы смолкли, флотъ ушелъ,
Врагъ англичанинъ, жаждя славы,
Пальбу настойчивую велъ.
Съ высотъ громя, калибромъ страшнымъ
Своихъ орудій;—не смолкалъ
Ни на минуту. Угрожалъ
Намъ окончаніемъ опаснымъ.
Пожары въ городѣ. Какъ пашня,
Земля взъерошена кругомъ;
Малахова разбита башня.
Стонъ, разрушенія и громъ.
Ужаснѣй всѣхъ, съ утра, страдаетъ
Средь боя третій бастіонъ,
На смерть и гибель обреченъ;
Но онъ врагу не уступаетъ.
Ужь треть вооруженья сбита,
Прислуга дважды смѣнена,
И та почти что перебита;
А насыпь вся разорена.
Рачинскій (1), Лесли (2), Ергомышевъ (3)
Являютъ доблестный примѣръ;
И, не щадя послѣднихъ мѣръ,
И стоновъ раненыхъ не слыша,
Столь настоятельно-отважно
Огонь поддерживаютъ свой,

(1) Капитанъ-лейтенантъ.
(2) Капитанъ-лейтенантъ.
(3) Капитанъ 1-го ранга.

Что поврежденья какъ ни важны
У нихъ тамъ были;—все же бой
Безъ перерывовъ продолжался.
Работы дѣятельно шли;
Саперы дружно ихъ вели
И бастіонъ не разсыпался.
Но пробилъ часъ. На бастіонѣ
Взорвало погребъ. Трескъ и крикъ,
И средства къ грозной оборонѣ,
Почти изсякли въ этотъ мигъ.
Сто тѣлъ защитниковъ лежало
Обезображенныхъ въ пыли;
Лихихъ начальниковъ не стало,
Остатковъ Лесли не нашли.
Потери эти возбудили
Сильнѣе къ родинѣ любовь;
И снова полилася кровь,
Едва убитыхъ замѣнили.
И бастіонъ, совсѣмъ разрытый,
Вдругъ заблисталъ опять огнемъ;
Онъ не былъ до конца убитый!
И вплоть до сумерокъ на немъ
Стрѣляли,—смерть встрѣчая грудью,
Въ отвѣтъ на выстрѣлы враговъ;
Изъ двухъ оставшихся орудій
Пять уцѣлѣвшихъ моряковъ.

Смеркалось, день къ концу клонился,
Пальба затихла, смолкнулъ стонъ,
Кой гдѣ еще пожаръ дымился
И осыпался бастіонъ.
И воздухъ кровью напоенный,
Ужь не дрожалъ;—утихнулъ гулъ.
И ангелъ смерти утомленный
Надъ Севастополемъ вздремнулъ (1).

В. Д. Коссинскій.

---

(1) См. „Подъ Севастополемъ". Былины въ стихахъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ

ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ ГРАФЪ

ДМИТРІЙ ЕРОФЕЕВИЧЪ ОСТЕНЪ-САКЕНЪ 1-Й.

(*Краткій біографическій очеркъ*).

Сынъ генералъ-маіора, баронъ Дмитрій Ерофеевичъ родился въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ 1804 году находился уже въ рядахъ русской арміи, поступивъ юнкеромъ въ Елисаветградскій гусарскій полкъ. Въ апрѣлѣ 1807 года онъ былъ произведенъ въ томъ же полку прапорщикомъ, имѣя отъ роду семнадцать лѣтъ.

Будучи еще юнкеромъ, Дмитрій Ерофеевичъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ въ войну 1805—1807 г. Четыре года спустя, произведенный въ поручики, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту графу *Остерману* и въ этомъ званіи участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года, во время которой, за отличіе въ бородинскомъ сраженіи, произведенъ въ штабъ-ротмистры и награжденъ орденомъ св. Анны 4-го класса. За истребленіе непріятельскаго аріергарда подъ Вязьмою награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ слѣдъ за тѣмъ, какъ бы въ награду за всю боевую дѣятельность, Дмитрій Ерофеевичъ переведенъ въ л.-гв. Литовскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ генералу отъ инфантеріи графу *Милорадовичу*. Въ этой должности, за отличіе въ сраженіи подъ Дрезденомъ, награжденъ прусскимъ орденомъ за заслуги, а за сраженіе подъ Кульмомъ произведенъ въ капитаны.

По окончаніи кампаніи 1814 года, капитанъ баронъ *Остенъ Сакенъ* возвратился вмѣстѣ съ войсками въ Россію въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, и менѣе чѣмъ черезъ полтора года произведенъ въ полковники (1816 г. января 28) съ переводомъ въ Новогинскій пѣхотный полкъ, но, не прибывъ еще въ полкъ, былъ переведенъ во Владимірскій уланскій. Въ 1818 году полковникъ *Остенъ-Сакенъ* назначенъ командиромъ Астраханскаго кирасирскаго полка.

Персидская кампанія 1826 года застала барона *Остенъ-Сакена* въ чинѣ генералъ-маіора и командиромъ второй бригады второй уланской дивизіи. Начавъ кампанію подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя *Эристова* въ экспедиціи противу лезгинъ, Дмитрій Ерофеевичъ поступилъ потомъ подъ начальство генералъ-фельдмаршала графа *Паскевича Эриванскаго* и двинулся вмѣстѣ съ войсками черезъ Эчміадзинъ и Нахичевань къ Аббасъ-Абаду, гдѣ участвовалъ при осадѣ и взятіи этой крѣпости. Отсюда онъ посланъ былъ съ отдѣльнымъ отрядомъ за р. Араксъ, къ урочищу Кизилъ-чай, для содѣйствія обратному переселенію увлеченныхъ персіянами жителей Нахичеванской области. По удаленіи изъ Аббасъ-Абада главныхъ нашихъ силъ, генералъ баронъ *Остенъ-Сакенъ* былъ назначенъ временнымъ правителемъ Нахичеванской области и главнымъ начальникомъ всѣхъ оставшихся тамъ войскъ. 10-го сентября онъ узналъ о намѣреніи *Аббасъ-Мирзы* дѣйствовать на лѣвый флангъ и тылъ нашихъ войскъ, слѣдовавшихъ къ Эривани подъ личнымъ начальствомъ *Паскевича*. Не теряя времени, Дмитрій Ерофеевичъ выступилъ съ частію отряда изъ Нахичевани, съ намѣреніемъ атаковать *Аббасъ-Мирзу*, который, узнавъ о движеніи нашего отряда, отложилъ свое намѣреніе.

Вскорѣ послѣ того баронъ *Остенъ-Сакенъ* поступилъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта князя *Эристова*, подъ начальствомъ котораго двинулся къ Тавризу, который впослѣдствіи и былъ занятъ русскими войсками. За отличіе и распорядительность въ дѣлахъ, Дмитрій Ерофеевичъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степ. и золотую саблю съ надписью за храбрость, украшенную алмазами. По занятіи

Тавриза, онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ адербейджанскаго правленія и начальникомъ всего Адербейджана. Въ этой должности онъ оставался до выступленія русскихъ войскъ изъ Персіи. По окончаніи войны, за дѣятельность и труды награжденъ 20,000 руб. ассигнаціями, а за труды и дѣятельность, оказанныя во время управленія Адербейджанскою областью, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени и отъ персидскаго шаха получилъ орденъ Льва и Солнца 1-й степ, украшенный бриліантами.

Назначенный въ апрѣлѣ 1828 г. исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, онъ тотчасъ же принялъ участіе въ турецкой кампаніи при рекогносцировкѣ кр. Карса, гдѣ лично распоряжался атакою нашей кавалеріи. Въ день штурма этой крѣпости Дмитрій Ерофеевичъ взялъ приступомъ башни на форштадтѣ, отнялъ 8 орудій, потомъ штурмовалъ укрѣпленную гору Карадагъ и, наконецъ, командуя всѣмъ правымъ флангомъ, взялъ городъ и первый вошелъ въ сношеніе съ пашею о сдачѣ цитадели. За отличіе въ этомъ дѣлѣ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. Изъ Карса Дмитрій Ерофеевичъ двинулся къ Ахалкалакамъ, совершилъ трудный переходъ черезъ хребетъ Чалдырскихъ горъ, участвовалъ въ обложеніи и взятіи этой крѣпости, за что и награжденъ алмазными знаками на орденъ св. Анны 1-й степ. Изъ Ахалкалакъ генералъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*, съ отдѣльнымъ самостоятельнымъ отрядомъ, двинулся къ крѣпости Хертвиси и принудилъ ее къ сдачѣ. Поступивъ потомъ въ составъ главныхъ силъ, онъ участвовалъ съ ними въ разбитіи непріятельской кавалеріи при пораженіи 30,000 корпуса *Кясы-Мегметъ-паши*, и въ штурмѣ Ахалциха. За отличіе въ этихъ дѣлахъ получилъ аренду по чину и орденъ св. Владиміра 2-й степ. большаго креста.

Въ слѣдующемъ 1829 году Дмитрій Ерофеевичъ находился въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ турокъ и, между прочимъ, былъ назначенъ начальникомъ ахалцихскаго пашалыка.

По окончаніи кампаніи, онъ былъ отчисленъ отъ дол-

жности начальника штаба, съ назначеніемъ состоять по кавалеріи.

Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году, баронъ *Остенъ-Сакенъ* былъ уже командующимъ 3-ю уланскою дивизіею, и, начальствуя авангардомъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса онъ, переправившись черезъ границу при м. Гранно, вступилъ въ предѣлы Царства Польскаго.

1-го февраля, начальствуя авангардомъ корпуса графа *Палена 1-го*, Дмитрій Ерофеевичъ, въ дѣлѣ съ мятежниками на р. Ливцѣ близъ Венгрова, занялъ мостъ и оттѣснилъ непріятеля, препятствовавшаго переправѣ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ начальникомъ авангарда центральной колонны, назначенной для сохраненія сообщенія между корпусами графа *Палена 1-го* и барона *Розена*. Участвуя въ пораженіи мятежниковъ подъ Гроховомъ, *Остенъ-Сакенъ*, за отличіе въ этомъ дѣлѣ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты (13-го марта 1831 года).

Получивъ приказаніе очистить отъ мятежниковъ пространство, заключающееся между Бугомъ, Наревомъ и прусскою границею, генералъ-баронъ *Остенъ-Сакенъ* блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе. 17-го мая, съ 3,000 отрядомъ, имѣлъ сраженіе при Рейградѣ съ 20,000 корпусомъ *Гелгуда*; послѣ чего предпринялъ отступленіе отъ г. Ковно на защиту Литвы, преслѣдуемый войсками *Гелгуда* и сосредоточивая разсѣянные по августовскому воеводству наши отряды. 7-го іюня на панарскихъ высотахъ, подъ г. Вильной, *Остенъ-Сакенъ* былъ атакованъ многочисленнымъ корпусомъ *Гелгуда*, къ которому присоединились и всѣ бунтовщики Литвы. *Гелгудъ* былъ разбитъ и Вильна защищена. Дмитрій Ерофеевичъ получилъ за это дѣло лестный рескриптъ отъ Императора.

Принимая участіе въ штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій, *Остенъ-Сакенъ* былъ потомъ назначенъ въ отрядъ, преслѣдовавшій мятежниковъ до Прусской границы, и только въ декабрѣ возвратился въ предѣлы Россіи.

Въ октябрѣ 1833 года Дмитрій Ерофеевичъ назначенъ командующимъ своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ, че-

резъ два года командиромъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ октябрѣ 1843 года произведенъ въ генералы отъ кавалеріи.

Война 1849 года въ Венгріи снова вызвала генерала *Остенъ-Сакена* къ боевой дѣятельности, обратившей на себя вниманіе двухъ императоровъ: онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а отъ императора австрійскаго пожалованъ орденомъ Леопольда большаго креста.

Въ началѣ 1850 года онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, а въ слѣдующемъ году шефомъ Новомиргородскаго уланскаго полка.

Разстроенное здоровье заставило Дмитрія Ерофеевича просить объ увольненіи его въ отпускъ на одинъ годъ. По возвращеніи изъ отпуска, онъ былъ назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса.

Въ послѣднюю восточную войну дѣятельность *Остенъ-Сакена* началась въ Одессѣ. Мы не станемъ говорить о ней, такъ какъ читатели настоящихъ матеріаловъ хорошо знакомы съ этою дѣятельностію изъ статей о дѣйствіи непріятельскаго флота противъ Одессы [1]. Отсюда *Остенъ-Сакенъ* былъ назначенъ въ Севастополь командиромъ 4-го пѣхотнаго корпуса. По прибытіи къ мѣсту служенія, онъ вступилъ въ должность военнаго губернатора осажденнаго города. Хладнокровный, закаленный въ бояхъ, Дмитрій Ерофеевичъ не щадилъ ни своей жизни, ни трудовъ на пользу отечества. Своею безупречною дѣятельностію и храбростію онъ заслужилъ себѣ уваженіе всего гарнизона. За труды въ Севастополѣ, 10-го апрѣля 1855 года *Остенъ-Сакенъ* возведенъ съ нисходящимъ отъ него потомствомъ въ графское достоинство Россійской Имперіи.

Обѣдъ въ одесскомъ клубѣ, въ честь генерала отъ кавалеріи барона Д. Е. Остенъ-Сакена, 20-го апрѣля 1854 года.

Общество одесскаго клуба, считающее въ числѣ чле-

---

[1] См. выпускъ II „Матеріаловъ для исторіи крымской войны и обороны Севастополя“ стр. 35—143.

новъ своихъ многихъ изъ знаменитѣйшихъ чиновъ и граждапъ нашего города, въ чувствахъ глубокой, неизгладимой признательности къ подвигу барона Дмитрія Ерофеевича *Остенъ-Сакена*, въ тяжкіе для Одессы дни съ 9-го по 13-е апрѣля положило дать, въ честь его высокопревосходительства, публичный обѣдъ, какъ открытое выраженіе своихъ чувствъ къ его особѣ. Обѣдъ этотъ данъ былъ во вторникъ, 20-го апрѣля. Дирекція клуба употребила все, что только было въ ея силахъ, для того чтобъ сдѣлать обѣдъ этотъ сколь возможно роскошнѣе и великолѣпнѣе. Около ста двадцати особъ собралось на пиръ. Растенія и цвѣты тропическихъ странъ украшали входъ, окна и столы. Двойпой хоръ военной и хоръ итальянской, здѣшняго оркестра, музыки оглашали залы клуба во время обѣда. Но обѣдъ этотъ примѣчателенъ не внѣшнимъ убранствомъ и великолѣпіемъ: онъ важенъ значеніемъ своимъ, какъ по настоящимъ обстоятельствамъ Одессы и по своему поводу, такъ и по тѣмъ чувствамъ, которыя, съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ, господствуютъ теперь во всѣхъ классахъ Одессы, и полное сознательное выраженіе нашли для себя въ избраннѣйшихъ ея членахъ. Одесса тѣснѣйшими узами связывается теперь съ общей жизнію Россіи, получаетъ страницу въ русской исторіи, и окончательно усвaиваетъ себѣ характеръ не полу-иностраннаго, какимъ слыла она до сихъ поръ, но чисто-русскаго города. Одесса всегда кормила, можно сказать, хлѣбомъ своимъ западную Европу, особенно Францію и Англію. И хотя это дѣлалось чрезъ посредство иностранныхъ конторъ, водворенныхъ въ нашемъ городѣ, и на иностранныхъ судахъ, но вывозимый хлѣбъ росъ на русскихъ поляхъ, русскія руки сѣяли и жали его, русскіе мужички просѣвали, и на своихъ лошадкахъ и телѣгахъ радушно перевозили его на чужія суда. Теперь англо-французскій флотъ ополчился на насъ; 8-го апрѣля, грознымъ метеоромъ явился онъ на одесскомъ горизонтѣ, потомъ исполинскимъ шествіемъ, 9-го апрѣля, вступилъ на нашъ рейдъ, и, наконецъ, 10-го апрѣля послалъ свои пароходо-фрегаты и корабли громить наши батареи, посылая, чиненые порохомъ и картечью,

гостиницы и на городъ. Но Всевышній осѣнилъ Своею незримою десницею и правое дѣло, и городъ, который сами граждане считали до этого роковаго дня беззащитнымъ въ сравненіи съ такими силами: нашъ доблестный военачальникъ, баронъ *Остенъ-Сакенъ*, отразилъ враговъ, какъ того требовали честь и слава Россіи. Онъ далъ имъ знать, что крѣпокъ въ Россіи Домъ Пресвятыя Богородицы, что тверда у насъ вѣра въ Промыслъ Вышняго и любовь къ Помазаннику Божію, что мужество воинства нашего неодолимо. Нашъ полководецъ вплелъ и дубовые листья въ лавровый вѣнокъ свой. Онъ сдѣлалъ и другое великое дѣло: въ смутные дни, при содѣйствіи вновь-дарованныхъ нашему краю и городу начальниковъ, генералъ-адъютанта Н. Н. *Анненкова* и генералъ-лейтенанта П. И. *Крузенштерна*, онъ сохранилъ въ многолюдномъ и разноплеменномъ городѣ такой порядокъ и такую безопасность лицъ и собственности, какія бываютъ только въ самыя спокойныя времена.—Обѣдъ почтили своимъ присутствіемъ и мужи, которые содѣйствовали виновнику славныхъ дней Одессы въ его подвигѣ. Тутъ былъ и знаменитый архипастырь, который священнодѣйствовалъ, во всемъ величіи своего сана, съ твердостью духа и умиленіемъ въ сердцѣ, съ чувствомъ у Гроба Господня и съ мыслію у Престола Божія въ тѣ самыя минуты, когда защитники ислама, силясь предать въ его руки собратій своихъ по Христу, наносили новыя язвы Спасителю Міра, оскорбляя Его Святыню. Тутъ былъ и сановникъ, который волею Монарха поставленъ во главу управленія нашимъ краемъ въ настоящее, полное всеобще-историческаго значенія, время, который прибылъ къ намъ на разсвѣтѣ великаго для Одессы дня, 10-го апрѣля, и тутъ же принялъ самое живое и непосредственное участіе во всѣхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ этого дня. Были тутъ и новый Одесскій военный губернаторъ, и другіе сподвижники великаго дѣла. Первый тостъ за обѣдомъ провозглашенъ былъ за здравіе и долгоденствіе Государя Императора, Отца Отечества, и всей Августѣйшей Фамиліи. Единодушное, громкое и благоговѣйное ура! долго вторило этому тосту во всѣхъ концахъ Россіи и всег-

да полному живѣйшаго чувства. Затѣмъ предложенъ былъ тостъ за здоровье барона Дмитрія Ерофеевича. При этомъ старшина клуба, С. М. *Палицынъ*, въ краткихъ, но одушевленныхъ теплотою сердца, словахъ, выразилъ, отъ лица всѣхъ присутствовавшихъ, чувства глубокой признательности великому подвигу его высокопревосходительства въ достопамятную для города нашего пору, и воздалъ честь ему, вождю на полѣ брани, коего мечъ достоинъ славы русскаго оружія. Послѣ того пито было за здоровье храбрыхъ защитниковъ Одессы, подвизавшихся въ страстную субботу, 10-го апрѣля, за святое дѣло вѣры, Царя и Россіи, особенно за здоровье присутствовавшихъ на обѣдѣ, и въ числѣ ихъ за юнаго прапорщика [1] *Щеголева* [2]. Обѣдъ кончился въ шесть часовъ по-полудни.

Профессоръ К. Зеленецкій.

Отъѣздъ г-на генералъ-адъютанта *Остенъ-Сакена* изъ Одессы былъ поводомъ къ проявленію во всѣхъ сословіяхъ нашего города чувствъ искреннѣйшей признательности и привязанности къ его высокопревосходительству. Дни непріятельскаго, никѣмъ неожиданнаго, нападенія огромныхъ силъ англо-французскаго флота на нашъ мирный городъ, такъ мужественно встрѣченнаго и такъ блистательно отраженнаго барономъ *Остенъ-Сакеномъ*, неразрывно соединили имя его съ именемъ Одессы. Свѣтлая страница, прибавившаяся къ исторіи Одессы, сдѣлалась свѣтлою страницею и въ жизни барона *Остенъ-Сакена*: къ военнымъ подвигамъ, поставившимъ имя его, въ продолженіе пяти войнъ, на ряду съ самыми любимыми именами въ русской арміи, прибавился подвигъ военно-гражданскій, окруживmій имя это новымъ блескомъ въ глазахъ цѣлаго благодарнаго города, и, смѣемъ сказать, въ глазахъ всей благодарной Россіи, принявшей такое живое и всеобщее участіе въ тяжкомъ испытаніи, пронесшемся надъ Одессою.

[1] Нынѣ штабсъ-капитанъ.

[2] „Одесскій Вѣстникъ" 1854 г. № 43.

Барону *Остенъ-Сакену*, первому въ настоящую войну, пришлась достославная доля — словомъ и дѣломъ сказать: «нѣтъ», надменнымъ флотамъ запада на дерзкія ихъ требованія. Августѣйшій Монархъ, Отецъ Отечества, удостоилъ доблестнаго защитника Одессы высокою наградою, возвышенною еще тѣми царственными и достопамятными словами, при коихъ она была препровождена, и вслѣдъ за тѣмъ, по предстательству его же, осчастливилъ и нашъ городъ Всемилостивѣйшею грамотою; которая отнынѣ сдѣлалась драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ знаковъ царской милости, излиянныхъ на насъ. Одесса не могла не полюбить всею душею своего достойнаго военнаго начальника, не могла не предаться со всѣмъ довѣріемъ тому, кто защитилъ и сохранилъ ее и такъ много содѣйствовалъ къ обращенію на нее высокаго благоволенія Самодержца Россіи.

Государю Императору благоугодно было призвать г-на генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* на другое поприще, гдѣ можетъ расшириться кругъ его воинской дѣятельности, гдѣ можетъ быть необходимѣе долговременная его воинская опытность, мужество и стойкость. На другой же день, по полученіи о томъ извѣстія, всѣ высшіе военные и гражданскіе чиновники, градской глава и почетное купечество явились къ г-ну исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генералъ губернатора, и, вмѣстѣ съ его превосходительствомъ, отправились къ г-ну генералъ-адъютанту барону *Остенъ-Сакену*. Г-нъ генералъ-адъютантъ *Анненковъ*, въ словахъ полныхъ душевной теплоты, выразилъ его высокопревосходительству, отъ имени всѣхъ сопровождавшихъ его и всѣхъ жителей города, живѣйшую благодарность за мужественную защиту Одессы, за распоряженія, которыми во все время его начальствованія въ нашемъ краю вездѣ были сохранены примѣрный порядокъ и ненарушимое спокойствіе. Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ былъ видимо тронутъ этимъ нелицемѣрнымъ выраженіемъ чувствъ представителей всего города и отвѣчалъ нѣсколькими словами, излившимися отъ сердца, въ которыхъ онъ высказалъ свою любовь и привязанность къ городу Одессѣ.

Въ четвергъ, 7-го іюня, наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда г-на генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* къ арміи, высокопреосвященный *Иннокентій*, архіепископъ херсонскій и таврическій, совершилъ поутру, въ Михайловскомъ монастырѣ, напутственное молебствіе. Глубокоумилительныя молитвы церкви вознеслись ко Всевышнему изъ устъ архипастыря, съ сонмомъ духовенства, объ осѣненіи свыше пути военачальника-христіанина на новые бранные подвиги противъ враговъ Вѣры Христовой и ихъ союзниковъ. По окончаніи молебствія, высокопреосвященный архипастырь окропилъ барона *Остенъ-Сакена* святою водою и благословилъ его иконою Касперовскія Божіей Матери, при чемъ онъ, голосомъ полнымъ душевнаго волненія, произнесъ къ нему слѣдующія слова:

«Срѣтивъ васъ за полгода предъ симъ съ особенною радостію, можно ли было намъ разстаться съ вами теперь безъ особенной горести? Но Вы оставляете насъ, совершивъ здѣсь, при помощи Божіей, свое дѣло со всѣмъ возможнымъ успѣхомъ:—Вы идете теперь на пораженіе того же врага—тамъ, гдѣ это особенно нужно! Послѣ сего намъ остается только сказать отъ всей души: да будетъ благословенъ исходъ Вашъ отъ насъ, какъ былъ благословенъ входъ Вашъ къ намъ!...

«Мы увѣрены, что Вы не забудете Одессы. Тѣмъ паче Одесса не можетъ забыть того, кто самымъ Промысломъ Божіимъ данъ ей былъ въ вождя и защитника на время *лютаго* облежанія ея. А св. Церковь съ признательностію будетъ воспоминать въ молитвахъ своихъ того вождя, который, къ назиданію и радости всѣхъ жителей Одессы, постоянно являлъ въ себѣ прекрасный примѣръ военачальника-христіанина!

«Въ знакъ *николиже отпадающей* взаимной любви о Христѣ и въ залогъ будущихъ надъ Вами благословеній свыше, примите сіе изображеніе чудотворнаго лика Богоматери Касперовской, озарившаго чудесами всю страну нашу. Сему св. лику мы вмѣстѣ съ Вами поручали молитвенно градъ нашъ предъ наступленіемъ для него прошедшей опасности; ему же теперь, въ духѣ вѣры, поручаемъ

самихъ Васъ и будущіе подвиги Ваши противъ враговъ, въ твердой надеждѣ, что Взбранная Воевода подастъ намъ скоро возможность паки благодарственно воспѣть Ей — *побѣдительная*!» . . . . . .

Въ 2 часа по-полудни общество одесскаго клуба угостило г-на генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* и его свиту прощальнымъ обѣдомъ. Столъ накрытъ былъ на 80 кувертовъ. Живая бесѣда, при звукахъ театральнаго оркестра, одушевлялась воспоминаніями о блистательномъ эпизодѣ одесской жизни, прошедшемъ подъ управленіемъ барона Дмитрія Ерофеевича. Въ грусти предстоявшей разлуки съ нимъ, мы утѣшались надеждою на будущіе славные его подвиги, на поприщѣ, на которое вызываетъ его воля Монарха: порукою въ этой надеждѣ служитъ намъ вся прежняя боевая жизнь его, 1812 и 1813 годы, персидская, турецкая, польская и венгерская кампаніи: всюду онъ былъ въ переднихъ рядахъ, со шпагою въ рукѣ, съ молитвой на устахъ и въ сердцѣ, и отсюду вышелъ съ честью и невредимъ. Генералъ-адъютантъ *Анненковъ* предложилъ первый тостъ: «за здравіе Государя Императора!» Громкое, русское ура въ честь Самодержца Россіи, вполнѣ олицетворяющаго нынѣ въ Себѣ всю Россію, раздалось съ невыразимымъ одушевленіемъ въ обширныхъ залахъ клуба; оно прервалось народнымъ гимномъ: Боже Царя храни, и опять, съ новою, и новою силою, повторилось единогласно и единодушно всѣмъ обществомъ клуба и его гостями. Вслѣдъ за тѣмъ, его превосходительство провозгласилъ здоровье генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена*, сказавши, что онъ увѣренъ, что «вся Одесса, всѣмъ сердцемъ, всѣми чувствами и всею душею, вмѣстѣ съ нами желаетъ здоровья и благоденствія доблестному и храброму защитнику Одессы»: нужно ли говорить, что этотъ тостъ принятъ былъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ и съ громкимъ ура! Баронъ Дмитрій Ерофеевичъ предложилъ потомъ тосты: «за здоровье г-на генералъ-адъютанта *Анненкова*, достойнаго начальника нашего края, содѣйствовавшаго ему въ защитѣ города Одессы, котораго жители отличаются своимъ благочестіемъ, преданностью Престолу, покорностью

властямъ, мужествомъ и спокойствіемъ»—«за здоровье высокопреосвященнаго архіепископа *Иннокентія*, подававшаго въ тяжкое время испытанія для Одессы и подающаго всегда прекрасный примѣръ исполненія долга», и «за здоровье одесскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта *Крузенштерна*». Г. генералъ-адъютантъ *Анненковъ* предложилъ еще тостъ за здоровье достойной супруги барона Дмитрія Ерофеевича. Наконецъ одинъ изъ старшинъ клуба М. С. *Палицынъ*, произнесъ нѣсколько словъ, излившихся отъ души, въ честь барона *Остенъ-Сакена*. Припомнивъ, что недавно въ стѣнахъ того же клуба праздновали мы славный отпоръ, сдѣланный имъ непріятельскимъ флотомъ, онъ сказалъ, что въ этотъ разъ мы собрались съ чувствомъ грустнымъ, чтобъ проститься съ нимъ; но что грусть эта не превратится въ скорбь малодушную, въ убѣжденіи, что баронъ Дмитрій Ерофеевичъ, оставляетъ мирный нашъ городъ на попеченіе достойнаго своего товарища и призывается довѣріемъ Государя Императора на другое, болѣе славное и блистательное поприще; отъ имени всего общества онъ пожелалъ ему *добраго пути*, прибавивъ, что ему будутъ сопутствовать наши молитвы, наши желанія и сочувствіе, какъ залогъ новыхъ его подвиговъ на торжество нашего святаго дѣла. Громкое ура раздалось еще разъ, какъ отголосокъ этого общаго душевнаго желанія, и съ выраженіями этого «желанія добраго пути» проводили мы сановника-вождя, которому ввѣренъ, которымъ сохраненъ былъ нашъ городъ въ самое критическое время, и котораго имя останется навсегда неизгладимымъ въ сердцахъ жителей Одессы (1).

Въ Высочайшемъ указѣ, 10 іюня 1854 г., за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ правительствующему сенату, изображено: «Признавъ нужнымъ генералъ-адъютанта барона *Остенъ-Сакена* 1-го возвратить къ командованію 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, Мы предоставили генералъ-адъютанту *Анненкову*

---

(1) „Одессьій Вѣстникъ" 1854 г. № 67.

2-му, при исправленіи должности Новоросійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, пользоваться по Бессарабской области и части Херсонской губерніи, находящейся на правомъ берегу р. Буга, правами командира отдѣльнаго корпуса, на основаніи Устава для управленія арміями 5-го декабря 1846 года, пока означенныя губерніи и область состоять будутъ въ военномъ положеніи. Правительствующій сенатъ не оставитъ учинить распоряженіе о приведеніи сего въ исполненіе» (1).

Обѣдъ данный въ честь генерала отъ кавалеріи, генералъ-адъютанта графа Остенъ-Сакена, въ залѣ (Московскаго) благороднаго собранія, марта 4-го дня 1856 г.

Москвитяне, въ послѣднее время, чествовали славныхъ защитниковъ Севастополя, офицеровъ и матросовъ черноморскаго флота, составлявшихъ мужественный, геройскій гарнизонъ крѣпости.

Узнавъ на прошедшей недѣлѣ о проѣздѣ чрезъ Москву графа *Остенъ-Сакена*, бывшаго начальникомъ гарнизона въ продолженіе почти всей осады, многіе граждане, въ томъ числѣ его сослуживцы и знакомые, сочли своею обязанностью выразить ему также чувства своей признательности. Генералъ - адъютантъ *Шиповъ*, товарищъ графа *Остена-Сакена*, по званію генералъ-адъютанта и близкій къ нему по давней дружбѣ, принялъ на себя распоряженіе предположеннаго праздества. Московскіе сановники показали живое участіе. Въ два дня записалось около двухъ сотъ человѣкъ, и депутація отправилась къ заслуженному воину, просить, чтобы онъ удостоилъ посѣщенія устроенный въ честь его обѣдъ.

Въ первое воскресенье поста, къ четыремъ часамъ, собралось избранное московское общество, изъ всѣхъ сословій безъ различія, въ обширныя залы благороднаго собранія.

Столъ убранъ былъ великолѣпно цвѣтами, плодами и

(1) „Одесск. Вѣстн." 1854 г. № 73.

зеленью. Въ началѣ пятаго часа грянула полковая музыка и возвѣстила прибытіе честимаго гостя.

Генералъ-адъютантъ *Шиповъ* встрѣтилъ его въ первой гостиной, и ввелъ въ главную залу, гдѣ и представилъ участниковъ.

Въ срединѣ обѣда, когда наполнились шампанскимъ бокалы, старшій изъ участвовавшихъ, князь Сергій Михайловичъ *Голицынъ*, всталъ и провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего августѣйшаго дома.

Во всѣхъ концахъ залы раздалось громкое, живое ура, и не прерывалось до самаго окончанія знаменитой пѣсни. Музыка слышалась только въ краткихъ передышкахъ, за которыми клики вырывались громче и громче, не только въ залѣ, но и на хорахъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили, что эти клики на всякомъ новомъ обѣдѣ слышатся crescendo, такъ что музыка скоро окажется совершенно ненужною, и достаточно будетъ только услышать возлюбленное имя, чтобъ въ ту же минуту раздался громъ русскаго общаго сердечнаго чувства, во славу того, кого мы любимъ, на кого мы надѣемся, кому мы вѣримъ....

Второй тостъ предложилъ генералъ-адъютантъ *Шиповъ* слѣдующими словами: Мы, жители Москвы, почитатели заслугъ и достоинствъ графа *Остенъ-Сакена*, за особенную честь себѣ поставляемъ видѣть сегодня между нами доблестнаго мужа. За здоровье вождя, сколько храбраго, столько же и скромнаго!

Пишущій эти строки произнесъ рѣчь, которая имѣла счастіе встрѣтить самое живое сочувствіе. Не придавая ей никакой цѣны въ отношеніи искусства, какъ самому простому выраженію мыслей, принадлежащихъ всему обществу, онъ, въ качествѣ лѣтописателя, считаетъ своею обязанностью, въ исполненіе общаго требованія, отмѣтить, при пособіи свидѣтелей, мѣста, кои присутствовавшими признаны торжественно и громко за свои. Рукоплесканія, слѣдовательно, не принадлежали словамъ, а служили только всякому выраженіемъ его собственныхъ мыслей. Не рѣчь важна, а важна быль, важно дѣло!

«Московскіе граждане почли непремѣннымъ своимъ дол-

гомъ засвидѣтельствовать чувства глубокаго своего почтенія Вамъ, графъ, начальнику севастопольскаго гарнизона, покрывшаго себя блистательною славою въ продолженіе осады, безпримѣрной въ лѣтописяхъ военнаго искусства.

На прошедшей недѣлѣ мы привѣтствовали офицеровъ черноморскаго флота, славили ихъ храбрость, неустрашимость, отвагу.

Эти доблести для всѣхъ очевидны, но сокровенныя дѣйствія военачальниковъ остаются долго въ неизвѣстности ...

Позвольте намъ, графъ, воздавая вамъ честь, пропустить событія, которыхъ мы не знаемъ еще основательно. Позвольте намъ вспомнить теперь только тѣ подвиги изъ вашей долговременной службы, которые сдѣлались уже достояніемъ отечественной исторіи, которые мы всѣ здѣсь знаемъ.

Мы знаемъ, что, начавъ службу еще въ отрочествѣ, вы участвовали въ аустерлицкомъ сраженіи, сдѣлались вскорѣ адъютантомъ *Милорадовича*, и принимали, слѣдовательно, дѣятельное участіе во всѣхъ славныхъ сраженіяхъ 1812, 13 и 14 годовъ.

Мы знаемъ, что въ персидскую войну вы начальствовали всею кавалеріею.

Мы знаемъ, что въ турецкую войну вы были начальникомъ главнаго штаба у *Паскевича*, взошли прежде всѣхъ на стѣны Ахалциха, и содѣйствовали преимущественно взятію приступомъ Карса.

Мы знаемъ что въ польскую войну вы охранили Вильну, стянувъ съ особеннымъ искусствомъ разсѣянные отряды и разбивъ шедшаго противъ васъ многочисленнѣйшаго непріятеля.

Мы знаемъ, что въ продолженіе нынѣшней войны вы защитили Одессу.

Мы знаемъ, что волынскій, селенгинскій и камчатскій редуты были воздвигнуты и оборонены блистательно во время вашего военачальства.

Мы знаемъ наконецъ, что не было ни одного опаснаго

мѣста въ Севастополѣ, гдѣ бы вы не являлись, въ случаѣ нужды, съ вашими распоряженіями. (*Восклицанія*).

Вотъ что мы знаемъ о вашихъ подвигахъ въ военное время.

Мы знаемъ, что въ мирное время вы были строгимъ блюстителемъ необходимой въ войскахъ дисциплины; но ваши полки, дивизіи, корпуса, всегда были накормлены сыто (*восклицанія*), одѣты и обуты тепло (*восклицанія*), не изнурялись никакими излишними трудами, и всѣ люди находили себѣ всегда свободный доступъ и справедливое покровительство. (*Восклицанія*).

Мы знаемъ еще одно ваше достоинство, которое дѣлаетъ васъ особенно любезнымъ для насъ, жителей православной Москвы, достоинство, котораго для русскаго солдата не замѣнитъ никакая наука, никакая ученость, никакой умъ, никакія способности, достоинство, которое завѣщалъ своимъ примѣромъ всякому русскому военачальнику нашъ великій мастеръ «науки побѣждать»—*Суворовъ*. Я не смѣю назвать этого достоинства по имени, но будьте увѣрены, что у православныхъ московскихъ людей, которыхъ вы здѣсь видите, сердце забилось въ эту минуту сильнѣе, и почувствовало къ вамъ особенное влеченіе! (*Восклицанія*).

Вотъ что мы знаемъ, графъ, о вашихъ подвигахъ военныхъ и мирныхъ! Мм. гг. Довольно ли этого, чтобъ поднять высоко бокалъ и воскликнуть громко: честь, честь и благодарность соотечественниковъ графу *Остенъ-Сакену*»! (*Восклицанія*).

Графъ отвѣчалъ:

«Глубоко тронутый радушнымъ пріемомъ и сочувствіемъ Москвы, сердца Россіи, колыбели русской народности, я могу сильно чувствовать, но не съумѣю высказать живѣйшей моей признательности. Скажу только съ простодушіемъ закаленнаго въ бояхъ солдата, что это вниманіе, это сочувствіе даютъ мнѣ новыя силы къ добросовѣстному продолженію моего служенія. Да здравствуетъ и благоденствуетъ православный, истинно русскій Царь нашъ! Да здравствуетъ и благоденствуетъ благочестивая наша Россія, и да по-

гибнетъ ложь и все гнилое, ей приразившееся! Да здравствуетъ и благоденствуетъ Москва, и да сотрутся съ лица земли русской враги правды и безкорыстія!»

Третій тостъ посвященъ былъ севастопольскому гарнизону.

К. С. *Аксаковъ*, съ особеннымъ чувствомъ, сказалъ слѣдующую рѣчь, возбудившую многими мѣстами и ихъ выраженіемъ общее сочувствіе:

«Весьма понятно, что люди, знакомые съ боевыми подвигами, собрались, чтобъ выразить вамъ, графъ, свое глубокое уваженіе. Но между участниками этого обѣда есть люди, которымъ никогда не случалось видѣть боеваго поля, которые вовсе незнакомы съ военнымъ дѣломъ, съ военною наукою. Какое же право имѣютъ они цѣнить военные подвиги и привѣтствовать боеваго генерала, еще недавно испытаннаго, укрѣпленнаго и освѣженнаго дымомъ и громомъ сраженій? Почему присутствуютъ здѣсь люди вовсе не военные? Потому что во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, слѣдовательно въ дѣлѣ военномъ, есть нравственная сторона, есть внутренняя сила, которая доступна и понятна всякому человѣку, которую, чтобъ почувствовать и оцѣнить, достаточно быть человѣкомъ. Вотъ та сторона вашихъ подвиговъ, доблестный военачальникъ, которая доступна и не военнымъ людямъ, неимѣющимъ никакого знанія собственно военнаго дѣла. И сказать ли, что сторона, столь живо ощутительная во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, едва ли не существенная сторона всякаго дѣла. Недавно удалось мнѣ слышать выраженіе одного воина, закаленнаго въ севастопольскомъ огнѣ: «мало одного ума, мало одного знанія—надобно души подбавить. Какъ бы ни шло впередъ военное искусство, какія бы новыя изобрѣтенія ни совершались, но души они не замѣнятъ, ибо души не выдумать, ни изобрѣсти нельзя. *(Восклицанія)*.

Среди всѣхъ усовершенствованій и машинъ, среди новыхъ открытыхъ двигателей на землѣ, первымъ двигателемъ въ человѣчествѣ всегда останется духъ! *(Восклицанія)*.

Русскій народъ знаетъ, графъ, что вы глубоко чтите

то, что составляетъ основу всего бытія русскаго народа. Я разумѣю вѣру: вѣра связуетъ насъ неразрывно союзомъ братской любви съ отдаленными единовѣрцами-греками и единоплеменными славянскими народами. (*Восклицанія*). Въ вѣрѣ побѣда, въ вѣрѣ неодолимая сила. Она одна дастъ истинное мужество; въ этомъ мужествѣ уже нѣтъ кипѣнья крови, нѣтъ подстреканія самолюбія, а одно высокое безстрашіе, ибо страхъ Божій избавляетъ отъ всякаго страха! (*Взрывъ восклицаній*).

Эти мысли и слова внушаются присутствіемъ вашимъ, графъ. Государство чтитъ заслуги человѣка, возводя его по степенямъ государственныхъ почестей, украшая его внѣшними знаками отличія. Общество чтитъ человѣка добровольнымъ выраженіемъ своего внутренняго сочувствія и уваженія. Примите жь, русскій православный воевода, этотъ обѣдъ, какъ общественное выраженіе сочувствія и уваженія къ вамъ, какъ къ воину и какъ къ человѣку». (*Восклицанія*).

Послѣдній тостъ, или здравица посвящена была защитникамъ Одессы. С. П. *Шевыревъ* сказалъ:

«При словахъ: «за храбрыхъ защитниковъ Одессы!» по влеченію собственнаго чувства, неуполномоченный никѣмъ, я выхожу сказать вамъ мое привѣтствіе. Конечно, не мое дѣло цѣнить ваши воинскія доблести: намъ ли, мирнымъ труженикамъ науки, судить о нихъ?... Не они вызываютъ меня теперь на слово и влекутъ къ вамъ, а та добродѣтель, которая озаряетъ ихъ и служитъ имъ источникомъ. Я не усумнюсь назвать ее во всеуслышаніе, особливо въ недѣлю православія —это наше древнее русское благочестіе. Я не посягнулъ бы на вашу скромность, еслибъ эта добродѣтель въ васъ не принадлежала уже отечеству, и не связывалась съ тѣмъ великимъ историческимъ событіемъ, которое оживилось въ нашей памяти, когда вы подняли бокалъ «за храбрыхъ защитниковъ Одессы».

«Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя; противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія, болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы русскія будутъ, пока си-

лы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ русскомъ благочестіи».

По окончаніи рѣчи, раздались новыя восклицанія, долго неумолкавшія.

Предъ концемъ обѣда А. С. *Хомяковъ*. начавшій службу въ кирасирскомъ полку подъ начальствомъ графа *Остенъ-Сакена*, подошелъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько задушевныхъ словъ, выражавшихъ глубокое личное сочувствіе, или, говоря его словами, сочувствіе гордой любви.

Гости встали изъ за стола веселые, довольные, въ пріятномъ волненіи, радуясь, что случилось имъ сказать въ слухъ лежавшее на сердцѣ, и услаждаясь единодушными вѣрно-подданническими чувствами.... (1)

М. Погодинъ.

5-го марта 1856.

---

(1) Москвитянъ 1856 г. № 3.



ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ, АДМИРАЛЪ

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ НОВОСИЛЬСКІЙ.

ГЕНЕРАЛЪ-АДЬЮТАНТЪ, АДМИРАЛЪ

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ НОВОСИЛЬСКІЙ.

Ѳедоръ Михайловичъ *Новосильскій* принадлежитъ къ дворянамъ Тверской губерніи, родился въ 1808 году въ городѣ Твери, гдѣ служилъ его отецъ, человѣкъ весьма образованный. Въ 1819 году поступилъ въ морской корпусъ, выпущенъ оттуда въ 1823 году въ мичманы однимъ изъ первыхъ и назначенъ въ 8-ой экипажъ, находившійся въ Петербургѣ. По выходѣ изъ корпуса, мичманъ Новосильскій каждое лѣто былъ на разныхъ судахъ въ плаваніи по Балтійскому морю для практики, а въ 1828 году произведенъ въ лейтенанты. Когда началась война съ Турціею, *Новосильскій*, въ 1829 году, былъ переведенъ въ Черноморскій флотъ и назначенъ на бригъ «Меркурій», которымъ командовалъ знаменитый Казарскій.

Отряду, состоящему изъ фрегата «Штандартъ». бриговъ «Меркурій» и «Орфей», приказано было отправиться къ Константинопольскому проливу для открытія непріятельскаго флота, который, утромъ 14 мая, и былъ усмотрѣнъ вблизи пролива въ числѣ 18-ти судовъ. Наши крейсеры были тоже замѣчены, и непріятель пустился за ними въ погоню. Начальникъ отряда, командиръ фрегата «Штандартъ», приказалъ для избѣжанія отъ преслѣдованія непріятеля всѣмъ судамъ взять такіе курсы, при коихъ они имѣютъ наилучшій ходъ. «Меркурій», не отличавшійся быстротою хода, началъ значительно отставать отъ своихъ и замѣтно былъ

настигаемъ двумя лучшими ходоками Турецкаго флота, 110-ти пушечнымъ кораблемъ подъ флагомъ Капитана-Паши и 80-ти-пушечнымъ подъ адмиральскимъ флагомъ, такъ что въ исходѣ 2-го часа по полудни они находились отъ брига на полтора пушечныхъ выстрѣла. Видя совершенную невозможность избѣжать неравнаго боя, капитанъ лейтенантъ *Казарскій* собралъ всѣхъ офицеровъ на военный совѣтъ, на которомъ, по предварительному между собою согласію офицеровъ, младшій изъ всѣхъ, штурманскій офицеръ поручикъ *Прокофьевъ*, предложилъ защищаться до послѣдней крайности, и въ случаѣ невозможности дальнѣйшей обороны, свалиться съ которымъ либо непріятельскимъ кораблемъ, и тому изъ офицеровъ, который останется въ живыхъ, взорвать крють-камеру.

Рѣшеніе это было принято единогласно и для исполненія его заряженный пистолетъ, которымъ надлежало выстрѣлить въ крють-камеру, былъ положенъ на шпиль (подлѣ шпиля находился люкъ, ведущій чрезъ каютъ-компанію прямо въ крють-камеру)—команда узнала съ радостію о принятомъ рѣшеніи; всѣ приготовились умереть за честь русскаго флага.—Около трехъ часовъ по полудни, сто пушечный корабль, находясь по правую сторону брига, началъ спускаться и приблизился на такое разстояніе, что съ корабля закричали по русски: сдавайся и убирай паруса, на что съ брига отвѣтили залпомъ всѣхъ орудій праваго борта и ружейнымъ огнемъ. Въ это же время 80-ти пушечный корабль занялъ лѣвую сторону и сраженіе началось. Бой продолжался болѣе двухъ часовъ, отъ котораго бригъ потерпѣлъ значительныя поврежденія въ рангоутѣ и корпусѣ судна; въ послѣднемъ было нѣсколько подводныхъ пробоинъ, такъ что вода въ трюмѣ начала значительно прибывать. Непріятель тоже былъ не безъ потери. На сто пушечномъ кораблѣ перебиты ватеръ-штаги, отбитъ фокъ марса-рея; по бортамъ у обоихъ кораблей видны были пробоины. Въ 5 часовъ съ небольшимъ непріятель, видя, что бригъ не сдается, и, вѣроятно, разсчитывая, что курсъ во все время боя приближаетъ его къ Сизополю, откуда долженъ выйти нашъ флотъ, ибо «Штандартъ» и «Орфей», бу-

дучи на горизонтѣ впереди, безпрестанно палятъ изъ пушекъ давая тѣмъ знать нашему флоту, счелъ за нужное прекратить бой. Почему сто-пушечный корабль легъ въ дрейфъ, сдѣлалъ сигналъ, по которому весь турецкій флотъ, бывшій свидѣтелемъ сраженія, привелъ въ бейдевиндъ на правый галсъ, предоставивъ бригу безпрепятственно слѣдовать къ Сизополю. Такимъ образомъ окончилось это знаменитое сраженіе, въ которомъ, сверхъ ожиданія, бригъ понесъ въ людяхъ незначительныя потери. Убито нижнихъ чиновъ 4 человѣка и ранено 8; пробоинъ въ корпусѣ судна съ подводными 22, въ рангоутѣ 16. Разбиты гребныя суда и одна карронада. Государь Императоръ щедро изволилъ наградить всѣхъ сражавшихся на бригѣ. Новосильскій (командовавшій во время сраженія артиллеріею) получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта, св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, пожизненный пенсіонъ двойнаго оклада лейтенантскаго жалованья и въ фамильный гербъ пистолетъ.

Въ томъ же году капитанъ-лейтенантъ *Новосильскій*, находясь на фрегатахъ Поспѣшный и Флора, участвовалъ въ сраженіяхъ при занятіи крѣпостей Василико, Агатополя и Инады. Въ 1833 году, будучи старшимъ офицеромъ на кораблѣ «Императрица Екатерина», находился въ Константинопольскомъ проливѣ съ флотомъ нашимъ для вспомоществованія Оттоманской Портѣ противу египетскаго паши. Въ 1834 году назначенъ командиромъ брига «Меркурій», на коемъ участвовалъ въ сраженіяхъ противу горцевъ, при занятіи Пшады, Шапсуго, Туапсе, Соча и Новороссійской бухты, за что и награжденъ въ разное время орденами Св. Станислава и Св. Анны 2-й степени. Въ 1837 году, въ чинѣ капитана 2-го ранга, назначенъ командиромъ корабля «Три Святителя» и 32 экипажа; въ 1840 году произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Командуя кораблями, ежегодно находился въ плаваніи по Черному морю при перевозкѣ войскъ въ Одессу, обратно въ Севастополь и къ восточнымъ берегамъ Чернаго Моря; въ 1849 году произведенъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 4 флотс. дивизіи—въ этомъ званіи коман-

довалъ отрядами судовъ у восточнаго берега. Черноморскіе моряки щеголяли быстротою работъ на корабляхъ и «Три Святителя», подъ командою *Ѳ. М. Новосильскаго*, былъ въ этомъ отношеніи лучшимъ кораблемъ въ дивизіи. Но не мѣрами строгости, а скорѣе сердечною добротою дошолъ до этого Ѳедоръ Михайловичъ.

Тѣлесныя наказанія почти не употреблялись, а эта задача не легка при экипажѣ въ 1,000 чел. Офицеры и команда чрезвычайно какъ любили Ѳед. Мих. и бились изъ всѣхъ силъ, чтобы дѣлать такъ какъ ему хотѣлось— вотъ почему «Три Святителя» былъ первымъ въ дивизіи.

Громадный 120 пушечный корабль «Три Святителя» имѣлъ хорошія морскія качества; за то и Ѳед. Мих. изучившій эти качества управлялся съ кораблемъ, какъ съ маленькою яхтою. На рейдъ ли шелъ корабль, выходилъ ли изъ гавани или шелъ въ гавань —это дѣлалось не иначе какъ *подъ всѣми* парусами.

Въ 1853 году контръ адмиралъ *Новосильскій* назначенъ командиромъ 4 флотск. дивизіи и въ томъ же году, 18-го ноября, имѣя флагъ свой на кораблѣ «Парижъ», командовалъ лѣвой колонной кораблей при истребленіи турецкой эскадры при Синопѣ, за что Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степ. и произведенъ въ вице-адмиралы. Въ 1854 году при защитѣ Севастополя Ѳедоръ Михайловичъ командовалъ вторымъ отдѣленіемъ оборонительной линіи и находился постоянно на 4-мъ бастіонѣ. Здѣсь онъ оставался безотлучно до половины іюня мѣсяца. За безпримѣрные труды понесенные въ это время Ѳедоромъ Михайловичемъ и засвидѣтельствованные главнокомандующимъ княземъ *Меншиковымъ* (1) онъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й ст. Орденъ этотъ былъ полученъ адмираломъ при слѣдующемъ рескриптѣ Е. И. В.: Генералъ-адмирала: Ѳедоръ Михайловичъ! посы-

(1) Всеподданнѣйшій докладъ кн. Меншикова о заслугахъ Ѳ. М. Новосильскаго напечатанъ нами во второмъ выпускѣ настоящихъ матеріаловъ, см. Приложеніе стр. 89.

лаю адъютанта моего капитанъ-лейтенанта *Юшкова*, чтобы вручить вамъ Всемилостивѣйше пожалованные вамъ знаки ордена св. Владиміра первой степени и поздравить васъ отъ имени моего и всего Балтійскаго флота съ сею наградою, которая достойно ознаменовываетъ подвиги ваши при оборонѣ Севастополя. Мы, Балтійскіе товарищи ваши, съ уваженіемъ слѣдимъ за всѣми дѣйствіями Черноморцевъ и желали бы только сравняться съ ними въ доблести на пользу отечества.

Пребываю къ вамъ на всегда неизмѣнно доброжелательный.

На подлинномъ собственною рукою Его Высочества подписано

КОНСТАНТИНЪ.

25-го ноября 1854 года.

Впослѣдствіи за свои боевые труды Өедоръ Михайловичъ былъ награжденъ золотою саблею украшенною бриллiантами. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, послѣ кончины адмирала *Нахимова*, Өед. Мих. назначенъ командиромъ севастопольскаго порта. Въ сентябрѣ, по очищеніи южной стороны Севастополя назначенъ начальникомъ войскъ Николаевскаго гарнизона; 25-го октября того же года назначенъ главнымъ командиромъ Кронштадскаго порта и кронштадскимъ военнымъ губернаторомъ. За найденныя порядокъ и устройство въ портѣ неоднократно удостоивался Высочайшихъ благоволеній и наградъ. Такъ въ 1860 году *Ө. М. Новосильскому* пожалована табакерка съ портретомъ Его Императорскаго Величества, украшенная бриллiантами, а въ 1861 году онъ Всемилостивѣйше награжденъ 4000 десятинъ земли. Въ 1862 году командированъ на три мѣсяца за границу, по особому Высочайшему повелѣнію; въ 1863 году назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Въ томъ же году произведенъ въ адмиралы, а въ 1865 году, имѣя флагъ свой на кораблѣ «Императоръ Николай», командовалъ всѣми судами флота при встрѣчѣ тѣла въ бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича. Въ 1866 году, имѣя флагъ свой на томъ же кораблѣ, командовалъ всѣми

судами флота при торжественной встрѣчѣ Принцессы Дагмары—Высоконареченной невѣсты Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича; въ томъ же году пожалованъ королемъ датскимъ орденъ Данеброга 1 ст. со звѣздою. Въ 1866 году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ этомъ званіи неоднократно удостоивался Высочайшихъ особенныхъ благоволеній; въ 1870 году Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ алмазными украшеніями, при чемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ объявлено Высочайшее повелѣніе: въ воспоминаніе доблестныхъ заслугъ въ достопамятную эпоху геройской защиты Севастополя, ленту св. Владиміра 1 ст. продолжать носить сверхъ мундира.

—

АДМИРАЛЪ

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНФИЛОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Александръ Ивановичъ *Панфиловъ* родился въ С.-Петербургѣ, въ февралѣ 1808 года. Воспитываясь въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ произведенъ въ мичманы въ апрѣлѣ 1824 года.

1-го января 1830 г. мичманъ *Панфиловъ* произведенъ въ лейтенанты и назначенъ старшимъ офицеромъ на корветъ «Наваринъ», на которомъ онъ и служилъ въ теченіе двухъ лѣтъ, а за тѣмъ переведенъ тѣмъ же старшимъ офицеромъ на 52 пушечный фрегатъ «Паллада».

Въ 1834 году, по собственному желанію, А. И. *Панфиловъ* переведенъ въ черноморскій флотъ и, по пріѣздѣ въ Николаевъ, былъ назначенъ, адмираломъ *Лазаревымъ*, вооружить 120 пушечный корабль «Варшава», что и исполнилъ съ блестящимъ успѣхомъ.

Въ январѣ 1835 года Александръ Ивановичъ командовалъ уже тендеромъ «Лучъ», на которомъ плавалъ два съ половиною года, и, не прекращая кампаніи, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. За отличіе въ этихъ дѣлахъ онъ, въ октябрѣ 1838 года, произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, а еще раньше того, въ чинѣ лейтенанта, назначенъ былъ командиромъ брига «Ендиміонъ».

Въ слѣдующемъ 1839 году капитанъ-лейтенантъ *Панфиловъ* призванъ былъ къ иной дѣятельности: онъ назна-

ченъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ къ начальнику черноморской береговой линіи генералу *Раевскому*, для распоряженія кавказскими пароходами, транспортами и всей перевозкой при дессантахъ и военныхъ экспедиціяхъ на восточномъ берегу Чернаго моря. Здѣсь онъ участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, за что въ 1841 г. произведенъ за отличіе въ капитаны 2-го ранга; въ 1845 г. произведенъ за отличіе въ капитаны 1-го ранга, получилъ ордена св. Станислава 4-й, 3-й и 2-й ст. съ короною и св. Анны 2-й ст. Вообще же за трудную службу въ 1840 и 1841 гг. убавленъ годъ службы къ полученію ордена св. Георгія 4-й ст.

Въ 1844 и 1845 гг., подъ начальствомъ Александра Ивановича *Панфилова*, сдѣланы были двѣ ночныя высадки на черноморской береговой линіи, при чемъ сожжены три контрабандныя кочермы и взяты три орудія.

Обѣ высадки эти имѣли большое значеніе въ войнѣ нашей съ горцами, а смѣлость, съ которою онѣ произведены, обратили на себя особенное вниманіе, такъ что всѣ офицеры, бывшіе въ экспедиціи, получили награды; на 400 человѣкъ нижнихъ чиновъ выдано 40 георгіевскихъ крестовъ и пожаловано было всѣмъ урядникамъ по 10 р. сер., а нижнимъ чинамъ по три руб.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ Александръ Ивановичъ возвратился въ Севастополь и былъ назначенъ командиромъ корабля «Двѣнадцать Апостоловъ». Корабль этотъ считался однимъ изъ лучшихъ кораблей черноморскаго флота, такъ что когда въ 1850 г. прибылъ въ Севастополь Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, то Его помѣстили на этомъ кораблѣ. Пять сутокъ провелъ Его Высочество на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ».

Необыкновенный порядокъ, быстрота работъ, тишина при этомъ соблюдавшаяся, все это обратило вниманіе Великаго Князя и въ послѣдствіи много разъ вспоминалъ Онъ съ удовольствіемъ о томъ, что видѣлъ на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ».

Въ 1853 г. Александръ Ивановичъ произведенъ въ

контръ-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 4-й дивизіи. Принимая блистательное участіе въ синопскомъ сраженіи, Александръ Ивановичъ награжденъ за отличіе въ немъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. Тотчасъ послѣ знаменитаго боя, вице-адмиралы *Нахимовъ* и *Корниловъ* съ эскадрой участвовавшей въ сраженіи, отправились въ Севастополь, поручивъ контръ-адмиралу *Панфилову* исправить на синопскомъ рейдѣ сильно побитый адмиральскій корабль «Марія». По исправленіи этого корабля, Александръ Ивановичъ привелъ его на буксирѣ парохода «Крымъ» въ Севастополь, прежде прибытія эскадры адмирала *Нахимова*, за что получилъ по сигналу особенную благодарность адмирала *Нахимова*.

Въ 1853 г., послѣ синопскаго сраженія, Александръ Ивановичъ былъ отправленъ съ отрядомъ пароходовъ по черноморской береговой линіи для поддержанія сообщенія съ гарнизонами, находившимися въ укрѣпленіяхъ, расположенныхъ по берегу Чернаго моря. По возвращеніи изъ этой кампаніи, А. И. *Панфиловъ* былъ посланъ съ тѣмъ же отрядомъ пароходовъ для осмотра турецкихъ портовъ, по анатолійскому берегу расположенныхъ.

Въ мартѣ 1854 года отрядъ пароходовъ, подъ начальствомъ *Панфилова*, былъ отправленъ, для снятія гарнизоновъ и взрыва укрѣпленій черноморской береговой линіи. По возвращеніи изъ этой командировки и съ появленіемъ союзнаго флота въ виду Севастополя, А. И. *Панфиловъ* былъ нѣсколько разъ посылаемъ, съ отрядомъ своихъ пароходовъ, въ погоню за непріятельскими судами, и 3-го іюня имѣлъ дѣло съ 2-мя англійскими и однимъ французскимъ пароходами, гораздо превышающимъ числомъ, калибромъ орудій и силою машинъ. Такъ, изъ числа непріятельскихъ пароходовъ англійскій «Террибль» былъ въ 800 силъ, а остальные два по 450 силъ, всѣ съ крытыми батареями и на каждомъ по 22 орудія: наши же пароходы были всѣ съ открытыми батареями, съ малымъ числомъ орудій и малаго калибра. Драться съ непріятелемъ при такихъ условіяхъ было дѣло нелегкое, и Александръ Ивановичъ *Панфиловъ* былъ въ Севастополѣ единственнымъ

адмираломъ, которому поручались столь трудныя обязанности.

Во время осады Севастополя Александръ Ивановичъ въ продолженіе $9^1/_2$ мѣсяцевъ командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи. Во все это время онъ ни на одинъ день не отлучался съ линіи, хотя нѣсколько разъ былъ раненъ и контуженъ. Съ отдѣленія этого было сдѣлано 14-ть вылазокъ, и всѣ удачныя, которыя поддерживали бодрость войскъ на линіи. За столь неутомимую чисто боевую службу на бастіонахъ севастопольскихъ Александръ Ивановичъ, 20-го ноября 1854 г., получилъ орденъ св. Георгія 3 степ. (¹).

Принимая самое живое и энергическое участіе въ штурмѣ 6-го іюня, *Панфиловъ* получилъ за отбитіе его золотую саблю съ бриліантами. Послѣ смерти адмирала *Нахимова* онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанта графа *Остенъ-Сакена*, и начальникомъ всѣхъ моряковъ, хотя въ то же время было нѣсколько адмираловъ въ Севастополѣ старшихъ чиномъ и по службѣ, почему и произведенъ въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ начальникомъ 5-й дивизіи. За восемь съ половиною мѣсяцевъ безотлучной службы на третьемъ отдѣленіи оборонительной линіи Севастополя Александръ Ивановичъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степ.

27-го августа 1855 года, при оставленіи Севастополя, главнокомандующій князь *Горчаковъ 2-й* поручилъ вице-адмиралу *Панфилову* снимать войска съ корабельной стороны, и съ тремя послѣдними полками отступить только тогда, когда всѣ войска южной стороны перейдутъ на сѣверную сторону, и мостъ до половины будетъ разведенъ. Порученіе главнокомандующаго было исполнено въ точности и съ отличнымъ успѣхомъ, и Александръ Ивановичъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степ. съ короною и грамотою, въ ко-

---

(¹) Всеподданнѣйшій докладъ князя Меншикова о заслугахъ А. И. напечатанъ нами во второмъ выпускѣ настоящихъ матеріаловъ, см. приложеніе стр. 89.

торой сказано, что вице-адмиралъ *Панфиловъ* прслѣднимъ вышелъ изъ Севастополя.

Съ переходомъ на сѣверную сторону, вице-адмиралъ *Панфиловъ* назначенъ начальникомъ сѣверной стороны укрѣпленій, съ ихъ гарнизонами. Подъ его командою находились четыре пѣхотныхъ и двѣ морскихъ дивизіи съ четырьмя батареями полевой артиллеріи. Хотя генералы всей арміи и адмиралы черноморскаго флота были на лицо, но для командованія войсками на сѣверной сторонѣ города былъ избранъ главнокомандующимъ вице-адмиралъ *Панфиловъ*. Надо было видѣть, что было послѣ перехода на сѣверную сторону: по всей дорогѣ лежали тѣла убитыхъ, принесенные съ южной стороны больные и раненые; лазареты были переполнены, войска размѣщены тѣсно, и во все это непріятель билъ ядрами и бомбами. Надобно было употребить много усилій, чтобы убрать больныхъ, мертвыхъ, запасы сухарей, соли, провіанта и сѣна, которое то и дѣло загоралось отъ разрыва бомбъ.

Въ сентябрѣ все было убрано и на сѣверной сторонѣ поставлено до 1,000 орудій.

Въ началѣ октября потребовали моряковъ въ Николаевъ. — Оставивъ два экипажа на сѣверной сторонѣ Севастополя, А. П. *Панфиловъ*, по требованію, отправился самъ туда-же для представленія Государю Императору. Въ Николаевѣ въ началѣ ноября онъ назначенъ начальникомъ гарнизона, а въ январѣ 1856 г., по отъѣздѣ вице-адмирала *Метлина*, принялъ должность начальника морской части и военнаго губернатора. Скученіе въ одномъ пунктѣ значительнаго числа войскъ, недостатокъ удобнаго помѣщенія и осеннее время были причиною значительной смертности въ войскахъ, въ особенности среди ополченія.—Изъ 20 т. человѣкъ ратниковъ, расположенныхъ въ городѣ Николаевѣ и его окрестностяхъ, умирало до 3,500 челов. въ мѣсяцъ. Смертность развилась особенно въ сильной степени въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ 1856 года.

Съ первой минуты назначенія военнымъ губернаторомъ Николаева и завѣдывающимъ морскою частію, адмиралъ *Панфиловъ* озаботился положеніемъ больныхъ, между ко-

торыми, по недостатку и тѣснотѣ помѣщенія, смертность, какъ мы уже сказали, доходила до 3.500 челов. въ мѣсяцъ.

Тотчасъ же канатный заводъ превратился во временной госпиталь, гдѣ помѣщено было до 4 т. человѣкъ больныхъ; устроили при немъ наскоро изъ двойной парусины баню и церковь. Помѣщеніе въ другихъ лазаретахъ стало свободнѣе.

Смертность уменьшилась, но между ратниками, жившими внѣ города, въ землянкахъ, свирѣпствовали сильныя болѣзни.

Адмиралъ взялъ 20 челов. ратниковъ въ домъ, гдѣ жилъ самъ; 15-ть человѣкъ велѣлъ взять начальнику штаба, а за тѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній и не принимая никакихъ отговорокъ, размѣстилъ между обывателями всѣхъ ратниковъ до послѣдняго человѣка.

Благотворные результаты этихъ благоразумныхъ и человѣколюбивыхъ мѣръ оказались, можно сказать, съ первой минуты: число смертныхъ случаевъ, а равно и заболѣвшихъ быстро уменьшилось.

За то, при выступленіи ратниковъ, много задушевныхъ словъ искренней благодарности было высказано адмиралу, оставившему въ 1856 году Николаевъ по случаю назначенія его главнымъ командиромъ и военнымъ губернаторомъ города Свеаборга.

Впослѣдствіи, за упраздненіемъ въ 1858 году Свеаборгскаго порта, вице-адмиралъ *Панфиловъ* назначенъ 17-го апрѣля 1858 г. въ адмиралтействъ-совѣтъ, гдѣ имѣлъ порученіе составить проектъ Балтійскаго порта. За исполненіе этого порученія онъ удостоился получить изустную благодарность Государя Императора. Потомъ имѣлъ порученіе составить проектъ Виндавскаго порта, что было приведено къ окончанію, но самый проэктъ не приведенъ въ исполненіе.—Произведенный въ полные адмиралы, Александръ Ивановичъ *Панфиловъ* состоитъ нынѣ членомъ адмиралтействъ-совѣта и продолжаетъ болѣе чѣмъ шестидесяти трехъ-лѣтнюю полезную службу Государю и Отечеству.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

АЛФАВИТЪ СУХОПУТНЫХЪ ВОЙСКЪ.

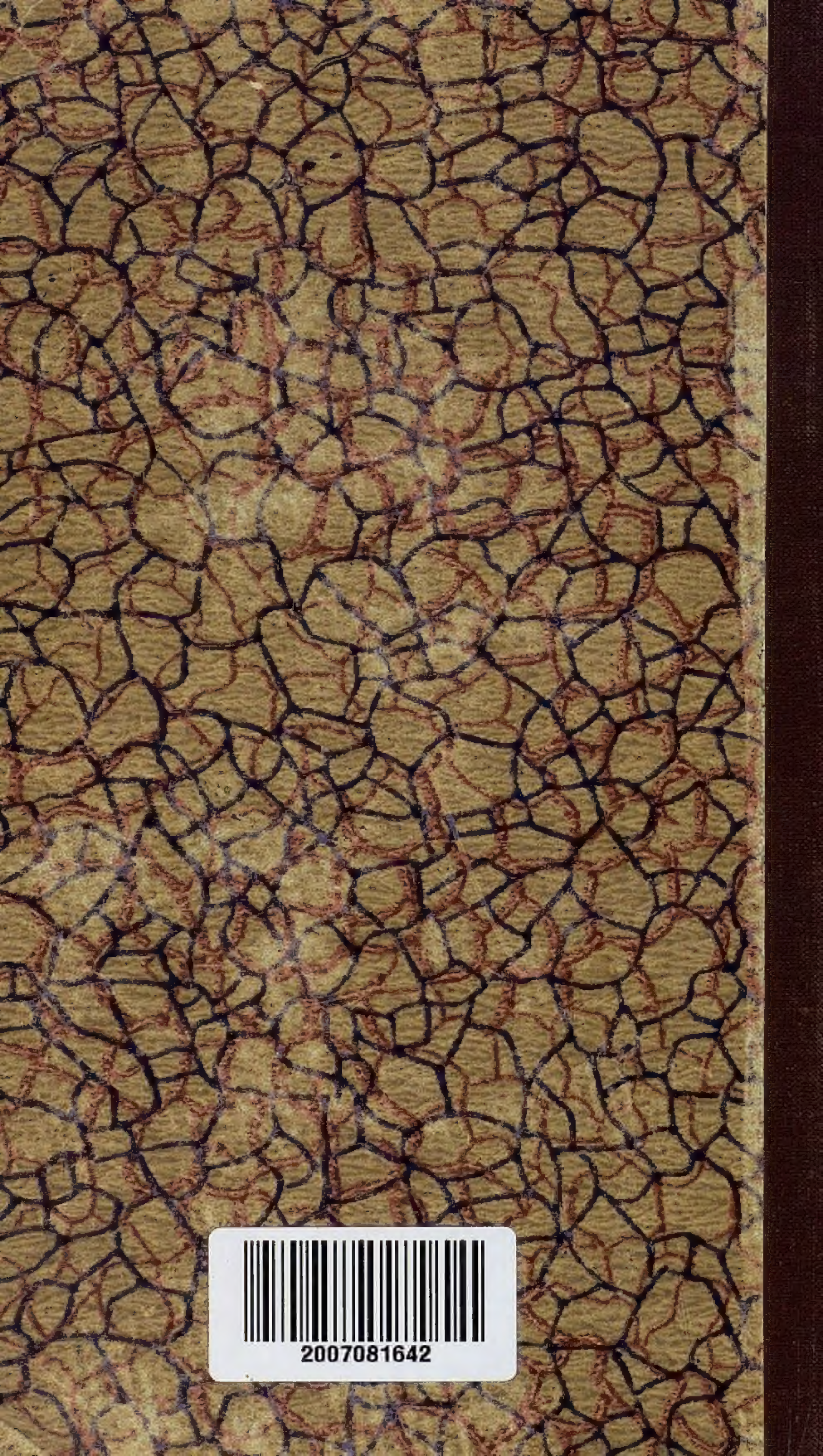
АЛФАВИТЪ СУДОВЪ.

АЛФАВИТЪ СЕВАСТОПОЛЬСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ.



ОПЕЧАТКИ.

стран.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ быть.*
21	13 снизу	и за тѣмъ	и за тѣмъ.
110	4 „	начинналась	начиналась.
118	7 „	искренно	искренно.
138	16 сверху	тишина	тишина (1).
140	12, 15 снизу	Афифъ бею	Асрифъ бею.
217	1 сверху	церкви	церкви
265	2 „	палубями	палубами
372	14 „	Марсень	Марсель
376	16	Альбатусъ	Альбатрусъ
378	5 снизу	Гигорлеръ	Гигфлеръ.
384	13 сверху	Ксенъ	Квинъ.
451	3 „	Качой	Качей.


2007081642